Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ЮНОСТЬ

РОМАНЪ

XXVI *).

Въ ритмичномъ однообразіи бѣгутъ дни и ночи, и нечѣмъ отличать ихъ другъ отъ друга. „Кипяточекъ", обѣдъ, прогулка, опять „кипяточекъ", желтый огонекъ лампы, повѣрка и гробовая тишина пропитанной какой-то нервною напряженностью тюремной ночи... Словно оторвалось время отъ своей безконечной протяженности и разорвало твою жизнь пополамъ... Позади—ярко, прекрасно, красочно и пестро, а теперь и впереди—тихая звучная пустота. Никакихъ извѣстій не долетаетъ изъ живого міра, словно онъ прекратилъ свое существованіе. Всѣ забыли, всѣ!.. Хотя скорѣе бы начались допросы... Ни книгъ, ни писемъ, ни бумаги; никто не отвѣчаетъ на „выстукиваніе"... Эта проклятая башня похожа на каменный склепъ. Съ нетерпѣніемъ ждешь бани и всенощной. Въ банѣ моешься вдвоемъ съ тюремнымъ стражникомъ, но совершенно позабываешь о тюрьмѣ: въ огромной деревянной банѣ мы оба голые и потому происходитъ полное уравненіе въ нашихъ положеніяхъ; мы тихо и дружно разговариваемъ о деревнѣ, о родныхъ, о мужикахъ и горожанахъ, помогаемъ другъ другу потереть спину, шутимъ и смѣемся:

— Коли раздѣнешь людей, такъ всѣ одинаковы... Который стражникъ, а который политическій—разбери-ка поди!..

— Не разберешь... А только промежду васъ мало толстыхъ и старыхъ...

*) См. май, стр. 3.

Постепенно становимся откровеннѣе, переходимъ къ недозволеннымъ разговорамъ. Стражникъ озирается и говоритъ шопотомъ, грозитъ пальцемъ... Да, ничѣмъ не запрешь человѣческой мысли... Не придумали еще такихъ замковъ!..

Послѣ бани чувствуешь себя снова бодрымъ и снова способнымъ терпѣливо нести тоску одиночества. А передъ праздниками хожу въ тюремную церковь послушать, какъ подъ кандальный звонъ поютъ уголовные арестанты. Для политическихъ въ церкви есть особыя клѣтки: ничего не видно, только—слышно. Кротко звучитъ подъ сводами старческій тенорокъ священника, съ какимъ-то изступленіемъ поютъ арестанты воззванія къ Господу, и вздохи перемѣшиваются съ бряцаніемъ ножныхъ кандаловъ... Море человѣческаго страданія гудитъ своимъ прибоемъ въ этомъ пѣніи и Распятый Страдалецъ воскресаетъ въ памяти и въ сердцѣ...

Вотъ уже три недѣли, какъ я въ тюрьмѣ. Эти три недѣли кажутся тремя годами—и тремя часами: послѣдній день на волѣ кажется безконечно далекимъ, а протяженность тюремнаго пребыванія прячется подъ однообразіемъ дней, которыхъ нечѣмъ различать. Понятіе о времени становится туманнымъ. Иногда забываешь, какой день и какой часъ. Все больше твоя жизнь становится механической. Когда ночью спишь съ раскрытой форткой, бываетъ слышно, какъ на городской башнѣ бьютъ часы: съ поразительной быстротой колокола выбиваютъ часъ за часомъ. И когда вспомнишь, что съ каждымъ боемъ колоколовъ обрывается новый часъ твоей жизни, то вдругъ дѣлается страшно: вѣдь изъ такихъ кусковъ состоятъ дни, недѣли, мѣсяцы, годы... Начинаешь думать о смерти, потомъ вскакиваешь и начинаешь бѣгать по камерѣ. Хочется закричать:

— Отдайте мнѣ мою жизнь! Вы не имѣете права сокращать ее. Отдайте мнѣ эти украденные у меня часы, дни! Вѣдь въ нихъ, въ каждомъ изъ нихъ—кусокъ моей радости, счастья, юности!..

Но оглядишься вокругъ и печально ухмыльнешься: круглыя глухія стѣны никому ничего не скажутъ...

Послѣ прогулокъ—хуже: словно разбередишь тоску любви и тоску по волѣ. Забыла, забыла... Я хотѣлъ бы пристально посмотрѣть въ твои глаза и молча прочитать въ нихъ свой приговоръ. Можетъ быть, еслибы я былъ на волѣ, я смогъ бы снова разбудить твое измѣнчивое сердце, какъ это я сдѣлалъ уже однажды. Но я безсиленъ, а твоя любовь убѣгаетъ все дальше, съ каждымъ часомъ дальше... О, проклятіе... вамъ, круглыя

желтыя стѣны!.. Когда-нибудь я разобью васъ своимъ лбомъ и освобожу душу, оставивъ одинъ трупъ... Пусть онъ валяется въ башнѣ и своимъ смрадомъ кричитъ о свободѣ...

Однажды послѣ прогулки, когда я былъ въ такомъ настроеніи, дверь камеры растворилась и вошелъ надзиратель:

— Получите письма!..

Письма! Мнѣ письма! Цѣлыхъ восемь писемъ!.. Какое счастье!.. Я схватилъ письма и, какъ собака съ костью, отошелъ въ уголъ и сталъ ждать, когда смолкнетъ звонъ ключей. Письма. Отъ кого? Это—почеркъ мамы, а это... ...отъ Зои, отъ Зои!.. Ура, меня не забыли!.. Сперва — отъ Зои: шесть открытокъ... „Въ губернскую тюрьму, политическому арестанту Геннадію Николаевичу Тарханову“. „Милый, родной мой, люблю и тоскую. Твоя З.“

— Какъ я счастливъ! Какъ я счастливъ! И какъ я люблю тебя...

Я смотрѣлъ на письмо, перечеркнутое со всѣхъ сторонъ желтыми полосками испытующей тайны писемъ жидкости, нѣжно поцѣловалъ его и не могъ наглядѣться на слова и буквы, ожившія и говорящія мнѣ много тайнаго, о чемъ не откроютъ вамъ никакія ухищренія...

„Милый, родной, любимый!.. Сегодня ходила въ жандармское просить свиданія. Не даютъ, голубчикъ. Обѣщаютъ послѣ допроса. Теряю терпѣніе. Будь здоровъ! Терпи! Помни, что ты не одинъ и, гдѣ бы ты ни былъ, съ тобой—друзья и твоя З.“

Хлынула въ душу такая радость, такая безпредѣльная благодарность жизни, всему міру, всѣмъ людямъ-друзьямъ, что не стало силъ сдержать благостныхъ слезъ, и я, повалившись въ постель, уткнулся въ подушку лицомъ и долго всхлипывалъ и глоталъ слезы радости... Какой я счастливый!..

„Здоровъ ли ты, мой хорошій? Страшно безпокоюсь. Сегодня ночью видѣла скверный сонъ и, проснувшись, долго плакала. Когда же меня пустятъ къ тебѣ! Цѣлую и благословляю. Если можно, напиши, что помнишь и... Твоя“.

„Люблю и помню. Сегодня ходила жаловаться къ губернатору. Обѣщалъ поговорить по телефону съ полковникомъ. Скоро увидимся. Напиши хотя два слова. Вся твоя З.“

„Что же это такое?.. (три строчки вымараны цензурой жандармскаго правленія) Развѣ невѣста не такъ же близка тебѣ, какъ мать? Ее — пустятъ, а меня не хотятъ. Сейчасъ ѣду къ губернатору. Цѣлую тысячу разъ. Твоя навсегда З.“

„Родной мой! (вычеркнуто пять строкъ) Подаю жалобу ми-

нистру внутреннихъ дѣлъ. Разбранилась съ товарищемъ прокурора и съ полковникомъ. Если не получу разрѣшенія на свиданіе, поѣду въ Петербургъ. Не можетъ быть, чтобы былъ такой законъ. Люблю всѣми силами души. З.“

Какая она... энергичная и упрямая! И какъ дѣятельна ея любовь! Почему же всѣ письма пришли разомъ? Когда они написаны? Разсматриваю почтовые штемпеля: продержали и измазали... читали и, конечно, посмѣивались...

Я злобно сжалъ кулаки и сталъ бѣгать по кругу... Только бы выйти, только бы выйти на волю!.. Значитъ, и мои письма только сегодня получены Зоей... Напрасно я упрекалъ ее въ забывчивости... Вмѣсто радости ей—опять огорченіе... Какая свинья ты, Геннадій Николаевичъ, неблагодарная свинья!.. И кислятина: просидѣлъ три недѣли и раскисъ. Стыдись, братецъ, вспомни судьбу Сони!.. Ни одного упрека, ни одной слезинки даже въ такой моментъ, когда она писала послѣднее въ жизни письмо...

— Святая... Прости мое малодушіе!..

Что пишетъ мама?..

„Милый сынъ Геннадій! Я живу здѣсь уже вторую недѣлю и жду, когда мнѣ позволятъ съ тобой увидаться. Измучилась, бѣгая по разнымъ канцеляріямъ, устала, хвораю. Не жалѣете вы своихъ родителей! Вчера внесла въ контору тюрьмы двадцать рублей на твое содержаніе. Питайся хорошенько. Какъ только позволятъ, приду, а пока остаюсь любящая тебя мать“...

„Милый сынъ Геннадій! Сегодня встрѣтилась у полковника съ какой-то дѣвицей, называющей себя твоей невѣстою. Подтвердить полковнику, что это—твоя невѣста, не рѣшилась, потому что впервые вижу эту особу...“ Не дочиталъ. Почувствовалъ въ матери врага и громко заговорилъ, ходя по камерѣ:

— Это—не особа, а дѣвушка, которую я люблю, которая... да, дороже тебя мнѣ! Поняла? Какъ ты смѣла... Какое тебѣ дѣло... Оставь меня!.. „Особа“!.. Какъ это грубо... „Питайся хорошенько“... У васъ на первомъ планѣ—брюхо, а съ душой вы не любите стѣсняться... Такъ знай же, что если будетъ поставленъ вопросъ о свиданіи съ которой-нибудь одной изъ васъ—я выберу „эту особу“... Вѣдь и ты была когда-то такой особой. Забыла... Эгоисты, вы требуете монополіи на любовь дѣтей, а сами...

— Пожалуйте на допросъ!

— Наконецъ-то!.. Какъ манны небесной жду я этого допроса...

— Потрудитесь одѣться: допросъ въ жандармскомъ правленіи, а не въ конторѣ.

— Тѣмъ лучше... Прокачусь по городу...

Допросъ! Допросъ! Вѣдь это значитъ, что скоро я увижу Зою, получу право имѣть книги, перо и бумагу, буду знать, въ чемъ меня обвиняютъ и чего можно ждать въ будущемъ. Съ этимъ допросомъ связанъ переломъ въ моей жизни. Да здравствуетъ допросъ!

— Я къ вашимъ услугамъ.

Въ конторѣ жандармъ принялъ меня подъ росписку въ разносной книгѣ и повелъ къ воротамъ. Впервые послѣ того какъ они затворились за мной, ворота раскрылись. Возликовала душа, всколыхнулась и, какъ птица изъ клѣтки, полетѣла съ радостнымъ пѣніемъ на свободу. Было сверкающее морозное утро, тихое такое, бѣлое утро; телеграфныя проволоки казались мохнатыми отъ иглистаго инея, деревья стояли въ бѣлыхъ кружевахъ; подъ лошадиными мордами болтались бѣлыя бороды; снѣгъ подъ полозьями пріятно поскрипывалъ; надъ бѣлыми крышами домовъ клубился кажущійся черезъ солнце розоватымъ дымъ.

— Солнце на лѣто, зима на морозъ—сказалъ извозчикъ, похлопывая рукавицами, и мы поѣхали. Глаза, привыкшіе къ мраку и стѣнамъ, привольно убѣгали въ длинныя перспективы улицъ, жадно пили яркій свѣтъ и торопливо перескакивали съ предмета на предметъ, а грудь широко раскрывалась и съ жадностью вбирала глубокимъ дыханіемъ свѣжій морозный воздухъ; дрожала какая-то радость во всемъ тѣлѣ и хотѣлось ѣхать безконечно долго. Иногда взоръ ловилъ торопливо шагавшихъ по тротуарамъ студентовъ, учащихся дѣвушекъ—тогда испуганно вздрагивало сердце и начинало стукать въ вискахъ: не Зоя ли спѣшитъ къ губернатору, добиваясь свиданія со мной? не знакомый ли товарищъ бѣжитъ на лекціи? Вотъ еслибы Зоя!.. Закричалъ бы, не выдержалъ...

— Тархановъ! Цѣлую!..

Кто это?.. Игнатовичъ... Радостно кивнулъ головой, а Игнатовичъ стала махать муфтой.

— Не оглядывайтесь! Нельзя.

Вотъ неожиданная встрѣча! Не люблю Игнатовичъ, а страшно радъ этой случайности. Увидитъ Зою и первымъ дѣломъ разскажетъ, что видѣла меня. Зоя будетъ завидовать и разспрашивать о всѣхъ подробностяхъ нашей встрѣчи. Отъ этого мы почувствуемъ себя хотя немного поближе другъ къ другу. Что она крикнула? „Цѣлую!..“ На какомъ, однако, основаніи? Ну,

да Богъ съ ней! Какъ смѣшно она махала муфтой: бѣжитъ и машетъ муфтой. Вѣдь въ сущности она недурная дѣвушка, хорошій товарищъ, даже красива. Касьяновъ безнадежно томится по ней. А вотъ я... не выношу, а она ко мнѣ тяготѣетъ. И тоже безнадежно. Какъ все это странно складывается!

— Тпру!..

Поднялъ голову—„Фотографія“...

— Почему „Фотографія“?

— Стало быть надо. Пожалуйте!..

А, вотъ въ чемъ дѣло: привезли снимать политическаго преступника. Иду впереди жандарма и горжусь своимъ положеніемъ: вотъ и я попаду въ галлерею портретовъ, которые будутъ потомъ запрещенными. Кто-нибудь потомъ будетъ разсматривать мой портретъ и сочувственно говорить:

— Это Тархановъ... Какое симпатичное, умное и грустное лицо!..

Войдя въ фотографію, я прежде всего подошелъ къ зеркалу. Давно уже я не видалъ своего лица и теперь съ радостью и любопытствомъ встрѣтилъ его въ зеркалѣ: поблѣднѣлъ, выросли длинные волосы, въ глазахъ—тѣнь грусти и страданія. Интересное лицо, интеллигентное, напоминаетъ писателя.

— Ну-съ, можно! У меня все готово,—сказалъ съ виноватой улыбкой молодой фотографъ, приглашая жестомъ руки въ ателье. Я пошелъ за фотографомъ, а жандармъ за мной. Еще разъ мелькомъ взглянулъ въ зеркало, поправилъ волосы и, скрестивъ на груди руки, какъ молодой Чернышевскій, всталъ предъ аппаратомъ.

— Руки надо по швамъ—неувѣренно замѣтилъ жандармъ.

— Я не солдатъ!—огрызнулся я, не измѣняя позы.

Трижды меня снималъ фотографъ—и ни разу я не согласился убрать руки съ груди. Попросилъ сдѣлать полдюжины въ свое распоряженіе для родныхъ.

— Мы не имѣемъ права безъ разрѣшенія...

— А я самъ имѣю право дѣлать это съ собственной физіономіей?

— Безъ полковника нельзя—сердито сказалъ жандармъ.

— Отлично, я поговорю съ полковникомъ.

Изъ фотографіи меня повезли въ жандармское правленіе на допросъ. На улицахъ стало люднѣе. Прохожіе, кто со страхомъ, кто съ сочувствіемъ, провожали наши санки, иногда въ изумленіи останавливались и качали головой. А мнѣ это было очень пріятно, не знаю—почему. Пріѣхали.

Канцелярія. Пишущіе въ молчаніи жандармскіе унтеры. Тишина, шопотъ, осторожное звяканье шпоръ и скрипъ стальныхъ перьевъ. Изъ закрытой двери вышелъ унтеръ на ципочкахъ и поманилъ меня пальцемъ. Вхожу въ большую комнату. За большимъ столомъ, накрытымъ зеленымъ сукномъ, сидятъ: полковникъ, ротмистръ и прокуроръ.

— Присаживайтесь!..

Сѣлъ, исподлобья посматриваю на враговъ и дѣлаю спокойно-невинное лицо. Полковникъ пошептался съ ротмистромъ и тотъ началъ спрашивать, сколько лѣтъ, какого званія, привлекался ли раньше по политическимъ дѣламъ и т. д. Когда спросилъ, холостъ или женатъ, я серьезно отвѣтилъ:

— Пока холостъ, но скоро женюсь.

— Это къ дѣлу не относится.

— Да, къ дѣлу не относится, но ко мнѣ очень относится. Я прошу васъ, г. прокуроръ, занести въ протоколъ, что у меня отобрали портретъ моей невѣсты и что отказываютъ въ свиданіи съ ней.

— И это къ дѣлу не относится.

Начался перекрестный допросъ. Знакомъ ли съ Николаемъ Ивановичемъ, давно ли состою въ партіи народовольцевъ, знакомъ ли съ какимъ-то „Кудрявымъ“...

— Съ Николаемъ Ивановичемъ не могъ быть незнакомъ: онъ—сынъ моей квартирной хозяйки. Въ партіи счелъ бы за честь состоять, но, къ сожалѣнію, не состоялъ; никакого „Кудряваго“ или лысаго не видалъ и не знаю...

— Гдѣ были въ ночь ареста?

— Гулялъ съ невѣстой.

— Гдѣ взяли „Письма“ Миртова?

— Купилъ на толкучкѣ въ бумажномъ хламѣ.

— Гдѣ именно?

— У какого-то татарина-старьевщика. Прочитать не успѣлъ.

— Предупреждаю, что сознаніе облегчаетъ участь преступника...

— Но вы объясните, въ чемъ мое преступленіе; я этого еще не знаю.

— У насъ есть указанія, что вы занимались пропагандой среди студентовъ.

— Ваше счастье, но у меня-то ихъ нѣтъ!

— Посмотрите внимательнѣе: не узнаете ли вы вотъ этого господина!

Подали фотографическую карточку кудряваго парня, по виду рабочаго.

— Впервые имѣю удовольствіе видѣть.

— А если я вамъ скажу, что это лицо призналось въ знакомствѣ съ вами?

— Значитъ кто-нибудь изъ васъ: вы, г. полковникъ, или это лицо, сказали ложь...

— Я попрошу васъ быть поделикатнѣе!—замѣтилъ прокуроръ.

— Ну, извратили истину.

Полковникъ остановилъ на мнѣ тяжелый, продолжительный взглядъ. Я отвѣтилъ тѣмъ же. Не сморгнулъ глазомъ. Я видѣлъ, что кромѣ „Писемъ“ Миртова и подозрѣній у нихъ ничего не имѣется, и потому воспрянулъ духомъ и сталъ храбръ и дерзокъ. Особенно меня обрадовала ложь относительно этого „Кудряваго“, котораго я дѣйствительно никогда въ жизни не видалъ... А затѣмъ ни слова о нелегальной библіотекѣ, о наворованномъ шрифтѣ, о членахъ нашего кружка... Ура! Я—въ полной безопасности. Ротмистръ пишетъ протоколъ, а прокуроръ о чемъ-то тихо совѣщается въ отдаленіи съ полковникомъ. Видно, что прокуроръ раздражается. Это тоже прекрасный признакъ.

— А-а... Такъ вы, г. Тархановъ, не желаете показать, что получили этотъ гектографированный экземпляръ „Писемъ“ Миртова отъ сына вашей хозяйки? — спросилъ издали полковникъ..

— Я, г. полковникъ, не могу клеветать на людей. Я вамъ повторяю, что купилъ ихъ на рынкѣ и самъ отвѣчаю за свою любознательность. За это удовольствіе я уже мѣсяцъ сижу въ башнѣ. Не было бы обидно, еслибы хотя успѣлъ прочитать....

— Не совѣтую, молодой человѣкъ. Прекрасно, если вы говорите правду...

И полковникъ началъ отеческое внушеніе: онъ говорилъ о престарѣлой матери, о гибельныхъ и лживыхъ увлеченіяхъ молодежи, о строгихъ карахъ и бѣдствіяхъ въ будущемъ. Я сдѣлалъ кроткій видъ и тихо прошепталъ:

— Ко мнѣ это не относится... Не понимаю вашего сожалѣнія...

— Вы вотъ собираетесь, молодой человѣкъ, жениться безъ согласія матушки. Я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ вашей невѣстой. Дай Богъ, чтобы вашъ выборъ былъ удаченъ, но скажу одно: эта дѣвушка дерзка и...

— Г. полковникъ!.. Это къ дѣлу не относится.

Полковникъ разсмѣялся, прокуроръ — тоже. Я сейчасъ же этимъ воспользовался.

— Я прошу о свиданіи съ невѣстой и матерью, о разрѣшеніи имѣть книги, бумагу, чернила...

— Полу́чите... А свиданье я могу вамъ дать... Ммм... Воскресенье въ двѣнадцать дня.

— Благодарю васъ...

— Потрудитесь подписать протоколъ допроса.

Я перечиталъ протоколъ и трясущейся отъ радости рукой подписался и капнулъ чернилами.

— Виноватъ!..

Стоящій поблизости унтеръ схватилъ листъ и слизнулъ кляксу.

— Теперь можете...

— Домой?..

— Нѣ-ѣ-тъ-съ... Пока еще въ заключеній. Не имѣете претензій на помѣщеніе?

— Нельзя ли перевести изъ башни!..

— Это я могу для васъ сдѣлать теперь же... Эхъ, молодежь, молодежь!..

Я слегка поклонился и пошелъ за жандармомъ, не чуя подъ собой ногъ отъ счастливаго исхода такъ долго ожидаемаго мной допроса... А когда ѣхалъ въ тюрьму, то потихоньку посмѣивался въ приподнятый воротникъ и говорилъ мысленно:

— Не на дурака напали, г. полковникъ!..

Въ тюрьму я вошелъ на этотъ разъ безъ всякой тоски и озлобленія. А когда проходилъ по корридору въ башню, то весело бунчалъ:

— Трамъ-та-та, та-рарамъ...

XXVII.

Воскресенье! Воскресенье!.. Не скоро еще воскресенье: сегодня только вторникъ... Еще осталось цѣлыхъ пять дней... Какъ дадутъ свиданье: сперва съ мамой, потомъ съ Зоей, или съ обѣими вмѣстѣ? Лучше бы врозь: мама будетъ стѣснять насъ. Хочется смотрѣть на Зою и ласкаться съ ней глазами, слушать ея голосъ и перемолвиться о томъ, какъ намъ быть въ будущемъ. Для мамы она только „особа“, а для меня—все...

Теперь я жилъ только ожиданіемъ. Дни тянулись безконечно долго. Хотѣлось бы ихъ просто вычеркнуть изъ своей жизни. Ложился спать я съ мыслью: „слава Богу, еще день прошелъ!“— а просыпался съ тоской новаго ожиданія. Старался спать какъ можно больше, но какъ нарочно сонъ убѣгалъ отъ меня, и я

валялся въ полузабытьѣ, и ночь была особенна тяжела, потому что въ тишинѣ ея я оставался съ глазу на глазъ со своимъ ожиданіемъ. Меня перевели изъ башни въ обыкновенную камеру, и теперь, едва наступали сумерки, со всѣхъ сторонъ начинались глухія нервныя постукиванья переговаривающихся заключенныхъ. Казалось, что стукаютъ не люди, а какая-то внутренняя сила въ камнѣ стѣнъ. Иногда эти постукиванья, похожія на работающій телеграфный аппаратъ, рождались гдѣ-то очень близко: подъ подушкой или подъ кроватью. Раньше я жаждалъ этихъ разговоровъ съ помощью стуковъ, но теперь они мучили меня: мнѣ хотѣлось думать только о Зоѣ и о предстоящемъ свиданіи съ ней, а тутъ со всѣхъ сторонъ мѣшали. Прямо пытка какая-то. Кто-то въ сосѣдней камерѣ стучалъ прямо мнѣ въ ухо, стучалъ съ требовательной и раздраженной настойчивостью.

— Ту-ту, ту!.. Ту-ту, ту!.. Ту-ту-ту!.. тртртрт... Ту!

Богъ его знаетъ, кто онъ такой. Не хочу. Убирайся! И я сердито отлягивался ногой въ стѣну. На третій день послѣ прогулки, когда я прилегъ подремать и надъ ухомъ снова застукалъ камень стѣны, я сталъ считать... Что такое? Кажется — мое имя! Постучалъ, слушаю и считаю стуки, въ умѣ перевожу ихъ на буквы: „К-а-с-я-н-о-в-ъ“... Ужъ не Касьяновъ ли? Неужели онъ!

— К-т-о-т-ы?.. К-т-о-т-ы?..

Я выстукалъ свою тайную кличку и перепугался: а вдругъ рядомъ шпіонъ! И стѣна радостно застучала:

— Г-е-н-к-а, Г-е-н-к-а...

— К-т-о-т-ы?

— К-а-с-я-н-о-в-ъ.

— В-а-с-ь-к-а?

— Д-а.

— К-о-г-д-а?

— Н-о-ч.

— Н-а-ш-л-и?

— Н-т.

Вотъ такъ исторія! Близко ходятъ около нашей нелегальной библіотеки, а найти не могутъ. Опасность, однако, близко...

— З-а-ч-т-о?

— О-б-ы-с-к-ъ, н-а-ш-л-и х-и-т-р-у-ю м-е-х-а-н-и-к-у.

— С-к-о-л-к-о?

— О-д-и-н.

Дуракъ, держитъ по ночамъ у себя въ квартирѣ „Хитрую механику“!.. Постукалъ еще, узналъ кое-какія новости и попро-

силъ больше не стукать: загремѣлъ засовъ двери, кто-то входилъ въ камеру.

— Если будете перестукиваться, пожалуюсь полковнику и не получите завтра свиданія...

— Я? перестукиваюсь? Съ чего это вы взяли?.. Да я не умѣю и перестукиваться-то!..

— Что же, сама стѣна стучитъ?

Лучше пока воздержаться: ждалъ-ждалъ, почти дождался и вдругъ не дадутъ. Эхъ, опять стучитъ Касьяновъ...

— М-о-л-ч-и, о-п-а-с-н-о.

Суббота... Завтра, завтра... Послѣдній день моихъ мученій!.. Онъ былъ бы длиннѣе всѣхъ предыдущихъ, еслибы не было бани и всенощной...

— Въ баню желаете?

— Да, да... Конечно!

— Собирайтесь!

— Сію минуту...

Э, да сегодня таетъ. Ласковый денекъ! Весной пахнетъ. На карнизахъ башенъ огромныя ледяныя сосульки роняютъ тяжелыя капли. На тюремной крышѣ каркаетъ ворона. Тропа къ банѣ сыроватая. Мокрый воздухъ. Захотѣлось поговорить съ вороной: махнулъ ей шапкой, она полетѣла и закаркала:

— Карл-карлъ-карлъ!

Хорошо! Возьми меня, ворона, съ собой полетать надъ Зоинымъ домомъ!

Въ банѣ мылся медленно, лѣниво, стараясь протянуть побольше времени. Говорить съ стражникомъ не хотѣлось. Бултыхался въ водѣ, потихоньку мурлыкалъ и взбивалъ въ шайкѣ пузыристую мыльную пѣну.

— Масляная на дворѣ...

— Что ты говоришь?..

— Блины скоро, а тамъ постъ...

— Да, а тамъ—Пасха! Христосъ воскресъ!.. Политическій вѣдь Онъ былъ...

— А вы полно... грѣхъ такъ-то...

— А какъ же!

Началъ объяснять. Стражникъ покачивалъ головой и вздыхалъ:

— Такъ-то оно такъ, а всетаки...

— А за что Его распяли,—знаешь?..

— Жиды Его...

— Свой народъ.

Заспорили. Стражникъ разсердился.

— Ну, мойтесь, мойтесь, а то и нечего... Одѣвайтесь! Не наше дѣло...

Не хотѣлось ѣсть, оставилъ обѣдъ нетронутымъ. На прогулкѣ все смотрѣлъ, какъ падаютъ съ сосулекъ водяные шарики, и какъ воробьи дерутся на сырой голой березѣ, какимъ-то образомъ попавшей на тюремный дворикъ, гдѣ прогуливались политическіе. Шуба на плечахъ казалась сегодня тяжелой, ходилъ на распашку, часто смотрѣлъ въ небо и жадно глоталъ влажный воздухъ. До всенощной томился, словно умирающій. За всенощной пришелъ въ умиленіе, молился Богу, вѣрилъ въ Него, просилъ не открывать нелегальной библіотеки и благодарилъ за скорое свиданіе съ Зоей. А ночью... ночью метался въ постели, какъ больной въ жару, и не находилъ удобнаго положенія. Вставалъ, ходилъ, пилъ воду, и, раскрывъ фортку, прислушивался, какъ гдѣ-то безпокойно лаяли собаки, и смотрѣлъ на одинокую звѣзду, синеватымъ огонькомъ смотрѣвшую съ синихъ небесъ ко мнѣ въ камеру... Разговаривалъ съ ней о Зоѣ:

— Быть можетъ, и Зоя теперь смотритъ на тебя... А если она спитъ уже, загляни къ ней въ окно и тайно разбуди сердце и шепни о томъ, какъ тоскуетъ ея милый...

Захотѣлось писать стихи. Подошелъ къ стѣнѣ и сталъ царапать спичкой:

Надо мной склонилась русая головка
И коса упала ко мнѣ на плечо...
Въ полутьмѣ сверкнула глазками плутовка
И поцѣловала крѣпко, горячо...

— Тукъ-т-т-т-тукъ!..

Не спитъ Касьяновъ, мѣшаетъ писать стихи. Чего еще тебѣ надо:

— Тукъ!

— Н-е-с-п-и-ш?

— Д-а.

— Ч-т-о д-е-л-а-е-ш?

— Х-о-ж-у.

— Я т-о-ж-е...

Ахъ, какъ мучительно долга эта послѣдняя ночь передъ свиданіемъ!..

...Словно кто-то подтолкнулъ въ сердце: раскрылъ глаза и вспомнилъ: сегодня—свиданіе...

— Зоя, Зоя, Зоя!.. Бѣлая дѣвушка съ золотыми тяжелыми косами!

Началъ готовиться къ встрѣчѣ: тщательно умылся, надѣлъ лучшую одежду, вмѣсто зеркала посмотрѣлся въ рефлекторъ жестяной лампочки, покрутилъ усики. Уже все готово, а до свиданія остается еще больше трехъ часовъ. Не стоятъ ли мои часы? Нѣтъ, идутъ. Ходилъ по камерѣ и въ тактъ шагу потихоньку подпѣвалъ:

„Вотъ нейдетъ,
Да вотъ придетъ!“

Кружилась голова отъ безпрерывнаго круговращенія. Я бросался въ постель и, сжимая руками подушку, шепталъ:

— Скоро ли!

Часы раскрыты. То и дѣло смотрю на нихъ и сержусь: совсѣмъ не двигаются, проклятые. Лучше не смотрѣть. Идутъ... Отпираютъ камеру...

— Пожалуйте на свиданіе!..

Вскочилъ и задохнулся отъ волненія и радости...

— Погодите!.. Выпью воды...

— Шапку-то захватите!..

— Ахъ, да... шапку... Отлично! Вотъ... Гдѣ же она, шапка?.. Экое наказаніе!..

— Вонъ она, на кровати!..

— Кто пришелъ?

— Не могу знать.

— Старая или молодая?

— Намъ неизвѣстно...

Бѣгу по длиннымъ корридорамъ, стражникъ едва поспѣваетъ за мной. Словно лечу: замираетъ духъ и щекочетъ подъ сердцемъ, не могу сдерживать смѣха...

— А вы, господинъ, не бѣгите... Этого не полагается... Направо, направо!—

Вотъ и контора. Незамѣтно перекрестился и вошелъ въ будку, похожую на телефонный чуланчикъ. Проволочная рѣшетка. Черезъ нее видна женщина въ черномъ и жандармскій ротмистръ...

— Мама!

Мама вздрогнула и озирается: не понимаетъ, откуда раздался мой окрикъ.

Ротмистръ показалъ ей на стулъ, около рѣшетки, и она торопливо приблизилась.

— Мама!..

— Геня, Геня!.. Что ты надѣлалъ!..

Мать опустила голову и заплакала. Я смотрѣлъ на мать, и мнѣ самому хотѣлось плакать: бѣдная старушка похудѣла, со-

старилась еще больше и никакъ не пойметъ, что я не простой арестантъ, не обыкновенный преступникъ, и что мать должна не плакать, а гордиться такимъ сыномъ. Какъ ей это растолкуешь?..

— Мама! Не плачь!.. Ничего скверная я не сдѣлалъ... Давай лучше поговоримъ, а то не успѣемъ: свиданіе очень коротенькое...

— Что теперь съ тобой будетъ?!. Господи, помоги перенести это!.. Я...

Путаясь въ словахъ и глотая слезы, мама стала разсказывать мнѣ о своемъ разговорѣ съ полковникомъ и просить меня во всемъ сознаться чистосердечно.

— Полковникъ сказалъ, что тогда сейчасъ же выпустятъ...

— Не вѣрь! Не въ чемъ мнѣ сознаваться.

— Тебя хозяйскій сынъ смутилъ... Знаю я... Ты увлекаешься, а другіе этимъ воспользовались...

— Мама, не стоитъ объ этомъ говорить. Я здоровъ и веселъ, ничего не боюсь и прошу тебя не волноваться. Ничего у меня не нашли и вообще...

Подошелъ ротмистръ и замѣтилъ:

— Разговаривать о дѣлѣ нельзя, мадамъ. Говорите о частныхъ дѣлахъ...

— Я говорю со словъ полковника...

— Не надо, мама!.. Не ищи тамъ друзей... Скажи, понравилась тебѣ моя невѣста?.. Придетъ она сегодня сюда?..

— Я не знаю, Геня, какая невѣста... Видѣла разъ у полковника дѣвушку...

— Ну вотъ она и есть!.. съ золотыми косами!...

— А полковникъ мнѣ говорилъ, что была еще другая и тоже назвалась твоей невѣстой и просила свиданія...

— Какъ другая? Кто? Откуда?..

— Какая-то Вѣра... Вѣра... а фамилію забыла...

— Что за чепуха! Какая Вѣра?.. Неужели Игнатовичъ?

— Вотъ, вотъ!.. Она. И полковникъ ни одной не разрѣшилъ... не повѣрилъ обѣимъ дѣвицамъ...

— Никогда Вѣра Игнатовичъ моей невѣстой не была и не будетъ... Вретъ!

— Я, Геня, не знаю... Да и стоитъ ли теперь думать о женитьбѣ, когда еще Богъ знаетъ, что будетъ впереди. И молодъ ты, и въ тюрьмѣ...

— Ну, это, мама, мое дѣло...

— Разсудительная дѣвушка не пойдетъ за тебя, а...

— Мама, оставимъ!.. Повторяю, что у меня есть невѣста, зовутъ ее Зоей Сергѣевной. Прекрасная дѣвушка. Какъ только я выйду на волю, мы сейчасъ же повѣнчаемся...

— Подождалъ бы, подумалъ...

— И ждалъ, и думалъ... Вообще это дѣло рѣшенное и нечего... Я попрошу тебя сходить въ жандармское и заявить, что моя невѣста... Г. ротмистръ! Прошу передать полковнику, что я прошу о свиданіи съ первой дѣвушкой...

— Потрудитесь написать оффиціальное прошеніе на имя прокурора.

— Прекрасно!

— А какъ же съ книгами, бумагой, чернилами?..

— Разрѣшено. Можете выписать черезъ контору тюрьмы.

— Прекрасно! Когда меня привезли въ тюрьму, у меня отобрали портретъ моей невѣсты. Могу я взять его въ свою камеру?

— Нельзя: онъ пріобщенъ къ дѣлу.

— Будетъ еще допросъ?

— Неизвѣстно. Смотря по ходу слѣдствія.... Кажется, есть новыя данныя...

— Не вѣрю.

— А въ такомъ случаѣ прошу меня не спрашивать. Извините, мадамъ, свиданіе кончилось...

— Неужели, г. офицеръ?.. Вѣдь я больше полгода не видала сына!..

— Это все равно...

— Не проси, мама!.. Зря унижаешься.

— Я тебѣ купила кое-что изъ бѣлья... Сухарей и мыла... Марокъ купила...

— Пора, мадамъ!..

— Сейчасъ, сейчасъ... Кормятъ-то плохо?.. Худой ты какой!.. Ахъ, Господи!

— Хлопочи, мама, чтобы кто-нибудь взялъ меня на поруки... Прощай!.. Не безпокойся!..

— Пожалуйте!..

Я махнулъ матери шапкой и вышелъ изъ чулана. Такъ кончилось мое мучительное ожиданіе перваго свиданія...

Пришелъ и ткнулся въ постель... Тоска, тоска, тоска...

Принесли что-то. Коробка. Конфекты. Отъ кого? Мама или... Перебираю конфекты, внимательно разсматриваю ихъ... Нѣсколько конфектъ развернуто, бумажки брошены тутъ же, въ коробку... Взялъ заливной орѣхъ на бумажной формочкѣ...

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

— Зоя, Зоя, милая невѣста!..

На днѣ формочки выдавлено булавкой: „твоя З.“... Милыя конфекты! Необыкновенныя конфекты!.. Единственныя на свѣтѣ!.. Родныя!.. Я взялъ заливной орѣхъ и долго смотрѣлъ на него: этотъ орѣхъ былъ въ рукахъ Зои... Чтобы написать: „твоя З.“, надо было вынуть орѣхъ... Я тебя, орѣхъ, не съѣмъ! Живи со мной въ одинокой камерѣ, помогай мнѣ ждать Зою и постоянно смотри на меня съ полочки, куда я тебя поставлю...

— Тукъ, ту-ту, тукъ-ту-ту!..

Погоди, Касьяновъ, некогда...

— Тукъ!

— Н-а-с в-ы-д-а-л-и, б-ы-л н-а д-о-п-р-о-с-е.

— Постой, постой!.. К-т-о?

— Н-е-з-н-а-ю.

— Н-а-ш-л-и?

— Г-о-в-о-р-я-т, н-а-ш-л-и.

— В-р-у-т, л-о-в-я-т, в-с-е о-т-р-и-ц-а-й.

— О-т-р-и-ц-а-ю.

— К-т-о с-и-д-и-т р-я-д-о-м?

— В-е-р-а, И-г-н-а-т-о-в-и-ч.

— К-о-г-д-а в-з-я-л-и?

— С-е-г-о-д-н-я, н-о-ч.

Вѣра взята!.. Какъ такъ?.. Эхъ, бабье!.. А что же съ Зоей... Неужели...

— Тукъ-ту-ту, тукъ-ту-ту!

— Тукъ!

— С-п-р-о-с-и В-е-р-у п-р-о З-о-ю.

— О-н-а т-о-ж-е а-р-е-с-т.

Зоя арестована, Зоя!.. Она сидитъ съ нами!.. Гдѣ она сидитъ?.. Милая!.. Что же случилось тамъ, на волѣ?.. Какъ же конфекты?.. Не было ли чего-нибудь въ конфектахъ? Не написала ли по неопытности чего-нибудь лишняго? Ахъ, Зоя, Зоя!.. И ты—политическая арестантка... Теперь не скоро увидимся... И жалко Зою, и радостно, что мы оба подъ одними сводами тюрьмы... Словно кто-то еще крѣпче связалъ наши жизни и наши души...

Какъ только сгустились сумерки, началъ безъ умолку перестукиваться съ Касьяновымъ и черезъ него съ Вѣрой Игнатовичъ. Обѣихъ арестовали сегодня ночью. Ничего не нашли, кромѣ пузырька съ гектографскими чернилами. Сказали, что купили для мѣтки бѣлья. Не удалось узнать, въ какомъ номерѣ сидитъ Зоя. Вѣра обѣщала узнать и постучать... Медленно выясняется

дѣло: есть буквы, для которыхъ приходится стукнуть девять разъ, а когда говоришь съ Вѣрой черезъ Касьянова, то теряешь всякое терпѣніе... Что сдѣлала Зоя при обыскѣ? Оскорбленіе? Какое? Кому?

— Н-а-з-в-а-л-а н-а-х-а-л-о-м и т-о-л-к-н-у-л-а.

— К-о-г-о?

— Ж-а-н-д-а-р-м-с-к-а-г-о п-о-л-к-о-в.

Она не дастъ себя въ обиду. Очевидно, полковникъ началъ давать рукамъ волю... Я бѣшено бѣгалъ по камерѣ и сжималъ кулаки.

— Только бы узнать, въ чемъ дѣло!.. Папаша какой!.. Погоди!..

Всю ночь стукали, устали, перестали понимать другъ друга и, обезсилѣвъ отъ нервнаго напряженія, замолчали... Во снѣ приходила Зоя: наклонилась надъ изголовьемъ, уронила косу на подушку и шепчетъ:

— Я здѣсь, съ тобой!.. Никому не говори... Люблю тебя!..

XXVIII.

Вотъ уже три мѣсяца, какъ я въ тюрьмѣ. Съ того дня, какъ я узналъ, что и Зоя пребываетъ подъ кровомъ того же мрачнаго зданія, удивительное успокоеніе снизошло въ мою душу. Бѣдная мама, обивши всѣ пороги у властей предержащихъ и ничего не добившись, уѣхала и ждать мнѣ стало некого. Никто не придетъ, да никого мнѣ, откровенно говоря, и не надо. Зоя со мной, есть книги, перо, бумага; хорошо и спокойно. Дѣло, видимо, затянулось: на допросахъ спрашиваютъ о нелегальной библіотекѣ, о гектографѣ, о шрифтѣ, но совершенно ясно, что ни библіотеки, ни шрифта они не нашли, а только знаютъ, что они существуютъ. Держатъ въ тюрьмѣ съ цѣлью поморить и кого-нибудь смутить и побудить сознаться и указать, гдѣ спрятаны вещи. Такъ и начинаютъ всегда допросъ:

— Ну-съ, вы имѣли много времени подумать. Не пожелаете ли теперь сознаться и указать, гдѣ сокрыты шрифтъ и книги?..

— Я вамъ уже сказалъ все, что имѣлъ сказать... Никакой библіотеки и никакого шрифта не видалъ и ничего о нихъ не знаю. Вы имѣли тоже достаточно времени, чтобы убѣдиться, что все это—измышленіе вашихъ агентовъ...

— Такъ не желаете показать?

— Не могу, ибо ничего не знаю...

— Увезите!...

Все-таки пріятная прогулка по городу, развлеченіе и отдыхъ отъ однообразія тюремной жизни. Допросы мы всѣ очень любимъ: они даютъ новую пищу для нашихъ разговоровъ черезъ стѣнку и догадокъ о томъ, насколько поднялись или опустились наши акціи. Допросъ, баня и всенощная попрежнему вносятъ оживленіе въ мою жизнь и разбиваютъ ее на правильные интервалы, помогающіе времени бѣжать впередъ...

Уже привыкъ къ тюрьмѣ и къ тюремной жизни и ея особенностямъ. Иногда даже чувствую какую-то странную симпатію къ этимъ мрачнымъ каменнымъ стѣнамъ и башнямъ. Завелись пріятели среди стражниковъ и среди уголовныхъ арестантовъ. Есть съ кѣмъ поболтать въ сумеркахъ и есть о чемъ подумать. Въ одиночествѣ мысль работаетъ быстро, жадно, остро: книги прямо глотаешь одну за другой, дѣлаешь выписки, набрасываешь свои замѣтки. Иногда является желаніе писать стихи или повѣсти... Разрѣшили купить получше лампу и завести маленькое зеркальце, зубочистку и чернильницу. На столѣ уже виденъ нѣкоторый комфортъ и прочная осѣдлость. Изъ допросовъ видно, что власти имѣютъ большое желаніе прицѣпить всѣхъ насъ къ дѣлу Николая Ивановича, а для этого потребуется очень много времени: до сихъ поръ нѣтъ связующихъ элементовъ. Я, какъ сожитель Николая Ивановича, для нихъ—лакомый кусочекъ, но именно я-то и не даюсь въ руки. Замучили допросами бѣдную Зою: каждую недѣлю возятъ въ жандармское. Зоя сидитъ въ № 6, и вѣсти отъ нея доходятъ черезъ четвертыя руки, вѣсти отрывистыя, иногда непонятныя, перепутанныя при передачахъ. Начинаю тревожиться за ея здоровье: иногда, ночью, прислушиваясь къ напряженной тишинѣ, узнаю ея кашель въ концѣ нашего корридора... Полковникъ ей мститъ за дерзости и оскорбленіе во время обыска. А можетъ-быть тутъ имѣетъ значеніе и то обстоятельство, что она—моя невѣста.

Каждое утро камеру убираетъ уголовный арестантъ Флегонтъ. У него — пріятное лицо, худое, съ кроткими голубыми глазами, въ которыхъ я часто ловлю молчаливое сочувствіе. Иногда, когда ожидающій у двери стражникъ отвлечется и займется разговоромъ съ кѣмъ-то въ корридорѣ, Флегонтъ шепчетъ, подметая камеру:

— Терпѣть надо, Енадій Николаичъ... Когда-нибудь отольются имъ наши слезки.

— Хочешь папиросу?

Мигнетъ, чтобы положилъ на постель, и, убирая подъ кроватью, стянетъ папиросу, а потомъ молча приложитъ руку къ сердцу.

Наладилась прочная молчаливая симпатія: переглядываемся ласковыми взглядами и вздыхаемъ. Однажды Флегонтъ началъ говорить со мной жестами пальцевъ. Старался понять, но не понялъ. Потомъ догадался, что Флегонтъ предлагаетъ передать что-нибудь товарищамъ. На маленькомъ кускѣ тонкой бумаги написалъ: „Ты кашляешь, безпокоюсь. Г. Т.“; свернулъ, надписалъ: „Въ № 6“ и положилъ на постель, рядомъ съ папиросой. Флегонтъ понялъ и мигнулъ, но стражникъ замѣтилъ и отобралъ записку и папиросу. И съ этой поры вмѣсто Флегонта сталъ убирать камеру другой арестантъ, не внушавшій довѣрія. Вообще послѣ этого я сталъ замѣчать что-то подозрительное въ окружающей мою камеру обстановкѣ. Касьяновъ, безнадежно влюбленный въ Вѣру Игнатовичъ и давно оставившій меня въ покоѣ и преслѣдовавшій перестукиваніемъ свою сосѣдку, неожиданно сталъ надоѣдать мнѣ и спрашивать о томъ, о чемъ онъ долженъ былъ хорошо знать самъ: гдѣ библіотека и кому сданъ шрифтъ? Спрашиваю: кто говоритъ, отвѣчаетъ—Касьяновъ.

— Н-е-в-ѣ-р-ю. П-о-д-и-к-ч-о-р-т-у!

А въ сосѣдствѣ, по другую сторону, тоже—новость: было пусто, а теперь, по ночамъ, слышенъ мягкій шумъ шаговъ и женское покашливанье. Очевидно, новая комбинація. Въ головѣ копошится смутное предчувствіе „ловушки“. Справа несомнѣнно—шпіонъ, а вотъ кто — слѣва? И зачѣмъ эта новая комбинація? Прислушиваюсь къ тусклымъ звукамъ жизни за стѣнами, у сосѣдей. Все больше убѣждаюсь, что сосѣдъ справа долженъ изображать Касьянова, который куда-то исчезъ. А вотъ слѣва... Не можетъ быть!... Неужели—Зоя?!

Ночью прижимаюсь ухомъ къ стѣнѣ и ловлю слабое покашливанье: страшно напоминаетъ Зою. Неожиданный стукъ отъ мнимаго Касьянова:

— Р-я-д-о-м с-и-д-и-т т-в-о-я н-е-в-ѣ-с-т-а...

Вихремъ кружится мысль и вдругъ, какъ молнія въ хаосѣ тучъ, вспыхиваетъ въ сознаніи догадка, испугавшая и обрадовавшая: съ одной стороны подсадили Зою, а съ другой—шпіона, хотятъ выудить изъ нашихъ разговоровъ нужную имъ тайну... Даже застучало сердце отъ этой догадки. Сразу все стало ясно и великое злорадство наполнило душу:

— Эхъ, вы! Комики!... Благодарю васъ за сосѣдство слѣва, а справа намъ не помѣшаетъ. Коварство и любовь!...

И, спрятавъ лицо въ подушку, я сталъ потихоньку хихикать. А потомъ подошелъ къ сосѣду и простукалъ: „Касьяновъ, спишь?“ Словно съ цѣпи сорвался мнимый Касьяновъ: моментально застукалъ громко, никого не боясь:

— „Не сплю. Какъ дѣла? Спроси невѣсту, куда они спрятали шрифтъ“.

— „Не понимаю, о какомъ шрифтѣ говоришь“.

— „Она знаетъ. Стучи ей. Сидитъ рядомъ“.

Не могу сдерживать смѣха, хихикаю въ руку и стучу, что невѣста не знаетъ азбуки и не умѣетъ перестукиваться. Велитъ научить, выбивая буквы по порядку алфавита, безъ рядовъ. Обѣщаетъ подкинуть ей нашу тюремную азбуку. Отвѣчаю: „сдѣлай это скорѣе, необходимо“.

Это была веселая ночь: словно я былъ въ театрѣ и смотрѣлъ какой-то водевиль съ переодѣваніемъ. А когда водевиль кончился, я легъ въ постель и всѣмъ существомъ сталъ ощущать близость милой Зои. Трудно передать это ощущеніе: радостное безпокойство и грусть тихой нѣжности непрестанно, какъ волны прибоя, набѣгали на душу, катились въ крови къ сердцу и баюкали, и ласкали. А когда слухъ ловилъ глухіе звуки милаго голоса, я закрывалъ глаза и мнѣ казалось, что я вижу за столомъ у лампы склоненную надъ книгой золотую головку и печальную улыбку на миломъ лицѣ. Вотъ она встала и медленно, плавно ходитъ по камерѣ. И только одна стѣна раздѣляетъ насъ. Если бы она знала, что я—рядомъ!... Опять такъ близко и такъ далеко... Я громко кашлялъ: можетъ быть, узнаетъ; потомъ прислушивался. Нѣтъ, не догадывается, не узнаетъ. Было досадно и немного обидно. Снова начались мучительныя ночи: радостно-тревожное чувство все наростало и наростало. Много разъ пытался постукивать, но отвѣта не было: шаги смолкнутъ, но отвѣтныхъ стуковъ нѣтъ. Не знаетъ азбуки, а можетъ-быть боится. Она—умница, осторожная. Не слѣдуетъ на нее сердиться. Дня черезъ три мнимый Касьяновъ постучалъ мнѣ, наконецъ:

— „Азбуку подбросилъ, говори“.

— „Молодецъ“...

Какъ только наступили сумерки, началъ осторожно постукивать. Я зналъ, что намъ мѣшать не будутъ, но не хотѣлъ отступать отъ нашихъ обычаевъ, чтобы не зарождать сомнѣнія въ сосѣдѣ. Поэтому сдерживалъ свое нетерпѣніе и проявлялъ фальшивую осторожность. Тихо, нѣжно такъ, выстукиваю:

— З-о-я, З-о-я, З о-я, З-о-я.

Вопросительный кашель, тишина, два удара въ стѣну.

— З-о-я, З-о-я, З-о-я...

Громкій радостный смѣхъ за стѣной, такой знакомый и странный.

Снова громко кашляю. Тишина. Эхъ, будь что будетъ: взялъ да и запѣлъ во весь голосъ:

„Эхъ, ты ноченька, ночка темная“...

Громкій стукъ въ стѣну и глухой голосъ, поющій за стѣной:

„Ночка темная, ночь осенняя“...

Громкіе шаги въ корридорѣ, звонъ ключей, лязгъ желѣза. Слышно, какъ отпираютъ сосѣднюю камеру и спорятъ съ Зоей. Потомъ идутъ къ моей, отпираютъ.

— Пѣть не полагается. Переведемъ въ башню.

— Развѣ не полагается?

— Что вы, первый день здѣсь живете?!...

— Забылъ. Не буду.

— Изъ-за васъ намъ непріятности. Если запоете еще разъ... Идите, больше не надо... Теперь обойдемся и безъ пѣсенъ. Словно солнце засіяло въ камерѣ послѣ непогоды и такъ хорошо стало на душѣ. Теперь мы будемъ оба чувствовать другъ друга близко и въ смутныхъ шорохахъ за стѣной угадывать и сливать наши мысли. У Зои, благодаря любезности сосѣда, теперь есть условная азбука для перестукиванья и мы можемъ изрѣдка обмѣняться лаской словъ. Боюсь одного: не начала бы Зоя выстукивать что-нибудь тайное, что не слѣдуетъ знать коварному сосѣду... Поэтому, въ первую же попытку поговорить съ Зоей, я, послѣ краткаго „люблю“, выстукалъ: „на допросѣ добиваются узнать о какой-то библіотекѣ и шрифтѣ, о которыхъ мы съ тобой ничего не слыхали“. Не знаю, поняла ли мои слова неопытная Зоя, но мой сосѣдъ сразу понялъ; въ тотъ же вечеръ онъ мнѣ выстукалъ: „переспросите, она не поняла“. Забылъ, прохвостъ, что онъ — Касьяновъ, и началъ говорить со мной на „вы“...

Въ моей тюремной жизни начался новый періодъ. Я ни на одну минуту не былъ теперь одинокимъ: со мной всегда была моя Зоя. Было похоже на то, будто мы живемъ въ одной квартирѣ, въ сосѣднихъ комнатахъ. Стѣна не мѣшала близости, а скорѣй помогала ей. Днемъ, когда шумъ тюремной жизни мѣшалъ улавливать жизнь въ сосѣдней камерѣ, я читалъ и писалъ, а какъ только тюрьма затихала, я, прильнувъ къ стѣнѣ, слушалъ, какъ Зоя ходитъ по камерѣ, какъ она двигаетъ табуретъ, пьетъ

чай, покашливаетъ, тихо вытягиваетъ пѣсенку или говоритъ сама съ собой. Что говоритъ — разобрать нельзя, но довольно голоса, интонацій: пріятно угадать хотя бы настроеніе духа и знать, что она жива и здорова. Ночью, ложась спать, мы прощались: „ложусь, спок. ночи, цѣлую“ — выстукивала она, а я, цѣлуя то мѣсто стѣны, въ которое приблизительно ударялъ карандашъ Зои, отвѣчалъ: „безумно люблю, цѣлую стѣну“. Зоя стучала: „я — тоже“. Утромъ мы здоровались просто ударомъ въ стѣну, при чемъ я никогда не стучалъ первымъ, чтобы не будить моей голубки. Когда я уходилъ на прогулку или когда меня увозили на допросъ, я съ удовольствіемъ возвращался „домой“, т.-е. въ свою камеру: „дома“ меня ждала Зоя. Я даже торопился и безпокоился, какъ у меня тамъ, „дома“? Вѣроятно, и Зоя испытывала то же самое: возвращаясь „домой“, она, какъ и я, первымъ дѣломъ оповѣщала меня о своемъ возвращеніи: ударяла одинъ разъ въ стѣну. Ярко горѣла любовь черезъ каменную стѣну!.. Я все чаще писалъ стихи въ честь Зои и перестукивалъ ихъ моей вдохновительницѣ.

Былъ уже мартъ и въ природѣ чуялась близкая весна: все синѣе становились небеса, прозрачнѣе воздухъ и начинало пахнуть землей и тающимъ снѣгомъ; по ночамъ, чрезъ раскрытую форточку, ярко мигали звѣзды и рѣзко звучали голоса ночи и шорохи скатывающагося съ крышъ снѣга; звонче били ночью часы на городской башнѣ и тревожнѣе гдѣ-то далеко лаяли собаки. Изъ окна моей камеры, закрытаго снаружи деревяннымъ конусомъ съ открытымъ раструбомъ въ небо, былъ виденъ куполъ и крестъ тюремной церкви, на который иногда садились черные грачи. Иногда и ночью не было заморозковъ, и тогда было слышно, какъ за окномъ падаетъ съ крыши капѣль и какъ ворчитъ тающій снѣгъ. Снѣгъ таялъ, а любовь разгоралась все ярче. Иногда ночью, раскрывъ форточку, я садился на столъ, и прислушивался къ звукамъ предвесенней ночи и всматривался въ звѣзды. Мелодично перезванивали часы на башнѣ и ночь внимательно вслушивалась въ тающій въ воздухѣ перезвонъ колоколовъ. Въ памяти бродили неясныя воспоминанія о весеннихъ звѣздныхъ ночахъ, таинственно прячущейся въ кустахъ бѣлой сирени съ одуряющимъ запахомъ, о легкомъ контурѣ бѣлой дѣвушки въ ночныхъ сумеркахъ сада и горячемъ поцѣлуѣ... Когда это было?.. Ахъ, это будетъ, будетъ!.. Будетъ весенняя ночь, звѣзды, таинственные кусты бѣлой цвѣтущей сирени и бѣлая застѣнчивая дѣвушка съ тяжелыми косами... и поцѣлуй, долгій-

долгій, отъ котораго помутится голова, какъ отъ опьяняющаго аромата бѣлой сирени!..

Зоя, моя любимая, моя прекрасная Зоя! О, какъ я люблю тебя, моя невѣста! Ты должна это почувствовать даже во снѣ, если ты уже заснула... Да, да, конечно: она кашляетъ... не можетъ уснуть и думаетъ о томъ же... Тукъ-тукъ! Отвѣчаетъ: „такъ-такъ“. Это значитъ: „Любишь?“ — „Да, да!“

— Боже, какъ я счастливъ!.. Какъ я счастливъ!..

XXIX.

Голубой кусокъ неба, яркое, но невидимое солнце, шумъ дружной капѣли съ карнизовъ и неумолчный, похожій на звонъ бубенчиковъ говоръ стремительныхъ ручейковъ; задорный разговоръ воробьевъ и мурлыканье воркующихъ голубей подъ окномъ; протяжный перекликающійся перезвонъ въ церквахъ, близкихъ и далекихъ: великій постъ...

Въ раскрытую форточку такъ и тянетъ весной. Не хочется слѣзать со стола. Все бы смотрѣлъ на кусокъ голубого неба и слушалъ, какъ звенятъ ручьи и воркуютъ милые голуби! Всталъ на столъ, всунулъ лицо въ форточку и не могу надышаться влажнымъ, прозрачнымъ воздухомъ. Хочется закричать въ форточку:

— Люди, здравствуйте!

— Господинъ, слѣзайте со стола! Нельзя.

— Что же, вылечу въ форточку, что ли?

— Не вылетите, а всетаки не допускается.

— Требую выставить зимнюю раму.

— Не выставляется у насъ... никогда.

— Вонъ какъ у васъ... Довольно глупо у васъ...

— А вы не разсуждайте, а то... Вотъ вамъ кипятокъ и письмо!..

— А, ну такъ бы и говорили.

Заварилъ чай. Письмо — отъ мамы: тысячу разъ цѣлуетъ, прихварываетъ, страдаетъ за меня и за себя, хлопочетъ о разрѣшеніи взять меня на поруки. Просятъ три тысячи, а взять ихъ негдѣ. Могла бы еще кое-какъ сколотить тысячу, а три — нѣтъ силъ; есть одна надежда на одного человѣка, но пока не хочетъ обольщаться и смущать меня надеждой. „Три тысячи. Легко сказать! Значитъ, ты надѣлалъ хорошихъ дѣлъ, если меньше какъ за три тысячи не могутъ выпустить тебя на поруки къ родной матери“. Дальше—упреки и скрытыя слезы, жалобы

на плохое здоровье и усталость отъ огорченій. На Пасхѣ собирается пріѣхать въ Казань.

Только на одно мгновеніе мелькнула радость въ душѣ, когда мать написала про поруки. Обожгла мысль о свободѣ и сейчасъ же померкла и пропала: выйти на свободу одному, безъ Зои—нѣтъ, не хочу, не могу, не имѣю права!..

Гдѣ-то поетъ скворчикъ и поютъ протяжные колокола... И радостно, и грустно на душѣ. Уронилъ на руки голову, а невидимое солнышко какъ-то ухитрилось пролѣзть въ окно и ласково грѣетъ руку. Свѣжій вѣтерокъ течетъ изъ фортки на голову, шевелитъ волосы. Хочется дремать подъ грустный перезвонъ великопостныхъ колоколовъ. Роятся въ памяти какія-то далекія воспоминанія о страстныхъ дняхъ, о пасхальной заутренѣ, еще о чемъ-то далекомъ-далекомъ... Смутно рисуется дѣтство, доброе лицо умершаго отца, игрушки, пасхальныя яйца, лужокъ, мама въ бѣломъ платьѣ, молодая, не та, которая хочетъ пріѣхать на Пасху. Чего-то жаль, о чемъ-то хочется вспомнить и не можешь, что-то убѣжало и не вернется...

Радостно поетъ гдѣ-то скворчикъ и грустно перезваниваютъ колокола.

— Пожалуйте на прогулку!

— На прогулку? Это хорошо. Надо посмотрѣть, гдѣ это поетъ скворецъ и воркуютъ голуби...

Всякій разъ, выходя на прогулку, я тороплюсь посмотрѣть на запертую дверь сосѣдней камеры: вѣдь тамъ, за дверью, сокрыто мое счастье! И на этотъ разъ я взглянулъ на дверь. Взглянулъ и въ тревожномъ изумленіи остановился: дверь растворена, камеру убираетъ мой пріятель Флегонтъ. Вопросительно взглянулъ на Флегонта, онъ—моргнулъ глазами.

— А вы пожалуйте!..

— Иду...

— Потомъ у нихъ въ 5-мъ номерѣ уберешь! — бросаетъ на ходу стражникъ Флегонту.

Камера сосѣда справа тоже растворена. Странное впечатлѣніе производятъ раскрытыя двери камеръ: и радость, и тоска сжимаютъ сердце... Словно раскрытыя клѣтки, изъ которыхъ улетѣли на волю птицы. Въ душу хлынула жажда свободы, и зависть зашевелилась тамъ, и радость за Зою, и досада на нее.

— Идите, не оглядывайтесь!..

— Иду, иду...

Прошли длинный корридоръ, свернули и начали спускаться по лѣстницѣ. И тутъ-то случилось *это* неожиданное, невѣроят-

ное, о чемъ я часто мечталъ, какъ о чудѣ, и что нѣсколько разъ я видѣлъ во снѣ: навстрѣчу вели Зою... Все это случилось такъ неожиданно для всѣхъ, и для насъ, и для стражниковъ, что произошло полное замѣшательство. Стражники метнулись назадъ, а мы — другъ къ другу. Молча мы схватились за руки и впились другъ въ друга глазами. Вихрь радости закружился въ душахъ, и мы не нашли словъ, чтобы что-нибудь сказать другъ другу. Впрочемъ, все это было дѣломъ одного момента, потому что стражники быстро спохватились и, оттащивъ насъ другъ отъ друга, повлекли въ разныя стороны.

— Зоя!..

— Геня! Милый!..

Вотъ все, что успѣли мы прокричать другъ другу, уже потомъ, издали... Мой стражникъ по дорогѣ съ кѣмъ-то успѣлъ перебросится браннымъ словомъ, кому-то погрозилъ доложить смотрителю про эту недоглядку, а я смѣялся отъ восторженной радости, которая клокотала во мнѣ, какъ вода подъ огнемъ, и готовъ былъ обнять сердитаго стражника и того, кого онъ ругалъ бранными словами.

— Спасибо, милые, спасибо вамъ, дорогіе!..

— Не разговаривать!

— Я самъ съ собою.

— Съ собой не о чемъ разговаривать. Гуляйте!

— Съ собой дозволено. Покажите инструкцію: тамъ нѣтъ такого параграфа.

— Гуляйте въ молчаніи, а то уведу въ камеру...

Поетъ скворчикъ на Зоиномъ окнѣ, поетъ умильно и радостно. Не даромъ онъ пѣлъ съ самаго утра. Спасибо, скворчикъ! Грустно перезваниваютъ великопостные колокола, а въ сердцѣ уже пасхальный трезвонъ подъ „барыню“... Хожу, а ноги подплясываютъ, и все хочется громко, на всю тюрьму, запѣть или закричать въ городъ:

— Люди! Я видѣлъ Зою!

Какъ она похудѣла! Какіе у нея большіе глаза и синіе, какъ это небо... Какъ радостно они засмѣялись и схватили мою душу! Не могу припомнить, какъ она была одѣта. Только сейчасъ встрѣтилъ, а не могу представить всей ея фигуры. Стоятъ въ памяти только большіе синіе глаза, свѣтлая улыбка и какой-то испугъ; потомъ помнятся качнувшіяся косы. Какъ я не догадался поцѣловать руку или косу: рука была въ моей, вотъ въ этой самой рукѣ, а коса ударила меня по щекѣ, золотая коса! И теперь еще кажется, что коса щекочетъ щеку... „Эхъ, дуракъ ты, братецъ!“

— А вы, господинъ, не ругайтесь!..

— Да я—себя.

— А кто васъ знаетъ, кого вы... Гуляйте въ молчаніи!

Значитъ, не выпустили, а возили либо на допросъ, либо на свиданіе. Скорѣе — на свиданіе: она стучала что-то про отца. Не пріѣхалъ ли отецъ, этотъ странный человѣкъ, пригрозившій нашей любви губернаторомъ и преосвященнымъ. Безпокоитъ меня этотъ господинъ, котораго я никогда не видалъ: не наболталъ бы чего-нибудь, не напортилъ бы намъ съ Зоей... Надо намъ поговорить и условиться, какъ быть, если отецъ что-нибудь затѣетъ неподходящее къ нашимъ планамъ: мы рѣшили, какъ только кончится дѣло и состоится приговоръ, повѣнчаться въ тюрьмѣ и поѣхать вмѣстѣ въ ссылку, если ссылкой кончится. А если только высылка или надзоръ—мы изберемъ для жительства одинъ городъ и тамъ уже рѣшимъ, когда повѣнчаться и нужно ли вообще вѣнчаться. Я—противъ этой формальности принципіально, но Зоя не хочетъ огорчать родныхъ и проситъ повѣнчаться. Пусть, для нея я готовъ на эту жертву...

Вонъ, около тюремной стѣны уже обтаяло и видна земля. Надо походить по этой мокрой землѣ. Какъ это пріятно ступать по обнажившейся землѣ; мягко, скользко, остается слѣдъ отъ резиновой калоши! Вонъ вьется веселый ручеекъ. Подошелъ, запрудилъ его ногой: скопилась мутная вода и побѣжала мимо. Не удержишь! Весна, тебя не удержишь! Любовь, тебя не запрешь въ тюрьму!.. А голуби все воркуютъ. Они рады, что мы съ Зоей встрѣтились. Гдѣ они? Ахъ, вонъ куда забрались: въ нишу каменной стѣны. Для нихъ нѣтъ неволи и имъ не надо вѣнчаться, и никто ихъ не отдастъ подъ надзоръ полиціи и не вышлетъ. Счастливые голуби! Если бы мы, люди, могли жить такъ же, какъ вы, голуби!..

— Пожалуйте домой! Прогулка кончилась.

Да, надо домой. Тамъ ждетъ Зоя. Куда ее, голубку мою, возили? Что она разскажетъ? Почему-то волнуетъ меня тревожное ожиданіе и страхъ, не случилось ли чего-нибудь непріятнаго для насъ обоихъ.

Словно чувствовало сердце недоброе. Войдя въ камеру и осмотрѣвшись, увидалъ на постели, за подушкой, записку и сейчасъ же понялъ, что ее подкинулъ отъ Зои мой пріятель Флегонтъ.

„Пріѣхалъ отецъ, хлопочетъ на поруки. Какъ скажешь, такъ и сдѣлаю. Если хочешь, не выйду. Тяжело оставить тебя одного, словно теряешь навсегда. Милый, родной мой, какъ же быть?

Надо скорѣй повѣнчаться. Если отецъ будетъ мѣшать, не выйду изъ камеры. Вѣрь и не грусти! Что бы ни было, никто и ничто насъ не разлучитъ. Ночью буду ждать отвѣта, а лучше бы написалъ и передалъ Флегонту. Онъ—надежный. Трудно говорить черезъ стѣну, много пропускаю, путаю. Весна, родной! Какъ хорошо на улицахъ! Ахъ, когда же, когда же мы съ тобой... Твоя невѣста".

Нѣсколько разъ прочиталъ письмо и сталъ быстро ходить по камерѣ. Какъ же быть? Что предпринять? Висѣла надъ нами какая-то смутно сознаваемая бѣда; пугала близкая возможность разлуки; на кого-то я страшно сердился, а на кого — не могъ сказать опредѣленно. Кто-то покушался отнять у меня мое счастье, а права на это не имѣлъ: Зоя—моя, только моя, больше моя, чѣмъ отца и матери. Никто не долженъ вмѣшиваться въ нашу судьбу. Не позволю. Ходилъ все быстрѣе и думалъ все рѣшительнѣе. Потомъ взялъ листъ бумаги и рѣшительнымъ почеркомъ, крупнымъ и размашистымъ, сопровождая письмо чернильными непочтительными кляксами, написалъ въ жандармское управленіе: „Политическаго арестанта, Геннадія Тарханова, прошеніе. Давно уже состоя женихомъ политической арестантки такой-то, имѣю честь просить о разрѣшеніи повѣнчаться съ ней въ тюремной церкви въ самомъ непродолжительномъ времени. Геннадій Тархановъ, политическій арестантъ изъ камеры № 5". Во время вечерней повѣрки передалъ это прошеніе помощнику смотрителя и сердито сказалъ:

— Потрудитесь немедленно отослать въ жандармское управленіе!

— Новое показаніе по дѣлу?

— Совершенно новое. Васъ оно не касается.

— Я не только могу, но я обязанъ читать все, что пишутъ въ тюрьмѣ политическіе.

Читаетъ и чуть замѣтно ухмыляется, негодяй.

— Смѣшно?

— Имѣйте въ виду, что теперь только вторая недѣля великаго поста и потому...

— Это не ваше дѣло.

— Едва-ли...

Покачалъ головой и пошелъ, съ улыбочкой на губахъ, изъ камеры. Не могу передать той злобы и ярости, которыя я испытывалъ, глядя въ толстый затылокъ уходящаго помощника смотрителя. Еслибы въ моихъ рукахъ былъ какой-нибудь тяжелый предметъ, я пустилъ бы имъ въ этотъ жирный затылокъ. Но у

меня въ рукахъ ничего не было и я только до крови закусилъ нижнюю губу и сквозь зубы прошепталъ:

— Ммерзавецъ!

И опять сталъ бѣгать по камерѣ, пока не закружилась голова и не помутилось въ глазахъ. А когда это случилось, бросился въ постель и лежалъ безъ движенія до тѣхъ поръ, пока не подали зажженной лампы и кипятку для чая.

Медленно пилъ чай и обдумывалъ свое положеніе. Что, если намъ не разрѣшатъ повѣнчаться въ тюрьмѣ? Отецъ возьметъ Зою на поруки и, конечно, постарается разлучить насъ навсегда: увезетъ куда-нибудь, за границу напримѣръ. Тамъ она встрѣтитъ кого-нибудь, полюбитъ и... Нѣтъ, она любитъ меня безповоротно! Хорошо, если Зою куда-нибудь вышлютъ, а то вѣдь можетъ все дѣло кончиться для нея высылкой на родину и отдачей на поруки родителямъ. Это практикуется. Этого я боюсь больше всего. Попадетъ въ западню моя Зоя и трудно будетъ добыть мою полоненную Царевну. Отецъ у ней похожъ на Кащея Безсмертнаго—это видно изъ его грубаго письма ко мнѣ. Скверно, Геннадій Николаевичъ!

И впервые еще я почувствовалъ ненависть къ стѣнѣ, которая насъ давно раздѣляла.

— Проклятая!.. Ничѣмъ не прошибешь...

Постучалъ. Стѣна отвѣтила. Прилегъ на постель, прильнулъ къ холодному камню и началъ выстукивать свое рѣшеніе: надо немедленно обвѣнчаться. Поняла?

— Тукъ, тукъ!

— Немедля подай прошеніе въ жандармское. Поняла?

— Тукъ, тукъ!

— Не соглашайся ѣхать домой къ отцу. Поняла?

— Тукъ, тукъ!

— Когда повѣнчаемся, выходи на волю, только не забудь меня!

— Н-е-з-а-б-у-д-у, н-и-к-о-г-д-а.

Потомъ я сообщилъ Зоѣ, что моя мать тоже хлопочетъ о порукахъ и ищетъ денегъ, но что я не выйду, если Зоя останется еще въ тюрьмѣ. На это стѣна простучала мнѣ:

— М-и-л-ы-й, л-ю-б-л-ю, ц-ѣ-л-у-ю.

Итакъ, все сдѣлано. Теперь нечего бояться. Раскрылъ фортку и сталъ слушать и смотрѣть въ звѣздное небо. Была тихая ночь, лунная, печальная какая-то. На тюремной церкви ярко сіялъ подъ луннымъ свѣтомъ крестъ. Синій куполъ слился съ фономъ неба и казалось, что крестъ висѣлъ въ воздухѣ, какъ вѣщее чудо или знаменіе. Я долго смотрѣлъ на горящій синими огнями

крестъ и вдругъ мнѣ захотѣлось молиться. Я всталъ на столъ, опустился на колѣни и сталъ шептать:

— Господи, спаси насъ!.. Ты можешь. Ты видишь, какъ мы страдаемъ...

Успокоенный, я собирался спать и, по обыкновенію, постучалъ, чтобы проститься съ Зоей. Но отвѣта не было. Я прильнулъ къ стѣнѣ ухомъ и услыхалъ что-то, похожее на тихій плачъ... Она плачетъ, плачетъ. О чемъ, голубка? Тревожно постучалъ въ стѣну и прислушался: встала, съ шумомъ отодвинула табуретку и подошла къ стѣнѣ.

— Ты плачешь? О чемъ?

— Я не могу выйти на свободу безъ тебя. Обвѣнчаемся и я опять вернусь въ мою камеру.

— Прекратите разговоры!

— Я не говорю.

— Значитъ, стѣна стучитъ? сама? Надо васъ развести... вотъ что.

— Не буду, не буду...

Всѣмъ хочется насъ развести. Проклятые!..

XXX.

...Опять раскрытая дверь. Опять увезли Зою на допросъ. Какъ ее мучаютъ!.. А можетъ-быть на свиданіе съ отцомъ. Не хочется гулять: дрожитъ въ груди тревога. Надо скорѣе „домой“...

— Довольно! Больше не хочу гулять.

— Пяти минутъ не прошло еще.

— Все равно, веди меня въ камеру. Не хочу.

— Какъ угодно. Мнѣ все равно.

Не вернулась: камера по прежнему раскрыта. Дрожитъ въ груди тревога. Хожу, пріостанавливаюсь и жду, когда хлопнетъ сосѣдняя дверь, заскрипитъ засовъ и забрянчатъ ключи: это случится, когда Зоя вернется въ камеру. Радостно вздрагиваетъ сердце при каждомъ далекомъ стукѣ дверью, при каждомъ шорохѣ въ корридорѣ. Нѣтъ, не то... А можетъ-быть она уже въ камерѣ? Можетъ быть, я какъ-нибудь пропустилъ ея возвращеніе. Подхожу къ стѣнѣ, прикладываю ухо, напрягаю слухъ и вниманіе. Нѣтъ, не слышно... Камера—пуста. Не вѣрится. Стучу въ стѣну условнымъ призывомъ. Нѣтъ, не отвѣчаетъ... Господи, что же это значитъ? Снова крадусь къ своей двери и, затаивъ дыханіе,

прислушиваюсь къ звукамъ и шумамъ въ корридорахъ. Нѣтъ, нѣтъ! Смотрю на часы, успокаиваю себя: прошло не больше часа, на допросѣ иногда держатъ по два часа... Что имъ отъ тебя нужно? Что они мучаютъ мою бѣдную голубку! Хожу, какъ звѣрь въ клѣткѣ, тыкаясь въ углы, а тревога все растетъ и растетъ. Смотрю на молчаливую стѣну: холодная, мертвая, угрюмо-молчащая стѣна. Она знаетъ, но не скажетъ. Никто не скажетъ, не напрасно ли я жду желаннаго звона ключей!

— Зоя, моя милая невѣста!..

Проходитъ еще часъ и проходитъ другой. Зловѣщая тревога уже гонитъ прочь успокаивающія догадки и безостановочно гложетъ душу, и шепчетъ на ухо:

— Нѣтъ, не жди! Она не вернется.

Идутъ, брянчатъ ключами... Она!.. Нѣтъ, это ко мнѣ.

— Обѣдъ.

— Я не буду обѣдать. Постойте, скажите, гдѣ дѣвушка изъ № 6?

— Не знаю.

— Прошу васъ... ради Бога!..

— Ничего неизвѣстно...

— Умоляю васъ, скажите, гдѣ она, моя невѣста?.. Скажите только, вернется она? Да, конечно она вернется?.. Ну, такъ убирайтесь вонъ! Къ чорту съ вашимъ обѣдомъ!..

Ушелъ. Злобно звякнулъ желѣзный засовъ... Одинъ, одинъ! Она не вернется... Зоя, Зоя!.. Какъ мнѣ скучно! Еслибы ты знала, какъ мнѣ скучно!..

Гдѣ ты? Хотя бы знать, гдѣ ты и что съ тобою! Не скажутъ. Никто не скажетъ. Ты не могла выйти, бросить меня, не сказавъ ни одного слова. Нѣтъ, ты не могла! Здѣсь кроется какая-то подлая продѣлка. Милая, тебя обманули!.. Я ручаюсь, что ты, оставляя утромъ тюрьму, уже думала о томъ, чтобы поскорѣе вернуться. Насъ обманули, Зоя!

— Что же дѣлать? Господи, научи, что дѣлать!

Тоска, невыносимая тоска... Кто тамъ еще лѣзетъ въ мою камеру? Что вамъ отъ меня надо?!

— Потрудитесь прочитать бумагу и расписаться въ прочтеніи...

— Какую бумагу?.. Зачѣмъ? Надоѣли мнѣ ваши бумаги. Лучше скажите, куда вы дѣвали арестантку изъ № 6?

— Эта бумага вамъ выяснитъ.

Вырвалъ бумагу, читаю: „Симъ политическій преступникъ Геннадій Тархановъ увѣдомляется, что прошеніе его о разрѣ-

шеніи повѣнчаться въ тюремномъ храмѣ во имя Всѣхъ Скорбящихъ оставлено безъ послѣдствій, такъ какъ указанная въ оном прошеніи невѣстою заключенная того же тюремнаго замка дѣвица въ означенномъ замкѣ не находится".

— Гдѣ же она?

— Это къ дѣлу не относится.

— Какъ не относится, когда мы съ ней хотимъ повѣнчаться?

— Не кричите! Не забывайте, что вы не начальникъ, а я не вашъ подчиненный! Мы не обязаны разыскивать невѣстъ.

— Ну, такъ убирайтесь къ... вонъ!

— Потрудитесь расписаться и не возвышать голоса...

— Безъ послѣдствій!.. Очень хорошо сказано... Оное прошеніе!.. Оная дѣвица!.. Оный тюремный замокъ!.. Извольте, расписался: „оную бумагу читалъ Геннадій Тархановъ". Все? Теперь увѣрены, что оная дѣвица не пойдетъ за меня замужъ?

— Не слѣдуетъ, подписываясь, дѣлать такихъ росчерковъ и кляксъ. Вы не министръ, а политическій преступникъ.

— А развѣ министры всегда дѣлаютъ кляксы?.. А вы ихъ слизываете...

— О вашихъ дерзостяхъ будетъ доложено, куда слѣдуетъ...

— А мнѣ, ваша свѣтлость, наплевать!

— Вотъ этакихъ на поруки не слѣдуетъ выпускать, а хорошенько проманежить.

Помощникъ вышелъ, а я сталъ бѣгать по камерѣ и возбужденно говорить самъ съ собой и хохотать:

— Безъ послѣдствій!.. А! Хотятъ оставить нашу любовь безъ послѣдствій!.. Не слѣдуетъ меня выпускать на поруки!.. Проболтался, голубчикъ: теперь ясно, какъ Божій день, что Зою взялъ на поруки отецъ и что ее обманули: повезли на допросъ и передали отцу, этому господину... Кащею Безсмертному!

Тоска, ахъ, какая страшная тоска! Не знаешь, куда себя дѣвать, куда спрятаться отъ тоски. Кажется, разбилъ бы лобъ объ эту холодную, мертвую стѣну, за которой жила моя похищенная Принцесса... Тоска, тоска, тоска! Чортъ съ вами, теперь мнѣ нечего жалѣть, переводите въ башню, въ карцеръ, куда угодно. Мнѣ все равно, я хочу запѣть, громко, съ тоской запѣть свою любимую пѣсню... Тюрьма, слушай:

Эхъ, тоска, братцы-товарищи, въ грудь запала глубоко,
Дни веселія, дни радости отлетѣли далеко!..

— Прекратите пѣніе! Нельзя.

— Чего тамъ нельзя!..

Эхъ, за что ты измѣнила мнѣ, я-ль тебя да не любилъ?!
За тебя, моя измѣнница, свою душу загубилъ...

По корридору забѣгали, бряцая шашками и ключами тюремщики, а въ противоположномъ концѣ какой-то политикъ уже подхватилъ и пѣлъ густымъ басомъ на всю тюрьму:

Полно, братъ-молодецъ, ты вѣдь не дѣвица,
П-пей,—тоска-а-а пройдетъ... Пей, пей!—тоска пройдетъ.

И угрюмая тюрьма вышла изъ безразличнаго равновѣсія. Въ разныхъ концахъ, вверху и внизу, пѣли и перекликались; никто не боялся угрозъ и не хотѣлъ признавать правъ тюрьмы на безмолвіе. Долго смотритель со стражниками бѣгали по камерамъ, упрашивали, стращали, умоляли, но какъ только водворялась тишина въ одномъ концѣ, такъ въ другомъ начиналось пѣніе и перекличка. Я уже стихъ, мнѣ надоѣло озорничать отъ тоски и отчаянія, а товарищи продолжали шумѣть. Моя громкая „пѣсня о тоскѣ и измѣнницѣ“ прорвала весеннюю жажду свободы, пѣсни, любви, общенія, и всѣ порядки полетѣли къ чорту. Но вотъ, мало-по-малу, шумъ сталъ ослабѣвать и, наконецъ, совсѣмъ прекратился. Воцарилась тишина, угрюмая и тяжелая, казавшаяся, послѣ непривычнаго шума и взрыва молодой жизни, еще болѣе глубокой и мертвой. Могила, каменная могила...

Пришла ночь, первая одинокая ночь. Опять раскрыта форточка, опять—синее небо, звѣзды, вздохи и шорохи земли, тайно, въ ночномъ безмолвіи, приготовляющейся къ встрѣчѣ желанной гостьи-весны; опять мелодичный перезвонъ на городской башнѣ... Только нѣтъ за стѣною той, которую я люблю, и некому уже сказать „спокойной ночи“!..

Лежу въ постели съ раскрытыми глазами и все еще не вѣрю, что умерла стѣна: все чудится, что нѣтъ-нѣтъ да и скрипнетъ башмачокъ, милый башмачокъ милой дѣвушки!.. Нѣсколько разъ, задремавъ, весь встряхивался и пробуждался: должно быть, во снѣ казалось, что стѣна тревожно зоветъ:

— Тукъ-тукъ!

Прижимался ухомъ къ холодному камню и весь превращался въ слухъ. Потомъ, ослабѣвъ отъ нервнаго напряженія, какъ больной, валился на подушку и, отдуваясь, шепталъ запекшимися губами:

— Нѣтъ. Не вернется!..

Ахъ, какъ долга эта первая одинокая ночь и какъ часто бьютъ на городской башнѣ часы!.. Бѣжитъ время, а кажется, что оно навсегда остановилось и что никогда уже не придетъ утро и не взойдетъ надъ землей солнце...

XXXI.

Все выше и прозрачнѣе синее небо и все горячѣе солнце. На тюремномъ дворѣ уже нѣтъ снѣга, обнажилась земля, а подъ стѣной уже вылѣзла зеленая травка; на одинокой березѣ наливаются почки; подъ раструбами водосточныхъ трубъ блестятъ лужи и мелкіе ручейки, какъ ленточки, разбѣгаются въ разныя стороны. Безпрерывно трещатъ по мостовымъ невидимаго города извозчичьи пролетки, и гулъ ихъ, веселый и торопливый, уноситъ мысль на оживленныя улицы, гдѣ снуютъ свободные люди въ новыхъ весеннихъ костюмахъ, дѣвушки въ синенькихъ вуалеткахъ, съ новенькими зонтиками...

Скоро Пасха: сегодня началась страстная седьмица. Должно быть многихъ выпустили: какъ-то очень ужъ тихо и одиноко въ тюремныхъ корридорахъ... Не слышно по ночамъ тревожныхъ стуковъ, кашля, вздоховъ; громче разговариваютъ между собой тюремщики и нѣтъ въ нихъ прежней суетливости и безпокойства. Уголовные арестанты моютъ полы, скоблятъ что-то и стучатъ желѣзными ведрами. Должно быть и въ этомъ каменномъ гробѣ ждутъ и готовятся къ встрѣчѣ Христа, котораго сами же и распинаютъ... Эхъ, вы, слѣпые кроты!

Почему-то великопостный перезвонъ тянетъ, приковываетъ мысль къ великимъ страданіямъ, къ терновому вѣнцу и кровавому поту Распятаго за великую любовь къ людямъ. Скоро будетъ уже двѣ тысячи лѣтъ, какъ люди вспоминаютъ объ этихъ страданіяхъ каждый годъ, а все еще не поймутъ, что они каждый день, каждый часъ распинаютъ своего Бога...

Я люблю въ страстную седьмицу ходить въ церковь: въ эти дни люди какъ-то ближе дѣлаются другъ другу и, какъ раскаявшіеся преступники, грустятъ о какой-то невѣдомой хорошей жизни и смутно сознаютъ суету и пустоту тѣхъ благъ жизни, за которыя они непрестанно грызутъ другъ друга за горло... Даже въ фарисеяхъ въ эти дни начинаютъ теплиться искорки искренняго покаянія...

Каждый день я хожу къ часамъ и къ вечернѣ. Закрою глаза и прислушиваюсь къ кроткой молитвѣ, такъ просто и искренно раскрывающей передъ Богомъ всѣ человѣческія слабости:

— „Господи, владыко живота моего...“

Вздыхаютъ люди, опускаются на колѣни, и вся церковь на-

полняется покаяннымъ настроеніемъ. Хочется прощать даже врагамъ своимъ, не вѣдающимъ бо, что творятъ.

Въ тюремной церкви такъ странно и рѣзко, подъ звонъ кандаловъ, звучатъ слова кроткой молитвы. Въ головѣ встаютъ непримиримые контрасты: вотъ они, люди—одни заковали другихъ, какъ опасныхъ звѣрей, въ желѣзныя цѣпи, разсадили по клѣткамъ и теперь вмѣстѣ сокрушаются и молятъ Бога:

— „Духъ же цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любви даруй ми, рабу Твоему!..“

— „И не осуждати брата моего...“

Мѣшаетъ это отдаваться тому настроенію, которое испытывалъ въ такіе дни въ церкви свободнымъ. Только начнешь отлетать отъ земныхъ злобъ, какъ вдругъ — звонъ кандаловъ или бряцаніе оружіемъ, — и раскрываешь глаза, и саркастическая улыбка начинаетъ шевелить губы. Думаешь: „если на небѣ есть Господь, какъ ему должно быть обидно, горько и смѣшно смотрѣть и слушать на слѣпыхъ рабовъ своихъ!..“

Хотѣлось вспомнить дѣтство, всю недѣлю пропоститься и даже поговѣть. Нѣтъ, не могу! Ничего не выходитъ. Не покидаетъ духъ сомнѣнія: кандалы не даютъ ему притихнуть и слиться съ молящимися братьями въ общей кроткой, такой прекрасной молитвѣ... Буду слушать великопостное пѣніе и вспоминать хотя, а не переживать то, что не хочетъ вернуться...

Купилъ пучокъ вербы съ бѣлыми пушистыми, похожими на маленькихъ зайчиковъ, цвѣтами, купилъ толстую восковую свѣчку съ золотомъ. Хожу аккуратно къ часамъ и къ вечернѣ, жую пахучій воскъ, подпѣваю арестантамъ, а самъ вспоминаю, какъ говѣлъ, бѣгая изъ церкви въ церковь, когда былъ гимназистомъ, какъ возвращался отъ всенощной съ горящей свѣчой и какъ лазалъ на колокольню звонить... И полетитъ мысль далеко-далеко, и забудешь, что ты — въ тюрьмѣ. Ахъ, проклятые кандалы, вы опять разбудили мой разсудокъ! Дайте мнѣ полетать на волѣ!..

— „Господи, владыко живота моего...“

Позади меня стоитъ стражникъ и, опускаясь на колѣни, бряцаетъ шашкой. И мнѣ вдругъ приходитъ въ голову мысль: „а что, если я сейчасъ побѣгу?“ Забудетъ про Владыку своего живота и первымъ дѣломъ вспомнитъ владыку тюрьмы и пуститъ въ меня пулю изъ револьвера...

Въ среду за часами въ мою клѣтку заглянулъ батюшка въ черной ризѣ съ серебряными крестами. Онъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на меня и очень кротко, съ соболѣзнованіемъ, спросилъ:

— Пожелаете исповѣдываться?..

— Нѣтъ, батюшка, не могу...

— Почему такъ? Я вижу, что вы, не въ примѣръ другимъ политическимъ, посѣщаете храмъ Божій... Вы, вѣроятно, боитесь, предполагая, что я выдамъ начальству ваши политическіе грѣхи...

— Политическіе грѣхи, батюшка, иногда на небесахъ считаются добродѣтелями...

— Никогда! Заблуждаетесь.

— Христа обвиняли, батюшка, въ томъ, что онъ называлъ себя царемъ...

— Не время и не мѣсто... — сказалъ батюшка и скрылся.

Пропала охота ходить въ церковь. Въ Великую пятницу я зажегъ у себя въ камерѣ огарокъ свѣчи съ золотомъ и слушалъ, какъ въ тюремной церкви пѣли арестанты „Слава долготерпѣнію твоему, Господи“, какъ въ синей тишинѣ весенней ночи перекликались колокола городскихъ церквей, и невыразимая тоска щемила мнѣ грудь, выдавливала на глаза слезы. Глухое пѣніе, перезвонъ колоколовъ и огонекъ восковой свѣчи напоминали о смерти и погребеніи... И вдругъ въ памяти нарисовался полутемный залъ въ старомъ домѣ, гробикъ съ тремя горящими свѣчками и блѣдное личико Вовочки въ кружевномъ чепчикѣ, сложенныя ручки съ восковыми пальчиками... Закрылъ глаза и вижу около гробика тонкую женщину въ черномъ, съ страдальческимъ выраженіемъ на прекрасномъ лицѣ... Уйди, Калерія! Я не хочу вспоминать о тебѣ. Я не люблю тебя, я никогда не любилъ тебя, я лгалъ себѣ самому, когда говорилъ тебѣ о своихъ мукахъ и о радостяхъ любви!.. Я люблю Зою, мою чистую бѣлую невѣсту съ золотыми косами. Только ее! Уйди же, Калерія, я не хочу тебя видѣть!.. Я не хочу о тебѣ думать...

— Зоя, Зоя!.. Гдѣ ты, моя свѣтлая голубка?

Я съ сердцемъ погасилъ восковой огарокъ, рождающій въ памяти черный призракъ прошлаго, и, ходя по камерѣ, съ грустью тихо декламировалъ свои стихи, посвященные Зоѣ:

Ярко блещутъ звѣзды въ синевѣ небесной,
Чрезъ окно струится ароматъ весны,
Надъ землей уснувшей роемъ безтѣлеснымъ
Носятся на крыльяхъ феи грезъ и сны...
Звѣздочка мигнула въ вышинѣ далекой
И опять зажглася синимъ огонькомъ...
Звѣздочка, брось лучъ свой къ дѣвѣ синеокой,
Разбуди ей сердце и шепни тайкомъ!..
Ты шепни о томъ ей, какъ тоскуетъ милый,
И отдай ей крылья отъ моей мечты,—

Пусть, хоть на мгновенье, сказочною силой
Превратится въ грезу, фею Красоты!..
Надо мной склонилась русая головка
И коса упала ко мнѣ на плечо...
Въ полутьмѣ сверкнула глазками плутовка
И поцѣловала крѣпко, горячо...

Синѣетъ въ раскрытой форточкѣ кусокъ небесной синевы съ одинокой звѣздочкой, ласковый теплый вѣтерокъ приноситъ пугливыя еще грезы о радостяхъ весны, а колокола невидимаго города грустно и торжественно перекликаются, то далекіе и тонкіе, то близкіе и гудящіе низкимъ басомъ... А въ тюремной церкви арестанты въ кандалахъ съ вѣрой и упованіемъ поютъ:

— „Слава долготерпѣнію твоему, Господи!“

Какая теплая ночь! Насторожилась и прислушивается къ перезвону колоколовъ. И небеса притихли. И звѣзды задумались. Какая-то тайна есть между небомъ и землею. Что-то знаютъ земля и небо, чего не знаемъ и никогда не узнаемъ мы, люди. И отъ этого кроткая печаль волнуетъ душу. Странно: на свободѣ, когда читалъ Бюхнера, не вѣрилъ въ Бога и вѣрилъ только въ Дарвина, все было такъ ясно и понятно: Бога нѣтъ, какъ дважды два—четыре, его придумали умные и ловкіе люди, чтобы удобнѣе и легче было морочить простаковъ... А вотъ теперь опять все неясно и все непонятно. Смотрю въ синюю глубь неба съ задумчивыми звѣздами, прислушиваюсь къ плавающимъ въ тишинѣ звонамъ колоколовъ — и душа наполняется какимъ-то благоговѣйнымъ трепетомъ, и ясно чувствуетъ какую-то великую тайну между землей и небомъ.

— Нѣтъ, не можетъ быть, чтобы не было Бога...

— „Слава долготерпѣнію твоему, Господи!“ — поютъ арестанты.

Я глубоко вздыхаю и молюсь въ форточку на кусокъ далекихъ, полныхъ тайны небесъ.

Но вотъ все стихло. Не поютъ арестанты, замолчали колокола. Молчатъ земля и небо. Кончились великія страданія Христа, положившаго душу за други своя... Въ страданіяхъ за правду и ближнихъ люди пріобщаются къ великимъ страданіямъ Христа. И, можетъ быть, поэтому въ душѣ моей иногда ярко вспыхиваетъ радость, что я томлюсь въ тюрьмѣ въ эти дни великихъ страстей Господнихъ... Да, да, это такъ! „Слава долготерпѣнію твоему, Господи!“—шепчу я и, успокоенный, съ тихой и кроткой душой, ложусь въ постель. Не спится. Въ раскрытой форточкѣ синѣетъ кусокъ неба съ одинокой звѣздочкой и притягиваетъ къ себѣ какой-то невѣдомой силою. Влажной прохладной

волною льется съ воли тревожащій воздухъ весенней ночи. Какую-то радость приноситъ онъ изъ невѣдомыхъ краевъ на своихъ крыльяхъ, пробуждаетъ въ памяти какія-то смутныя, радостныя воспоминанія... Весенній шумъ старыхъ березъ съ молодыми листочками; голубыя небеса съ плывущими куда-то бѣлыми облачками; зеркальная поверхность родной Волги съ убѣгающими въ синюю даль горами; дымокъ парохода, грустный, далекій свистокъ; плоты въ розовомъ туманѣ весенняго вечера на рѣкѣ...

— Зоя, Зоя!..

Старый садъ съ липами, съ таинственными шатрами изъ зеленыхъ кружевъ листвы, съ одуряющими ароматами сирени, съ огнями скрытаго деревьями стараго дома... Бѣлая, какъ снѣгъ, гибкая Джальма въ синихъ сумеркахъ теплой молчаливой ночи, распахнутое окно бесѣдки... и прекрасное лицо черной женщины съ чернымъ пламенемъ странныхъ, пугающихъ душу глазъ...

— Уйди, Калерія!.. Я не хочу тебя вспоминать и не хочу думать о тебѣ.

Не уходитъ. Властно стоитъ въ памяти и насмѣшливо смотритъ прямо въ глаза...

— Какіе безстыжіе глаза у тебя, Калерія!.. Не смотри на меня! Уйди!

Не уходитъ. Приближаетъ свое лицо, порывисто дышетъ горячимъ дыханіемъ въ щеки и раскрываетъ свои красныя губы...

— Пойдемъ, пойдемъ...

— Куда ты влечешь меня? Развѣ ты не знаешь, что я люблю Зою, что Зоя—моя невѣста?

— Пойдемъ на край свѣта!.. Уже пришла весна. Шумитъ старый сосновый боръ, распустились на озерѣ бѣлыя лиліи и желтыя кувшинки, выросла мягкая душистая трава... Развѣ ты не слышишь, какъ пахнетъ спѣлой земляникой?

— Ахъ, Калерія... Какая ты красивая!..

— Да, да... Идемъ же на край свѣта... встрѣчать весну!..

На другой день я проснулся разбитый и усталый, съ смутной тоской на душѣ... И когда я вспомнилъ кошмарные сны пролетѣвшей ночи, я почувствовалъ жгучій стыдъ и, закрывъ глаза, прошепталъ:

— Прости, Зоя... Я не виноватъ... Мнѣ стыдно и... гадко...

XXXII.

Въ Великую субботу прилетѣли вѣстники радости: вечеромъ, послѣ повѣрки, стражникъ принесъ мнѣ въ камеру куличъ, пасху и десятокъ красныхъ и зеленыхъ яицъ.

— Вотъ вамъ... разговѣться!..

— Отъ кого? Постой, скажи, отъ кого...

Ушелъ. Я сталъ разсматривать пасхальныя приношенія, и сердце запрыгало отъ радости:

— Мама!.. Вижу по куличу, что мама... Пріѣхала милая старушка... Да, конечно, она: узоры на куличѣ—наши, семейные, такіе памятные... Ахъ, милая старушка, какъ я радъ, что увижу тебя, родная! Какъ я люблю тебя, раньше я этого не чувствовалъ, а вотъ теперь...

Я нюхалъ куличъ и еще болѣе убѣждался, что отъ него пахнетъ нашимъ старымъ домомъ. Милый куличъ, словно молчаливый другъ, ты съ любовью и лаской смотришь на меня со стола и говоришь мнѣ:

— Христосъ воскресе, Геня!

А яйца красили тетки. Вотъ эти зеленыя — старшая тетка, а эти красныя — младшая. Смѣшныя тетки! За что я ихъ не любилъ? Въ сущности онѣ очень милыя старыя дѣвы, меня любятъ по-своему, берегутъ мою нравственность, какъ онѣ съумѣли сберечь свою собственную. Это смѣшно, но надо умѣть понять и простить. Говорятъ, младшая была очень недурна, имѣла нѣсколько жениховъ, но какъ только женихъ заговаривалъ о любви и дѣлалъ попытки поласкаться съ невѣстой, такъ она оскорблялась, рыдала и гнала вонъ жениха.

— Онъ нахалъ, развратникъ! — кричала она изъ запертой комнаты, и романъ обрывался на самомъ интересномъ мѣстѣ. Эту тетку до сихъ поръ называютъ въ уѣздѣ „невѣстой неневѣстою“...

— Ахъ, вы тетки, старыя лебедки!.. Ей-Богу, и васъ я люблю...

Теперь на моемъ столѣ—кусочекъ нашего дома, кусокъ нашего пасхальнаго стола. Что же, и то хорошо. У меня все по кусочкамъ: кусокъ неба, кусокъ воздуха, кусокъ свободы, кусокъ стола, кусокъ Пасхи Христовой. Раньше былъ, вотъ здѣсь, въ каменной стѣнѣ, кусокъ Зои... Теперь его—нѣтъ... Всколыхнулось радостью сердце: можетъ быть, мама достала три тысячи и возьметъ меня на поруки?.. Свобода, свобода! Только въ неволѣ начинаешь понимать, какое это огромное счастье распоряжаться своимъ тѣломъ: куда захочешь—иди, на что хочешь—гляди, что хочешь—слушай, а чего не хочешь—не слушай, на кого хочешь—гляди, а на кого не хочешь—не гляди... Куда я пойду? Къ Зоѣ! На кого буду глядѣть? На Зою! Что я буду слушать? Голосъ Зои! На кого смотрѣть? На Зою, на Зою!..

Первымъ дѣломъ женюсь на Зоѣ. Какъ это устроится, я еще не знаю, но это должно быть и будетъ. Навѣрно, мама привезла мнѣ вѣсточку о Зоѣ и о томъ, какъ все это должно устроиться...

— Тетки, вы уже навѣрно оплакали мою нравственность!..

Кто-то идетъ. Не ко мнѣ ли?.. Брянчатъ ключи, гремитъ желѣзный засовъ.

— Къ заутренѣ пойдете?

— Какъ же, какъ же!.. Обязательно!.. Всенепремѣнно!.. Неукоснительно!.. Постойте!

— Что вамъ?

— А Христосъ-то воскреснетъ...

— Ну, и слава Богу!

— Что взяли?

— Чай, не мы Его распинали?..

— Вы, вы, вы!..

Ушелъ... Тихо. Удивительно тихо. Опять притаилась ночь, напряженно молчитъ земля и ждетъ чего-то въ торжественномъ молчаніи своемъ... Притихъ городъ. Тоже ждетъ чего-то. И притихла тюрьма. Надо готовиться къ заутренѣ: умыться, надѣть все чистое, причесаться, вообще принять необычный видъ. Хочется быть чистымъ и красивымъ...

— Пожалуйте въ церковь!..

Быстрымъ шагомъ спѣшимъ въ церковь. Промелькнула темно-синяя ночь, съ трепещущими въ высотѣ звѣздами, обдало пріятной весенней прохладой, и потянулся полутемный корридоръ, которымъ проводятъ политическихъ къ Богу. Опять въ клѣткѣ, опять позади—стражникъ съ шашкой. Но предъ глазами—кусокъ ярко-освѣщенной церкви, паникадило съ зажженными свѣчами, верхушка иконостаса. Въ церкви тихо, напряженно тихо. Даже не звенятъ кандалы. Только шопотъ, вздохи и какіе-то шорохи...

— Бу-у-умъ! — ударилъ гулкій басовой колоколъ въ городскомъ соборѣ, и задрожалъ воздухъ, и мигнули огни восковыхъ свѣчъ. Слѣдомъ за этимъ гулкимъ мощнымъ ударомъ загудѣли колокола во всѣхъ городскихъ церквахъ и тоненькимъ голоскомъ отвѣтила имъ наша тюремная церковь... Загудѣла земля отъ колоколовъ и тревожно задрожала душа... Разомъ загремѣли арестанты кандалами, стражники — оружіемъ, духовенство—кадилами, новыми праздничными ризами. Закачались передъ глазами верхушки хоругвей... Пошли встрѣчать Христа. Пошли только избранные: попъ, дьяконъ, дьячокъ, смотритель и его помощникъ, надзиратели, хоръ пѣвчихъ. А мы остались ждать. Съ нами,

арестантами, остались и стражники. Нѣсколько минутъ тишины, нарушаемой сдержаннымъ покашливаніемъ, а потомъ — глухое пѣніе за каменными стѣнами: „Воскресеніе Твое, Христе Спасе“... Но вотъ растворились двери тюремной церкви и ворвался радостный, побѣдный хоръ молодыхъ голосовъ:

— „Во-скре-се-ніе Т-во-е, Христе Спа-се, а-нге-ли по-ютъ на небеси...“

Зашумѣла, загремѣла вся церковь. Сотня арестантскихъ надорванныхъ голосовъ подхватила эту торжественную пѣснь, возвѣстившую Христово Воскресеніе, и теплыя слезы полились изъ моихъ глазъ... Дрожала душа отъ невѣдомой радости и огромной скорби, отъ любви къ людямъ и отъ ненависти къ нимъ за то, что они сами распинаютъ другъ друга, и не было силъ спрятать эти слезы... Запѣли „Христосъ Воскресе“, я прижался къ стѣнкѣ своей клѣтки и расплакался. Кто-то тихо дотронулся до моего плеча и сказалъ:

— Христосъ воскресе, баринъ!

Обернулся—стражникъ, съ доброй улыбкой на грубомъ солдатскомъ лицѣ.

— Воистину воскресе!..

Вытеръ слезы и крѣпко поцѣловалъ стражника три раза. А онъ вздохнулъ и прошепталъ:

— Мамашу, видно, вспомнилъ... Господь страдалъ и намъ велѣлъ терпѣть...

— Нѣтъ, Господь намъ не велѣлъ мучить другъ друга...

— А ты тише!.. Нельзя... Молча молись, Господь все понимаетъ...

А радостный хоръ съ свѣтлыми дѣтскими голосами наполнялъ церковь ликующими словами пасхальныхъ пѣсней:

— „Другъ друга обымемъ, и ненавидящія насъ простимъ все Воскресеніемъ!..“

Молятся арестанты, громыхая кандалами, и на восклицанія священника: „Христосъ воскресе“, дружно, торопливо и радостно гудятъ разбитыми голосами:

— Воистину воскресе, батюшка!..

— Приложиться бы къ кресту надо...—шепчетъ стражникъ.

— Иди, не бойся: не убѣгу.

— Кабы надзиратель не замѣтилъ. Нельзя намъ...

— Иди!..

— Ну, смотри... Грѣхъ будетъ...

— Не безпокойся...

— Убѣжать некуда, ворота заперты, а непріятностей много будетъ...

— Вотъ видишь!..

Я перекрестился, и стражникъ спокойно пошелъ прикладываться.

Вернувшись отъ заутрени, я усѣлся къ своему пасхальному столу и началъ разговляться куличомъ и пасхой. Чѣмъ-то роднымъ пахло отъ стола и отъ кулича съ пасхой. Чудилось, что со мной невидимо сидятъ за столомъ мама, покойный папа, братъ, тетки...

— Ну, милые, Христосъ воскресе!—говорилъ я и нюхалъ куличъ.

— Зоя, моя свѣтлая чистая невѣста, Христосъ воскресе!..

И, отыскавъ на холодной стѣнѣ то мѣсто, въ которое я билъ карандашомъ перестукиваясь съ Зоей, я трижды поцѣловалъ камень...

— Тукъ-тукъ, тукъ-тукъ!..

Что такое? Кажется, зоветъ кто-то... Или послышалось... Нѣтъ:

— Тукъ-тукъ, тукъ-тукъ!

Прижалъ ухо къ стѣнѣ. Да, несомнѣнно — стучатъ, но не меня: это очень далеко. Кто-бъ это могъ быть? Ага, кто-то еще дальше отзывается. Слушаю:

— Х-р-и-с—в-о-с-к-р.

— Н-е—в-ѣ-р-ю.

Кто-то не вѣритъ. А вотъ я вѣрю, вѣрю, вѣрю!.. Я всталъ посреди камеры и громко запѣлъ:

— „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ...“

— Прекратите! Нельзя...

— „Смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ!..“

— А вы потише!.. Нехорошо.

— Славить Христово Воскресеніе нехорошо?

— Богъ съ вами, только потише...

— Христосъ воскресе!

— Да, во истину, только тише надо. Неравно смотритель пойдетъ...

— Скажи, много сидитъ нашихъ?

— Есть еще.

— А Николай Иванычъ сидитъ?

— Его увезли куда-то. Нельзя... Спите!.. Молчу. Богъ съ вами!

Не спится. Тоска и радость безостановочно волнуютъ душу. Синяя весенняя ночь безпокоитъ смутными воспоминаніями и радостными предчувствіями. Все хочется смотрѣть въ форточку на небо, на звѣзды и прислушиваться къ тайнамъ земли и неба...

Такъ и заснулъ я, сидя за столомъ и положивъ голову на руки. И видѣлъ странный сонъ: будто бы съ звѣздныхъ небесъ прилетѣлъ бѣлый голубь и бьется крыльями въ закрытое желѣзной рѣшеткой окно моей камеры; а позади его, то подлетая близко, то отлетая, ныряетъ въ воздухѣ темный коршунъ; я раскрылъ форточку и маню въ нее бѣлаго голубя, а голубь боится и не влетаетъ...

Когда я проснулся, гулко и радостно трезвонили колокола городскихъ церквей, гремѣли по мостовымъ извозчичьи пролетки и яркій солнечный день сіялъ свѣтлой радостью надъ землею...

— Пасха! Пасха!.. Зоя! Мама!.. Христосъ воскресе, милые!.. Сонъ... Я видѣлъ удивительный сонъ... Бѣлый голубь!.. Вотъ здѣсь, за рѣшеткой, бился бѣлый голубь... Зоя, Зоя, можетъ быть, это ты прилетала ко мнѣ въ пасхальную ночь, обернувшись бѣлымъ голубемъ?!..

— Пожалуйте на свиданіе!

— Христосъ воскресе!

— Воистину!

— Кто пришелъ?

— Неизвѣстно.

— Мужчина или женщина?

— Неизвѣстно.

— Средняго рода, должно быть...

Тороплюсь, опять не найду шапки. Пора бы шляпу съ широкими полями, лѣтнее пальто на распашку, а тутъ ходи въ шубѣ. Шуба стала тяжелой, ненужной: зимой чувствовалъ къ ней благодарность, а теперь—ненависть. Не надо калошъ! Къ чорту! Надѣли. Идемъ, идемъ!..

— Гдѣ свиданіе?

— Въ конторѣ. Сегодня разрѣшено вамъ безъ рѣшетки...

— Слава Богу, а то лица человѣческаго не признаешь... Ротмистръ будетъ?

— Помощникъ смотрителя.

— Трезвый?

— Маленько выпимши... Безъ этого нельзя. А между прочимъ, безъ разговору!..

Такъ и бѣгутъ ноги, подплясывая подъ колокольный тре-

звонъ многочисленныхъ городскихъ церквей. Кажется, что колоколà выбиваютъ „барыню“. Вотъ и контора. Захватило духъ. Страшно какъ-то войти...

— Пожалуйте!..

— Мама!

— Геня!

— Христосъ воскресе!..

Обнялись и застыли. Плачетъ бѣдная старушка отъ радости и горя; ея горячія слезки жгутъ мою щеку, а худая, костлявая рука, трясясь и прыгая на моемъ плечѣ, судорожно цѣпляется за одежду...

— Перестань! Не плачь, не надо унижаться...—шепчу я дрожащими губами, а у самого тоже прыгаютъ изъ глазъ слезы... А колокола радостно трезвонятъ и гулъ стоитъ въ ушахъ отъ этой колокольной музыки. Помощникъ смотрителя отвернулся, потихоньку смахнулъ перчаткой слезу и сталъ сердито откашливать.

— Насморкъ получилъ—говоритъ онъ въ пространство и сморкается.

— Куличъ получилъ? Пасха понравилась?

— Да, да, мама, все очень понравилось. А вотъ ты совсѣмъ постарѣла.

— Я сильно хворала. Думала, не встану и не увижу больше тебя... Ахъ, ты!..

Опять обняла, цѣлуетъ и что-то шепчетъ...

— Мама, разскажи, что̀ на волѣ!..

— Погоди!.. Дайте воды!.. Нѣтъ ли воды...

— Дайте воды!—строго крикнулъ помощникъ смотрителя.

Мама напилась воды.

— Натворилъ ты бѣдъ...

— Какихъ, мама, бѣдъ?.. Ты меня пугаешь...

— Да теперь ужъ ничего, а было время... Эхъ, вы, ребятишки!..

— Разсказывай же! Не мучай, ради Бога!..

Мама покачала головой и начала разсказывать: пріѣзжалъ изъ Симбирской губерніи помѣщикъ, отецъ „этой особы“...

— Моей невѣсты, мама, невѣсты!

— Ну, да, невѣсты...

— Ну, ну!.. Скорѣй же, не мучай!

— Сейчасъ, сейчасъ... У меня часто боли вотъ здѣсь. Говорятъ, камни въ печени... Охъ! Прошло...

— Она здорова? да?..

— Теперь поправляется, а было время, думали — не выживетъ...

— Что такое? Ради Бога!..

Пріѣзжалъ отецъ и разсказывалъ, что его дочка требуетъ, чтобы ты женился на ней.

— Ахъ, мама! Вы или ничего не поняли, или не хотите понять... Я люблю ее и мы давно рѣшили съ ней повѣнчаться. Она требуетъ не отъ меня, а...

— Ну, да... Отецъ не хотѣлъ, а теперь пріѣхалъ и самъ проситъ, умоляетъ...

Ужасныя новости разсказываетъ мать: Зоя, моя милая бѣлая голубка, была на краю могилы: она выпила цѣлую коробку порошковъ морфія и два дня ее отнимали у смерти, мѣшая всѣми средствами ея сну, готовому каждую минуту перейти въ сонъ вѣчности. Оставила какую-то записку — мама не знаетъ, — но теперь отецъ пріѣдетъ въ Казань и будетъ хлопотать, чтобы намъ разрѣшили обвѣнчаться...

— Зоя... Ахъ, какая ты... Но она теперь здорова?

— Да, а потомъ еще отняли у нея револьверъ...

Я ходилъ взадъ и впередъ по конторѣ и, хватаясь за голову, напряженно думалъ о томъ, какъ сдѣлать, чтобы сохранить бѣлую голубку отъ возможнаго повторенія такой непоправимой ошибки.

— Мама, если ты меня любишь, я прошу тебя немедленно поѣхать къ нимъ въ имѣніе и поберечь Зою. Знай, что если она... умретъ, я — тоже...

— Да теперь ужъ не умретъ.

— Почему ты такъ увѣрена?

— Отецъ скоро привезетъ ее сюда.

— Зою? Сюда!

— Да. Она требуетъ.

— Молодецъ!... Ахъ, какая она...

Я ходилъ и смѣялся отъ радости.

— А ты посиди около меня... Все ходишь... Эхъ, ты!... Смутилъ дѣвушку... Молодъ еще... Ну, да ужъ если дѣло такъ вышло, твой долгъ...

— Какой долгъ?... Не долгъ, а мое счастье, моя радость, моя жизнь!... Ты, мама, ничего не понимаешь... Или не желаешь понимать.

— Во всякомъ случаѣ тебѣ надо сперва выйти изъ тюрьмы, почиститься, пообшиться... Вонъ какіе волосы отростилъ. Неужели васъ здѣсь никогда не стригутъ...

И смѣшно, и досадно; хочется наговорить матери дерзостей и хочется обнять, поцѣловать и сказать:

— Милая, старенькая, сѣденькая мамочка, перестань ты пожалуйста говорить благоразумныя глупости!...

— Мы обвѣнчаемся здѣсь, въ тюрьмѣ.

— Вотъ такъ радость!... Ну, а потомъ?

— Потомъ... Потомъ я буду досиживать, а она...

— Досиживать?... Медовый мѣсяцъ ты будешь досиживать... въ тюрьмѣ!...

— У насъ, мама, никакихъ медовыхъ не будетъ... Глупости! Мѣщанство!...

— Вотъ послушайте, г. смотритель, какъ нынче разсуждаютъ...

— Ммм... да. Ихъ дѣло...

— У насъ всю жизнь будетъ медовый мѣсяцъ...

— Ахъ, Богъ съ вами!... Не поймешь васъ...

— А дожидаться, когда ты добудешь денегъ и возьмешь на поруки... Слуга покорный...

— Богъ дастъ, это выйдетъ скоро... Надѣюсь послѣ Ѳоминой выкупить тебя, озорникъ... Мужъ!... Ну, какой ты мужъ?!... Смѣшно смотрѣть...

— Ну, мама, не забывай, что мы здѣсь не одни... Насъ слушаютъ...

— Я не слушаю,—пробасилъ помощникъ смотрителя.

— Не слушаете, а реплику подаете очень быстро и кстати...

— Не спорь, Геня!...

— А ты, мама, всетаки привези мнѣ лѣтнюю пару, пальто, новую шляпу съ большими полями... И еще духовъ! Ландыша...

— Эхъ, женихъ...

— Ну, будетъ, мама, острить, а то разсержусь...

— Да дай Богъ!... Она, видно, изъ хорошей семьи... У нихъ, говорятъ, больше шестисотъ десятинъ земли въ Симбирской губерніи...

— Ахъ, мама, уши вянутъ... Чортъ съ ними, съ десятинами!...

— Свиданіе кончилось...

— Позвольте, г. смотритель, по случаю Пасхи-то побыть мнѣ подольше!

— Не могу. Не одинъ вашъ сынокъ у насъ. Другіе тоже желаютъ имѣть свиданіе. А затѣмъ, я и самъ... Я долженъ разговѣться, какъ принято...

— Не проси, мама!... До свиданія... Когда придешь?...

— Въ среду обѣщали... Ну, будь здоровъ!... Теперь буду хлопотать о порукахъ... Прощай! Христосъ съ тобой...

— Кто далъ, мама, денегъ?...

— Догадайся!...

— Свиданіе кончилось... Прошу васъ, мадамъ...

— Иду, иду...

— Кто, мама?...

— Калерія!...

— Пожалуйте въ камеру!...

... Калерія... Калерія... Меня выкупаетъ Калерія... Какъ же это?... Это невозможно!... Я не могу такъ... Я не хочу такъ...

Въ головѣ кружились мысли, какъ опадающіе листья подъ осеннимъ вѣтромъ; я шелъ пошатываясь и спотыкаясь, словно пьяный... Лицо мое горѣло отъ стыда, а руки тряслись, какъ у преступника, только что выбросившаго обагренный кровью ножъ...

Такъ вотъ онъ, этотъ странный вѣщій сонъ въ пасхальную ночь!... Бѣлая голубка и черный коршунъ... Нѣтъ, я боюсь свободы, которую мнѣ приноситъ эта черная птица...

— Что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать?... Господи, что мнѣ дѣлать?...

XXXIII.

Въ какомъ-то кошмарѣ прошли первые три дня Пасхи. Безостановочно трезвонили колокола, въ ушахъ гудѣлъ безпрерывный звонъ, болѣла голова отъ вихря думъ, отъ напряженнаго исканія выхода изъ такъ зловѣще складывающихся случайностей. Сердце то стучало тревожно, то словно переставало биться, и холодный потъ появлялся на лбу. Я ходилъ по камерѣ, ходилъ до полнаго изнеможенія, валился въ постель, сжималъ подушку и шепталъ:

— Не знаю, ничего не знаю... Надо вамъ обѣимъ сказать всю правду... Тебя, Зоя, я люблю, безумно люблю, а тебя, Калерія, я ненавижу... Тебѣ, Зоя, я не могу отдать чистоты, потому что я отдалъ ее Калеріи, а ты, Калерія, не думай, что, выкупивъ меня за три тысячи изъ каменной клѣтки, ты купишь и вернешь прошлое: оно невозвратно и ни за какіе милліоны ты не вернешь его. Предъ тобой, Зоя, я глубоко виноватъ; если можешь, прости и люби; если не можешь—прощай, мнѣ больше нечего ждать и незачѣмъ жить... А ты, Калерія, ты... должна упасть на колѣни передъ чистой бѣлой дѣвушкой и сказать, что ты отняла мою чистоту, да, отняла...

По ночамъ меня мучили сны, то зловѣщіе, то грубо чувственные: въ этихъ снахъ являлась то бѣлая, то черная женщина, иногда одна превращалась въ другую, и когда я склонялся надъ плачущей дѣвушкой съ золотыми волосами, чтобы утѣшить ее—я пугался отъ неожиданнаго превращенія: вмѣсто слезъ раздавался хохотъ, вмѣсто золотыхъ волосъ на меня падали волны черныхъ, какъ поверхность расколотаго куска черной смолы, вмѣсто грустныхъ синихъ глазъ безстыдно сверкали чувственнымъ пламенемъ—черные...

— Что же дѣлать?.. Мнѣ кажется, что я схожу съ ума. Калеріи я могу сказать въ лицо все, что хочу сказать, но Зоѣ... Какъ я скажу Зоѣ, что я уже позналъ женщину и что этой женщиной была та, которая меня выкупила изъ тюрьмы?.. Нѣтъ силъ сказать...

— Трусъ, презрѣнный трусъ!.. Зоя не боялась смерти, а вотъ ты, трусъ, боишься даже разсказать о томъ, чего ты не имѣешь права скрыть отъ любимой дѣвушки...

— Скажу, скажу, все скажу!.. Дѣлайте со мной, что хотите... Мама, еслибы ты могла быть другомъ своего сына... Но ты не поймешь... Ты—родная и чужая... Мама, погоди вносить деньги: я боюсь этихъ денегъ... Сейчасъ я напишу тебѣ.

„Милая, хорошая мама! Погоди вносить за меня деньги Калеріи. Сперва я долженъ написать ей письмо и подождать отвѣта. Быть можетъ, я еще не захочу воспользоваться добротой Калеріи. Въ среду, при свиданіи, я объясню тебѣ подробнѣе, а пока умоляю, требую, чтобы ты не выкупала меня на эти деньги. Геннадій“.

Не успѣетъ мама получить этого письма: сегодня—вторникъ... Надо послать телеграмму...

„Мама требую не брать меня напоруки, завтра переговоримъ. Геннадій“.

— Что вы стучите? Чего надо?

— Мнѣ необходимо послать телеграмму матери. Немедленно!

— Смотрителя нѣтъ, а безъ него—нельзя.

— Пошлите въ жандармское. Немедленно!

Надзиратель прочиталъ телеграмму и позѣвнулъ:

— Ладно... Только едвали...

— Чего „едвали“? Немедленно!

— Время праздничное, наврядъ полковникъ будетъ дома сидѣть...

— Это не ваше дѣло!

— Да вы не кричите! Захочу, такъ и вовсе не пошлю. Ни-

какой тутъ экстренности нѣтъ: никто не помираетъ. Стало быть, и полежать до завтра можетъ...

— А если помираетъ?

Надзиратель повернулся и ушелъ.

— Вы отвѣтите!

Молчаніе. Только лязгаетъ желѣзо, запирающее мою камеру... Злоба, безсильная злоба, клокочетъ въ груди и нѣтъ ей выхода. Въ дикомъ изступленіи я схватываю со стола желѣзный ковшъ и начинаю имъ бить въ окнѣ стекла. Съ жалобнымъ звономъ летятъ на полъ стеклянные осколки, и этотъ звонъ еще болѣе усиливаетъ мое неистовство: я бью стекла второй рамы и кричу:

— Вотъ вамъ! вотъ! вотъ!..

Свѣжій воздухъ полился холодными волнами въ камеру, освѣжилъ мою голову, и я опомнился. Выбросилъ на полъ ковшъ и, сѣвъ на кровать, въ нервномъ истощеніи, опустилъ руки и голову.

— Что такое?..

— Ничего... Рамы выставилъ... Весна, давно пора выставить, а вы...

— Что же это за безобразіе!.. Жалко, смотрителя съ помощникомъ нѣтъ...

— Я требую прокурора...

— Въ карцеръ можно и безъ прокурора... Вотъ завтра доложу смотрителю...

— Сегодня, а не завтра... Я требую!..

— Вотъ и спите да мерзните... Сегодня вставлять некому, а переводить въ другую камеру безъ смотрителя мы не имѣемъ права... А если продолжать будете, то и связать инструкція дозволяетъ...

— Инструкція... Какая инструкція?.. Гм!.. Смѣшное слово...

— Вамъ все смѣшно... Погодите, не пришлось бы поплакать... Безобразіе!

— Да, скверно... Окно не виновато... Идите!.. Не буду... Извините великодушно...

— Извините... Нѣтъ ужъ, пускай смотритель какъ знаетъ, а я извинять не имѣю права...

— Ну, наплевать... Уходите съ Богомъ!..

Надзиратель крикнулъ стражника, тотъ привелъ Флегонта. Убрали всѣ стекла, очистили рамы, испробовали крѣпость рѣшетки, отобрали все твердое и острое, даже ручку съ перомъ, и ушли... Смѣшно: они боятся, какъ бы я не покончилъ съ собой... Нашли дурака!.. Я жить хочу, страстно, ненасытно хочу жить, а они...

Послѣ сильнаго нервнаго возбужденія наступилъ полный упадокъ силъ. Я съ трудомъ таскалъ по камерѣ ноги и не могъ сжать пальцевъ въ кулакъ. Растерянная улыбка не сходила съ моего лица, дергались губы и вѣко лѣваго глаза. Пробовалъ говорить съ собою и удивлялся своему голосу: слабый, глухой, не мой голосъ... Смѣшно и странно слышать... Валялся въ кровати и думалъ, почему это не звонятъ въ колокола. Словно я разбилъ не стекла окна, а всѣ колокола въ городѣ. Посмотрѣлъ на окно и тутъ только увидѣлъ, что уже стемнѣло. Какъ это такъ незамѣтно подкралась ночь, такая тихая и ласковая, кроткая и печальная ночь?.. Гдѣ-то играетъ оркестръ духовой военной музыки... То тихо, почти не слыхать, то громко, совсѣмъ близко. Не поймешь, гдѣ. Можетъ-быть, въ томъ саду, гдѣ мы впервые увидали и полюбили другъ друга. Да, конечно тамъ: когда вѣтеръ съ той стороны затреплетъ на головѣ волосы, музыка заиграетъ громко, всѣмъ хоромъ инструментовъ, а когда вѣтерокъ затихаетъ—слышны только басы, барабанъ, кларнеты. Что тамъ играютъ такое знакомое-знакомое, отъ чего щемитъ сердце? Вальсъ, грустный вальсъ. Гдѣ и когда я его слышалъ? Почему радостно и тоскливо отъ этого вальса?..

— Тра-ра-рамъ, та-та, тарамъ-та-та-та...

Ахъ, да!.. Вспомнилъ: это тотъ самый вальсъ, подъ который я мучился ревностью на вечеринкѣ, глядя на танцующую съ распорядителемъ гордую Зою... Какой милый, родной вальсъ!..

— Тарамъ-та-та, та-та, тарамъ-та-та-а-та-та, тааа-а-та...

Боже, какъ это было давно!.. Кажется, что съ тѣхъ поръ прошло больше года, а вѣдь это было всего четыре мѣсяца тому назадъ... Сколько утекло воды за эти четыре мѣсяца... Опустилъ голову на руки и, въ пріятномъ полузабытьи, слушаю то рождающіеся, то умирающіе звуки военнаго оркестра. Грезится что-то далекое, милое, прошлое, успокаивающее, баюкающее душу лаской... Вотъ заиграли опять... Что-то заунывное и задушевное... „Лучинушку“!

— Лучи-на, моя лучи-и-нушка да березо-о-овая, ахъ, что же ты...

Хочется плакать отъ непонятной грусти о чемъ-то потерянномъ. О чемъ? Не знаю. Не все ли равно, о чемъ!.. Холодный вѣтерокъ льется на голову, на спину, на руки... Немного холодно, но хорошо. Точно купаешься въ Волгѣ въ жаркій лѣтній день... Ахъ, какъ хорошо на Волгѣ въ жаркій лѣтній день! Солнце припекаетъ, какъ огнемъ, песокъ на берегу — горячій, словно нагрѣтый въ печкѣ, а вода прохладная. Полежишь голый

на горячемъ пескѣ, а потомъ—кувыркъ въ воду: сперва духъ захватитъ отъ рѣзкой перемѣны, а потомъ ничего... Только покрякиваешь отъ удовольствія... А потомъ прозябнешь, вылѣзешь и бухъ въ горячій песокъ, какъ въ печку! И теперь мнѣ то жарко, то холодно, словно купаюсь въ Волгѣ и въ ея пескахъ. Что это: музыка или только кажется?.. Нѣтъ, музыка смолкла, это въ ушахъ осталось впечатлѣніе отъ музыки и отъ колокольнаго трезвона... Какъ странно: словно вылетѣвшіе изъ оркестра обрывки музыки все еще летаютъ надъ спящимъ городомъ и не находятъ себѣ пристанища... А все-таки холодно. Дрожь въ тѣлѣ. А въ вискахъ точно бьютъ стеклянными молоточками; похоже на часы...

Неужели уже свѣтаетъ? Да, вонъ тамъ блѣднѣетъ и зеленѣетъ небо, потухаютъ звѣзды. На городской башнѣ мелодично бьютъ часы. Сколько? Три... Неужели я пролежалъ на рукахъ за столомъ съ десяти до трехъ?.. Озябъ, — надо лечь и хорошенько укрыться, съ головой. Можно сверху—шубой...

— Ну-ка, милая шуба, выручай: кажется, схватилъ лихорадку...

Я улегся, не раздѣваясь, укрылся одѣяломъ и шубой, поджалъ ноги и застучалъ, какъ голодный волкъ, зубами...

— Брр!.. Холодно. Ужасно холодно! Надо—съ головой... И жарко, и холодно.

Странно: въ ушахъ все еще звучитъ грустный вальсъ...

— Трамъ-та-та-та, та-тааа... Зоя, идемъ танцовать вальсъ!.. Идемъ, милая!..

...Удивительно: даже ночью не перестаютъ трезвонить въ колокола...

Душно и жарко. На кой чортъ вы накрыли меня шубой!.. Черти полосатые!.. Къ чорту шубу!.. Жара смертельная, а они меня еще шубой... Не имѣете права. Я потребую прокурора...

— Мама, не вели имъ покрывать меня шубой... Жарко...

— Тарамъ-та-та, та-та, тарамъ-та-та-тамъ-та-ааа...

XXXIV.

— Вставайте! Собирайте вещи!..

— Куда? Не хочу... Я хочу спать... Убирайтесь отъ меня.

— Васъ матушка въ конторѣ ждутъ...

— Мама?.. Ахъ, да... Мама!.. Я сейчасъ... У меня ужасно болитъ голова...

— Собирайте вещи... Флегонтъ! Собери имъ вещи...

— Зачѣмъ вещи? Это мои вещи...

— На волю, на поруки васъ къ матушкѣ... Поздравляю...

— На волю?.. Ну, что-жъ...

— А вы поскорѣе!.. Это можно бросить?

— Что это?

— Орѣхъ въ сахарѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Отдайте его... Это моя тайна...

— Вещи, ваше благородіе, готовы.

— Неси въ контору... Пожалуйте! Сюда, сюда!.. Что съ вами?..

— Очень болитъ голова... Сегодня очень холодно?

— Нѣтъ, тепло...

— Странно. Вы говорите, на волю?

— Да. Сюда, въ контору...

— Мама!

— Геня! Ты—свободенъ... Я такъ рада, милый!.. Скорѣе уѣдемъ изъ этого проклятаго дома... Что съ тобой?.. Ты въ жару...

— У меня лихорадка, мама...

— Да на тебѣ нѣтъ лица!.. Что съ тобой здѣсь сдѣлали!..

— Ничего, мама... Погоди, я что-то хотѣлъ спросить тебя... Забылъ. Очень важное что-то... Ахъ, да!.. Не вноси покуда денегъ Калеріи...

— Да ты что, голубчикъ, бредишь, что-ли?.. Я внесла уже и поэтому только тебя выпускаютъ на волю...

— Я сперва долженъ видѣть Калерію...

— Калерію? Вотъ тебѣ разъ!.. Калерія за границей. Зачѣмъ тебѣ понадобилась Калерія?..

— Не знаю, мама... Ничего не знаю... Дѣлайте какъ хотите. Мнѣ ужасно хочется спать, мама...

— Ты боленъ... Ахъ, Господи!.. Что же это такое...

— Вещи, сударыня, на извозчикѣ...

— Ну, уйдемъ скорѣе!.. Застегнись хорошенько!..

— Роспишитесь въ полученіи сына.

Мы усѣлись на извозчика и поѣхали. Звонко трещала пролетка, покачивалась на рессорахъ, и катилась все впередъ, а я сидѣлъ, прислонясь къ матери, съ закрытыми глазами, и мнѣ казалось, что мы ѣдемъ назадъ... Я раскрывалъ глаза и изумленно смотрѣлъ на необычайное зрѣлище шумливаго, торопящагося города... Смотрѣлъ, но не испытывалъ никакой радости, а только одно изумленіе.

— Ахъ, мама, какъ мнѣ хочется спать!.. Скоро ли мы пріѣдемъ и куда ты везешь меня?

— На пароходъ.

— Развѣ уже ходятъ пароходы?

— Да, сегодня—первый пароходъ... У тебя лихорадка...

— Ничего... Какъ пріѣдемъ на пароходъ, я лягу въ каютѣ спать и просплю до самой Самары... Ахъ, какъ хочется, мама, спать!..

— Надо бы къ доктору, да опоздаемъ на пароходъ.

— Не надо. Пройдетъ, мама... Заѣдемъ на телеграфъ: я дамъ телеграмму Зоѣ,—она пріѣдетъ въ Симбирскъ... и тамъ мы обвѣнчаемся...

— Рѣшили отложить до осени: твоя невѣста должна сперва хорошенько поправиться, да и ты самъ... Женихъ!.. Краше въ гробъ кладутъ...

— Кто рѣшилъ?.. Какъ смѣли рѣшать безъ насъ?

— Мы съ отцомъ твоей невѣсты рѣшили...

— Не ваше дѣло!.. Стой, извозчикъ! Я—сію минуту, только дамъ телеграмму...

— Застегнись! Ахъ, какое мученье!.. Загорѣлось жениться...

„Христосъ воскресе, Зоя. Я свободенъ, выѣзжай Симбирскъ. Геннадій“.

— Готово! Ѣдемъ!..

— Полковникъ сказалъ, что ваше дѣло кончится къ осени... и тебя могутъ посадить еще мѣсяцевъ на семь досиживать...

— Ну!

— Ну... А ты—жениться...

— А я—жениться... До осени еще пять мѣсяцевъ... Оставь, мама, эти разговоры, у меня и такъ болитъ голова...

— И телеграмма не успѣетъ дойти. Вечеромъ мы будемъ въ Симбирскѣ, а...

— Въ Симбирскѣ мы останемся и подождемъ... Я долженъ видѣть Зою...

— Успѣешь...

— Нѣтъ, не успѣю... Дайте, наконецъ, намъ свободу и возможность распорядиться самими собой... Довольно съ насъ одной тюрьмы...

— Застегнись же, ради Бога, на всѣ пуговицы!

— Не желаю. Мнѣ жарко.

— Уступили за двѣ тысячи...

— Не понимаю...

— Торговалась съ полковникомъ, какъ на базарѣ. Двѣ тысячи внесла, а третью надо послать Калеріи...

— Ахъ, да... Калерія... Не говори мнѣ ничего про Калерію...

— Она теперь не такая... Она исправилась...

— Не мое дѣло...

— Она опять сошлась съ мужемъ... У ней — ребенокъ родился...

— Какое мнѣ дѣло! Пускай родился... Мнѣ это вовсе не интересно...

— Ухаживалъ, чуть съ ума не сходилъ, а теперь неинтересно...

— Никогда не напоминай мнѣ объ этомъ.

— Эхъ, ты!.. Неблагодарные вы... Она приняла въ тебѣ такое участіе, а ты... Три тысячи не бараній рогъ... Не всякій согласился бы...

— Перестань, ради Бога!.. Иначе я соскочу съ извозчика и... вернусь въ тюрьму...

— Конечно, она легкомысленная женщина, а всетаки добрая и отзывчивая.

— Тпру!..

— Матросъ! Прими вещи...

— Какой пароходъ?

— „Гоголь“.

Гудятъ свистки пароходовъ, развѣваются на мачтахъ флаги, клубится изъ трубъ черный дымъ, скрипятъ сходни, поютъ грузчики, волоча по сходнямъ что-то тяжелое:

„Аа-ахъ, ней-детъ, да-вотъ пойдетъ!
Аа-ахъ, ней-детъ, да-вотъ пойдетъ!“

А тамъ, за пароходами, блеститъ свободная, широко разлившаяся рѣка, а вдали синѣютъ еще голыя горы съ пятнами ярко бѣлаго снѣга въ ложбинахъ и оврагахъ. Клочки порванной зимней одежды горъ... Поплескиваетъ тяжелая мутная еще вода въ бортъ парохода и звенитъ, словно пароходъ—стеклянный. Пассажиры нарядные, словно вмѣстѣ съ пароходомъ ихъ всѣхъ заново отремонтировали и выкрасили въ яркіе цвѣта. Говоръ, крики, пѣніе грузчиковъ, грохотъ отъ бросаемыхъ въ люкъ товаровъ, французскій лепетъ дамъ на балконѣ и русская ругань на палубѣ...

Стою на пароходѣ, смотрю на широкій просторъ водяной равнины, на синеватый контуръ далекихъ горъ и потихоньку бунчу:

„Выдь на Волгу! Чей стонъ раздается
Надъ великою русской рѣкой?
Этотъ стонъ у насъ пѣсней зовется...“

А въ душу радостной волной льется свобода и хочется, простерши впередъ руки, закричать:

— Здравствуй, матушка Волга, родимая рѣка!.. Привѣтъ тебѣ, раздольная!..

Я опять свободенъ, и любимъ я, матушка-Волга!!..

Кричать неудобно. Я снялъ шляпу и широкимъ жестомъ руки махнулъ сверкающимъ на солнцѣ водянымъ равнинамъ.

Хорошо! А ознобъ опять начинаетъ ломать кости. Холодно, хочется потягиваться, погрѣться около горячей трубы... Вотъ какъ только отвалитъ пароходъ отъ пристани, пойду въ каюту, лягу подъ шубу, закроюсь съ головой и, поджавъ ноги, буду спать, спать, спать...

Загудѣлъ и задрожалъ пароходъ, шевельнулись колеса и зашумѣла внизу вода.

— Отдай носовую!

— Есть!

Поплыла мимо конторка съ провожающими, замелькали въ воздухѣ платки и зонтики, задвигались баржи, пароходы, мачты, показалась Казань съ бѣлымъ кремлемъ, съ золотыми куполами собора, съ красной высокой башней Сумбеки...

— Прощай, Казань!..

— Застегнись ты, ради Бога!..

— Иду, мама... У меня опять лихорадка...

— Иди пить чай...

— Нѣтъ, ты пей, а я лягу и буду спать, долго буду спать... До самаго Симбирска... Спать и спать... больше мнѣ ничего не надо...

— Ты кашляешь...

— Ничего... пройдетъ... Не безпокойся, старенькая... Я пойду... Что ты смотришь такъ безпокойно?

Евгеній Чириковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Желанье.

Когда душа болитъ отъ горя и ненастья,
Отравлена мечта въ измученной груди,
Я жизни говорю: „Постой, не уходи,
„Я жить еще хочу, я ожидаю счастья!“
Когда же мозгъ сожженъ всесильнымъ наслажденьемъ
И царствуетъ любовь въ святилищѣ души,
Я смерти говорю: „О, вѣчная, спѣши,
„Чтобъ счастье не ушло обманчивымъ видѣньемъ!..“

II.

Прежде пѣсня лилась... Сердце было полно,
Въ сердцѣ риѳмы свободно звучали...
Прежде сердце мое было темное дно
И сокровищъ въ немъ груды лежали...
О, свободныхъ порывовъ и грёзъ жемчуга!
О, страстей вдохновенныхъ кораллы!
Тотъ уже не поэтъ, кто нашелъ берега
И чья воля разбилась о скалы!

III.

Какая тишина... Проклятое безмолвье,
Проклятый долгій день... Душа борьбой полна

И ночь ползетъ безъ сна... Пылаетъ изголовье...
Грозы, грозы хочу! Какая тишина...
Святая тишина... Работаетъ сознанье
И мысль рождаетъ мысль въ безмолвіи ночномъ.
Благословенно будь душевное страданье!
Смыслъ жизни намъ открытъ въ страданіи одномъ...

IV.

Пустоцвѣтъ.

Другъ мой, сердце гордое кровью обливается;
Люди опротивѣли, опостылѣлъ свѣтъ...
И въ душѣ мятущейся радость обрывается:
Другъ мой, твоя милая—только пустоцвѣтъ!
Всѣ мечты безумныя—лепестки нарядные,
Облетятъ, разсѣются съ первымъ вѣтеркомъ...
Чувства безразсудныя, мысли безотрадныя —
Словно травы сорныя съ пылью да пескомъ...
Нѣтъ для грусти выхода, силы надрываются,
Силамъ остающимся примѣненья нѣтъ...
Словно росы раннія—слезы разливаются:
Другъ мой, твоя милая—только пустоцвѣтъ!

О. П.

ИЗЪ ИСТОРІИ
ОБЩЕСТВЕННАГО НАСТРОЕНІЯ
ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ

„Колоколъ“ 1857—1861.

I.

Считается признанной истиной, что вліяніе, какимъ Герценъ пользовался со средины пятидесятыхъ годовъ, было по его собственной винѣ подорвано нетактичнымъ его вмѣшательствомъ въ русско-польскіе счеты. Что Герценъ могъ послѣ 1863-го года растерять многихъ читателей, патріотическое чувство которыхъ сочло себя оскорбленнымъ, это вполнѣ допустимо. Странно только, что эта убыль въ рядахъ одного толка не была возмѣщена притокомъ новыхъ сторонниковъ изъ радикальнаго лагеря. Если „Колоколъ“ шелъ на убыль, то это было яснымъ указаніемъ на то, что именно радикальный читатель отказывалъ газетѣ въ поддержкѣ; и если онъ переставалъ ее поддерживать, то, конечно, не изъ оффиціальнаго патріотическаго чувства. Причины паденія силы „Колокола“ лежали значительно глубже. Неуспѣхъ подготовлялся годами, и еслибы польскаго возстанія совсѣмъ не было, то и тогда газета врядъ-ли бы удержала за собой недавнія столь пылкія симпатіи. Всѣхъ умѣренныхъ, которые съ ней, худо ли, хорошо ли, мирились, она систематически раздражала,—раздражала и всѣхъ неумѣренныхъ. Герцену пришлось замолчать не потому, что онъ слишкомъ страстно заговорилъ не вовремя объ опасномъ вопросѣ,

а потому что рѣшительно по всѣмъ вопросамъ — кромѣ проиграннаго польскаго—онъ давалъ отвѣты, не удовлетворявшіе ни тѣхъ, кто передвигался слѣва направо, ни тѣхъ, кто шелъ справа налѣво, ни тѣхъ наконецъ, которые стояли на одномъ мѣстѣ.

И на такой неловкой, хотя и видной позиціи Герценъ укрѣпился чуть ли не съ первыхъ же годовъ своей заграничной дѣятельности какъ публициста и руководителя прогрессивныхъ группъ русскаго общества.

II.

Въ 1855-мъ году изъ всѣхъ русскихъ писателей Герценъ былъ, пожалуй, самымъ образованнымъ и самымъ разностороннимъ. Какъ-то странно говорить о „самомъ разностороннемъ и образованномъ человѣкѣ“ въ многомилліонномъ государствѣ. Но, принимая во вниманіе малое количество истинно культурныхъ людей того времени, выдача диплома на такое званіе возможна. Рѣчь въ данномъ случаѣ идетъ не о талантѣ Герцена—своеобразномъ литературномъ талантѣ, въ которомъ такъ капризно паѳосъ былъ смѣшанъ съ сарказмомъ, — а объ общей суммѣ знаній, какими былъ вооруженъ Герценъ, объ его способности усвоять эти знанія и, главное, о богатствѣ настроеній и убѣжденій, пережитыхъ и выстраданныхъ этимъ неустаннымъ „искателемъ“.

Чрезъ полосы самыхъ разнообразныхъ душевныхъ состояній и сквозь самыя разнообразныя сочетанія идей, какими жило русское интеллигентное общество первой половины XIX-го вѣка, прошелъ Герценъ, никогда не отрекаясь отъ свободы критики и сужденія.

Въ 1855-мъ году, вспоминая „былое“ и свои „думы“, онъ могъ сказать съ чистымъ сердцемъ, что ни одного уголка души русскаго интеллигента онъ не оставилъ необслѣдованнымъ, отзываясь одновременно и на всѣ теченія мысли, волновавшія русскіе умы за цѣлое полстолѣтіе.

Какъ бы въ наслѣдство отъ Александровскаго царствованія получилъ Герценъ нѣжную, меланхолическую, религіозно настроенную душу, съ сильной мистической складкой, и либерально настроенный умъ, не рѣзкій въ заключеніяхъ, умъ философскій, склонный къ широкимъ обобщеніямъ, а потому въ извѣстномъ смыслѣ благодушный, съ тенденціей согласованія всѣхъ крайностей. Піэтизмъ, религіозныя исканія, своего рода религіозный эклектизмъ, широкая гуманность, основанная на признаніи „правъ

человѣка", политическій сентиментализмъ либеральной окраски, мечты объ идеальномъ общественно-политическомъ строѣ и потому грезы о соціализмѣ утопическаго характера—слились въ душѣ Герцена въ одно гармоничное цѣлое. Выступая со своимъ первымъ словомъ и первымъ дѣйствіемъ въ тридцатыхъ годахъ, Герценъ могъ сказать про себя, что все, чѣмъ жили русскій умъ и сердце въ двадцатыхъ годахъ, было не только не чуждо или невѣдомо ему, но изжито хотя бы полусознательно на самой зарѣ жизни.

Ко всѣмъ идейнымъ движеніямъ Николаевскаго царствованія Герценъ отнесся съ неменьшей чуткостью и свободой пониманія. Онъ прошелъ строгую школу нѣмецкаго идеализма, научнаго, философскаго и эстетическаго; изъ всѣхъ современниковъ онъ одинъ былъ настоящимъ хозяиномъ въ этихъ вопросахъ, такъ какъ не только принималъ ихъ къ свѣдѣнію и руководству, но сохранилъ надъ ними власть суда. Онъ поборолъ Гегеля и, вмѣстѣ съ его учениками лѣваго крыла, самостоятельно вступилъ на путь радикализма въ вопросахъ религіи, этики и политики. Отъ грезъ соціалистической утопіи онъ перешелъ къ научнымъ построеніямъ соціализма и первый изъ русскихъ, въ этомъ новомъ тогда вопросѣ, возвысилъ свой свободный голосъ, который былъ по достоинству оцѣненъ и на Западѣ. Надъ всѣми „западниками" Герценъ имѣлъ преимущество глубины и широты знанія, какъ бы онъ ни уступалъ тому или другому изъ нихъ въ иныхъ качествахъ духа. Для пониманія и истолкованія Запада въ Россіи Герценъ былъ подготовленъ лучше, чѣмъ Бѣлинскій, Грановскій и даже Бакунинъ, съ его неизмѣнной односторонностью.

Что Герценъ оцѣнивалъ культурную роль Запада вѣрнѣе чѣмъ славянофилы—объ этомъ едва-ли можно спорить; но можно сказать, не рискуя впасть въ преувеличеніе, что и русская жизнь въ ея общественномъ и государственномъ развитіи была понята и оцѣнена Герценомъ вѣрнѣе, чѣмъ нашими романтиками-патріотами. Врядъ-ли славянофильская доктрина стояла къ исторической правдѣ русской жизни ближе, чѣмъ критика Герцена. Насколько можно было интеллигенту тѣхъ годовъ приблизить себя умственно къ массѣ, Герценъ себя къ ней приблизилъ; онъ въ данномъ случаѣ идеализировалъ объектъ своей любви, но не больше, чѣмъ это дѣлали славянофилы; что же касается матеріальныхъ и духовныхъ нуждъ этой массы, то Герценъ отдавалъ себѣ въ нихъ отчетъ безпощадно ясный. Во всякомъ случаѣ, какъ судья положенія, въ какомъ находились въ тѣ годы и русское обще-

ство, и русскій народъ, Герценъ не менѣе славянофиловъ имѣлъ право голоса, хотя Хомяковъ, Кирѣевскій, Самаринъ и К. Аксаковъ могли дать ему почувствовать свое преимущество въ той или иной области спеціальнаго знанія.

Герценъ стоялъ, такимъ образомъ, вполнѣ на уровнѣ западной образованности, не говоря уже объ образованности русской. Стоитъ только прочитать его публицистическія статьи сороковыхъ годовъ, его „Письма объ изученіи природы“, статьи о „дилеттантизмѣ и буддизмѣ въ наукѣ“, его письма изъ Парижа, письмо къ Мишлé, книгу о „развитіи революціонныхъ идей въ Россіи“ и, наконецъ, знаменитое признаніе „Съ того берега“, чтобы убѣдиться, что въ 1855-мъ году онъ былъ среди русскихъ наиболѣе компетентнымъ истолкователемъ западной жизни, какъ на Западѣ — наиболѣе трезвымъ апологетомъ народной жизни русской. Но лучшимъ документомъ широты умственныхъ интересовъ Герцена и его умѣнья съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія смотрѣть на явленія жизни прошлой и настоящей служитъ его дневникъ. Въ этомъ дневникѣ намъ данъ доступъ въ самую лабораторію его духа. Оригинальнѣйшее сочетаніе мыслей религіозныхъ, философскихъ, эстетическихъ, политическихъ и иныхъ попадается на страницахъ этой интимной исповѣди и даетъ понятіе объ изумительно разносторонней работѣ ума, который самостоятельно и съ уклономъ въ сторону радикализма рѣшалъ самые существенные вопросы жизни—рѣшалъ пока въ тиши кабинета, съ глазу на глазъ съ очень требовательной совѣстью.

Если умъ Герцена могъ обозрѣвать такъ свободно столь широкое поле духовныхъ интересовъ Запада и Россіи, то и сердце его откликалось на всѣ настроенія, какія переживало его поколѣніе. Религіозность, юношескій идеализмъ, эстетическій паѳосъ, либеральное „sursum corda“—черезъ всѣ эти полосы душевнаго свѣта прошелъ Герценъ, но не остались ему чужды и тѣни... Зналъ онъ въ юности и безпредметную печаль, и прекраснодушіе, которое одно время такъ сердило Бѣлинскаго; прочувствовалъ онъ и то горестное сознаніе отчужденности отъ людей и жизни, которое такъ мучило „лишнихъ“ людей его поколѣнія. „Лишнимъ“ онъ себя не призналъ, но трагедія этихъ людей была ему ясна, какъ мыслителю и художнику. Въ романѣ „Кто виноватъ?“ онъ ей поставилъ вѣрный діагнозъ. И не только эта русская болѣзнь, мѣстная и вызванная русскими условіями, была ему знакома; онъ зналъ и приступы иной, болѣе сильной и заразительной болѣзни, той, которая такими красивыми цвѣтами убрала колыбель XIX-го вѣка и стала затѣмъ родникомъ его

романтическаго вдохновенія. „Записки доктора Крупова“ — это листки изъ той же книги, той же исповѣди вѣка, которую сообща писали Руссо, Шатобріанъ, молодой Гёте, Байронъ и ихъ послѣдователи.

Итакъ, врядъ-ли во всей образованной Россіи можно было найти другого человѣка, который былъ бы такъ хорошо подготовленъ для роли посредника между Россіей и Западомъ, какъ Герценъ. А съ 1855-го года, при новомъ курсѣ, такое посредничество могло имѣть огромную стоимость. Правда, самъ Герценъ, переходя на положеніе добровольнаго эмигранта, уменьшалъ значительно силу своего вліянія. Но то, что̀ эта сила теряла въ ея прямомъ воздѣйствіи на современниковъ, она наверстывала съ несомнѣнной прибылью на остротѣ, прямотѣ и той свободѣ, какою она пользовалась за предѣлами родины. И если общественная роль Герцена, при всѣхъ данныхъ его ума и образованія, не соотвѣтствовала его огромной духовной силѣ ни въ періодъ 1855—1861 годовъ, ни позже, то причину этого должно искать не во внѣшнихъ условіяхъ его жизни, а въ особенностяхъ его психики.

III.

Было бы ошибочно думать, что многогранный умъ всегда бываетъ сильнѣе ума болѣе сконцентрированнаго и потому болѣе узкаго. Всепониманіе часто влечетъ за собой всепрощеніе, а въ извѣстныхъ условіяхъ такое всепрощеніе можетъ оказаться тормазомъ, задержкой при быстромъ движеніи впередъ, при натискѣ и въ схваткѣ. Герценъ, какія бы боевыя рѣчи онъ ни произносилъ, какъ бы сильны ни были удары его заостренныхъ словъ и неудержимъ ихъ натискъ, былъ все-таки натура миролюбивая—вождь, предпочитавшій договоръ разсчету мечомъ и выступавшій въ походъ съ мыслью о соглашеніи.

Но въ большую ошибку впалъ бы тотъ, кто въ такомъ миролюбіи вооруженнаго съ ногъ до головы человѣка заподозрилъ бы слабость воли или недостатокъ энергіи. Мягкій строй души Герцена—души, способной на сильное раздраженіе, но неспособной полюбить самую поэзію боя—былъ обусловленъ какъ осадками прежней религіозности и философскаго идеализма, такъ и тѣмъ широкимъ пониманіемъ, которое въ самый разгаръ борьбы заставляло Герцена вспоминать и сопоставлять, разсчитывать и предвкушать облюбованное разрѣшеніе спора. Поэзія длительнаго и устойчиваго натиска была ему не по душѣ. Въ аги-

таторы и вожди, въ тѣсномъ смыслѣ слова, онъ не годился. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ человѣкъ, хоть одинъ разъ въ жизни подписавшійся подъ ученіемъ доктора Крупова, выработать изъ себя тотъ стойкій типъ политическаго и революціоннаго condottiere, который назрѣвалъ въ Россіи? „Мнѣнія о Герценѣ—писали его друзья, издавая въ первый разъ собраніе его сочиненій,—существуютъ самыя разнообразныя, самыя противорѣчивыя. Одни, становясь на точку зрѣнія существующихъ государственныхъ понятій, считаютъ его преступнымъ революціонеромъ и измѣнникомъ своей родины. Другіе, исходя изъ западныхъ теорій революціи и соціализма, которыя, быть можетъ, нѣсколько преждевременно и „теплично“ привились нѣкоторой части русскаго общества, смотрятъ на него какъ на человѣка отсталаго или, скорѣе, *недошедшаго*, лишеннаго той безграничной смѣлости мысли, которая позволяетъ доходить легко и свободно до самыхъ крайнихъ предѣловъ, какъ бы парадоксальны они ни были. Третьи, наконецъ, люди усовершенствованій, а не идеальнаго совершенства, почитаютъ его представителемъ либеральныхъ идей въ Россіи, лучшимъ выраженіемъ дѣйствительно прогрессивной политики. Во всѣхъ этихъ несогласныхъ отзывахъ есть и доля истины, и доля несправедливости. Противники и почитатели всѣ исходятъ изъ ложной оцѣнки. Герценъ вовсе не былъ политическимъ человѣкомъ. Ни по складу ума, ни по темпераменту. ни по характеру онъ не подходилъ подъ опредѣленіе практическаго дѣятеля на поприщѣ политическихъ вопросовъ. Стоитъ прочесть его дневникъ, чтобы убѣдиться, что онъ вовсе не былъ и не намѣревался быть политическимъ агитаторомъ. За нимъ не было партіи; его дѣйствіе на русскую публику происходило отъ временнаго совпаденія его личныхъ симпатій съ настроеніемъ умовъ въ Россіи. Освободивъ крестьянъ и измѣнивъ судопроизводство, Россія остановилась — она исполнила задачу, лежавшую непосредственно передъ нею. Для Герцена это былъ первый пунктъ программы; онъ продолжалъ идти далѣе, требовать большаго, не замѣчая, что идетъ одинъ, что требованій этихъ у общества вовсе нѣтъ“ [1]).

Но Герценъ шелъ не одинъ: трагедія его заключалась въ томъ, что именно тѣ люди, требованія которыхъ съ каждымъ днемъ возрастали, быстро обогнали его и очень скоро, не зачисливъ его въ разрядъ враговъ, перестали его считать своимъ союзникомъ. Тонъ, въ какомъ радикалы говорили въ печати о Герценѣ, при его жизни и послѣ, не могъ быть, конечно, рѣзокъ, такъ

[1]) „Сочиненія А. И. Герцена“. Женева, 1875. I. Предисловіе, XII, XIII, XIV, XVII.

какъ извѣстной мягкости требовала тактика. Но все-таки и въ этомъ тонѣ звучитъ нота разочарованія и недовольства. „Есть такъ называемые умные люди,—писалъ Шелгуновъ,—которые говорятъ хорошо и логично, но еще красивѣе и лучше они спорятъ, умѣютъ тонко подмѣчать сходства и различія и находить противоположенія, но обыкновенно въ вещахъ они видятъ только одну сторону. Герценъ принадлежалъ не къ этому сорту относительно умныхъ людей. Онъ видѣлъ въ каждой вещи всѣ ея стороны и сразу находилъ отношеніе этой вещи ко всѣмъ другимъ вещамъ. Въ этой всеобхватывающей способности пониманія и заключалась сила ума Герцена. Это былъ умъ глубокій, но не отвлеченный, а жизненный, реальный, схватывавшій идеальную и практическую сущность каждаго предмета и каждаго понятія. Все это разнообразіе умственныхъ силъ и способностей связывалось въ Герценѣ, какъ цементомъ, широкою гуманностью и дѣлало изъ него высокодаровитаго писателя-художника... Ему нужны были улица, шумъ, движеніе, дѣло; ему были нужны слушатели, но, въ то же время, у него былъ слишкомъ трезвый и ясный умъ, чтобы не видѣть послѣдствій всякаго дѣла и не оцѣнить вѣрно его возможностей и успѣха. Отъ этого Герценъ не былъ, да и не могъ быть революціонеромъ... Широко развитое чувство свободы дѣлало для Герцена невыносимымъ всякое насиліе, въ какой бы формѣ и гдѣ бы оно ни свершалось: онъ не выносилъ ничего грубаго, ничего царапающаго, ничего, что такъ или иначе оскорбляло личность... Какъ политическій дѣятель и писатель, онъ являлся только самымъ горячимъ защитникомъ личной и общественной свободы и только въ этомъ и заключалась вся его программа. Это была художественная натура на политической основѣ, это былъ скорѣе клубистъ, ораторъ независимости, чѣмъ политическій уличный дѣятель. Для улицы съ баррикадами онъ былъ недостаточно демократиченъ и по привычкамъ, и по умственному темпераменту, и слишкомъ аристократиченъ по умственнымъ требованіямъ и развитію. Въ этомъ же обстоятельствѣ заключалась причина, почему онъ разошелся съ русской заграничною молодежью... Герценъ не вѣрилъ въ революцію. Онъ считалъ ее невозможной и вредной по послѣдствіямъ. И кто долженъ былъ взять на свою совѣсть отвѣтственность за жертвы въ случаѣ неудачи? Фатализма Герценъ не допускалъ, не допускалъ, что лицо должно быть орудіемъ обстоятельствъ и событій. Для такого фатализма у Герцена было слишкомъ сильно развитое чувство личности. Онъ допускалъ только одинъ верховный голосъ, имѣющій право власти надъ

лицомъ: разумъ и пониманіе. Отрицая логику ломки и грубую силу, Герценъ находилъ, что нужны проповѣдники, апостолы, поучающіе своихъ и не своихъ, а не саперы разрушенія" [1]). „Отношеніе передовой интеллигенціи къ Герцену — пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Л. Ѳ. Пантелѣевъ—стало довольно неопредѣленнымъ. Такъ, уже въ 1861-мъ году, въ кружкѣ, группировавшемся около „Современника", раздавались жалобы на Герцена, что онъ замкнулся въ своемъ „Колоколѣ", не выходитъ изъ чисто обличительнаго направленія и не хочетъ выступить на болѣе активный путь... Правда, Герценъ привѣтствовалъ студенческое движеніе очень сочувственной статьей, рѣзко заявилъ свои симпатіи къ полякамъ, но всего этого было уже мало, чтобы сохранить прежнюю вліятельную роль. На молодежь, конечно, могли вліять общія идеи Герцена; но вѣдь послѣ крушенія всѣхъ надеждъ, связанныхъ съ 48-мъ годомъ, у Герцена, при всемъ благоговѣйномъ отношеніи къ сраженнымъ борцамъ, довольно ясно стало сказываться скептическое отношеніе къ старымъ пріемамъ дѣйствій" [2]).

Къ 1861-му году, какъ указываетъ Пантелѣевъ, роль Герцена какъ вождя и прямого союзника радикальной группы была сыграна. Ни по своему складу ума, ни по темпераменту онъ не подходилъ къ тѣмъ „саперамъ", которые принялись за радикальную ломку старины. Герценъ, дѣйствительно, замкнулся въ своемъ „Колоколѣ", и именно въ „Колоколѣ" 1857 — 1861 годовъ надо искать корень тѣхъ разногласій между нимъ и передовой молодежью, которыя лишили Герцена его силы и вліянія въ тотъ моментъ, когда умѣренные и правительственные круги перестали имъ увлекаться или интересоваться. Въ шесть лѣтъ (1855—1861) слава и сила Герцена свершили свой кругъ отъ восхода до заката.

IV.

Заря новой жизни, которая всходила надъ его родиной, застала Герцена въ очень сумрачномъ настроеніи. Жизнь эмигранта уже давала себя чувствовать. Несмотря на шумъ и суету революціонныхъ движеній на Западѣ, въ которыхъ Герценъ принималъ участіе, онъ начиналъ томиться тоской по родинѣ, тоской по болѣе скромному, но родному дѣлу. Если

[1]) Шелгуновъ, „Изъ прошлаго и настоящаго". „Русская Мысль", 1886, Январь, стр. 236—240.

[2]) Л. Ѳ. Пантелѣевъ, „Изъ воспоминаній прошлаго", Спб., 1905, стр. 332—333.

это дѣло не рисовалось ему въ ясныхъ очертаніяхъ, если онъ зналъ, что при жизни императора Николая Павловича для него вообще нѣтъ въ Россіи никакого дѣла, то такая туманность желаній и сознаніе ихъ неосуществимости только подогрѣвали его любовь къ родинѣ. Онъ все чаще и чаще думалъ о томъ, въ какую форму эта любовь могла бы облечься, чтобы не быть лишь индивидуальной симпатіей единичнаго человѣка, осужденнаго на роль безучастнаго зрителя. При томъ темпераментѣ, какимъ обладалъ Герценъ, при его неспособности удовлетворяться мечтой или логической схемой, нельзя было предположить, что разлука съ родиной — даже безъ надежды дожить до лучшихъ временъ—заставитъ замереть въ немъ мало-по-малу тотъ полный страсти интересъ къ ея судьбамъ, за который ему пришлось въ юности заплатить такъ дорого. Живя въ чужихъ странахъ, Герценъ вѣрилъ, что, примыкая къ общеевропейскому освободительному и революціонному движенію, онъ хоть косвенно будетъ полезенъ Россіи.

На Западѣ, какъ извѣстно, Герцена ожидало большое разочарованіе, и облюбованный имъ призракъ смѣнился жестокой дѣйствительностью. Герценъ отнесся къ ней столь же строго, какъ и къ дѣйствительности русской, отъ которой бѣжалъ. Революція 1848-го года и ея развязка, преимущественно во Франціи, наполнили его душу такимъ мракомъ и отчаяніемъ, что его рѣчь, всегда бодрая въ своей живописной силѣ—стала истиннымъ воплемъ души измученной и до-нельзя разгнѣванной. Чѣмъ глубже въ его сердцѣ нѣкогда коренилось увлеченіе, тѣмъ безпощаднѣе становилось теперь отрицаніе мишурной культуры, которая гордится своей буржуазной сытостью, ради нея разстрѣливаетъ голодную толпу, зажигаетъ фейерверки революцій и тѣшится этимъ зрѣлищемъ, чтобы опять вернуться къ своему мѣщанскому очагу, когда ракеты и плошки погаснутъ.

Въ минуты такого невыносимо мучительнаго разлада съ самимъ собой и съ людьми въ Герценѣ все крѣпла и крѣпла вѣра въ Россію. И росла она въ немъ, неподдержанная никакими внѣшними поводами, а такъ—въ силу интимнаго чувства любви къ родинѣ, любви, которая въ сердцѣ этого „космополита“, какъ его иногда враги называли, была не менѣе сильна, чѣмъ въ душѣ любого правовѣрнаго народника и патріота.

Но понятіе о любви къ родинѣ должно было обрисоваться болѣе отчетливо, чтобы не превратиться въ неуловимую грезу. О любви къ оффиціальной Россіи, съ ея обманчиво почетнымъ международнымъ положеніемъ, призрачной военной мощью, сѣтью бюрократи-

ческихъ инстанцій, со всѣмъ ея показнымъ блескомъ наверху—о такой любви не могло быть и рѣчи въ сердцѣ человѣка, поставившаго цѣлью своей жизни борьбу съ этимъ оффиціальнымъ величіемъ, съ этимъ оффиціальнымъ, красивымъ „фасадомъ", который прикрывалъ убогое государственное зданіе. Возлагать особенно большія надежды на русскую интеллигенцію и ей отдать всю свою любовь Герценъ также не могъ: слишкомъ ничтожна была она по своей численности, раздроблена въ силахъ, неэнергична и уступчива по темпераменту и, главное, слишкомъ она была еще слаба и невоспитана умственно. Герценъ былъ готовъ отдать ей часть своихъ силъ и, дѣйствительно, много силъ ей отдалъ, но многаго ждать отъ нея не могъ. И оставалась ему только одна надежда, до тѣхъ поръ не обманутая—надежда на то, что сама народная масса, доселѣ безгласная, выступитъ наконецъ со своимъ словомъ и дѣйствіемъ и примется сама за соціальное и политическое строительство.

Среди всѣхъ показныхъ силъ, управлявшихъ ходомъ русской жизни, эта молчаливая, въ себѣ сосредоточенная сила была еще неизвѣдана и неиспытана, и въ нее можно было вѣрить, если потребность вѣры жила въ человѣкѣ. Русскій простой народъ сталъ для Герцена предметомъ особаго культа и среди всѣхъ отрицаній единственнымъ утвержденіемъ. Вся любовь Герцена къ родинѣ потонула въ этой туманной, но ослѣпительно яркой мечтѣ объ умственной и нравственной силѣ русскаго народа. Эта мечта слилась очень скоро съ другой мечтой, въ которой нашли себѣ пріютъ обломки вѣры Герцена въ западную культуру. Это была его увѣренность въ близкомъ торжествѣ соціализма.

Въ своемъ увлеченіи соціализмомъ Герценъ былъ большой поэтъ. Съ соціалистическими утопіями и ученіями онъ былъ давно знакомъ, съ самой ранней юности. Теперь ему мелькнула мысль, что Западъ самъ по себѣ, при буржуазномъ направленіи его культуры, безсиленъ осуществить желанную программу новаго соціальнаго и государственнаго строя. Для его проведенія въ жизнь нужна иная, свѣжая сила. Сочетая объ любви—и любовь къ родинѣ, и любовь къ Западу,—Герценъ остановился наконецъ на предположеніи возможнаго сліянія западнаго соціалистическаго движенія съ тѣмъ движеніемъ духа и той эволюціей формъ быта, которыя онъ признавалъ за самыя характерныя черты въ жизни русской народной массы. Это сочетаніе западнаго соціализма съ „русскимъ соціализмомъ" стало къ концу сороковыхъ годовъ краеугольнымъ камнемъ историософскихъ взглядовъ Герцена, и

онъ очень цѣпко держался за эти взгляды, когда 1855-ый годъ далъ ему возможность и даже обязалъ его подвергнуть ихъ новому пересмотру [1]).

„Мнѣ кажется — писалъ Герценъ, — что роль *теперешней* Европы совершенно окончена; съ 1848-го года разложеніе ея растетъ съ каждымъ шагомъ... Государство съ римскими понятіями, основанными на поглощеніи личности обществомъ, на религіи случайной собственности, на привилегіяхъ и монополіяхъ, на нравственномъ дуализмѣ — такое государство не можетъ ничего оставить потомству, кромѣ своего трупа“ [2]). „Посреди современнаго хаоса, этой агоніи при сумасшествіи, этого зарожденія въ болѣхъ; посреди этого міра, который у колыбели новаго гибнетъ въ разложеніи—невольно взоры обращаются къ востоку“ [3]). „Славяне только что входятъ въ великое теченіе исторіи. Имъ не доставало пока развитія, соотвѣтственнаго ихъ природѣ, ихъ генію, ихъ стремленіямъ. Ихъ стремленія не формулированы въ теоріяхъ, но они заключены въ жизни народной; они въ инстинктѣ, въ естественномъ влеченіи, упорномъ, сильномъ, хотя и туманномъ въ религіозныхъ и національныхъ вѣяніяхъ [4]). Славянскій міръ подобенъ женщинѣ, которая еще не любила и потому какъ будто совсѣмъ не интересуется тѣмъ, что вокругъ нея происходитъ: она какъ бы ненужное существо, забытое, всѣмъ чужое; но подождемъ произносить надъ ней приговоръ: она молода и сердце ея трепещетъ, уже взволнованное тревогой... Безъ Россіи славянскій міръ не имѣетъ будущности; она одна могла бы стать центромъ, къ которому бы тянули всѣ славяне, потому что въ настоящее время только эта часть великой расы сплочена въ сильное и независимое государство“ [5]). „Часъ славянъ еще не пробилъ, они всѣ—въ ожиданіи чего-то. Ихъ теперешнее statu quo—какое-то предварительное состояніе“ [6]). „Съ тѣхъ поръ какъ туманъ, покрывавшій февральскую революцію, разсѣялся и рѣзкая простота замѣнила путаницу, осталось только два

[1]) Исторія взаимоотношенія западнаго соціализма и русскаго соціализма Герцена изложена очень сжато и хорошо въ статьяхъ Н. С. Русанова: „Западный соціализмъ и „русскій соціализмъ“ Герцена“, „Русское Богатство“, 1909, Іюль, Августъ.

[2]) „Старый міръ и Россія“. Письма Искандера къ Линтону, 1854. Спб., 1906, стр. 6, 7.

[3]) „Le peuple russe et le socialisme“. Lettre à Michelet“, 1851. Лондонъ, 1855, стр. 12.

[4]) „Du développement des idées révolutionnaires en Russie“, Лондонъ, 1852. XIX, XX.

[5]) „Le peuple russe et le socialisme“, стр. 19, 20, 21.

[6]) „Старый міръ и Россія“, стр. 9.

интересныхъ вопроса: вопросъ соціальный и вопросъ русскій. Ежели соціализмъ не въ состояніи будетъ пересоздать распадающееся общество и довершить его судьбы, — Россія довершитъ ихъ. Я не говорю, что это *необходимо*, но это *возможно*“ [1]). „Русскій народъ собственно стали узнавать только послѣ революціи 1830 года. Съ удивленіемъ увидѣли, что русскій человѣкъ, равнодушный, неспособный ко всѣмъ политическимъ вопросамъ—бытомъ своимъ ближе всѣхъ европейскихъ народовъ подходитъ къ новому соціальному устройству“ [2]). „У русскаго крестьянина нѣтъ иной нравственности, кромѣ той, которая инстинктивно, естественно вытекаетъ изъ его коммунизма; эта нравственность глубоко національна; немногое, что крестьянинъ знаетъ изъ Евангелія, его поддерживаетъ; жгучая несправедливость правительства и помѣщика еще тѣснѣе соединяетъ его съ обычаемъ и съ общиной. Община спасла крестьянина отъ монгольскаго варварства и отъ царизма-цивилизатора (tsarisme civilisateur), отъ помѣщиковъ, лакированныхъ на иностранный манеръ, и отъ нѣмецкой бюрократіи; общинное начало, хотя и сильно пострадавшее, оказало сопротивленіе захватамъ власти; оно къ счастію сохранилось и додержалось до развитія соціализма въ Европѣ. Для Россіи въ этомъ виденъ перстъ Провидѣнія“ [3]). „Русскій народъ, подавленный рабствомъ и правительствомъ, не можетъ идти по колеѣ европейскихъ народовъ, повторяя ихъ прошлыя революціи, исключительно городскія и которыя тотчасъ пошатнули бы основанія его общинной организаціи. Сохранить общину и дать свободу лицу, распространить сельское и волостное self-government по городамъ и всему государству, сохраняя народное единство—вотъ въ чемъ состоитъ вопросъ о будущемъ Россіи, т.-е. вопросъ той же соціальной антиноміи, которой рѣшеніе занимаетъ и волнуетъ умы Запада. Государство и отдѣльная личность, власть и свобода, коммунизмъ и эгоизмъ (въ обширномъ смыслѣ слова), вотъ геркулесовы столбы великой борьбы, великой революціонной эпопеи. Европа даетъ рѣшеніе изуродованное и отвлеченное. Россія — изуродованное и дикое. Революція соединитъ ихъ... Соціализмомъ революціонная идея можетъ у насъ сдѣлаться народной. Въ то время какъ въ Европѣ соціализмъ принимается за знамя безпорядка и ужасовъ,

---

[1]) „Старый міръ и Россія“, стр. 19, 20.
[2]) „Старый міръ и Россія“, стр. 33.
[3]) „Le peuple russe et le socialisme“, стр. 31—33.

у насъ, напротивъ, онъ является радугой, пророчащей будущее народное развитіе... Время славянскаго міра настало“ [1]).

Такія и подобныя имъ мысли развивалъ Герценъ во всѣхъ статьяхъ, написанныхъ имъ послѣ злополучнаго 1848-го года. Онъ отливалъ эти грезы въ необычайно красивыя формы, пересыпалъ остроумнѣйшими сравненіями и параллелями, и чѣмъ болѣе красивую внѣшность онѣ принимали, тѣмъ онѣ ему казались убѣдительнѣе. Въ нихъ была заключена послѣдняя его вѣра, единственная, которая уцѣлѣла среди обломковъ всѣхъ его надеждъ на Россію и на Западъ.

Эта вѣра можетъ быть выражена въ такой формулѣ: Западъ гніетъ и разлагается въ тѣхъ формахъ соціальной и государственной жизни, которыя нынѣ господствуютъ. Обновленія нравственнаго и политическаго можно ожидать только отъ соціализма, который пока еще въ пеленкахъ, но которому несомнѣнно принадлежитъ будущее. Соціализмъ будетъ послѣднимъ словомъ Европы. Россія — та не гніетъ и не разлагается, но находится пока въ полномъ общественномъ и политическомъ маразмѣ. Маразмъ этотъ царитъ потому, что главная сила — русскій народъ — закрѣпощенъ и безгласенъ. Но и въ этомъ угнетенномъ состояніи онъ хранитъ великіе залоги соціальнаго и государственнаго развитія. Община и артельное начало служатъ тому порукой. Когда народъ станетъ хозяиномъ своей судьбы, онъ ее построитъ на тѣхъ самыхъ началахъ, на которыхъ покоится соціалистическое ученіе на Западѣ. Россія придетъ Западу на помощь и первое слово Россіи совпадетъ съ послѣднимъ словомъ Запада. Мы заплатимъ по старымъ долгамъ и сольемся въ единой культурной жизни съ нашими старшими братьями.

Въ такихъ мечтахъ нѣжился опечаленный умъ Герцена, когда въ 1855-мъ году ему мелькнулъ первый лучъ надежды на возможное — и почему же не близкое? — общественное и государственное возрожденіе Россіи.

V.

Первое, о чемъ надлежало подумать, прежде чѣмъ развивать дальше исторіософскую теорію, было — изысканіе способа наивозможно сильнаго и прямого воздѣйствія на пробуждающееся русское общественное самосознаніе. Вернуться въ Россію

[1]) „Старый міръ и Россія“, стр. 36, 42, 47.

Герцену нельзя было, такъ какъ такой возвратъ, какой бы цѣной онъ ни былъ купленъ, лишалъ его самаго цѣннаго — свободы слова... Продолжать старую и уже оставленную имъ тактику— вліять на Россію при помощи Запада—было также невозможно: общее ретроградное направленіе оффиціальной политики на континентѣ къ серединѣ пятидесятыхъ годовъ вполнѣ обрисовалось, а надѣяться на молніеносный успѣхъ соціалистической доктрины въ первые же дни и годы новаго царствованія въ Россіи было бы безуміемъ. Оставался послѣдній путь—именно созданіе свободной трибуны, свободнаго органа рѣчи на территоріи иноземной, съ тѣмъ, чтобы эта свободная рѣчь могла имѣть широкое распространеніе и вліяніе въ Россіи.

Все говорило въ пользу возможности осуществленія такого плана. Соблюдая извѣстную корректность въ выраженіяхъ и извѣстную умѣренность въ требованіяхъ, можно было надѣяться, что оффиціальные круги не откажутъ въ своемъ вниманіи, такъ какъ они сами были заинтересованы въ наиболѣе подробномъ и независимомъ выясненіи положенія; либералы всѣхъ оттѣнковъ, да и вообще вся интеллигенція, должны были также сочувственно прислушаться къ новому свободному голосу. О радикалахъ пока еще не было слышно и можно было надѣяться, что какъ бы молодежь ни была нетерпѣлива и ретива, она на первыхъ порахъ станетъ съ восторгомъ привѣтствовать первую попытку общественной самокритики и самодѣятельности. Всѣ эти разсчеты оказались очень скоро невѣрными, но сначала они могли обольстить своей простотой и ясностью. Герценъ принялся за оборудованіе вольныхъ органовъ пропаганды въ возможно широкихъ размѣрахъ. Онъ приступилъ къ этой отвѣтственной работѣ почти безъ всякой подготовки, и ближайшихъ сотрудниковъ у него не было, если не считать Огарева, который какъ поэтъ былъ въ данномъ случаѣ мало полезенъ, а какъ публицистъ могъ лишь снимать хорошія копіи или шить по готовой канвѣ. Вся тяжесть наступательной и оборонительной войны легла на Герцена и почти исключительно его уму, образованію и литературному таланту обязаны были лондонскія изданія своимъ успѣхомъ. Правда, кругъ его корреспондентовъ въ Россіи скоро расширился и среди этихъ поставщиковъ матеріала было много людей очень освѣдомленныхъ и талантливыхъ, но группировка силъ и весь планъ кампаніи былъ въ его рукахъ. Вмѣстѣ съ быстро и неожиданно пріобрѣтенной властью, на Герцена, на него одного, ложилась и вся отвѣтственность. Понятно, въ какомъ нервномъ состояніи долженъ былъ онъ находиться и странно было бы тре-

бовать отъ него методичности, ровной послѣдовательности, дипломатичной сдержанности и вообще качествъ испытаннаго и ловкаго бойца. Роль созерцателя, иронизирующаго критика и мечтателя — какимъ онъ былъ доселѣ — онъ мѣнялъ теперь на роль вождя. Эта роль выпала ему на долю случайно, въ виду совершенно исключительнаго его положенія—какъ единственнаго свободнаго русскаго человѣка, стоящаго на уровнѣ иноземной образованности и культуры и прошедшаго вмѣстѣ съ интеллигентной Россіей сквозь всѣ полосы ея настроеній и чрезъ всѣ этапы ея умственнаго развитія.

Лондонскія изданія были задуманы и велись по правиламъ строгой боевой тактики. Разные роды оружія были ими представлены. Съ 1855-го года стала выходить „Полярная Звѣзда“ — альманахъ, разсчитанный на самую широкую публику. Въ этихъ книгахъ печатался непропущенный цензурой старый литературный матеріалъ — стихи и проза, — отдѣльныя части „Былого и Думъ“, переписка Герцена съ выдающимися политическими дѣятелями Запада, статьи общепублицистическаго содержанія и изрѣдка статьи Герцена, Огарева и анонимныхъ авторовъ на жгучія темы русской современности. „Полярная Звѣзда“ своей подвижностью и живостью должна была расчищать путь для новыхъ идей и въ особенности для зарождавшагося новаго общественнаго настроенія. Годъ спустя послѣ выхода первой книги „Полярной Звѣзды“ стали появляться маленькіе сборники (всего 9 №№) подъ заглавіемъ: „Голоса изъ Россіи“. Это изданіе было разсчитано уже на весьма серьезныхъ читателей и въ немъ печатались преимущественно цѣлые трактаты, даже ученыя статьи, посвященныя спеціальнымъ вопросамъ общественнымъ, политическимъ и историческимъ. Это были тѣ самыя статьи и „записки“, которыя ходили въ спискахъ по рукамъ въ Россіи и не могли найти себѣ пристанища въ цензурованныхъ журналахъ. Господствующей темой въ нихъ былъ крестьянскій вопросъ. Сборники эти имѣли въ виду дѣйствовать не столько на настроеніе, сколько на умъ читателей, и были той довольно тяжелой артиллеріей, которая выдвигалась на новыя позиціи. Въ 1857-мъ году, 1-го іюля по новому стилю, вышелъ первый номеръ „Колокола“ — и самое сильное и скорострѣльное орудіе было установлено. Это была газета, которая, не упуская изъ виду принципіальныхъ вопросовъ, должна была отвѣчать на всѣ злобы текущаго политическаго дня въ Россіи. Матеріалъ былъ такъ умѣло расположенъ, что читатели самаго различнаго уровня образованія и совсѣмъ несходные по темпераментамъ могли найти въ этой

газетѣ любезное ихъ сердцу. Мечтатель, сентиментальный или энтузіастъ, скептикъ, меланхоличный или ѣдкій, человѣкъ довѣрчивый или осторожный, медлительный или порывистый, умѣренный во взглядахъ или крайній, склонный разсуждать объ общихъ вопросахъ или интересующійся вопросами болѣе частными—всѣ могли въ „Колоколѣ“ первыхъ лѣтъ найти то, что̀ искали. Разносторонность ума Герцена и его способность проникаться всевозможными настроеніями дѣлали его газету понятной и близкой очень широкому кругу лицъ. Пока рѣчь шла о томъ, что̀ подлежитъ упраздненію — газетѣ была гарантирована широкая аудиторія. Положеніе газеты могло стать болѣе труднымъ лишь съ того момента, когда пришлось бы говорить о томъ, что̀ дѣлать и въ какомъ направленіи идти. Впрочемъ, на первыхъ порахъ и на вопросъ, что̀ дѣлать—имѣлся готовый отвѣтъ. Надо было освободить крестьянъ при условіяхъ возможно бо̀льшаго надѣла и возможно меньшаго выкупа—и „Колоколъ“ добрую половину своихъ страницъ отдалъ на обсужденіе крестьянскаго вопроса.

Въ первые годы своей жизни „Колоколъ“ имѣлъ успѣхъ колоссальный и, несмотря на свое нелегальное положеніе, довольно свободно обращался во всѣхъ кругахъ интеллигентнаго общества, даже самыхъ высокихъ. Онъ возбуждалъ въ этихъ кругахъ не одно только любопытство, но и чувство уваженія. Большой сердцевѣдъ изъ высокопоставленныхъ чиновниковъ—Тютчевъ—говорилъ въ годъ основанія „Колокола“: „правительственные люди не у насъ только, но вездѣ, только къ тѣмъ идеямъ имѣютъ уваженіе, которыя безъ разрѣшенія, безъ ихъ фирмы, гуляютъ себѣ по бѣлому свѣту. Только со свободнымъ словомъ обращаются они, какъ взрослый съ взрослымъ, какъ равный съ равнымъ. На все же прочее смотрятъ они—даже самые благонамѣренные и либеральные, какъ на ученическія упражненія“ [1]). Другой современникъ—тоже изъ высокопоставленныхъ,—вспоминая во гнѣвѣ давно прошедшіе годы, также признавалъ это увлеченіе „Колоколомъ“, хотя и считалъ его за великое, смѣхотворное ослѣпленіе. „Явился новый страхъ—Герценъ“, писалъ онъ; „явилась новая служебная совѣсть—Герценъ; явился новый идолъ—Герценъ“ [2]). Если для самихъ „служащихъ“ Герценъ вдругъ неожиданно сталъ „совѣстью“, то для молодежи онъ могъ на первыхъ порахъ стать настоящимъ идоломъ. Небезизвѣстный въ тѣ годы публицистъ,

[1]) Письмо Ѳ. И. Тютчева къ М. П. Погодину (Н. Барсуковъ, „Жизнь и труды М. П. Погодина“. XV, 110—111).

[2]) Кн. В. Мещерскій, „Мои воспоминанія“, I, Спб. 1897, I, 67.

баронъ Фирксъ, писавшій подъ псевдонимомъ Schédo-Ferroti, такъ говорилъ о растущемъ вліяніи Герцена: „Вооруженные теоремами и выводами, которые даны были въ „Колоколѣ“, нигилисты (этой нѣсколько позже возникшей кличкой Фиркъ обозначалъ всѣхъ передовыхъ молодыхъ людей)—называвшіеся тогда еще герценистами — отдались пропагандѣ такъ ревностно, что число ихъ въ очень короткое время быстро умножилось. Университеты, лицеи, академіи, высшія военныя училища, вплоть до гимназій и кадетскихъ корпусовъ находились подъ обаяніемъ Герцена, и безъ преувеличенія можно сказать, что три четверти всей молодежи того времени были герценистами болѣе или менѣе страстными. Если статьи Герцена, въ которыхъ онъ, оставаясь въ предѣлахъ возможнаго, требовалъ освобожденія крестьянъ, реформы суда и отмѣны тѣлесныхъ наказаній, встрѣчали общее сочувствіе, то другія его статьи, болѣе крайняго направленія, производили впечатлѣніе гораздо болѣе сильное. Его теоріи о новыхъ началахъ, на которыхъ должно быть построено общество, его рецепты всеобщаго блаженства рода человѣческаго были высказываемы имъ съ такой увѣренностью и облечены въ такую блестящую литературную форму, что хотѣлось вѣрить, что во всѣхъ этихъ рѣчахъ заключено дѣйствительно нѣчто осуществимое; и только вторичное чтеніе, болѣе внимательное, давало понять, что эти звонкія фразы мѣтили въ пустое пространство и прославляли порядокъ вещей, несогласуемый съ самой природой человѣка, а посему порядокъ неразумный и неосуществимый. Какъ бы ни были восторженны читатели Герцена, среди нихъ нашлось немало такихъ, которые сразу охладѣли, какъ только Герценъ сталъ на сторону коммунистическихъ и соціалистическихъ ученій; но эти люди хранили молчаніе и ничего не сказали тѣмъ фанатичнымъ сторонникамъ Герцена, для которыхъ онъ оставался „великимъ лондонскимъ изгнанникомъ“, апостоломъ соціальнаго обновленія человѣчества... и молодые адепты герценизма нашли свое откровеніе въ „Колоколѣ“, которому вѣрили какъ Евангелію. Одно разрушеніе ихъ не удовлетворяло и они нашли то, чѣмъ можно было замѣнить разрушенное: на мѣстѣ упраздненной монархіи можно было установить *коммунизмъ* и *соціализмъ* — два строя, которые не поддавались точному опредѣленію, но которые должны были быть совершенны, такъ какъ „Колоколъ“ рекомендовалъ ихъ такъ настойчиво. Въ 1860—1862-мъ годахъ вліяніе Герцена достигло своего апогея“ [1]).

[1]) Schédo-Ferroti, „Études sur l'avenir de la Russie“, IX, „Le nihilisme en Russie“. Берлинъ, 1867, стр. 36, 37.

Едва-ли однако баронъ Фиркс былъ хорошо освѣдомленъ о ходѣ дѣла. Тѣ „нигилисты", которыхъ онъ выставляетъ такими фанатичными послѣдователями Герцена, были его друзьями лишь на мгновеніе и скоро разошлись съ нимъ. Разладъ между Герценомъ и радикалами сталъ назрѣвать съ первыхъ же годовъ изданія „Колокола". Въ радикальномъ лагерѣ Герценъ очень скоро попалъ на замѣчаніе, и въ моментъ, когда умѣренные и консерваторы отъ него отвернулись, онъ остался безъ всякой поддержки.

Просмотримъ отдѣльные номера „Колокола" вплоть до того дня, когда первое обѣщаніе, данное новымъ правительствомъ, было исполнено—и причины разлада между Герценомъ и передовой молодежью станутъ ясны.

VI.

Богатѣйшій и разнообразнѣйшій матеріалъ, заключенный въ тѣхъ ста номерахъ „Колокола", которые вышли съ 1-го іюля 1857-го года по 1-ое іюня 1861-го года, можетъ быть размѣщенъ въ отдѣльныя группы сообразно съ тѣми вопросами, которые любой читатель могъ предложить редактору. Читатель могъ спросить во-первыхъ: съ чѣмъ вы несогласны и что осуждаете въ современномъ строѣ Россіи? Во-вторыхъ: какой порядокъ и строй кажется вамъ желательнымъ? Въ-третьихъ: считаете ли вы, что этотъ желательный строй можетъ быть установленъ въ довольно близкій срокъ, а потому признаете ли вы нужнымъ приступить немедленно къ рѣшительной и свободной работѣ надъ его осуществленіемъ, или полагаете болѣе цѣлесообразнымъ продолжать тихую и общекультурную работу? Въ-четвертыхъ: если вмѣшательство въ политику дня признано вами необходимымъ, то какими средствами должна совершаться такая борьба съ правительствомъ — средствами мирными или насильственными? Въ-пятыхъ: на какіе элементы, общественныя группы, слои или классы думаете вы опираться въ этой борьбѣ? Въ шестыхъ: съ какого шага и въ какомъ направленіи должна быть начата эта борьба? На всѣ эти вопросы газета должна была отвѣтить, если она хотѣла сохранить за собой руководящую роль.

Отвѣты „Колокола" не удовлетворили ни либераловъ, ни радикаловъ: однихъ—потому, что были какъ будто бы слишкомъ радикальны, другихъ—потому, что казались слишкомъ умѣренными.

VII.

Отвѣтить на вопросъ, съ какими сторонами русской дѣйствительности онъ былъ несогласенъ, Герценъ могъ легко и откровенно. Обиліе матеріала было огромное, и Герцену приходилось лишь выбирать эффектные и рѣзкіе случаи проявленія всевозможной неправды въ Россіи. Самые невѣроятные (и неопровергнутые) примѣры насилія властей надъ крестьянами, истязанія крестьянъ помѣщиками и даже лицами духовнаго званія, примѣры плохого ухода за солдатами и жесточайшіе виды наказанія ихъ, грабежи чиновниковъ, открытые и тайные, грабежи, въ которыхъ принимали участіе иногда лица весьма высокопоставленныя, растлѣніе народа путемъ откуповъ и вся общественная грязь этой операціи, насилія надъ свободой совѣсти человѣка и гоненія на національность, всевозможное полицейское своеволіе и вымогательства, судебная волокита и умышленныя судебныя ошибки, полицейская расправа со студентами и разнообразнѣйшіе примѣры некультурности среди людей культурныхъ, картины умственной и нравственной тьмы во всѣхъ слояхъ общества—всѣми этими обвинительными документами были испещрены страницы „Колокола“ и того особаго отдѣла въ немъ, который носилъ грозное заглавіе: „Подъ судъ!“. Къ этимъ картинамъ соціальной неурядицы присоединилась скоро и угнетающая картина политической неурядицы въ Польшѣ. Сказать больше злого и недобраго о Россіи оффиціальной и мнимо интеллигентной, чѣмъ было сказано въ „Колоколѣ“, было невозможно; всему строю государственному и общественному—начиная отъ самыхъ принциповъ до ихъ частичнаго примѣненія въ жизни—было высказано полное осужденіе. Положимъ, это осужденіе относилось къ режиму прошлому, но факты были взяты сегодняшніе и вчерашніе; ихъ обиліе и ихъ, если такъ можно выразиться, „естественная“ нелѣпость указывали на то, сколь они не случайны и долговѣчны. А между тѣмъ нужно же было дать читателю понять, что времена наступили иныя и что все это безобразіе должно же кончиться. Сказать просто: „будемъ надѣяться“—нельзя было, не указавъ сразу на тотъ общественный и государственный порядокъ, при которомъ такая надежда была бы возможна, т.-е. нужно было, обличая, высказаться за какую-нибудь форму новаго строя.

Ни для кого изъ маломальски политически воспитанныхъ людей не было тайной, что общественныя раны нельзя лечить пла-

стыремъ и что только коренныя реформы могутъ въ данномъ случаѣ помочь оздоровленію государства. Но необходимость реформъ не влекла за собой необходимости перемѣны самаго политическаго строя, или во всякомъ случаѣ вопросъ о перемѣнѣ строя становился вопросомъ спорнымъ. Герцену надлежало высказаться по этому вопросу—и „Колоколъ“ неоднократно его касался, но отвѣты получались между собой несогласованные. „Въ вашихъ книгахъ.—писалъ Герцену Огаревъ въ первомъ же номерѣ „Колокола“—я добросовѣстно могу признать васъ только патологомъ, указывающимъ на болѣзненное состояніе общества. Изъ вашихъ сочиненій можно заключить, что вы не кровавый революціонеръ и что послѣдніе годы васъ выучили не вѣрить революціямъ, по крайней мѣрѣ политическимъ революціямъ, и вы готовы ужиться со всякимъ правительствомъ, лишь бы оно стояло на высотѣ экономическихъ измѣненій въ государствѣ. Дѣло не въ перемѣнѣ правительства, а въ перемѣнѣ, которая бы улучшила положеніе людей. Вотъ въ чемъ вашъ такъ называемый соціализмъ, съ которымъ всякое разумное правительство, которое не хочетъ погибнуть, должно быть за-одно“ („Колоколъ“, № 1, 1 іюля 1857). Огаревъ хорошо зналъ Герцена, и писали они эти строки вмѣстѣ, потому что ровно черезъ годъ Герценъ говорилъ уже отъ своего имени: „Намъ дѣла нѣтъ до формъ правленія, мы всѣ ихъ видѣли на дѣлѣ и видѣли, что всѣ онѣ никуда не годятся, если онѣ реакціонны,—и всѣ хороши, если онѣ современны и прогрессивны“ (№ 18, 1 іюля 1858). Такое категорическое признаніе не помѣшало однако Герцену дать въ „Колоколѣ“ мѣсто одной „очень замѣчательной статьѣ“ подъ заглавіемъ „Реформа сверху или реформа снизу“ (№ 28, 15 ноября 1858), въ которой принципъ самодержавія отвергался очень рѣшительно. Помѣщая эту статью, Герценъ глухо оговорился, что онъ „не во всемъ согласенъ съ авторомъ“, но полемизировать съ нимъ не сталъ. Въ данномъ случаѣ онъ повторилъ тотъ же пріемъ, который онъ допустилъ еще въ 1855-мъ году, когда въ „Полярной Звѣздѣ“ напечаталъ статью: „Философія революціи и соціализмъ“. Въ этой ультра-радикальной статьѣ государство понималось какъ заговоръ имущихъ собственность противъ неимущихъ и смѣшеніе анархизма съ коммунизмомъ признавалось за желанную форму общежитія. Герценъ съ содержаніемъ этой статьи не былъ согласенъ, но заявилъ печатно, что перечелъ ее десять разъ, удивляясь смѣлости и глубинѣ революціонной логики автора, и принялъ ее съ тѣмъ чувствомъ надежды, съ которымъ въ ковчегѣ была принята вѣтвь,

принесенная голубемъ („Полярная Звѣзда“ 1856, стр. 263). Такое признаніе могло быть истолковано почти какъ одобреніе.

На самомъ же дѣлѣ Герценъ отъ всякихъ крайностей былъ далекъ. Ему демократія вообще стала какъ-то подозрительна. „Развѣ мы не видали,—говорилъ онъ—что республика съ правительственной иниціативой, съ деспотической централизаціей, съ огромнымъ войскомъ, гораздо меньше способствуетъ свободному развитію, чѣмъ англійская монархія безъ иниціативы, безъ централизаціи? Развѣ мы не видали, что французская демократія, т.-е. равенство въ рабствѣ—самая близкая форма къ самовластію?.. Я смѣло скажу, переиначивая извѣстную латинскую пословицу: „Я другъ республики, я другъ демократіи, но гораздо больше другъ свободы, независимости и развитія“. Если мнѣ возразятъ: да можетъ ли быть свобода и независимость внѣ республики и демократіи?—я отвѣчу, что и съ ними онѣ не могутъ быть, если народъ *не дорось* до нихъ... Слѣдуетъ ли изъ сказаннаго, что я предпочитаю представительную монархію—республикѣ и электоральную таксу—всеобщей подачѣ голосовъ? Нисколько. Я констатирую фактъ и больше ничего... Мы стремимся и хотимъ дѣйствовать въ нашемъ времени, въ современной Россіи,—это заставляетъ насъ не втѣснять (?) вопросовъ, но стараться овладѣть тѣми, которые уже возникли“ (№ 32 и 33, 1 января 1859). Очевидно, что Герценъ считалъ возбужденіе вопроса объ очередной политической формѣ преждевременнымъ; но это не помѣшало ему признать, что ближайшей переходной формой должно быть конституціонное правленіе, которое онъ однако цѣнилъ лишь какъ удобное средство для обузданія самовластія (№ 70, 1 мая 1860).

Вопросъ о политической формѣ правленія былъ, такимъ образомъ, отодвинутъ Герценомъ совсѣмъ на задній планъ, и въ этомъ несомнѣнно сказалось его политическое чутье. Онъ понималъ, что на первыхъ порахъ, при только что начавшейся ликвидаціи стараго строя въ Россіи, безполезно, да и неумѣстно, говорить объ измѣненіи основныхъ государственныхъ законовъ. Но онъ тѣмъ не менѣе часто говорилъ объ этомъ измѣненіи.

Молодые радикалы и многіе изъ либераловъ были, конечно, иного мнѣнія. Герценъ не стремился ихъ разувѣрять, и—странно,—даже горячилъ ихъ нетерпѣніе. Сразу и громко заявилъ онъ о томъ, что въ исторіи культуры Западъ сыгралъ свою роль и что славянскій міръ во главѣ съ Россіей долженъ сказать міру новое слово и явить новую совершенную форму общежитія на соціалистическихъ началахъ.

„Теперь только идите,—писалъ онъ въ 1856-мъ году,—не

стойте на одномъ мѣстѣ. Что будетъ, какъ будетъ—трудно сказать, никто не знаетъ, но толчокъ данъ, ледъ тронулся. Двиньтесь впередъ... вы сами удивитесь, какъ потомъ будетъ легко идти... Намъ надобно освободиться отъ нравственнаго ига Европы, той Европы, на которую до сихъ поръ обращены наши глаза. Западная цивилизація своимъ послѣднимъ словомъ поставила отреченіе отъ „современнаго гражданскаго устройства“; если Европа и осуществитъ ея завѣщаніе, то это именно не та, на которую вы смотрите, а Европа чернорабочая, оставшаяся, какъ Россія, внѣ движенія, задавленная нуждой, бѣдная, обойденная, земледѣльческая и отчасти ремесленная. Всѣ революціи не удались въ Европѣ потому, что онѣ не касались ни поля, ни мастерской, ни даже семейныхъ отношеній, и были сбиты съ дороги мѣщанствомъ. Намъ нечего заимствовать у мѣщанской Европы, она снова беретъ у насъ ею привитый деспотизмъ“ („Полярная Звѣзда“ 1856, III, VII—VIII). „Извѣстная гладкость формъ, отсутствіе наглаго насилія, правительственной грубости, отсутствіе всякаго рода побоевъ, результаты длинной цивилизаціи — скрываютъ, несмотря на всѣ событія, отъ глазъ нашихъ соотечественниковъ серьезный характеръ нравственной болѣзни Франціи и Германіи, увлекающихъ съ собой меньшія государства материка. Государственныя формы европейскія несовмѣстны съ идеаломъ общественности“ („Колоколъ“ № 6, 1 декабря 1857). „Мы въ выгодномъ положеніи: намъ нѣтъ нужды повторять чужихъ ошибокъ. Страданія, неудачи, опыты европейской жизни мы пережили, пережили воспитаніемъ, мыслію, сердцемъ, не истощивъ всѣхъ силъ своихъ, а нося въ памяти грозный урокъ послѣднихъ событій. Такъ юноша, пораженный какимъ-нибудь великимъ несчастіемъ, совершившимся передъ его глазами, быстро зрѣетъ и смотритъ совершеннолѣтнимъ взглядомъ на жизнь, сквозь печальный примѣръ“ (№ 2, 1 августа 1857). „Теперь Западъ пошатнулся; мы вышли изъ оцѣпенѣнія; мы рвемся куда-то, онъ стремится удержаться на мѣстѣ. Черта, до которой мы дошли, значитъ, что мы кончили ученическое подражаніе, что намъ слѣдуетъ выходить изъ Петровской школы, становиться на свои ноги и не твердить больше чужихъ задовъ“ (№ 57—58, 1 декабря 1859). Теперь „сколачиваютъ свою колыбель“ лишь два новыхъ міра—Америка и славянство, и именно Россія дастъ наконецъ давно желанное рѣшеніе соціальной общеміровой проблемы. Она „оправдаетъ соціализмъ передъ міромъ“.

Но что въ сущности должно было разумѣть подъ этимъ магическимъ словомъ „соціализмъ“? Для выясненія этого слова,

какъ его понималъ Герценъ, потребовались въ наши дни спеціальныя изслѣдованія, устанавливающія связь идей Герцена съ ученіями западныхъ соціалистовъ, и даже послѣ этихъ изслѣдованій не все въ „соціалистическихъ“ взглядахъ Герцена стало ясно. Читатель „Колокола“ въ пятидесятыхъ годахъ не могъ продѣлать такой спеціальной работы, и слово „соціализмъ“, лаская его слухъ, оставалось для него довольно неопредѣленной формулой, которая не покрывала всѣхъ его вопросовъ.

„Теперь самые простѣйшіе люди — писалъ Герценъ въ 1855-мъ году—начинаютъ догадываться, что освобожденіе Россіи необходимо для всемірнаго освобожденія. Для людей мыслящихъ становится яснѣе, что многіе вопросы, остающіеся темными, неразрѣшенными на Западѣ, найдутъ свое объясненіе въ восточномъ переворотѣ. Задача соціализма можетъ только быть вполнѣ разрѣшена сообща, семейно, совокупностью освобожденныхъ народовъ и съ участіемъ младшаго изъ нихъ, который инстинктомъ, въ своемъ бытѣ, нашелъ естественныя сочетанія, оказавшіяся искусственными попытками вездѣ“. „Съ нами революція, съ нами соціализмъ!“ („Полярная Звѣзда“ 1855, стр. 210, 231). „Россія и соціализмъ являются въ одномъ вопросѣ“ („Колоколъ“ № 56, 15 ноября 1859). „Подумайте теперь о результатѣ, когда эта шестая доля земного шара, со всѣми своими туранскими и чудскими примѣсями, съ соціальными инстинктами, освобожденная отъ нѣмецкихъ колодокъ и лишенная воспоминаній и наслѣдства, перекликнется съ пролетаріемъ-работникомъ и пролетаріемъ-батракомъ на Западѣ и они поймутъ, что собственно у нихъ дѣло одно“ (№ 67, 1 апрѣля 1860).

Не давая никакихъ общихъ экономическихъ и юридическихъ опредѣленій „соціализма“, Герценъ ограничился лишь однимъ поясненіемъ, взятымъ изъ практики русской крестьянской жизни. Повторяя то, что онъ говорилъ въ своихъ заграничныхъ книгахъ и брошюрахъ въ первую половину пятидесятыхъ годовъ, онъ въ „Колоколѣ“ очень часто возвращался къ темамъ объ общинѣ и артели и къ вопросу о возможности сочетанія личнаго индивидуальнаго начала съ началомъ общиннымъ.

Непоколебимая вѣра звучала во всѣхъ словахъ Герцена о простомъ народѣ. „Въ противоположность Бюргеровской балладѣ,— писалъ онъ,—мы скажемъ: живые ходятъ быстро и шагъ народныхъ массъ, когда онѣ принимаются двигаться, необычайно великъ. У насъ же не къ новой жизни надобно ихъ вести, а отнять то, что подавляетъ ихъ собственный стародавній бытъ“ (№ 2, 1 августа 1857) „Всѣ тѣ, которые не умѣютъ отдѣлить рус-

скаго правительства отъ русскаго народа, ничего не понимаютъ... Чтобы понять русскій народъ, не будучи русскимъ (и притомъ русскимъ, незапуганнымъ съ малыхъ лѣтъ своимъ ничтожествомъ и величіемъ Запада), надобно быть или соціалистомъ въ Европѣ, или гражданиномъ Сѣверной Америки" (№№ 32 и 33, 1 января 1859). „Неужели вамъ не приходило въ голову, глядя на великороссійскаго крестьянина, на его умный развязный видъ, на его мужественныя красивыя черты, на его крѣпкое сложеніе, что въ немъ таится какая-нибудь иная сила, чѣмъ одно долготерпѣніе и безотвѣтная выносливость" (тамъ же). „Апатія, доктринаризмъ, бюрократство—вотъ чѣмъ зараженъ почти каждый изъ насъ. Мы привыкли ходить на помочахъ и любимъ эти помочи. Мы любимъ говорить: у насъ нѣтъ элементовъ, нѣтъ силы. Это чистый вздоръ. Силы есть и онѣ громадны... Нужно только, чтобы мы твердо убѣдились, что наше спасеніе въ одномъ — если мы будемъ въ состояніи протянуть руку крестьянину и считать его дѣло своимъ" (№ 67, 1 апрѣля 1860). А наше дѣло — поскольку мы хотимъ торопить наступленіе лучшаго соціальнаго порядка въ Россіи и въ Европѣ — дѣйствительно совпадаетъ съ дѣломъ простого народа, такъ какъ онъ лучше всѣхъ образованныхъ людей съумѣлъ разрѣшить основной экономически-соціальный вопросъ жизни...

...„Этотъ дикій, этотъ пьяный въ бараньемъ тулупѣ, въ лаптяхъ, ограбленный, безграмотный, этотъ парія, котораго лучшіе изъ насъ хотѣли изъ милосердія оболванить, а худшіе продавали на свозъ и покупали по счету головъ, этотъ нѣмой, который въ сто лѣтъ не вымолвилъ ни слова, и теперь молчитъ—будто онъ можетъ что-нибудь внести въ тотъ великій споръ, въ тотъ нерѣшенный вопросъ, передъ которымъ остановилась Европа, политическая экономія, экстраординарные и ординарные профессора, камералисты и государственные люди??? Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ онъ внести, кромѣ продымленнаго запаха черной избы и дегтя? Вотъ подите тутъ и ищите справедливости въ исторіи—мужикъ нашъ вноситъ не только запахъ дегтя, но еще какое-то допотопное понятіе о *правѣ каждаго работника на даровую землю*. Какъ вамъ нравится это? Положимъ, что еще можно допустить *право на работу*, но *право на землю?* А между тѣмъ оно у насъ гораздо больше чѣмъ право, оно—фактъ; оно больше чѣмъ признано, оно существуетъ... Элементы, вносимые русскимъ крестьянскимъ міромъ—элементы стародавніе, но теперь приходящіе къ сознанію и встрѣчающіеся съ западнымъ стремленіемъ экономическаго переворота, состоятъ изъ трехъ началъ: изъ

1) *права каждаго на землю*, 2) *общиннаго владѣнія ею*, 3) *мірского управленія*. На этихъ началахъ *и только на нихъ* можетъ развиться будущая Русь" (№ 59, 15 декабря 1859).

Одну только поправку надо внести въ этотъ укладъ: надо освободить личность человѣческую и затѣмъ „развивать общину на ея народныхъ и соціальныхъ началахъ, стремясь къ сохраненію и сочетанію личной независимости — безъ которой нѣтъ свободы — съ общественной тягой, съ круговой порукой, безъ которыхъ свобода дѣлается однимъ изъ монополей собственника" („Полярная Звѣзда" 1856 г., VIII). „Въ настоящемъ положеніи дѣлъ серьезно можно поставить только два вопроса: 1) Есть ли личное, наслѣдственное, неограниченное владѣніе землею — единственное возможное для развитія личной свободы? — и въ такомъ случаѣ, какъ спасти большинство населенія, не имѣющаго собственности, отъ рабства собственниковъ и капиталистовъ? 2) Есть ли, съ другой стороны, поглощеніе лица въ общинѣ — необходимое, неминуемое послѣдствіе общиннаго землевладѣнія, или оно относится къ неразвитому состоянію народа вообще? — и въ такомъ случаѣ какъ соединить полное, правомѣрное развитіе лица съ общиннымъ устройствомъ?" (№ 59, 15 декабря 1859).

Герценъ вѣрилъ, что такое соединеніе вполнѣ возможно, и ждалъ именно отъ славяно-русскаго міра, что онъ осуществитъ идеальную форму общежитія, въ которой индивидуальное и общее будутъ гармонично слиты.

На первыхъ порахъ надлежало, какъ говорилъ одинъ корреспондентъ „Колокола", „изъ массы населенія образовать народъ свободный на дѣлѣ; поддержать и развить въ немъ слабый зародышъ соціализма, глубоко укоренившійся въ славянской общинѣ... и тѣмъ самымъ основать будущее счастіе Россіи, можетъ быть Европы!" (№ 13, 15 апрѣля 1858). Другой корреспондентъ, болѣе ретивый, писалъ, обращаясь за рѣшеніемъ этого вопроса къ молодому поколѣнію: „Всѣ настоящія путаницы, всѣ законы, весь старый хламъ — все рухнетъ и всѣ общественные вопросы разумъ построитъ на сердцѣ, на одномъ началѣ: „люби ближняго какъ самого себя"... И эту задачу призванъ рѣшить народъ русскій... Царство Христово еще нигдѣ не было на землѣ, царствовала форма, а не сущность. Всѣ общества смѣются надъ истиной Христа, вездѣ душно, тѣсно сердцу! Только въ русскомъ крестьянскомъ полѣ — только на русской крестьянской сходкѣ — только въ русской деревнѣ отдыхаетъ сердце, становится широко и дышится свободно. Умрите, если будетъ нужно, умрите какъ мученики — умрите за

сохраненіе равнаго права каждаго крестьянина на землю — умрите за общинное начало!“ (№ 32 и 33, 1 января, 1859).

Итакъ, какой же политическій и соціальный порядокъ „Колоколъ“ считалъ наиболѣе желательнымъ? Говорить о чисто политическихъ темахъ газета избѣгала, ясно давая понять, что не онѣ стоятъ на очереди. Она указывала лишь на извѣстный соціальный строй, какимъ живетъ *одна часть* русскаго народа, и видѣла въ сохраненіи и развитіи этого строя залогъ спасенія Россіи и чуть-ли не зародышъ обновленія всего культурнаго міра.

Но, прослушавъ этотъ патетическій диѳирамбъ общинѣ, можно было спросить: а при какихъ *политическихъ* формахъ желанное процвѣтаніе общины обезпечено? И потерпитъ ли существующій политическій порядокъ такое процвѣтаніе общины, которое должно разрѣшиться торжествомъ соціалистическаго строя? По искреннему молчанію, какимъ Герценъ обошелъ этотъ вопросъ, можно думать, что его не покидала надежда приблизиться къ намѣченной цѣли даже при современномъ ему политическомъ строѣ. Но для кого такая надежда была обязательна? И развѣ мало было такихъ читателей „Колокола“, которые въ недоумѣніи могли спросить себя: а какъ же *при условіяхъ наличнаго порядка* надлежитъ работать, чтобы соціальный строй могъ измѣниться къ лучшему въ желанномъ смыслѣ?

Намѣчая цѣль, необходимо было разработать планъ движенія въ новомъ направленіи и опредѣлить новые пріемы борьбы. „Колоколъ“ обязанъ былъ представить такой планъ.

Обсуждая его, газета опять допустила умолчанія и частыя колебанія во взглядахъ, и вмѣсто того чтобы сплотить всѣхъ недовольныхъ, она еще разъ подчеркнула ихъ рознь и никого не удовлетворила.

Несторъ Котляревскій.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

КИРА БАРСЮКОВА

ПОВѢСТЬ

VIII *).

Ольга Андреевна принимала по субботамъ отъ пяти до семи, но близкіе знакомые, любящіе поболтать безъ стѣсненія, заходили и раньше. Въ ближайшую послѣ обѣда у де-Шарбонель субботу, уже съ четырехъ часовъ сидѣла у Ольги Андреевны графиня Тыжевская и съ нѣкоторой завистью хвалила ее:

— Удивительно какъ вы умѣете устраиваться! Сразу попали въ самое интересное французское общество. Я въ Парижъ пріѣзжаю почти каждую зиму, но друзей французовъ у меня нѣтъ. Конечно, я иногда приглашаю знакомыхъ мужчинъ обѣдать, но это не то...

— Ахъ, душенька, гдѣ намъ устраивать обѣды!—простодушно воскликнула Ольга Андреевна.—У нихъ это цѣлое священнодѣйствіе. И какая роскошь! Я просто оробѣла. Бывала же я въ Россіи у очень богатыхъ людей, за границей обѣдала въ посольствахъ, но это не то. У нихъ здѣсь все скомбинировано, разсчитано, должно, если можно такъ выразиться, давать нравственные результаты, и каждый приглашенный несетъ долю отвѣтственности, обязанъ направить всѣ усилія для успѣха торжества. Женщины, слава Богу, должны быть только красивыми, нарядными, умѣть слушать и улыбаться. Только такихъ и приглашаютъ. Если явится уродъ, то это очевидно знаменитость

*) См. май, стр. 80.

или особа, безъ которой нельзя пригласить какого-нибудь очень значительнаго или моднаго мужчину. Кстати, какъ эти liaisons у нихъ явны, и какимъ уваженіемъ онѣ пользуются! Сама мадамъ де-Шарбонель—старуха, ей подъ шестьдесятъ лѣтъ,—накрашенная, декольтированная, въ великолѣпнѣйшемъ платьѣ и золотыхъ туфелькахъ...

Вошли русскіе поэты, и Ольга Андреевна прервала свой разсказъ, чтобы поздороваться. Явились въ гостиную и обѣ барышни.

— Дѣвочки, не слушайте, занимайте молодыхъ людей,—сказала Ольга Андреевна изъ внезапно пробудившагося чувства приличія.

— Ты говоришь про Шарбонелей? Да мы-то вѣдь все знаемъ,—отвѣтила Кира,—ты уже много разъ намъ разсказывала.

— Ну, продолжайте,—сказала графиня Тыжевская.

— Хорошо! Ну вотъ эта старуха, почти страшная на первый взглядъ, вполнѣ завладѣла, держитъ на привязи, въ безпрекословномъ повиновеніи, самаго тонкаго, самаго лучшаго изъ современныхъ писателей!

— Аристида Латэна!—облегченно вздохнувъ, сказалъ Александръ Игнатьевичъ.—Онъ теперь понялъ, о комъ шла рѣчь, и подсѣлъ поближе.

— Да, Аристида Латэна,—продолжала Ольга Андреевна,—и это любовь, настоящая любовь! Онъ съ восхищеніемъ смотритъ на нее, на эту съ головы до пятъ искусственную, злую и умную старуху. А она гордо выставляетъ его на общее поклоненіе, окружаетъ льстецами, наводитъ разговоръ на такія темы, гдѣ бы онъ могъ особенно блеснуть, слѣдитъ за тѣмъ, чтобы его слушали съ должнымъ вниманіемъ, и не допускаетъ, чтобы кто-нибудь стоялъ на равной съ нимъ ногѣ.

— Какъ это интересно!—сказалъ, волнуясь, Александръ Игнатьевичъ.—И о чемъ онъ говорилъ?

Но Ольга Андреевна продолжала свое:

— За столомъ сидитъ противъ нея мужъ, толстый, шумный господинъ, и никто на него вниманія не обращаетъ; изъ вѣжливости отвѣчаютъ ему на вопросы, но отвѣчаютъ такъ, чтобы не дать ему слишкомъ разговориться. Это—правило; всѣ приглашенные такъ поступаютъ...

— И вы также?—спросила Тыжевская.

— И я, конечно. Я очень осторожна, что бы Кира про меня ни говорила. Я осмотрѣлась и вошла въ тонъ.

— Удивительная!—повторила Тыжевская.

— Тебя Вернейль о всемъ предупредилъ,—вставила Кира.

— О всемъ нельзя предупредить,—отвѣтила Ольга Андреевна. —Но онъ мнѣ сказалъ, что нужно быть гораздо любезнѣе съ Латэномъ, чѣмъ съ де-Шарбонелемъ, что̀ и естественно въ сущности, разъ Латэнъ такъ знаменитъ, а тотъ—ничто... А впрочемъ мадамъ де-Шарбонель и Латэнъ преувеличенно вѣжливы другъ съ другомъ; щеголяя своей близостью, все-таки соблюдаютъ приличія, даже какъ-то неестественно, жеманно. Тонъ самый придворный, на какой-то сомнительной подкладкѣ. Такъ замѣтно, почему-то, что ихъ прислуга не уважаетъ.

— Конечно, какой это свѣтъ!—сказала Тыжевская, и вдругъ возгордилась тѣмъ, что не знаетъ этого народа.

— Но роскошь изумительная! Столъ покрытъ необыкновенной желтой скатертью, посрединѣ большое зеркало безъ рамки, на которомъ стоитъ скала изъ саксонскаго фарфора съ пастухами и пастушками; по краямъ зеркала серебряныя корзины съ розами, и корзина съ корзиной связана ниспадающей цѣпью цвѣтовъ. Между каждыми двумя приборами графины съ виномъ, одинъ съ краснымъ, другой съ бѣлымъ, такимъ хороводомъ, очень это мило. Хрусталь и фарфоръ съ вензелями мадамъ де-Шарбонель. Сидятъ за обѣдомъ на большихъ стульяхъ, обитыхъ краснымъ шелкомъ, съ высокими прямыми, также мягкими спинками. Очень удобно и просторно, туалеты дамъ очень выигрываютъ... Насъ было всего четырнадцать человѣкъ, шесть дамъ и восемь мужчинъ.

— О чемъ говорилъ Аристидъ Латэнъ? — опять спросилъ Александръ Игнатьевичъ.

— Въ глубинѣ столовой играетъ мраморный фонтанъ, стѣны въ гобеленахъ...

— Настоящихъ,—вставила Кира.

— Конечно, не такая дрянь, какъ у насъ!—отвѣтила Ольга Андреевна.—Мягкій коверъ подъ ногами, лакеи беззвучно двигаются. Меню въ девять блюдъ, если не ошибаюсь, или даже больше; смотришь, какъ будто стихотвореніе написано...

Александръ Игнатьевичъ и молчаливый Сергѣй Петровичъ разсмѣялись.

— А говорили все о политикѣ. Аристидъ Латэнъ, оказывается, соціалистъ—и всѣ присутствующіе, конечно, были соціалисты. Говорилъ онъ такъ тонко, такъ умно, красивыми, законченными, благозвучными фразами, вѣкъ бы слушала!

— И вы со всѣмъ соглашались?—спросила Тыжевская.

— Какъ же иначе? Вѣдь его не переспоришь. Вышло бы

невѣжливо; никто не спорилъ, да я и аргументовъ бы не нашла; онъ такъ говорилъ, что я каждому слову его вѣрила.

— Гдѣ вы сидѣли?—продолжала разспрашивать Тыжевская.

— Налѣво отъ хозяина, а по правую руку отъ меня—редакторъ „Temps“. Прелесть какой старикъ! Я съ нимъ была какъ могла любезна: для дочки старалась, вѣдь засѣло у ней въ головѣ... Ну вотъ, Аристидъ Латэнъ поучаетъ, и такъ видно все обдумалъ, вдоль и поперекъ знаетъ всю Францію, нужды и интересы классовъ, какъ устроить все къ лучшему, а де-Шарбонель вдругъ громкимъ шопотомъ мнѣ говоритъ: „Вы, можетъ быть, воображаете, что еслибы теперь на улицѣ заревѣла толпа, требуя исполненія того, чему учитъ нашъ знаменитый другъ, онъ бы пошелъ съ нею? Нѣтъ, преспокойно остался бы сидѣть здѣсь и глядѣть бы не сталъ на безпорядочную свору“. Я такъ испугалась, что чуть не отшатнулась отъ де-Шарбонеля.

— Месть мужа,—сказала Тыжевская.

— Нисколько, онъ въ восторгѣ. Онъ искренно любитъ Латэна, обижается за него, когда слѣдуетъ обидѣться, а тому лѣнь. Нѣтъ, онъ просто такъ это сказалъ, чтобы польстить мнѣ. Я это поняла, когда онъ прибавилъ: „мы не такъ великодушны, какъ вы, русскіе, свой лобъ опасности зря не подставляемъ“.

— Правильно, — сказалъ молчавшій до тѣхъ поръ Сергѣй Петровичъ.—Мускульная сила Латэна мало что сдѣлала бы для успѣха дѣла, а его умъ, его книги, его рѣчи увеличиваютъ сумму знанія и счастія народа, двигаютъ его впередъ.

— А на что онъ похожъ?—спросила Тыжевская.

— Напоминаетъ одновременно мудраго стараго слона и трусливаго зайца,—задумчиво отвѣтила Ольга Андреевна.—Высокій, прямой, лысый, лицо узкое, глаза близко посаженные и очень проницательные. Носъ длинный, ротъ немного насторону, уши какъ-то лежатъ назадъ.

— Не особенный красавецъ,—сказала, смѣясь, Тыжевская.—А вы возмущались, что возлюбленная его не хороша.

— Не красавецъ, конечно, но чародѣй. Умъ необыкновенный, ни одного слова банальнаго не скажетъ, и все знаетъ: взглянетъ на человѣка и все про него знаетъ. Я его всей душой полюбила, право!

Вошла пожилая, черномазая, просто одѣтая француженка, баронесса де-Бекари. Ольга Андреевна очень обрадовалась ей, познакомила съ Тыжевской, представила поэтовъ. Баронесса быстро кивала головой и усѣлась удобно.

— Наша милая хозяйка только-что разсказывала намъ про обѣдъ у де-Шарбонель,—сказала Тыжевская.

Баронесса въ ужасѣ замахала руками.

— Дорогая моя! — вскрикнула она — неужели вы знаетесь съ этой кликой? Это какой-то неизмѣримо вредный сбродъ. Сама де-Шарбонель вѣдь происходитъ отъ Авраама, Исаака и Іакова... Она носится съ этимъ Латэномъ,—конечно, онъ бойко пишетъ, но какое отсутствіе принциповъ! Она помогаетъ ему разрушить Францію, запрудить всю Францію грязью. О, да, — прибавила она, вздохнувъ, — несомнѣнно въ нашей республикѣ неблагополучно, фригійскій колпакъ съѣхалъ на сторону, изорвался, нѣтъ ни самоуваженія, ни честности! Жиды и франъ-масоны всѣмъ завладѣли. Вы, милая мадамъ де-Барсюковъ, какъ пріѣзжая, еще не знаете, съ какими людьми нужно вести знакомство и какихъ избѣгать.

— Я еще на все смотрю какъ туристъ, хочу все узнать,— защищалась Ольга Андреевна.

— Это очень опасно, — отвѣтила баронесса. — Я допускаю, что Шарбонели вліятельны и что ихъ не слѣдуетъ раздражать, но сближаться съ ними... И какой вы туристъ? Вы вѣдь здѣсь останетесь. Не можете же вы жить въ вашей странѣ, гдѣ происходятъ ужасы? Личность, даже сама жизнь, не обезпечены, нѣтъ никакой свободы и климатъ отвратительный. Я знаю нѣкоторыхъ вашихъ вельможъ и всегда говорю каждому изъ нихъ: „Вы—анахронизмъ“. Да, я ничего не боюсь. А они улыбаются и отвѣчаютъ мнѣ: „Да, милая баронесса, мы—анахронизмъ“.

Она быстро говорила, требуя свободы для Россіи и установленія аристократическаго правленія во Франціи.

Ольга Андреевна посматривала на дверь. Она ждала Вернейля съ женой; до сихъ поръ она очень радовалась этому знакомству, а теперь боялась, что и оно можетъ показаться баронессѣ предосудительнымъ. Она рѣшила предупредить ее на всякій случай.

— Да, это такъ, все вѣрно, что вы говорите, — сказала она горячо, хотя не все время слушала. — Вы, можетъ быть, встрѣтите у меня Вернейлей: надѣюсь, что вы ничего противъ нихъ не имѣете...

— Прекрасные люди, и онъ, и она! Очень рада. Онъ отличный скрипачъ, могъ бы зарабатывать огромныя деньги, но играетъ con amore: его жена богата. Онъ создалъ себѣ совершенно исключительное свѣтское положеніе. А она очаровательна. Давно она вернулась? Она, кажется, была въ Италіи при больной тетушкѣ, этой милѣйшей старушкѣ, графинѣ Казинеро...

— Мадамъ Вернейль только-что вернулась, я съ ней еще не знакома. Ея мужъ принимаетъ большое участіе въ музыкальной карьерѣ Киры. Онъ съ нами очень сдружился и обѣщалъ сегодня привести жену.

— Это отлично. Такое знакомство я очень поощряю. Вы тамъ встрѣтите самыхъ серьезныхъ, вліятельныхъ артистовъ, и мадамъ Вернейль всему умѣетъ придать такой хорошій тонъ!

Баронесса стала дружелюбно разглядывать Киру; быстро и мелко закивала ей, улыбаясь.

— Будете имѣть громадный успѣхъ, съ такимъ голосомъ да съ протекціей Вернейля...

Въ эту минуту вошла высокая, величественная, очень хорошо одѣтая дама, и за ней—Вернейль.

Раздались радостные возгласы Ольги Андреевны и баронессы.

— Когда говорятъ про солнце, то видятъ его лучи...—Произошелъ нѣсколько театральный обмѣнъ любезностей. Въ Вернейлѣ не было и тѣни обычнаго шутовства. Онъ, какъ очень нѣжный мужъ, радостно вводилъ жену въ семью своихъ новыхъ друзей и всей своей фигурой выражалъ убѣжденіе, что для этихъ друзей происходитъ нѣчто радостное и почетное.

Кирѣ пришлось выслушать привѣтствія и комплименты. Она вспомнила шутливыя слова, мѣсяцъ тому назадъ сказанныя ей Вернейлемъ: „женѣ при встрѣчѣ не говорите, что я васъ только-что страстно цѣловалъ“. Да, она многое могла бы разсказать этой изящной барынѣ, поражающей своимъ свѣтскимъ апломбомъ; но наивно присѣла передъ ней и съ должной благодарностью посмотрѣла ей въ глаза. Какъ та бы разсердилась, еслибы узнала! Не тому, что̀ случилось, разсердилась бы, а тому, что этого не съумѣли скрыть. Холодное, красивое еще, тщательно массированное и умѣло подкрашенное лицо мадамъ Вернейль заинтересовало Киру. Эта, уже немолодая, женщина прекрасно умѣла поддерживать свою красоту. Зубы были изумительной бѣлизны, губы очень свѣжи; каждый поворотъ головы былъ изученъ, и большіе каріе глаза глядѣли эффектно, фокусно. Усиліе нравиться было замѣтно, но такъ какъ оно вполнѣ достигало цѣли, то смѣшного въ этомъ усиліи ничего не было; наоборотъ, оно, какъ тонкое мастерство своего рода, вызывало одобреніе.

На г-жу Вернейль выгодное впечатлѣніе произвело присутствіе баронессы у Барсюковыхъ, но нѣсколько испугала моложавость Ольги Андреевны. Она указала на нее и на Киру мужу.

— Не правда ли, Альберъ, никто бы не сказалъ, что это мать и дочь? Совсѣмъ какъ сестры!

Вернейль и баронесса подхватили это заявленіе; Ольга Андреевна очень мило отнѣкивалась, держала себя безъ тѣни кокетства, и любезность г-жи Вернейль еще усилилась.

Поэты незамѣтно исчезли, потерявъ надежду узнать еще что-нибудь про Латэна. Гости прибывали. Вошла, къ удивленію Киры, очень просто и вмѣстѣ съ тѣмъ очень изящно одѣтая Котя, совсѣмъ какая-то новая. Все на ней, отъ шляпы до ботинокъ, носило отпечатокъ самаго дорогого и подходящаго; покрой платья тальёръ былъ изумительный, и сама она, въ новой оправѣ, была очень хороша. Держала она себя скромно и какъ бы нарочно конфузилась.

— Мама не могла со мной придти, — пояснила она, хотя мать, вѣчно больная и слабая, никогда ее не сопровождала.— Это не совсѣмъ хорошо явиться такъ въ пріемный день безъ шаперона, но я только на минуточку! Меня въ передней ждетъ горничная. Я такъ давно васъ не видала...

Казалось милой шуткой, что эта барышня, воспитанная подъ стекляннымъ колпакомъ, дѣлаетъ визитъ безъ матери. Она улыбалась, щурила ласковые близорукіе глаза, произвела самую дружелюбную сенсацію и граціозно начала помогать барышнямъ разносить чашки съ чаемъ и предлагать печенья и сандвичи.

Ольга Андреевна, въ которой былъ силенъ инстинктъ никогда никого не выдавать, скрыла свое удивленіе и одобряюще смотрѣла на Котю, эту строго державную барышню, которую ей довѣрили на полчаса.

Кира не утерпѣла и шопотомъ спросила Котю:

— Что это за комедія, на что тебѣ она нужна?

А Настя серьезно взглянула и сморщила брови; она также мимоходомъ получила свою долю комплиментовъ, ей было объявлено, что она—представительница таинственнаго русскаго типа, но это ее мало тронуло, и она видимо скучала.

— Я объясню потомъ. Уѣзжай со мной, — отвѣтила Котя, накладывая сандвичи на тарелочку.

Вернейли уходили.

— Вы не должны обижаться, когда Альберъ вамъ даетъ совѣты, — шутливо сказала мадамъ Вернейль Кирѣ.—Я знаю, какого онъ мнѣнія о вашемъ талантѣ.

— Я очень благодарна, я всегда стараюсь слѣдовать этимъ совѣтамъ,—отвѣтила Кира и, замѣтивъ огонекъ въ глазахъ Вернейля, почувствовала одновременно и отвращеніе къ себѣ, и опьяненіе ложью. Но съ той минуты, какъ вошла Котя, онъ не

переставалъ любоваться ею, и это тоже сердило Киру. Ей было не по себѣ.

— Завтра въ обычное время, — сказалъ онъ Кирѣ, церемонно кланяясь, и улыбнулся еле замѣтно слащаво и самодовольно.

— Этотъ ужасный педантъ тиранизируетъ васъ! Но онъ увѣряетъ, что безъ его постоянныхъ напоминаній вы бы не дѣлали такихъ поразительно быстрыхъ успѣховъ,—сказала нѣжно г-жа Вернейль.

— Онъ мнѣ несомнѣнно очень помогаетъ. Я приду, какъ всегда,—странно-просто и серьезно отвѣтила Кира. И въ разладъ съ общимъ льстиво-любезнымъ тономъ прозвучала ея фраза. Она этого не замѣтила.

„Неужели эта дама позволяетъ своему мужу забавляться мной, чтобы онъ не увлекся какой-нибудь дорого стоющей женщиной? Тогда я его отниму у нея!“—подумала она, и сама сознавала, что хвастается. Какъ ей бороться противъ этой „фирмы“, да наконецъ дѣйствительно хочется ли ей побѣдить? Что бы она стала дѣлать съ Вернейлемъ всю жизнь, всю долгую жизнь?

Котя дернула ее за рукавъ.

— Ну, улизни! Одѣнь шляпку и кофточку, а я буду прощаться.

Она подошла къ Ольгѣ Андреевнѣ, заявляя, что „мама вѣрно уже безпокоится...“, а Ольга Андреевна просила ее очень поблагодарить отъ нея маму, что та ее отпустила.

Въ передней Котю ждала горничная, англичанка, дорогая, очень почтительная; а внизу у подъѣзда стоялъ дивный автомобиль.

— Что это такое? скажи же, наконецъ!—вскрикнула Кира.— Чей это автомобиль, твой, что-ли?

— Моего жениха,—отвѣтила Котя, наслаждаясь удивленіемъ подруги.

Кира пожала плечами.

— Разсказывай по порядку. Богатъ онъ и влюбленъ, это очевидно; а дальше—красивъ, молодъ, уменъ? Банкиръ, еврей? Американскій милліардеръ? Какъ его зовутъ? Гдѣ нашла его?

Котя слегка поблѣднѣла и ровнымъ тономъ, чтобы горничная англичанка, сидѣвшая, какъ истуканъ, напротивъ нихъ, не замѣтила ея волненія, сказала:

— Онъ очень богатъ. У него вилла въ Ниццѣ и дворецъ въ Римѣ. Онъ не еврей и не американецъ, а чистокровный англичанинъ.

— Какая прелесть! — вскрикнула Кира.—Ну, поздравляю; даже не сержусь, что ты его прятала, пока не заручилась имъ. И весело же вамъ будетъ: ты такъ любишь спортъ! Ты будешь жить въ Англіи и ѣздить, куда вздумаешь: въ Парижъ, въ Италію, въ Россію! Вотъ молодецъ Котя, какъ устроилась!

Котя продолжала по прежнему ровно:

— Въ Англіи жить не будемъ. Хотя у мистера Маффи тамъ есть замокъ, но онъ почти порвалъ съ родиной и сдѣлался континентальнымъ англичаниномъ. Теперь же, въ особенности, его родственники, разсчитывающіе на его наслѣдство, вѣроятно отвернутся отъ него.

— Онъ старикъ?—тихо спросила Кира, хотя горничная ни одного слова не понимала изъ ихъ разговора.

— Да.

— Ему шестьдесятъ лѣтъ?

— За семьдесятъ.

Кира отвернулась. Ей было жаль Коти, и вмѣстѣ съ тѣмъ зависть, какъ острый камень давившая ее, отвалилась. Продалась Котя, продалась за тряпки, за мѣховую кофточку, за право заказывать платье у дорогихъ портнихъ. Попала въ золотую клѣтку, и эта невозмутимая горничная не сопровождаетъ ее, а сторожитъ, какъ тюремщикъ.

Автомобиль остановился. Подруги молча взбѣжали по лѣстницѣ.

Еще въ передней Киру поразилъ запахъ цвѣтовъ, а въ гостиной ихъ было столько, — букетами, въ корзинахъ и въ вазахъ,—что вся небольшая комната обратилась въ волшебный садъ. Мать Коти, Вѣра Ивановна, лежала на кушеткѣ. Рядомъ съ ней сидѣлъ очень чистенькій, розовенькій старичокъ. Онъ медленно всталъ, когда вошли дѣвушки.

— Кира, я рада, что ты пришла! — сказала привѣтливо Вѣра Ивановна, но никакой радости, а лишь глубокую заботу выражало ея лицо. Она была не по лѣтамъ слаба и пережила много горя съ вѣтренымъ мужемъ, разорившимъ ее. Лѣтъ десять тому назадъ онъ заставилъ ее дать ему разводъ и женился на цыганкѣ.

— Кира, представляю тебѣ мистера Маффи, жениха моей дочери.

Кира пожала холодную ручонку старика, а Котя пустилась въ объясненія по поводу ея визита. Онъ плохо понималъ, рѣшилъ, что Кира — будущая его родственница, и произносилъ какіе-то звуки.

Потомъ онъ перевелъ свои мутные глаза на Котю и мед-

ленно, старательно сказалъ, неизвѣстно къ кому обращаясь и указывая дрожащей рукой на свою невѣсту:

— Я хочу, чтобы эта молодая дѣвушка была счастлива.

— Да, милый, благодарю васъ,—отвѣтила Котя, не совсѣмъ твердо выговаривая по англійски.—Я знаю, что буду очень счастлива.

Кира молчала и съ любопытствомъ смотрѣла, какъ тряслась лысая, съ вихрами бѣлыхъ, выхоленныхъ волосъ надъ ушами, голова старика.

— Я пойду, покажу подругѣ ваши подарки,—сказала Котя.

Онъ кивкомъ головы отпустилъ ее, улыбнулся, и долго улыбка не могла сползти съ его лица.

— Ему сто лѣтъ! — шепнула Кира, какъ только дверь гостиной закрылась за ними.—И пожилъ онъ вѣрно шибко. Никогда такой развалины не видѣла. Гдѣ ты его выкопала?

Котя бросала на свою постель коробки съ великолѣпными шолковыми чулками, связанными дюжинами, дивныя кружева, цѣлое платье изъ point d'Alençon, огромный боа изъ чернобурой лисицы.

— А брилліанты?—спросила Кира.

— Пропасть! Ожерелье, діадема, браслеты, кольца, нити жемчуговъ... Но онъ ихъ пришлетъ утромъ въ день свадьбы. Я ихъ одѣну въ первый разъ, чтобы идти въ церковь.

— Вотъ будетъ смѣшная пара!—безжалостно сказала Кира.—И вѣдь два раза придется вѣнчаться: въ нашей церкви и въ его.

Она не смотрѣла на Котю.

— А все-же, гдѣ ты его откопала?

— Въ Динарѣ! Помнишь, я мѣсяцъ гостила у госпожи Вальтеръ, вдовы маминаго двоюроднаго брата. Въ Динарѣ я часто бывала въ казино, танцовала, держала себя не особенно строго—тамъ принята развязность—и никакого вниманія не обращала на этого старичка. А онъ каждый вечеръ приходилъ и смотрѣлъ на меня, и ничего не говорилъ. Я уѣхала въ отчаяніи, что ничего изъ моей поѣздки не вышло: молодые люди—такіе всѣ противные, думаютъ только о деньгахъ, гадко пристаютъ, а ищутъ только богатыхъ невѣстъ. И вотъ на дняхъ пріѣхала госпожа Вальтеръ и объявила, что мистеръ Маффи поручилъ ей сдѣлать мнѣ отъ его имени предложеніе. Она сама сперва не повѣрила ему, но онъ настаивалъ и все повторялъ: „я хочу, чтобы эта молодая дѣвушка была счастлива“.

— И ты сразу согласилась?

— Что мнѣ было дѣлать? Слушай, я буду говорить откро-

венно. При моей красотѣ я имѣю право на роскошь. Никто мнѣ этой роскоши безкорыстно не дастъ. Я совершаю торгъ: я отдаю старику, полумертвому, но не злому, мою молодость, и получаю въ замѣнъ ту оправу, которой я достойна. Обмѣнъ честный. Я приношу столько же, сколько получаю. Я буду подъ присмотромъ,—онъ уже теперь оковалъ меня въ цѣпи,—я шагу не могу ступить одна. Но я согласна, я все взвѣсила—и согласна. Всѣ женщины продаютъ себя, но у всякой своя цѣна. Одна хочетъ славы, другая—почета, у третьей инстинкты матроны или насѣдки, и она продаетъ всю накопившуюся у нея энергію человѣку, отъ котораго она надѣется имѣть много дѣтей и обезпеченность для себя и для этихъ дѣтей; иная, наконецъ, хочетъ любви.

— Браки по любви тоже представляютъ изъ себя торгъ?

— Конечно. Вѣдь не вѣришь же ты,—никто теперь не вѣритъ,—что любовь вѣчна. А любви хочется; ну и отдаешься тому, кто ее вызываетъ сильнѣй, а затѣмъ наступаетъ взаимное разочарованіе, и очень часто ненависть. Но онъ за твою временную любовь долженъ всю жизнь содержать тебя.

Кира сѣла на кровать, осторожно отодвинувъ кружевное платье.

— Неладно наша жизнь устроена. Вѣдь есть же гордыя, самостоятельныя женщины?

— Есть богатыя, но нѣтъ такихъ, которыя могутъ прожить не унижаясь.

— Духовно богатыя?—тихо сказала Кира:—такія, которыя постоянно всѣмъ что-то даютъ, при которыхъ живется легче, работается легче...

— Тѣхъ обыкновенно не замѣчаютъ, особенно когда онѣ некрасивы. Имъ преспокойно даютъ состариться, и въ утѣшеніе мужья ихъ подругъ говорятъ имъ, когда у нихъ уже волосы посѣдѣли и всѣ страсти улеглись: „отчего я на васъ не женился? какая это была ошибка! вотъ былъ бы рай!“

Послышался легкій стукъ въ дверь. Вошла англичанка горничная, доложила Котѣ, что ихъ просятъ въ гостиную, и начала прибирать разбросанныя вещи.

— Хорошо, что она пришла,—сказала Кира,—а то знаешь ли, чѣмъ кончился бы нашъ разговоръ? Мы бы обѣ сѣли рядомъ и заревѣли бы...

У Коти задрожали губы.

— Ну, этого нельзя, это было бы совсѣмъ глупо.—Она взяла Киру за плечи.—Идемъ!

— Я совсѣмъ уйду, прощусь только и уйду.

— Какъ знаешь.

Въ гостиной Вѣра Ивановна и Маффи сидѣли въ той же позѣ, въ какой ихъ застала Кира. И ясно было, что они все время промолчали. Только Вѣрѣ Ивановнѣ мучительно было это молчаніе, а Маффи — совершенно безразлично. Онъ трогательно обрадовался, когда увидѣлъ Котю, и указалъ ей мѣсто поближе. Кира стала прощаться. Онъ удивился, сбился съ толку, такъ какъ очевидно рѣшилъ, что она останется долго. Ему не хотѣлось вставать, онъ водилъ мутными глазами, наконецъ рѣшился, и началъ засѣвшее въ его умѣ объясненіе.

— Я знаю, что про нее говорятъ, будто она легкомысленна,— сказалъ онъ, водя пальцами по рукѣ Коти.—Но я хочу...—онъ запутался, растерянно силился припомнить и вдругъ, успокоившись, закончилъ затверженной фразой:—Я хочу, чтобы эта молодая дѣвушка была счастлива.

Кира почувствовала настоящій испугъ и чуть не выбѣжала изъ комнаты.

Въ передней, чтобы сказать что-нибудь, она неожиданно для себя спросила Котю:

— Ты не знаешь ли, Сиверсовъ еще въ Парижѣ или уѣхалъ?

— И не думалъ уѣзжать, — отвѣтила Котя. — Неужели ты такъ-таки совсѣмъ потеряла его изъ виду? Онъ къ намъ заходилъ не особенно давно. Очень доволенъ Парижемъ, говоритъ, что здѣсь многому научился; послалъ въ какой-то толстый журналъ статью, которую очень похвалили. Перезнакомился со всѣми русскими Латинскаго квартала. Я его разъ видѣла съ одной голубоглазой дѣвушкой, и другіе его видѣли съ нею же.

— Хорошенькой?

— Съ фасу да, съ профиля нѣтъ.

— Ну, прощай.

Кира быстро поцѣловала Котю и, спустивъ вуаль, ушла. У нея сильно билось сердце и въ ушахъ стучало. Ей вспомнился стихъ:—„Буде лучше меня найдешь, позабудешь; если хуже меня найдешь, воспомянешь“.

И ей казалось, что въ душѣ ея накопилось столько горечи, зависти, грязи и лжи, что хуже ея нѣтъ на свѣтѣ.

IX.

Дни за днями проходили. Постепенно созрѣвалъ будущій успѣхъ Киры. Редакторъ очень распространеннаго иллюстриро-

ваннаго журнала прислалъ къ Барсюковымъ своего фотографа: журналу понадобилось, въ виду скораго и несомнѣнно успѣшнаго дебюта, имѣть наготовѣ карточки Киры у рояля, за письменнымъ столомъ, въ гостиной,—при чемъ фотографъ такъ искусно поставилъ Киру у окна на скамеечку скрытую ея закинутымъ впередъ шлейфомъ, такъ прекрасно проретушировалъ свою работу, что новая пѣвица производила впечатлѣніе высокой красавицы. Сняли ее и съ Ольгой Андреевной: мать сидѣла въ креслѣ, а дочь на ручкѣ кресла, и обѣ смотрѣли въ книгу нотъ, на переплетѣ которой ясно виднѣлось имя Мессаже. Забѣгали репортеры и стали въ газетахъ появляться замѣтки, упоминающія вскользь о скоро имѣющей подняться звѣздѣ. Приходили восторженныя, нервныя феминистки и въ чемъ-то убѣждали Киру; одна художница старалась внушить ей отвращеніе къ мужчинамъ, этимъ грубымъ, страшнымъ существамъ, учила ее, какъ надо съ ними обращаться.—Дѣлать себѣ изъ вліятельнаго человѣка врага, Боже сохрани! Надо всегда симулировать влюбленность, позволять какъ можно меньше, а самой находить усладу въ нѣжности преданной подруги. Настоящую, самозабвенную любовь женщина можетъ получить только отъ женщины. Черные глаза художницы разгорались и тонкія накрашенныя губы дергались. Краснорѣчіе ея было искренно и видно было, что она много и страстно любила. Когда Кира ее выпроводила, она не обидѣлась, а огорчилась и съ смиреннымъ упорствомъ продолжала отъ времени до времени, подъ разными предлогами, заходить къ Барсюковымъ.

Кира уже не распоряжалась собой, а попала въ кругъ обязательствъ. Но ее, по выраженію Вернейля, еще скрывали и только давали публикѣ ее предчувствовать. Показали директорамъ большихъ газетъ, заставили заговорить о ней въ литературныхъ салонахъ.

Уходъ за собой и за своимъ здоровьемъ отнималъ у нея много времени и обратился въ серьезное дѣло. Она замѣтно похорошѣла, научилась одѣваться.

Внутренняя связь ея съ матерью опять ослабѣла. Хотя Ольга Андреевна думала, что всю свою дѣятельность направляетъ для пользы Киры, но самостоятельно увлекалась новою, открывающеюся ей жизнью Парижа, полюбила салонъ де-Шарбонель, стала много читать, оріентироваться по-своему, безъ прежняго лѣниваго и безпечнаго подчиненія дочери.

Она и дѣвушки жили подъ однимъ кровомъ, не ссорясь, но мало въ сущности обращая вниманія другъ на друга. И этимъ первая стала тяготиться Кира.

У Насти за послѣднее время проявился интересъ къ живописи. Она осторожно, вдумчиво присматривалась къ тому, что писалъ Денисъ Ивановичъ, часто и подолгу бесѣдовала съ нимъ, но личныхъ темъ избѣгала. Ее въ художникѣ привлекала его душевная искренность и благоразуміе, а не сила таланта. Поэтовъ она выслушивала, но сама мало съ ними говорила. „Они слишкомъ издерганные“, сказала она разъ Кирѣ: „всѣ нервы у нихъ обнажены, чувствуютъ все преувеличенно; душа у нихъ разбросанная, множественная... Живутъ жизнью всего того, что видятъ: цвѣтка, птицы, рабочаго, влюбленнаго въ себя дэнди, покинутой женщины, измучившаго ее мужчины, отравительницы, монаха... Они то усталые, мудрые какъ старики, доживающіе свой вѣкъ въ большихъ лѣсахъ или на пустынномъ берегу моря,— то наивные, какъ рѣзвящіяся дѣти. Въ ихъ мозгу все раздается слишкомъ сильно. Легкая жалоба переходитъ въ крикъ боли, отъ котораго должна задрожать вселенная; слово надежды кажется имъ такимъ сладостнымъ, что они, услышавъ его, тонутъ въ морѣ блаженства. Они на все откликаются, на всякій огонекъ идутъ, принимая его за солнце, сами—какіе-то калейдоскопные...

— Наши два поэта слишкомъ молоды,—отвѣтила Кира;— накопляютъ еще матеріалъ и не успѣваютъ его криталлизировать.

Она сама себя считала умственно созрѣвшей и опытной. Ея отношенія къ Вернейлю, ихъ любовная дружба казалась ей теперь красивой; она старалась не сознавать ничего унизительнаго въ ней и вѣрила, что исключительныя, выдающіяся существа, какъ она и Вернейль, могутъ себѣ позволить все, что хотятъ. Въ его поговоркѣ: „все разрѣшено, лишь бы никто не страдалъ“, она находила выраженіе душевной доброты. Иногда она цѣлые часы проводила съ нимъ въ самомъ возвышенномъ настроеніи. Она пѣла, слушала его игру, интересовалась его композиціями и съ такой чуткостью понимала ихъ, что Вернейль приходилъ въ восторгъ и серьезно считался съ ея совѣтами. Тогда находила на нихъ, окутывала ихъ легкая, чарующая нѣжность. Появленіе въ гостиную г-жи Вернейль было имъ даже пріятно. Она во всѣхъ отношеніяхъ стояла неизмѣримо ниже ихъ, но они ее щадили, блюли ея счастье, ея покой. Они оба любили ее, и она любила ихъ. Такіе часы были свѣтлые, радостные. Иногда же Кира заставала Вернейля ликующимъ отъ того, что жена его ушла на нѣсколько часовъ, не помѣшаетъ, не зайдетъ, и онъ становился ей страшнымъ, какъ разыгравшійся сильный, кра-

сивый звѣрь; но его мягкость и ловкость, неизмѣнная ласковость рѣчи скоро мирили ее съ нимъ. Онъ никогда не позволялъ ей высказывать порицанія ихъ лицемѣрной игрѣ. „Къ чему возмущаться, такъ жизнь устроена!“ Они не дѣлаютъ никому вреда. Было бы худшимъ лицемѣріемъ, еслибы они, духовно близкіе, боялись поцѣлуя, какъ преступленія.

„J'ai peur d'un baiser, comme d'une abeille“!—декламировалъ онъ, дѣлая комически испуганное лицо.

Неужели это ужъ такъ страшно, такъ непріятно? И онъ дразнилъ ее, говоря, что вотъ тогда-то, третьяго дня или на прошлой недѣлѣ, ей совсѣмъ не было жутко и даже какъ будто бы и не особенно непріятно. И что за странныя разграниченія, что за педантизмъ: такая-то степень привязанности допустима, а слѣдующая за ней запрещена? Говорить такъ издали, чинно—чрезвычайно неуютно. Вотъ если она сядетъ къ нему на колѣни, онъ будетъ объясняться гораздо умнѣе. Ужасно пугаетъ его строгое съ нимъ обращеніе.

Онъ Киру то смѣшилъ, то ошеломлялъ неугомонностью своего краснорѣчія, и она давала себя убѣждать. Одно ее смущало: она не знала, любила ли она его, была ли хоть немного въ него влюблена. А въ томъ, что онъ привязался къ ней, сомнѣній у нея не было и быть не могло. Его нѣжность къ ней была искренняя. Онъ приходилъ въ безпокойство отъ малѣйшаго ея недомоганія, готовъ былъ заплакать, когда она казалась ему грустной, всѣми силами старался, чтобы ей на чужбинѣ было хорошо. И этимъ самымъ, силой своей преданности, онъ былъ выше ея.

„Я въ сущности просто утилизирую его для своей карьеры,—думала она въ минуту самоуничиженія и откровенности.—И большинство женщинъ хитрятъ и лгутъ, но не сознаются въ этомъ. Котя поступила правильно: разомъ продала себя старику—и дѣлу конецъ. Только ея потребности—простыя: наряжаться, быть богатой... Мнѣ труднѣе; мнѣ люди нужны, и я сама могу имъ многое дать. Должна я выдвинуться, и скоро, на средства смотрѣть нечего... А нравственность Насти—просто брезгливость...“

Но, оправдывая Котю и осуждая Настю, она все-таки за послѣднее время старалась сблизиться съ Настей. Она поняла, что со дня своей помолвки Котя для нея потеряна, и сама совершенно охладѣла къ ней, только въ прошломъ питала къ ней нѣжность, какъ къ милой покойницѣ.

И когда состоялась свадьба Коти, пышно и торопливо, Кира не волновалась, никакого чувства, кромѣ гадливой жалости, не испытала; даже роскошь въ церкви, за завтракомъ, и отъѣздъ

въ Италію въ собственномъ автомобилѣ не возбудили въ ней зависти, а показались грубо выставленной платой Котѣ за продажу ея тѣла.

Кира стала ухаживать за Настей, тайно надѣясь, что надменная дѣвушка опять склонится передъ ней, превознесетъ, похвалитъ, какъ въ день маскарада. Ей до боли, но безъ всякой практической цѣли, хотѣлось разузнать, остался ли Николай въ гостинницѣ „Іена“, или переѣхалъ въ другой кварталъ Парижа. Ольгу Андреевну попросить справиться она не рѣшалась,—мать ей теперь представлялась въ новомъ свѣтѣ, болѣе проницательной и умной подъ личиной легкомыслія, — а вотъ Настя могла бы, гуляя, спросить. Предосудительнаго въ этомъ ничего бы не было; вѣдь швейцаръ ее никогда не видалъ. Только передъ тѣмъ что попросить у Насти подобной услуги, слѣдовало опять поднять ее на высоту, поставить по ту сторону добра и зла и не давать разсуждать плоско и здраво. Но хоть признавала Настя ея успѣхи въ пѣніи, а восторгаться ею, называть необыкновенной, и не думала.

Киру это удивляло, возмущало, какъ несправедливость, даже унижало въ собственныхъ глазахъ. Неужели она потеряла власть надъ людьми, умѣнье подчинять ихъ своему настроенію? Она рѣшила, что въ самой Настѣ произошла перемѣна, и стала доискиваться: не влюбилась ли скучающая средневѣковая королевна, не рвется ли изъ заколдованнаго замка? Подозрѣнія ея пали на художника.

— Скоро, наконецъ, твой портретъ будетъ готовъ?—спросила она разъ Настю.

— Онъ собственно не начатъ еще,—отвѣтила Настя.—Денисъ Ивановичъ сдѣлалъ много набросковъ съ меня, но въ выборѣ окончательной позы и аксессуаровъ затрудняется. Хочешь посмотрѣть на его эскизы? Я сейчасъ собираюсь ѣхать къ нему. По метро скоро доѣдемъ.

Кира обрадовалась.

— Разумѣется хочу! Мигомъ одѣнусь. До обѣда успѣемъ, гдѣ бы онъ ни поселился. Ты часто у него бываешь?

— Разъ зашла, послѣ Bon Marché. У него очень мило, такъ аккуратно. И самъ онъ милый, только несчастный. Не нашелъ еще пути, все ищетъ.

„Не лжетъ“—подумала Кира, глядя на ея спокойное лицо: „дѣйствительно только разъ и была, на минутку“.

Но все-таки Кирѣ предстоящая поѣздка казалась значительной, и она развеселилась.

Въ вагонѣ метро было такъ тѣсно, шумно и тряско, что пришлось все время молчать. Онѣ стояли въ проходѣ, держась одной рукой за ременную петлю, спускающуюся съ потолка, и при каждомъ толчкѣ невольно ударялись о своихъ сосѣдей, что вызывало обмѣнъ извиненій. Публика вокругъ нихъ быстро мѣнялась на минутныхъ остановкахъ, наконецъ начала рѣдѣть, а онѣ все ѣхали, то подъ землей, то на уровнѣ крышъ, то по мосту, то опять подъ землей.

— Lion de Belfort! — крикнулъ кондукторъ.

— Здѣсь надо вылѣзать! — сказала Настя, и она съ Кирой бросилась къ дверямъ.

Когда онѣ выбрались на улицу, Кира замѣтила:

— Да это совсѣмъ не похоже на Парижъ.

Ее поразила простота и аляповатость лавокъ, отсутствіе хорошо одѣтыхъ людей, и ее взяло умиленіе.

— Россію напоминаетъ.

— Затосковала по родинѣ? — спросила Настя. — Тутъ бѣдный кварталъ и потому напоминаетъ Россію, а, кромѣ бѣдности, другого сходства нѣтъ.

Кира уже осмотрѣлась.

— Вижу, что нѣтъ. Люди ходятъ быстрѣе и лица не вялыя, не безнадежныя...

Она не успѣла расфилософствоваться: Настя вошла въ высокій узкій домъ и спросила привратницу.

— Дома мосье Дени?

— Кажется, дома; пятый этажъ, дверь налѣво, — отвѣтила привратница, разглядывая дѣвушекъ.

— Благодарю васъ, — сказала Настя, — я уже разъ здѣсь была.

Деревянная лѣстница содержалась очень чисто, и ступеньки были тщательно навощены. Къ первой ступенькѣ сбоку была приставлена дощечка съ надписью: „просятъ вытирать ноги“, и, подъ строгимъ взглядомъ привратницы, Кира и Настя добросовѣстно вытерли подошвы о травяной коврикъ передъ тѣмъ какъ начать восхожденіе. На площадкахъ, то и дѣло, открывались двери и выглядывали дѣтскія и женскія лица. Очевидно негромкій шумъ шаговъ по гулкой лѣстницѣ слышался во всемъ домѣ и возбуждалъ любопытство жителей. Мужчины отсутствовали, ушли на работу; остались одни малолѣтніе и женщины. Пятый этажъ оказался шестымъ, и обѣ дѣвушки запыхались, когда добрались до цѣли. Настя дернула красный шерстяной шнуръ у двери, которую сейчасъ же открылъ Денисъ Ивановичъ.

Онъ очень обрадовался имъ и нисколько не казался разочарованнымъ тѣмъ, что Настя не одна.

— Принимаете?—спросила Кира.—Вы меня не звали...

— Я никогда бы не посмѣлъ,—отвѣтилъ Денисъ Ивановичъ,—вы такъ заняты и, кажется, не интересуетесь живописью; и даже еслибы интересовались, я только вѣдь начинающій.

— Какой у васъ пріятный голосъ!—продолжала Кира, забывъ, что то же самое говорила Александру Игнатьевичу:—я давно замѣтила, и теперь въ особенности это меня поразило. Хотите, я буду васъ учить пѣть?

— Ахъ, пожалуйста! Но вѣдь это неосуществимо, у васъ не найдется ни времени, ни охоты. А я такъ люблю музыку. Можетъ быть, музыка-то и есть настоящее, высшее искусство...

Тутъ онъ замѣтилъ, что плохо исполняетъ обязанности хозяина, и поторопился ввести ихъ въ комнаты. Онъ занималъ не мастерскую, высокую, застекленную, какихъ такъ много въ Парижѣ, а квартирку изъ трехъ маленькихъ комнатъ. Въ первой стоялъ стулъ и мольбертъ, и стѣны были покрыты картинами на подрамкахъ и этюдами. Въ пространствахъ между картинами были навѣшаны куски матеріи, вышитые бисеромъ кокошники, грубыя ожерелья изъ бусъ. Въ общемъ получалась смѣлая, но гармоничная смѣсь красокъ, а линіи сливались.

— Вы любите краски, какъ я люблю звуки,—сказала Кира.

Онъ засіялъ.

— Вѣрно, вѣрно, я люблю краски! Но видите ли, онѣ часто меня обманываютъ и рисунокъ у меня слабъ.

Настя разглядывала на стѣнѣ наброски углемъ и цвѣтными карандашами съ нея самой.

— Я вотъ хочу изобразить Настасію Петровну въ венеціанскомъ костюмѣ, какъ видѣлъ ее на маскарадѣ; на жердочкѣ около нея долженъ быть попугай, она его дразнитъ пальцемъ, а другой рукой гладитъ болонку... Я это придумалъ сегодня утромъ и не знаю, годится ли?

— Отличная мысль,—сказала Кира, пока Настя раздумывала.—А это кто? Какое милое лицо!

Она указала на головку дѣвушки съ бѣлокурыми волосами, очень нѣжнымъ цвѣтомъ лица и наивными голубыми глазами.

— Это русская, здѣсь учится праву; дѣйствительно очень славная.

— И такая хорошенькая! прелесть! — продолжала восхищаться Кира.

Денисъ Ивановичъ согласился.

— Очень хорошенькая, но только съ фасу. Въ профиль она совсѣмъ не хороша. Лобъ слишкомъ выпуклый, носъ малъ и нижняя челюсть выдвинута.

— Вотъ какъ!—сказала Кира.—Это очень интересно.—Она чувствовала, что поблѣднѣла, и обрадовалась, что между Настей и художникомъ завязался разговоръ по поводу попугая. Денисъ Ивановичъ доказывалъ, что ярко-изумрудное пятно будетъ красиво, Настя разумно возражала, что это отвлечетъ вниманіе отъ ея лица и будетъ ее блѣднить. А Кира не могла отвести глазъ съ круглолицой дѣвушки на портретѣ. „Это ее любитъ Николай,— рѣшила она,—и я потому сегодня пришла сюда, что должна была ее увидѣть".

— Я хочу познакомиться съ этой дѣвушкой,—сказала она Денису Ивановичу.—Должна, вы слышите!

— Она будетъ въ восторгѣ,—отвѣтилъ онъ, оторопѣвъ.— Попросите Матюшину, она васъ пригласитъ съ ней... А что если сдѣлать попугая сѣрымъ съ краснымъ ошейникомъ? Такіе бываютъ.

— Тогда лучше для фона воздухъ, а не комната, обтянутая кордуанской кожей...

— Гдѣ живетъ эта дѣвушка?—продолжала Кира.—Вы сами развѣ не можете меня познакомить съ ней? А то когда еще соберется Матюшина.

— Далась она тебѣ!—съ нѣкоторой досадой сказала Настя.— Ни на что другое не смотришь.

— Ну что же, и далась. Денисъ Ивановичъ, голубчикъ не сердитесь, скажите, гдѣ она живетъ.

— Не особенно далеко, 103 бульваръ Распайль. Она про васъ много слышала.

— Отъ кого?—тихо спросила Кира.

— Отъ меня, отъ Матюшиной,—отвѣтилъ Денисъ Ивановичъ. Онъ удивлялся волненію своей гостьи.

— Бульваръ Распайль, 103,—повторила Кира нѣсколько разъ.—Я къ ней пойду сейчасъ же.

— Да ты съ ума сошла!—сказала Настя.—Мы здѣсь пробудемъ еще четверть часа, а затѣмъ, только поспѣемъ вернуться домой обѣдать, переодѣться и отправиться въ salle des Agriculteurs на концертъ. Ты же сама такъ хотѣла слышать Розу Сильверъ.

— Должна ее слышать. Она будетъ пѣть на вечерѣ у Вернейль и мнѣ надо убѣдиться, что голосъ у меня лучше, чѣмъ у нея,—задумчиво сказала Кира.

Она нервно заходила по мастерской.

— Да, краски вы очень хорошо чувствуете, а рисунокъ не важенъ. Вы не обидѣлись? Надо учиться, у французовъ надо учиться; нутромъ берете, а не умѣніемъ. Ремесломъ своимъ не владѣете, какъ про меня сказалъ Шалье, когда я въ первый разъ къ нему явилась. Теперь онъ этого не говоритъ, но все-же я сама знаю, что учиться еще придется и послѣ выступленія годъ, а можетъ быть и дольше. И Настю вы еще не вполнѣ поняли. Настя умная и злая, а вы на нее смотрите какъ на декоративное пятно съ красивымъ очертаніемъ.

Настя покраснѣла и замахала узкой рукой, обтянутой въ свѣтлую перчатку. А Денисъ Ивановичъ слушалъ Киру съ большимъ вниманіемъ.

— Какъ мнѣ ее изобразить?

— Да хоть съ массой аксессуаровъ, только бы она на нихъ не смотрѣла, а глядѣла бы въ даль, ожидая. Вѣдь явится же наконецъ тотъ призракъ, который введетъ ее въ дѣйствительность. Я впрочемъ не знаю, что я говорю: я, кажется, устала. А вотъ круглолицая дѣвушка вамъ очень удалась. Она упрямая, тихая, да?

Денисъ Ивановичъ улыбнулся.

— Упрямая, тихая, терпѣливая.

Кира посмотрѣла ему въ глаза.

— И не талантливая?

— Не талантливая, только трудолюбивая и способная. Но вы сказали, что устали—пройдемте въ сосѣднюю комнату. Это у меня столовая. У меня тамъ столъ и четыре стула, мы можемъ сѣсть.

Въ крошечной столовой былъ накрытъ чай на двоихъ. Денисъ Ивановичъ досталъ третью чашку.

— Вотъ я надѣялся, что Настасья Петровна выпьетъ чаю у меня, а теперь и вы не откажетесь.

— Да у васъ цѣлое хозяйство. И какъ все прибрано, одинъ восторгъ!—сказала Кира.

— Я люблю, чтобы было аккуратно, но сегодня я особенно старался, скребъ и прибиралъ,—сознался Денисъ Ивановичъ. И онъ, съ счастливымъ видомъ, отправился въ свою кухоньку кипятить на газѣ воду.

Дѣвушки сѣли къ столу.

Кира обвела глазами маленькое пространство квартирки.

— Какъ ты думаешь?—сказала она Настѣ:—много тутъ развивается грезъ и надеждъ? Сложная у него душа?

Настя тихо повела плечами.

— Много грезъ навѣрно, и много разочарованій...

— Надо любить свои страданія, свои ошибки и себя. Даже когда мы жалки и безпомощны, глупы и лукавы, надо имѣть въ себѣ что-то сильное, вольное, которое насъ успокоиваетъ и поддерживаетъ, примиряетъ съ прошлымъ, украшаетъ его. Я пойду къ этой дѣвушкѣ, которая учится праву и воображаетъ, что будетъ помогать людямъ, — она несомнѣнно это воображаетъ,—и скажу ей: „Люби себя, какъ ближняго своего".

Денисъ Ивановичъ стоялъ въ дверяхъ и слушалъ ее.

— Вы хорошо это сказали!—рѣшилъ онъ.

— Ахъ, мы всѣ, русскіе, мастера проповѣдывать и исповѣдываться, но жить мы не умѣемъ. Все спотыкаемся, останавливаемся. Надо жить скоро, скоро, бѣгомъ; когда съ разбѣгу и въ могилу вскочимъ, не замѣтимъ. И будетъ что вспомянуть, лежа тамъ въ землѣ. Вы теперь налейте мнѣ чаю—я слышу, уже кипитъ вода, — а потомъ я отправлюсь на бульваръ Распайль. И не думайте отговаривать. Билетъ въ концертъ у меня въ карманѣ. Прямо отъ круглолицой пойду. Такъ ты, Настя, это мамѣ и скажи, пускай она меня не ждетъ, мы въ salle des Agriculteurs встрѣтимся. Я прекрасно могу пойти въ этомъ платьѣ, тамъ не особенно наряжаются, а если публика будетъ очень расфранченная, я простою въ концѣ зала, оттуда гораздо лучше слышно.

— Да вы теперь Екатерину Николаевну либо не застанете, либо стѣсните, — разумно отвѣтилъ Денисъ Ивановичъ. — Она пошла куда-нибудь обѣдать или варитъ себѣ что-нибудь на керосинкѣ. Теперь шесть часовъ.

— Шесть, бѣгу!—сказала Настя, допивая свою чашку.

— Какъ зовутъ дѣвушку, чтобы консьержку спросить?

— Фролова, — отвѣтилъ Денисъ Ивановичъ. — А вы лучше посидите тутъ, я вамъ приготовлю яичницу, достану ветчины.

— Нѣтъ, не посижу, хотя вы очень милый, но я тогда слишкомъ разговорюсь и къ Екатеринѣ Николаевнѣ приду вялая, выдохшаяся, а я ей хочу понравиться. Коли слыхала про Киру Барсюкову, то пусть увидитъ, что эта самая Кира—не первая попавшаяся шалая барышня. Вотъ спасибо за чай и за то что мнѣ было здѣсь такъ хорошо! А ты, Настя, не сердись, что насчетъ твоего портрета не дала тебѣ толкомъ поговорить. Портретъ—дѣло важное; рѣшишь, когда я мѣшать не буду, а мама похлопочетъ, чтобы его въ салонъ приняли. Идемъ!

— Она сама свой портретъ пишетъ, — продолжала Кира,

пожимая на прощанье руку художника.—Не красками пишетъ, а чернилами. Завела манеру у себя въ комнатѣ все писать что-то, листокъ за листкомъ, и ужъ навѣрно все про себя, и такъ заботится, чтобы никто не прочелъ.

Послѣднія слова она уже сказала на лѣстницѣ и, обернувшись, увидѣла блѣдное, разсерженное лицо Насти.

Онѣ спустились молча, и на порогѣ Настя сказала сухо:

— Прощай!—и повернула налѣво къ станціи метро.

Кира, чтобы не пойти за ней, повернула направо.

„Какъ глупо!—сказала она себѣ:—все хочу съ ней сойтись и вмѣсто того ссорюсь". Но она не очень сокрушалась, такъ какъ всѣ ея мысли были полны предстоящей встрѣчей съ незнакомой дѣвушкой. Она пошла въ раздумьи по узкому тротуару. Замѣтивъ, что попала въ слишкомъ простой кварталъ, вскочила въ трамвай и покатила, сама точно не зная куда. На улицахъ уже горѣли фонари, окна магазиновъ сверкали. Опять стало людно и шумно. Когда кондукторъ закричалъ: „бульваръ Сенъ-Мишель!" она вышла искать ресторанъ Дюваля, чтобы пообѣдать, такъ какъ въ первый попавшійся ресторанъ одна пойти не рѣшалась. Въ залѣ Дюваля ее поразилъ противный запахъ разогрѣтой пищи, множество дѣловито жевавшихъ за маленькими столиками людей и показалось, что ей тутъ не мѣсто. Она оробѣла, но подошедшая къ ней женщина, въ бѣломъ фартукѣ и бѣлой наколкѣ, нисколько повидимому не удивилась ея появленію, равнодушно окинула ее усталыми глазами и указала на мѣсто за столикомъ, гдѣ уже сидѣло трое. Кира ѣла супъ съ tapioca, пока ея сосѣди ѣли компотъ, а когда она къ концу обѣда тоже получила компотъ, ея смѣнившіеся сосѣди, не особенно спрятно, но съ явнымъ удовольствіемъ, уничтожали рыбу. Ей было неуютно въ густой атмосферѣ, но торопиться она не рѣшалась, чтобы не явиться къ Екатеринѣ Николаевнѣ слишкомъ рано. Она себѣ заказала большую чашку кофе и рюмку шартрёзъ и почувствовала себя бодрѣе. Окружавшая ее публика, приказчики, провинціалы, учащіеся иностранцы, держали себя скромно, но она замѣтила, что на нее поглядывали, и что она была самой элегантной женщиной въ залѣ. Она расплатилась, не дослушавъ разсказа, нарочно громко начатаго, за однимъ изъ ближайшихъ столиковъ, юркимъ марсельянцемъ, поправила шляпу передъ зеркаломъ, при чемъ убѣдилась, что у нея блестѣли глаза и на обычно блѣдномъ лицѣ появился румянецъ. Она побѣдоносно вышла, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ сѣменившаго за нею ста-

ричка съ ленточкой почетнаго легіона, и вскочила въ первую попавшуюся коляску.

— Бульваръ Распайль, 103!

Вечеръ былъ мягкій и теплый, и Кира чувствовала себя растроганной. Какъ хорошо было бы въ такой вечеръ довѣриться кому-нибудь и слушать шопотъ отвѣтовъ. Мелочныя мысли всѣ бы исчезли, появилась бы нѣжная чуткость, съ полслова она все бы поняла, оцѣнила бы всякое красивое движеніе души. А вотъ она ѣдетъ къ счастливой соперницѣ—и нѣтъ въ ней злобы противъ нея, а только жалость къ себѣ.

За ея коляской побѣжалъ оборванецъ; мягко, какъ на пружинахъ, подскакивая на каждомъ шагу, онъ сунулъ въ коляску руку съ букетомъ розъ.

Кира взяла букетъ и щедро заплатила за него. Когда оборванецъ улыбнулся и передъ тѣмъ какъ исчезнуть крикнулъ ей: „Это принесетъ вамъ счастіе!“ она рѣшила, что подаритъ цвѣты соперницѣ, и вся отдалась грустному умиленію. Она повторяла про себя свое имя: „Кира Барсюкова“, имя будущей знаменитости. Сочетаніе слоговъ ей нравилось, оно было какое-то рѣшительное, сулящее извѣстность и уже часто повторялось въ разговорахъ, появлялось въ печати. Ѣдетъ она, Кира Барсюкова, къ скромной, тихонькой труженицѣ, укравшей у нея счастье, ѣдетъ улыбаясь, и держитъ въ рукахъ душистыя, пышныя розы.

Колокольчикъ на шеѣ лошади побрякивалъ, улица была пустынна. Только изрѣдка, съ лязгомъ и шипѣніемъ, скользилъ по рельсамъ трамвай. Долетали съ тротуара голоса прохожихъ. Но колокольчикъ замолкъ, и Кира вышла изъ коляски.

— Больно мнѣ все-таки,—сказала она вслухъ, сурово сдвинувъ брови.

Кучеръ нагнулся съ козелъ, думая что она говоритъ съ нимъ.

— Что? обратно поѣдете? Подождать? Значитъ, по часамъ?

Она молча заплатила ему и отпустила.

— Мадемуазель Фроловъ?—спросила она привратницу, сидѣвшую на стулѣ у двери.

— Здѣсь! Третья дверь направо по корридору въ пятомъ этажѣ, — быстро и привѣтливо отвѣтила старуха, и прибавила:

— Она недавно вернулась. О! она всегда аккуратно возвращается. Когда по вечерамъ она выходитъ, она меня предупреждаетъ, говоритъ: до такого-то часу меня не будетъ. Даромъ что иностранка, хорошая барышня.

„Привратница—и та любитъ ее“, подумала Кира.

Она поблагодарила, демонстративно вытерла ноги и опять,

какъ у мосье Дени, стала подниматься по скользкой высокой лѣстницѣ. Сердце у нея билось. Милліоны острыхъ и другъ друга уничтожавшихъ обрывковъ мысли кололи ей мозгъ, и отъ запаха розъ, выпитаго ликера и крутой лѣстницы винтомъ у нея кружилась голова.

X.

Въ самомъ верхнемъ этажѣ Кира остановилась, повернула въ чистый корридорчикъ съ паркетнымъ поломъ и постучала въ третью дверь.

— Кто тамъ?—спросилъ изнутри молодой голосъ, робко, но правильно выговаривая по-французски.

— Соотечественница, — отвѣтила Кира по-русски. — Вашъ адресъ я узнала отъ художника Дениса Ивановича. Я Кира Барсюкова.

Дверь немедленно открылась, и Кира увидѣла очень прямо державшуюся, средняго роста дѣвушку. Керосиновая лампа подъ голубымъ колпакомъ на столикѣ у окна освѣщала дѣвушку сзади, и Кира могла только различить ея гармоничную, но не тонкую фигуру и сіяніе свѣтлорусыхъ косъ, облегавшихъ какъ вѣнокъ ея небольшую головку.

— Ничего, что я пришла? — намѣренно наивно и заискивающе спросила Кира, пожимая руку дѣвушки. —Мнѣ такъ хотѣлось васъ видѣть!

— Я очень рада, войдите пожалуйста, мнѣ такъ много о васъ говорили... Но чѣмъ я могла заинтересовать васъ, я не знаю...

Онѣ прошли шага четыре и очутились у столика. Комнатка Екатерины Николаевны была крошечная. Кровать вдоль стѣны, столъ, стулъ, одно кресло въ углу, комодъ противъ кровати, узенькій шкафчикъ для платья и умывальникъ заполняли ее всю, но было въ этой комнатѣ уютно и даже красиво. На стѣнахъ кнопками были прикрѣплены хорошія фотографіи съ картинъ Лувра, почти все прерафаэлиты; были и снимки съ произведеній Родэна и Менье и съ отдѣльныхъ скульптуръ Нотръ Дамъ. Постель прикрывала бумажная персидская ткань. Надъ комодомъ выстроились въ большомъ порядкѣ книги, въ зеленой глиняной вазѣ распускался широкій пучокъ желтофіоли.

— У васъ пахнетъ цвѣтами, — сказала Кира ласково. — Я угадала, что вы любите цвѣты, и принесла вамъ розъ.

Она всмотрѣлась въ лицо Екатерины Николаевны и находила

его очень привлекательнымъ. Денисъ Ивановичъ вѣрно схватилъ сходство и передалъ настоящее, а не мимолетное выраженіе. Спокойствіемъ, благоразуміемъ и тихимъ упорствомъ свѣтились ея голубые глаза.

Екатерина Николаевна вся порозовѣла отъ удовольствія, принимая цвѣты, погрузила въ нихъ лицо, потомъ испугалась, что могла ихъ измять, и нѣжно стала оправлять длинные стебли.

— Какая прелесть! но куда ихъ поставить? У меня высокой вазы нѣтъ.

— Въ кувшинъ отъ умывальника,—сказала Кира.

Екатерина Николаевна принесла кувшинъ, искусно спрятала его за грудой книгъ, и розы на тонкихъ гибкихъ стебляхъ закачались надъ письменнымъ столикомъ.

Кира слѣдила за ней. Въ профиль она была нехороша, и выраженіе лица было какое-то хозяйственное, демократическое.

Она усадила Киру въ кресло, сама сѣла на стулъ противъ нея и одной рукой перебирала листы открытой на столѣ тетради. Кисть руки была довольно широкая, ногти короткіе, но хорошо содержанные. Подъ мягкимъ свѣтомъ лампы, въ благоуханіи розъ, эта строгая дѣвушка очень понравилась Кирѣ. Отъ Вернейля Кира переняла привычку легко и радостно восхищаться; она воскликнула:

— Какая вы милая и какъ къ вамъ идетъ ваша обстановка!

Екатерина Николаевна, взятая въ расплохъ похвалой, совершенно растерялась.

— Маленькая у меня комнатка, — сказала она, думая о чемъ-то далекомъ, — но живутъ люди, которыхъ я не стою, въ болѣе еще тѣсныхъ помѣщеніяхъ. Ничего, ждутъ, работаютъ, надѣются. И тамъ нѣтъ у нихъ своихъ вещицъ любимыхъ, нѣтъ цвѣтовъ.

Она смутилась, досадуя, что говоритъ такими намеками случайной гостьѣ; испугалась также, что, можетъ быть, грубо коснулась сокровенныхъ воспоминаній, такъ же какъ минуту тому назадъ нечаянно чуть не измяла цвѣты. Но Кира смотрѣла на нее широко раскрытыми глазами, не понимая значенія ея словъ. Надо было какъ-нибудь договорить.

Екатерина Николаевна взяла томикъ со стола, отыскала знакомую страницу и, не довѣряя своему произношенію, передала книгу Кирѣ, указавъ пальцемъ на отмѣченныя красной черточкой строчки:

Кира прочла въ полголоса:

„But neither milk-white rose or red

May bloom in prison air.
. . . . . .
For flowers have been known to cure
A common man's despair.

— Да, это вѣрно, — тихо сказала она, — цвѣтокъ можетъ спасти отъ отчаянія.

Она поблѣднѣла, внезапно понявъ, что говоритъ съ „пострадавшей", вздрогнула.

— Вы сидѣли? — спросила она чуть слышно.

Екатерина Николаевна улыбнулась.

— Недолго, шесть мѣсяцевъ. Успокойтесь, ничего ужаснаго, ни даже особенно тяжелаго не было. Говорить объ этомъ не стоитъ. Я вспомнила просто оттого, что тамъ полюбила балладу Рединской тюрьмы, гдѣ упоминаются съ тоской красныя розы... Но оставимъ это.

Она всей душой сожалѣла, что такъ сразу заговорила, какъ ей теперь казалось, съ непристойной искренностью, и чувствовала, что Кира не могла понять, а только трепетала отъ вызванныхъ ею образовъ и желала избавиться отъ нихъ. Дѣйствительно, Кира не за тѣмъ пришла. Она могла думать только о себѣ, только свое считала важнымъ. Ей необходимо было во что бы то ни стало считать Екатерину Николаевну ниже, обыденнѣе себя.

„Сидѣла, такъ что же, всѣ они сидятъ, это у нихъ своего рода дипломъ на порядочность, — подумала она, — и сама говоритъ, что изъ-за пустяковъ"...

Она обрадовалась разрѣшенію не останавливаться на грозной, не подъ силу ей темѣ разговора.

— Я въ Парижѣ столько проглядѣла самаго интереснаго, самаго настоящаго, — сказала она быстро, желая потокомъ словъ выручить смутившуюся Екатерину Николаевну и вмѣстѣ съ тѣмъ оправдать свое посѣщеніе. — Не видала лучшихъ нашихъ соотечественниковъ, тружениковъ. Я увлекалась своимъ дѣломъ, я окружена пустыми свѣтскими людьми. И закрылась отъ меня лучшая сторона жизни. Догадалась я о ней недавно. Я увидала вашъ портретъ у Дениса Ивановича, и меня неудержимо потянуло къ вамъ. Я сказала себѣ: эта дѣвушка хорошая, она поможетъ мнѣ, и я пришла поговорить.... Оказывается, вы обо мнѣ слышали. Отъ кого же?

— Отъ того же Дениса Ивановича, отъ Александра Игнатьевича, отъ Матюшиной... Вся русская компанія гордится вами. Вы, кажется, въ неимовѣрно короткое время сдѣлали громадные

успѣхи въ избранномъ вами искусствѣ. Уже теперь поговариваютъ о томъ, что васъ самые знаменитые капельмейстеры приглашаютъ на будущій сезонъ пѣть въ концертахъ...

— Вильяръ безъ моего вѣдома присутствовалъ при моемъ урокѣ у Шалье, слушалъ меня изъ сосѣдней комнаты и мой голосъ ему понравился,—просто сказала Кира.—Еслибъ я знала, кто меня слушаетъ, я бы ужасно оробѣла.

Она улыбнулась, опять почувствовавъ твердую почву подъ ногами, и вдругъ воодушевилась совсѣмъ, вспомнила, что она—необыкновенная и несчастная.

— Я вѣрю въ себя. Да, у меня есть талантъ, но это—случайный даръ. А сколько онъ приноситъ съ собой горечи! Оттого, что я могу доставить удовольствіе другимъ, я становлюсь рабой этихъ другихъ. Я не могу жить для себя, я должна думать только о томъ, чтобы чище звучалъ, болѣе гибко и легко переливался мой голосъ; доставлять удовольствіе тонкимъ исполненіемъ романовъ и арій, а не устраивать по своему свою жизнь, быть любимой, имѣть дѣтей, заботиться о мужѣ. Нѣтъ, надо лѣзть кверху, все лѣзть, какъ бы ты ни устала, какъ бы голодна ни была твоя душа, лѣзть оттого, что у тебя талантъ и что это достояніе не твое, разъ ты его показала, а достояніе всѣхъ. Я еще не выступала, а уже знаю впередъ все, что будетъ.

Искренняя горечь показалась на ея лицѣ, она махнула рукой, какъ бы отстраняя тяжелый призракъ, внушавшій ей отвращеніе.

— Я знаю, что мнѣ предстоятъ преслѣдованія мужчинъ и зависть женщинъ; я знаю, что на меня будутъ смотрѣть, какъ на легкую добычу. Оттого что я глубже другихъ могу понять изгибы и волненія страсти, мнѣ будутъ предлагать развратъ.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, что вы! Теперь не такое время, артистокъ уважаютъ, я васъ увѣряю, — сказала Екатерина Николаевна.—Служеніе искусству ставятъ очень высоко.

Кира горько усмѣхнулась.

— Знаю я, знаю, какъ высоко ставятъ! И если артистка дѣйствительно полюбитъ всей душой, она должна оторваться отъ того человѣка, котораго любитъ, чтобы избавить его отъ ада жизни съ ней, жизни, куда [illegible]лядываетъ журналистъ, вѣчно прячущійся за занавѣсью ея окна и сочиняющій про нее скандальныя исторіи, чтобы позабавить публику. Не думайте, что я жалуюсь, нѣтъ, я просто хочу сказать, что знаю, на что иду: не на счастье, а на отреченіе отъ счастья. Васъ удивляетъ, что я зашла къ вамъ, не будучи знакома съ вами...

Екатерина Николаевна хотѣла что-то сказать, но Кира остановила ее, ласково дотронувшись до ея руки.

— Я хотѣла вырваться изъ чада искусства на минутку, я хотѣла видѣть здороваго, нормальнаго человѣка; дѣвушку, разумно исполняющую поставленную себѣ задачу, спокойно, безъ лихорадочной экзальтаціи; дѣвушку, идущую къ настоящей цѣли всякой жизни—къ семейному счастію.

Екатерина Николаевна встала въ большомъ волненіи.

— Отчего вы думаете, что моя цѣль мелко-буржуазная? Отчего вы думаете, что я занята одной заботой о личномъ счастіи? Нѣтъ, я счастлива другой мечтой. Я хочу быть полезной тамъ, у насъ на родинѣ, научить темнаго человѣка его правамъ, дать ему возможность понимать, когда его обижаютъ, и освободиться отъ обидчика.

— Но вѣдь знаніе французскаго права непримѣнимо въ Россіи?

— Знаніе права вообще полезно, а когда-нибудь, очень скоро, я надѣюсь, и у насъ женщины получатъ доступъ къ адвокатурѣ. Тогда я буду подготовлена моей работой здѣсь, и быстро получу возможность выступить.

Кира уставилась на нее.

— Дорогая моя, нѣтъ, этого скоро не будетъ. А самое лучшее, самое высокое для женщины—это стать помощницей мужа. Выходите замужъ за юриста; онъ будетъ работать на васъ, доставитъ вамъ обезпеченную жизнь, а если у него есть состояніе, то доставитъ и комфортъ. Вы же будете помогать ему тѣмъ, что поймете его дѣятельность, съ интересомъ будете говорить о ней. И пойдетъ у васъ тихое, благоденственное житіе.

У Екатерины Николаевны слезы выступили на глазахъ.

— Я совсѣмъ не понимаю, куда вы гнете и отчего вы говорите со мной такъ странно. Я работаю, живу уроками; мнѣ удалось ихъ получить два; кромѣ того, иногда зарабатываю перепиской. А вы, какъ гадалка, сулите мнѣ богатаго жениха, заявивъ мнѣ предварительно, что отреченіе отъ личнаго счастія вы считаете для высшихъ натуръ обязательнымъ.

— Для артистокъ...—тихо поправила Кира.

— Да, но вы подразумѣвали натуры высокія. А я развѣ не гожусь на служеніе человѣчеству, не способна свою лепту принести, чтобы помочь огромному горю? Меня оскорбило, да, оскорбило ваше предположеніе, что я, подъ видомъ занятія наукой, ищу себѣ жениха! Меня это наводитъ на мысль, что обо мнѣ ходятъ гнусныя сплетни, что вы пришли сюда не уважая меня!

Кира поблѣднѣла.

— Никакихъ сплетенъ я не слышала. А желаніе счастья я считаю законнымъ; я радуюсь, когда какая-нибудь женщина добудетъ себѣ его. Съ вами я буду вполнѣ откровенна. Я воспитана глупо, нелѣпо; никто мной не занимался никогда. Я была остроумной, жизнерадостной дѣвочкой, и со мной играли. Я выросла и проявила талантъ. Мнѣ дали указъ: забавляй насъ на новый ладъ! Никто мнѣ не объяснилъ жизни, никто мнѣ осторожно и ласково не открылъ на нее глаза; всѣ предоставляли толковать какъ мнѣ самой заблагоразсудится ту чадную, съ виду веселую сумятицу, куда меня бросили. Пріучили ко всякому безпорядку. Меня полюбилъ одинъ человѣкъ, хорошій, славный, и я его полюбила. Но и онъ ни разу не подумалъ обо мнѣ, а думалъ о себѣ. Его тѣшили мои капризы, моя смѣлость, моя жажда жизни, все то, что̀ во мнѣ бурлило и рвалось наружу; тѣшило— и вдругъ испугало. Я это сердцемъ угадала и оставила его, порвала съ нимъ. А за три года, что мы были близки, развѣ онъ подумалъ, что я не только талантливый звѣрекъ, но человѣкъ, выросшій среди лжи, что мою душу надо пригрѣть, развить? Что меня надо заставить думать о другихъ, себя обуздывать, что подчиняться моимъ прихотямъ жестоко, такъ какъ мнѣ предстоитъ еще цѣлая жизнь, и я только на порогѣ ея? Надо было направлять любовно, а не бросать на произволъ моего же каприза. Скачи, какъ знаешь, это очень граціозно! И затѣмъ объявить: но неудобенъ мнѣ такой скачущій товарищъ, ступай себѣ одна! Слушайте дальше: вскорѣ этотъ человѣкъ, любившій меня до безумія, избаловавшій меня поклоненіемъ, находитъ благоразумную, кроткую дѣвушку и вылѣчиваетъ привязанностью къ ней свою душевную усталость. Приходитъ къ тихой пристани. А та, взбалмошная пѣвунья, пропадай пропадомъ, ему все равно. И не подумаетъ онъ, что она-то свое прошлое съ нимъ помнитъ, что для нея онъ былъ первый, и что первый несетъ большую отвѣтственность. Онъ въ оправданіе себѣ шепчетъ: „она сама ушла“, и не подумаетъ, что ему не слѣдовало ей дать уйти, что надо было удержать, сказать: „Останься, время забавъ прошло, милое, опасное время; наступилъ часъ, когда мы должны заглянуть другъ другу въ душу“. Гдѣ-то, не помню точно, кажется въ Библіи, сулится человѣку, какъ высшая награда: будешь въ старости ѣсть хлѣбъ съ женщиной, которую полюбилъ въ молодости. Я слова путаю, но смыслъ передаю вѣрно. Да, и для мужчины счастье всю жизнь остаться при той, которую полюбилъ въ молодости. Меня унесетъ вихрь, я теперь въ

этомъ не сомнѣваюсь, но пусть онъ знаетъ, что это онъ въ вихрь толкнулъ меня. А все-таки Николай—хорошій человѣкъ!

Екатерина Николаевна вздрогнула.

— Жизнь такъ устроена,—продолжала Кира,—что мы съ нимъ навѣрное еще много разъ встрѣтимся. Онъ женится на васъ, и я этому рада. Я желаю и вамъ, и ему счастья, но знайте, когда вы съ нимъ вмѣстѣ на какомъ-нибудь концертѣ будете слушать мое пѣніе, что онъ былъ трусомъ, испугался меня!

Кира перевела духъ и торопливо продолжала, какъ бы опасаясь, что ей не удастся всего сказать.

— Конечно, можно возразить, что я сама должна была развивать себя, направиться къ высокому инстинктивно. Но каковы были окружающіе меня съ дѣтства люди? Моя мать, моя прелестная мама, — вы ее видѣли, гречанка на маскарадѣ Матюшиной,—до меня ли ей было? А противъ нея ни слова нельзя сказать: прожила безупречной пустой женщиной. Она даже добра, и теперь меня полюбила. Заболѣй я передъ концертомъ, она ночь на полу проспитъ у моей постели, будетъ меня выхаживать. Но если просто случится такъ, что отчаяніе вселится въ мою душу, что я во все потеряю вѣру, но голоса не потеряю и не подурнѣю, она отчаянія моего не замѣтитъ или, вѣрнѣе, не пожелаетъ замѣтить. Слишкомъ хлопотно, да и лѣкарствъ противъ этого нѣтъ. Вы спросите: какія были у меня подруги? Лучшая изъ нихъ продалась старику и подъ вѣнцомъ думала, долго ли онъ проживетъ и выгодно ли она распорядилась своей красотой... Итакъ я росла безгранично свободно въ маленькомъ кругу веселящихся людей. И потерявъ единственную поддержку, сбиваюсь...

— Чего же вы хотите? — спросила Екатерина Николаевна. Не быть пѣвицей и зажить семейной жизнью, что-ли? или отдаться искусству? Вѣдь по вашему долгъ артистки отклонить настоящую любовь. Съ вами такъ оно и вышло; чего же вы жалуетесь?

— Да я не жалуюсь,—съ тоской сказала Кира,—я просто говорю по-человѣчески, и предупреждаю васъ, что не герой—вашъ избранникъ.

— А что вамъ даетъ право предположить, что вашъ Николай мой избранникъ?—почти гнѣвно спросила Екатерина Николаевна.

— Вотъ что: васъ часто видѣли вмѣстѣ, а Николай не станетъ тратить времени на женщину, которая его не интересуетъ. Французы говорятъ: кто разъ напился, всегда будетъ пить, а я

говорю: кто разъ любилъ, всегда будетъ любить! Одну отлюбилъ, сталъ искать другую. Его всегда угнетала пустота нашего круга. Я это поняла слишкомъ поздно. Ясно, что онъ нашелъ то, что хотѣлъ, въ другомъ кругу: истомила его талантливая женщина, высмотрѣлъ себѣ труженицу. И все это честно, послѣдовательно, никого не обманывая, ни меня, ни васъ.

Она подбородкомъ указала на исписанные листки на столѣ.

— Это его почеркъ, я узнаю.

— Его, — спокойно отвѣтила Екатерина Николаевна.—Это статья, я ее переписала, онъ сейчасъ долженъ за ней придти.

Кира встала.

— Я не хочу его встрѣтить, я этого еще не могу. И какъ все странно повернулось сегодня! Что же вы-то мнѣ скажете? Отвѣтите ли откровенностью на откровенность? Или разсердитесь, сунете мнѣ мой букетъ въ руки и скажете: „уходите, уходите скорѣй, не надо мнѣ васъ съ вашей непрошенной исповѣдью; не слѣдовало вамъ приходить, только смутили“?

— Я васъ попрошу остаться,—отвѣтила Екатерина Николаевна.

Она какъ будто окаменѣла и говорила нехотя. Затѣмъ, видя что Кира торопится къ двери, сказала:

— Я въ сущности очень рада, что вы были у меня, и постараюсь помочь вамъ, то-есть сдѣлать то, что мнѣ кажется правильнымъ, насколько я понимаю ваше дѣло. А въ наказаніе за то, что вы со мной хитрили,—не отрицайте этого, вы хитрили, пытали меня, говорили не прямодушно,—я о себѣ вамъ ничего не скажу. Подъ бенгальскими огнями показывать свою душу, какъ сдѣлали вы, я не съумѣю, а искренности вы...

— Не заслужили,—подсказала Кира.

— Я не совсѣмъ то хотѣла сказать. Искренности вы не повѣрите. Если вы дѣйствительно не хотите еще встрѣтить Николая Петровича, то идите; я его просила никогда не заходить послѣ девяти часовъ.

— О, Боже, теперь безъ четверти девять! Я и концертъ пропустила,—сказала Кира.—До свиданія!

Она не протянула руки, чувствуя себя гадкой, растерянной, и Екатерина Николаевна тоже не сдѣлала никакого движенія въ ея сторону, но, уловивъ виноватое выраженіе на лицѣ Киры, просто и ласково взяла ее за руку. Она совсѣмъ оправилась отъ минутнаго волненія. Въ ея манерѣ сквозила спокойная самоувѣренность.

— Кто знаетъ?—сказала она лукаво—можетъ быть, моя первая защитительная рѣчь будетъ въ пользу васъ.

Кира только вскинула на нее глазами, вышла и начала кружить по заворотамъ лѣстницы. Уже на второй площадкѣ она стала овладѣвать собой. Честолюбивые помыслы опять нахлынули на нее. Передъ интеллигенткой она выказала себя озабоченной, испуганной, нетвердой: она призналась, что ищетъ опоры, и въ себѣ ея не имѣетъ. Сомнѣнія нѣтъ, такъ поняла ея рѣчь Екатерина Николаевна; а сама Екатерина Николаевна стоитъ твердо, ничего не боится, смѣло глядитъ въ хмурую даль. Это все вѣрно и немножко унизительно, но все-же она, Кира Барсюкова, когда будетъ знаменита, выручкой съ одного концерта сможетъ больше дать младшей братіи, чѣмъ Екатерина Николаевна за годъ неустаннаго труда. И дастъ: она вовсе не намѣревается жить эгоистично и копить богатство. Себѣ добудетъ славу, и бѣднымъ поможетъ.

Ей послышались шаги, и она инстинктивно прижалась къ периламъ узкой лѣстницы, чтобы не столкнуться съ встрѣчнымъ. Онъ бодро бѣжалъ, перескакивая по три ступени, очень удивился, увидѣвъ даму, и едва успѣлъ поклониться ей, какъ этого требуетъ французскій обычай. Кира легкимъ кивкомъ отвѣтила, и только когда незнакомецъ промелькнулъ, она сообразила, что это былъ Николай. Онъ, должно быть, тоже не сразу призналъ ее, и теперь какъ будто немного замедлилъ шаги, но она продолжала опускаться, а онъ—подниматься.

„Прошелъ мимо, поклонился какъ незнакомой“, думала Кира. „И такъ бѣжалъ, милый, молодой! Спѣшилъ взять свою статью у хорошенькой переписчицы. И навѣрно принесъ другую, а она хвалитъ и дѣловито высказываетъ свое мнѣніе. Она вѣдь тоже юристъ. Или, можетъ быть, они меня обсуждаютъ. Онъ спрашиваетъ, не у нея ли я была и зачѣмъ я приходила“.

Кира махнула рукой и остановилась. Непріятно думать о защитительной рѣчи Екатерины Николаевны, а что защитительная рѣчь будетъ, она знала. Не подождать ли? Екатерина Николаевна не посмѣетъ, изъ страха передъ консьержкой, долго задержать у себя молодого человѣка.

Кирѣ мучительно хотѣлось видѣть, съ какимъ лицомъ выйдетъ Николай. Только надо притаиться, чтобы онъ ее не замѣтилъ, не догадался, что она караулитъ.

Она выдернула за узелокъ какую-то нитку въ своей юбкѣ и подошла къ привратницѣ.

— Посмотрите, что со мной случилось! Я оступилась и ногой

задѣла воланъ. Не будете ли вы такъ любезны одолжить мнѣ иголку и нитку? — сказала она съ любезной улыбкой, сулящей хорошій pour boire. Я у васъ зашью это, а то невозможно выйти на улицу въ такомъ видѣ.

Добродушная привратница, не привыкшая къ такимъ нарядным посѣтительницамъ, заторопилась помочь Кирѣ. Она ввела ее въ свою комнату и предложила сама исправить бѣду.

Кира сѣла около стеклянной двери, а привратница грузно опустилась на колѣни передъ ней и принялась зашивать ей юбку.

— Конечно, шелкъ всегда непрочно шьется,—сказала она, чтобы занять Киру. Но это все-же прекрасная юбка! Тѣмъ, кто разъѣзжаетъ въ экипажахъ, хорошо носить такія, а вотъ мнѣ, чтобы лѣстницу мести и на рынокъ бѣгать, не годилось бы, живо истрепалась бы.

Кира улыбнулась.

— У васъ очень здѣсь чисто,—сказала она любезно.

Дѣйствительно комнатка привратницы была безукоризненной чистоты и размѣромъ гораздо больше комнатки Екатерины Николаевны. Устроена она была не бѣдно: были и бронзовые часы на мраморномъ каминѣ, мягкая мебель, коверъ. За толстой репсовой занавѣской скрывалась кровать. Сама привратница была одѣта въ синее платье, и жирныя плечи ея облегала черная вязаная пелеринка, какія въ Парижѣ одѣваютъ пожилыя кухарки. Вообще она имѣла видъ приличной домашней прислуги.

— Ничего, живемъ,—болтала привратница.—Мужъ служитъ при электрической желѣзной дорогѣ, зарабатываетъ хорошо. Здѣшній домъ не доходный, но, слава Богу, жильцы спокойные. Вотъ я, признаюсь, испугалась, когда поселилась русская барышня! Ну, думаю, пойдутъ къ ней шляться всякіе пріятели и пріятельницы, сидѣть до разсвѣта, сосѣдей безпокоить и лѣстницу грязнить. Вотъ мадамъ Корню, моя свояченица, привратница въ улицѣ Bertholet, ужасно жалуется на русскихъ. А эта ничего. Какъ мышь,—не слышно ее и не видно. Хорошая барышня. Все работаетъ. Ей господинъ, очень также приличный, работу приноситъ. Она мнѣ разсказала. Она не гордая, разговариваетъ со мной иногда. Онъ зайдетъ, посидитъ пять минутъ и спустится. Вы его навѣрно видѣли на лѣстницѣ? Хорошій господинъ, вѣжливый, на томъ берегу Сены живетъ, вѣрно богатый.

Кира теперь испугалась, что опять столкнется съ Николаемъ, и рѣшила спрятаться гдѣ-нибудь на улицѣ. Вотъ напротивъ булочная еще не закрыта, она спроситъ себѣ пирожковъ, посидитъ у окна. Она поторопила привратницу.

— Благодарю васъ, такъ отлично!

А та упрямилась, хотѣла аккуратно докончить работу и поболтать.

— Ахъ, я глупая!—сказала она съ огорченнымъ видомъ—говорю, что русскіе — неряхи, а вѣдь вы вѣрно сами русская? Можетъ быть, я васъ обидѣла? Я разумѣю здѣшнихъ, учащихся...

— Ничего, ничего,—утѣшила ее Кира,—я знаю недостатки моихъ соотечественниковъ. Порядку нѣтъ, экономіи не соблюдаютъ...

Она перешла улицу, и очутилась передъ булочной какъ разъ въ ту минуту, когда хозяинъ въ бѣломъ фартукѣ закрылъ ее, прикрѣпивъ къ двери желѣзную рѣшетку. Она медленно прошла домовъ пять и повернула назадъ. Прошлась еще разъ, кралась вдоль стѣнъ. Съ той стороны улицы было почти невозможно ее узнать, а различить фигуру, выходящую изъ дома 103, она могла безошибочно. Передъ самымъ входомъ стоялъ газовый фонарь.

Ей не было грустно, она вся обратилась въ ожиданіе и чутко сторожила. Разъ она почти наткнулась на молодую горничную въ наколкѣ, которую обнималъ рослый парень, мясникъ, судя по свѣтло-голубой блузѣ и большому фартуку. Они нисколько не смутились, даже не оглянулись на нее, и продолжали быстро о чемъ-то условливаться, смѣясь и цѣлуясь. Она тихо опять повернула назадъ. Вдругъ за собой она услышала шаги и веселый картавый голосъ ее окрикнулъ:

— Скучно быть одной въ такую ночь?

Она испугалась и заторопилась.

— Пойдемъ подъ-руку!—продолжалъ незнакомецъ, и въ то время какъ Кира проходила мимо фонаря, онъ забѣжалъ впередъ и заглянулъ ей подъ шляпу.

— А! премиленькая. Жаль, что поговорить со мной не хочетъ. Можетъ быть, вы разсердились за то, что я заговорилъ прозой? Я могу и стихами.

Размахивая руками на манеръ капельмейстера, онъ отступалъ передъ ней подпрыгивая, изрѣдка оглядываясь назадъ, чтобы не наткнуться на какое нибудь препятствіе, и декламировалъ невѣроятное попурри изъ всякихъ стиховъ, знакомыхъ и не знакомыхъ Кирѣ. Когда ему измѣняла память или вдохновеніе, онъ смѣшнымъ жалобнымъ голосомъ говорилъ:

Elle était brune et délicate,
Si elle pouvait avoir pitié.

Кира узнала заимствованіе у Верлэна и рѣшила, что при-

ставшій—студентъ. Ему было очень весело, и грубо оскорбительнаго онъ ничего не впутывалъ въ свои импровизаціи; но Кирѣ стало жутко въ незнакомомъ пустынномъ кварталѣ. Нигдѣ ни одного извозчика, ни полицейскаго. Всѣ двери домовъ были заперты, рѣдкіе прохожіе казались ей еще страшнѣй ея студента. Они вдвоемъ дошли до перекрестной улицы. Студентъ, не замѣтившій, что тротуаръ кончился, споткнулся, поболталъ одной ногой въ воздухѣ, легкимъ прыжкомъ привелъ свое тѣло въ равновѣсіе и театрально воскликнулъ, пародируя Гюго:

N'insultez pas les hommes qui tombent!

Но Кира успѣла быстро шмыгнуть направо въ улицу, надѣясь, что попадетъ въ болѣе людный и освѣщенный кварталъ. Она бѣжала задыхаясь. Студентъ—за ней. Улица оказалась глухимъ переулкомъ. Какъ только Кира убѣдилась въ этомъ, она повернула назадъ, дугой обѣжавъ преслѣдователя, и опять очутилась на бульварѣ Распайль.

— Ну, теперь, когда вы такъ пробѣжались, пойдемъ подъ руку!—не унимался студентъ.

У Киры созрѣлъ планъ дѣйствія. Она рѣшила вернуться къ 103 номеру и позвонить къ своей пріятельницѣ консьержкѣ. Ничего другого не оставалось ей. Страхъ ея все увеличивался. Надо было пройти домовъ десять, не болѣе, но въ какомъ направленіи, она не знала, и ей пришлось соображать по номерамъ на фонарикахъ у подъѣздовъ. 112, слѣдующій 114. Ошиблась значитъ. Она съ тоской повернула, брезгливо ёжась.

— Назадъ желаете? Извольте! За вами хоть на край свѣта!—громко крикнулъ студентъ.

На встрѣчу Кирѣ шла, волоча ноги, странная женщина, которая сразу поняла происходившее.

— Что? артачится? Не къ той присталъ! Иди, красавецъ, за мной!—сиплымъ голосомъ сказала она молодому человѣку.

— Какъ бы не такъ!—отвѣтилъ онъ.

Кира, стиснувъ зубы отъ страха и отвращенія, собиралась дернуть звонокъ первой попавшейся двери, когда оказалась лицомъ къ лицу съ Николаемъ.

Она задрожала.

— Ко мнѣ пристаютъ,—сказала она,—заступись!—и быстро схватила его за руку.

— Такъ бы и сказали, что своего ждете!—весело вскрикнулъ студентъ, повернулъ на каблукахъ, потомъ, обернувшись, приподнялъ шляпу и добавилъ:

— Vive la Russie!

Лицо Николая было блѣдное и суровое.

— Оставьте его, посадите меня на извозчика,—умоляла Кира, и замѣтивъ, что онъ хотѣлъ броситься за уходящимъ студентомъ, крѣпче уцѣпилась за его рукавъ.

— Я заблудилась, я кружила на мѣстѣ, я устала,—лепетала она, и, боясь расплакаться, силилась улыбнуться.

— Тутъ сейчасъ стоянка извозчиковъ — отвѣтилъ Николай.

Онъ быстро велъ ее, и дѣйствительно очень скоро Кира завидѣла зеленые, желтые, синіе и красные фонарики выстроенныхъ въ длинный рядъ экипажей. Слишкомъ скоро. Ей было хорошо подъ защитой Николая; повѣяло на нее старымъ. Но что̀ онъ думалъ, она не знала.

— Изъ нашего квартала съ красными фонарями, только одинъ такой извозчикъ и есть, его надо взять, другой пожалуй не захочетъ въ такую даль...—робко сказала она, съ радостью замѣтивъ, что экипажъ съ красными фонарями стоитъ послѣднимъ.

Они оба безсознательно пошли медленнѣе.

— Мы не хорошо разстались въ тотъ разъ,—сказала Кира.

Онъ молчалъ. Ей показалось, что это отъ волненія, и она прибавила болѣе рѣшительно:

— Я бы хотѣла поговорить съ вами. Вѣдь все равно рано или поздно придется намъ встрѣчаться. Теперь всякая горечь улеглась, прошла... Надо вмѣстѣ пересмотрѣть старое...

— Я хотѣлъ васъ объ этомъ просить, — сказалъ Николай.

Кира испугалась. Такая быстрая сговорчивость показалась ей зловѣщей. Она подумала, что онъ захочетъ теперь же проводить ее. А она не видѣла его лица, не знаетъ, что̀ говорить, не подготовилась...

Онъ какъ будто угадалъ ея страхъ и сказалъ:

— Когда прикажете.

Кира остановилась.

— Я буду завтра, въ два часа, въ Булонскомъ лѣсу; за аллеей акацій есть маленькая дорожка, если идти отъ Портъ-Мальо, то направо, тамъ ручеекъ и скамейка, знаете?

— Найду,—отвѣтилъ онъ.

Кира, къ этому времени, совершенно овладѣла собой. Дойдя до намѣченнаго ею извозчика, у котораго, къ ея большому удовольствію, оказалась открытая коляска, она уже имѣла спокойный видъ, и удерживалась, чтобы не улыбаться.

— Скажите кучеру адресъ, если вы не забыли его,—сказала она Николаю.

Онъ сказалъ, замѣтилъ номеръ извозчика и велѣлъ ѣхать осторожно. Киру умилила эта забота о ней.

— Благодарю васъ,—шепнула она ласково.

Онъ приподнялъ шляпу, и она, не смѣя оглянуться, уѣхала одна въ темную ночь. Ее взяло нервное безпокойство. Она теперь жалѣла, что не пригласила его сѣсть съ ней въ экипажъ. По мѣрѣ удаленія отъ Николая ей казалось, что она теряетъ его; но взять съ собой было невозможно, безтактно, и разговоръ бы не пошелъ.

„Ну, что тутъ волноваться!—убѣждала она себя.—Я точно неопытная путешественница, которая воображаетъ, что сундукъ ея потерянъ, если онъ отправленъ не съ тѣмъ поѣздомъ, въ какой сѣла она сама. А сундукъ все-же къ сроку будетъ доставленъ“. Тутъ она испугалась своей самоувѣренности и укоризненно добавила:

„Не знаю, ничего не знаю“...

Но расположеніе духа у нея было прекрасное.

Иванъ Странникъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

На тихомъ берегу.

Живи со мной на тихомъ берегу,
Гдѣ я одна добычу стерегу,
Гдѣ я ловлю жемчужницъ, въ часъ ночной,
Подкинутыхъ капризною волной.
Живи со мной въ пещерѣ подъ горой,
Со мной вдвоемъ, какъ нѣжный братъ съ сестрой.
Изъ козьихъ шкуръ постель въ углу мягка,
Въ рукѣ твоей уснетъ моя рука.
Живи со мной подъ кедрами въ тѣни,
Гдѣ я одна съ зарей встрѣчаю дни,
Гдѣ сладокъ трудъ и отдыхъ. И куда
Роняетъ лучъ вечерняя звѣзда.
Свой челнъ въ заливъ къ моимъ пескамъ причаль,
Гдѣ шелестъ волнъ баюкаетъ печаль,
Гдѣ роща сливъ подъ цвѣтомъ, какъ въ снѣгу —
Люби меня на тихомъ берегу.

II.

О да, я тебѣ далека,
Хоть вѣчно съ тобою мечтами.
Великая жизни рѣка
Безстрастно течетъ между нами.
Чѣмъ дальше, тѣмъ шире она
Въ потокъ разливается шумный.
И вотъ ужъ одна я, одна,
Съ мечтою больной и безумной.

III.

Пойдемъ къ плетню за старый садъ,
На шаткій перелазъ.
Въ степи кургановъ длинный рядъ,
Пока хватаетъ глазъ.
И грустно, грустно, какъ во снѣ,
Не зная почему,
И соловей поетъ веснѣ
И сердцу моему.
И гаснетъ розовый закатъ;
И отблескъ отъ него
Кидаетъ золото на садъ —
И сердце ждетъ—чего?..

Т. Е—ко.

ИЗЪ
МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

V *).

Der Kreis von edlen Menschen ist das wehrteste alles dessen, was ich errungen habe.

Goethe.

Я въ Парижѣ брала уроки музыки у брата А. Гр. Контскаго, также хорошаго піаниста, и посѣщала курсы французскаго языка и литературы для дѣвицъ г-на Гарди. Этотъ преподаватель очень помогъ мнѣ въ пониманіи французской грамматики, такъ что мое правописаніе стало безукоризненнымъ. Мы писали у него сочиненія на заданныя имъ или нами самими выбранныя темы. Мои сочиненія пользовались одобреніемъ, и одинъ разъ m-r Hardy, при полномъ собраніи ученицъ, ихъ матерей и воспитательницъ, прочелъ вслухъ одно изъ нихъ: я удостоилась нескончаемыхъ похвалъ. „Вотъ, m-lles,—сказалъ учитель,—какъ надо писать“. Но, Боже мой, что это была за банальность мое сочиненіе! Какой гладкій былъ стиль, какія высокія добродѣтели проповѣдывала я въ громкихъ, пышныхъ фразахъ! И вотъ что смѣшно: я искренно вѣрила, когда писала, что розовый образъ жены, долженствующей быть помощницей мужа въ его ученыхъ трудахъ, воспитательницей дѣтей, удивительной хозяйкой, вѣчно улыбающимся ангеломъ-хранителемъ семьи, утѣшеніемъ во всѣхъ скорбяхъ, и пр. и пр., осуществимъ въ жизни. Мало того: я

[1]) См. май, стр. 114.

воображала себя такой женщиной. Какимъ образомъ я, изъ капризной дѣвчонки, какою я сама часто признавала себя, безо всякой подготовки, безъ всякихъ усилій съ моей стороны, должна была превратиться въ такую идеальную жену—объ этомъ я не думала. Скажу, однако, въ свою защиту, что отъ похвалъ Гарди и отъ неискреннихъ любезностей разныхъ мамашъ мнѣ стало очень стыдно, и съ тѣхъ поръ я выспреннихъ сочиненій не писала, а выбирала почти всегда историческія темы, которыя требовали болѣе спокойнаго изложенія.

Курсъ, который читалъ Изидоръ Жоффруа Сентъ-Илэръ въ аудиторіи Jardin des Plantes, я прослушала весь, не пропустивъ ни одной лекціи и записывая ихъ самымъ аккуратнымъ образомъ. Папа, когда чувствовалъ себя здоровымъ, ѣздилъ туда со мною и очень интересовался этими лекціями. С.-Илэръ читалъ превосходно: просто, понятно, сопровождая свое изложеніе демонстраціей на скелетахъ, чучелахъ и живыхъ животныхъ. Онъ говорилъ объ открытіяхъ своего знаменитаго отца въ Египтѣ, о происхожденіи уродствъ, о рудиментарныхъ органахъ, объ ископаемыхъ обезьянахъ, о соотношеніи органовъ (balancement des organes). Онъ былъ противъ строгой классификаціи, постоянно указывая на переходныя степени въ животномъ мірѣ. „Il ne faut pas s'attacher à faire des généralités“, говорилъ онъ. Онъ отрицалъ идею цѣлесообразности творенія, телеологію, приводя случаи, гдѣ извѣстные признаки въ растительномъ и животномъ мірѣ развивались и измѣнялись вслѣдствіе условій окружающей жизни, приспособляясь къ нимъ. Человѣкъ, по физической организаціи, по словамъ его, не выше обезьянъ: по нѣкоторымъ признакамъ, напримѣръ, человѣкъ болѣе похожъ на чимпанзе, чѣмъ послѣдній — на другихъ, сродныхъ ему обезьянъ. Въ послѣдней лекціи профессоръ, сдѣлавъ общій обзоръ своего курса, пришелъ къ слѣдующему выводу. „Физически нѣтъ пропасти между человѣкомъ и животнымъ, они соприкасаются. Эта близость не должна оскорблять насъ; не обижаетъ же насъ мысль, что мы состоимъ изъ тѣхъ же элементовъ, изъ которыхъ состоятъ и самыя простыя химическія вещества. Мы должны классифицировать животныхъ, основываясь не на сходствѣ ихъ органовъ, а на способностяхъ (facultés), на роли, которую эти животныя играютъ въ природѣ: въ первомъ случаѣ мы должны бы были помѣстить человѣка въ число обезьянъ, во второмъ—мы должны выдѣлить его въ наукѣ, какъ онъ выдѣленъ въ природѣ, и сдѣлать изъ него отдѣльное царство“. Упомянувъ, что какъ ни близко соприкасаются между собой растительное и животное царства, смѣшивать ихъ невоз-

можно, онъ кончилъ словами: итакъ, „самое вѣрное будетъ, если мы скажемъ съ Аристотелемъ, что органическій міръ дѣлится на три части: на существа, обладающія жизнью, на существа, обладающія жизнью и движеніемъ (произвольнымъ, какъ выразителемъ чувства), и существа, обладающія жизнью, движеніемъ и разумомъ". Впослѣдствіи я часто недоумѣвала, почему С.-Илэръ остановился на пути и не додумалъ свои мысли до конца, т.-е. до эволюціонизма, какъ будто испугавшись выводовъ изъ своихъ собственныхъ наблюденій?

Человѣкъ С.-Илэръ былъ прелестный: привѣтливый, милый, необыкновенно скромный; доброта такъ и свѣтила въ его некрасивомъ лицѣ. Познакомившись съ нами, часто бывая у насъ, онъ пожелалъ познакомить насъ также со своей матерью, вмѣстѣ съ которой онъ жилъ въ томъ же домѣ, гдѣ многіе годы жилъ его отецъ и гдѣ самъ онъ родился. Возлѣ находился домъ Кювье, напротивъ—домъ Бюффона. Квартира была уютная, чистенькая; на стѣнахъ висѣли портреты Этьена Жоффруа-Сентъ-Илэра и Кювье. Г-жа С.-Илэръ встрѣтила насъ крайне радушно и обратилась къ намъ съ любезными словами: „j'ai beaucoup entendu parler de vous, car je suis la confidente de mon fils". Дѣйствительно, по всему видно было, что эти люди живутъ одной жизнью, что ихъ соединяетъ глубокая любовь и нѣжная заботливость другъ о другѣ. Мать была такой же доброй и мягкой, какъ и ея сынъ; разговоръ ея былъ уменъ и интересенъ; въ домѣ чувствовался миръ и покой.

С.-Илэръ былъ директоромъ „сада акклиматизаціи"; онъ часто водилъ своихъ слушателей по саду, много показывалъ и объяснялъ интереснаго. Разъ мы тамъ видѣли странное, но прелестное животное: бѣлую лошадку, у которой вся шерсть была круто завита, какъ въ мелкой смушкѣ, и глаза были разные: одинъ—черный, другой—голубой.

Въ Парижѣ основалось общество, имѣвшее цѣлью пропагандировать употребленіе въ пищу лошадинаго мяса; имъ устраивался рядъ лекцій, въ которыхъ принимали участіе нѣкоторые парижскіе ученые, между прочими и С.-Илэръ. Мы присутствовали на двухъ или трехъ изъ этихъ лекцій, на которыхъ доказывалось, что лошадиное мясо—здоровая, вкусная и дешевая пища, что она могла бы много улучшить питаніе бѣдныхъ классовъ людей. С.-Илэръ находилъ, что мы не хотимъ ѣсть мяса этого благороднаго животнаго, потому что любимъ его. Между тѣмъ, именно изъ любви къ лошади мы должны бы желать обращать ее въ концѣ жизни въ пищу. Человѣкъ не обращается дурно

съ воломъ, чтобы не испортить его мясо. Стоитъ старую лошадь хорошо кормить, не заставляя ее работать нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы мясо ея сдѣлалось мягкимъ и вкуснымъ. Такимъ образомъ, лошадь избѣгла бы той страшной участи, которая постигаетъ ее въ настоящее время, когда она уже не годится въ работу. Лекторъ разстроилъ насъ всѣхъ до слезъ описаніемъ неблагодарности людской и всѣхъ мукъ, которымъ подвергается это самое несчастное изъ всѣхъ животныхъ.

С.-Илэръ часто помогалъ намъ получать доступъ въ разныя учрежденія и музеи, закрытые для публики. Онъ былъ друженъ съ Розой Бонёръ, очень сердечно относился къ ней и, узнавъ, что я большая поклонница этой художницы, предложилъ дать намъ рекомендательное письмо къ ней. Роза Бонёръ была, по его словамъ, очень замѣчательный человѣкъ. Шестнадцати лѣтъ она осталась сиротой, съ нѣсколькими младшими сестрами и братьями на рукахъ. Отказавшись отъ брака, она всѣхъ ихъ выростила и воспитала трудами рукъ своихъ, всѣхъ поженила и повыдала замужъ, и тогда только подумала о томъ, чтобы по-своему устроить свою личную жизнь. Она купила маленькое имѣньице „Ву“ близъ Фонтэнблоскаго лѣса, удалилась туда со своей подругой дѣтства, m-lle Мика, такой же пожилой дѣвушкой, какъ и она, никуда не выѣзжала, никакихъ посѣтителей, ни простыхъ смертныхъ, ни художниковъ, не принимала, кромѣ только самыхъ близкихъ друзей, окружила себя животными и предалась работѣ, не за деньги, а по душѣ. Мы рѣшились воспользоваться любезностью С.-Илэра и отправились всей семьей въ Ву. Когда мы подъѣхали къ „замку“, какъ называютъ тамъ домъ Розы Бонёръ, къ намъ вышелъ какой-то господинъ и объявилъ, что хозяйки нѣтъ дома. Мы передали ему письмо и остались ждать въ обширномъ дворѣ. Черезъ нѣсколько минутъ господинъ возвратился и съ нимъ странное существо невысокаго роста, съ остриженными густыми съ просѣдью волосами, въ короткой юбкѣ, въ жилетѣ и курткѣ, въ высокихъ сапогахъ. „Вотъ г-жа Роза Бонёръ“, сказалъ господинъ и удалился. Она сказала, что никого не принимаетъ, чтобы спокойно жить и работать, но друзей С.-И., а тѣмъ болѣе такого художника, какъ отецъ мой, она рада видѣть у себя и чувствуетъ себя польщенной нашимъ посѣщеніемъ. Затѣмъ она повела насъ къ себѣ. Устройство ея дома было очень оригинально, не похоже на парижскіе дома; все въ немъ было просторно, комнаты высокія, свѣтлыя. За легкимъ завтракомъ, который предложила намъ хозяйка, она, между прочимъ, сказала, что только два года, какъ она работаетъ

на себя, купила себѣ домъ и виноградникъ, отдыхаетъ душой, можетъ удобно работать и чувствуетъ себя вполнѣ счастливой. Послѣ завтрака она повела насъ въ мастерскую, такую громадную, что люди терялись въ ней. Тутъ была масса начатыхъ картинъ, этюдовъ, художественныхъ вещей и, между прочимъ, на отдѣльномъ пьедесталѣ, какъ видно—пользуясь большимъ почетомъ, была бронзовая группа лошадей барона Клодта. Долго говорили Роза Бонёръ и отецъ мой о нашей Академіи, объ условіяхъ работы и жизни художниковъ въ Россіи и во Франціи. Наконецъ она пригласила насъ осмотрѣть ея усадьбу и животныхъ. Послѣднія особенно заинтересовали меня, тѣмъ болѣе, что хозяйка видимо души въ нихъ не чаяла. Подробно разсказывала она ихъ біографіи, описывала ихъ разнообразные характеры и указывала красоты ихъ строенія. Она встрѣтила сочувствіе въ отцѣ моемъ, который тоже любилъ животныхъ, особенно лошадей, и хорошо зналъ ихъ нравы. Между лошадьми, главнымъ любимчикомъ Розы Бонёръ былъ прелестный пони, котораго она писала въ эту минуту. У нея были устроены разныя удобныя сооруженія, чтобы писать животныхъ въ стойлахъ и на волѣ. „Ихъ не надо стѣснять, когда пишешь“, говорила она. „Я удивляюсь,—сказала я,—какъ вы можете сохранить такую вѣрность рисунка, когда животныя ни минуты не стоятъ спокойно“.—„Для этого надо основательно знать ихъ анатомію; также, конечно, надо имѣть большую наблюдательность. Я могу сказать, что хорошо изучила ихъ. Я знаю при всякомъ движеніи, какъ долженъ измѣниться каждый мускулъ“. Узнавъ, что я занимаюсь живописью, она обратила на меня больше вниманія и стала чаще обращать ко мнѣ свою рѣчь. Она горячо одобряла мое желаніе заняться спеціально живописью, но сказала: „Я бы вамъ совѣтовала выбрать жанръ, а не пейзажъ. Пейзажисту надо много путешествовать, ходить, таскать свои вещи, подвергаться дурной погодѣ; все это очень трудно для женщины. Какъ жанристка вы можете гораздо больше работать дома. Впрочемъ, если у васъ болѣе склонности къ пейзажу, то вы съумѣете побороть всѣ препятствія“. Такимъ образомъ прошелъ почти весь день; прощаясь, мы извинились, что такъ надолго оторвали ее отъ работы. Она отвѣчала намъ просто и ласково, что рада была познакомиться съ отцомъ моимъ, что день этотъ она провела съ нами пріятно и не считаетъ его потеряннымъ. Ея слова не звучали одною любезностью; я увѣрена, что она такимъ же своимъ немного рѣзкимъ, но искреннимъ голосомъ сказала бы людямъ, которые ей надоѣли: „убирайтесь, вы мнѣ мѣшаете работать!“ Роза Бонёръ произвела на

насъ впечатлѣніе правдиваго, хорошаго человѣка и настоящаго художника, радостно отдающагося своему любимому дѣлу, отинувшаго отъ себя все, что въ жизни могло этому помѣшать, начиная съ кринолина и кончая обществомъ равнодушныхъ и непонимающихъ людей.

Еще нѣсколькихъ замѣчательныхъ людей встрѣчала я въ Парижѣ, но такъ мимолетно, что мало могу сказать о нихъ. Въ этомъ городѣ пришлось мнѣ въ первый разъ встрѣтиться съ моимъ двоюроднымъ братомъ Алексѣемъ Толстымъ, который произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе.

Въ Парижѣ постоянно жила старушка, двоюродная сестра моего отца, Вѣра Ивановна Хлюстина, настоящая grande dame прежняго времени: радушная, ласковая, тихая, вся въ потемнѣвшихъ кружевахъ и сѣдыхъ соболяхъ. У нея въ домѣ встрѣчала я нѣсколько разъ декабриста кн. С. А. Волконскаго. Я была въ восторгѣ отъ его наружности, напоминающей апостола [1]), чувствовала трепетъ благоговѣнія передъ его личностью и горѣла желаніемъ услышать изъ его устъ что-нибудь объ его многострадальной жизни; но объ этомъ съ нимъ никто не заговаривалъ. Онъ говорилъ съ отцомъ моимъ преимущественно объ эмансипаціи крестьянъ и о современныхъ русскихъ дѣлахъ; но послушать и эти разговоры мнѣ не давали—меня обыкновенно увлекали къ себѣ внучка Хлюстиной Вѣрочка и ея подруги, дѣвушки моихъ лѣтъ.

У однихъ нашихъ знакомыхъ, гдѣ мы проводили вечеръ, обратилъ на себя мое вниманіе замѣчательной наружности старикъ: длинные волосы и густая борода были совершенно серебряные, глаза настолько проницательные, что, казалось, смотрѣли внутрь васъ, а всѣ черты лица дышали такой добротой, что хотѣлось назвать его „дѣдушкой“. Я, противъ своего обыкновенія, передъ нимъ совсѣмъ не конфузилась и много говорила, особенно о моей любимой темѣ—Россіи. Онъ слушалъ мои горячія рѣчи съ ласковымъ и снисходительнымъ вниманіемъ, потомъ сказалъ, улыбаясь, что онъ самъ почти русскій, прожилъ три года въ Россіи, послѣ войны 12-го года, высоко ставитъ русскій народъ и много хорошаго ждетъ отъ него въ будущемъ. Уходя, я спросила: „кто этотъ милый старикъ?“ Мнѣ отвѣтили, что это—знаменитый сенъ-симонистъ, père Enfantin.

Перейду къ тѣмъ, кто имѣлъ наибольшее вліяніе на меня въ эту пору моей жизни. Это были двѣ женщины: кузина моего

[1]) Я впослѣдствіи написала съ него, по фотографіи, образъ апостола Марка.

отца Александра Алексѣевна Иванова и Татьяна Петровна Пассекъ. Обѣ эти столь непохожія другъ на друга женщины давали пищу моей душѣ. Обѣ онѣ были глубоко вѣрующія, но форма ихъ вѣры была различна: А. А. была православная, Т. П. скорѣй можно назвать деисткой. Обѣ старушки полюбили меня и у обѣихъ мнѣ было тепло и хорошо.

Когда мать моя была въ Парижѣ въ 47-мъ году и скучала обо мнѣ, А. А. сочувствовала ей, всячески успокоивала ее. Теперь, когда она увидѣла меня взрослой дѣвушкой, она со слезами воскликнула: „такъ вотъ она кошія!“ и крѣпко обняла меня. Что это была за умная, образованная, милая женщина! Я проводила съ ней незабвенные часы; она могла говорить обо всемъ: о современныхъ вопросахъ, о литературѣ, о живописи, всѣмъ интересовалась, обо всемъ судила просто и здраво; понимала она также всякіе молодые порывы. Она была лично знакома съ Вальтеръ-Скоттомъ, съ Куперомъ, съ m-me de Genlis въ самые послѣдніе годы ея жизни. Часто говорила она съ любовью о моемъ отцѣ, вспоминала, какъ въ ея дѣтствѣ, во время болѣзни, онъ утѣшалъ и развлекалъ ее, вырѣзывая, сидя у ея постели, лошадки и пейзажи. Кромѣ ея знаній и образованія, на меня глубоко дѣйствовало смиреніе, съ которымъ она переносила доставшееся на ея долю страданіе. Рано оставшись вдовой, А. А. всю жизнь посвятила своему единственному сыну (бывшему въ Парижѣ русскимъ консуломъ). Потерявъ его, она, по ея словамъ, врядъ-ли перенесла бы это горе, еслибы не остались на ея попеченіи его вдова и двое дѣтей. А. А. съ достоинствомъ и терпѣніемъ переносила тяжелыя страданія не только нравственныя, но и физическія: у нея былъ ракъ въ груди.

— Какое это должно быть мученіе!—воскликнула я, когда узнала о ея болѣзни.

— Что это значитъ — отвѣтила она — въ сравненіи съ душевными страданіями!

— Но физическія страданія развѣ не усиливаютъ и нравственныя?

— Напротивъ—отвѣтила она тихо, какъ бы обдумывая свои слова, — это меня даже развлекаетъ немного, отвлекаетъ отъ того худшаго, заслоняетъ на минуту горе.

VI.

Для эгоизма нѣтъ ничего на свѣтѣ, кромѣ своего тщедушнаго *я*, но за то нѣтъ ему и вѣчности; для любви же нѣтъ *я*, это *мы*—двоихъ, мы—всего рода человѣческаго, мы—всего творенія, и нѣтъ ей предѣловъ въ мірѣ конечномъ, она гостья *оттуда*... *Т. Пассекъ.*

Въ Парижѣ, видясь съ нею ежедневно, я ближе узнала Татьяну Петровну Пассекъ и глубоко полюбила ее. Такого рода привязанность и почитаніе юноши чаще питаютъ къ чужимъ, чѣмъ къ своимъ. Какъ бы ни были умны и хороши родные, къ этому привыкаешь съ дѣтства, не такъ цѣнишь, не такъ видишь. При всей моей любви къ мамѣ и тетѣ, мнѣ не пришло бы въ голову открывать имъ мою душу, какъ я это дѣлала передъ Т. П. У нея находила я подходящіе отвѣты на мои вопросы и сомнѣнія, она вводила меня за собой въ идеальный міръ; рѣчи ея восхищали меня, я „сидѣла у ногъ ея“... иногда не только въ переносномъ смыслѣ. Я приходила къ Татьянѣ Петровнѣ когда вздумается, часто вечеромъ; домой меня тогда уже и не ждали. Т. П. любила работать и пить чай лежа въ постели; какъ въ Москвѣ, такъ и въ Парижѣ, передъ ея широкой кроватью стоялъ некрашенный деревянный столъ, съ разбросанными на немъ бумагами и книгами. Маленькая, полная, добродушная, лежала она въ своей неизмѣнной ситцевой блузѣ, съ высоко засученными рукавами надъ полными руками, окруженная цѣлой семьей бѣлыхъ кошекъ. Я присоединялась къ компаніи, съ ногами усаживалась на кровать—и начинались наши нескончаемыя бесѣды.

Бородинъ выражался о Т. П., что она для него „слишкомъ подробна“; она дѣйствительно говорила очень много, нѣсколько книжнымъ и сантиментальнымъ языкомъ 40-хъ годовъ; но я, въ шестнадцать лѣтъ, не критиковала рѣчи Т. П., а напротивъ, пила каждое ея слово. Изливая откровенно всѣ мои мысли и чувства, я иногда жаловалась на кого-нибудь изъ моихъ близкихъ. Т. П. всегда оправдывала ихъ и бранила меня, но такъ бранила, что размягчала меня всю, и я чувствовала, что подъ ея словами я дѣлаюсь добрѣе. Побранивши, она вышучивала меня, заставляла смѣяться, а потомъ начинала говорить о своихъ высокихъ идеалахъ: любви къ людямъ, всепрощеніи, о томъ, что и прощать-то нѣчего и нѣкому, что наше неразуміе только ищетъ вину въ людяхъ.

О комъ бы ни говорили дурное, Татьяна Петровна сейчасъ же заступалась, и это не были одни слова: она всегда готова была помочь, если нужно, людямъ, лично обидѣвшимъ ее; даже нанесшую ей неизгладимое горе женщину она простила и впослѣдствіи видѣлась съ ней. Я, со своей обычною горячностью, восклицала: „Не стоитъ дорожить вашей любовью, если вы одинаково и мерзавцевъ, и хорошихъ людей любите! Нечего и стараться быть хорошей,—хоть я Богъ знаетъ какихъ гадостей надѣлаю, вы меня все любить будете... Не хочу, послѣ этого, вашей любви!...“—„Вотъ,—отвѣчала она, улыбаясь,—самоваръ ушелъ! Фр... фр!... А ты не кипи, прикрой крышку! Послушай-ка лучше, что̀ я тебѣ скажу, да и сама мозгами пораскинь: вѣдь дурныхъ-то людей, пожалуй, и больше любить надо, они несчастные, за ними, какъ за больными, уходъ нуженъ... И гдѣ это, Котъ мой милый, ты злыхъ людей нашла? Нѣту ихъ, Котъ, нѣту злыхъ людей. Есть только незнающіе. Зло есть непониманіе. А темнаго, непонимающаго человѣка жалѣть надо, не карать. Какъ мы бываемъ больны тѣломъ, такъ можемъ быть больны и духомъ. Какъ ушибаемъ иногда свое тѣло, такъ можемъ ушибить и душу. Много значитъ воспитаніе: какъ тѣло ребенка, такъ и душу его надо беречь, чтобы онъ какъ-нибудь не ушибся, не споткнулся, и тогда онъ выростетъ здоровымъ и крѣпкимъ“. Долго развивала она эту тему и кончала: „Ну-ка, Котъ, скажи: развѣ не такъ?“

— „Такъ“—отвѣчалъ „Котъ“, и въ душѣ его загорался пламень, отражаясь въ заблестѣвшихъ глазахъ.—„И съ чего это ты вдругъ считаться вздумала?—перемѣняла она тонъ.—Люблю—и будетъ съ тебя!... Хорошо мнѣ съ тобой, гусь ты мой лапчатый. Вѣдь хорошо намъ съ тобой, Котъ, а?...“ Она прижимала меня къ своей груди и, гладя по волосамъ, приговаривала: „Славный ты у меня котъ, славный“.

Татьяна Петровна была всегда „cheerful“,—я не могу перевести этого слова, у насъ нѣтъ соотвѣтствующаго выраженія: не „веселая“, а какъ бы всегда въ хорошемъ расположеніи духа, всегда ровная, всегда привѣтливая. Она никогда не раздражалась, изъ случайныхъ непріятностей умѣла вывести что-нибудь утѣшительное. Между тѣмъ жизнь ея была не изъ легкихъ. Послѣ рано потерянnаго ею любимаго мужа остались долги въ типографіяхъ, которые она непремѣнно хотѣла уплатить, хотя въ эту минуту не имѣла ни гроша; остались двое маленькихъ дѣтей да ожиданіе третьяго. Въ первое время тупого отчаянія бѣдной женщинѣ помогали братъ и друзья ея мужа; потомъ

началась продажа вещей, потомъ собственный усиленный трудъ. Не смотря на тяжесть этихъ воспоминаній, Татьяна Петровна часто разсказывала мнѣ, какъ, потерявъ родившуюся послѣ смерти мужа дѣвочку, она боялась и дрожала за жизнь оставшихся двухъ сыновей, какъ часто сама ѣла одинъ хлѣбъ, чтобы дать дѣтямъ тарелку супу и мясо; какъ проводила ночи у постели больного ребенка со срочнымъ переводомъ на колѣняхъ. Впослѣдствіи Пассеки выиграли процессъ и получили въ наслѣдство маленькое имѣніе въ Малороссіи, гдѣ они стали проводить лѣто. Дохода это имѣніе приносило мало, но за то былъ свѣжій воздухъ для дѣтей, была природа, которую такъ любила Татьяна Петровна. Кромѣ того, ей удалось пріобрѣсти домъ на Остоженкѣ, съ четырнадцатью комнатами, службами и садомъ, за пять тысячъ рублей!

Животрепещущій интересъ представляли для меня разсказы Татьяны Петровны о ея молодости, о кружкѣ Станкевича, о ихъ вечернихъ преніяхъ, о Грановскомъ, о частной жизни Герцена [1]), о симпатичномъ образѣ Наташи, о ея многихъ страданіяхъ, остающихся и теперь неизвѣстными публикѣ. Татьяна Петровна часто не одобряла тогдашнихъ соціалистовъ. „Основы у нихъ нѣтъ,—говорила она,—краеугольнаго камня. Все хотятъ только умомъ добиться до правды, а она тутъ у нихъ подъ руками, въ ученіи Христа. Только основываясь на этомъ ученіи любви и можетъ быть достигнутъ истинный соціализмъ. А они, какъ дѣти, оторвутъ у цвѣтка корень и сажаютъ въ песокъ,—и завянутъ всѣ ихъ теоріи, потому что нѣтъ въ нихъ источника жизни: корня... Иные считаютъ какимъ-то униженіемъ причащаться! Именины друзей празднуютъ, а Тотъ, Кто открылъ намъ, что мы всѣ дѣти одного Отца, источника всякаго блага, поставившаго намъ единымъ закономъ любовь, неужели Онъ не стоитъ, чтобы праздновали дни воспоминаній о Немъ? Онъ сказалъ: „дѣлайте сіе въ память мою“. Что родственникъ заповѣдалъ намъ передъ смертью, мы свято исполняемъ, а Его послѣднюю волю считаемъ ненужнымъ исполнять!... Когда-то вылечится эта хроническая болѣзнь человѣческаго самолюбія!“ —

„Отчего же этотъ Отецъ допускаетъ всѣ непріятности на землѣ? Зачѣмъ Онъ, Всеблагій, Всемогущій, создалъ зло?“ — спрашивала я.

— „Да гдѣ это ты все зло видишь? Нѣтъ зла: Богъ, создатель, отецъ міра, есть источникъ прекраснаго, изъ котораго не можетъ произойти ничего иного, кромѣ прекраснаго.

---

[1]) Разсказы, повторенные впослѣдствіи въ ея запискахъ: „Изъ дальнихъ лѣтъ“.

Богъ—не старикъ, сидящій въ креслѣ, судящій и карающій; Онъ—въ насъ самихъ, въ цѣломъ мірѣ; нѣтъ ни одной травки, ни одной инфузоріи, гдѣ бы Его не было, гдѣ бы не было безсмертной нравственной красоты. Человѣкъ счастливѣе остальной природы и выше тѣмъ, что не только отражаетъ въ себѣ эту красоту, но и сознаетъ ее. Онъ тѣмъ и великъ, что ему даны разумъ и воля, чтобы обсуждать свои дѣла. Злыхъ людей нѣтъ. Человѣкъ можетъ не понимать, не знать, быть больнымъ; но когда онъ пойметъ и узнаетъ, то онъ выздоровѣетъ, и тогда исчезнетъ, какъ дымъ, все, что̀ ты называешь зломъ и несправедливостью. Останется одна любовь".—Рѣчи эти казались мнѣ логичными, неотразимыми, ибо сущность ихъ была доброта, идеальность, успокоеніе за будущее человѣчества, все, чего такъ жаждала душа моя.

Веселились мы часто у Пассекъ. Молодежь чувствовала себя у нихъ легко и свободно. Немало способствовала уютности ихъ дома пріѣхавшая съ Т. П. ея вѣрная Дуняша; иногда казалось, что мы въ Россіи, *дома*. Я часто бѣгала въ садикъ съ моей сестрой и племянникомъ Татьяны Петровны, Ипполитомъ, котораго она воспитывала и любила, какъ своихъ собственныхъ дѣтей. Разъ, когда пріѣхали въ Парижъ дѣти Герцена, у насъ устроился настоящій танцовальный вечеръ. Саша Герценъ былъ немного серьезный молодой человѣкъ, но очень милый и симпатичный.

Три пріятные дня провели мы съ Пассеками въ Версалѣ. Татьяна Петровна была чутка и молода душой; мы съ ней погружались въ историческія воспоминанія, философствовали, любовались чудными лунными ночами съ большой террассы дворца и въ тѣнистыхъ боскетахъ парка, гдѣ заливались соловьи. За чаемъ и ужиномъ въ гостинницѣ Т. П. больше всѣхъ смѣшила насъ.

Пассеки уѣхали изъ Парижа раньше насъ. Я увидѣлась съ ними вновь года три или четыре спустя. Я была уже замужемъ, когда пріѣхала, вмѣстѣ съ Н. И. Костомаровымъ, въ Москву и, конечно, полетѣла къ моему другу на Остоженку. Домъ былъ деревянный, старинный, съ интересной мебелью краснаго дерева и разными антресолями, на одномъ изъ которыхъ помѣщалась сама Т. П. Все въ немъ было старинное и прелестное. Только одно меня непріятно поразило: куча прислуживающихъ *босоногихъ* дивчатъ. Это рѣзало мои глаза, напоминая оборотную сторону добраго стараго времени — крѣпостничество. Я сейчасъ это выразила Татьянѣ Петровнѣ, но она объяснила мнѣ, смѣясь, что не такъ-то легко заставить хохлушекъ надѣть башмаки и что имъ такъ много

пріятнѣе. Хозяйка устроила для Костомарова вкуснѣйшій малороссійскій борщъ и *настоящіе* вареники. Однако Н. И. заподозрилъ, что масло было несвѣжее, началъ бѣгать по комнатѣ и стонать, что у него начинается изжога. Въ этомъ отношеніи онъ былъ неисправимъ: во всѣхъ кушаньяхъ, неприготовленныхъ руками его матушки или у насъ въ домѣ, онъ всегда склоненъ былъ предполагать горькое масло. На сей разъ намъ удалось убѣдить его въ его ошибкѣ: изжога мгновенно прошла, послѣ чего мы провели очень весело и интересно вечеръ. Меня, само собой разумѣется, нельзя было увезти отъ Т. П., я осталась у нея ночевать. Опять, какъ въ Парижѣ, усѣлась я у ея ногъ на широкую кровать; опять стоялъ возлѣ некрашенный столикъ; опять на постели лежали бѣлыя кошки, опять я говорила моему другу то, чего не сказала бы никому другому, и опять она, своимъ идеальнымъ взглядомъ на людей, на ихъ взаимныя отношенія и чувства, лила свѣтъ и тепло въ мою душу.

Къ моей большой радости, Татьяна Петровна вскорѣ переѣхала въ Петербургъ и мы стали часто видѣться. Посѣщали мы съ нею лекціи Сѣченова. По этому поводу мнѣ припоминается смѣшной эпизодъ. Съ нами разъ отправилась на лекцію одна пожилая, очень восторженная дѣвица; она была въ упоеніи отъ слышаннаго и умоляла насъ познакомить ее съ лекторомъ. Мы не могли отвертѣться и должны были это исполнить. Разсыпавшись въ любезностяхъ, она спросила профессора: можетъ ли она дома повторить произведенные имъ опыты (лекція была о зрѣніи). „Вы, сударыня, — отвѣтилъ Иванъ Михайловичъ, — никакихъ опытовъ дѣлать не можете, потому что вы на оба глаза косая“. Сѣченовъ просто и серьезно отвѣтилъ то, что онъ только и могъ отвѣтить; но дѣвица очень обидѣлась.

Татьяна Петровна вѣрила въ спиритизмъ и много вращалась въ кружкѣ Аксакова. Иногда она, мать моя и я садились за круглый столикъ, который у насъ преисправно бѣгалъ по комнатѣ и даже стучалъ ножкой въ отвѣтъ на вопросы, выстукивая, впрочемъ, непонятное сочетаніе буквъ. Эти движенія объясняютъ усталостью мышцъ и непроизвольными, безсознательными движеніями самихъ участвующихъ, но Т. П., кажется, серьезно вѣрила въ возможность общенія съ душами умершихъ; по крайней мѣрѣ она разсказывала мнѣ объ одномъ своемъ видѣніи и говорила впослѣдствіи, послѣ смерти моего отца, что когда она занимается его записками, то слышитъ стуки въ столѣ, на которомъ работаетъ, и высказывала предположеніе что это его душа откликается ей. Мнѣ казалось, что это какъ-то не

вяжется съ ея высокими нравственными убѣжденіями, съ ея вѣрой.

Не помню, когда это было и по поводу какихъ обстоятельствъ, но Т. П. рѣшила отдать своимъ дѣтямъ принадлежащую ей часть имѣнія и продать свой московскій домъ. Узнавъ объ этомъ, я возмутилась.

„Что это вы выдумали, — говорила я ей,—развѣ возможно дѣлать такія вещи! Ну, пусть ваши сыновья продаютъ имѣніе, Богъ съ ними, но только домъ ни за что не продавайте“.

— „Отчего такъ?“

„Какъ отчего? Вамъ это будетъ большое лишеніе, вы любите свой домъ, вы привыкли къ нему“.

— „Мнѣ, Котъ, вездѣ хорошо“.

„Даже для вашихъ дѣтей будетъ лучше, если вы сохраните домъ. Если кто-нибудь изъ нихъ останется безъ мѣста, или что-нибудь другое случится съ ними, они тамъ у васъ найдутъ пріютъ, пока опять не устроятся. А деньги проживутся, и вы безъ ничего останетесь. Еще имъ же въ тягость будете“.

— „Вздоръ, Котъ, говоришь. Какъ это такъ? Моимъ дѣтямъ нужно, а я не дамъ? Развѣ мое не ихъ? И какъ это я имъ въ тягость буду? Что мнѣ надо—сама знаешь: четыре рубашки холщевыя, да двѣ блузы ситцевыя, только у меня и всего. Кровать да столъ деревянный — вотъ и мебель вся, а ѣда— самая моя любимая—черный хлѣбъ съ чаемъ. Когда моихъ дома нѣтъ, я не велю ничего варить, да и самоваръ не всегда велю ставить—водой запью. Въ тягость я, Котъ, еще никому не бывала... Я, братъ, до смерти работать буду,—мнѣ-то почти ничего не надо, а для нихъ же. Безъ работы, ты знаешь, я быть ни минуты не могу; вишь, сколько ужъ сегодня наваляла! Такъ-то, Котъ“.

„Ну, я никогда бы такъ не поступила“.

— „И врешь! Опять зря языкомъ болтаешь: и ты бы точно такъ поступила. Садись-ка лучше, да прочти мнѣ вотъ тутъ, у тебя глаза-то помоложе“.

Въ началѣ 70-хъ годовъ Татьяна Петровна вновь ѣздила за границу съ сыномъ Владиміромъ и его молодой женой. Потомъ они поселились, на время, въ Одессѣ, куда я заѣзжала къ нимъ въ 1874-мъ году, по пути въ чужіе края. Оставивъ моего маленькаго, слабаго сынка съ няней въ Крыму у моихъ друзей, которые, я была увѣрена, будутъ ухаживать за нимъ лучше меня самой, я хотѣла воспользоваться свободнымъ временемъ и ѣхала позаняться живописью въ Дюссельдорфѣ. Въ Одессѣ у Пассекъ

встрѣтилась я съ Сѣченовымъ. Я давно была знакома съ Иваномъ Михайловичемъ и всегда питала къ нему самое теплое чувство. Да и можно ли было не любить и не цѣнить этого превосходнаго человѣка, такого правдиваго, горячаго, цѣльнаго, никогда не вступавшаго въ компромиссы со своею совѣстью, не поступавшагося ни одной іотой изъ того, что составляло законы его этики? Передъ тѣмъ я долго не видалась съ нимъ и обрадовалась ему, какъ родному. Съ такими добрыми друзьями провела я нѣсколько очень хорошихъ дней и съ сожалѣніемъ пустилась въ путь.

Въ первый разъ разставшись съ мужемъ и дѣтьми, я, несмотря на усиленную работу и на массу художественныхъ впечатлѣній, очень скучала въ Дюссельдорфѣ по семьѣ и, какъ всегда, дѣлилась своими чувствами съ Татьяной Петровной. Она написала мнѣ слѣдующее полушутливое письмо: „Ты, милый Котъ, не смѣй грустить и ревѣть, а прижми хвостъ, лапку въ краски и размазывай всѣми красками, какія подъ лапу попадутъ и подай Ахенбаху,—пускай любуется, вотъ, дескать, какъ наработала, — поправляйте! Такъ и развлекайся, а за результатами не гонись, что-нибудь да выйдетъ, я думаю, должно быть хорошее, иначе на что и Дюссельдорфъ стоитъ, на что и Ахенбахъ, на что и ты столько жертвъ принесла; могла бы и по роднымъ крышамъ мяукать и лапой, скуки ради, ихъ красить. А ты, вотъ, ради искусства сколькихъ близкихъ душъ покинула, такъ ужъ и держись бодро—не допускай упадать духу, а то я возьму тебя за хвостъ да и отдеру. Чего еще тебѣ хочется? Счастья, небось, полнаго,—да мало ли что! Этой штуки нѣтъ нигдѣ—вотъ тебѣ шишъ, вмѣсто полнаго счастья. Спроситко объ этомъ предметѣ Ахенбаха, хотя изученіе этого предмета не есть его спеціальность, но все-же онъ не чуждъ ему, — нутко, спроси его, что небось вы полнымъ счастьемъ дышете въ вашей мастерской?.. Такъ-то, Котъ, накинь на себя попону мудрости, прижми уши шапкой смиренія и прикройся щитомъ терпѣнія,—да мажь, да мажь себѣ, вся углубись въ мазанье, — это поглотитъ тебя до забвенія всего, кромѣ красокъ. Глядь къ свѣту — что-нибудь и вышло. Ты и возрадуешься. Читай въ уединеніи—оно полезно. Уединеніе, тишина, знаешь, что никто къ вамъ не войдетъ, никто васъ не ждетъ, можете дѣлать что хотите, никто не помѣшаетъ; въ такомъ положеніи можно работать, думать, учиться во всю силу своей мочи. Располагай временемъ, какъ хочешь—въ такихъ-то условіяхъ у талантливыхъ людей и возникаютъ великія созданья, дѣлаются громадные успѣхи. Ты и не увидишь, какъ

зима пролетитъ, а съ весной ты въ Крыму, всѣ деревья въ цвѣту, какъ въ молокѣ, и запахъ розъ,—Саша дѣлаетъ веселые прыжки передъ тобой, ты съ нимъ уже на пароходѣ, въ Одессѣ, я тебя ругаю, ты въ вагонѣ, Кіевъ, Москва, Петербургъ—ахъ! Эдуардъ! [1]) Ты въ ихъ объятіяхъ, а на хвостѣ у тебя пейзажъ въ три аршина—типъ Ахенбаха. Тебя превозносятъ, пьютъ за твое здоровье, картина среди стола; на выставкѣ передъ ней публика, разиня ротъ отъ умиленія, и на твоей главѣ вѣнокъ; поднимаешь хвостомъ картину, несешь во дворецъ—министры, флигель- и генералъ-адъютанты и все III-е отдѣленіе въ умиленіи—и самъ государь..... Вотъ тебѣ, Котъ, перспектива. Плакать нечего, а надобно отъ радости смѣяться. Сознайся, вѣдь ты, въ виду такого блеска, смѣешься, ну, право, смѣешься,—и правильно!.. Итакъ, Котъ, мысленно, въ знакъ прощанія, верчу тебя за хвостъ и цѣлую въ рыльце".

Передъ отъѣздомъ изъ Россіи, я совершила дурной поступокъ, на который Татьяна Петровна взглянула очень строго и сначала даже слишкомъ трагично. „Ты, Котъ, отъ этого дѣла отрѣшись",—писала она мнѣ по этому поводу,—„не пачкай въ немъ твоихъ рукъ. Я люблю тебя и горько было бы мнѣ увидать пятна на твоихъ рукахъ, кромѣ пятенъ отъ красокъ да отъ поцѣлуевъ твоихъ дѣтей". Дѣло заключалось въ томъ, что я начала процессъ изъ-за куска земли. По юридическому закону я была права и выиграла впослѣдствіи дѣло безъ всякаго затрудненія, но по нравственному закону такъ поступать не слѣдовало. Люди, дѣлая компромиссы со своею совѣстью, часто оправдываютъ себя тѣмъ, что поступаютъ такъ не для себя лично, а для пользы другого, какъ будто дурными средствами можно кому бы то ни было принести добро! Такъ поступила и я: то, что я ни за что не рѣшилась бы сдѣлать для себя, я сдѣлала „для дѣтей", и успокоивала себя этимъ, вопреки тайному голосу совѣсти. Изложивъ Татьянѣ Петровнѣ всѣ свои доводы и оправданія, я все-же высказывала опасенія, что она теперь охладѣетъ ко мнѣ и отшатнется отъ меня. Къ величайшему сожалѣнію, изъ ея прекраснаго отвѣтнаго письма я могу привести только нѣсколько фразъ, такъ какъ дѣло, о которомъ шла рѣчь и которое она въ этомъ письмѣ такъ превосходно разбирала, касается не меня одной. Вотъ эти отрывки: „Врёшь, ёжъ, не то поешь. Меня къ тебѣ ничто не охладитъ, ничто не измѣнитъ, я знаю твое сердце и честность, что бы ни дѣлалось—виной

[1]) Имя моего мужа.

не сердце, а голова—ошибочный взглядъ. Напротивъ, теперь-то ты мнѣ дороже, мнѣ жаль тебя, мой бѣдный Котъ; я не осуждаю тебя, потому что знаю тебя и потому что никого не сужу, это не наше человѣческое право; наше право одно: разобрать, чтобы понять, а съ пониманіемъ и оправданіе каждаго. . . . . .

. . . . . Точка зрѣнія, съ которой ты взглянула на это дѣло, *ошибочна*, и слѣды этой ошибки падутъ больше всего на тебя, Котя. У моего сердца ты всегда найдешь горячій пріютъ, горячѣе прежняго: знаю и вижу, не легко тебѣ... ...Вотъ въ какое положеніе ставятъ софизмы! . . . .

„Брось палитру, кисть и полотно, да прижмись къ моей старой груди, мой бѣдный Котъ, я пишу это и плачу, такъ глубоко сострадаю тебѣ, — и разберемъ вмѣстѣ, не прячась отъ истины, вѣрно ли ты поняла это дѣло..... Взгляни на все это безпристрастно, не щадя себя, не защищаясь софизмами, и, положа руку на сердце, мой Котъ, скажи чистосердечно своему истинному старому другу, скажи, такъ ли надобно было поступать? . . . .

„Ты называешь меня другомъ своимъ и не ошибаешься, — точно, Котъ, ты во мнѣ друга имѣешь, который ни во имя чего бы то ни было не оттолкнется отъ тебя, которому можешь открыть душу, и горе, и радость, но который считаетъ преступнымъ поддерживать ослѣпленіе, а долгомъ дружбы говорить истину...

„Пиши мнѣ, не стѣсняйся: все, что̀ на душѣ, прѝ въ письмо, оно здоровѣй, да береги себя. Мать для дѣтей дороже всякаго куска земли, ее ничѣмъ не замѣнишь“.

Узнавъ многія обстоятельства, нѣсколько смягчавшія мою вину, Татьяна Петровна заключила, что я была вынуждена такъ поступить, какъ поступила, и, можетъ быть чтобы утѣшить меня, свое чудное и длинное письмо, изъ котораго я, къ сожалѣнію, не могу привести даже отрывковъ, закончила словами: „во всемъ этомъ *ты*, *котикъ*, *не повиненъ*, вотъ мой финалъ, и больше ужъ ни слова не услышишь отъ меня, что̀ бы тамъ ни было!“

Привожу еще отрывокъ изъ письма Т. П., написаннаго, когда я, проживъ зиму въ Дюссельдорфѣ, переѣхала въ Парижъ:

„Эхъ, ты Митрофанъ Терентьевичъ! Сидѣла, сидѣла въ Дюссельдорфѣ, а подъ руками Парижъ былъ, а тамъ слишкомъ двадцать человѣкъ нашихъ художниковъ, да еще, какъ слышно, замѣчательныхъ: кромѣ извѣстнаго проф. Боголюбова, Полѣновъ, Рѣпинъ... Что это за картина его саженная—Царство подводное Садко̀, съ сотнями морскихъ дѣвушекъ и лѣсомъ водяныхъ ра-

стеній? Сообщи мнѣ объ этой картинѣ; также и объ картинахъ Боголюбова. Ужъ и то отдыхаешь ты, что среди русскихъ. Да, право, Котъ, ни въ одномъ народѣ я не встрѣчала этой свѣжести, юности и широкой, открытой души, какъ у народа русскаго. Вѣдь вотъ, Котикъ, чѣмъ и ты мнѣ милъ — это твоей горячей, изливающейся нараспашку душой, я и ругаю-то тебя съ наслажденіемъ...

. . . . . .

„Твое письмо получила дня три тому назадъ и отвѣчаю. Ждала давно вѣсточки отъ моего Кота... Могу тебѣ сообщить новость: 21-го марта у Володи родился сынъ Сережа, котораго и рекомендую вашему расположенію, — поетъ и очень хорошо поетъ. Лёля [1]) тебѣ шлетъ разныя куры и комплименты, занимается кормленіемъ Сергѣя Владиміровича... Что ты рисуешь? Напиши. Въ Парижѣ и на фарфорѣ живопись въ ходу“...

Мнѣ кажется, что приведенные отрывки прибавляютъ много характернаго къ образу Татьяны Петровны, живо рисуютъ ея любящую душу, умѣвшую принимать такое живое участіе въ горести, жизни и интересахъ другихъ людей.

Когда Пассеки вернулись изъ Одессы въ Петербургъ, мы часто видались съ ними. Татьяна Петровна обладала рѣдкимъ искусствомъ жить вмѣстѣ съ дѣтьми своими и не ссориться съ ними. Этому способствовало, конечно, и то, что она всегда была занята работой. Она начала писать свои воспоминанія, которыя, кромѣ литературнаго интереса, были въ то время важны тѣмъ, что въ нихъ описывалась біографія Герцена и приводились мѣста изъ запрещенныхъ сочиненій его и Огарева. Въ то время упомянуть имена ихъ въ печати было невозможно, но всѣ знали, кто тѣ „Саша“ и „Ника“, о которыхъ писала Т. П. Она начала также издавать „Игрушечку“, прелестный дѣтскій журналъ, гдѣ все, казалось, проникнуто было духомъ Т. П. Около нея собирался интересный кружокъ ея сотрудниковъ. Здѣсь я познакомилась съ талантливой писательницей Лаврентьевой и нашей извѣстной художницей Бёмъ.

Въ 1879-мъ году я оставила Петербургъ, переѣхала сначала въ Крымъ, потомъ въ Кіевъ и, наконецъ, въ Москву. Я посѣщала, отъ времени до времени, мой возлюбленный Петербургъ, полный для меня лучшихъ воспоминаній дѣтства и молодости, гдѣ я оставила столько близкихъ мнѣ людей. Я останавливалась у мужа, пока онъ оставался въ Петербургѣ, а когда и онъ переѣхалъ въ Москву—у моей матери.

[1]) Жена Владиміра Вадимовича Пассека.

Между другими своими работами, Татьяна Петровна занималась изданіемъ въ „Русской Старинѣ“ записокъ моего отца, но съ этой задачей она не совсѣмъ хорошо справилась. Правда, не одна она надъ этимъ трудилась, ей некогда было все взять въ свои руки; было много посредниковъ. Въ концѣ концовъ записки вышли въ печати очень измѣненными: нѣкоторыя вещи, сказанныя отцомъ моимъ, принимали оттѣнокъ, несвойственный его взгляду и образу мышленія. На мои протесты Т. П. возражала: „все было отцу твоему прочитано, и если онъ одобрилъ, нечего тебѣ тутъ, Котъ, мудрить“. Но когда это читалось отцу, онъ былъ очень старъ, плохо слышалъ и помнилъ: гдѣ было ему слѣдить за редакціей!

Въ одинъ изъ моихъ пріѣздовъ въ Петербургъ, я была поражена тѣмъ, что моя мать поссорилась и окончательно разошлась съ Т. П. изъ-за какого-то недоразумѣнія по поводу тѣхъ же записокъ. Была рѣчь о какомъ-то пропавшемъ, будто бы, у Пассекъ рисункѣ отца моего; вообще, я хорошенько не разобрала, въ чемъ дѣло, но мать моя такъ нервничала по этому поводу, что я въ первый день пріѣзда боялась и заикнуться о томъ, чтобы навѣстить Т. П., а потомъ такъ захлопоталась со своими дѣлами, заторопилась домой, что не успѣла заглянуть къ Пассекъ. Это было очень нехорошо съ моей стороны, именно въ такую минуту. Долгое время послѣ того мнѣ не пришлось быть въ Петербургѣ. Наконецъ, въ 1889-мъ году, я отправилась туда навѣстить заболѣвшую мать мою. По пріѣздѣ, я услышала, что Татьяна Петровна серьезно больна; говорили, что у нея ракъ въ желудкѣ... Я сейчасъ же поѣхала къ ней, дорогой сильно волновалась и съ трепетомъ ожидала, въ какомъ состояніи найду мою родную старушку...

Въ квартирѣ меня встрѣтила незнакомая мнѣ дама, сказала что Татьяна Петровна очень опасно больна, но принимаетъ посѣтителей, и ввела меня въ спальню. Я вошла и остолбенѣла: на кровати лежалъ совсѣмъ незнакомый мнѣ человѣкъ! Татьяна Петровна всегда была настоящей „кубышкой“, на постели же передо мной былъ живой скелетъ: мускулы превратились въ какія-то струны, кожа потемнѣла, даже черты лица трудно было узнать въ первую минуту, только глаза поражали своею жизнью, горѣли необыкновеннымъ огнемъ...—„Котъ мой, Котъ мой!“—воскликнула она и, обхвативъ мою шею, не выпускала меня изъ своихъ объятій, цѣлуя, плача и приговаривая:—„Пришла, пришла! Я говорила, что она придетъ, что она меня не обвиняетъ... Котъ мой со мной, Котъ мой сѣрый!..“ Такимъ тепломъ обхва-

тило меня и такой жалостью, и такой радостью, и такимъ горемъ!.. Долго мы обѣ плакали. „Вы думали, что я...“—„Ничего я не думала, Котя, я говорила: ты придешь, я все говорила: не умру не увидѣвъ тебя, и вотъ ты пришла!“

— „Посмотри, какая я стала!“—сказала она, когда мы немного успокоились, показывая мнѣ свои бѣдныя, изсохшія руки, съ засученными, какъ и прежде, рукавами.—„У васъ боли бываютъ? Вы очень страдаете?“—„Нѣтъ, такъ иногда,—это пустяки... А я все работаю, записки свои кончаю“—и она указала на тотъ же всегдашній бѣлый столикъ.—„Писать только не могу сама, устала, силъ нѣтъ; такъ вотъ добрые люди помогаютъ—диктую. „Игрушечка“ тоже идетъ, теперь тамъ для маленькихъ есть отдѣлъ, да, вотъ, я пошлю книжку твоимъ дѣтямъ, скажи: отъ бабушки Пассекъ... А читала ли ты, Котъ...“ И пошелъ разговоръ о литературѣ, о воспитаніи, о томъ, что всѣ люди добры къ ней и что все хорошо. Это была совсѣмъ прежняя Татьяна Петровна, теперь нельзя было не узнать ее. Она съ восторгомъ разсказывала о своихъ внукахъ, особенно о старшемъ, Сережѣ, о которомъ выражалась: „ну, этотъ у меня гусь лапчатый“—высшая въ ея устахъ похвала. Она захотѣла знать мое мнѣніе о написанномъ, въ послѣднее время, съ нея портретѣ, который я, къ сожалѣнію, не нашла похожимъ.

„Постой,—сказала Татьяна Петровна,—я встану и приду въ гостиную“.

— „Зачѣмъ это?“

„Нѣтъ, я вѣдь могу, я встаю... Тамъ я на диванѣ лягу“. Она дѣйствительно вышла, поддерживаемая съ двухъ сторонъ, и сѣла съ ногами на диванѣ, облокотясь о подушку.

„Ну, разсказывай, Котъ, про себя, говори *все*“.

Я разсказала о перенесенныхъ мною, за послѣдніе годы, нравственныхъ и физическихъ страданіяхъ. О томъ, какъ я выпуталась изъ состоянія близкаго къ отчаянію, взявшись серьезно за трудъ, какъ нашла равновѣсіе, перестала думать только о себѣ; какъ передъ мыслью о близкомъ, торжественномъ часѣ смерти простила враговъ своихъ, простила по-христіански, такъ что, возвратившись къ жизни, чувствовала къ нимъ уже не ненависть, какъ прежде, а любовь, и какъ это было мнѣ радостно; говорила о томъ, какъ, поднявшись временно на такую высоту, снова падала, снова карабкалась вверхъ... Я говорила, что не ропщу на перенесенное: чтобы стать настоящимъ человѣкомъ, надо испытать не однѣ только радости, но и горе жизни...

По мѣрѣ моего разсказа, Татьяна Петровна приговаривала:

„Дѣло говоришь, Котъ. Все благо, все хорошо“, и когда я кончила, сказала: „Душа твоя выросла. *Душа, Котя, не старится. Она все растетъ, растетъ, поднимается выше и выше, къ большему и большему совершенству, пока не соединится, наконецъ, съ вѣчнымъ началомъ добра, вѣчнымъ бытіемъ, вѣчной любовью*“.

Она произносила эти слова радостнымъ голосомъ, какъ бы въ экстазѣ, и мнѣ казалось, что душа ея уже вырастаетъ изъ тѣла, и что мы сейчасъ разстанемся съ ней... Но блестящіе глаза съ лаской опустились на меня, усталыя руки упали на колѣна... Вошла встрѣтившая меня дама. „Поди сюда, Котя,— сказала Татьяна Петровна,—дай я благословлю тебя. Благословляю и дѣтей твоихъ, передай имъ это мое благословеніе“. Я плакала. Мы прощались долго, она долго не отпускала меня, все прижимала къ себѣ и цѣловала...

Вернувшись въ Москву, я вскорѣ узнала о смерти Татьяны Петровны Пассекъ.

Е. Юнге.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

МГНОВЕНІЯ

I.

Изъ книги юности забытыя страницы
Я вновь перечиталъ печальною мечтой.
И вновь забытыхъ грезъ воскресли вереницы
И дышатъ на меня увядшей красотой.
Поблекшіе цвѣты утраченнаго мая,
Краса померкшая засохшаго вѣнка!
Мечты лазурныя потеряннаго рая,
Весеннихъ сновъ моихъ осенняя тоска!
Роса жемчужная въ полуночномъ туманѣ,
Въ чертогахъ красоты давно угасшій свѣтъ,
Какъ безотрадны вы и какъ знакомъ заранѣ
Мнѣ вашъ безрадостный и сумрачный привѣтъ!..
И въ грудь стучатся вновь загубленныя силы,
Давно минувшихъ лѣтъ утраченные дни, —
И оживаютъ вновь холодныя могилы,
И загораются погасшіе огни.
И снова я давно невиданное вижу,
Надъ прахомъ прошлаго мучительно скорблю,
И снова я люблю, и снова ненавижу,
И молодость мою безумную гублю...

II.

О, роза бѣлая! въ травѣ сырой могилы
Богъ вѣсть когда и кѣмъ забытая въ глуши...

Ты мнѣ напомнила угаснувшія силы
И грёзы первыя проснувшейся души.
Ты мнѣ напомнила померкнувшія краски,
Мечты весеннія поблекшей красоты,
И слезы раннія, и трепетныя ласки,
И блѣдной юности отцвѣтшіе цвѣты,
И первую любовь, увядшую когда-то,
И радость, и печаль давно прошедшихъ дней...
О, роза бѣлая! въ мерцаніи заката —
Ты всѣхъ весеннихъ розъ душѣ моей роднѣй!

Валеріанъ Тарноградскій.

КОСТЮМЫ
ПРЕДМЕТОВЪ ПРИРОДЫ

Слово „костюмъ“ принадлежитъ цѣликомъ человѣческому обиходу и какъ будто очень мало связывается съ предметами природы.

Однако, если принять во вниманіе, что и человѣкъ—несомнѣнно предметъ природы, то проглядываетъ возможность это слово понимать распространительно, въ смыслѣ представляющейся глазу внѣшности; тогда станетъ понятна и приложимость даннаго слова не только къ человѣку, но и къ животнымъ, и къ растеніямъ, и, какъ увидимъ дальше, даже къ безжизненному веществу.

Конечно, съ самаго начала бросается въ глаза существенная разница въ приложеніи слова „костюмъ“ къ человѣку и къ другимъ предметамъ природы. Для человѣка костюмъ есть предметъ его собственнаго творчества, его фантазіи, если хотите—его произвола. Для всѣхъ другихъ предметовъ природы костюмъ опредѣляется творческими началами самой природы и нисколько не зависитъ отъ *непосредственнаго* воздѣйствія самихъ индивидовъ.

Я подчеркнулъ слово „непосредственное“, такъ какъ посредственное воздѣйствіе нѣкоторыхъ животныхъ на ихъ костюмъ признается современною біологіей. Дарвинъ отмѣтилъ вліяніе такъ называемаго *полового подбора;* если въ животныхъ одного разряда этотъ подборъ не столько относится къ костюму, сколько къ совокупности другихъ физическихъ и нравственныхъ свойствъ (напр. смѣлости и т. п.), то у другихъ на первомъ планѣ выступаетъ костюмъ. Это относится главнымъ образомъ къ птицамъ; у нихъ, въ противоположность человѣку, изящнымъ

и пестрымъ костюмомъ особенно щеголяютъ самцы, такъ какъ рѣшающими въ подборѣ являются самки.

Въ другихъ случаяхъ, напр. у бабочекъ, тоже щеголяющихъ яркими и роскошными костюмами, главнымъ опредѣляющимъ факторомъ слѣдуетъ считать творчество природы, такъ какъ здѣсь подборъ имѣетъ своимъ главнымъ назначеніемъ легкое распознаваніе издалека и на лету самцомъ и самкою другъ друга.

Приблизительно тѣхъ же цѣлей достигаетъ природа, наряжая въ роскошные костюмы половыя части растеній, то-есть и здѣсь преслѣдуется цѣль распознаванія издалека и на лету, но уже не слѣпыми растеніями, а обладающими хорошимъ, хотя и далеко еще несовершеннымъ зрѣніемъ насѣкомыми, которыя своимъ посѣщеніемъ цвѣтковыхъ частей растенія, ради находимой тамъ лакомой пищи, способствуютъ оплодотворенію этихъ растеній, то-есть способствуютъ главнѣйшему ихъ жизненному акту.

Итакъ, мы видимъ, что тамъ, гдѣ въ наиболѣе чистомъ видѣ дѣйствуютъ цѣлесообразныя силы природы, яркость костюма служитъ цѣлямъ легчайшаго и скорѣйшаго распознаванія издалека. Но это имѣетъ мѣсто лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда такая бросаемость въ глаза индивида не подвергаетъ его, вмѣстѣ съ тѣмъ, особой опасности со стороны враговъ; въ этихъ случаяхъ или вообще особыхъ враговъ не имѣется (напр. большинство ярко окрашенныхъ бабочекъ въ то же время имѣетъ тѣло отвратительнаго вкуса для насѣкомоядныхъ птицъ, а когда онѣ садятся на растенія и неподвижны, то по формѣ такъ напоминаютъ части растенія, что становятся очень трудно замѣтными для нелетающихъ враговъ) или по крайней мѣрѣ безопасность индивидовъ обезпечивается ихъ особыми свойствами (конечно, вѣрнѣйшее средство укрыться отъ всѣхъ враговъ есть способность летать, почему и пестрота костюмовъ особенно развита именно у птицъ).

Тамъ же, гдѣ кругомъ грозитъ серьезная опасность или отъ нападающихъ враговъ, или, какъ напр. хищникамъ, опасность остаться безъ пищи, если животныя, служащія имъ пищей, могутъ замѣтить ихъ издалека и убѣжать, тамъ въ костюмѣ достигается какъ разъ противоположная цѣль—такъ приспособиться къ окружающей средѣ, чтобы по возможности остаться незамѣченнымъ. Но хотя въ такихъ случаяхъ костюмъ и служитъ цѣли укрытія отъ враговъ, то-есть какъ бы предназначенъ для затрудненія распознаванія, однако именно это сообщаетъ костюму специфическія особенности, которыя, при болѣе внимательномъ разсматриваніи, опять-таки могутъ способствовать лучшему и легчайшему распо-

знаванію. Если тигръ, подкарауливающій жертву въ кустахъ, менѣе замѣтенъ, благодаря вертикальнымъ полосамъ на его шкурѣ, имѣющимъ сходство съ кустами, то именно благодаря этимъ полосамъ мы его легче всего отличаемъ отъ другихъ родственныхъ многочисленныхъ хищниковъ.

Того, что творитъ природа, снабжая живущія существа соотвѣтствующею внѣшностью, стремится достигнуть человѣкъ, искусственно наряжая себя въ тотъ или другой костюмъ.

Существенная разница—лишь въ томъ, что цѣлесообразность въ природѣ всегда одна и та же: достигаемая ею цѣль есть сосредоточеніе въ каждомъ существѣ всѣхъ такихъ особенностей, въ томъ числѣ и костюма, которыя бы въ наивысшей степени способствовали сохраненію и размноженію вида.

Цѣли же, преслѣдуемыя человѣкомъ въ отношеніи своего костюма, безконечно разнообразны, какъ безконечно разнообразенъ и его интеллектъ, участвующій въ придумываніи костюма.

Насколько въ костюмѣ проявляется общая цѣлесообразность, настолько въ немъ мы видимъ и общія черты, совершенно независимыя отъ индивидуальности (напр. различіе лѣтняго и зимняго костюмовъ). Внѣ этого, въ костюмѣ выступаютъ черты особенностей индивидуальности, и прежде всего одной наиболѣе распространенной особенности—стадности („какъ другіе, такъ и мы“), приводящей къ тому, казалось бы совершенно невѣроятному эффекту, что считавшееся сегодня наиболѣе цѣлесообразнымъ и удобнымъ—завтра кажется совершенно нецѣлесообразнымъ и неудобнымъ (моды).

По костюму прежде всего можно замѣтить, имѣетъ ли человѣкъ какія-нибудь высокія задачи, достиженіе которыхъ занимаетъ почти все его время и силы, или же наоборотъ, въ немъ до такой степени отсутствуютъ всѣ подобные порывы, что значительныя, а иногда и преобладающія усилія затрачиваются на костюмъ и внѣшность вообще. Всѣмъ извѣстенъ тотъ антипроизводительный и, слѣдовательно, вреднѣйшій для жизни человѣчества общественный слой, для котораго понятіе о человѣкѣ чуть не отожествляется съ понятіемъ о его внѣшности; вся жизнь людей этого слоя идетъ на связанныя съ внѣшностью затраты.

Мыслимо ли себѣ представить Льва Толстого, того великаго Толстого, который опредѣлился въ послѣднія десятилѣтія его жизни, наряженнымъ во фракѣ съ бѣлымъ изящнымъ галстучкомъ, украшеннымъ нарядными шпильками и цѣнными брелоками, а тѣмъ болѣе въ мундирѣ съ галунами и со звѣздами?

Во всякомъ случаѣ мы ясно видимъ, что и для человѣка

костюмъ могъ бы служить средствомъ распознаванія, но уже не внутренней его сущности, какъ человѣка вообще, а именно и въ особенности индивидуальности его интеллекта.

Въ этомъ—громадная черта различія со всѣмъ остальнымъ живущимъ міромъ, гдѣ внѣшность и костюмъ являются важнымъ средствомъ характеристики именно вида, а не индивидуальности.

Однако все-таки остается то общее, что и внѣшность можетъ служить для распознаванія, или во всякомъ случаѣ играетъ при этомъ распознаваніи немалую роль.

И въ этомъ смыслѣ положеніе можетъ быть распространено на всѣ предметы природы, въ томъ числѣ и на безжизненные, но *однородные* предметы или вещества, которыя также имѣютъ свой костюмъ въ видѣ кристалловъ.

Я хотѣлъ бы пояснить относительную роль этого костюма для всего цикла предметовъ природы, начиная отъ человѣка и кончая безжизненнымъ веществомъ, а именно показать, что роль эта повышается какъ средство распознаванія, достигая спеціально для веществъ значенія вполнѣ опредѣляющаго фактора.

Если въ человѣкѣ костюмъ, въ который онъ облекается, можетъ служить *только* для характеристики его индивидуальныхъ качествъ, то это значитъ, что для характеристики его какъ человѣка вообще, какъ вида въ біологическомъ смыслѣ слова, роль костюма сводится къ нулю.

Этого уже нельзя сказать по отношенію къ костюму, въ который природа облекаетъ животныхъ, даже самыхъ высшихъ по уму и сложности ихъ физіологическихъ функцій вообще. Какъ ни разнообразна внѣшность, то-есть природный костюмъ собаки, однако уже можно видѣть въ немъ много общихъ чертъ, которыя принадлежатъ собакѣ, какъ зоологическому виду, хотя для болѣе спеціальнаго и строгаго распознаванія этого вида придется обращаться ко многимъ другимъ особенностямъ его организаціи.

Да и вообще говоря, хотя въ большей части случаевъ мы легко распознаемъ сколько-нибудь намъ знакомыхъ животныхъ, по ихъ внѣшности и костюму, но лишь въ извѣстныхъ условіяхъ или предѣлахъ мѣстности; если же мы выйдемъ далеко за эти предѣлы, то опредѣленія будутъ все ошибочнѣе и ошибочнѣе, и для болѣе строгаго различенія понадобится спеціалистъ-зоологъ, пользующійся богатымъ опытомъ наблюденій всѣхъ предшествовавшихъ поколѣній.

Но даже и мы, неспеціалисты, опредѣляя животныхъ по ихъ внѣшности, вмѣстѣ съ этимъ пользуемся и другими извѣст-

ными намъ видовыми особенностями. При достаточной опытности и снаровкѣ мы даже опредѣляемъ животныхъ издалека, не имѣя возможности хорошо видѣть ихъ внѣшность; лѣсныхъ звѣрьковъ узнаемъ по ихъ бѣгу, птицъ—по полету. Узнавая птичку по ея щебетанью, мы не всегда узнаемъ ее по шкуркѣ.

Зоологи же, имѣющіе въ мірѣ животныхъ гораздо болѣе широкій кругозоръ, чѣмъ непосвященные, выработали и продолжаютъ усовершенствовать систему распознаванія на основаніи анатомическаго строенія, въ большинствѣ случаевъ находя простѣйшія для распознаванія особенности въ строеніи костной и зубной системъ, но иногда по необходимости обращаясь и къ строенію болѣе сложныхъ внутреннихъ органовъ.

Въ растительномъ мірѣ внѣшнія формы особенно цвѣтковыхъ частей тамъ, гдѣ вообще имѣются цвѣты (если нѣтъ, то другіе производительные органы), уже въ столь высокой степени могутъ служить для опредѣленія вида, что первая классификація растеній, прославившая имя Линнея, была основана именно на этихъ признакахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы все чаще и чаще имѣемъ здѣсь дѣло не только съ числами (числа отчасти употребляются и въ зоологіи, напр. при опредѣленіи такъ называемой зубной формулы), но и съ нѣкоторыми геометрическими правильностями, особенно такъ называемой симметріей. Какъ въ распредѣленіи лепестковъ вѣнчика и чашечки, такъ отчасти и въ распредѣленіи вѣтвей на главномъ стволѣ замѣчаются признаки такой правильности, и она нерѣдко служитъ главной характеристикой если не вида даннаго растенія, то его рода или семейства.

Собственно говоря, первые слѣды такой правильности мы можемъ отмѣтить и во всемъ животномъ царствѣ, вплоть до человѣка съ его костюмомъ.

Въ этой правильности каждый можетъ убѣдиться, если посмотрится въ зеркало. Не правда ли, что при этомъ въ отраженіи правая сторона покажется ему лѣвою, а лѣвая правою? А что это показываетъ? Это показываетъ, что по существу правая и лѣвая половины настолько неотличимы, что легко могутъ быть смѣшаны.

Вотъ эта-то видимая одинаковость разныхъ частей и составляетъ то, что называется симметріей. Но формы, въ которыхъ воспроизводится симметрія, могутъ быть весьма различны.

Та форма, которая проявляется во всемъ животномъ царствѣ, и, въ частности, въ человѣкѣ, съ его костюмомъ, могла бы быть точнѣе всего охарактеризована слѣдующимъ умственнымъ пріемомъ.

Вообразимъ себѣ, что черезъ стоящаго въ вертикальномъ положеніи человѣка проведена вертикальная же плоскость такъ, чтобы съ одной стороны она прошла посрединѣ между глазами, чрезъ кончикъ носа, средину рта и т. д., а съ задней стороны черезъ средину его позвоночника. Такая плоскость какъ бы раздѣлитъ тѣло человѣка на двѣ равныя и, какъ мы говоримъ, симметричныя половины — правую и лѣвую. Еслибы эта плоскость обладала свойствомъ зеркала (что можно было бы даже осуществить, сдѣлавъ въ плоскости зеркала разрѣзъ по формѣ даннаго человѣка и вставивъ его въ этотъ разрѣзъ зеркала), то, смотря въ него, мы увидѣли бы отраженіе правой стороны въ видѣ лѣвой и, наоборотъ, отраженіе лѣвой стороны въ видѣ правой.

Вотъ почему та форма симметріи, о которой идетъ рѣчь, характеризуется *плоскостью симметріи.*

Но такая форма симметріи, какъ общая почти всему животному царству, по этому самому не можетъ служить для характеристики его частей и не обращаетъ на себя особаго вниманія.

Совсѣмъ другое представляетъ изъ себя та форма симметрія, которая характеризуется *осью симметріи.*

Эту форму симметріи человѣкъ любитъ воспроизводить искусственно на выдѣлываемыхъ имъ предметахъ. Примѣрами въ особенности могутъ служить многіе ограненные стеклянные предметы, хотя бы обыкновенный, лишь бы не круглый графинъ или стаканъ.

Стеклянная пробка графина особенно часто въ своей выдающейся внѣшней части бываетъ огранена нѣсколькими большими, но равными, боковыми гранями (и одною сверху). Повертывая въ графинѣ эту пробку, мы замѣтимъ, что всегда можно ее нѣсколько разъ такъ повернуть, чтобы по внѣшности она оказалась въ томъ же самомъ положеніи, какъ въ началѣ. Если боковыхъ граней шесть, то можно такимъ образомъ повернуть именно шесть разъ; если граней семь, то семь разъ и т. д.

Это движеніе пробки въ графинѣ наукою разсматривается какъ поворотъ около нѣкоторой воображаемой оси, которою будто бы снабжена эта пробка, при чемъ пробка поворачивается, а воображаемая ось, представляемая какъ нѣкая безконечно-тонкая прямая линія, остается на мѣстѣ и какъ бы въ движеніи не участвуетъ.

Вотъ откуда берется и научный терминъ: ось симметріи.

На разсмотрѣнномъ случаѣ видно ясно, что оси симметріи будутъ различны, смотря по числу боковыхъ граней пробки, и

слѣдовательно по числу тѣхъ *элементарныхъ* поворотовъ, которые можно произвести съ пробкою, оставляя ее такой же внѣшности, какъ будто никакого поворота не сдѣлано.

Эта форма симметріи можетъ проявляться гораздо разнообразнѣе. Разнообразное ея проявленіе осуществляется въ цвѣтахъ растеній, и это разнообразіе можетъ отчасти служить для характеристики тѣхъ или другихъ растеній. Напримѣръ, въ цвѣтахъ дикой розы (шиповника) мы видимъ симметрично расположенными пять лепестковъ, а въ цвѣтахъ бѣлой лиліи—не менѣе изящно располагаются шесть лепестковъ.

Еще разнообразнѣе расположеніе другихъ частей цвѣтка, и не только цвѣтка, но и образующагося впослѣдствіи плода.

Число тычинокъ, несущихъ пыльцевыя головки, измѣняется отъ двухъ до весьма большого числа, и это число именно и служило однимъ изъ главныхъ опредѣляющихъ для различныхъ родовъ растеній по классификаціи Линнея. Если есть немало цвѣтовъ, въ которыхъ проявленія осей симметріи не наблюдается, то едва ли не въ значительномъ большинствѣ эта форма симметріи проявляется и въ расположеніи лепестковъ, и въ расположеніи тычинокъ и другихъ частей.

Замѣчательно, что имѣются и нѣкоторые классы животныхъ, обыкновенно болѣе простой организаціи, въ которыхъ проявляется та же форма симметріи. Особенно наглядным и поучительнымъ примѣромъ могутъ служить морскія звѣзды, изъ пяти и большаго числа лучей. Наконецъ, въ особомъ разрядѣ простѣйшихъ животныхъ, такъ называемыхъ радіолярій, кромѣ мягкаго и слизистаго тѣла, имѣется еще и твердый (кремнистый) скелетъ, въ которомъ симметрія проявляется не хуже, чѣмъ въ растеніяхъ.

Но настоящее царство симметріи мы наблюдаемъ въ кристаллахъ, то-есть въ индивидахъ безжизненной природы, отличающихся однородностью вещества. Чуть только мы начинаемъ вещества смѣшивать, сейчасъ такъ называемая кристаллизація затрудняется. Въ тѣхъ сложныхъ смѣсяхъ, которыя составляютъ части животнаго и растительнаго тѣла, появленіе хорошо образованныхъ кристалловъ, хотя бы и микроскопическаго размѣра, является большою рѣдкостью (чаще всего они являются результатомъ или проявленіемъ различныхъ болѣзней, напр. такъ называемые камни въ печени, почкахъ, мочевомъ пузырѣ).

Въ этомъ мірѣ кристалловъ симметрія проявляется уже столь разнообразно, что по одному этому признаку можно отличить много различныхъ разрядовъ кристаллическихъ веществъ. Въ костюмѣ кристалловъ замѣчается постоянство не только въ отно-

шеніи формъ симметріи, а почти во всѣхъ частностяхъ этого костюма, который, въ сущности, проявляется въ видѣ ограненія вещества обыкновенно небольшимъ числомъ блестящихъ плоскостей (такъ называемыхъ граней).

Нѣсколько граней кристалла, всегда неуклонно сопровождающихъ другъ друга, называются *простою формою*. Характеристикою этой формы служитъ то, что эти грани до такой степени одинаковы по своимъ свойствамъ и въ такой мѣрѣ одинаково расположены по отношенію другъ къ другу, что еслибы мы пожелали возможно точнѣе и обстоятельнѣе ихъ описать во всемъ взаимномъ ихъ расположеніи, то рѣшительно все равно, съ какой изъ нихъ мы ни начали бы это описаніе: результатъ всегда получится одинъ и тотъ же. Это аналогично тому, что мы видѣли для пробки графина и для лепестковъ цвѣтка; во всѣхъ этихъ случаяхъ (проявленія симметріи) описаніе взаимнаго расположенія не зависитъ отъ того, съ какой изъ равныхъ граней, или съ какого лепестка, мы начнемъ описаніе. Но какъ въ пробкѣ графина мы отличаемъ боковыя грани отъ горизонтальной верхней, такъ и въ кристаллѣ можетъ соединиться нѣсколько простыхъ формъ, которыя мы уже можемъ отличать другъ отъ друга.

Наука, изучающая кристаллы, называется *кристаллографіей*, и первый же законъ этой науки, открытый нѣсколько столѣтій тому назадъ, состоитъ въ томъ, что если мы измѣримъ углы между соотвѣтственными формами разныхъ кристалловъ одного и того же вещества, то всегда получимъ тѣ же величины.

Вотъ это-то постоянство и даетъ возможность производить мѣрку костюма всякаго вещества, какъ портной снимаетъ мѣрку для костюма человѣка.

Еслибы искусство портныхъ было такъ совершенно, что для каждаго изъ милліоновъ живущихъ людей понадобилась бы особая мѣрка, отличающаяся отъ всѣхъ другихъ, и еслибы гдѣ-нибудь въ одномъ мѣстѣ были собраны всѣ эти мѣрки, то пожалуй въ этомъ мѣстѣ мастеръ портной могъ бы индивидуально узнать каждаго приходящаго человѣка, такъ какъ, снявъ съ него точную мѣрку и сравнивъ ее съ расположенными въ порядкѣ и простой системѣ всѣми остальными мѣрками, онъ увидѣлъ бы, какая именно мѣрка служитъ для даннаго человѣка.

На дѣлѣ не только такого искусства у портныхъ не имѣется, но и люди не остаются постоянными въ своей мѣрѣ; человѣкъ скоро становится немного худѣе или полнѣе, и значеніе такой мѣрки для него пропадаетъ.

Для костюма чистаго вещества такихъ перемѣнъ не имѣется,

и мѣрка всегда и во всѣ времена для даннаго вещества остается постоянною. Она сохраняетъ свое значеніе для всѣхъ кристалловъ даннаго вещества и въ будущемъ. Однажды пріобрѣтенныя наукою, такія мѣрки остаются навсегда достояніемъ всѣхъ послѣдующихъ поколѣній и составляютъ накопленное богатство, которое въ примѣненіи къ дѣлу будетъ все болѣе и болѣе расширять не только знанія, но и реальныя силы человѣчества. Постоянно, при все новыхъ и новыхъ условіяхъ, знаніе будетъ открывать намъ присутствіе веществъ, которыя всегда можно будетъ получить въ неопредѣленныхъ количествахъ, если употребленіе этихъ веществъ окажется для насъ полезнымъ или необходимымъ, въ качествѣ питательнаго матеріала, или лекарственнаго вещества, или вещества, служащаго для обработки другого матеріала, для полученія цѣнныхъ веществъ, или, наконецъ, вообще находящаго полезное и удобное примѣненіе (въ видѣ краски, матеріала для выдѣлки, и пр., и пр.).

До сихъ поръ кристаллографія была по преимуществу наука описательная, какъ науки чисто естественныя, и потому главнымъ образомъ накопляла лишь тотъ матеріалъ измѣреній, о которомъ только что было упомянуто. Узнать, какая именно форма изъ наблюдаемыхъ на каждомъ кристаллѣ могла бы служить выраженіемъ формы самаго вещества, она не давала возможности. Представители ея, въ ожиданіи будущаго, затрачивали свои силы и время на измѣренія, но этимъ еще не оплачивали даже затратъ, нерѣдко довольно значительныхъ, дѣлаемыхъ человѣчествомъ для поддержанія ихъ собственной жизни.

Съ теченіемъ времени возникаютъ (хотя и въ небольшомъ числѣ) попытки воспользоваться накопленнымъ богатымъ матеріаломъ для той великой цѣли, которая со временемъ высоко подниметъ уровень человѣческой жизни—*простѣйшимъ способомъ опредѣлять вещества, входящія въ составъ какой угодно легко добываемой природной смѣси* (минеральныя вещества, какъ каменный уголь, нефть, земли особой цѣнности или вещества растительныя, или, наконецъ, животныя); но до сихъ поръ эти попытки оказывались неудачными и не приводили къ цѣли. Только теперь, и притомъ въ нашемъ отечествѣ, какъ результатъ долгихъ и точныхъ изслѣдованій, не только открыта та путеводная нить, которая указываетъ въ каждомъ кристаллическомъ веществѣ форму, подлежащую измѣренію, не только составлены таблицы этихъ мѣрокъ, обнимающія болѣе или менѣе всѣ описанныя предшествующими поколѣніями кристаллическія вещества (въ количествѣ около десяти тысячъ), но и произведено успѣшное испы-

таніе метода. Правда, онъ еще не всегда приводитъ къ цѣли (часто это бываетъ невозможно по самому свойству тѣхъ или другихъ кристалловъ), но это удается въ значительномъ большинствѣ случаевъ.

До сихъ поръ дѣло распознаванія веществъ лежало исключительно на химіи, а именно на той ея части, которая называется аналитическою химіей. Но всякій, знакомый съ предметомъ, хорошо знаетъ, какъ еще дѣтски-элементарны шаги, сдѣланные этою научною дисциплиною.

Начать съ того, что она почти всецѣло поглощается распознаваніемъ такъ называемыхъ неорганическихъ веществъ, а именно ихъ въ обиходѣ человѣчества значительное меньшинство, меньшинство почти исчезающее передъ количествомъ полученныхъ веществъ такъ называемыхъ органическихъ, и притомъ весьма сложнаго состава, для котораго становится все труднѣе и труднѣе найти даже сколько-нибудь краткія выраженія и обозначенія.

Полученіе вещества органическаго столь простого состава, какъ карбамидъ (или мочевина), было величайшимъ событіемъ въ прогрессѣ химіи, доставившимъ широкую извѣстность нѣмецкому химику *Вёлеру*, а открытіе состава и строенія индиго, въ сравнительно недавнее время, покрыло славой нѣмецкаго химика *Бейера*. Для такого распознаванія не останавливаются передъ затратою десятковъ лѣтъ, чтобы путемъ послѣдовательныхъ синтезовъ дойти до вещества, тождественнаго съ веществомъ, добываемымъ изъ растеній.

Высшая цѣль, которой достигаетъ современная химія — это опредѣленіе тѣхъ химическихъ элементовъ, которые присутствуютъ въ данномъ веществѣ (все равно — однородномъ или смѣси) и ихъ количественное отношеніе; вообще же подъ анализомъ подразумѣвается лишь количественное опредѣленіе тѣхъ элементовъ, которые въ веществѣ предполагаются; тѣ же, которые въ догадку не входятъ, могутъ открыться лишь случайно, при ходѣ анализа. Наглядымъ свидѣтельствомъ тому можетъ служить не только почти непрерывный рядъ отъ времени до времени открывавшихся новыхъ химическихъ элементовъ, но и продолжающееся и теперь ихъ открытіе, хотя все съ бо̀льшими и бо̀льшими перерывами во времени.

Та научная дисциплина, которая составляетъ приложеніе кристаллографіи къ открытію точнаго состава веществъ въ чистомъ видѣ (то-есть въ видѣ кристалловъ), получила названіе *кристаллохимическаго анализа*, такъ какъ все-таки ея цѣль близка къ той, какую себѣ ставитъ обыкновенный химическій анализъ, съ тѣмъ

лишь различіемъ, что послѣдній, вслѣдствіе сложности техническихъ операцій, по необходимости въ высокой степени съуживаетъ свою задачу, тогда какъ примитивно-простой методъ кристаллохимическаго анализа обобщаетъ свою задачу до универсальности, пока ограничивая ее лишь исключеніемъ тѣхъ сравнительно немногочисленныхъ веществъ, которыхъ не удается получить въ видѣ удовлетворительныхъ кристалловъ, или такихъ, въ которыхъ скопляются нѣсколько сотенъ веществъ съ совершенно одинаковыми углами (кристаллы кубической сингоніи).

Если принять, что есть разрядъ задачъ, въ которыхъ могли бы быть примѣнены оба метода опредѣленія, какъ чисто химическій, такъ и кристалло-химическій, то является поводъ сравнить ихъ преимущества и недостатки, а въ особенности подчеркнуть то, что является достижимымъ и недостижимымъ для того и другого.

По отношенію къ чисто-химическому анализу прежде всего нужно отмѣтить тотъ чрезвычайно ограниченный, въ сравненіи съ методомъ кристаллохимическаго анализа, кругъ примѣненій, который охарактеризованъ выше.

Затѣмъ нужно указать на необходимость потребленія (въ сущности—уничтоженія) значительнаго количества вещества, и притомъ тѣмъ болѣе значительнаго, чѣмъ большее число приходится сдѣлать отдѣльныхъ опредѣленій. При кристаллохимическомъ анализѣ вещество вовсе не потребляется, такъ какъ весь методъ сводится къ простому измѣренію на гоніаметрѣ. Поэтому, въ тѣхъ случаяхъ, когда потребленіе недопустимо, можетъ быть примѣнимъ лишь методъ кристаллохимическій; это имѣетъ мѣсто особенно въ томъ случаѣ, когда (напр. при побочной обработкѣ вещества) получено вещество въ ничтожномъ количествѣ, напр. небольшая группа кристалликовъ въ булавочную головку или меньше.

Затрата времени для примѣненія того и другого метода совершенно несравнима; можно сказать, что кристаллохимическій анализъ будетъ законченъ въ то время, пока химикъ для подготовленія вещества къ анализу еще растираетъ его въ ступкѣ.

Казалось бы, что незамѣнимымъ является чисто химическій анализъ, когда данное вещество не удалось получить въ кристаллахъ или кристаллы оказались очень плохими. Но едва-ли когда-нибудь это преимущество можетъ проявиться въ серьезныхъ формахъ, такъ какъ вообще число такихъ случаевъ, когда нельзя опредѣлить кристаллохимическимъ, но можно опредѣлить чисто химическимъ методомъ, ничтожно. Кромѣ того, кристаллохимическій, какъ только-что появившійся, методъ несомнѣнно будетъ быстро

прогрессировать, какъ въ отношеніи искусства кристаллизаціи, такъ и въ отношеніи развитія другихъ его сторонъ, чего отъ чисто химическаго метода ожидать нельзя.

Но есть случай, когда послѣдній не можетъ быть замѣненъ первымъ, а именно когда предлежитъ смѣсь и требуется опредѣленіе не тѣхъ веществъ, которыя входятъ въ ея составъ, а только такъ называемаго валового состава или, по крайней мѣрѣ, количественнаго содержанія тѣхъ или другихъ элементовъ. По самому заданію эта цѣль выходитъ изъ предѣловъ кристаллохимическаго анализа. Но такая задача ставится лишь тогда, когда въ смѣси имѣются цѣнные и рѣдкіе химическіе элементы, а не тогда, когда въ ней имѣются цѣнныя вещества.

Если же въ смѣси нужно опредѣлить составныя вещества, особенно когда ихъ можно извлечь тѣми или другими растворителями, то опять-таки можно предвидѣть, что почти исключительное примѣненіе получитъ кристаллохимическій анализъ.

Высота современнаго состоянія химіи позволяетъ, однако, вообще опредѣлить тѣ простѣйшія химическія пробы, которыя можно было бы успѣшно примѣнить надъ даннымъ чистымъ веществомъ, если составъ его извѣстенъ. Такія пробы были бы лучшимъ контролемъ опредѣленій кристаллохимическаго анализа.

Если показать химику неизвѣстное вещество, въ видѣ крошечнаго кристалла, то онъ вообще не будетъ знать, что̀ съ нимъ дѣлать. Но если назвать химическій составъ вещества, то каждый химикъ знаетъ, какъ можно убѣдиться въ правильности опредѣленія.

Вотъ почему чистому кристаллохимическому анализу необходимъ добавочный контроль въ видѣ подходящихъ химическихъ пробъ. Это соединеніе двухъ столь существенно-различныхъ методовъ есть соединеніе наиболѣе плодотворное, и именно это соединеніе можетъ способствовать расширенію приложимости кристаллохимическаго метода въ будущемъ.

Но такъ какъ производство наиболѣе цѣлесообразныхъ химическихъ пробъ болѣе всего подручно чистому химику, то нужно ожидать, что въ будущемъ эти двѣ спеціальности объединятся въ спеціалистахъ-аналитикахъ.

Ев. Федоровъ.

МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА

ПРЕДЪ ЛИЦОМЪ БУДУЩАГО

Въ наше время всеобщей переоцѣнки цѣнностей мнѣ кажется не лишнимъ еще и еще разъ подвергнуть этой переоцѣнкѣ наши старыя, но вмѣстѣ съ тѣмъ всегда новыя понятія о *мужчинѣ и женщинѣ*. Мнѣ кажется, что подобная переоцѣнка имѣетъ тѣмъ бо̀льшее значеніе, что пробужденіе женщины, послѣ долгихъ тысячелѣтій ея сна—пробужденіе, извѣстное подъ именемъ женскаго движенія,—хотя и приблизило насъ къ признанію равенства между мужчиной и женщиной, но сильно отодвинуло на задній планъ ихъ различія, не давъ достаточной руководящей нити для практической жизни. Чему, въ самомъ дѣлѣ, мы должны давать перевѣсъ—равенству или различіямъ? И какъ понимать равенство при несомнѣнно существующихъ огромныхъ различіяхъ? Нельзя не видѣть, что многообразное движеніе жизни исходитъ главнымъ образомъ отъ мужчинъ и находится въ ихъ рукахъ. Всѣ крупнѣйшія изобрѣтенія и открытія сдѣланы ими; наука, искусство, музыка—все носитъ на себѣ печать мужского генія и только самый незначительный вкладъ во все это сдѣланъ женщиной. Женщинъ-геніевъ не было и нѣтъ.

Если взглянуть съ точки зрѣнія внѣшняго блеска жизни на то, что вносила и вноситъ въ нее женщина, то какою скромною и подчасъ жалкою кажется та роль, которая выпала на ея долю! Послѣ краткаго расцвѣта женской юности, дарящаго жизни, подобно солнечному лучу, свою радостную улыбку, наступаютъ долгіе годы сѣраго существованія, въ теченіе которыхъ страданія материнства смѣняются вѣчными заботами и волненіями о под-

ростающихъ поколѣніяхъ. Сколько самоотверженія, терпѣнія и любви, сколько тепла и чистоты вносится матерью въ семью, а черезъ посредство нея и въ человѣческую жизнь—это трудно учесть, но это не окружено блескомъ и не достаточно цѣнится, особенно въ наше бурное время. И невольный вздохъ вырывается, поэтому, изъ груди почти каждой женщины, когда она сравнитъ свою долю съ долей мужской! Такъ было несчетное число лѣтъ. Что же вноситъ теперь во все это идея равенства? Какую роль опредѣляетъ она женщинѣ въ будущемъ? Должна ли женщина, выдвигая на первый планъ равенство, стремиться къ равному образованію и равнымъ правамъ съ мужчиной и, пренебрегая своимъ „сѣрымъ“ материнствомъ, стараться развивать въ себѣ всѣ индивидуальныя черты и тенденціи мужчины, вплоть до стремленія къ полной сексуальной свободѣ? Или же, признавая въ материнствѣ свою первенствующую роль, она должна стараться, для расширенія и углубленія этой главной задачи, пріобрѣсти человѣческія права и свободу, и, слѣдовательно, выдвигать на первый планъ различія, а не равенство?

Не можетъ быть, конечно, чтобы значеніе тѣхъ рѣзкихъ различій, которыя у мужчины и женщины связаны съ ихъ сексуальными особенностями и при наличности которыхъ создалась вся жизнь, вплоть до культуры нашего времени — не можетъ быть, чтобы значеніе это сводилось почти исключительно къ внѣшнимъ формамъ. Съ другой стороны, не можетъ быть, чтобы значеніе спеціально женскихъ функцій измѣрялось лишь физическимъ масштабомъ акта дѣторожденія и чтобы функціи эти не играли въ человѣческой жизни болѣе глубокой и значительной роли, хотя бы и скрытой. А если такъ, то существующія различія, быть можетъ, должны не только быть сохранены, но даже углублены?

Въ настоящее время на Западѣ и у насъ, на нашей родинѣ, вопросы пола и женской эмансипаціи заняли видное мѣсто въ литературѣ. Насколько великъ интересъ къ названнымъ вопросамъ, видно, напр., уже изъ того, что въ одной Германіи, за самое короткое время, образовалась огромная литература по сексуальному вопросу, насчитывающая цѣлый рядъ не только солидныхъ сочиненій, но и періодическихъ органовъ. Все это свидѣтельствуетъ, что очередь разработки этихъ вопросовъ настала и что изъ рукъ любителей смаковать двусмысленности они перешли въ вѣдѣніе серьезныхъ представителей науки. Прошло время, когда отъ этихъ вопросовъ можно было брез-

гливо отворачиваться. Они стоятъ передъ нами и настойчиво требуютъ вниманія.

Я лишена возможности подвергнуть здѣсь обзору, хотя бы и бѣглому, всего ряда выдающихся сочиненій, въ которыхъ съ каждымъ днемъ вопросъ все болѣе и болѣе углубляется и разсматривается подъ различными углами зрѣнія. Но для ознакомленія съ господствующимъ, основнымъ теченіемъ мысли достаточно остановиться на вышедшей нѣсколько лѣтъ тому назадъ колоссальной работѣ д-ра Ivan Bloch'a: „Sexualleben unserer Zeit", уже переведенной на русскій языкъ. Въ трудѣ этомъ находится почти полная сводка всего имѣющагося литературнаго матеріала по занимающему насъ предмету.

Задачей д-ра Блоха является изученіе современной любви. Она зиждется на примитивныхъ основахъ, существовавшихъ еще въ сѣдой древности, и на цѣломъ рядѣ измѣненій, обусловленныхъ культурнымъ развитіемъ человѣчества. Истинная любовь, для современнаго человѣка — одинъ изъ путей къ свободѣ. Въ ней обнаруживается и черезъ нее развивается его внутреннее индивидуальное существо. Блохъ отвергаетъ взглядъ, по которому нравственнымъ критеріемъ любви являются ея плоды—дѣти, и, слѣдовательно, бракъ, неразрывно связанный съ ихъ воспитаніемъ. Онъ находитъ, что эта точка зрѣнія не примѣнима къ современной любви, исторія развитія которой свидѣтельствуетъ о все бо̀льшей и бо̀льшей индивидуализаціи ея. Онъ полагаетъ, что возможность еще болѣе совершенныхъ формъ чувства любви покоится на чисто духовной почвѣ. Мужской и женскій типы должны дифференцироваться все тоньше и тоньше, ихъ различія должны сдѣлаться еще рѣзче. Только настоящій мужчина и настоящая женщина дѣлаютъ возможнымъ поступательное движеніе культуры.

Блохъ разсматриваетъ любовь какъ самоцѣль, необходимую для индивидуума, какъ силу, которою совершенствуется культура. Признавая сексуальный инстинктъ центральнымъ инстинктомъ жизни и любовь — ея вѣчнымъ двигателемъ, Блохъ видитъ въ „исторіи любви исторію человѣчества, исторію культуры". Женское вліяніе онъ признаетъ огромной культурной силой. Онъ не видитъ причины считать женщину ниже или выше мужчины и стоитъ за полную свободу и равноправность мужчины и женщины. Не находя въ женщинѣ недостатка умственныхъ силъ, недостатка способности къ ихъ развитію, онъ признаетъ весьма желательнымъ участіе женщины во всѣхъ отрасляхъ общественной жизни: оно должно привести къ пріобрѣтенію человѣчествомъ новыхъ

димы. О тѣхъ же началахъ, но уже съ иной точки зрѣнія, трактуетъ и Аристотель.

Въ наше время понятіе о человѣкѣ почти отождествляется съ понятіемъ о мужчинѣ. Самостоятельное женское начало какъ бы перестало существовать. Даже самое слово человѣкъ почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ—мужского рода. Исключеніе представляетъ языкъ высоко-культурнаго, но скромно пріютившагося на дальнемъ Сѣверѣ народа — языкъ шведскій, гдѣ человѣкъ—женскаго рода.

Если въ первые вѣка христіанской эры вопросъ о томъ, человѣкъ ли женщина, ставился ребромъ отцами церкви (напр. на соборѣ въ Маконѣ, въ 585-мъ году), то съ прогрессивнымъ развитіемъ знаній тотъ же вопросъ ставится тоньше, опираясь на данныя науки и вызывая все болѣе пламенныя нападки на женщину съ одной стороны, все болѣе горячую защиту ея, какъ человѣческой личности—съ другой. Какъ на рѣдкій, можно сказать почти небывалый послѣ Шопенгауэра и Ломброзо образецъ отрицательнаго отношенія къ женщинѣ, подкрѣпляемаго цѣлой энциклопедіей наукъ и философіи — можно указать на недавно вышедшую и въ русскомъ переводѣ книгу Отто Вейнингера: „Полъ и характеръ“, надѣлавшую немало шума въ Германіи и у насъ.

Если книга Ломброзо представляетъ обвинительный актъ противъ женщины, то книга Вейнингера, по мѣткому выраженію одного изъ ея критиковъ, есть настоящая гильотина для женщины. Несчастный авторъ, почти юноша, вскорѣ послѣ написанія своей книги покончилъ жизнь самоубійствомъ. Разрушивъ и уничтоживъ одно изъ началъ жизни, онъ, очевидно, тѣмъ самымъ разрушилъ свою жизнь, и продолженіе ея стало для него невозможнымъ.

Всѣ женоненавистническія разсужденія Вейнингера такъ же далеки отъ природы, какъ далека отъ нея вся вообще наша современная нездоровая жизнь, наполненная безчисленными суррогатами. Хотя происхожденіе труда Вейнингера многими и объясняется просто оскорбленнымъ чувствомъ юноши, разочаровавшимся въ любимой женщинѣ, но едва ли это такъ. Изъ всѣхъ біографическихъ данныхъ и замѣтокъ о Вейнингерѣ, сдѣланныхъ его близкими и друзьями, такой романической подкладки не видно. Изъ словъ его друга, д-ра Рапапорта [1]), мы, наоборотъ, узнаемъ,

[1]) Otto Weininger, „Ueber die letzen Dinge“, mit einem biograph. Vorwort von D-r Moriz Rappaport, 1907, стр. XVI.

что Вейнингеръ былъ страшно эротиченъ и только незадолго до печальной развязки началъ вести жизнь аскета. Вейнингеръ, въ полномъ смыслѣ этого слова—дитя нашего времени, и я полагаю, что его книга носитъ на себѣ характерныя для послѣдняго черты: сексуальную страстность, соединенную съ холодомъ души. У него не чувствуется ни капли состраданія къ живой женщинѣ. У Вейнингера, не смотря на блестящее дарованіе, не хватало сердца, чувства, чтобы стать въ ряду великихъ толкователей жизни. Онъ видитъ въ женскомъ началѣ лишь однѣ отрицательныя стороны, одну помѣху для освобожденія человѣка. Онъ даже предлагаетъ женщинѣ перестать быть женщиной. Для нашей практической жизни, для ея улучшенія и облегченія изъ книги Вейнингера нельзя извлечь ничего.

Такъ какъ несомнѣнно мы, современные люди, очень удалились отъ природы, а между тѣмъ *все* — и физическое, и психическое — чѣмъ мы обладаемъ, находится въ нашемъ организмѣ, слѣд. въ природѣ, и внѣ ея у насъ нѣтъ ничего,—то для того, чтобы найти по возможности правильную точку опоры въ толкованіи различныхъ свойствъ мужчины и женщины, необходимо обратиться къ даннымъ біологіи, къ анатоміи и физіологіи. Классической работой въ этой области до сихъ поръ остается книга Гавелокъ Эллиса: „Мужчина и женщина“. Изслѣдованія мозга, которыми предпочтительно занимались до изслѣдованія Эллиса, представляютъ, по его словамъ, больше условій для изученія равенства мужчины и женщины, нежели для изученія ихъ различій: отличить мужской мозгъ отъ женскаго почти невозможно. Что касается общихъ органовъ и системъ — сердца, легкихъ, пищеварительнаго аппарата, костей, мышцъ и т. п., то какихъ-либо чисто женскихъ или чисто мужскихъ органовъ или системъ не оказывается, хотя всѣ они носятъ на себѣ извѣстный отпечатокъ пола (такъ называемыя вторичныя или третичныя черты). Трудъ Эллиса, такимъ образомъ, позволяетъ намъ убѣдиться *въ единствѣ человѣческой организаціи* мужчины и женщины. Это единство особенно рельефно отражается на головномъ мозгу, являющемся носителемъ общихъ, такъ сказать нейтральныхъ человѣческихъ чертъ.

Что касается органовъ, которыми опредѣляется неоспоримое внѣшнее различіе между мужчиной и женщиной, то изслѣдованіе Эллиса ихъ не касается. Между тѣмъ изученіе и сравненіе ихъ, съ соблюденіемъ строгой параллели, является дѣломъ первосте-

и оригинальныхъ цѣнностей. У женщины и у мужчины одинаково сильно стремленіе къ индивидуальной любви — физической и духовной, — одинакова потребность въ любовномъ идеалѣ. Въ виду этого Блохъ является рѣшительнымъ сторонникомъ свободы любви и считаетъ необходимымъ замѣнить современный бракъ другимъ, легко расторжимымъ союзомъ, при чемъ не должны быть забыты обязанности по отношенію къ молодому поколѣнію. Материнство должно быть поставлено подъ покровительство и защиту общества и государства.

Идеи д-ра Блоха подкрѣпляются огромнымъ литературнымъ матеріаломъ. Онѣ могутъ считаться господствующими въ передовой группѣ современной интеллигенціи, включая и представителей соціализма. Изложеніе книги — въ высшей степени серьезное и вдумчивое. И тѣмъ не менѣе точка зрѣнія автора и развитіе его мыслей не вполнѣ удовлетворяютъ. У него не видно женщины, ея своеобразной индивидуальности. Какъ разъ въ вопросахъ любви, гдѣ несомнѣнно особенно рѣзко выдвигаются своеобразности того и другого пола, Блохъ не отмѣчаетъ почти никакихъ различій. Въ доказательство существованія безпорядочнаго сожительства половъ и въ наше культурное время — сожительства, аналогичнаго гетеризму сѣдой древности, а слѣдовательно какъ бы явленія до нѣкоторой степени естественнаго, — докторъ Блохъ говоритъ: „Если вы спросите молодого человѣка изъ высшаго круга, со сколькими женщинами онъ имѣлъ близкія отношенія въ теченіе года, и если онъ вамъ скажетъ правду, то можно поистинѣ испугаться многочисленности предметовъ его вниманія. То же самое можно услышать и отъ дѣвушки извѣстнаго круга — горничной, швеи и т. п. — относительно ежегоднаго числа ея любовниковъ“. Съ этимъ мнѣніемъ невозможно согласиться. Для дѣвушки подобное поведеніе безусловно неестественно: оно ведетъ ее къ полной гибели и грозитъ ей переходомъ въ разрядъ проститутокъ. Удержать извѣстное положеніе въ жизни, съ *ея живымъ содержаніемъ* и *смысломъ*, такой дѣвушкѣ почти невозможно, тогда какъ для мужчины аналогичное явленіе — дѣло обычное.

Дальше Блохъ приводитъ довольно много примѣровъ, какъ для мужчины, такъ и для женщины, одновременной любви къ двоимъ и даже ко многимъ, объясняя эти случаи тѣмъ, что въ одномъ лицѣ не всѣ требованія идеала могутъ быть осуществлены. Являясь, однако, рѣшительнымъ противникомъ подобной множественной одновременной любви, авторъ лишь приводитъ ее въ доказательство того, что свободная любовь является потребностью какъ мужчины, такъ и женщины.

Нивеллировка, которой въ сексуальномъ отношеніи у Блоха подвергаются мужчина и женщина (хотя онъ и говоритъ о своеобразности и даже противоположности ихъ индивидуальностей), не можетъ быть признана ни достаточно глубокой, ни достаточно естественной, и еще менѣе—исчерпывающей вопросъ. Необходимость свободы и равноправія для мужчины и женщины вытекаютъ у Блоха какъ бы изъ *извѣстной одинаковости* стремленій. Это—натяжка, такъ какъ одинаковости нѣтъ.

Правда, Блохъ разсматриваетъ любовь въ ея современныхъ тенденціяхъ, мужчину и женщину — такими, какими они представляются ему въ настоящее время. Въ его задачу не входитъ изслѣдованіе того, какіе типы намѣчены въ мужчинѣ и женщинѣ самой природой и насколько люди удалились отъ нихъ въ теченіе культурной жизни человѣчества. Блохъ не разсматриваетъ вопроса, проявляется ли въ настоящее время тенденція возвратиться къ природѣ или еще болѣе удалиться отъ нея, и что желательно: первое или послѣднее? Мы не находимъ у него ни достаточныхъ указаній для практической жизни, ни достаточнаго теоретическаго рѣшенія многихъ вопросовъ, имѣющихъ жгучій интересъ. Хочется идти дальше и искать иной точки зрѣнія, примиряющей идею равенства мужчины и женщины съ идеей яркаго ихъ различія, яркой своеобразности индивидуальностей. Въ этихъ различіяхъ чувствуется какая-то глубокая, вѣчная цѣнность, какая-то особая стихійная важность. Безъ нихъ немыслимо не только *движеніе культурной жизни*, но и господство въ ней *любви, какъ движущей силы*.

И вотъ, я позволяю себѣ предпринять смѣлое вторженіе въ тѣ области, о которыхъ написаны уже цѣлые томы, отчасти—чтобы подвергнуть критикѣ существующія въ настоящее время воззрѣнія, отчасти—чтобы представить нѣкоторыя свои соображенія по вопросу, всегда привлекавшему и волновавшему человѣчество.

Вниманіе человѣка издавна приковывалось къ удивительному сочетанію сходствъ и различій, которыя представляютъ собою мужчина и женщина. Попытки истолковать значеніе сексуальныхъ особенностей въ природѣ и человѣческой жизни относятся къ древнѣйшимъ временамъ. Эти особенности, въ образѣ началъ мужского и женскаго, активнаго и пассивнаго, лежатъ въ основѣ религіи древнихъ индусовъ. Оба начала — оплодотворяющее и плодородное—дѣйствуютъ въ природѣ и жизни и равно необхо-

пенной важности, такъ какъ къ нимъ, точно въ фокусъ, сводятся всѣ вторичныя и третичныя сексуальныя различія. Это побуждаетъ насъ особенно настойчиво искать какъ физическихъ, такъ и психическихъ различій, между мужчиной и женщиной, именно здѣсь. Въ своихъ „Этюдахъ о природѣ женщины и мужчины“ [1]) я сдѣлала попытку въ этомъ направленіи. Здѣсь же мнѣ приходится ограничиться напоминаніемъ лишь самыхъ существенныхъ чертъ и выводовъ.

Обращаясь къ анатомическому устройству обоихъ аппаратовъ, мы находимъ, что строеніе женскаго разсчитано главнымъ образомъ на воспріятіе и храненіе сексуальныхъ продуктовъ, строеніе же мужского—исключительно на вырабатываніе ихъ.

Что касается физіологическихъ данныхъ, то намъ прежде всего бросается въ глаза обширность, продолжительность и разнообразіе сексуальныхъ отправленій у женщины и бо́льшая сконцентрированность, краткость и однообразіе ихъ у мужчины. Элементъ страданія проходитъ красной нитью черезъ всю сексуальную жизнь женщины, начиная съ ея созрѣванія и кончая ея увяданіемъ. Процессъ дѣторожденія требуетъ такой огромной затраты силъ, что женщина, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, дѣлится собою съ другимъ существомъ, и эта трата, недостаточно пополняемая, способствуетъ ослабленію женскаго организма. Сила страданія можетъ быть значительно уменьшена,—образомъ жизни и искусствомъ,—но основаніе его, лежащее въ физіологическомъ нарушеніи цѣлости тканей, никогда не можетъ быть уничтожено. Это страданіе присуще женскому организму, оно вѣчно. Въ виду длительности главныхъ процессовъ женскаго организма—беременности и родовъ—можно сказать, что женщина живетъ для другого существа, тѣмъ болѣе, что природа, давъ женщинѣ возможность вскармливать новорожденнаго, тѣмъ самымъ вмѣняетъ ей это въ обязанность и долгъ. Сексуальная жизнь мужчины, несвязанная съ чувствомъ страданія, не требующая столькихъ затратъ и не возлагающая на него органически какихъ-либо обязанностей, способствуетъ лишь приращенію его силъ. Итакъ, съ точки зрѣнія природы, мужской и женскій организмы *равноцѣнны*, но не равны.

Мужчина и женщина представляютъ собою одинаковые человѣческіе организмы, въ которые вдвинуты, такъ сказать, различные сексуальные аппараты. Мужской аппаратъ принаровленъ для болѣе интенсивной эксплуатаціи силъ организма и для

[1]) 1908 г., изд. Брейтигама, въ Москвѣ.

ихъ приращенія; аппаратъ женскій, тѣснѣе спаянный со всѣмъ женскимъ организмомъ, приспособленъ для ихъ храненія. Въ мужскомъ организмѣ природою намѣченъ типъ активный, движущій, эгоистичный, въ женскомъ — типъ пассивный, охраняющій жизнь, альтруистичный. Можно ли допустить, что различія, вытекающія изъ сексуальной сферы, остаются безъ соотвѣтствующаго отраженія, какъ въ самыхъ сексуальныхъ тенденціяхъ, такъ и въ психической сферѣ мужчины и женщины? Не пашли ли бы мы удивительнымъ, еслибы женщина оказалась неизмѣримо болѣе подвижной и энергичной, чѣмъ мужчина, а мужчина имѣлъ бы больше данныхъ для терпѣнія, самоотреченія и самопожертвованія, нежели женщина?

Мы уже говорили, что женскій организмъ является страждущимъ, слѣдовательно чувствующимъ по преимуществу. Онъ волею природы со всею силою прикованъ къ впечатлѣніямъ настоящей реальной жизни. Мужскому организму легче отрываться отъ настоящаго и уноситься въ заманчивую даль будущаго, отвлеченнаго.

Неудивительно, что и представленіе о любви у мужчины и у женщины существенно различно, даже противоположно. Мужчина въ любви ищетъ величайшей радости и наслажденія для себя; женщина же видитъ радость и наслажденіе въ возможности дать все это любимому человѣку, въ возможности жить для другого существа. Мужчина радостно беретъ, но легко готовъ покинуть предметъ своей радости; женщина даетъ и не желаетъ быть покинутой. Разсуждая о любви, мужчина и женщина большею частью говорятъ на совершенно различныхъ языкахъ.

Женщина не можетъ, наравнѣ съ мужчиной, считать движеніе своей стихіей. Она не можетъ поэтому вмѣстѣ съ мужчиной „смотрѣть на жизнь черезъ призму движенія“ (Энгельсъ). Она не можетъ, вмѣстѣ съ нимъ, сказать, что „всякій мыслящій человѣкъ живетъ болѣе будущимъ, чѣмъ настоящимъ“, и что „то, чѣмъ грозитъ или обѣщаетъ ему будущее, интересуетъ его больше, чѣмъ мгновенныя наслажденія настоящаго“ (Каутскій), ибо будущее для женщины блѣднѣетъ передъ всей силой ея настоящаго; страдая и созидая человѣка, женщина творитъ самый объектъ реальной настоящей жизни.

Словомъ, душевная жизнь женщины,—если послѣдняя вполнѣ искренна и *не оторвана отъ дѣйствительности*, — не можетъ быть тожественной съ душевной жизнью мужчины. Скажу болѣе: и не должна быть тожественной, потому что женщина имѣетъ

полное основаніе признать себя человѣческой индивидуальностью, значеніе которой и роль въ жизни были и будутъ совершенно своеобразны.

Разсматривая мужской и женскій организмы въ ихъ взаимодѣйствіи, нельзя не признать, что противоположность ихъ сексуальныхъ функцій и вытекающихъ отсюда тенденцій, соединенныя съ влеченіемъ мужчины и женщины другъ къ другу, дѣлаютъ конфликтъ между ними на психо-физіологической почвѣ совершенно неизбѣжнымъ. И этотъ конфликтъ вытекаетъ изъ природы вещей, независимо отъ какого бы то ни было общественнаго строя, экономическаго положенія и т. д. Каждый полъ желаетъ взять отъ другого *свое, разное*. И лишь взявши это *свое, разное*, каждая человѣческая индивидуальность полностью *осуществляетъ себя*, достигаетъ цѣльнаго конечнаго развитія. Создавая конфликтъ, противоположныя особенности половъ создаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и жизнь, для которой контрасты необходимы.

Здоровая человѣческая жизнь возможна лишь при условіи, если контрасты не переходятъ извѣстныхъ, допустимыхъ границъ. Въ противномъ случаѣ они становятся гибельными для самой жизни. Противоположности сглаживаются при постепенномъ развитіи въ каждомъ полѣ нейтральныхъ чертъ человѣчности, при проникновеніи въ каждое существо качествъ противоположнаго пола.

Такимъ образомъ мы возвращаемся къ представленію о жизни, какъ о борьбѣ двухъ началъ—активнаго и пассивнаго, динамическаго и статическаго, изъ которыхъ одно постоянно стремится слиться съ другимъ.

Стремленіе мужчины внѣшнимъ образомъ подчинить себѣ женщину, женщины — овладѣть мужчиной внутренно, это двойственное отношеніе, это постоянное отталкиванье и притяженіе, съ чутьемъ художника уловлены Кнутомъ Гамсуномъ во многихъ его произведеніяхъ. Въ романахъ „Панъ“ и „Мистеріи“ онъ рисуетъ мужчину возмущеннымъ своими цѣпями, старающимся разорвать мучительныя узы любви. Мужчина какъ бы мститъ любимой женщинѣ за свое порабощеніе, его мужественность возмущается противъ женщины, но въ концѣ концовъ онъ продолжаетъ ее любить. Такъ въ „Панѣ“ Гланъ не разъ оскорбляетъ Эдварду, Нагель въ „Мистеріяхъ“—свою Дагни, но оба остаются рабами своихъ возлюбленныхъ.

Мужчина сдѣлался тѣмъ, что онъ есть, въ значительной степени благодаря своей сексуальной жизни, на которую онъ

всегда могъ смотрѣть свободно и легко. Изъ нея онъ черпалъ чувство жизнерадостности, свободы и мощи, сознаніе удали и смѣлости. Женщина, являвшаяся первымъ и постояннымъ объектомъ побѣдъ мужчины и предметомъ его желаній, служила для него постояннымъ объектомъ сравненія и усиливала тѣмъ самымъ его чувство превосходства и сознанія собственнаго достоинства. Такимъ образомъ *мужской типъ* въ значительной степени *развивался на счетъ женскаго*. Отсюда специфическая *мужественность*, неразрывно связанная съ представленіемъ о побѣдоносности. И мужчина съ высоко поднятой головой побѣдителя обращается къ внѣшнему міру и побѣждаетъ его.

Развиваясь въ значительной степени на счетъ женщины, мужчина находился въ естественныхъ для него условіяхъ; но вполнѣ естественно было и то, что многія стороны мужественности имѣли на женщину отрицательное, подавляющее вліяніе, развивая въ ней боязливость, неувѣренность въ себѣ, сознаніе своей слабости. Материнство насаждало въ женской нервной системѣ нѣжность, сочувствіе къ слабымъ, состраданіе, терпѣніе и массу другихъ консервативныхъ и альтруистическихъ чувствъ.

Если мужчина развивался на счетъ женщины, то женщина развивалась на счетъ внутреннихъ процессовъ, происходившихъ въ ней самой въ цѣляхъ созиданія и охраненія новой жизни. Такимъ образомъ и дальнѣйшее развитіе женскаго типа происходило иначе, нежели развитіе типа мужского. Женщина пассивно отчеканивала въ своей нервной системѣ монеты альтруизма, которыя затѣмъ, путемъ наслѣдственности, шли въ общій оборотъ человѣческой жизни. И какъ бы могъ альтруизмъ возникнуть, развиться и окрѣпнуть, если не путемъ реальныхъ страданій за жизнь другого существа, путемъ кровной жертвы для него? Въ мужской же нервной системѣ отчеканивались иниціатива и сила, путемъ наслѣдственности также входившія въ общую сокровищницу человѣчества. Благодаря наслѣдственности постоянно наступало и наступаетъ смѣшеніе качествъ, пріобрѣтаемыхъ мужчиной и женщиной, примиреніе ихъ въ осуществленіи человѣка. Лишь благодаря раздѣльности половъ стало возможнымъ развитіе психической жизни, ибо, какъ прекрасно говоритъ Каутскій, самецъ, ища самку, научается познавать, двигаться, изощряться, бороться, а самка—воспринимать, хранить, носить, строить гнѣздо, высиживать яйца и т. п.

Остановимся теперь на вопросѣ, какимъ образомъ различіе сексуальныхъ тенденцій отражается на ходѣ самой жизни, ка-

кое вліяніе имѣютъ онѣ на движеніе человѣчества по пути культуры? Для этого вновь приходится намъ заглянуть въ книгу неисчерпаемыхъ богатствъ природы.

Въ природѣ все направлено къ продолженію и поддержанію жизни. Съ этой точки зрѣнія пріемъ пищи, забота о пропитаніи является функціей служебной. Въ то время какъ животныя ежедневно и съ самаго ранняго возраста уже заняты добываніемъ себѣ пищи, ихъ пора любви, вся поэзія, на какую они способны, наступаетъ лишь съ полнымъ развитіемъ ихъ организма и въ большинствѣ случаевъ—у крупныхъ млекопитающихъ, въ дикомъ состояніи—не болѣе одного раза въ годъ. Періодъ этотъ начинается съ созрѣванія самокъ, которое въ природѣ пріурочено къ такому времени года, чтобы рожденіе на свѣтъ дѣтенышей совпадало съ наибольшимъ наличнымъ количествомъ корма. Разъ наступило оплодотвореніе, самки не допускаютъ къ себѣ болѣе самцовъ. И это продолжается въ теченіе всего періода времени, какой необходимъ для созиданія новаго существа и, слѣдовательно, для закрѣпленія, путемъ наслѣдственности, всѣхъ уже бывшихъ и пріобрѣтенныхъ особенностей родителей.

Есть указанія, что и у человѣка, на зарѣ его исторической жизни, существовали подобные же сезоны парованія, сопровождавшіеся особеннымъ оживленіемъ и религіозными празднествами. Стремленіе къ возможно бо̀льшему удовлетворенію, какъ въ мірѣ животныхъ, такъ и въ мірѣ человѣческомъ, было характерно для существъ мужского пола. Цѣлесообразность функціи всегда поэтому стояла на границѣ съ злоупотребленіемъ. И лишь только человѣкъ высвободился изъ-подъ исключительности біологическихъ законовъ, фактъ сближенія половъ изъ факта біологическаго сдѣлался фактомъ соціальнымъ. Такъ началось ритмическое движеніе человѣческой жизни, ускореніе ея темпа. И это стало возможнымъ съ открытіемъ огня, который сдѣлалъ человѣка независимымъ отъ перемѣнъ температуры, опасныхъ для его потомства. Любовь у человѣка оказалась въ зависимости отъ тепла, а не отъ изобилія корма, какъ это мы видимъ для животныхъ въ природѣ. Явилась раса, способная размножаться во всякое время года. Физическая плодовитость человѣка возросла. Это возрастаніе плодовитости, усиливая мужчину, стало роковымъ для женщины. Женщина очутилась постепенно въ томъ подчиненномъ положеніи, какое она занимаетъ въ настоящее время.

Я не буду вдаваться здѣсь въ разсмотрѣніе того, какую роль во всѣхъ стадіяхъ развитія человѣчества играло возникновеніе и укрѣпленіе частной собственности. Тема эта настолько разра-

ботана въ современной литературѣ, что не нуждается въ повтореніяхъ. Замѣчу только, что уже въ условіяхъ сексуальной жизни лежали причины побѣды мужчины надъ женщиной. Развитіе собственности способствовало лишь развитію и укрѣпленію формъ жизни по направленію индивидуальныхъ тенденцій.

Хотя страдательная роль и соотвѣтствовала природному типу женщины, но не чувствовать своихъ страданій женщина не могла. Она терпѣла ихъ лишь до тѣхъ поръ, пока контрасты жизни не переходили извѣстныхъ предѣловъ, пока они не нарушали самыхъ глубокихъ основъ женской жизни. Въ то время, какъ огромная волна, движущая жизнью, проносилась по соціальному міру отъ мужчины къ женщинѣ, эта послѣдняя должна была отдаваться своему собственному пассивному періодическому ритму, идущему вглубь ея организма, вглубь новой человѣческой жизни: она должна была носить и рождать въ естественныхъ страданіяхъ и воспитывать своего ребенка, иными словами — физически и духовно передавать ему все то, что постепенно пріобрѣталось человѣкомъ. Такимъ образомъ женщина въ тиши совершала малопримѣтную, но значительную и полную эмоціональности культурную работу. Съ огнемъ очага она хранила и тепло жизни. Какъ у самокъ материнскій инстинктъ, такъ у женщины любовь матери возникаютъ всего раньше. Первые шаги по направленію къ духовной жизни дѣлаетъ женщина. Она обладаетъ уже развитой эмоціональностью, когда мужчина еще погруженъ во мракъ животности. И нѣтъ ничего удивительнаго, что въ подобный періодъ времени женщина господствовала: это было время матріархата. На роли отца въ произведеніи дѣтей тогда еще мало останавливалась мысль. Женщина являлась носительницей тайны жизни и родоначальницей племени. Въ то время и физическими своими силами она могла помѣриться съ мужчиной. Для мужчины она была божествомъ, добрымъ или злымъ, смотря по обстоятельствамъ, воплощеніемъ его перваго представленія о красотѣ. Онъ преклонялся передъ даромъ предвидѣнія женщины и боялся ея. На этой стадіи жизни все духовное достояніе человѣка исчерпывается *материнской любовью.* Любовь эта ложится въ основу первобытной общественности, правового порядка и религіи.

Но въ индивидуальности мужчины скрывались задатки безпредѣльной энергіи и иниціативы, которые онъ и вносилъ въ продолжавшуюся борьбу половъ. Какъ заманчива и полна значительности должна была казаться мужчинѣ побѣда надъ женщиной именно въ то время, когда она господствовала какъ

высшее существо! И мужчина всѣми силами стремился побѣдить женщину, домогаясь ея близости. Только страданія женщины ставили ему извѣстный предѣлъ. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ близостью къ женщинѣ въ мужчину входило нѣчто постороннее, чуждое его природѣ — состраданіе къ слабымъ, сознаніе долга передъ своими дѣтьми. Общеніе съ женщиной побуждало мужчину не только брать отъ нея радость, но и дѣлить съ нею ея страданія. Наглядную картину того, какъ мужчина свое отцовство перенималъ отъ женщины, представляетъ обычай такъ называемой кувады, черезъ который прошли многія первобытныя племена. Такъ проникли въ міръ понятія объ обязанностяхъ, намѣченныя природой лишь въ женскомъ организмѣ.

Возникновеніе патріархата является эпохой въ исторіи женщины. Это было первое явное ея пораженіе, неизбѣжное въ интересахъ развитія человѣчности. Прежняя семья была неполна; теперь она обогатилась отцомъ и стала законченной. Создавалась болѣе интимная близость мужчины съ женщиной. Въ обособленной и защищенной отъ внѣшняго міра ячейкѣ успѣшнѣе могла развиваться болѣе слабая личность женщины. Подчиняясь мужчинѣ внѣшнимъ образомъ, женщина получала возможность внутренно подчинять его себѣ. Такимъ образомъ въ семьѣ женщина получала *свое, разное.*

Бракъ и семья были несомнѣнной уступкой женщинѣ и дѣтямъ, т.-е. слабѣйшимъ. Установленія эти сопровождались значительнымъ обремененіемъ мужчины, ограниченіемъ его сексуальной свободы и свободы вообще. Мужчина склоненъ былъ жестоко мстить женщинѣ за эти уступки, за навязанныя ему обязанности. Онъ оставилъ за собою право жизни и смерти надъ женщиной и членами своей семьи и широко пользовался своею властью. И лишь христіанство, съ его требованіями цѣломудрія и моногамическаго брака, явилось новою поддержкою для женщины и наложило на мужчину болѣе суровую узду. Выставивъ запретъ, энергичное противодѣйствіе стихійному инстинкту, особенно сильно бушевавшему въ мужчинѣ, оно сдерживало его, не давало ему растрачиваться и, концентрируя его силы, позволило ему подвигаться впередъ по ихъ равнодѣйствующей. Отсюда для мужчины возможность достигнуть того высокаго духовнаго развитія, въ какомъ мы его застаемъ въ настоящее время; отсюда для него возможность успѣшной борьбы съ слѣпымъ инстинктомъ, противъ котораго безсильно даже чувство самосохраненія.

За семьей явились и первые зачатки государственности.

Необходимость защиты государства выдвигала все болѣе значеніе мужчины. Конечно, для нормальнаго развитія жизни необходима была гармонія между движущими стремленіями мужчины и охраняющими стремленіями женщины. Но мужчина естественно бралъ верхъ и жизнь складывалась согласно съ велѣніями его собственной природы. Подчинивъ женщину, мужчина овладѣлъ законами сексуальной жизни. Неудивительно, что развитіе формъ общественности, оставаясь болѣе или менѣе естественнымъ для мужчины, очень скоро стало въ высокой степени противоестественнымъ для женщины. Жизнь пріобрѣтала все болѣе и болѣе характеръ *мужского уклада*, изъ котораго женское начало постепенно вытѣснялось, а сама женщина все больше и больше становилась *средствомъ, а не цѣлью*. Активный ритмъ жизни ускорялся на счетъ пассивнаго ритма, на счетъ женской жизни.

Въ древности, при чрезвычайно мало еще развитомъ движеніи жизни, каждый мужчина, попадавшій къ другому племени, находилъ тамъ не только гостепріимный кровъ, но и жену, дочь, сестру хозяина, вообще какую-либо изъ женщинъ хозяйской семьи, которую предлагали къ услугамъ гостя. Обычай этотъ — такъ называемая *гостепріимная проституція* — былъ взаименъ между племенами и, понятно, могъ держаться лишь до тѣхъ поръ, пока гости были рѣдки, т.-е. пока движеніе жизни было слабо. Когда онъ сдѣлался обременительнымъ для семьи, мужчина-чужестранецъ началъ пользоваться случайно попадавшимися ему дѣвушками и женщинами. Такъ образовалась оторванная отъ жизни группа женщинъ, численность которыхъ возрастала вмѣстѣ съ движеніемъ жизни.

Эти женщины, являвшіяся воочію жертвами мужского уклада, результатомъ развитія мужчины на счетъ женщины, будучи лишь средствомъ, а не цѣлью, всегда представляли явленіе ненормальное, явленіе физическаго и нравственнаго разрушенія. Подобно живому трупу, онѣ наводили ужасъ и отвращеніе на людей живыхъ и непосредственно чувствующихъ, особенно на женщинъ. Вся ненормальность подобнаго явленія особенно рѣзко бросалась въ глаза въ то время, когда статика жизни была преобладающей. Мужчина платилъ презрѣніемъ за свое подчиненіе этимъ женщинамъ. Онѣ были живымъ противорѣчіемъ развивавшейся въ немъ человѣчности, постояннымъ для него укоромъ. У Бодлэра („Fleurs du mal“) мы находимъ сильное стихотвореніе „Le vampire“, въ которомъ выражается „сознаніе прико-

Словомъ, отброшены всѣ лучшія чувства женщины, какъ ненужныя и смѣшныя. Отброшено понятіе о грѣхѣ противъ женщины. Послѣднее сдерживающее начало устранялось: плотина прорвалась и мутный потокъ проституціи началъ стремительно наводнять жизнь.

Сто лѣтъ прошло во Франціи послѣ введенія регламентаціи. Допущенный принципъ униженія женщины сталъ постепенно распространяться. И совершенно естественно, что женщина, сбитая со всѣхъ своихъ позицій, должна была приспособиться къ требованіямъ мужского уклада. Потокъ женской жизни устремился по намѣчаемому мужчиной руслу. Постепенно женщина отбросила ненужное материнство, отбросила ненужныя обязанности. Она отказалась отъ своего женскаго, охраняющаго жизнь инстинкта и уподобила его мужскому, разрушающему. Съ торжествомъ сексуальныхъ тенденцій мужчины, женщина-мать превращалась въ женщину веселья и страстей. Наступало торжество мужской любви надъ женской.

Все вышесказанное съ особенной яркостью отражается на жизни французовъ, главнымъ образомъ на жизни Парижа, начиная съ вывѣсокъ магазиновъ и крайностей женскихъ модъ, кончая характернымъ французскимъ ménage à trois, зрѣлищами, театрами, литературой... Достаточно припомнить одного Бодлэра, съ его гимномъ безплодію и отвращеніемъ къ материнству, ко всѣмъ такъ называемымъ hideurs de la fécondité, чтобы въ значительной мѣрѣ охарактеризовать теченіе современной французской литературы.

Georges Méran въ своей книгѣ [1]) говоритъ, что „проституція насъ уже больше не возмущаетъ; она не только возрасла безъ удержа, но вошла въ наши нравы, наши привычки, акклиматизировалась и пріобрѣла право гражданства“. И далѣе: „нравы нашего времени видоизмѣняются въ смыслѣ благопріятномъ для всевозможныхъ проституцій — регламентированныхъ или тайныхъ“.

Если кому-нибудь покажется преувеличеннымъ такое вліяніе мужчины и мужского уклада на женщину, тотъ пусть припомнитъ, что все внѣшнее женщина получаетъ обыкновенно изъ рукъ мужчины. Подъ напоромъ мужской энергіи рушатся скалы, видоизмѣняется вся земная кора, привлекается на землю энергія съ другихъ космическихъ тѣлъ. Есть ли что-либо на землѣ, что могло бы устоять противъ этой мужской мощи? Какъ же могла устоять противъ нея женщина... женщина, которая любила муж-

[1]) „La natalité en France“, 1906, стр. 87—88—92.

чину и для которой давать ему радость и счастіе было постояннымъ стремленіемъ?..

Въ борьбѣ половъ во Франціи женщина оказалась не только побѣжденной, но и совершенно разбитой. Извѣстно страшное паденіе рождаемости во Франціи. И вотъ, тревога охватила французское общество, государственныхъ людей, ученыхъ, врачей, юристовъ. Многочисленныя общества и коммиссіи заняты какъ изученіемъ причинъ все возрастающаго зла, такъ и выработкой мѣръ къ его пресѣченію. За короткое время образовалась огромная литература по этому предмету. Я не стану вдаваться въ подробности, но упомяну объ одной чрезвычайно оригинальной мѣрѣ, придуманной простымъ обывателемъ, нѣкоимъ Lantier. Онъ подалъ во французскую палату депутатовъ прошеніе, въ которомъ предлагаетъ не наказывать женщинъ, осужденныхъ за умерщвленіе своихъ дѣтей, а обязывать ихъ вмѣсто того родить еще одного, двухъ или трехъ другихъ дѣтей. Коммиссія, которой поручено разсматривать поступающія въ палату прошенія, повидимому нашла въ проектѣ Lantier нѣчто заслуживающее вниманія, ибо передала его на обсужденіе министру внутреннихъ дѣлъ. Какъ ни странно и ни наивно предложеніе Lantier, но все же въ немъ болѣе здраваго смысла, чѣмъ въ многихъ другихъ, идущихъ отъ людей ученыхъ. Такъ напр., д-ръ Бертильонъ совѣтуетъ противодѣйствовать обычаю супруговъ спать на отдѣльныхъ кроватяхъ; юристъ Antoine Wylm совѣтуетъ ввести многоженство, чтобы не только повысить рождаемость, но и дать возможность воспользоваться хотя бы раздѣленной любовью многимъ женщинамъ, занимающимся самостоятельными профессіями—женщинамъ, передъ которыми онъ разсыпается въ увѣреніяхъ высокаго къ нимъ уваженія! О необходимости отмѣнить запретъ исканія отца до самаго послѣдняго времени раздавались лишь слабые голоса. А между тѣмъ Франціи теперь не остается ничего другого, какъ всѣми зависящими отъ государства способами поддерживать материнство, т.-е. дать перевѣсъ охраняющему жизнь инстинкту надъ слѣпымъ разрушающимъ инстинктомъ мужчины, а также укрѣпить женщину въ правахъ человѣка.

Тенденціи мужского уклада, получившаго полный расцвѣтъ одновременно съ торжествомъ капитализма, господствуютъ съ большей или меньшей силой и въ другихъ европейскихъ странахъ. Повсюду пульсъ жизни непомѣрно ускоряется, повсюду страшно растетъ проституція. Повсюду замѣчаются и характерныя черты въ литературѣ, съ ея культомъ тѣла и чувственности и проскальзывающимъ отвращеніемъ къ материнству.

ванности мужчины къ трупу", не смотря на стремленіе его къ свободѣ.

Съ усиленіемъ жизненной динамики численность этихъ женщинъ все возрастала. Такъ постепенно, вмѣстѣ съ тѣмъ, возбуждающее и, прибавлю, нездоровое вліяніе женщины пріобрѣтало перевѣсъ надъ сдерживающимъ.

Этими женщинами, ихъ страшной численностью, обусловливается безумная быстрота современной жизни. Лишь присутствіе этихъ женщинъ всюду позволяетъ мужчинѣ вести безчисленныя дѣла и предпріятія вдали отъ дома, семьи или даже совсѣмъ не обзаводиться семьею. Но изъ-за этихъ же женщинъ возникло и развилось, наконецъ, все бо̀льшее и бо̀льшее отпаденіе мужчины отъ женщины, отпаденіе, соединенное съ презрительнымъ отношеніемъ и равнодушіемъ къ ней. Женщина полностью, женщина-мать стала мужчинѣ ненужна. Можно смѣло говорить о наступившей эмансипаціи *мужчины отъ женщины*, предшествовавшей стремленію къ эмансипаціи самой женщины. Оторванность женщины отъ жизни страшно и быстро увеличивалась. Все болѣе и болѣе обособлялись три категоріи женщинъ, которыми нынѣ опредѣляется ихъ положеніе: дѣвицъ, выпавшихъ совершенно изъ естественнаго ритма жизни; падшихъ, участвующихъ въ немъ лишь собственнымъ разрушеніемъ, и наконецъ женщинъ семейныхъ, расплачивающихся за всѣ ненормальности жизни безконечными болѣзнями.

Если прибавить ко всему этому почти полную беззащитность женщины въ мужскомъ укладѣ, который, естественно, въ вопросахъ борьбы половъ разрѣшалъ узаконеніями всѣ возможные конфликты въ пользу мужчины, ограничиваясь простымъ запретомъ для женщины, то безвыходное положеніе, въ какое были поставлены послѣднія, становится вполнѣ очевиднымъ. Достаточно припомнить всѣ мѣры, которыми карались женщины за такъ называемое „паденіе". Въ Нюрнбергѣ еще и теперь въ музеѣ показывается сохраняющееся тамъ орудіе пытки, такъ называемая „желѣзная дѣва". Оно состоитъ изъ двухъ зажимающихся половинъ, въ которыя ущемлялась забеременѣвшая дѣвушка и задавливалась на смерть. Какъ на образецъ мѣръ, примѣнявшихся къ согрѣшившимъ женщинамъ, можно также указать на предписанія эдикта короля французскаго Генриха II, изданнаго въ 1556-мъ году. По этому эдикту каждая дѣвушка, вдова или одинокая женщина, въ случаѣ если она забеременѣла, должна была немедленно заявить о томъ представителю мѣстной власти. Когда беременность приходила къ концу и наступали

роды, она должна была тотчасъ же позвать къ себѣ двухъ повивальныхъ бабокъ, которыя въ то время были мегерами, занимавшимися не только повивальнымъ дѣломъ, но и составленіемъ ядовъ, любовныхъ напитковъ и т. п. Кромѣ того роженица должна была увѣдомить о наступленіи родовъ представителя мѣстной власти, который, взявъ съ собою секретаря и двухъ свидѣтелей, долженъ былъ отправиться на домъ къ роженицѣ и присутствовать при родахъ. Въ моментъ наивысшихъ болей, когда ребенокъ долженъ былъ уже покинуть тѣло несчастной, эта послѣдняя должна была подъ клятвой назвать имя отца ребенка. Тогда обо всемъ составлялся протоколъ, который, если родильница была въ силахъ, какъ гласилъ эдиктъ, она сама должна была подписать. Эдиктъ этотъ еще въ XVIII-мъ столѣтіи нашелъ новое подтвержденіе въ указѣ Людовика XIV. Правда, все это дѣлалось главнымъ образомъ для того, чтобы имѣть возможность окрестить ребенка, но весь ужасъ положенія обрушивался лишь на женщину, мужчина же оставался въ сторонѣ. Въ эдиктѣ о немъ не сказано ни слова.

Неудивительно, что неимовѣрныя страданія женщины заставили ее, несмотря на всю ея пассивность, искать выхода. Когда мощная волна освободительнаго движенія пронеслась по Франціи, женщины съ надеждой отчаянія бросились требовать правъ для себя—права на защиту, права на трудъ, права голоса. Имъ отвѣчали галантными фразами. Извѣстны слова прокурора парижской коммуны Шометта: „Безразсудныя женщины! Зачѣмъ хотите вы сдѣлаться мужчинами? Законодатели, судьи у ногъ вашихъ. Что нужно вамъ еще?..“ Въ 1802-мъ году на вопли женщинъ отвѣтили регламентаціей проституціи. Въ 1810-мъ году женщинамъ отвѣтили нынѣ дѣйствующимъ кодексомъ Наполеона I, съ его знаменитымъ запретомъ искать отца, съ его наказаніями смертной казнью и каторгой всякой женщинѣ, совершившей, подъ гнетомъ стыда или страха, дѣтоубійство. Замѣчательно, что запретъ искать отца былъ введенъ, какъ гласитъ его мотивировка, „во избѣжаніе скандальныхъ процессовъ, могущихъ бросить тѣнь на гражданина, состарившагося въ добродѣтели“...

Регламентація проституціи представляетъ вторую и уже роковую эпоху въ жизни женщины. Это уже полная побѣда мужского уклада надъ женщиной. Отброшенъ былъ женскій стыдъ, отброшенъ женскій ужасъ передъ проституціей, отброшены робкія опасенія матери за своего сына, за своего чистаго мальчика...

Если, далѣе, припомнить, что изъ массы женщинъ, попадающихъ въ проституцію, огромный процентъ начинаетъ любовью, довѣрчивой и чистой, которая потомъ вырывается изъ ихъ сердецъ и затаптывается въ грязь, не достигая своего полнаго расцвѣта въ нормальномъ материнствѣ—а съ другой стороны, что отношенія, которыя у человѣка должны быть связаны съ величайшей эмоціональностью, выполняются механически, съ полнымъ взаимнымъ равнодушіемъ,—то станетъ вполнѣ очевиднымъ, что въ проституціи мы имѣемъ не только систематическое разрушеніе женщинъ, но и истребленіе чувства любви, вообще эмоціональности жизни. Вмѣстѣ съ ростомъ проституціи растетъ холодъ человѣческой души. На ряду съ этимъ страшно распространяются сифилисъ и венерическія болѣзни, извращаются дѣти, увеличивается вырожденіе, нервность и другіе бичи человѣчества. Наконецъ, поднимается вопросъ о необходимости требовать отъ мужчины воздержанія; возникаетъ сексуальный вопросъ.

Вырожденіе знаменуетъ собою разрушеніе человѣческаго типа, отвращеніе къ материнству—разложеніе типа женщины. Очевидно, что пути, по которымъ до сихъ поръ шло развитіе мужественности и женственности, въ достаточной мѣрѣ исчерпаны; мужской и женскій типы дошли до своихъ крайнихъ предѣловъ. Поворотъ необходимъ.

И вотъ, совершенно стихійно поднимается волна женскаго движенія. Его никакъ нельзя считать дѣломъ рукъ какой-то кучки психопатокъ, какъ это думаетъ знаменитый клиницистъ Мебіусъ. Въ наше время женское движеніе есть не только историческая, но біологическая необходимость. Это—реакція на существующія крайности, на нарушеніе равновѣсія жизни, угрожающее ея существованію. Это—крикъ о самосохраненіи женщины.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ безумномъ бѣгѣ впередъ, въ безумной тратѣ силъ, составляющей характерную черту индивидуальности мужчины и современной жизни и угрожающей человѣчеству банкротствомъ, женщина поднимается, и поднимается стихійно, чувствуя необходимость внести въ жизнь нѣчто свое. Шаги ея робки, она идетъ ощупью, она не всегда разбирается во всѣхъ наплывающихъ на нее чувствахъ и мысляхъ, идеалы ея смутны, какъ это бываетъ во всякомъ возникающемъ соціальномъ движеніи. Но задача у нея несомнѣнно иная, нежели у мужчины.

Природа возложила на женщину огромную задачу, физическую и духовную — созиданіе человѣка. Для выполненія этой задачи необходимо, безъ сомнѣнія, и мѣсто, и время; необходимо, слѣдовательно, не одно безостановочное движеніе впередъ, уподобляю-

щееся наконецъ какому-то вихрю. Съ другой стороны, для развитія дѣтской души и характера нужна значительная доза статики въ условіяхъ окружающей жизни, должно быть нѣчто опредѣленное, устойчивое, не подлежащее вѣчнымъ колебаніямъ и измѣненіямъ, словомъ — прочное, ясно сознанное настоящее, съ его правами, нисколько не меньшими, нежели права будущаго.

Именно теперь, когда почти всѣ сознали необходимость полнаго и всеобщаго мира, когда подчинены, до извѣстной степени, грозныя силы природы, когда укрощены дикіе звѣри, когда физическая сила утратила свою цѣнность, когда человѣчество получило уже мощный, огромный толчокъ впередъ—именно теперь очищается арена дѣятельности для женщины, со всѣми присущими ей индивидуальными особенностями. Въ борьбѣ за индивидуальность до сихъ поръ одерживалъ верхъ мужчина; вся соціальная жизнь приняла односторонній мужской характеръ. Теперь настала очередь женщинъ внести въ жизнь извѣстную поправку. Роль женщины опредѣлилась; настало время оберегать то, что вложено въ человѣческую жизнь самой природой, что составляетъ ея вѣчную цѣнность и оторваться отъ чего значитъ погибнуть! Какъ бы ни совершенствовался и ни измѣнялся въ дальнѣйшемъ теченіи времени человѣкъ — типъ и образъ человѣческій онъ долженъ во всякомъ случаѣ сохранить. Сохраненіе въ человѣческой жизни имѣетъ особенную цѣнность, и она будетъ расти, по мѣрѣ растраты запаса данныхъ человѣку силъ и природныхъ богатствъ. Образцами подобнаго сохраненія уже и теперь являются все возрастающія въ численности установленія защиты женщинъ и дѣтей, а также обереганія естественныхъ богатствъ — лѣсовъ, рыбы, дичи и т. п. Насколько цѣнно безпощадно истребляемое въ жизни чувство и насколько слаба сдерживающая сила разума, хотя бы и развитаго, видно, напр., по тѣмъ необычайнымъ преступленіямъ, свидѣтелями которыхъ мы дѣлаемся теперь все чаще и чаще. Различныя ненормальности констатируются такъ часто, что даже является вопросъ: что̀ слѣдуетъ считать собственно нормальнымъ?

До сихъ поръ соціальное значеніе женщины заключалось главнымъ образомъ въ ея пассивной силѣ, сдерживавшей и обуздывавшей мужчину. Стоя безсознательно на сторонѣ нравственности, женщина безсознательно же оберегала родъ человѣческій отъ гибели. Насколько была велика необходимость въ подобномъ сдерживающемъ началѣ, видно и изъ того запрета, ко-

торый мужчина наложилъ, въ вопросѣ половой жизни, на женщину: онъ, несомнѣнно, вполнѣ безсознательно хотѣлъ усилить сдерживающую силу. Съ ростомъ человѣческаго сознанія запретъ утрачиваетъ свои смыслъ и значеніе, но присущее женщинѣ сдерживающее начало должно сознательно и активно проникать въ жизнь, охраняя ея чистоту. Лишь страданіе облагораживаетъ жизнь, дѣлаетъ ее значительной и глубокой. Въ любви, движущей жизнью, женщина является его представительницей; ея страданія вѣчны, будущее не въ силахъ ихъ уничтожить. И жизнь должна признать эти страданія и преклониться передъ ними, признать материнство.

Въ настоящее время борьба половъ съ индивидуальной почвы переносится на арену общественную, являя собою то, что мы называемъ женскимъ движеніемъ. И въ прежнія историческія эпохи наблюдался подобный переходъ; тѣмъ болѣе понятенъ онъ въ наше время, при нашей развитой общественности. Но какъ прежде, такъ и теперь женское движеніе имѣло и имѣетъ одну вѣчную задачу, одну цѣль: осуществленіе всей полноты человѣческой жизни, т.-е. проникновеніе не только женскаго начала мужскимъ, но и мужского—женскимъ.

Здѣсь невольно рождается вопросъ: можетъ ли женщина бороться и надѣяться на успѣхъ, когда она почти всецѣло находится во власти мужчины?

Нѣтъ сомнѣнія, что одна, безъ содѣйствія мужчины, женщина не достигнетъ ничего. Полная сознательность есть одна изъ непосредственныхъ задачъ женскаго движенія. Его смыслъ долженъ быть женщиной правильно истолкованъ, и тогда мужчина сдѣлается его горячимъ поборникомъ. Если при быломъ невѣжествѣ и грубости мужчина издавалъ законы, подчиняющіе и подавляющіе женщину, то при дальнѣйшемъ развитіи самосознанія мужчина пойметъ необходимость законовъ, поднимающихъ человѣческое достоинство женщинъ и защищающихъ ея индивидуальность отъ искаженія и подавленія. Если инстинктъ мужчины, направленный на женщинъ, слѣпъ и непреоборимъ, то женщина должна быть защищена и ограждена отъ него, какъ отъ вещества огнеопаснаго.

Если теперь женщина почувствовала необходимость высвободиться изъ наложенныхъ на нее оковъ, то она обязана этимъ стремленіемъ не только своему собственному проснувшемуся въ ней самосознанію, но и условіямъ жизни, при которыхъ воз-

можно ея освобожденіе. Надъ созиданіемъ этихъ условій споконъ вѣка трудился мужчина. Онъ пойдетъ, конечно, и далѣе, сознавъ необходимость охраненія жизни и ту вѣчную роль, которую въ этомъ отношеніи играетъ женщина.

Грядущій строй, обѣщая каждому возможно полное существованіе, расширяя русло жизни, обѣщаетъ тѣмъ самымъ замедленіе жизненнаго темпа. Новыя научно-философскія теченія мысли, идущія къ намъ съ Запада—эмпиріокритицизмъ и новѣйшій пантеизмъ—выдвигаютъ цѣнность настоящаго, реальнаго, цѣнность всего живого, вытѣсняя старое механическое воззрѣніе на жизнь. Аналогичныя вѣянія мы замѣчаемъ и въ новѣйшей литературѣ, которая стремится обратить вниманіе усталаго современнаго человѣка на вѣчную цѣнность непосредственной, окружающей насъ жизни... Все это—теченія, благопріятствующія развитію въ будущемъ женской личности.

Я пыталась дать очеркъ, хотя и очень несовершенный, человѣческой жизни въ ея постоянномъ ритмическомъ движеніи, въ ея зависимости отъ чувства любви, физической и духовной. Я пыталась также разобрать, какую роль въ развитіи этого всеобъемлющаго чувства играютъ особенности половъ вообще и, въ частности, особенности женщины. Человѣческая жизнь, какъ и всѣ явленія природы, неразрывно связана съ извѣстнымъ закономъ періодичности. Она является результатомъ взаимодѣйствія двухъ силъ, дѣятельной и сдерживающей. И жизнь съ ея періодичностью существуетъ до тѣхъ поръ, пока существуютъ типы мужской и женскій, въ ихъ полномъ объемѣ. Исчезаютъ различія — исчезаетъ и причина здоровой ритмичности, исчезаетъ и сама жизнь!..

Женщина-врачъ Е. Дрентельнъ.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

и

ДУШЕВНО-БОЛЬНЫЕ

Во время пребыванія Льва Николаевича, лѣтомъ 1910 г., въ гостяхъ у В. Г. Черткова, въ Отрадномъ (Подольскаго уѣзда, Московской губерніи), геніальный писатель въ первый разъ близко подошелъ къ міру душевно-больныхъ. Ознакомившись съ нимъ, онъ призналъ пробѣлы въ своихъ знаніяхъ и, съ цѣлью пополненія ихъ, тотчасъ же принялся за теоретическое и практическое ознакомленіе съ психіатріей—и это на 82-мъ году жизни, въ томъ преклонномъ возрастѣ, когда человѣкъ начинаетъ жить исключительно прошлымъ, и новое утрачиваетъ для него всякій интересъ! Въ этой поразительной свѣжести и воспріимчивости ума, въ этомъ постоянномъ стремленіи *учиться*, познавать міръ со всѣхъ его сторонъ, сказался весь Толстой.

Съ другой стороны его необычайно любовное отношеніе къ людямъ здѣсь, среди несчастныхъ, потерявшихъ образъ и подобіе Божіе, сказалось особенно ярко.

Отсюда ясно, что своевременно составленное описаніе всѣхъ подробностей пребыванія Льва Николаевича въ этой новой для него обстановкѣ имѣетъ немалый общій интересъ и прямое отношеніе къ его біографіи.

Усадьба Отрадное расположена въ $1^1/_2$ верстахъ отъ Покровской психіатрической больницы московскаго земства при сельцѣ

Мещерскомъ и въ 2 верстахъ отъ окружной правительственной психіатрической больницы при селѣ Троицкомъ.

Съ появленіемъ въ Отрадномъ В. Г. Черткова вполнѣ естественно возникло предположеніе, что, разъ онъ поселился здѣсь надолго, рано или поздно Левъ Николаевичъ пріѣдетъ навѣстить его. И дѣйствительно, 12-го іюня онъ пріѣхалъ.

Все кругомъ тотчасъ же заволновалось. Появились „очевидцы“: тотъ его видѣлъ утромъ ѣдущимъ со станціи, другой встрѣтилъ его въ послѣобѣденное время гуляющимъ по усадьбѣ, по полю, и т. д. Проникнуть къ нему, однако, пока еще никто не рѣшался; ждали, что онъ самъ покажется гдѣ-нибудь.

13-го іюня, въ 4 ч. дня, Левъ Николаевичъ неожиданно появился на усадьбѣ земской психіатрической больницы. Онъ пришелъ пѣшкомъ, въ сопровожденіи Черткова, незамѣченный прошелъ по проспекту и, видимо утомившись, сѣлъ у мостика на свой складной стулъ-палку. Къ кому-то онъ обратился съ вопросомъ—гдѣ гуляютъ больные? Получивъ неопредѣленный отвѣтъ и выразивъ сожалѣніе, что ему не удалось видѣть больныхъ, онъ пошелъ обратно. Кто-то узналъ его и крикнулъ: „Да вѣдь это—Толстой!!..“ Первымъ догналъ его одинъ изъ надзирателей больницы, остановилъ его и, волнуясь, спросилъ: не Льва ли Николаевича онъ видитъ передъ собою? Отвѣтъ былъ утвердительный.

— А какъ ваше здоровье?..

— Да что... съ каждымъ днемъ къ могилѣ ближе...

Подошло еще нѣсколько человѣкъ—и опять раздались тѣ же вопросы о здоровьѣ. Произошла маленькая пауза. Такъ какъ никакихъ другихъ вопросовъ не предвидѣлось и всѣ стояли растерянные и сконфуженные, то Левъ Николаевичъ, поблагодаривъ всѣхъ за вниманіе, направился назадъ въ Отрадное.

14-го іюня, вечеромъ, одинъ изъ надзирателей сообщилъ, что онъ только-что видѣлъ Льва Николаевича и говорилъ съ нимъ. Онъ встрѣтилъ его у деревни Гавриково и, узнавъ, что это—Толстой, поклонился ему. Левъ Николаевичъ обратился къ нему съ вопросомъ: какъ пройти въ с. Любучаны, въ земскій патронажъ для душевно-больныхъ? Тотъ вывелъ его на шоссе, указалъ направленіе и поспѣшилъ вернуться въ больницу, чтобы извѣстить врачей. Но не успѣлъ онъ сообщить это, какъ разразилась гроза съ проливнымъ дождемъ. Очевидно, ѣхать въ патронажъ (за 6 верстъ) кому-нибудь изъ врачей было уже поздно: пока запрягутъ, да успѣешь туда доѣхать—ближніе Льва Николаевича, навѣрное, уже доставятъ его въ экипажѣ въ Отрадное. Такъ оно на самомъ дѣлѣ и произошло.

15-го іюня, утромъ, въ больницу явился патронажный фельдшеръ, И. А. Вѣтровъ, и сообщилъ о вчерашнемъ посѣщеніи патронажа Львомъ Николаевичемъ слѣдующее. Въ 4½ ч. дня Левъ Николаевичъ показался на улицѣ с. Любучанъ; за нимъ, на довольно значительномъ разстояніи, шелъ, временами останавливаясь и почему-то прячась за избы, какой-то молодой человѣкъ. Вѣтровъ подождалъ этого молодого человѣка и спросилъ: не Толстой ли идетъ впереди? Тотъ отвѣтилъ утвердительно и просилъ Вѣтрова идти и помочь Льву Николаевичу въ осмотрѣ патронажа; про себя же онъ сказалъ, что идетъ незамѣтно для Льва Николаевича, такъ какъ тотъ любитъ гулять одинъ, а вслѣдствіе его преклоннаго возраста оставлять его одного рискованно.

Левъ Николаевичъ остался очень доволенъ предложеніемъ Вѣтрова дать всѣ необходимыя разъясненія по поводу патронажа и бодро пошелъ впередъ. Увидя сидящаго на бревнахъ душевно-больного, Л. Н. подошелъ къ нему и спросилъ: какъ его здоровье и какъ ему тутъ живется? Больной отвѣтилъ: „Ничего... хорошо...“ Но на всѣ другіе вопросы — откуда онъ родомъ? чѣмъ занимался? и т. д. — сталъ упорно твердить: „Не знаю“... Какъ ни старался его собесѣдникъ, а бесѣда дальше не пошла: слабоумный больной и кстати, и некстати все повторялъ: „Не помню... не знаю“...

Ближайшимъ помѣщеніемъ, гдѣ жили патронажные больные, былъ небольшой домикъ, похожій на небольшую дачку: терраса, желѣзная крыша, мебель—комодъ, небольшое трюмо и т. п.

Войдя въ домъ, Л. Н. сказалъ: „Вотъ какъ здѣсь хорошо у васъ!..“ Сѣвъ на диванъ, онъ обратился къ одному больному съ вопросами: давно ли онъ боленъ? какъ чувствуетъ себя въ настоящее время? чѣмъ занимался раньше и что дѣлаетъ теперь? На всѣ эти вопросы больной (эпилептикъ) отвѣчалъ сознательно и правильно. Когда потомъ больной высказалъ предположеніе, что онъ заболѣлъ вслѣдствіе злоупотребленія спиртными напитками, Л. Н. сталъ горячо убѣждать его разъ навсегда отказаться отъ вина.

Затѣмъ Левъ Николаевичъ пожелалъ осмотрѣть еще какое-нибудь помѣщеніе, гдѣ живутъ больные — и фельдшеръ ввелъ его въ ближайшую, на этотъ разъ обыкновенную крестьянскую избу. Въ избѣ никого не было; пришлось пройти на огородъ, гдѣ больной и его хозяйка опахивали картофель. Вслѣдствіе вялыхъ репликъ больного разговоръ продолжался недолго. Л. Н. пожелалъ видѣть одного больного, котораго онъ 12-го іюня замѣтилъ проѣздомъ со станціи. Больной этотъ (слабоумный, „ката-

тоникъ“) усвоилъ себѣ привычку постоянно и подолгу ходить вокругъ садика передъ домомъ и протопталъ, такимъ образомъ, цѣлую дорожку. На вопросы онъ отвѣчать не любилъ и быстро, когда кто-нибудь заводилъ съ нимъ разговоры, раздражался. Иногда среди его довольно-таки безсвязной рѣчи попадались и замѣчанія, не лишенныя остроумія; на профана онъ могъ произвести впечатлѣніе „человѣка себѣ на умѣ“, такъ какъ отвѣты свои, когда бывалъ въ хорошемъ настроеніи, давалъ въ уклончивой формѣ, уснащая ихъ разными шутками и прибаутками.

По дорогѣ къ этому больному Л. Н. спрашивалъ фельдшера, сколько человѣкъ призрѣвается въ патронажѣ? сколько они стоютъ земству? чѣмъ кормятъ ихъ? каковъ надзоръ за ними? не пьютъ ли нѣкоторые изъ больныхъ водку? не принуждаютъ ли ихъ къ излишней работѣ и получаютъ ли они за свою работу плату? посѣщаютъ ли они церковь? говѣютъ ли? какіе изъ больныхъ (т.-е. страдающіе какой формой болѣзни) особенно религіозны?

Больной, когда къ нему подошли, и на этотъ разъ кружился вокругъ своего садика. Л. Н. спросилъ его о чемъ-то—тотъ ничего не отвѣтилъ; тогда Левъ Николаевичъ сталъ кружиться вслѣдъ за нимъ и задавать ему вопросъ за вопросомъ и наконецъ-таки добился того, что больной остановился и сталъ отвѣчать, хотя и недовольнымъ голосомъ, но безъ обычнаго раздраженія и брани. По словамъ фельдшера, между *геніемъ* и *помѣшаннымъ* произошелъ такой діалогъ.

Въ отвѣтъ на фразы, которыя недовольнымъ тономъ бросалъ больной, Л. Н. заговорилъ о томъ, что сердиться—великій грѣхъ, что люди должны любить другъ друга, прощать обиды и не обижать своего ближняго.

— А какъ же—горячо перебилъ больной—судьи-то не прощаютъ?.. Посадятъ они тебя — ты и сиди, а семья твоя голодаетъ... Богатый-то сунетъ имъ въ карманъ—и ладно, а бѣднаго-то возьмутъ, да въ канаву и закопаютъ.....

— Это не хорошо, — замѣтилъ Левъ Николаевичъ. — Вѣдь судьи, хотя и не за деньги, а по невѣдѣнію своему, могутъ ошибаться, и дѣйствительно ошибаются. Только одинъ Богъ можетъ разсудить насъ справедливо и одинаково... Судить человѣку человѣка трудно... Вотъ если бы меня поставили судьей, то я бы лучше сѣлъ на скамью подсудимыхъ—пусть ужъ лучше судятъ меня, а не я кого-нибудь... И не кто-нибудь долженъ отвѣчать передъ Богомъ за другого, а каждый самъ за себя...

— Укралъ какой-нибудь пустякъ—упорно продолжалъ боль-

ной, не обращая вниманія на слова собесѣдника—тебя и посадили... Развѣ это правильно?..

На это Л. Н. отвѣтилъ, что если человѣкъ укралъ вслѣдствіе нужды, то его Богъ проститъ, а тотъ, кто воруетъ, имѣя кое-что или будучи способенъ заработать это собственнымъ трудомъ, тотъ поступаетъ дурно.

Между тѣмъ сталъ накрапывать дождь. Левъ Николаевичъ былъ въ одной блузѣ, съ своей складной палкой-стуломъ въ рукахъ. Фельдшеръ предложилъ ему свой плащъ; Л. Н. согласился надѣть его только послѣ увѣреній, что квартира фельдшера находится въ двухъ шагахъ отсюда.

Обмѣнявшись съ больнымъ еще нѣсколькими фразами, Левъ Николаевичъ сказалъ:

— Ну, прощайте, Степанъ Павловичъ! Можетъ быть, мы больше не увидимся: меня ужъ давно на томъ свѣтѣ съ фонарями ищутъ!..

— Ну, еще поживешь...—отвѣтилъ больной.—Какой тамъ... свѣтъ?.. Свѣтъ—одинъ...

— Вотъ это вѣрно!.. — съ удареніемъ сказалъ Л. Н. — Свѣтъ—одинъ... Да, да, свѣтъ—одинъ...

Въ это время подъѣхали на пролеткѣ В. Г. Чертковъ и тотъ молодой человѣкъ, который сначала издали сопровождалъ Льва Николаевича.

Левъ Николаевичъ сѣлъ въ экипажъ и, горячо поблагодаривъ Вѣтрова за его разъясненія, крѣпко пожалъ ему руку.

15-го іюня, въ послѣобѣденное время, помощникъ директора земской психіатрической больницы, по уполномочію товарищей, отправился въ Отрадное съ цѣлью пригласить Льва Николаевича осмотрѣть больницу. Оказалось, что Левъ Николаевичъ только-что вернулся съ прогулки и легъ отдыхать; Чертковъ тоже былъ чѣмъ-то занятъ — и переговоры пришлось вести черезъ секретаря Черткова, Сергѣенко-сына. Для посѣщенія больницы былъ намѣченъ завтрашній день въ обычные часы прогулокъ Льва Николаевича, т.-е. между тремя и пятью часами дня.

Когда въ назначенное время Л. Н., вмѣстѣ съ Чертковымъ, пріѣхалъ въ больницу, его встрѣтили директоръ и трое врачей. Всѣ были видимо взволнованы; произошла небольшая заминка. Л. Н. замѣтилъ планъ больницы, висѣвшій на стѣнѣ, и заинтересовался имъ; врачи начали ему объяснять расположеніе больницы, показали, гдѣ онъ находится въ данный моментъ; дальше

дѣло пошло уже гладко. Видя, что Льва Николаевича, между прочимъ, заинтересовалъ вопросъ о призрѣніи душевно-больныхъ, директоръ поднесъ ему всѣ печатные матеріалы по этому вопросу, имѣвшіеся въ его распоряженіи. Всѣхъ поразило, что когда Л. Н. обращается къ кому-нибудь и внимательно выслушиваетъ отвѣтъ, взглядъ его становится *колючимъ*, какъ кто-то удивительно мѣтко характеризовалъ его. Забыть этотъ взглядъ нельзя, и надо было быть весьма смѣлымъ, чтобы, испытывая на себѣ его дѣйствіе, говорить неправду какъ ни въ чемъ не бывало. Движенія Л. Н. были быстры и рѣшительны; какъ-то не вѣрилось, что они принадлежатъ такому глубокому старцу. Голосъ немного глуховатый, теноровaго тембра. Одѣтъ Левъ Николаевичъ былъ болѣе чѣмъ скромно: парусинная, почти до колѣнъ, блуза, подпоясанная ремешкомъ, старые, широкіе, изъ легкаго темно-сѣраго трико брюки на выпускъ, мятый парусинный картузъ; въ карманѣ блузы — серебряные часы на черномъ шнуркѣ. Съ собой носилъ онъ складной стулъ въ видѣ трости. Не знаю, ужъ привыкли ли мы къ этому костюму на всѣхъ его портретахъ и открыткахъ, или по другимъ какимъ-либо причинамъ, но странно и какъ-то дико было бы видѣть его, напримѣръ въ пиджакѣ, не говоря уже про смокингъ, фракъ или что-нибудь подобное.

Не разъ отмѣчалось, что общій обликъ великаго мыслителя близко подходитъ къ типу „умственнаго“ старика-крестьянина и что это поверхностное сходство позволяетъ ему легко вступать въ бесѣду съ простымъ народомъ. Все это—такъ. Но кивокъ головой, когда онъ кланяется, какой-нибудь жестъ—напр. движеніе кистью руки,—мелкая и легкая походка, наконецъ, манера садиться, манера повертываться всѣмъ корпусомъ къ своему собесѣднику—все это сразу выдавало въ немъ *барина*.

Рѣшено было сначала идти въ женское пріемное отдѣленіе. Л. Н. шелъ слегка сгорбившись, но бодрой, торопливой походкой, изрѣдка бросая быстрые взгляды по сторонамъ. По дорогѣ онъ спрашивалъ директора: какой % населенія составляютъ душевно-больные у насъ и за границей? Замѣтно ли увеличеніе душевныхъ заболѣваній за послѣднее время?

Въ паркѣ сидѣли пять больныхъ женщинъ, съ фельдшерицей. Левъ Николаевичъ прямо направился туда. Одна изъ больныхъ что-то безсвязно начала говорить про бѣдность и богатство. Л. Н. внимательно слушалъ ее, но потомъ, видя, что рѣчь больной совершенно безсмысленна и на вопросы она не реагируетъ, обратился къ другой больной, которая увѣряла, что ви-

дѣла „дѣдушку“ на Канатчиковой дачѣ [1]). Л. Н., добродушно улыбаясь, отвѣтилъ, что она ошибается, что онъ тамъ ни разу не былъ.

Въ вестибюлѣ Льва Николаевича встрѣтила одна интеллигентная больная, пользовавшаяся правомъ гулять одна по всей усадьбѣ больницы. Узнавъ его, она сказала:

— Здравствуйте, Левъ Николаевичъ!

— А развѣ вы меня знаете?—удивился онъ.

— Помилуйте, да какъ же васъ не знать?!.. Васъ знаетъ вся интеллигентная Россія, а я—институтка...

Разговоръ между ними какимъ-то образомъ вступилъ на религіозную почву. Л. Н. нѣсколько разъ повторилъ, что безъ вѣры жить нельзя. Вслѣдъ затѣмъ больная безъ всякой связи начала говорить о томъ, что „еврейскій народъ“ не уважаетъ женщинъ, что на женщинъ не только евреи, но и всѣ люди вообще смотрятъ какъ на рабу, способную лишь очень низко падать. „Но— быстро перебилъ ея собесѣдникъ — такъ же высоко и подниматься?..“ Больная стала говорить уже совсѣмъ безсвязно,—и разговоръ пришлось прекратить.

Войдя въ домъ, Л. Н. былъ пораженъ порядкомъ, обиліемъ свѣта и просторомъ помѣщенія; повидимому, онъ совершенно иначе представлялъ себѣ „сумашедшіе дома“.

На дворикѣ, гдѣ въ это время больныя пили чай, Л. Н., по предложенію директора, подошелъ къ одной интеллигентной больной и подалъ ей руку. Больная въ теченіе всего утра была крайне раздражительна и агрессивна, но, взглянувъ на него, быстро встала и, добродушно улыбаясь, сказала:

— Здравствуйте, Левъ Николаевичъ!..

— Вотъ какъ... Вы меня знаете?..

— Вѣдь васъ всѣ знаютъ... Когда я была учительницей, у меня въ комнатѣ, надъ столомъ, висѣлъ вашъ портретъ...

На вопросъ о ея здоровьѣ она сказала, что чувствуетъ себя плохо, что она разувѣрилась въ людяхъ и теперь не вѣритъ ни во что и ни въ кого.

— А въ Бога вѣрите?

— Нѣтъ, если я и вѣрю, то не въ Бога, а въ науку...

Л. Н. сталъ горячо убѣждать ее въ необходимости религіи для человѣка и, въ концѣ концовъ, спросилъ—все ли для нея ясно въ этой области и не можетъ ли онъ помочь ей, разъяснить то, чего она не понимаетъ? Больная, продолжая улыбаться,

---

[1]) Алексѣевская московская городская психіатрическая больница.

отвѣтила, что вопросы религіи ее не интересуютъ. Л. Н. на минуту поникъ головой, потомъ подошелъ къ одной старушкѣ, находившейся въ состояніи психическаго угнетенія; узнавъ, что у себя дома она покушалась на самоубійство, онъ замѣтилъ, что это—великій грѣхъ, что не надо идти противъ воли Бога.

Замѣтивъ, что одинъ изъ врачей и служанка намѣренно загородили собою одну возбужденную больную, Л. Н. какимъ-то ловкимъ движеніемъ обошелъ ихъ и всталъ передъ больной, но та отбѣжала прочь.

Потомъ ему представили одну веселую, смѣющуюся больную.

— Молитесь ли вы Богу?—спросилъ онъ ее.

— Нѣтъ.

— А „Отче нашъ“ знаете?

— Я знаю „отче бѣсъ“...

— Да развѣ такъ можно говорить?.. Такой молитвы нѣтъ... Хотите, я научу васъ „Отче нашъ“?..

— Нѣтъ, не надо... Въ Можайскѣ, у насъ, читаютъ „Отченашъ“, а здѣсь, въ Подольскѣ, „отче бѣсъ“...

— Нѣтъ, вы ошибаетесь... Вездѣ одинаково читаютъ... А въ вашемъ положеніи надо особенно вѣрить и молиться...

У выхода изъ павильона Льва Николаевича встрѣтила цѣлая толпа служащихъ и ихъ семей; въ кустахъ суетилось нѣсколько фотографовъ-любителей [1]). Левъ Николаевичъ, потупившись, быстро прошелъ мимо.

На площадкѣ парка, передъ большимъ домомъ, гуляли и лежали слабыя больныя женщины. Изъ нихъ Льву Николаевичу была показана одна идіотка, микроцефалка (съ необычайно малымъ объемомъ черепа).

Прошли въ Покойное отдѣленіе, наверхъ. Тутъ одна больная, узнавъ гостя, привѣтствовала его по имени и отчеству и тотчасъ же начала жаловаться на то, что врачи не исполняютъ ея желаній, а между тѣмъ отъ удовлетворенія ихъ зависитъ вся ея судьба. Левъ Николаевичъ пробовалъ убѣдить ее—говорилъ, что врачи понимаютъ ея болѣзнь лучше, чѣмъ она сама, что, значитъ, исполненіе ея желаній такъ или иначе можетъ повредить ей. Но больная настаивала на своемъ и рѣчь ея стала пріобрѣтать грубоватый, раздражительный оттѣнокъ. Л. Н., не желая раздражать ее, захотѣлъ съ ней попрощаться и подалъ руку, но она сказала, что руки своей не подастъ, потому что

---

[1]) Пока Левъ Николаевичъ бесѣдовалъ съ больными, Чертковъ сдѣлалъ съ него и окружающихъ нѣсколько фотографическихъ снимковъ.

онъ несогласенъ съ ея мнѣніемъ. Л. Н. отошелъ отъ нея и какимъ-то грустнымъ тономъ замѣтилъ:

— Знаете, есть такія женщины... настойчивыя... Какъ встанутъ на чемъ-нибудь—ихъ не сдвинешь...

Потомъ онъ подошелъ къ одной старушкѣ и, узнавъ, что ей лучше, выразилъ свою радость по этому поводу и, видимо, ободрилъ ее.

Направились въ мастерскія для больныхъ. Л. Н. внимательно—„окомъ хозяина“—осмотрѣлъ всѣ помѣщенія, все, что тутъ дѣлается и готовится. Когда ему показали нѣкоторыя изящныя столярныя издѣлія больныхъ, онъ воскликнулъ: — „Вѣдь вотъ подите же: больной, а можетъ такія вещи дѣлать! Почему это?..“ Льву Николаевичу были даны подробныя разъясненія, почему многіе больные дома работать не могутъ, а въ больницѣ не только продолжаютъ заниматься прежнимъ ремесломъ, но и обучаются новому. Затѣмъ онъ поинтересовался узнать, сколько больныхъ здѣсь обыкновенно работаетъ, какъ ихъ вводятъ въ работу? — и, въ концѣ концовъ, замѣтилъ: „Очень и очень пріятно слышать, что даже и здѣсь трудъ имѣетъ свое огромное значеніе“.

По дорогѣ въ мужское Покойное отдѣленіе Л. Н. спросилъ:— „А бесѣдуетъ ли священникъ съ больными внѣ церковной службы?“ И, получивъ неопредѣленный отвѣтъ, замѣтилъ:

— „Жаль... А я думаю, что это могло бы очень хорошо отразиться на душевномъ состояніи больныхъ...“

При выходѣ и всюду по дорогѣ опять стояла толпа народа. Чертковъ навелъ свой фотографическій аппаратъ на Льва Николаевича, а за нимъ—и нѣсколько фотографовъ-любителей.

Когда Левъ Николаевичъ вошелъ въ отдѣленіе, онъ сталъ зорко всматриваться въ лица больныхъ, очевидно отыскивая себѣ болѣе или менѣе интереснаго собесѣдника. Какой-нибудь боязни, опасенія—ни тѣни; какъ будто бы онъ весь свой вѣкъ провелъ среди душевно-больныхъ. Онъ подошелъ къ одному высокому молодому больному, спросилъ его о здоровьѣ и, узнавъ, что онъ заболѣлъ отъ пьянства, сталъ убѣждать его бросить пить, говоря, что это легко сдѣлать, — стоитъ только *захотѣть* этого. „Вѣдь все въ нашей власти, во власти человѣка... Ну, вотъ, напримѣръ: вы можете меня обласкать, а можете и ударить... Такъ и тутъ: можете пить, а можете и бросить... Ну, дайте же себѣ слово не пить!..“

Больной, сложа на груди руки, мрачно, но очень внимательно слушалъ своего собесѣдника и, наконецъ, замѣтилъ: „Не

могу дать слова... Я вотъ теперь не пью, а наступаютъ періоды—и тогда ужъ я удержаться не могу"...

Когда Л. Н. узналъ, что больной—по профессіи псаломщикъ, то сказалъ: „Вы, значитъ, человѣкъ грамотный... Нѣтъ, нѣтъ, я увѣренъ, что вы бросите пить... И когда это съ вами случится, напишите мнѣ, непремѣнно напишите объ этомъ—я вамъ отвѣчу и пришлю книги, очень интересныя для васъ..."

Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ заговорить съ нѣкоторыми больными—при чемъ двое сразу узнали его,—Л. Н. подошелъ къ одному старику довольно благообразной внѣшности (хронич. алкоголику). Тотъ, усвоившій себѣ манеру держаться со всѣми дерзко и вызывающе, на этотъ разъ, однако, быстро всталъ и, видимо, смутился. Л. Н. постоялъ, посмотрѣлъ на него, улыбнулся и шутливымъ тономъ сказалъ:

— Ну, вотъ—два старика...

— Н-да-а... — протянулъ больной, все еще сконфуженно улыбаясь.

— А сколько вамъ лѣтъ? — послѣ небольшой паузы спросилъ Л. Н.

— Да три четвертныхъ будетъ...

— Только-то?.. Ну, а мнѣ будетъ побольше... Мнѣ вотъ скоро восемьдесятъ два стукнетъ...

Л. Н., по старческой привычкѣ, немного пожевалъ губами и сдвинулъ брови.

— Н-ну...—съ какой-то особенно интимной интонаціей началъ онъ—скажите пожалуйста: прежняя-то жизнь лучше была или нѣтъ?..

Больной высоко поднялъ брови, опустилъ глаза, не спѣша разгладилъ свою бороду и произнесъ:

— Да вѣдь какъ сказать?.. Лучше ли, не лучше ли — ужъ это я не знаю, а просторнѣе-то она была, пожалуй...

— Вотъ это вѣрно, Степанъ Андреевичъ!—живо заговорилъ Л. Н.—Просторнѣе... Вотъ... вотъ, именно,—просторнѣе... Это вы вѣрно сказали...

— Н-н-да...—лукаво улыбнувшись, продолжалъ больной.— Ну, да, пожалуй, прежняя-то жизнь и поглупѣе была немножко...

Л. Н. нахмурилъ брови и сдѣлалъ движеніе губами.

— А развѣ—замѣтилъ онъ—вредъ былъ какой для людей отъ того, что она „глупѣе"-то была?

— Да оно, положимъ, вреда-то не было...—разсмѣялся больной.

— Вотъ въ этомъ-то и дѣло!.. Ну, прощайте, Степанъ

Андреевичъ, спасибо за пріятную бесѣду... Кто знаетъ?.. Можетъ быть, въ послѣдній разъ видимся: меня ужъ давно на томъ свѣтѣ съ фонарями ищутъ...

— Ну, что вы! Мало ли что болтаютъ... Вѣдь языкъ-то безъ костей. Да вы, навѣрное, лѣтъ до ста доживете... А вы бы, Левъ Николаевичъ,—неожиданно, со смѣхомъ заключилъ больной—прислали мнѣ гостинчиковъ: а то молодыя дѣвки пристаютъ, а мнѣ имъ дать нечего...

— Пришлю, пришлю непремѣнно!—сказалъ Л. Н., отходя и дѣлая видъ, что не разслышалъ — а можетъ-быть и на самомъ дѣлѣ не разслышавъ—послѣдней фразы больного.

При выходѣ Льва Николаевича изъ отдѣленія—опять толпа и фотографы-любители, опять снимки.

Пошли въ мужское Слабое отдѣленіе. По дорогѣ къ Л. Н. присоединилась та интеллигентная больная, съ которой онъ встрѣтился въ женскомъ пріемномъ отдѣленіи; о чемъ у нихъ на этотъ разъ шелъ разговоръ — неизвѣстно, такъ какъ они шли значительно впереди другихъ (Чертковъ снялъ ихъ вмѣстѣ).

Въ отдѣленіи Л. Н. останавливался около нѣкоторыхъ больныхъ, пробовалъ заговаривать съ ними, но все это были полныя развалины въ физическомъ и психическомъ смыслѣ. Выраженіе какого-то брезгливаго чувства на минуту появилось на лицѣ Л. Н., когда въ другой половинѣ отдѣленія его окружило нѣсколько суетливыхъ эпилептиковъ и одинъ изъ нихъ попытался поцѣловать ему руку.

Выходя изъ отдѣленія, Левъ Николаевичъ замѣтилъ, обращаясь къ врачамъ: „А должно быть, ваша профессія—трудная, и очень и очень трудная“...

Послѣ этого директоръ больницы сказалъ, что остается обойти еще нѣсколько павильоновъ. Л. Н. съ живостью отвѣтилъ, что желалъ бы видѣть все. Тогда пошли въ мужское Безпокойное отдѣленіе.

Когда Л. Н. вошелъ туда, его окружили крикливые и шумливые больные, говорившіе на перебой; ни съ кѣмъ изъ нихъ Льву Николаевичу поговорить не удалось. Видъ этихъ безпокойныхъ больныхъ непріятно поразилъ его, да къ тому же, очевидно, сказывалась и усталость. Чертковъ предложилъ отправиться домой—и всѣ двинулись къ конторѣ, гдѣ стоялъ экипажъ.

На вопросъ о впечатлѣніи, произведенномъ больными и больницей, Левъ Николаевичъ замѣтилъ:

— „Надо сначала разобраться во всемъ видѣнномъ, а такъ вотъ сказать, сразу — трудно... Но въ общемъ пріятно видѣть,

что здѣсь, у васъ, любятъ больныхъ... Это ужъ какъ-то чувствуется...“

На другой день Л. Н. много говорилъ о душевно-больныхъ, обсуждалъ состояніе тѣхъ больныхъ, съ которыми онъ бесѣдовалъ; припомнилъ, между прочимъ, одну „дурочку“ изъ Ясной Поляны.

Утромъ 18-го іюня въ амбулаторіи соматической лечебницы (рядомъ съ психіатрической) получено было извѣстіе, что въ Отрадномъ, въ семьѣ рабочаго, появился случай оспы. Участковый врачъ тотчасъ же принялъ больного ребенка въ лечебницу, а въ Отрадное командировалъ фельдшерицу для дезинфекціи помѣщенія и вакцинаціи желающихъ; помогать фельдшерицѣ вызвался одинъ студентъ-медикъ старшаго курса. В. Г. Чертковъ отвелъ имъ отдѣльную комнату, гдѣ они и занялись прививками всѣмъ желающимъ. Но Левъ Николаевичъ и Чертковъ принципіально отказались отъ нея.

Въ тотъ же день Л. Н. и Чертковъ посѣтили въ д. Ивинѣ женскій патронажъ. Зашли въ одну избу, гдѣ больные содержатся у крестьянина, въ часы досуга занимающагося писаніемъ разсказовъ для народа. Левъ Николаевичъ остался доволенъ чистотой и сравнительнымъ просторомъ помѣщенія. Обратился онъ было къ нѣсколькимъ слабоумнымъ больнымъ съ вопросами, но не получилъ на нихъ отвѣта.

Къ нему подошелъ хозяинъ избы и спросилъ: узнаетъ ли онъ его? Онъ—оказывается—былъ у него въ Хамовникахъ, въ Москвѣ, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ. Вглядѣвшись пристальнѣе, Л. Н. хотя и не безъ труда, но припомнилъ его. Зайдя на его половину, онъ осмотрѣлъ его библіотечку, обѣщалъ познакомиться съ его произведеніями и порекомендовалъ ему прочесть сочиненія Семенова, тоже „писателя изъ народа“. Узнавъ, что этотъ крестьянинъ не только не пьетъ, но, совмѣстно съ нимъ, былъ основателемъ одного изъ обществъ трезвости, Л. Н. съ чувствомъ замѣтилъ, пожимая ему руку: „А, какъ пріятно это слышать...“

Затѣмъ онъ обратилъ вниманіе на сидѣвшаго тутъ же старика, отца хозяина, и обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими фразами. Сначала спросилъ сколько тому лѣтъ. Оказалось, что старикъ моложе Льва Николаевича на одинъ годъ, но такъ дряхлъ, что съ печи почти не слѣзаетъ. Л. Н. предложилъ ему тотъ же вопросъ, какой предлагалъ и старику больному въ мужскомъ Покойномъ отдѣленіи: когда лучше жилось, теперь или раньше? Старикъ сказалъ, что—теперь, потому что теперь онъ ѣстъ бѣлый хлѣбъ, а прежде бѣлый хлѣбъ видѣть приходилось только по

большимъ праздникамъ. На это Л. Н. возразилъ, что не однимъ хлѣбомъ человѣкъ сытъ бываетъ.

— „А какъ вотъ насчетъ души-то раньше было?“

Старикъ отвѣтилъ, что прежде народъ былъ получше, а теперь, и вправду, „жульковатѣй“ сталъ.

— „А водку ты, дѣдушка, пьешь?“

— Пью немножко...

— „А раньше-то люди водки больше пили?..“

— Н-нѣтъ... ровно бы меньше...

— „Вотъ то-то и оно-то!“—заключилъ, улыбнувшись, Левъ Николаевичъ.

Затѣмъ онъ заходилъ въ другія избы и вездѣ заводилъ разговоры съ больными, но получалъ въ отвѣтъ или безсвязный наборъ словъ, или безсмысленный смѣхъ. По поводу одной больной — отъ рожденія слабоумной, не говорящей ни одного слова,—онъ замѣтилъ: „Странное впечатлѣніе производятъ такія больныя“. Только одна больная еще кое-какъ разговорилась съ нимъ. Онъ спросилъ: „сколько ей лѣтъ? замужемъ ли она? давно ли тутъ?“ Больная (dementia praecox) отвѣчала то правильно, то нѣтъ. Когда больная сказала, что она—крестьянка Московской губерніи и спросила: „А ты, старичокъ, откуда?“, то Л. Н., добродушно улыбнувшись, отвѣтилъ: „А я—тульскій!“ На всѣ остальные вопросы больная, по своему обыкновенію, отвѣчала уклончиво. На него она произвела впечатлѣніе почти здоровой; что же касается ея шутливыхъ выраженій, то онъ замѣтилъ: „Такой юморъ вѣдь свойственъ и здоровому русскому человѣку“.

Уже собираясь ѣхать, Л. Н. разспрашивалъ врачей: сколько стоитъ содержаніе патронажныхъ больныхъ? Какъ жизнь въ патронажѣ отражается на больныхъ?—и когда одинъ изъ врачей сказалъ, что на нѣкоторыхъ больныхъ эта жизнь отражается благотворно, такъ какъ они становятся работоспособными, менѣе возбужденными, то Левъ Николаевичъ замѣтилъ: „Это—очень интересно!“ Кромѣ того онъ задавалъ вопросы и по теоретической психіатріи: о границахъ здороваго состоянія и душевной болѣзни, о томъ, всѣ ли три такъ называемые „элементы души“ (умъ, чувство и воля) бываютъ поражены при душевномъ заболѣваніи, или бываютъ случаи, когда поражается какой-либо одинъ изъ нихъ? Интересовался, существуютъ ли объективныя данныя для распознаванія душевныхъ болѣзней? При чтеніи книги д-ра Яковенко: „Душевно-больные Московской губерніи“ онъ наткнулся на терминъ „vesania“ и просилъ объяснить, въ чемъ заключается сущность этой болѣзни? На вопросъ одного изъ врачей,

приходилось ли ему бывать въ другихъ психіатрическихъ больницахъ? Левъ Николаевичъ отвѣтилъ: „Былъ въ клиникѣ, но это было очень давно“.

— А въ тульской психіатрической больницѣ вы бывали, Левъ Николаевичъ?

— „Не помню. Забылъ. Васъ, психіатровъ, должно интересовать такое явленіе, какъ ослабленіе памяти. Память у меня, дѣйствительно, ослабѣла... Какъ это назвать?... Амнемоника, что-ли?.. Впрочемъ — замѣтилъ онъ послѣ небольшой паузы — я не только не жалѣю объ этомъ, но даже радъ, что благодаря этому весь соръ, все лишнее испарилось изъ моей головы и осталось лишь самое важное и нужное для меня“.

Въ заключеніе онъ просилъ дать ему прочесть какое-нибудь руководство по психіатріи.

Обратившись къ Черткову, Левъ Николаевичъ сказалъ:— „Подите, вотъ: какъ я чувствовалъ себя слабымъ и какъ я теперь, послѣ этой поѣздки и послѣ интересныхъ впечатлѣній, чувствую себя бодрымъ“.

Попрощавшись съ врачами и подойдя къ лошади, Л. Н. безъ всякой посторонней помощи вскочилъ въ сѣдло и сразу съ мѣста тронулъ крупной рысью.

В. Г. Чертковъ пригласилъ къ себѣ врачей и тѣ, захвативъ съ собой учебникъ психіатріи проф. Корсакова и сдѣлавъ на немъ надпись: „Отъ врачей Покровской психіатрической больницы Льву Николаевичу Толстому“ — отправились въ Отрадное. Гостей принялъ В. Г. Чертковъ и провелъ на террассу, гдѣ былъ сервированъ чай, совершенно за-просто: безъ скатерти, съ самой лишь необходимой посудой.

Маленькій, но не лишенный нѣкотораго интереса эпизодъ: одна семилѣтняя дѣвочка, родственница служащей въ больницѣ, встрѣтила Льва Николаевича въ полѣ, когда онъ верхомъ ѣхалъ изъ д. Ивино; ее поразило то, что онъ—старикъ, „старшій“, — не дожидаясь ея поклона, поклонился ей первый.

Вечеромъ въ Отрадное явилось двое врачей изъ Троицкой психіатрической окружной больницы съ цѣлью пригласить Льва Николаевича посѣтить ихъ больницу. Разговоръ между ними все время вращался около психіатріи. Когда тѣ сказали, что въ данный моментъ по вопросу о классификаціи болѣзней въ психіатріи царитъ большая неразбериха, то Левъ Николаевичъ замѣтилъ:

— „Да... но вѣдь то же происходитъ и во всѣхъ областяхъ знанія: всегда одна *гипотеза* вытѣсняетъ другую, чтобы затѣмъ

дать мѣсто третьей"... Когда Льву Николаевичу было указано, что въ окружной больницѣ сосредоточены самые опасные больные, онъ спокойно, но твердо замѣтилъ: „Ну, что-жъ — тѣмъ интереснѣе"...

20-го іюня Льва Николаевича ждали въ увеселительномъ павильонѣ земской психіатрической больницы: онъ обѣщалъ пріѣхать, чтобы еще разъ побесѣдовать съ больными и кстати взглянуть на кинематографъ, къ сеансамъ котораго онъ относился не безъ интереса. Наканунѣ фирмѣ Патэ по телефону были заказаны особыя картины, при чемъ упомянуто, что картины эти будетъ смотрѣть самъ Левъ Николаевичъ. Программу картинъ директоръ больницы послалъ В. Г. Черткову на предварительный просмотръ; одну изъ нихъ, гдѣ изображенъ выѣздъ Льва Николаевича изъ Ясной Поляны въ Москву, Чертковъ зачеркнулъ, такъ какъ Льву Николаевичу не нравится, когда ему показываютъ его же самого (какъ это разъ случилось въ Москвѣ).

У павильона, еще задолго до пріѣзда дорогихъ гостей, собралась довольно большая толпа народа; курили въ кустахъ, стараясь, чтобы Левъ Николаевичъ, по своемъ прибытіи, не замѣтилъ какого-нибудь окурка на дорогѣ. Фотографы-любители рѣшили на этотъ разъ „разбойничать" во всю: они заранѣе наводили свои аппараты на то мѣсто, гдѣ долженъ былъ пройти Левъ Николаевичъ, репетировали его пріѣздъ; администрація больницы имъ не мѣшала.

Левъ Николаевичъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Александрой Львовной и В. Г. Чертковымъ. Онъ, какъ всегда, привѣтливо поздоровался со всѣми и прошелъ въ павильонъ, гдѣ больные были уже всѣ въ сборѣ. Двѣ больныя поднесли ему по букету полевыхъ цвѣтовъ. Его помѣстили въ заднемъ ряду, гдѣ „мельканія" кинематографа не такъ рѣзки; онъ сѣлъ между Александрой Львовной и директоромъ больницы. Тутъ же сѣли В. Г. Чертковъ, Сергѣенко-сынъ и врачи больницы.

Первая картина — „Неронъ. Трагедія изъ римской жизни" (исторія любви Нерона и Поппеи, его смерть, пожаръ Рима и проч.)—на Льва Николаевича, по своему выполненію, произвела сносное впечатлѣніе, но онъ усомнился, чтобы душевно-больные крестьяне могли какъ слѣдуетъ понять ея содержаніе. Вторая картина—„Водопадъ Шафгаузенъ". Третья—„Зоологическій садъ въ Антверпенѣ" — едва ли не самая удачная по исполненію — Льву Николаевичу понравилась больше, чѣмъ предыдущія. Больные смѣялись, глядя, какъ бегемотъ разѣваетъ свою громадную пасть. Л. Н. улыбался, слушая смѣхъ и шуточныя замѣчанія

больныхъ. Четвертую картину, съ избитымъ сантиментальнымъ сюжетомъ, Л. Н. нашелъ скучной. Пятую картину—„Похороны англійскаго короля Эдуарда“ — Л. Н. смотрѣлъ съ видимымъ удовольствіемъ: зрѣлище было, дѣйствительно, интересное, и притомъ на сценѣ появилось его любимое животное — лошадь.—„Смотрите, смотрите! — оживленно обращался онъ къ своимъ сосѣдямъ — какъ онѣ перебираютъ ножками, какъ попрыгиваютъ!.. Эхъ, подъ офицеромъ хороша!.. Вѣдь кро-о-вныя все!..“ — „Вотъ бы — прибавилъ онъ какимъ-то дѣтски-просящимъ тономъ, обращаясь къ дочери,—мнѣ такую лошадку?.. А?..“

Наконецъ, по поводу шестой картины (юмористическаго содержанія) — „Удачная экспропріація“ — онъ равнодушно замѣтилъ:—„Вотъ такихъ картинъ я мало видѣлъ“.

В. Г. Чертковъ сообщилъ, что наканунѣ они были въ окружной психіатрической больницѣ. Левъ Николаевичъ, по его словамъ, съ интересомъ бесѣдовалъ съ больными и осматривалъ больницу.

22-го іюня Левъ Николаевичъ верхомъ, въ сопровожденіи Черткова, направился опять въ земскій психіатрическій патронажъ въ с. Любучанахъ. Между прочимъ; ему хотѣлось поговорить еще разъ съ тѣмъ больнымъ, который поразилъ его своими стереотипными движеніями. Но когда онъ подъѣхалъ къ нему, около нихъ собралась толпа—и больной не пожелалъ при такой обстановкѣ вести разговоръ.

Стоявшій тутъ же хозяинъ мѣстной шелковой фабрики предложилъ Льву Николаевичу осмотрѣть его владѣнія; тотъ, хотя и несовсѣмъ охотно, согласился. Патронажный фельдшеръ хотѣлъ было ретироваться, но Левъ Николаевичъ почему-то выразилъ желаніе, чтобы и онъ шелъ съ ними. Бѣгло осмотрѣвъ фабрику и поинтересовавшись кое-какими техническими деталями, Л. Н. спросилъ: „сколько стоитъ аршинъ вырабатываемаго здѣсь шелка?“ — и когда ему сказали, что аршинъ широкаго шелка стоитъ 7 руб., то онъ поморщился и неодобрительно покачалъ головою. Обращаясь къ хозяину, онъ замѣтилъ:

— „Вѣдь вы, кажется,—старообрядецъ? Я что-то припоминаю вашу фамилію... Вотъ странно: сколько вѣръ, а вѣдь Богъ-то — одинъ... Интересно было бы поговорить съ вами по этому поводу...“

23-го іюня, въ 9 ч. у., Левъ Николаевичъ посѣтилъ Мещерское почтовое отдѣленіе. Сдѣлалъ онъ это потому, что какъ-то разъ обѣщалъ почтмейстеру посѣтить его (почту онъ считалъ

однимъ изъ полезнѣйшихъ учрежденій), да, кстати, наканунѣ онъ получилъ неожиданную телеграмму изъ Ясной Поляны о болѣзни жены и надо было послать отвѣтную телеграмму.

Войдя въ помѣщеніе, Л. Н. сѣлъ на стулъ и замѣтилъ:

— „Вотъ какъ у васъ здѣсь хорошо и уютно, не какъ въ другихъ сельскихъ почтовыхъ учрежденіяхъ...“ На вопросъ о его здоровьѣ отвѣтилъ, что чувствуетъ себя прекрасно и вполнѣ здоровъ. Перекинувшись еще нѣсколькими незначительными фразами, Л. Н. отправился обратно.

До какой степени велика была его корреспонденція, можно судить уже потому, что пока онъ такъ сравнительно незамѣтно жилъ въ Отрадномъ, на его имя получалось до ста писемъ и телеграммъ въ день; доходъ почтоваго отдѣленія — главнымъ образомъ, за счетъ телеграммъ — возросъ за это время на 200 рублей противъ обыкновеннаго.

Внезапный отъѣздъ Льва Николаевича, состоявшійся въ тотъ же день, очень опечалилъ всю окрестную интеллигенцію.

Заговоривъ о пребываніи Льва Николаевича въ Отрадномъ, невольно приходится коснуться вопроса: а какъ отнеслась къ нему *деревня*, о которой онъ такъ много думалъ и писалъ? Вѣдь если пріѣздъ Льва Николаевича такъ всколыхнулъ культурную часть населенія, то какъ-нибудь должно же это было отразиться на простомъ, „сѣромъ“ людѣ? Да, наконецъ, слыхали ли о немъ здѣсь раньше? *Знаютъ* ли его?—и если знаютъ, то въ какой степени, съ какой стороны?

Надо думать, что многіе изъ взрослаго мужского населенія окрестныхъ деревень, живущіе или часто бывающіе въ Москвѣ, такъ или иначе знакомы съ произведеніями или хотя бы съ именемъ Льва Толстого. Особенно это надо сказать относительно крестьянъ ближнихъ къ больницѣ деревень: здѣсь не только дѣти школьнаго возраста, но и взрослые пользуются книгами изъ „Народной библіотеки-читальни“ при земской психіатрической больницѣ.

Почти то же самое приходится сказать и относительно мужского низшаго персонала больницы; среди нихъ находится порядочное число абонентовъ „Библіотеки-читальни“ (за послѣдній отчетный годъ ихъ число достигало 80 человѣкъ); да, наконецъ, что-нибудь о Толстомъ они всегда могутъ слышать отъ врачей и отъ другихъ служащихъ въ больницѣ.

Ничего не слыхавшихъ про Льва Толстого попадается больше среди служителей и рабочихъ изъ губерній, смежныхъ съ Московскою: Калужской, Тульской, Смоленской. Если слухи и доходили

до нихъ, то иногда въ курьезномъ видѣ. Когда одного служителя-тулякa („степного“) спросили: знаетъ ли онъ, кто такой Левъ Толстой? то онъ отвѣтилъ: „Да, слышали мы, — будто въ лѣсу баринъ богатый живетъ, книжки всѣмъ раздаетъ“.

Когда Левъ Николаевичъ пріѣхалъ въ Отрадное, дѣло не обошлось и безъ отрицательныхъ явленій, къ которымъ ему было не привыкать стать. Населенію стало извѣстно, во-первыхъ, что пріѣхалъ *графъ*, большой и богатый баринъ, и, во-вторыхъ, что этотъ баринъ вмѣсто того, чтобы жить въ свое удовольствіе, якшается съ мужиками и пишетъ для нихъ какія-то запрещенныя книжки. И вотъ, это-то богатство большого барина—болѣе понятное, чѣмъ запрещенныя книжки — и взманило нѣкоторыхъ обывателей. Какой-то пропойца просилъ мѣстную полицію выдать ему свидѣтельство о бѣдности, чтобы съ помощью его получить отъ Льва Николаевича 100 р.; одна старушонка собиралась идти къ Льву Николаевичу „просить на бѣдность“ 5 р.; нѣсколько крестьянъ деревни Никоново—ближайшей къ Отрадному—тоже явились съ просьбой о денежной помощи.

Но на ряду съ этимъ были факты и другого характера: взять хотя бы того же крестьянина, о которомъ было упомянуто выше при описаніи посѣщенія Львомъ Николаевичемъ патронажа въ д. Ивино, или тѣ данныя, которыя сообщилъ онъ самъ въ своей статьѣ, помѣщенной въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (Іюль 1910 г.). Наконецъ, нельзя пройти молчаніемъ еще одинъ фактъ, лично извѣстный пишущему эти строки. Усадьбу земской психіатрической больницы довольно часто и въ теченіе уже многихъ лѣтъ посѣщаетъ одинъ татаринъ, торговецъ галантерейнымъ товаромъ; онъ хорошо грамотенъ, говоритъ по-русски почти безъ акцента. Узнавъ о томъ, что Левъ Николаевичъ былъ въ этихъ краяхъ, онъ искренно пожалѣлъ, что не засталъ его, и сообщилъ, что онъ, послѣ чтенія нѣкоторыхъ произведеній Льва Николаевича, три раза ходилъ къ нему въ Ясную Поляну, поговорить о вопросахъ вѣры. „Вотъ ужъ, именно, человѣкъ—такъ человѣкъ!..“ съ восторгомъ вспоминалъ онъ. „И какъ онъ Коранъ нашъ знаетъ—вотъ чудо-то!!.. Вотъ онъ—какой!.. Прямо скажу: святой человѣкъ!..“

Теперь, когда Левъ Николаевичъ побывалъ въ этой мѣстности, когда многіе видѣли его въ глаза, видѣли, съ какимъ уваженіемъ и даже благоговѣніемъ отнеслись къ нему интеллигентные люди, его произведенія пріобрѣли здѣсь новую группу читателей [1]).

[1]) Послѣ его отъѣзда спросъ на его произведенія въ „Народной библіотекѣ-читальнѣ“ тотчасъ же увеличился почти вдвое.

Несомнѣнно, очень крупную роль въ ознакомленіи населенія съ Львомъ Толстымъ сыгралъ и В. Г. Чертковъ.

Но, какъ это ни странно, приходится сознаться, что до пріѣзда Льва Николаевича въ Отрадное даже самое имя — Левъ Толстой — среди населенія (и, особенно, женщинъ) Подольскаго уѣзда, въ какихъ-нибудь 60-ти верстахъ отъ Москвы, было *мало извѣстно*. Разумѣется, до нѣкоторой степени это явленіе можетъ служить показателемъ культурнаго уровня населенія. Но если лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ распространеніе „Милорда глупаго“ предпочтительно передъ произведеніями Пушкина и Бѣлинскаго зависѣло исключительно отъ невѣжества народа, то распространенію произведеній Л. Н. Толстого препятствуетъ не одно это невѣжество, а главнымъ образомъ — „независящія обстоятельства“.

Е. Геника.

УЗУРПАТОРЪ

Романъ Уильяма Дж. Лока.

IX *).

Прогулка Бонни въ Эппингскомъ лѣсу имѣла мѣсто недѣль пять спустя послѣ появленія Берка. Всѣ эти пять недѣль Беркъ жилъ подъ кровомъ Джаспера, а Джасперъ ломалъ себѣ голову надъ своей трудной задачей.

Задача была слишкомъ серьезная, чтобы рѣшать ее на спѣхъ. Послѣ первой вспышки онъ весь день молчалъ. Кодби, зная его характеръ, не предлагалъ ему никакихъ вопросовъ и не настаивалъ на своей правотѣ. Но все въ этотъ день какъ бы нарочно складывалось для того, чтобы выдвинуть и доказать эту правоту, подчеркивая, какая масса интересовъ связана съ владѣніемъ этимъ богатствомъ. Отчеты о производительности рудниковъ, списки рабочихъ, въ обычное время бѣгло просматриваемые и откладываемые въ сторону, теперь многозначительно напоминали, что отъ одного жеста этого человѣка зависятъ жизнь и благосостояніе тысячъ людей. Заработная плата на его рудникахъ была выше той, какая была установлена экономическими условіями. Донесеніе о какомъ-то пустяшномъ ремонтѣ въ клубѣ рудокоповъ и въ читальнѣ клуба—этотъ клубъ былъ однимъ изъ многихъ, основанныхъ имъ на трехъ континентахъ — говорило о томъ, что хозяинъ лично входитъ во все касающееся блага работающихъ на него. Каблограмма изъ Уоллъ-стрита

*) См. май, стр. 179.

приглашала Джаспера вызвать искусственный кризисъ въ производствѣ какого-то продукта. При данныхъ обстоятельствахъ и съ неистощимымъ капиталомъ Джаспера, этотъ коммерческій трюкъ сулилъ вѣрный успѣхъ. Менѣе щепетильный человѣкъ не колебался бы ни минуты. Но Джасперъ, зная, что это разорило бы сотни мелкихъ торговцевъ, отказалъ наотрѣзъ. Онъ зналъ и то, что отказъ его сдѣлаетъ планъ невыполнимымъ. Письмо отъ архитектора Эрскина объ его недоразумѣніяхъ съ городскимъ инспекторомъ напомнило объ одной изъ его филантропическихъ затѣй. Письмо съ просьбой о денежной поддержкѣ отъ завѣдующаго однимъ изъ госпиталей требовало справки въ спискѣ благотворительныхъ и иныхъ учрежденій, которымъ выдавалась ежегодная субсидія. До тѣхъ поръ ни Кодби, ни ему не приходило въ голову подивиться, какъ длиненъ этотъ списокъ, какъ крупны ассигнуемыя суммы. Въ телеграммѣ изъ Норзгэма, отъ тамошняго отдѣла одного изъ большихъ трэдъ-юніоновъ, выражалась благодарность за его вчерашнюю рѣчь. Онъ зналъ, что только его стараніямъ трэдъ-юніоны обязаны полу-обязательствомъ, принятымъ на себя министерствомъ—издать законъ, въ которомъ былъ заинтересованъ каждый рабочій въ странѣ. И это было только начало: его твердая воля и его неисчерпаемое богатство могли создать ему въ будущемъ прямо-таки безграничную власть.

Всѣ эти обширные и сложные интересы возникали одинъ за другимъ, развивались и расли постепенно. Организація каждаго предпріятія въ отдѣльности была очень проста; трудно было только наладить дѣло, а затѣмъ ужъ оно шло само собой, только бы смазывать масломъ машину. Исполнительную власть въ сотнѣ различныхъ дѣлъ и начинаній по неволѣ приходилось передавать другимъ, и Джасперъ какъ-то не представлялъ себѣ всего этого въ цѣломъ, не подводилъ итоговъ лежащимъ на немъ обязательствамъ и связанной съ ними отвѣтственности. Теперь онъ видѣлъ себя краеугольнымъ камнемъ колоссальной фабрики, сердцемъ страшной машины, въ которой на мѣстѣ зубцовъ и колесъ были живые люди, человѣческія жизни. Выньте этотъ камень, пусть это сердце перестанетъ биться — и все рухнетъ, превратится въ хаосъ, въ груду развалинъ. Кодби не преувеличивалъ для красоты слога, говоря, что онъ—царь, монархъ съ неограниченной властью. Это была правда: онъ, можно сказать, почти держалъ въ рукахъ жизнь и смерть многихъ людей. Въ его царствѣ были уголки, въ которые онъ еще не заглядывалъ и о которыхъ зналъ очень мало. Онъ даже взволновался, когда ему напомнили, что онъ, между прочимъ, былъ владѣльцемъ бу-

магопрядильни въ Ланкаширѣ. Фабрика работала подъ прежней фирмой; какъ она управлялась, какъ тамъ шло дѣло—Джасперъ объ этомъ ничего не зналъ; но года два тому назадъ онъ поставилъ свою подпись на нѣсколькихъ листкахъ бумаги—и бумагопрядильня перешла въ полное и безконтрольное его владѣніе. Вотъ и еще нѣсколько лишнихъ сотенъ душъ зависятъ отъ него, а онъ еще ничего не сдѣлалъ для улучшенія ихъ участи. Трудно было даже сказать, гдѣ кончалась его личная отвѣтственность.

Одинъ разъ за весь этотъ день онъ разсмѣялся—невеселымъ смѣхомъ. Кодби поднялъ голову и по-своему, по птичьему, зорко смотрѣлъ на него.

— Вы помните—въ прошломъ году—одна изъ этихъ южноамериканскихъ республикъ? Не пожелаю ли я оказать матеріальную поддержку революціонной партіи? На какихъ угодно условіяхъ. Ха-ха! Господи Боже мой! Я могъ бы править цѣлымъ народомъ.

Вечеромъ онъ опять заговорилъ объ этомъ.

— Нѣтъ такого человѣка, безъ котораго нельзя было бы обойтись. А еслибъ я умеръ?

— Умри вы — это было бы лучше для нихъ, — возразилъ Кодби. — У васъ составлено строго обдуманное завѣщаніе, въ которомъ все предусмотрѣно. Вы обо всѣхъ позаботились. Но, живой, вы предпочитаете все держать въ своихъ рукахъ. Вы выдаете субсидіи — не вклады. Вы любите давать; но любите и оставлять за собою право взять даръ назадъ. Въ каждомъ дѣлѣ вы любите быть центральной пружиной и не поступаетесь этимъ ни для кого.

— Томъ, неужели вы до такой степени меня изучили? Это правда, прости меня Боже! Я ненавидѣлъ богатство, но я любилъ пользоваться властью. Боже правый! сколько суетности въ человѣкѣ!

Кодби любовно потрепалъ его по плечу. Это была такая безобидная суетность—одна изъ тѣхъ слабостей, которыя дѣлаютъ намъ человѣка еще дороже. И, какъ всегда, скрѣпилъ свою мысль цитатой изъ Шекспира.

— И еще одно, — продолжалъ онъ, переводя разговоръ на новую тему. — Умри вы, ваши желанія и наказы были бы выполнены до мельчайшихъ подробностей. Если же вы теперь, при жизни, отстранитесь отъ дѣлъ и передадите ихъ въ другія руки, безъ всякихъ условій, все пойдетъ вверхъ дномъ...

На этомъ и кончился ихъ разговоръ. На другое утро Джа-

сперъ вышелъ къ завтраку спокойнымъ. Кодби съ тревогой поглядывалъ на него. Что онъ рѣшилъ?

— Человѣкъ этотъ останется подъ моимъ кровомъ, — сказалъ Джасперъ.—Онъ каждый день будетъ видѣть меня лицомъ къ лицу. Если онъ предъявитъ свои права, я перечить не буду. Отдамся всецѣло на его милость.

— А если не предъявитъ?

— Все-же будетъ жить здѣсь, пока Господь не сдѣлаетъ для меня яснымъ того, что пока темно.

— Но за какимъ же чортомъ онъ будетъ жить здѣсь?

— Я, по меньшей мѣрѣ, отвѣтственъ передъ Богомъ за его безопасность и благополучіе.

Кодби протестовалъ, доказывая, что Джасперъ дѣлаетъ это изъ болѣзненной потребности мучить себя, какъ нѣкоторые психопаты спятъ въ заказанныхъ ими для себя гробахъ. На что ему понадобилось держать въ своемъ домѣ этотъ скелетъ въ шкафу?

— Послушайте, Джасперъ,—воскликнулъ маленькій человѣчекъ,—вы знаете: я не очень много хлопочу о себѣ, но чортъ меня побери, если я согласенъ изо дня въ день сидѣть за завтракомъ и за обѣдомъ напротивъ этого урода!...

Джасперъ устало улыбнулся.—Единственный уродъ, съ присутствіемъ котораго вамъ придется мириться, Томъ, это я. Нашъ другъ будетъ жить въ сосѣднемъ домѣ.

— Онъ могъ бы съ такимъ же успѣхомъ жить за милю отъ насъ. Это нисколько не повредило бы его безопасности и благополучію.

— Пожалуйста, оставимъ этотъ разговоръ!—спокойно сказалъ Джасперъ.

Въ полдень явился Беркъ, въ новомъ темномъ костюмѣ и чистомъ бѣльѣ. Въ дополненіе къ костюму онъ пріобрѣлъ серебряные часы съ цѣпочкой и запонки, скромныя, не бьющія въ глаза, а также перчатки и зонтикъ. Свою лохматую черную бороду онъ сбрилъ, оставивъ лишь длинные висячіе кавалерійскіе усы, представлявшіе странный контрастъ съ его красными, слезящимися отъ свѣта глазами, словно срѣзаннымъ подбородкомъ и переломленнымъ носомъ. Джасперъ снова впился въ его лицо испытующимъ взглядомъ. Лицо это оставалось, какъ прежде, безучастнымъ. Ни одна черта не дрогнула въ немъ. Одинъ только разъ на лицѣ этомъ выразилось нѣчто въ родѣ изумленія—когда Джасперъ назвалъ цифру жалованья, которое онъ намѣревался

платить новому конторщику. Цифра была крупная. Беркъ даже ротъ разинулъ.

— Вы говорите: даровая квартира и столъ, и пятьсотъ фунтовъ въ годъ?

— Если только вы согласны.

— Вы со всѣми неудачниками, которые приходятъ къ вамъ за помощью, поступаете такъ же, сэръ?

— Нѣтъ, не со всѣми. У меня есть особыя причины сдѣлать вамъ это предложеніе.

— Могу спросить: какія? — Въ глазахъ бродяги мелькнуло подозрѣніе.

— Причины личнаго характера. Если хотите, можете считать, что я задумалъ сдѣлать опытъ. Вспомните, что я знаю о васъ больше, чѣмъ вы разсказали о себѣ м-ру Келли.

— Насчетъ моей болѣзни?

— Да, и прочаго.

— А если опытъ не удастся?

— Какіе-нибудь результаты онъ все-же дастъ.

— Я полагаю. Внѣ службы я вполнѣ свободенъ и могу уходить и приходить когда хочу?

— Совершенно свободны.

— Принимаю съ благодарностью, — равнодушно сказалъ Беркъ.—Когда я могу...

— Переѣхать на свою квартиру? Когда угодно — хоть сегодня же. А завтра можете начать работать. М-ръ Кодби скажетъ вамъ, что̀ надо дѣлать. Не желаете ли еще что-нибудь сообщить мнѣ—напримѣръ, насчетъ своей потери памяти?

— Я и не думалъ терять...—грубо началъ Беркъ. И вдругъ спохватился, усмѣхнулся:—Ахъ, да, я и забылъ. Насчетъ этого вѣдь мы ужъ сговорились. На томъ и останется. Нѣтъ, я не имѣю ничего больше сообщить вамъ, сэръ,—позвольте только поблагодарить васъ.

— Въ такомъ случаѣ, добраго утра,—сказалъ Джасперъ. И разговоръ окончился.

Джасперъ упалъ въ кресло и прижалъ руку къ влажному отъ испарины лбу. Онъ ослабѣлъ отъ напряженія, такъ много усилій стоило ему разыгрывать эту роль. А усилія были необходимы, ибо ежеминутно ему мерещилось, что губы этого человѣка шепчутъ: „Обманщикъ!“ Совѣсть горѣла и ныла. Онъ стиснулъ руками голову, съ тоской взывая о помощи. Но помощи ждать было неоткуда... Внезапно онъ вскочилъ на ноги, выпрямился,

заставилъ себя привести въ порядокъ мысли, трезво обсудить предшествующій разговоръ. Его терзали сомнѣнія. Беркъ держался странно. Совсѣмъ не такъ, какъ подобало бы человѣку, неожиданно, какъ это бываетъ только въ волшебныхъ сказкахъ, перешедшему отъ нищеты къ обезпеченности и довольству. Ни капли теплоты; ни тѣни порыва благодарности къ человѣку, облагодѣтельствовавшему его. Щедроты, которыми его осыпали, онъ принималъ съ угрюмымъ равнодушіемъ, съ какимъ-то недовѣріемъ, и въ его учтивой благодарственной фразѣ какъ будто даже звучала ироническая нотка.—Знаетъ онъ, или не знаетъ? Помнитъ, или утратилъ память? Ему дана была возможность объявиться; вопросъ поставленъ былъ опредѣленно. И онъ пренебрегъ этой возможностью... Человѣкъ этотъ былъ какой-то мучительной загадкой.

Вошелъ Кодби—за инструкціями. При этомъ второмъ разговорѣ онъ не присутствовалъ. Въ нѣсколькихъ словахъ Джасперъ подѣлился съ нимъ своимъ недоумѣніемъ. Маленькій человѣкъ, съ отличавшимъ его здравымъ смысломъ, сразу нашелъ объясненіе.

— Ничего онъ не помнитъ, этотъ Беркъ,—рѣшилъ онъ, по обыкновенію подкрѣпивъ свои слова цитатой изъ „безсмертнаго“. — Насчетъ этого мы можемъ быть спокойны. Онъ пришелъ къ вамъ какъ чужой. Онъ просто-напросто пропащій человѣкъ, опустившійся неудачникъ. Еслибъ вы дали ему работы на тридцать шиллинговъ въ недѣлю, онъ бы ползалъ передъ вами на колѣняхъ. А вы, вмѣсто этого, принимаете его съ распростертыми объятіями, какъ потерянаго и вновь обрѣтеннаго брата, и назначаете ему невѣроятное жалованье. Естественное дѣло, у него является подозрѣніе, что вамъ что-то отъ него нужно. Вы говорите ему, что вамъ извѣстна его прошлая жизнь. Онъ самъ сознался, что эта жизнь была не безупречна. Какъ же ему не быть насторожѣ? Онъ спрашиваетъ себя: что это за игру вы съ нимъ затѣяли? Что можетъ быть нужно отъ него Джасперу Веллакоту, эсквайру, милліонеру и пр.? Должно быть Джасперъ Веллакотъ попалъ въ какую-нибудь грязную исторію и хочетъ использовать его, Берка, чтобы выпутаться изъ нея — оттого и платитъ хорошія деньги, что хочетъ купить его. Вотъ что вы, по всей вѣроятности, увидали бы, еслибы могли проникнуть въ грязную душу этого бродяги. А такъ какъ онъ циникъ и по своему, по бродяжьему, философъ, то онъ и соглашается заранѣе на все. Не забудьте, что онъ когда-то былъ образованнымъ человѣкомъ.

— Въ общемъ, вы правы, Томъ. И мнѣ остается только идти тѣмъ путемъ, который я избралъ себѣ.

— Который вамъ предназначенъ вашей звѣздою, mon prince,— сказалъ Кодби.

Беркъ поселился въ Гоуэръ-стритѣ. Ему отвели двѣ комфортабельно обставленныхъ комнаты, приставили къ нему особаго лакея; ѣды и питья у него было въ изобиліи. Въ конторѣ его посадили вмѣстѣ съ другими конторщиками, но работы у него было немного, и притомъ неотвѣтственной. Обязанности свои онъ исполнялъ довольно сносно, но былъ все время мраченъ и угрюмъ, и рѣдко разговаривалъ съ своими сослуживцами. Тѣ были увѣрены, что новый служащій, поставленный въ такія привилегированныя условія — старый товарищъ и однокашникъ хозяина, временно впавшій въ бѣду. И Беркъ не говорилъ ничего, что могло бы разсѣять это сложившееся убѣжденіе. Когда Джасперъ за чѣмъ-нибудь обращался къ нему, онъ отвѣчалъ угрюмо, но почтительно. По временамъ, однако, въ глазахъ его мелькало недоумѣніе и озадаченность, подтверждавшія догадку Кодби. Однажды Джасперъ завелъ съ нимъ разговоръ объ Австраліи, объ области Торовото, гдѣ они встрѣтились. И неожиданно, съ безстрастнымъ лицомъ, которое теперь стало для него привычной маской, пристально глядя на Берка изъ-подъ сурово сдвинутыхъ бровей, поставилъ вопросъ:

— Что было съ вами непосредственно передъ этою болѣзнью и непосредственно послѣ нея?

Самъ того не сознавая, онъ принялъ тонъ обвинителя. Беркъ поблѣднѣлъ, почти затрепеталъ.

— Многаго я не помню. Совсѣмъ не помню. Какъ пустое мѣсто... А остального не хочу помнить. Ради какого дьявола вы все пристаете ко мнѣ съ этой болѣзнью?! — воскликнулъ онъ, вдругъ вспыливъ.

— Тише! Такъ со мной не разговариваютъ,—спокойно сказалъ Джасперъ.

Присмирѣвшій Беркъ выговорилъ упавшимъ голосомъ:

— Прошу прощенія, сэръ. Я потерялъ голову.

— Мнѣ очень жаль, что я коснулся непріятныхъ для васъ воспоминаній, — съ холодной учтивостью молвилъ Джасперъ.— Будьте увѣрены, въ другой разъ я этого не сдѣлаю.

Эта вспышка была единственнымъ искреннимъ движеніемъ души, котораго онъ до сихъ поръ добился отъ Берка. Онъ разсказалъ о ней Кодби; тотъ ликовалъ, восхищаясь собственной догадливостью. Не Беркъ закидываетъ удочку, норовя запустить

Джасперу крючокъ подъ жабры, а самъ онъ поддѣтъ на крючокъ удочки, нечаянно закинутой Джасперомъ. Упоминаніе о болѣзни — дерганье за удочку, отъ котораго поддѣтая рыба вскидывается какъ безумная и бьетъ хвостомъ.—Джасперъ кончилъ разговоръ своей обычной фразой:

— Можетъ быть вы и правы, Томъ.

Сильный человѣкъ можетъ бросить вызовъ своей совѣсти и предписать себѣ неуклонную линію поведенія, зная, что у него хватитъ силы идти по этому пути, куда бы онъ ни велъ. Но если, при всей своей силѣ, человѣкъ этотъ нервенъ, воспріимчивъ, обладаетъ воображеніемъ, нѣжнымъ сердцемъ, возвышенными стремленіями, совѣсть становится для него огненнымъ мечомъ, пронизывающимъ все его существо. Легко говорить о неумолимой судьбѣ; но ни одинъ человѣкъ въ глубинѣ души не вѣритъ въ это. Судьба человѣка — въ его рукахъ. Она зависитъ отъ его воли. А воля всегда у него подъ контролемъ. По крайней мѣрѣ, такъ это представляется ему, когда онъ стоитъ лицомъ къ лицу съ самимъ собой, со своимъ „я“—этимъ безплотнымъ и грознымъ обвинителемъ. Въ такіе моменты душа человѣческая чувствуетъ себя безмѣрно одинокой, и ничья любовь, ничье участіе—ни мужчины, ни женщины—не можетъ смягчить ея скорби.

Такой періодъ полнаго душевнаго одиночества и обособленности переживалъ Джасперъ. Разумъ, неумолимый какъ судьба, указывалъ единый путь—продолжать управлять своимъ царствомъ. Совѣсть безжалостно и неотступно рисовала ему образъ обиженнаго человѣка, живущаго подъ его кровлей. День и ночь она бичевала его неустанно. Онъ утратилъ сонъ. Врачъ прописывалъ снотворныя. Джасперъ принималъ пилюли, засыпалъ, вставалъ съ тяжелой головою, велъ какое-то машинальное существованіе. Тѣмъ не менѣе, рутина жизни продолжалась. Общества онъ избѣгалъ и всѣ вечера проводилъ въ палатѣ; но и тамъ сидѣлъ угрюмый, понуривъ голову, ни съ кѣмъ не разговаривая. Шла недѣля за недѣлей. Джасперъ ни разу не побывалъ за это время ни въ своемъ маленькомъ раѣ, въ садахъ Онслоу, ни у поэта, въ Грэтъ-Горамъ-стритъ. На ласковыя записочки лэди Алиціи онъ отвѣчалъ уклончиво, ссылаясь на кучу дѣлъ, парламентскихъ и иныхъ, и отклоняя приглашенія.

Онъ съ горечью вспоминалъ о той безсонной ночи ликованія, послѣ рѣчи въ палатѣ, о безумномъ приливѣ радужныхъ и недолговѣчныхъ надеждъ. Какъ быстро мстительные боги послали ему Берка, чтобъ отогнать эти надежды!.. *Она* такъ же

далека и недоступна для него, какъ эта чистая луна въ далекихъ небесахъ... Онъ не хотѣлъ сознаться и самому себѣ, какъ тосковала по ней его душа.

Наконецъ, онъ встрѣтилъ ее на большомъ садовомъ праздникѣ въ Букингэмскомъ дворцѣ. Этого приглашенія, по всей вѣроятности исходившаго отъ августѣйшихъ особъ, годъ тому назадъ удостоившихъ своимъ высокимъ присутствіемъ открытіе его госпиталя, онъ не могъ не принять. Онъ уныло бродилъ по саду, равнодушный къ его красивому убранству и нарядной толпѣ, на ходу здороваясь съ знакомыми, пока толчокъ въ сердце не подсказалъ ему, что *она* здѣсь, близко. *Она* смотрѣла на него и улыбалась. Когда Джасперъ подошелъ къ ней, мужчина, сидѣвшій съ нею, всталъ и съ поклономъ удалился. Красивымъ властнымъ жестомъ она указала ему на пустой стулъ рядомъ съ нею и побранила его за то, что онъ забываетъ друзей. Онъ бормоталъ извиненія, а про себя дивился, какъ это выходитъ, что ея платье всегда какъ будто составляетъ нераздѣльную часть ея самой, какъ лепестки — цвѣтка. На ней было что-то неощутительное, воздушное какъ блѣдно-розовое облачко, сотканное не человѣческими руками, что-то въ родѣ кіота для иконы, служившее достойной рамкой для ея нѣжнаго лица и стана. Отъ нея вѣяло чѣмъ-то благоуханнымъ, умиротворяющимъ. Джасперу сразу стало легко и отрадно, какъ человѣку, который въ безводной пустынѣ нашелъ источникъ подъ тѣнью пальмъ.

— До сихъ поръ я думалъ, что лучшее лекарство отъ усталости—работа, — молвилъ Джасперъ. — Теперь я начинаю въ этомъ сомнѣваться.

— Какое же новое лекарство вы нашли, заставившее васъ отказаться отъ вашего парадокса?

— Ваше общество.

— Это лестно слышать, м-ръ Веллакотъ. Но если это такъ, почему же?..

Вопросъ сопровождался очаровательнѣйшимъ жестомъ.

— Я не считалъ себя вправѣ пользоваться вашей гостиной, какъ складочнымъ мѣстомъ для своей усталости. Ея накопилось столько, что она загромоздила бы все кругомъ.

— Развѣ вы не могли оставить ее у порога? — засмѣялась лэди Алиція.

Отъ этого музыкальнаго смѣха все какъ будто повеселѣло кругомъ. И у Джаспера повеселѣли глаза; онъ засмѣялся, вторя ей.

— Я часто оставляю ее за порогомъ, когда вхожу; за то когда выйдешь, бремя кажется еще тяжелѣе. Я слишкомъ высоко

цѣню васъ, чтобы поступать съ вами, какъ со всѣми. Къ вамъ я долженъ придти со всѣмъ своимъ грузомъ, или не приходить вовсе. Вопросъ только въ томъ, найдется ли у васъ мѣсто для всего этого?

— Я думаю, что найдется,—отвѣтила она, складывая зонтикъ.—Моя собственная жизнь сложилась такъ легко, что у меня свободно все то мѣсто, которое у людей обыкновенно занято ихъ собственными огорченіями. По правдѣ говоря, моя жизнь даже слишкомъ легка и чужда заботъ. Вѣдь каждый человѣкъ долженъ заработать себѣ право на жизнь—не такъ ли?

— Еслибъ я былъ придворнымъ кавалеромъ, — шутливая усмѣшка скользнула по его губамъ, — я сказалъ бы, что нѣкоторые люди оказываютъ честь этому міру уже тѣмъ, что живутъ въ немъ.

— Это очень красиво сказано, — радостно улыбнулась она.

— Я не увѣренъ, что это не чистѣйшая правда.

— О, я-то увѣрена вполнѣ! Когда я смотрю на такихъ людей, какъ вы, которые трудятся день и ночь и каждую минуту своей жизни отдаютъ на пользу ближнимъ, мнѣ начинаетъ казаться, что я все время уклоняюсь отъ исполненія своего долга передъ обществомъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ и у меня было какое-нибудь дѣло.

— Вы можете помогать работать другимъ.

— Скажите мнѣ, какъ?

Его точно осѣнило вдохновеніе. Беркъ мгновенно былъ забытъ. Онъ быстро повернулся къ ней.

— Отчего бы вамъ не помочь мнѣ?

— Развѣ я могу?

— Ну, конечно! Мало ли у меня бываетъ трудныхъ вопросовъ, передъ которыми я становлюсь въ тупикъ и которые женщина, съ ея болѣе тонкимъ чутьемъ, легко могла бы разрѣшить. Хотите быть моимъ консультантомъ въ подобныхъ вопросахъ?

— Разумѣется. Я была бы страшно рада. Но развѣ нѣтъ другихъ, которые могли бы помочь вамъ лучше меня?

— Ничья помощь не можетъ для меня сравниться съ вашей— а я нуждаюсь въ помощи.

— Но вы такой сильный.

— Я таковъ, какимъ создалъ меня Господь Богъ, — улыбнулся Джасперъ,—а онъ создалъ меня нуждающимся въ совѣтѣ лэди Алиціи Гарденъ.

Это было форменное объясненіе въ любви. Джасперъ сознавалъ это, но не смущался. Придворный оркестръ игралъ „Интер-

меццо“ изъ „Сельской чести“—музыка, которой, пожалуй, и не слѣдоваго бы исполнять въ приличномъ обществѣ. Смотрѣть въ глаза любимой женщинѣ подъ эту музыку, полную откровенной, почти звѣриной страсти, само по себѣ опасно. Отъ однихъ этихъ звуковъ сердце начинаетъ колотиться какъ безумное. А тутъ еще яркія полосы солнечнаго свѣта и тѣни, трепетная зелень деревьевъ, свѣжесть веселыхъ лѣтнихъ одеждъ, мелодическій дѣвичій смѣхъ и благоуханная близость прелестной женщины. Джасперъ самъ дивился, что на этой унылой землѣ еще возможна радость. Но вѣдь и Джасперъ былъ человѣкомъ, какъ и лэди Алиція — поскольку не знавшая любви женщина можетъ считаться человѣкомъ. Сама не доступная для страсти, она не догадывалась, какая страсть звучитъ въ словахъ этого человѣка. Но все-же она вспыхнула отъ удовольствія; ей, какъ женщинѣ, болѣе слабой, любо и отрадно было чувствовать свою власть надъ этимъ умнымъ и сильнымъ мужчиной. Мужчины такъ избаловали ее лестью, что ей и въ голову не пришло усумниться въ своей способности быть помощницей и совѣтницей крупнаго филантропа въ его обширныхъ благотворительныхъ начинаніяхъ. Ея невозмутимое спокойствіе ограждало ее какъ бы стѣной, которой еще не пошатнулъ никакой ураганъ. Это было особое психологическое состояніе, столь же далекое отъ вульгарнаго самомнѣнія, какъ туманная дымка около луны— отъ пара, поднимающагося надъ чайникомъ, когда въ немъ кипитъ вода. Но человѣкъ такъ странно созданъ, что иной разъ, много лѣтъ спустя, при воспоминаніи о такомъ разговорѣ женщина вся горитъ со стыда.

Внезапно лэди Алиція замѣтила приближеніе непріятеля, во образѣ ея друзей, замѣтившихъ ее издалека и направлявшихся къ ней. Ускользнуть отъ нихъ было немыслимо. Джасперъ, передъ лицомъ надвигающейся обыденщины, восчувствовалъ свое безразсудство и быстро поднялся, стараясь овладѣть собой... Они простились наскоро, но все же лэди Алиція успѣла спросить его насчетъ Бонни.

— Что онъ подѣлываетъ? Когда вы его видѣли? Меня онъ совсѣмъ забросилъ.

Джасперъ самъ уже пять недѣль, какъ не видалъ его и не имѣлъ отъ него никакихъ вѣстей. Въ послѣдній разъ онъ видѣлъ его... Передъ глазами его встала картина, которую онъ мелькомъ видѣлъ, проходя мимо отеля Бомбони.

— Я ужъ и забылъ, когда я видѣлъ его,—наскоро поправился онъ.

— А его любовныя поэмы въ „Еженедѣльникѣ", вы ихъ читали?

— Нѣтъ, не приходилось.—На этотъ разъ онъ не солгалъ.

— Мнѣ онѣ совсѣмъ не нравятся,—призналась лэди Алиція.

— А вотъ я сегодня зайду къ нему и потребую у него отчета во всемъ его поведеніи, и въ этихъ стихотвореніяхъ также,—смѣясь, сказалъ Джасперъ.

— Пожалуй, лучше вы не говорите ему, что мнѣ они не нравятся,—сказала она.—И взглядъ ея при этомъ былъ невиненъ, какъ у трехлѣтняго ребенка.

Джасперъ побылъ еще нѣкоторое время на праздникѣ. Теперь желчь уже не затемняла для него яркихъ красокъ и нарядныхъ костюмовъ, и праздникъ казался ему такимъ, какимъ онъ и былъ: блестящимъ. Одна изъ вышеупомянутыхъ высокопоставленныхъ особъ милостиво удостоила его привѣтливой бесѣдой, длившейся цѣлыхъ пять минутъ и сдѣлавшей его надолго предметомъ зависти и толковъ для многихъ. Онъ шелъ домой, немножко досадуя на Кодби, заставившаго его вырядиться въ бѣлый жилетъ и узкіе лакированные сапоги, но все-же съ подъемомъ въ душѣ,—совсѣмъ другимъ человѣкомъ, чѣмъ тотъ, угрюмый и мрачный, который, часъ тому назадъ, входилъ въ ворота Букингэмскаго дворца. Жизнь не такъ уже горька, чтобы ее не могла скрасить женская улыбка — а его царица все время ласково улыбалась ему. Она не могла быть для него больше, чѣмъ другомъ, но въ дружбѣ ея онъ былъ увѣренъ. Зачѣмъ же упорно отталкивать и то скромное счастье, которое дарятъ ему боги? Онъ стянулъ съ себя сѣрыя шведскія перчатки, ненавистныя ему, и сдвинулъ на самый затылокъ новенькую съ иголочки шолковую шляпу. Такъ ему было удобнѣе думать. И, шагая по Пиккадилли, снова принялъ твердое рѣшеніе смотрѣть безтрепетнымъ взоромъ въ лицо всѣмъ призракамъ и пугаламъ воображенія, мстительнымъ фуріямъ и ангеламъ съ огненными мечами.

— Клянусь Богомъ!—выговорилъ онъ, почти вслухъ, выразительно взмахнувъ палкой.—Могу же я быть мужчиной, если ужъ ничѣмъ другимъ!

Въ этотъ моментъ онъ очень рисковалъ стать покойникомъ, или, по крайней мѣрѣ, инвалидомъ, такъ какъ во время перехода черезъ улицу его едва не сшибъ съ ногъ кэбъ. Онъ только-только успѣлъ увернуться и расхохотался надъ этимъ инцидентомъ, такъ непочтительно прервавшимъ его возвышенныя размышленія.

Кодби зналъ наизусть только двѣ вещи: Шекспира и книгу души Джаспера Веллакота. Когда Джасперъ вернулся домой, онъ только взглянулъ на него пристально сквозь золотой монокль и запѣлъ, съ загадочнымъ энтузіазмомъ:

— Боже, спаси королеву!

X.

Въ этотъ день Джасперъ обѣщалъ обѣдать въ Сити. Корпорація кожевниковъ, принявшая участіе въ одномъ изъ его благотворительныхъ начинаній, пригласила его въ качествѣ почетнаго гостя на банкетъ въ честь лорда-мэра и шерифовъ. Его общественная дѣятельность обязывала его принять приглашеніе. Лично онъ всегда ненавидѣлъ эти парадные обѣды. На нихъ черезчуръ много ѣли и пили: это шокировало его аскетическія наклонности. Разговоры на гастрономическія темы и обжорство, царившее вокругъ, возбуждали въ немъ чисто физическое отвращеніе. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ совершенно лишенъ общественныхъ инстинктовъ и никакъ не могъ оцѣнить по достоинству принципъ: когда переполненъ желудокъ, переполняется и сердце. Ему не доставляло удовольствія, наѣвшись до отвалу, откинуться на спинку кресла и совершать свое пищевареніе подъ музыку и пѣніе и подъ отдавленный гулъ рѣчей, доносящихся до него лишь невнятнымъ бормотаньемъ. Еще меньше удовольствія доставляло ему самому говорить рѣчи передъ такою публикой, съ масляными глазами и лицами, побагровѣвшими отъ выпитаго вина. Но присутствіе на такихъ торжествахъ для общественнаго дѣятеля иной разъ оказывается обязательнымъ, и эту свою обязанность, какъ и всѣ прочія, Джасперъ старался выполнять по возможности добросовѣстно. Однако перспектива этого обѣда прибавляла лишнюю тяжесть къ бремени, удручавшему его всѣ эти пять недѣль. Все это время онъ испытывалъ почти болѣзненный страхъ быть на людяхъ, быть на виду, такъ какъ, несмотря на сознаніе своего долга и отвѣтственности какъ монарха, захватившаго чужой престолъ, онъ смотрѣлъ на себя какъ на обманщика и узурпатора. А между тѣмъ, въ этотъ вечеръ ему предстояло фигурировать на обѣдѣ въ качествѣ представителя палаты общинъ. Все утро онъ волновался, представляя себѣ этотъ обѣдъ въ Сити, на которомъ ему придется говорить рѣчь. Онъ предпочелъ бы провести этотъ день въ рабочемъ домѣ.

И все же въ шесть часовъ онъ сидѣлъ на имперіалѣ омни-

буса, идущаго въ Холборнъ, мурлыкая про себя интермеццо изъ „Сельской Чести“. Въ семь безъ четверти онъ отравилъ удовольствіе своему сосѣду, шерифу, разсчитывавшему безъ помѣхи насладиться супомъ изъ черепахи, проявивъ необычный интересъ къ его бесѣдѣ; а въ половинѣ десятаго удивилъ самъ себя тѣмъ, что тщательно приготовленная рѣчь цѣликомъ, отъ слова до слова, вылетѣла у него изъ памяти, но зато, вмѣсто нея, изъ устъ его полились нежданные потоки импровизированнаго краснорѣчія. Весь этотъ день онъ пилъ близость женщины, какъ другіе пьютъ вино: у него отлегло отъ сердца, и сила его вернулась къ нему. Ему много апплодировали. Онъ чувствовалъ, что слова его на мигъ разсѣяли винные пары, блаженное отупѣніе, вызванное обиліемъ поглощенной пищи, и встряхнули слушателей. И отъ прилива радости и гордости кровь быстрѣе бѣжала по его жиламъ. Какъ бы то ни было, онъ—человѣкъ, онъ—мужчина. На минуту высокая зала, богато изукрашенная геральдическими щитами и гербами, длинные столы, сверкающіе золотомъ и серебромъ сервировки, отцы города въ мантіяхъ и толстыхъ цѣпяхъ, лакеи въ пышныхъ ливреяхъ, стоящіе за ихъ стульями, ряды довольныхъ, сытыхъ, улыбающихся лицъ, обращенныхъ къ нему, достоинство, вліяніе, благородныя традиціи этой древнѣйшей изъ гражданскихъ корпорацій,—все это казалось Джасперу его достояніемъ, доставшимся ему въ удѣлъ вмѣстѣ съ королевствомъ, которымъ онъ правилъ. И правилъ онъ имъ не только въ силу своего богатства, но и потому, что онъ былъ *онъ*—въ силу своей личности, могучей воли, умѣнья управлять людьми. Въ душѣ его произошла реакція: гордость брала верхъ надъ самоуниженіемъ.

— Несмотря на ваши краснорѣчивые доводы, м-ръ Веллакотъ,—сказалъ его сосѣдъ, шерифъ, имѣвшій доступъ ко двору,—боюсь, что парламентъ все-таки не ассигнуетъ намъ денегъ на покупку этого земельнаго участка.

Еще не остывшій отъ возбужденія, Джасперъ стукнулъ рукой по столу.

— Я публично обѣщалъ добыть эти деньги, г. шерифъ,—возразилъ онъ,—а даннаго слова я еще ни разу въ жизни не нарушилъ.

Онъ чувствовалъ себя въ силахъ согнуть въ бараній рогъ всю Британскую имперію. Что передъ этимъ вызовъ, брошенный одной изъ партій палаты общинъ? Бездѣлица, игра...

— Вѣдь имъ нуженъ только настойчивый человѣкъ, который бы зналъ, чего онъ хочетъ, и хотѣлъ бы серьезно, и

умѣлъ бы сказать имъ громко и внятно, что это *надо* сдѣлать, что это *должно* быть сдѣлано. Въ словѣ „должно“ для человѣка, который произноситъ это слово, есть какая-то невѣдомая, таинственная сила. Его голосъ звучитъ властно, потому что онъ знаетъ дѣло, потому что онъ горитъ энтузіазмомъ, и онъ всегда возьметъ верхъ надъ равнодушными людьми, которымъ въ душѣ глубоко безразлично, будетъ ли это такъ или иначе. Къ тому же онъ избавляетъ ихъ отъ труда мыслить. И они идутъ по линіи наименьшаго сопротивленія. Большинство всегда предпочитаетъ быть ведомымъ, чѣмъ вести. И вожакомъ всегда будетъ тотъ, кто захочетъ стать во главѣ. Быть-можетъ, это звучитъ нѣсколько дерзко, по-разбойничьи,—разсмѣялся Джасперъ,—но, право же, это единственный способъ проводить реформы. Это принципъ coup d'état, примѣненный къ мелкимъ дѣламъ. Съ нимъ успѣхъ всегда обезпеченъ. Кромвелль, ворвавшійся въ палату съ крикомъ: „Уберите эту игрушку!“ — Дантонъ съ его: „Дерзай, еще разъ дерзай, и всегда дерзай!“ — они оба съумѣли оцѣнить высказанную мною истину. Старинная пословица гласитъ: „Своевольный человѣкъ непремѣнно хочетъ, чтобы все исполнялось согласно его желанію“. Измѣните немножко эту фразу, возьмите тономъ выше, и получится: „Человѣкъ, одаренный волей, всегда добьется своего“. Это — психологическій законъ.

Шерифъ хлебнулъ стараго портвейна, но не могъ какъ слѣдуетъ просмаковать ароматъ и тонкій вкусъ вина: удовольствіе его было омрачено мыслями о домашнемъ его очагѣ, гдѣ этотъ законъ осуществлялся неизмѣнно, къ большой его невыгодѣ. Онъ не могъ не согласиться съ Джасперомъ, а тотъ и не подозрѣвалъ, насколько укрѣпилъ свою позицію.

— Да, вамъ мы можемъ слѣпо ввѣриться, — сказалъ шерифъ.—Вы—единственный изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ политиковъ, который идетъ своимъ путемъ, не заботясь, что о немъ скажутъ. Я хотѣлъ бы дѣлать то же.

— Кто же вамъ мѣшаетъ?

Шерифъ отвѣтилъ только вздохомъ.

Когда кончились рѣчи, все собраніе перекочевало въ гостиную, гдѣ были сервированы чай и кофе. Нашлись ненасытные, которые заѣдали то и другое горячими булочками—пережитокъ варварскихъ временъ. Въ воздухѣ стоялъ говоръ, запахъ кофе и сигарный дымъ. Джаспера увлекла за собой маленькая группа, державшаяся особнякомъ отъ остального общества, какъ и подобаетъ людямъ выдающагося общественнаго положенія. Въ этой

группѣ были лордъ-мэръ, глава корпораціи кожевниковъ, лордъ Джонъ Ривлби, товарищъ министра. Всѣ они ухаживали за Джасперомъ, говорили ему лестныя вещи, внимательно прислушивались къ его словамъ. Его рѣчь, сильная и полная готовности устранить всякія помѣхи желанной ассигновкѣ на пріобрѣтеніе нужной земли, внушила имъ вѣру въ его способность достигнуть желаемаго. Въ первый разъ онъ видѣлъ себя открыто признанной политической силой. Онъ чувствовалъ за собой поддержку города, очень вѣскую и цѣнную.

— Вамъ слѣдовало бы укрѣпить вашу позицію, присоединившись къ нашей корпораціи,—сказалъ шерифъ.

— Позиція м-ра Веллакота и безъ того достаточно сильна,—возразилъ глава кожевниковъ.—Но если онъ добьется своего, самое меньшее, что мы можемъ сдѣлать, чтобы выразить ему нашу признательность—это просить его оказать намъ честь: быть нашимъ почетнымъ членомъ.

Одиночество и вечерняя прохлада, когда Джасперъ пѣшкомъ пошелъ домой, быстро возстановили его нѣсколько нарушенное душевное равновѣсіе. Онъ расхохотался—и тотчасъ же самъ немножко устыдился своего самохвальства и торжествующихъ, задорныхъ нотокъ, звучавшихъ въ его смѣхѣ. И принялся уже трезво обсуждать прожитой день и выяснять себѣ его значеніе. Онъ былъ захваченъ врасплохъ. Реакція произошла такъ быстро, что онъ на время утратилъ самообладаніе. Это было опасно. На будущее время надо быть на сторожѣ. Слишкомъ натянутые нервы, какъ туго натянутая пружина, если вдругъ ослабнутъ, могутъ дать совершенно неожиданный и диссонирующій звукъ. А диссонансъ въ его острѣйшей формѣ — истерія. Онъ, Джасперъ Веллакотъ — истерикъ! Что за нелѣпость! И опять онъ разсмѣялся.

Часы его показывали половину одиннадцатаго. Домой идти не хотѣлось, хотѣлось бродить. И противно было ночевать подъ одной кровлей съ Беркомъ. Въ этомъ сказалась не то щепетильность, не то гнѣвный вызовъ. Джасперъ ожесточилъ свое сердце противъ этого человѣка.

— Я долженъ жить, какъ Богъ велитъ,—выговорилъ онъ,—и будь я проклятъ, если я позволю Берку испортить мнѣ жизнь!—Въ этой фразѣ сказалась вся странная двойственность его натуры.

Инстинктъ толкалъ его къ лэди Алиціи. Въ такіе моменты она дѣйствовала на него божественно успокоительно. Здравый смыслъ говорилъ, что для случайнаго визита часъ слишкомъ

поздній. Если она и дома, то, навѣрное, уже въ постели... Ему вспомнился Бонни, вспомнилось обѣщаніе, данное утромъ лэди Алиціи. И при этой мысли онъ сразу воспрянулъ духомъ. Этотъ мальчикъ, съ его ребяческимъ эгоизмомъ, съ его привычкой говорить о себѣ—какъ разъ то, что ему нужно: онъ собьетъ его съ слишкомъ личнаго пути, снова поставитъ на привычные рельсы мягкаго, нѣсколько грустнаго альтруизма... Джасперъ ускорилъ шагъ. Онъ не анализировалъ своихъ чувствъ, но смутно чувствовалъ именно такъ... Нагнавшій его бэйсватерскій омнибусъ довезъ его внизъ по Холборну до Соутгэмптонъ-Рау. Оттуда онъ пѣшкомъ дошелъ до Грэтъ-Горамъ-стритъ и постучался къ Бонни.

Юный поэтъ швырнулъ перо и вскочилъ на ноги, опрокинувъ стулъ, на которомъ онъ сидѣлъ, когда заспанная служанка доложила ему о Джасперѣ.

— Какъ это мило съ вашей стороны! Ужасно мило!

Какъ всегда, онъ началъ суетиться, пріискивая мѣсто, куда бы положить пальто и шляпу Джаспера, освобождая для него стулъ и вытаскивая коробку съ папиросами изъ-подъ кучи всякаго хлама.

— Я ужасно безпорядоченъ—объяснялъ онъ,—а служанка еще неряшливѣе меня, и вотъ вы видите, какой живописный безпорядокъ получается въ результатѣ. Если вы долго просидите въ этомъ креслѣ, васъ тоже завалятъ всякимъ хламомъ, и придется васъ потомъ разыскивать и откапывать. А все-таки какъ хорошо, что вы пришли! Я цѣлую вѣчность не видалъ васъ. Впрочемъ, это не совсѣмъ по моей винѣ. Я заходилъ къ вамъ раза два, вечеркомъ, но вы, говорятъ, все законодательствуете. Подложите себѣ подъ спину эту подушку: безъ нея это кресло—утонченное орудіе пытки, о какомъ не мечтала и святая инквизиція.

Онъ хлопоталъ, гостепріимный, какъ ребенокъ, радуясь приходу Джаспера. И вдругъ испуганно остановился посреди комнаты.

— Батюшки! а виски-то и нѣтъ. Какая досада! Я сейчасъ сбѣгаю—это тутъ за угломъ.

Стремительный юноша уже шарилъ подъ ободраннымъ диваномъ, разыскивая свои сапоги, но Джасперъ удержалъ его, доказывая, что онъ въ этотъ вечеръ и такъ ужъ слишкомъ много ѣлъ и пилъ. Онъ не позволилъ Бонни добыть даже бутылку пива у хозяйки. Папироска и болтовня Бонни—больше никакихъ угощеній ему не нужно. Бонни подчинился и со смѣхомъ кинулся на софу, на кучу смятыхъ книгъ и газетъ.

— Да, наболтать я могу съ три короба. Отверните только кранъ, и польется такой потокъ рѣчей, что въ немъ можно утопить цѣлую армію... А знаете, нѣкоторые люди не умѣютъ болтать. Мнѣ это всегда казалось страннымъ. Все равно какъ не умѣть свистать. По моему, у человѣка столько всегда всякой всячины, и крупнаго, и мелкаго, что̀ хочется высказать.

— Особенно послѣ того, какъ человѣкъ цѣлыхъ пять недѣль жилъ анахоретомъ, вдали отъ человѣческаго общества.

— О! въ этомъ-то у меня недостатка не было!—искренно воскликнулъ Бонни.—Но кто же вамъ сказалъ, что я сдѣлался анахоретомъ? Кто? Держу десять противъ одного, что лэди Алиція. Боюсь, что я очень давно не видалъ ея. Послушайте, Велакотъ!—вскричалъ онъ, вскакивая на ноги.—Она не въ обидѣ на меня? Нѣтъ? Она удивительно милая, и мнѣ было бы страшно досадно, еслибъ она думала, что я дурно отношусь къ ней. Она—одна изъ женщинъ, которыхъ я люблю.

— Одна изъ многихъ?

— Я могу любить и сотню, каждую по своему. А вы—развѣ нѣтъ?

— Я—политикъ, потрепанный бурей, а не поэтъ, мой юный другъ.

— Ну, погодите: когда-нибудь мы увидимъ и васъ влюбленнымъ по уши.

— Можетъ-быть, я на старости лѣтъ и ослабѣю настолько духомъ, чтобъ влюбиться, — молвилъ Джасперъ, — но если вы воображаете, что процессъ этотъ будетъ происходить на вашихъ глазахъ, вы очень ошибаетесь.

Онъ улыбался. Ему было и смѣшно, и немного досадно. Онъ — въ роли Орландо, вырѣзывающаго стихи на деревьяхъ, расхаживающаго, волоча по землѣ шнурки отъ башмаковъ, небрежностью костюма и всѣмъ прочимъ выставляющаго на показъ свое любовное отчаяніе... Забавная мысль! А между тѣмъ онъ отдалъ бы все свое богатство за то, чтобы стать вотъ такимъ влюбленнымъ юношей, безпечнымъ и свободнымъ, въ Арденскомъ лѣсу... Кора дуба, или страницы дешеваго еженедѣльника—не все ли равно? Суть одна и та же.

— Но вернемся къ нашему разговору — сказалъ Бонни.— Алиція не очень сердится на меня?

— Прощеніе ждетъ васъ, но вы должны придти за нимъ.

— Я пойду къ ней въ воскресенье. Вы знаете, все это время я былъ такъ занятъ... Прежде всего, моя пьеса... Я только-что кончилъ ее. Она—всего одноактная, но сколько я трудился

надъ ней! Сколько исписанныхъ листовъ изорвалъ! Помните: я вамъ разсказывалъ сюжетъ? Я самъ не зналъ того, о чемъ говорилъ.

— А теперь знаете?

Юноша вспыхнулъ подъ ласковымъ, но проницательнымъ взглядомъ своего болѣе пожилого друга.

— Я говорилъ вамъ, что хочу, чтобъ моя пьеса била въ голову, какъ шампанское. А она выходила водянистая. Но теперь, кажется, вышло.

— Вы должны въ воскресенье принести ее въ Онслоу-Гарденсъ и прочесть намъ,—сказалъ Джасперъ.

Бонни запустилъ пальцы въ свои кудрявые темные волосы и какъ-то особенно посмотрѣлъ на Веллакота.

— Знаете, я не увѣренъ, что она понравится Алиціи.

Джасперъ изумился. Какъ вѣрно Бонни чутьемъ угадываетъ лэди Алицію!.. Ему вспомнилось выраженіе неодобренія на ея лицѣ сегодня утромъ и ея отзывъ объ его послѣднихъ стихотвореніяхъ, напечатанныхъ въ „Еженедѣльникѣ“. Когда онъ сообщилъ объ этомъ Бонни, тотъ принялся рыться въ газетахъ, отыскивая старые номера „Еженедѣльника“.

— Вотъ, взгляните. Я люблю, чтобъ тѣ, кого я люблю, видѣли, что я пишу. Это, кажется, лучшее, что мнѣ до сихъ поръ удалось написать. И для меня это такъ страшно важно!—прибавилъ онъ, какъ бы извиняясь.

Джасперъ прочелъ одно стихотвореніе—и былъ захваченъ. Отъ этихъ строкъ вѣяло жизнью, зноемъ, страстью; въ нихъ звучала южная музыка, щедрая, благоуханная; онѣ пылали пламенемъ горящихъ глубинъ. Стихи были чувственные и въ то же время духовные, какъ ладанъ, какъ потоки алаго свѣта, льющіеся сквозь готическія окна. Мысли, остававшіяся невысказанными, затуманили взоръ Джаспера, когда онъ перевелъ его со страницъ журнала на молодое, вдохновенное лицо счастливца, создавшаго эту опьяняющую музыку словъ. А Бонни стоялъ передъ нимъ, тревожно ожидая его приговора, какъ будто создалъ не шедевръ, а какую-нибудь хитроумную ловушку для кроликовъ.

— Чудесно, чудесно! — бормоталъ Джасперъ.—Какъ могло это не понравиться лэди Алиціи?

— Она—серебряная звѣзда въ ночи,—возразилъ Бонни,—и не можетъ симпатизировать алому цвѣтку, распустившемуся подъ яркимъ солнцемъ.

Поистинѣ, правда и красота не всегда одно и то же. Поэтическая иллюзія помогла обоимъ вести разговоръ въ гораздо болѣе

высокой плоскости, чѣмъ простое констатированіе факта, что серебряная звѣзда попросту и чисто по-женски ревнуетъ къ алому цвѣтку, воспѣтому Бонни въ его любовныхъ поэмахъ. Тѣ самыя ограниченія, противъ которыхъ вѣчно возстаетъ и бунтуетъ человѣчество, ему слѣдовало бы благословлять, такъ какъ они только и дѣлаютъ возможною духовную жизнь. Въ сущности, что такое любовь, какъ не безсмертное сліяніе двухъ иллюзій? Что такое лучшее „я“ человѣка, какъ не своего рода астральное тѣло, сотканное изъ его тщеславія, смутныхъ стремленій и невозможныхъ идеализацій — символическій снимокъ его души, сдѣланный съ безсознательно прикрашеннаго негатива?

— Значитъ, красный цвѣтокъ существуетъ, Бонни?—ласково освѣдомился Джасперъ.

И какъ только онъ предложилъ этотъ вопросъ, передъ глазами его встала картина, которую онъ видѣлъ мелькомъ въ раскрытую дверь отеля Бомбони. Ему стало непріятно, и это отрезвило его. Онъ всталъ и положилъ руку на плечо своего юнаго друга.

— Увѣрены ли вы, что это—цвѣтокъ, а не сорная трава?

— Она вся—порывъ, вся—красота.

— Съ глазами итальянки? Да?

— Да. Пусть знаютъ всѣ. Мнѣ все равно.

— Такъ, значитъ, это она—источникъ вдохновенія?

— Она—начало и конецъ всего моего существованія.

Молодой человѣкъ выпрямился во весь ростъ и гордо вскинулъ голову, словно бросая вызовъ всѣмъ, способнымъ усумниться. Джасперъ взялъ щепотку табаку изъ жестянки, стоявшей на письменномъ столѣ, набилъ трубку и, не спѣша, закурилъ ее. Отношенія Бонни къ молодой особѣ изъ Сого представились ему теперь въ иномъ свѣтѣ. Они были окружены ореоломъ поэзіи и энтузіазма. Это было уже не простое языческое взаимное влеченіе двухъ молодыхъ и красивыхъ существъ, охваченныхъ радостью жизни. Оно грозило перейти въ безумную страсть. Шаблонные доводы житейскаго опыта всѣ были въ памяти у Джаспера, но они казались здѣсь такими неумѣстными. Онъ достаточно видѣлъ Витторію, чтобъ убѣдиться, что это—не заурядная расфранченная Геба, нерѣдко дѣйствующая на чувственность неопытныхъ юношей, стоящихъ выше ея по общественному положенію. Она обладала рѣдкой красотой, умомъ, индивидуальностью. И, тѣмъ не менѣе, ему было страшно за Бонни. Меньше, чѣмъ кто бы то ни было, онъ склоненъ былъ считаться съ условностью кастовыхъ различій—и все же какъ-то

не могъ выдѣлить эту дѣвушку изъ атмосферы грязненькаго ресторанчика; какой-то душокъ передавался и ей. Въ томъ обществѣ, гдѣ вращался Бонни, нашлись бы милыя дѣвушки, болѣе подходящія къ нему, болѣе достойныя быть его подругами... Джасперъ снова усѣлся въ кресло и продолжалъ молча курить.

— Ну-съ? Что вы имѣете противъ этого?

— Что же я могу имѣть противъ?

— О! очень много. Кучу умныхъ возраженій. Я ужъ вижу, что вы готовитесь прочесть мнѣ нотацію. По лицу вашему вижу. Голубчикъ, не надо. Не поможетъ. Я долженъ идти своимъ путемъ. Господи Боже мой! да какъ же мнѣ не любить ее, когда она вся, и тѣломъ, и душой, создана Богомъ какъ будто нарочно для меня. Любить ее—для меня такъ же естественно, какъ грѣться на солнышкѣ... Ахъ, Веллакотъ, вѣчно я говорю съ вами только о себѣ. Я самъ не знаю, какъ это выходитъ. Это потому, что вы такъ страшно симпатичны — все равно какъ Алиція. Вамъ обоимъ такъ и хочется излиться.

— Однако, насчетъ Витторіи вы лэди Алиціи, кажется, не изливались,—замѣтилъ Джасперъ.

— Дорогой мой,—возразилъ юный мудрецъ,—возьмите себѣ за правило: никогда не говорить о женщинѣ, въ которую вы влюблены, съ другою женщиной, вамъ симпатичной. Витторію вы понимаете довольно правильно, но Алицію...—Онъ не докончилъ и затянулся папироской.

И у Джаспера, при всей его любви и уваженіи къ лэди Алиціи, шевельнулось въ душѣ тревожное сознаніе, что Бонни правъ.

— Прочтите мнѣ лучше сейчасъ же вашу новую пьесу,— сказалъ онъ.

Было два часа ночи, когда онъ очутился, наконецъ, у своего подъѣзда въ Гауэръ-стритъ. Почему-то ему казалось, что къ бремени отвѣтственности, лежавшему на немъ, прибавилась еще и любовная исторія Бонни. Впервые за много недѣль, поднимаясь по лѣстницѣ наверхъ, въ свою спальню, онъ не думалъ о Беркѣ.

XI.

Однако, нѣсколько времени спустя, Бонни все-таки прочелъ свою пьесу лэди Алиціи. Въ блаженномъ невѣдѣніи тѣхъ жгучихъ вліяній, которыя за послѣднее время подчинили себѣ поэтическій геній Бонни, она сама настояла на этомъ.

— Неужто же пошлете свою пьесу режиссеру, не прочитавъ мнѣ ее предварительно? — сказала она съ упрекомъ. И молодой человѣкъ, вообще не отличавшійся особенной застѣнчивостью и не имѣвшій привычки держать въ секретѣ плоды своихъ вдохновеній, поспѣшилъ дать обѣщаніе, хотя его готовность и была не совсѣмъ искренней. И вотъ, въ одинъ воскресный вечеръ лэди Алиція собрала у себя весь свой кружокъ—Джаспера, супруговъ Эдори, Эллиноръ Коррей, еще двухъ-трехъ человѣкъ, — и Бонни, съ живописными ремарками, воспроизводившими сценическіе эффекты, прочелъ имъ всѣмъ свое „Хіосское вино“. Сначала онъ нѣсколько смущался: ему было неловко раскрывать свое сердце, съ пылавшимъ въ немъ огнемъ, передъ этимъ свѣтскимъ обществомъ и, главнымъ образомъ, передъ тою, которая до тѣхъ поръ была, въ извѣстной степени, его Эгеріей. Первыя строки онъ прочелъ упавшимъ голосомъ, но вскорѣ увлекся и позабылъ все окружающее. Время и пространство перестали для него существовать. Онъ читалъ блестяще, вдохновенно, съ захватывающей силой драматизма; вся его душа трепетала въ его взорѣ и голосѣ, молодая страсть прорвалась неудержимымъ потокомъ. Послѣднія слова онъ выговорилъ высокимъ, звенящимъ голосомъ, вскочилъ на ноги, швырнулъ на полъ рукопись и продолжалъ стоять, тяжело дыша, среди всеобщаго упорнаго молчанія. Страсть, бившая ключомъ въ его драмѣ, захватила и всѣхъ слушателей, и они смотрѣли на него, блѣдные, испуганные, напрасно силясь вернуть себѣ равновѣсіе. Но это длилось всего двѣ-три секунды; затѣмъ наступила реакція и раздались восторженныя рукоплесканія.

— Ей Богу! — воскликнулъ художникъ-академикъ Эдори— я напишу декораціи для этой пьесы. Даже даромъ напишу. Скажите это Кампіону. Небо цвѣта амбры, бирюзовое море, бѣлые храмы, выглядывающіе изъ-за кипарисовъ, мраморныя ступени и кроваво-алый наметъ. Чортъ возьми! Откуда у васъ взялось это выраженіе: „кроваво-алый“? Какую дивную симфонію красокъ можно создать изъ всего этого! Ради Бога, не отдавайте этого какому-нибудь заурядному декоратору. Онъ вамъ все испортитъ.

— Ну, знаете, Бонни, вы заставите призадуматься наше „избранное общество“! — замѣтилъ Мэнуорингъ.

— Вы всколыхнете его душу до самаго дна — насколько у него есть душа! — вскричала Эллиноръ Коррей.

— Да, такая вещь можетъ и всколыхнуть, и опьянить. Смотрите, Бонни, вы будете отвѣтственны за всѣ тѣ вулканическіе взрывы, которые могутъ воспослѣдовать изъ этого.

— Но кто же будетъ играть главную мужскую роль?—озабоченно спрашивала Эллиноръ Коррей.—Кампіонъ, съ его сантиментальной граціей и манерничаньемъ, годнымъ для Орландо? Кампіонъ, образецъ сценическаго исполненія и театральнаго искусства, одобренный всѣми лондонскими школами для молодыхъ дѣвицъ? Вамъ нуженъ исполнитель „объятый страстью, недоступной смертнымъ", чтобы выдвинуть эту роль на подмосткахъ, заставивъ смотрѣть на него, а не на декораціи м-ра Эдори. Такого актера вы не достанете.

— Это все равно что поручить городскому глашатаю читать свои стихи,—вставилъ словечко Кодби, изъ угла, гдѣ онъ сидѣлъ, няньча собственную ногу. Лэди Алиція недавно только познакомилась съ нимъ и очень восхищалась имъ, дѣля свое послѣднее увлеченіе между нимъ и желтой кошкой изъ майолики, съ длинными усами и безконечною грустью въ глазахъ, стоявшей, подобно пенатамъ, на ея остывшемъ, по лѣтнему, очагѣ.

— Драма—продолжалъ онъ—была бы высшимъ изо всѣхъ искусствъ, еслибъ не актеры.

Разговоръ продолжался въ томъ же тонѣ—легкаго, поверхностнаго восхищенія. Это была типичная культурная англійская аудиторія, которая, не желая обнаруживать своихъ стихійныхъ эмоцій, прячетъ ихъ подъ условнымъ свѣтскимъ остроуміемъ. Тѣмъ временемъ, лэди Алиція съ протянутой рукой подошла къ Бонни.

— Это чудесно, чудесно, Бонни! Изумительно красиво!—выговорила она негромко. Но взглядъ ея былъ краснорѣчивѣе словъ. Она смутно сознавала, что на этотъ разъ она ни при чемъ, что эта пышущая страстью драма создалась помимо ея участія, что ея поэтъ ускользнулъ изъ той благоуханно-чистой сферы, въ которой были написаны первые его стихи и гдѣ ей такъ отрадно было тонко и умно, по женски, вдохновлять его и руководить имъ, чуточку приподнимая передъ нимъ завѣсу своей души. Впервые она убѣдилась окончательно въ существованіи алаго цвѣтка, распустившагося на солнцѣ.

— Я такъ радъ, что это вамъ нравится, Алиція!—воскликнулъ поэтъ, все еще взволнованный и возбужденный.—Я такъ боялся, что вамъ не понравится.

— Почему?

— Вамъ вѣдь вообще не по душѣ стихійныя краски и стихійныя эмоціи. Я думалъ, что моя пьеса можетъ показаться вамъ слишкомъ рѣзкой.

— Я люблю все красивое,—мягко отвѣтила она,—и я на-

дѣюсь, Бонни, милый, что ваша пьеса принесетъ вамъ и много славы, и много счастья.

Она улыбнулась ему необычайно ласково и отошла къ другимъ гостямъ, ощущая въ сердцѣ странную легкую боль. Извиненіе Бонни было полу-признаніемъ. Ей припомнились любовные стихи въ „Еженедѣльникѣ“. До тѣхъ поръ они отталкивали ее лишь избыткомъ чувственности. Темпераментъ ея былъ слишкомъ утонченный: поцѣлуи въ вѣки, трепетъ полураскрытыхъ губъ, и у Суинберна, и даже у м-съ Броунингъ, въ ея „Сонетахъ съ португальскаго“, шокировали ея цѣломудренную деликатность еще не проснувшейся женщины. Точно также шокировала ее и чувственная яркость образовъ въ послѣднихъ поэмахъ Бонни. Но теперь она поняла, что поэмы эти вылились изъ того же источника вдохновенія, какъ и пьеса. Ей была не по душѣ и эта пьеса, и эта страсть; она чувствовала себя точно обиженной тѣмъ, что Бонни влюбился, и притомъ въ совершенно незнакомую ей молодую особу, которой она даже не могла себѣ представить.

Позже, въ тотъ же вечеръ, она на минутку осталась одна на балконѣ съ Джасперомъ. Они говорили о пьесѣ, о будущемъ Бонни.

— Онъ вышелъ изъ-подъ нашей опеки, — вздохнула лэди Алиція.

— Онъ долженъ выпить до дна свою чашу жизни, — сказалъ Джасперъ. — На радость или на горе себѣ — кто можетъ сказать.

— Я почти хочу, чтобъ это было *не* на радость.

— Чтобы блудный сынъ вернулся домой и можно было заклать для него упитаннаго тельца?

— Болѣе или менѣе — да. Это звучитъ жестоко и эгоистично. Но мнѣ не нравится эта его необузданность. Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ онъ писалъ въ моемъ духѣ — въ томъ духѣ, который я люблю. Видите ли, — прибавила она, помолчавъ, и тихонько засмѣялась, — я вѣдь была для него чѣмъ-то въ родѣ крестной. Всѣ свои стихи онъ показывалъ первой мнѣ. А теперь я вижу ихъ уже въ печати, и они какъ будто написаны не тѣмъ Бонни, котораго я знаю и люблю, а какимъ-то другимъ, чужимъ, м-ромъ Бонами Тредгольдомъ. Онъ, именно какъ блудный сынъ, безпутно расточаетъ свое поэтическое вдохновеніе. Можетъ-быть потому-то мнѣ и хочется, чтобъ онъ вернулся къ намъ — прежде чѣмъ ему доведется питаться отрубями. Упитанный телецъ, во всякомъ случаѣ, не принесетъ ему вреда.

— Я буду присматривать за нимъ — просто сказалъ Джасперъ.

Лэди Алиція вполголоса горячо благодарила его. Въ такомъ городѣ, какъ Лондонъ, столько искушеній для человѣка съ пылкимъ темпераментомъ Бонни! Надо поберечь его геній: жаль будетъ, если онъ увянетъ до времени. Одно слово человѣка, который старше его, котораго онъ любитъ и уважаетъ, можетъ удержать его на краю бездны... Она скользила вокругъ и около, не смѣя поставить вопросъ прямо. Джасперъ, ослѣпленный своимъ незнаніемъ женщинъ вообще и своей неудовлетворенной любовью къ этому избранному божеству въ частности, не увидѣлъ въ ея тревогѣ ничего, кромѣ материнской заботливости. Но и онъ не могъ не замѣтить, что она подозрѣваетъ наличность какихъ-то новыхъ и вредныхъ вліяній въ жизни юноши. И это его смущало. Онъ съ радостью помчался бы, по ея просьбѣ, какъ истый ея рыцарь, освобождать заколдованнаго юнаго принца пѣсенъ изъ сѣтей мрачной волшебницы; но его опытъ и знаніе мужской природы говорили ему, что всякая попытка стать между Бонни и Витторіей была бы напрасной, если не хуже. И онъ поспѣшилъ отклонить отъ себя незаслуженную признательность своего божества.

— Я всегда буду любить нашего мальчика и буду ему другомъ. Но вы знаете, лэди Алиція, каждый человѣкъ долженъ пройти безъ посторонней помощи сквозь тотъ огонь, который онъ самъ для себя зажегъ.

— Дружеская рука можетъ удержать его.

— Когда человѣкъ зажигаетъ этотъ огонь, никто его не видитъ, кромѣ него самого и Бога.

— Зачѣмъ вамъ, мужчинамъ, непремѣнно нужно это!—вскричала лэди Алиція.

— Не однимъ только мужчинамъ—и женщинамъ тоже. Таковъ слѣпой законъ жизни.

— Нѣтъ, нѣтъ! Каждый можетъ устроить себѣ спокойную, ровную, разумную жизнь. Пока у человѣка голова и разсудокъ на мѣстѣ, никакой законъ не можетъ толкнуть его на преступленіе или на безумную страсть. Эта пьеса Бонни не отражаетъ жизни—нормальной жизни: мнѣ жутко отъ нея, словно я побывала среди сумасшедшихъ. Нормальный интеллектъ видитъ вещи въ ихъ дѣйствительныхъ, не преувеличенныхъ размѣрахъ. Вотъ вашъ, напримѣръ. И мой, надѣюсь, тоже.

— Быть-можетъ поэтъ видитъ ихъ въ ихъ божественныхъ размѣрахъ.

— Когда на поэта нисходитъ вдохновеніе свыше—конечно. Но когда онъ черпаетъ свое вдохновеніе изъ нечистаго источника, онъ и видитъ все въ искаженномъ свѣтѣ. Я *хочу*, чтобъ вы согласились со мной.

Лэди Алиція разсердилась и вспылила. Его упорное нежеланіе понять, что она добивается отъ него точныхъ свѣдѣній относительно Бонни, раздражало ее. И ей было досадно, что онъ такъ спокойно смотритъ, какъ Бонни стремится къ своей гибели—и не считаетъ нужнымъ останавливать его. Она не любила, чтобы ея категорическія заявленія оставались подъ сомнѣніемъ...

Джасперъ, обезпокоенный, смотрѣлъ на нее. Какой онъ неумѣлый! Чѣмъ онъ оскорбилъ ее?.. Но тотчасъ же онъ нашелъ объясненіе. Сквозь покровъ дорогой его сердцу иллюзіи она представилась ему кристально-чистой душой, не вѣдающей, что̀ такое зло. И, какъ простодушный человѣкъ, притомъ безумно влюбленный, онъ сталъ еще больше чтить ее за это.

— По справедливости, я долженъ согласиться съ вами.

Столько достоинства и нѣжности было въ этихъ словахъ, что лэди Алиція была тронута. Ей стало стыдно, что она сошла съ своего пьедестала безгрѣшности, и захотѣлось оправдаться въ его глазахъ.

— Простите мнѣ, что я была груба съ вами, кузенъ Джасперъ—шепнула она.

Это слово было для него ударомъ и въ то же время точно поцѣлуемъ. Такъ сладко было слышать его изъ ея устъ. Словно острая боль пронизала все его тѣло. Ради этого слова стоило перенести всѣ муки земли. Онъ забылъ все на свѣтѣ.

— „Кузенъ Джасперъ“—значитъ и „кузина Алиція“?

— Если хотите, просто: „Алиція“. Почему же нѣтъ, разъ вы, наконецъ, признали наше родство!

Къ ней уже опять вернулся ея безмятежный видъ царицы, которая осыпаетъ щедрыми милостями своихъ смиренныхъ вѣрноподданныхъ. Она была убѣждена, что по-царски искупила свою раздражительность, но въ то же время находила, что со стороны Джаспера очень мило не упоминать о прощеніи.

— Для меня будетъ очень сладкой привилегіей называть васъ такъ,—выговорилъ онъ съ своей старомодной учтивостью.

И на обратномъ пути домой онъ всячески старался привыкнуть къ этой привилегіи. Когда онъ во второй разъ назвалъ лэди Алицію просто по имени, Бонни, шедшій вмѣстѣ съ нимъ, зорко посмотрѣлъ на него.

— Я радъ, что вы перешли на это. Такая нелѣпость эти „мистеры“ и „лэди“ и т. п. между кузенами.

— Такъ и вамъ извѣстно объ этомъ родствѣ?

— Конечно. Вѣдь и я вамъ не чужой. Моя мать была урожденная Гарденъ. Мать Алиціи была урожденная Веллакотъ. Эти двѣ почтенныя семейки не разъ роднились между собой. Я никогда не упоминалъ объ этомъ, потому что Алиція дала мнѣ понять, что вамъ это почему-то какъ будто непріятно. Но все-таки я радъ. До нѣкоторой степени вы, значитъ, и мнѣ приходитесь сродни. Вотъ это здорово!

— А знаете, Бонни: для поэта вы выражаетесь не очень-то изысканно.

Бонни расхохотался.—Не можете же вы требовать отъ меня, чтобъ я цѣлый день разъѣзжалъ верхомъ на Пегасѣ, натирая ему мозоли на спинѣ. Надо же и бѣдную лошадку пожалѣть.

Дойдя до конца Блумсбери-стритъ, они разстались. Джасперъ направился домой, а Бонни, подождавъ немного, повернулъ назадъ въ Шефтсбери-авеню, въ надеждѣ увидать хоть тѣнь своей возлюбленной за спущенными занавѣсями въ окнѣ ея спальни. Ея окно было освѣщено, но тѣни не было видно. Въ счастливомъ невѣдѣніи того факта, что дѣвушка лежитъ на кровати и горько плачетъ, онъ послалъ воздушный поцѣлуй квадратику желтаго свѣта, и пошелъ домой спать, счастливѣйшій поэтъ въ Лондонѣ.

И пока онъ спалъ крѣпкимъ сномъ здороваго молодого животнаго и видѣлъ во снѣ Витторію, лэди Алиція, утопая въ тонкихъ кружевахъ подушекъ, напрасно старалась усыпить себя „Подражаніемъ Христу“, съ тоскою чувствуя, что авторъ этой книги былъ очень достойнымъ, но чрезвычайно непрактичнымъ святымъ.

А Джасперъ, отворивъ входную дверь своимъ ключомъ, вздрогнулъ и отшатнулся, увидавъ въ швейцарской, подъ лѣстницей, распростертую на полу человѣческую фигуру — фигуру мужчины въ пиджама и босого. Подойдя ближе, онъ узналъ Берка. Тряхнулъ его за плечо—тотъ не проснулся. Тогда Джасперъ сообразилъ, что Беркъ мертвецки пьянъ. Онъ зажегъ электричество и нагнулся надъ спящимъ. Ошибиться было невозможно. Перекошенное лицо, свистящее дыханіе, съ храпомъ вырывавшееся изъ горла, отвратительный запахъ виннаго перегара, бившій въ носъ—все это не оставляло мѣста сомнѣнію. Но какимъ же образомъ этотъ человѣкъ, жившій въ сосѣднемъ домѣ, очутился здѣсь, у него подъ лѣстницей, и вдобавокъ еще въ

ночномъ костюмѣ? Джасперъ былъ заинтересованъ и въ то же время глубоко возмущенъ. Несмотря на всѣ превратности его судьбы, на нищету и убожество его жизни въ колоніяхъ, онъ всегда чувствовалъ прирожденное отвращеніе къ пьянству. Веселая попойка въ пріятельской компаніи—это онъ еще понималъ, но напиваться одному!.. Это было ему глубоко противно.

Однако нельзя же оставить Берка здѣсь до утра. Было около часу ночи; весь домъ уже погрузился въ сонъ. Очевидно, придется одному тащить пьянаго обратно въ его спальню. Въ видѣ подготовки, онъ прошелъ сначала одинъ въ аппартаменты Берка, по пути всюду поворачивая выключатели и озаряя себѣ дорогу электрическимъ свѣтомъ. На столѣ въ гостиной онъ нашелъ пустую бутылку изъ-подъ виски и пару пустыхъ сифоновъ. Пробочникъ съ неснятой пробкой дополнялъ картину. Очевидно, пьяница „усидѣлъ“ одинъ всю бутылку. Освѣтивъ спальню, Джасперъ убѣдился, что Беркъ уже лежалъ въ постели, но затѣмъ почему-то всталъ. Онъ вернулся назадъ и съ силой, которой врядъ-ли кто могъ бы ожидать отъ его сгорбленной фигуры, поднялъ пьяницу, взвалилъ его себѣ на спину и, сгибаясь подъ тяжестью ноши, понесъ его по длиннымъ корридорамъ и вверхъ по лѣстницамъ въ его спальню. Потомъ заперъ двери, погасилъ свѣтъ и прошелъ къ себѣ.

Засыпая, онъ не каялся въ томъ, что призналъ свое родство съ любимой женщиной. Беркъ былъ не такой родственникъ, которымъ лэди Алиція Гарденъ могла бы гордиться.

XII.

Поцѣлуй въ Эппингскомъ лѣсу былъ первымъ изъ многихъ и многихъ. Да оно и не могло быть иначе, несмотря на доводы благоразумія и женскіе запреты. Помимо того, что алыя, свѣжія дѣвичьи губы влекли и манили безумно, въ самомъ Бонни и въ его обращеніи съ женщинами было что-то властное, заставлявшее женщинъ покоряться ему, не возмущаясь. Да и, въ сущности, что такое поцѣлуи? Въ концѣ концовъ, Витторія перестала сопротивляться и читать нотаціи. Порой она сама прижималась своей щекой къ его щекѣ и очаровательно ворковала ему на ухо. Иной разъ она мучила его, прикидываясь дѣловою женщиной, занятой серьезными мыслями о преуспѣяніи ресторана, и обращалась съ нимъ какъ съ избалованнымъ мальчишкой. Ее забавляло видѣть, какъ щеки его вспыхиваютъ яркимъ румян-

цемъ, и слышать нетерпѣливыя нотки въ его голосѣ. Иной разъ она мрачно говорила о сложности жизни и намекала, что настанутъ дни, когда этому сладкому безумію придется положить конецъ. Въ такіе моменты слова ея дышали такимъ глубокимъ и горькимъ пессимизмомъ, что Бонни изумлялся и начиналъ разспрашивать ее, добиваясь отъ нея опредѣленнаго отвѣта: что именно такъ огорчаетъ ее. Но дѣвушка отвѣчала уклончиво, и только дивные глаза ея становились тоскующими и печальными. Однажды она страстно разрыдалась, укоряя себя: зачѣмъ она вышла изъ монастыря—этого единственнаго мѣста на землѣ, гдѣ можно найти душевный покой! Порой ей нравилось удивлять его своими дарованіями, своею образованностью. Она начинала говорить о книгахъ, объ искусствѣ, о религіи, о любви, о философіи жизни. Чутьемъ она угадывала нужное слово, реплику; онъ увлекался и самъ говорилъ безъ конца, но въ то же время высоко цѣнилъ ея чуткость, ея пониманіе.

Однако, несмотря на поцѣлуи, ворковаьне и моменты сладкаго самозабвенія, Бонни до сихъ поръ еще не добился отъ нея признанія, что она любитъ его. Его страсть била ключомъ, изливалась неизсякаемымъ потокомъ. Но Витторія, кокетка до мозга костей, все время держала его въ состояніи восхитительнаго томленія. И самая душа ея какъ будто трепетала, отшатываясь въ испугѣ отъ признанія.

— Не пущу, пока не скажете!—говорилъ онъ иногда, полушутя, полу-гнѣвно, сжимая ее въ своихъ объятіяхъ. Витторія откидывала назадъ красивую головку и смотрѣла на него томно и въ то же время насмѣшливо; потомъ неожиданно вздрагивала всѣмъ тѣломъ, лицо ея становилось суровымъ и жесткимъ, и она сердито вырывалась изъ его объятій, но тотчасъ раскаивалась въ своей вспышкѣ и искупала ее кроткой покорностью. Онъ никогда еще не встрѣчалъ такой женщины, полной неожиданностей.

Однажды, вечеромъ — это было въ августѣ — она сообщила ему, что на другой день утромъ уѣзжаетъ въ Италію погостить, мѣсяца на два, на три. Отчасти—по дѣламъ, отчасти—чтобъ отдохнуть и развлечься. Бонни ужиналъ въ ресторанѣ за обычнымъ своимъ столикомъ. Кромѣ него, посѣтителей не было, и Витторія, выйдя изъ-за конторки, подсѣла къ нему и слѣдила за тѣмъ, какъ онъ ѣстъ.

— На цѣлыхъ три мѣсяца?! — Бонни въ ужасѣ смотрѣлъ на нее.

Она кивнула головою.

— Да, погостить, къ роднымъ. Мы, неаполитанцы—курьезный народъ. Что вы скажете, если я вернусь къ вамъ съ sfregio поперекъ лица?

— Съ чѣмъ?

— Когда у каморриста есть возлюбленная, и онъ не хочетъ, чтобы другіе мужчины заглядывались на нее, онъ кладетъ на нее мѣтку бритвой—вотъ такъ...—Она провела рукою по лицу.—Это и называется „sfregio“.

— Что же... мнѣ развѣ сдѣлать это съ вами передъ тѣмъ, какъ отпустить васъ?—спросилъ Бонни, глубоко заглянувъ ей въ глаза.

Вмѣсто отвѣта, она встала, отвѣтила на его взглядъ такимъ же пламеннымъ взглядомъ, нагнулась къ нему, обвила руками его шею и страстно прильнула губами къ его губамъ. Никогда еще она не цѣловала его сама, по собственной иниціативѣ.

— Еслибъ ты только захотѣлъ!—вырвалось у нея хриплымъ звукомъ.

И опрометью убѣжала, захлопнувъ за собою дверь.

Это было странное прощаніе. Больше въ тотъ вечеръ онъ и не видалъ ея, хотя сидѣлъ до поздней ночи, нетерпѣливо выслушивая Антонелли, развивавшаго ему свои ребяческіе взгляды на англійскую политику. На другое утро онъ узналъ, что Витторія уѣхала въ Италію. Перспектива трехмѣсячной разлуки съ любимой дѣвушкой представлялась ему вѣчностью. Но воспоминаніе о страстномъ поцѣлуѣ наполняло его несказаннымъ счастьемъ. Ея безумное желаніе, чтобъ онъ разрѣзалъ ей щеку бритвой, было для него непостижимо, при его маломъ знаніи женщинъ. И такъ какъ онъ не могъ проникнуть въ смыслъ этого желанія, то скоро пересталъ и думать о немъ, поцѣлуй вставилъ въ оправу одного изъ лучшихъ своихъ стихотвореній, надъ которымъ впослѣдствіи лэди Алиція пролила немало слезъ.

Недѣля шла за недѣлей. Въ концѣ сентября Бонни поѣхалъ гостить къ лэди Алиціи, въ ея помѣстье въ Гертфордширѣ. Въ этомъ году подагра лэди Люксморъ обошлась безъ заграничной поѣздки и удовольствовалась Харрогэтомъ. А лэди Алиція уѣхала къ себѣ въ деревню и собрала около себя большинство своихъ друзей. Поэтъ, раскаявшійся въ своемъ пренебреженіи къ ней послѣ того, какъ она такъ мило и сердечно отнеслась къ его пьесѣ, возобновилъ свои прежнія дружескія отношенія. По цѣлымъ днямъ онъ охотился на куропатокъ, а вечерами велъ горячіе споры съ Эллиноръ Коррей. Къ полному удовольствію лэди Али-

ціи, онъ обсуждалъ съ нею планъ пасторали, сплошь въ тонахъ дрезденскаго фарфора, говоря, что нельзя же вѣчно пылать, извергая горячую лаву, и что даже у Везувія бываютъ періоды, когда онъ покрытъ виноградниками. Свои страстные порывы онъ приберегалъ для писемъ къ Витторіи, о которыхъ, къ счастью, Алиція не подозрѣвала. Письма Витторіи были рѣдки и загадочны. Вотъ, въ видѣ образчика, одно изъ нихъ:

„Милый, милый Bon Ami!

„Вы не должны писать мнѣ такъ. Мнѣ приходится держать ваши письма подъ замкомъ. Гдѣ?—Этой тайны не вырвала бы у меня вся Каморра—ни даже вы сами. Еслибъ Чичиліо прочелъ ихъ, онъ поѣхалъ бы въ Англію и закололъ бы васъ кинжаломъ. Чичиліо—это мой кузенъ. Опасный человѣкъ, страсть какой сердитый! Онъ держитъ винный погребокъ и конспирируетъ противъ правительства. Чтобы добраться до его августѣйшей особы, нужно перелѣзть черезъ стѣну чесноку въ десять футъ вышиною, и въ награду вы видите крохотное существо съ крючковатымъ носомъ, съ головой, повязанной краснымъ платкомъ, въ серьгахъ и на пять тоновъ темнѣй, чѣмъ я сама. Джузеппе тоже здѣсь и тоже конспирируетъ, какъ всѣ прочіе. Кромѣ того, онъ основываетъ лоттерейный синдикатъ — предпріятіе, на которомъ всѣмъ намъ предстоитъ разбогатѣть. Еслибъ вы были настоящій поэтъ, вы угадали бы рядъ выигрышныхъ номеровъ и сказали бы мнѣ. Я хожу въ національномъ костюмѣ. Онъ очень идетъ ко мнѣ. Въ немъ я, дѣйствительно, похожа на крестьянку съ картины Сарто. Еслибъ вы увидали меня въ немъ, Bon Ami, вы написали бы обо мнѣ красивые стихи. Знаете, я здѣсь все время чувствую себя раздвоенной. Во мнѣ двѣ женщины. Одна—такая же, какъ всѣ здѣшнія дѣвушки. У нея ни единой мысли въ головѣ, кромѣ мыслей о случайной gita со своимъ возлюбленнымъ, о лоттереѣ, о мессѣ, да о ссорѣ между Луиджи и Фелипе. У Фелипе цѣлыхъ пять кинжаловъ. Мы сосчитали ихъ давеча, когда ихъ отобрала полиція. Вчера я весь вечеръ танцовала съ Луиджи. И мое неаполитанское „я“ все еще находитъ его интереснымъ. А другое мое „я“ *фальсифицированное* (фу, какое трудное слово! такъ ли я его написала? Вѣдь это вы научили меня этому слову—ti ricordi?), лондонское. Это—молодая особа, въ глазахъ которой вся здѣшняя публика кажется какой-то ненастоящей, точно наряженной въ оперные костюмы. Она тоскуетъ по своимъ лондонскимъ простымъ и милымъ платьямъ и по разговорамъ о томъ, что̀ одно только важно для ея дорогого Bon Ami. Эта *другая* читала Броунинга; а та, первая, не умѣетъ ни читать, ни пи-

сать, и ни капельки не жалѣетъ объ этомъ. Она была готова пойти къ Джіанелли, который держитъ тутъ недалеко, за угломъ, лавочку писчебумажныхъ принадлежностей, — просить его, чтобъ онъ написалъ вамъ это письмо вмѣсто нея. Сестра Джузеппе, Маріетта, всегда поступаетъ такъ, когда ей нужно написать любовное письмо. Но ея письма несложны. „Скажите ему, что я его люблю molto-molto и—ebbene—что я люблю его“. Больше она ничего придумать не можетъ. Понравилось бы вамъ такое письмо, Bon Ami? Итальянская Витторія счастлива, какъ Неаполитанскій заливъ въ солнечный день. Англійская Витторія груститъ — о! какъ ей грустно, милый! Она тоскуетъ по звуку вашего милаго голоса,—по всему тому, что̀ знаемъ только вы и я. О, Bon Ami, какъ мнѣ недостаетъ васъ! — Ваша искренно — Витторія“.

„Вы поймете, конечно, что это пишетъ мое извращенное „я“.“

Дѣвушка, съ ея тонкимъ и быстрымъ умомъ, съумѣла выработать себѣ своеобразный эпистолярный стиль. Въ свои письма она вставляла порой любимыя словечки Бонни, вродѣ „единственнаго, которое важно“, и прятала свои настоящія чувства подъ этой искусно придуманной двойственностью. Это было умно и держало влюбленнаго поэта все въ томъ же состояніи сладкаго томленія. Онъ идеализировалъ Витторію, считалъ ее единственною женщиной. Она была совсѣмъ особенная, дивное созданіе, геніальная личность, которая можетъ занять въ обществѣ любое положеніе, какое только сочтетъ достойнымъ себя. Бонни очень поэтически и образно развивалъ эти мысли Джасперу, который урвался на недѣльку отъ своихъ дѣлъ и тоже пріѣхалъ погостить къ лэди Алиціи. Джасперъ вздумалъ-было давать ему трезвые совѣты, съ точки зрѣнія житейскаго благоразумія. Но юноша сразу сорвалъ съ него личину и осмѣялъ его. Однажды, воспользовавшись случаемъ, когда они отправились вдвоемъ на охоту, Джасперъ аттаковалъ поэта съ другой стороны—съ точки зрѣнія его искусства. Подумалъ ли онъ о томъ, какое вредное вліяніе можетъ имѣть на его творчество это слѣпое увлеченіе? Бонни подскочилъ къ нему, какъ волчонокъ, тряхнувъ черными кудрями и оскаливъ бѣлые зубы, и вытащилъ изъ кармана смятый листокъ.

— Читайте.

И Джасперъ прочелъ.

— Это дьявольски хорошо написано, Бонни.

— Хорошо! Еще бы не хорошо. Если это ослѣпленіе, такъ дай Богъ, чтобъ на свѣтѣ было побольше такихъ ослѣпленій.

Вредное вліяніе на мое творчество! Да она именно этимъ безконечнымъ разнообразіемъ своимъ вдохновляетъ меня и толкаетъ впередъ.

— И въ этомъ можно перейти предѣлъ. Физіологія учитъ насъ, что когда стимуловъ черезчуръ много, это ведетъ къ нечувствительности — или безумію.

— Вздоръ! Ерунда! Что общаго у физіологіи съ поэзіей? Но у меня нѣтъ охоты спорить. Слишкомъ жарко. Мнѣ хотѣлось бы лежать на спинѣ вонъ на томъ облачкѣ. Подумайте, какое восхитительное уединеніе — человѣческая душа, утопающая въ безпредѣльности эѳира!

Онъ, какъ всегда, перескакивалъ съ предмета на предметъ, сидя подъ зеленой изгородью и поѣдая бутерброды, обращаясь то къ Джасперу, который закусывалъ вмѣстѣ съ нимъ, то къ сетеру, слушавшему его съ глубокимъ вниманіемъ.

Въ концѣ концовъ и Джасперъ убѣдился, что Витторія самимъ Провидѣніемъ предназначена въ подруги Бонни. Онъ забылъ о запахѣ скверной харчевни и помнилъ только дивныя очи дѣвушки, точно сошедшей съ картины дель-Сарто. Онъ вмѣстѣ съ Бонни переживалъ его романъ, какъ будто бросавшій яркіе отсвѣты на его собственную жизнь, и дивился тому, какъ сильно онъ привязался къ этому юношѣ.

Поздней осенью всѣ наши герои вновь собрались въ Лондонѣ. Время тянулось медленно, унылое, гнетущее. Англія вела войну; непрошенные пророки сулили ей всякія бѣды; люди съ озабоченными, тревожными лицами ежедневно толпились въ канцеляріяхъ военнаго министерства, справляясь о тѣхъ, кто былъ имъ дорогъ. Бонни поневолѣ засѣлъ за свою пастораль. Газета, дававшая ему около двухъ гиней въ недѣлю, прекратила свое существованіе. Помимо этого, журнальной работы у него было мало, такъ какъ публика не интересовалась ничѣмъ, что не имѣло отношенія къ войнѣ. Кампіонъ отложилъ постановку пьесы Бонни до весны. И для поэта опять наступали трудные дни. А Витторія все еще гостила въ Италіи. И онъ тосковалъ по ней что день, то больше.

Джасперъ, по прежнему, велъ жизнь, полную напряженнаго труда. Деньги рѣкою лились въ его сундуки, а онъ, неутомимый, какъ Данаиды, все силился опустошить ихъ. Беркъ, еще раза два напившійся пьянымъ, начиналъ ворчать и неглижировать своими конторскими обязанностями. Оставаясь наединѣ съ Кодби,

онъ дѣлалъ какіе-то странные намеки. Почему м-ръ Веллакотъ не введетъ его въ общество, не познакомитъ съ кѣмъ-нибудь? Когда человѣкъ ѣстъ одинъ, онъ, естественно, напивается. Кодби давалъ саркастическіе отвѣты и не разсказывалъ объ этомъ Джасперу, чтобъ не прибавлять ему заботъ. А Джасперъ, хоть и видѣлъ, что Беркъ не очень доволенъ своей участью, по возможности старался не думать объ этомъ. Его тревожила матеріальная необезпеченность Бонни. Онъ съ лэди Алиціей то и дѣло придумывалъ планы, какъ избавить юношу разъ навсегда отъ нужды. Разумѣется, самъ Джасперъ легко могъ бы устроить его у себя, въ одной изъ своихъ конторъ. Но молодой другъ его былъ гордъ и щепетиленъ, и съ этимъ необходимо было считаться. Всякое предложеніе, отдающее благотворительностью, будетъ имъ съ негодованіемъ отвергнуто. Наконецъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, имъ пришла блестящая мысль. Джасперъ начнетъ издавать воскресную газету—органъ тори-демократовъ. Лэди Алиція рекомендовала идеальнаго редактора, Гемфри Гиттенса, редактировавшаго до тѣхъ поръ очень извѣстный еженедѣльный журналъ. Кстати, онъ только что вышелъ изъ состава редакціи. Самый подходящій человѣкъ. А Бонни, разумѣется, будетъ завѣдывать литературнымъ отдѣломъ... Джасперъ ушелъ отъ нея поздно вечеромъ, всецѣло захваченный этой мыслью.

Тѣмъ временемъ жизнь дѣлала свое. Витторія вернулась въ Лондонъ. На радостяхъ Бонни забылъ всѣ свои денежныя затрудненія. Она еще похорошѣла: станъ ея сталъ еще гибче, глаза горѣли еще болѣе яркимъ огнемъ. — Такое несказанное счастье вернуться въ Англію, опять увидать милаго Bon Ami! Что—онъ очень скучалъ безъ нея? Могъ онъ работать безъ нея? много написалъ? А она такъ тосковала по немъ, столько перечувствовала—такого, что можно сказать только шепоткомъ, на ушко, а написать невозможно.

— Такъ, значитъ, вы любите меня, дорогая?

Они шли въ ноябрьскомъ туманѣ по Сентъ-Джемскому парку. Бонни называлъ этотъ туманъ добрымъ покровомъ, укрывшимъ ихъ отъ шумнаго свѣта, и увѣрялъ, что погода чудная, что вотъ уже три мѣсяца не было такого прелестнаго дня, такъ какъ Витторія одна совмѣщаетъ въ себѣ солнце, и луну, и свѣтъ. Щеки ея, зарумянившіяся на южномъ солнцѣ, еще больше раскраснѣлись отъ ходьбы и отъ сырости стали немного влажными. Никогда еще она не казалась ему такой очаровательной, такой желанной.

Онъ повторилъ вопросъ. Дѣвушка застѣнчиво посмотрѣла на

него, уронила головку ему на плечо и шептала что-то невнятное, пока онъ цѣловалъ ее. И Бонни ушелъ домой пьянымъ отъ счастья. Разумѣется, она любитъ его. Какъ глупо было сомнѣваться!.. Вся душа его была въ огнѣ. Спать онъ не могъ. И самъ дивился, какъ могъ онъ спать спокойно всѣ эти мѣсяцы разлуки съ нею. Очевидно, онъ не такъ любилъ ее, не такъ пламенно желалъ, какъ любитъ и желаетъ сейчасъ... Внезапно онъ почувствовалъ, что это—кризисъ. Онъ не въ состояніи больше мириться съ этой неопредѣленностью. Онъ слишкомъ жаждетъ ея, чтобы довольствоваться случайными встрѣчами и разговорами. Она есть и должна быть всѣмъ въ его жизни. Вдвоемъ они завоюютъ весь міръ.

Дня три подрядъ ему никакъ не удавалось застать ее одну. И это было нестерпимо мучительно. Онъ сгаралъ желаніемъ взять ее на руки и унести изъ этого грязненькаго ресторанчика въ свой воздушный дворецъ. Наконецъ, ему удалось дождаться, пока засиженный мухами ресторанъ опустѣлъ. Юный Августъ затворилъ дверь за послѣднимъ изъ посѣтителей и пошелъ ужинать. Котъ Корпо-ди-Бакко удобно разлегся на прилавкѣ и разнѣженно щурилъ глаза подъ лаской Витторіи, гладившей его по спинѣ. На дворѣ было холодно, и дверь въ дядюшкину гостиную, какъ называлъ ее Бонни, была закрыта. Юноша вскочилъ съ мѣста.

— Ради Бога, Витторія, выйдите на минутку пройтись со мной!

— О! вы испугали Корпо-ди-Бакко. Онъ убѣжалъ. Онъ, должно быть, принялъ васъ за грознаго ангела-разрушителя. Выйти пройтись съ вами? Но, милый Bon Ami, вѣдь дождь льетъ какъ изъ ведра. Прислушайтесь—развѣ вы не слышите?

— Дождя нѣтъ,—сказалъ Бонни.

Но, выглянувъ въ дверь на улицу, онъ убѣдился, что ошибся. Вернулся къ дѣвушкѣ, взялъ ее за руки. Почему-то на этотъ разъ, краснорѣчіе его изсякло. Онъ глядѣлъ ей въ глаза.

— Витторія, я не могу выносить этого больше.

— Bon Ami, будьте благоразумны.

— Не могу—я съ ума схожу отъ любви къ вамъ, Витторія.

Она отвернулась и поглядѣла на него искоса.

— Я—ваша покорная слуга, Bon Ami.

— Вы—жена, предназначенная мнѣ Богомъ, и я не могу жить безъ васъ, и вы должны завтра же уйти изъ этой гнусной дыры, и мы повѣнчаемся при первой же возможности.

Дѣвушка выпрямилась, и темные глаза ея блеснули лукаво и насмѣшливо.

— Повѣнчаемся?—повторила она.—Однако, какъ вы торопитесь!

— Я достаточно ждалъ, дорогая.

— Но, дорогой мой, предположимъ, что я не могу этого сдѣлать.

— Этого не можетъ быть. Это нелѣпость!

— Почему же? Вы—не единственный, кто хочетъ жениться на мнѣ. Я *уже* невѣста. Изъ-за этого я, собственно, и ѣздила въ Неаполь. Это—истинная правда.

Бонни выпустилъ ея руки и ударилъ ладонью по конторкѣ. Глаза его загорѣлись ревностью.

— Что за вздоръ вы говорите, Витторія!

Она, улыбаясь, отошла отъ него и заложила руки за спину.

— Я же говорила вамъ, что во мнѣ два человѣка, Bon Ami. Мое англійское „я“ любитъ васъ. Мое неаполитанское „я“ остается вѣрнымъ неаполитанскимъ обычаямъ. У насъ, въ Италіи, браки устраиваются на семейныхъ совѣтахъ. Дѣвушку даже и не спрашиваютъ. Ея дѣло—повиноваться. Дядюшка Антонелли давнымъ давно далъ слово за меня, и я ѣздила въ Неаполь повидаться съ родственниками моего жениха. У нихъ я и гостила. Они говорятъ, что никогда не видывали такой хорошенькой дѣвушки, и что я стряпаю великолѣпно.

— Вы съ ума сошли,—неувѣренно выговорилъ Бонни.—Я не шучу, Витторія. Я просилъ васъ быть моей женой.

— Вы знаете, что я охотно вышла бы за васъ замужъ, Bon Ami,—возразила она, вся дрожа отъ радостнаго сознанія своей власти надъ нимъ,—но порядочная дѣвушка-итальянка обязана дѣлать то, что ей приказываютъ. Джузеппе покупаетъ все дѣло и меня съ нимъ вмѣстѣ. Это очень просто.

Бонни тупо смотрѣлъ на нее, не понимая.

— Джузеппе?—Кто такой Джузеппе?

Въ это мгновеніе внутренняя дверь отворилась, и въ полосѣ свѣта, упавшей въ нее, передъ ними предсталъ старшій лакей—засаленный, грязный, гнусно усмѣхающійся. По обыкновенію, онъ принесъ Бонни счетъ. Тутъ Бонни понялъ.

— Вы хотите идти замужъ за этого... — выкрикнулъ онъ хриплымъ голосомъ.

— Я обручена съ нимъ, — отвѣтила Витторія, вызывающе улыбаясь.

Бонни стало вдругъ гадко и тошно. Онъ схватилъ шляпу, швырнулъ на полъ горсть серебряныхъ монетъ и убѣжалъ.

— Но, Bon Ami! Bon Ami! — вскричала Витторія, въ приливѣ раскаянія, бросаясь къ двери.

Но Бонни былъ уже на улицѣ. Онъ шелъ подъ проливнымъ дождемъ, по грязи, не зная, куда идетъ, ничего не видя передъ собой, толкая прохожихъ, и лишь животный инстинктъ при переходахъ черезъ улицу спасалъ его отъ опасности быть раздавленнымъ. На нѣсколько часовъ онъ буквально утратилъ разсудокъ. Впослѣдствіи онъ не могъ даже припомнить, гдѣ онъ бродилъ, сколько времени, о чемъ думалъ. Ему только смутно хотѣлось уйти отъ этого ужаса, гнавшагося за нимъ по пятамъ.

Наконецъ, сознаніе окружающей дѣйствительности вернулось къ нему, и онъ увидалъ себя поднимающимся по узкой лѣстницѣ. Изумленно оглядѣлся вокругъ и при тускломъ свѣтѣ прикрученнаго газоваго рожка убѣдился, что онъ возвращается къ себѣ домой, на Грэтъ-Горамъ-стритъ.

XIII.

Милліонеръ сидѣлъ на корточкахъ, передъ затопленнымъ каминомъ, пытаясь, при помощи развернутой газеты, раздуть огонь, который не хотѣлъ горѣть, когда Бонни ввалился въ комнату.

— А я какъ разъ обдумывалъ блестящій планъ, какъ намъ съ вами разбогатѣть, — привѣтствовалъ его Джасперъ, не поднимая головы. — За этимъ я и пришелъ сюда и дожидался васъ.

Бонни не отвѣтилъ и продолжалъ стоять на порогѣ отворенной двери, тупо уставившись на неожиданнаго гостя. Дрова загорѣлись, наконецъ, и Джасперъ поднялся на ноги.

— Ну вотъ! — выговорилъ онъ довольнымъ голосомъ. Затѣмъ повернулся и увидѣлъ Бонни.

— Господи помилуй! Голубчикъ! Что съ вами такое?

Бонни промокъ весь насквозь и съ головы до ногъ былъ перепачканъ грязью: очевидно, онъ гдѣ-то упалъ; съ полей его шляпы текла вода и капала съ бортовъ пиджака. Джасперъ положилъ ему руку на плечо и заперъ дверь.

— Прежде всего, сбросьте это мокрое платье, переодѣньтесь и обогрѣйтесь. Я помогу вамъ.

Съ странной покорностью Бонни повиновался, вздрагивая и бормоча что-то невнятное, по временамъ прерывисто всхлипывая, какъ дѣти послѣ „каприза“. Джасперъ, видавшій въ своей жизни немало человѣческаго горя, не говоря ни слова, помогъ ему

раздѣться до-гола, бросилъ ему полотенце—обсушиться, и принесъ изъ спальни старую фланелевую пару. Потомъ разыскалъ въ буфетѣ бутылку виски и заставилъ молодого человѣка выпить стаканчикъ. Потомъ усадилъ его передъ каминомъ. Юноша смотрѣлъ прямо передъ собой, стараясь держать поближе къ огню свои иззябшія руки. Джасперъ подошелъ къ нему и ласково положилъ руку ему на плечо.

— Что бы это ни было, сынокъ, перенеси это какъ мужчина!—выговорилъ онъ ласково.

— Да, да, я знаю. Надо. Мнѣ и самому стыдно. Я и самъ не знаю, что это вдругъ со мною приключилось.

— Въ чемъ же дѣло?

— О! пустяки,—выговорилъ сквозь зубы юноша.—Я просилъ ее быть моей женой, а она отвѣтила, что выходитъ замужъ—за лакея.

Неожиданно онъ стряхнулъ руку Джаспера, вскочилъ на ноги и захохоталъ неестественно громкимъ, жуткимъ смѣхомъ.

— Держитесь крѣпче, Бонни. Не распускайте себя.

Но Бонни продолжалъ хохотать.

— Неужели же вы не чувствуете, какъ это забавно? Я готовъ выть, визжать отъ смѣха. Можно ли выдумать болѣе уморительный фарсъ! Клянусь Богомъ, я готовъ былъ отдать ей всю мою душу, а она предпочла—лакея. Эту грязную скотину, которая готова лизать каждому подошвы за шесть пенсовъ. Мой ненавистный соперникъ—грязный кухонный мужикъ. Это колоссально! Невообразимо! Земля и небо трясутся отъ неудержимаго смѣха. Это верхъ нелѣпости. Что же вы не смѣетесь?

Джасперъ могучей рукой схватилъ его за плечо и тряхнулъ.

— Сдержитесь, Бонни. Нельзя такъ распускаться. Это вамъ не поможетъ. Сядьте.

Онъ снова усадилъ его въ кресло, и юноша покорно сѣлъ, пожимая плечами и вздрагивая отъ отвращенія.

— Да, вы правы, Веллакотъ. Но, клянусь Богомъ, это больше, чѣмъ можетъ снести человѣкъ. Мнѣ гнусно, мнѣ гадко, меня тошнитъ отъ этого. Быть можетъ, въ эту самую минуту она цѣлуетъ и ласкаетъ этого грязнаго сатира. Мужчину—да, это было бы понятно — но это животное... Я мечталъ о раѣ, стремился туда—и вотъ, барахтаюсь въ вонючемъ болотѣ. О, Боже! О, Боже!

Онъ раскачивался взадъ и впередъ, закрывая руками лицо. Джасперъ подбросилъ угля въ каминъ и самъ сталъ возлѣ, на коврикѣ, заложивъ руки въ карманы. Сердце его болѣло за юношу.

— Большинству людей приходится хотя разъ въ жизни пройти морально сквозь геенну огненную, Бонни. Я прошелъ черезъ это; можетъ быть, еще и не совсѣмъ прошелъ. Что же тутъ подѣлаешь. Остается только стиснуть зубы и перенести это, какъ подобаетъ мужчинѣ.

— Я скоро успокоюсь,—сказалъ Бонни.—Побудьте немного со мною. Вы были дьявольски добры ко мнѣ. Я всегда чувствовалъ, что у васъ есть какое-то горе — поэтому-то я и могъ открыться вамъ.

Джасперъ просидѣлъ съ нимъ большую часть ночи, по-своему, спокойно и разумно дѣлая все возможное, чтобы поддержать и утѣшить юношу въ его быстрыхъ смѣнахъ настроеній. Бонни то сидѣлъ неподвижно, вздрагивая и тупо глядя въ огонь. То вскакивалъ и начиналъ бѣгать по комнатѣ, словно въ бреду. Въ одномъ изъ такихъ приступовъ онъ схватилъ рукописную тетрадь своихъ стихотвореній, посвященныхъ Витторіи, которыя онъ готовился издать отдѣльной книгой и въ которой было много еще ненапечатанныхъ поэмъ, и бросилъ ее въ огонь. Джасперъ бросился къ камину, выхватилъ тетрадь изъ огня, бросилъ ее на коверъ, погасилъ ногою огонь и спряталъ рукопись въ карманъ сюртука. Авторъ гнѣвно требовалъ возвращенія рукописи. Джасперъ спокойно возразилъ:

— Я не могу позволить вамъ дѣлать такія глупости, сынокъ. У меня она будетъ сохраннѣе. Это—лучшее, что вы до сихъ поръ написали. Такой лирики еще не создавалъ никто.

— Да вѣдь, поймите, въ этомъ же и мука моя, невыразимая мука!—восклицалъ Бонни.—Это — дѣти распутства, разврата. Я хочу вычеркнуть самую память о нихъ. Они отравлены, гадки, омерзительны, какъ проказа.

— Они—произведеніе великаго поэта, который въ данный моментъ мечется въ истерическомъ припадкѣ,—возразилъ Джасперъ.

Бонни немного успокоился. Посидѣвъ немного у камина, онъ уронилъ голову на грудь и зарыдалъ.

— Она убила во мнѣ все и навсегда. Я никогда больше не напишу ни строчки стиховъ. Два проклятыхъ лица вѣчно будутъ стоять между мною и моимъ искусствомъ. Вѣчно будутъ издѣваться надо мною. Она убила мою душу. Никогда больше въ ней не возникнетъ ни одна творческая мысль, ни единый поэтическій образъ.

— Милый мой мальчикъ,—ласково сказалъ Джасперъ, глядя на него своими грустными глазами изъ-подъ косматыхъ, нависшихъ

бровей,—у Времени найдется и менѣе жестокая работа для его косы, чѣмъ подкашиванье человѣческихъ жизней, которыя и безъ того кратки. Эта коса срѣзываетъ острыя верхушки человѣческихъ воспоминаній.

Бонни посмотрѣлъ на него. — Саулъ среди пророковъ! Или и вы тоже стали поэтомъ, старина? Не совѣтую — плохое ремесло. Это—лже-наука,—наука, построенная на ложныхъ аналогіяхъ. Оставайтесь лучше такимъ же добрымъ и хорошимъ, какимъ были. Благослови васъ Боже. Я самъ во всемъ виноватъ. Человѣкъ долженъ жить внѣшней жизнью. А я жилъ только внутренней — замкнулся въ своемъ сердцѣ... Но, видитъ Богъ, я думалъ, что у нея великая душа. Одному Богу извѣстно, что̀ она такое. Бываютъ же на свѣтѣ нравственныя уродства. Бывали и раньше случаи, что женщины, прекрасныя и геніальныя, бросались въ объятія свиней въ человѣческомъ образѣ.—О, Боже! О, Боже!—воскликнулъ онъ, снова теряя власть надъ собой.— Я не могу перенести этого. Я съ ума сойду.

Понемножку Джасперъ опять успокоилъ его. Въ немъ была мужская нѣжность, которая иногда больше женской. И онъ зналъ по себѣ, что̀ значитъ протягивать руки къ невидимому Богу и, въ смертельной тоскѣ, молить у Него указанія и руководительства. Онъ зналъ, что̀ значитъ переживать такую муку одному—и зналъ, что человѣкъ все-таки долженъ пережить ее одинъ, безъ посторонней помощи, что никто въ мірѣ, здѣшнемъ или потустороннемъ, не имѣетъ власти убавить ее хотя бы на одну йоту. И, зная, что никто не можетъ снять бремени съ чужихъ плечъ, принять на себя часть чужой боли, онъ въ то же время зналъ, что человѣческое сердце, въ вѣчномъ убожествѣ своемъ, жаждетъ подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своей болью Употребляя музыкальный терминъ, можно сказать, что сочувствіе смягчаетъ лишь верхнія, самыя рѣзкія ноты страданія, кричащія такъ громко, что опытное ухо не можетъ не уловить ихъ.

Проходили часы ночи. Бонни постепенно взялъ себя въ руки и довольно связно разсказалъ свою любовную исторію съ начала до конца. Но по временамъ его все-таки охватывала дрожь отвращенія, физическаго и моральнаго. Съ одной точки зрѣнія, это была комедія, не лишенная трогательности, съ другой — самая настоящая трагедія. Блестящій полководецъ, монархъ, въ присутствіи своего двора и своихъ армій неожиданно раздѣтый догола, по прихоти боговъ, и на потѣху всему свѣту обмазанный смолою и осыпанный перьями, не могъ бы явить міру болѣе жа-

лостнаго зрѣлища. На неизслѣдованной границѣ между слезами и смѣхомъ есть мѣста, горящія огнями всѣхъ геенъ.

— Въ чемъ же вы будете искать для себя исцѣленія, Бонни? Вы знаете это?

— Въ дѣятельности — битвахъ, убійствѣ; самое лучшее — внезапная смерть въ бою. „Можетъ ли быть кончина достойнѣе“? etc. etc. Запишусь добровольцемъ въ армію, поѣду драться...

— Ничего этого не нужно, голубчикъ. Оставайтесь дома и уйдите въ работу. Жизнь требуетъ, чтобъ вы отдавали ей лучшее, что въ васъ есть, а не худшее.

— Бываютъ минуты, когда чѣмъ хуже, тѣмъ лучше.

— Такихъ настроеній не слѣдуетъ поддерживать въ себѣ, сынокъ. Вѣрьте мнѣ. Я самъ прошелъ черезъ это. Возьмитесь за работу, какъ подобаетъ мужчинѣ. Была бы охота, а дѣла у меня для васъ сколько угодно. Мнѣ нужна ваша помощь. За этимъ-то я шелъ къ вамъ сегодня вечеромъ. Я собираюсь издавать большую воскресную газету, для моихъ личныхъ надобностей, и желалъ бы, чтобы вы взяли на себя редактированіе литературнаго отдѣла и вообще помогли мнѣ осуществить мою идею.

Бонни безучастно кивнулъ головой.—Хорошо, я подумаю объ этомъ. Сейчасъ не могу. Не сочтите меня неблагодарнымъ. Я никогда не забуду, какъ вы были добры ко мнѣ сегодня. Но я, дѣйствительно, боленъ. У меня душа больна. Это физическое чувство тошноты... Но достаточно объ этомъ. Я серьезно думаю, что вы сегодня спасли мнѣ жизнь. Безъ васъ я, по всей вѣроятности, просидѣлъ бы здѣсь до утра въ мокромъ платьѣ и простудился бы на смерть. А вы, болѣе или менѣе, сохранили мнѣ здоровье. Теперь я оправлюсь.

Видя, что юноша пришелъ въ болѣе нормальное состояніе, Джасперъ взялъ съ него слово, что онъ сейчасъ же ляжетъ, и ушелъ домой. Было около четырехъ часовъ ночи, и Джасперъ самъ усталъ изрядно.

Слѣдующій день у него былъ страшно занятой. Вечеромъ ему предстояло держать рѣчь къ своимъ избирателямъ въ Норзгэмѣ и выяснить имъ свой взглядъ на войну. Ожидали, что собраніе будетъ очень бурнымъ. Викенсъ, тотъ самый злокозненный мэръ, относительно котораго предупреждалъ его сэръ Самюэль Дайксъ и надъ которымъ Джасперъ безъ труда восторжествовалъ, теперь на всѣхъ перекресткахъ ругалъ правительство, спрашивая, какая польза отъ этой войны рабочему люду. Пролетаріатъ, узнавъ отъ него, что хлѣбъ повысится въ цѣнѣ до шиллинга за ковригу, а уголь—до пяти фунтовъ за тонну, и что

льготы по подоходному налогу предполагается упразднить, склонялся на сторону мэра. Слѣдовательно, Джасперу необходимо было тщательно обдумать и подготовить свою рѣчь. До четырехъ часовъ у него не было ни одной свободной минуты. Послѣ четырехъ, тревожась за Бонни, онъ таки-улучилъ минутку заглянуть на Грэтъ-Горамъ-стритъ.

Квартирная хозяйка юноши встрѣтила его въ дверяхъ — извѣщеніемъ, что м-ръ Тредгольдъ выѣхалъ съ квартиры, взявъ съ собой одинъ только небольшой чемоданчикъ. Онъ ушелъ часовъ въ двѣнадцать, сказавъ, что одинъ его пріятель, м-ръ Веллакотъ, по всей вѣроятности, перевезетъ остальныя его вещи къ себѣ. А если нѣтъ, пусть хозяйка дѣлаетъ съ ними что хочетъ.

— И адреса онъ не оставилъ?

— Нѣтъ, сударь. Онъ, повидимому, былъ чѣмъ-то разстроенъ. Не спалъ всю ночь—даже и постель не смята—и за завтракомъ почти ничего не ѣлъ.

— Я и есть м-ръ Веллакотъ,—сказалъ Джасперъ.—Это я былъ здѣсь у него вчера. Подержите пока вещи у себя, денекъ-другой; я еще зайду.

Онъ вернулся домой взволнованный и разстроенный. Только вполнѣ понятное возбужденіе, вызванное его боевой рѣчью въ Норзгэмѣ, могло отвлечь его на время отъ мыслей о Бонни. Поздно вечеромъ, возвратясь домой, онъ нашелъ письмо отъ Бонни. Оно было написано безъ обращенія:

„Я обдумалъ все. Никогда еще я не разсуждалъ такъ здраво. Смыслъ жизни утраченъ для меня. Я не въ состояніи больше писать стиховъ, какъ ослѣпшій художникъ не можетъ писать картинъ. Еслибъ я принялъ ваше великодушное предложеніе, я бы вѣчно мучился сознаніемъ, что я держу кисть въ рукахъ, а глаза мои не видятъ свѣта. Но я могу ѣздить верхомъ, недурно стрѣлять и говорить правду. И я горячо вѣрю въ свою родину. Она не можетъ обмануть меня. Ей я отдамъ лучшее, что еще у меня осталось. Я записался добровольцемъ, простымъ рядовымъ, въ полкъ, который, какъ я случайно узналъ, черезъ недѣлю выступаетъ на границу. Командиръ полка—другъ моего отца, который зналъ чуть не все полковое офицерство—позаботится о томъ, чтобъ меня не оставили здѣсь. Не огорчайтесь и не тревожьтесь обо мнѣ. Физически, вы знаете, я крѣпокъ какъ гвоздь. Солдатская жизнь меня не пугаетъ: я знаю, на что иду добровольно. Я никогда еще не встрѣчалъ человѣка, съ которымъ я не могъ бы ужиться. По крайней мѣрѣ теперь мнѣ придется бороться съ реальностями жизни, а не съ тѣнями.

„Прилагаю нѣчто вродѣ нотаріальной довѣренности — какъ я это понимаю... Если это ребячество, пожалуйста не смѣйтесь надо мною. Я вѣдь и вообще не дѣловой человѣкъ. Возьмите мои дѣла въ свои руки и распоряжайтесь ими какъ хотите. Печатайте какія хотите изъ моихъ стихотвореній. Вскрывайте хоть всѣ мои письма, но, ради самого Бога, не пересылайте мнѣ ихъ—въ томъ случаѣ, если вамъ станетъ извѣстенъ мой адресъ. Мнѣ и въ голову бы не пришло утруждать собой такого занятаго человѣка, какъ вы, еслибъ не моя привязанность къ вамъ и ваше доброе отношеніе ко мнѣ.

„Передайте мою любовь нашей дорогой лэди Алиціи. Я пытался написать ей—и не могъ. Скажите ей, что̀ сами найдете лучшимъ; если желаете—хоть все. Что угодно, только бы эта очаровательнѣйшая въ мірѣ женщина не думала, что я забылъ о ней.

„Мы, люди—курьезный народъ. Еслибъ я попросилъ у васъ двадцать тысячъ фунтовъ, вы сказали бы: „Разумѣется“. И тутъ же выдали бы мнѣ чекъ. А между тѣмъ прикосновеніе вашей доброй, ласковой руки къ моему плечу вчера вечеромъ было для меня болѣе драгоцѣннымъ даромъ, чѣмъ всѣ ваши сказочные милліоны. Благослови васъ Боже!

„Вашъ навсегда Бонами Тредгольдъ“.

Джасперъ долго сидѣлъ съ трубкой у камелька въ своей библіотекѣ, передъ гаснущимъ огнемъ. Онъ вспоминалъ наскоро набросанныя строки, которыя онъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ получилъ отъ Бонни. Это было что-то живое, полное шутокъ, смѣха, молодого задора. Онъ сравнилъ ту записку съ этимъ обдуманнымъ и спокойнымъ письмомъ, и отъ души проклялъ женщину, испортившую эпистолярный стиль его „сыночка“. Проклялъ и себя—зачѣмъ онъ тогда же вечеромъ не увезъ юношу къ себѣ и не поберегъ его на первое время. Теперь это уже непоправимо.

Предстоявшее объясненіе съ лэди Алиціей отнюдь не улыбалось ему. Стряхивая пепелъ съ трубки, онъ думалъ о братьяхъ Іосифа, возвращающихся къ Іакову съ извѣстіемъ объ исчезновеніи Веніамина.

Перев. съ англ. З. Журавская.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЖЕНСКІЕ ТИПЫ ПУШКИНА

Въ прошломъ году въ засѣданіи одного ученаго общества былъ прочитанъ докладъ о новыхъ открытіяхъ въ рукописяхъ Пушкина. Докладчикъ обратилъ особое вниманіе на его женскіе типы и назвалъ поэта первымъ феминистомъ въ Россіи. Терминъ, думается намъ, врядъ-ли подходящій. Выдвигалъ женщинъ на первый планъ и Карамзинъ, въ своихъ повѣстяхъ „Бѣдная Лиза“ и „Наталья, боярская дочь“. „Вы насъ во всемъ, во всемъ добрѣе, почти во всемъ умнѣе“—восклицалъ онъ въ „Посланіи женщинамъ“, требуя, чтобы на его могилѣ стояла эпитафія: „Онъ любилъ; онъ нѣжной женщины нѣжнѣйшимъ другомъ былъ!“ Въ пору своей журнальной дѣятельности Карамзинъ усердно привлекалъ женщинъ къ занятію литературой. Однако, болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы кто-либо рѣшился назвать знаменитаго историка феминистомъ. Нельзя отрицать, однако, что женскіе типы Пушкина — очень любопытное явленіе въ нашей литературѣ. Они поражаютъ удивительнымъ разнообразіемъ, какимъ впослѣдствіи могъ похвалиться развѣ пѣвецъ расцвѣтающей дѣвичьей души—Тургенезъ. Татьяна, мельничиха-русалка, Маша Миронова, Земфира и благородная черкешенка, Полина и героини мелкихъ эскизовъ—огромный матеріалъ, еще ожидающій изслѣдователей.

Но что же питало мечты поэта, когда онъ творилъ эти образы? Уловлялъ ли онъ живыя черты современницъ, или литературное наслѣдіе доставляло ему готовый запасъ формъ и красокъ, чтобы создавать картины изъ небогатой дѣйствительности, доступной глазу? Вѣроятно и то, и другое; все стучалось въ его душу.

Еще со временъ Новикова, основавшаго литературный журналъ для женщинъ („Модное ежемѣсячное изданіе“) и помѣсти-

вшаго пламенную „Похвалу женскому полу“ въ журналѣ „Покоящійся Трудолюбецъ“, русскіе писатели горячо призывали женщинъ къ культурной и литературной работѣ. И женщины понемногу откликались на призывы. Въ столицахъ возникали литературные кружки, гдѣ женщины получали право гражданства; ими много занимались, цѣнили ихъ духовное вліяніе. Къ началу XIX-го вѣка выдавался кружокъ чувствительныхъ карамзинистовъ, съ юношей Жуковскимъ и братьями Тургеневыми во главѣ. Члены его культивировали нѣжную дружбу съ литературно-образованными дамами, какъ Свѣчина, сестры Соковнины, Протасова. Въ другомъ кружкѣ Бланкъ съ друзьями руководилъ самообразованіемъ и литературными опытами А. Буниной. Ежегодно появлялись ультра-сентиментальные журнальчики для женщинъ. Далеко не сентиментальный Батюшковъ, вращаясь въ салонахъ иного характера, научился придавать огромное развивающее значеніе обществу умныхъ, здравомыслящихъ женщинъ, и его біографу Л. Майкову пришлось посвятить нѣсколько страницъ своего труда „вліянію женщинъ на русскую литературу“.

Съ легкой руки поклонниковъ Руссо у сентименталистовъ выработался свой женскій идеалъ—не блестящей царицы салона, не ослѣпительной красавицы, а тонко-изящной, миловидной женщины, одухотворенной и интеллигентной. „Она мила только,—говорится въ статейкѣ аббата Рейналя, переведенной въ одномъ изъ карамзинскихъ журналовъ,—но не было красоты, которой бы она не помрачила, будучи единственной!“ Этотъ идеалъ отразился въ „Портретѣ милой женщины“, въ 1-мъ № карамзинскаго „Вѣстника Европы“. Черезъ 8 лѣтъ въ журналѣ „Аглая“ читаемъ: „Правильный станъ, прелестное лицо не могутъ еще составить „милаго“, которое требуетъ притомъ качествъ душевныхъ“.

Бытъ русскаго общества еще не измѣнился, судьба дочерей еще всецѣло зависѣла отъ воли родителей; но второе поколѣніе женщинъ XIX-го в. сильно отличается отъ перваго. По признанію иныхъ современниковъ (напр. кн. П. Вяземскаго), ученицы переросли своихъ воспитателей и вышли изъ тѣсныхъ рамокъ доступныхъ имъ литературныхъ формъ. „Милыя“ героини сентименталистовъ, со слезами на глазахъ и нѣжнымъ дружествомъ въ очахъ, отошли въ прошлое. Женскія личности 20-хъ годовъ отливались въ яркія, цѣльныя индивидуальности, обаятельныя для близкихъ, сильныя сознаніемъ нравственнаго долга и чувствомъ общественности. Среди нихъ появились царицы интеллигентныхъ кружковъ, первыя піонерки женской общественной дѣятельности, расчищавшія путь своимъ преемницамъ 50-хъ и

60-хъ годовъ; были, наконецъ, и политическія подвижницы, въ лицѣ женъ декабристовъ. Женщины съ новымъ, болѣе сложнымъ душевнымъ міромъ воспитали и новыхъ поэтовъ... „О ты, съ которой образованъ Татьяны милый идеалъ!“ —такъ обращался къ одной изъ нихъ Пушкинъ.

Русскія женщины значительно двинулись впередъ; но не могли отставать отъ нихъ и мужчины. Общественное движеніе александровскаго времени замѣчалось во всѣхъ доступныхъ культурѣ слояхъ русскаго общества; почему же Пушкинъ обратилъ особое вниманіе на женщинъ?

Недавно французъ, авторъ очерковъ о французскомъ романѣ, очень кстати напомнилъ нѣкоторыя положенія одного изъ мыслителей начала XVIII-го в., Лейбница: человѣкъ самъ по себѣ маленькій міръ, микрокосмосъ, и онъ самъ это смутно сознаетъ; смутно — потому что одинъ человѣкъ не можетъ имѣть яснаго понятія обо всемъ на свѣтѣ, о цѣломъ мірѣ. Человѣкъ постигаетъ міръ только безсознательными „малыми представленіями“, туманными, колеблющимися. Въ его душѣ, этомъ маленькомъ центрѣ міровой жизни, могутъ сливаться всѣ лучи внѣшняго міра. Когда наше сознаніе приближается къ одному лучу, чтобы изучить его, оно удаляется отъ всѣхъ остальныхъ. Необходимо стоять въ центрѣ, чтобы безсознательно воспринимать всѣ лучи. Эти малыя представленія — ничто иное, какъ отраженіе жизни предметовъ внѣшняго міра въ душѣ человѣка. Ясныя идеи, опредѣленныя понятія—одни и тѣ же у множества лицъ; смутныя представленія, ихъ окраска и свойства принадлежатъ исключительно одной индивидуальности. Изъ нихъ складывается личный характеръ человѣка, особенности его душевной жизни.

Въ XVIII-мъ вѣкѣ безсознательнымъ представленіямъ придавали огромное значеніе. Мысль Лейбница способствовала научному развитію психологіи, а писателямъ помогла побѣдить устарѣвшее литературное направленіе и открыть новые пути творчества. Литературные дѣятели обратили „малыя представленія“ въ чувствительность, въ „шестое“ чувство, по выраженію Бернардена де-С.-Пьера. Духовный міръ Руссо слагался изъ этихъ представленій; онъ жилъ и наслаждался отраженіями красотъ внѣшней природы. Такимъ же духовнымъ міромъ онъ надѣлилъ свой женскій идеалъ — Юлію „Новой Элоизы“, идеализируя ея умѣнье радовать окружающихъ, вліять на ихъ настроеніе незамѣтнымъ измѣненіемъ въ одеждѣ или прическѣ (philosophie du chiffon, какъ говорятъ французы). Несомнѣнно, что душѣ жен-

щинъ той поры было особенно свойственно переполняться малыми представленіями; подобно Руссо, онѣ умѣли помѣщать много души въ ощущенія, много сердца—въ идеи. Женщина, въ чьей душѣ, какъ въ микрокосмосѣ Лейбница, переплетались всѣ лучи внѣшняго міра, могла доставить богатый матеріалъ для творчества, особенно въ раннюю пору нашей бѣдной, односторонней общественной жизни. Вотъ почему, можетъ быть, богатая фантазія Пушкина такъ охотно сосредоточивалась на созданіи женскихъ образовъ. Ихъ устами онъ любилъ бросать крылатыя словечки и рѣзкіе приговоры; вспомнимъ „москвича въ Гарольдовомъ плащѣ“—Татьяны, „обезьянъ просвѣщенія“—Полины („Рославлевъ“).

Подобно героинямъ перваго поколѣнія XIX-го вѣка, воспитаннаго эпохой чувствительности, Татьяна—мечтательница; она развивалась чтеніемъ романовъ и общеніемъ съ природой; она всегда проста и естественна; ей душно въ тискахъ стараго быта, гдѣ она одинока. Да и вольной душѣ Пушкина не нужны слишкомъ покорныя, смиренныя дочери, и онъ рано выводитъ свою любимую героиню на самостоятельный путь. Съ первой вспышкой страсти „боязливая лань“ смѣло беретъ на свою отвѣтственность первый шагъ къ сближенію съ героемъ. Она не можетъ быть виновной въ томъ,

„Что—отъ небесъ одарена
Воображеніемъ мятежнымъ,
Умомъ и волею живой,
И своенравной головой,
И сердцемъ пламеннымъ и нѣжнымъ“.

Ея любовь отвергнута; она не ропщетъ, какъ не роптали и героини чувствительности. Случайное, невольное замужство ввело ее въ большой свѣтъ; какъ Свѣтлану—А. А. Воейкову,—онъ „не опалилъ ее“ (слова Вяземскаго). Затаивъ въ себѣ сознаніе „постылой жизни мишуры“, Татьяна умно и твердо вошла въ роль царицы гостиныхъ и представительницы домашняго очага. Съ этой минуты работа предшественниковъ болѣе замѣтна въ творчествѣ Пушкина. Психологія замужней женщины гораздо доступнѣе пониманію заурядныхъ людей, нежели душевный міръ дѣвушки, и предшественники Пушкина до нѣкоторой степени справлялись съ нею. Почти всѣ пріятельницы Жуковскаго и его друзей юности выходили замужъ не по любви, переживали немало горя (Свѣчина, Воейкова, М. Мойеръ); всѣ оставались несокрушимо добродѣтельны, приноровляясь къ семейнымъ и общественнымъ обязанностямъ. Героиня „Портрета милой женщины“ тоже пере-

носила безрадостную жизнь, но „сумѣла откинуть романическія мечтанія и пріучила себя видѣть въ мужѣ необходимаго товарища“. Очень интересная и типичная для первыхъ годовъ XIX-го в. писательница Извѣкова, написавшая нѣсколько увѣсистыхъ романовъ съ необычайно добродѣтельными и вмѣстѣ съ тѣмъ энергичными и дѣятельными героинями, влагаетъ въ уста одной изъ нихъ слѣдующія слова: „О Викторъ! Тщетно бы я старалась тебя обманывать: ты знаешь, что я люблю тебя; ты первый обратилъ мое вниманіе, ты далъ мнѣ почувствовать, что я имѣю сердце, и признаюсь, что почла бы за первое счастье быть тобой любимой, еслибы могла желать сего безъ угрызенія совѣсти. Викторъ, я люблю тебя, люблю больше всего на свѣтѣ. Но честь и Миловзоръ (сынъ ея) мнѣ драгоцѣннѣе и самого тебя“.—Среди старомоднаго многословія здѣсь слышится та же душевная надломленность, которая звучитъ такъ полно, изящно и трагично въ трехъ строкахъ Пушкина:

— „Я васъ люблю (зачѣмъ лукавить?),
Но я другому отдана
И буду вѣкъ ему вѣрна“. —

Эффектное появленіе Татьяны на балу во всемъ обаяніи изящества и граціи, когда она, „безпечной прелестью мила“, вызываетъ всеобщее почтительное вниманіе, имѣло прецеденты въ литературѣ со временъ Руссо. Его Юлія плѣняла всѣхъ измѣнчивостью физіономіи; ея настроенія отражались въ своеобразныхъ морщинкахъ, которыя, нарушая строгую правильность очертаній, придавали особую очаровательную индивидуальность ея лицу. „Милыя“ женщины карамзинистовъ не обладали красотой, иногда бывали просто некрасивы, какъ Протасова-Мойеръ, героиня личнаго романа Жуковскаго; но во всемъ ея существѣ, голосѣ, взглядѣ было „нѣчто неизъяснимо-обворожительное“, и даже Ф. Ф. Вигель готовъ былъ въ умиленіи склонить передъ нею колѣна. Авторъ „Портрета“ особенно цѣнитъ ту особенность своей героини, что грубый, нечувствительный человѣкъ могъ даже не замѣтить ея. Очевидно, и въ ней отсутствовало то „vulgar“, которое презиралъ Пушкинъ.

Слѣдуетъ думать, что среди новаго поколѣнія женщинъ Пушкинъ видѣлъ свою женщину съ покрываломъ (donna velata Рафаэля) и преобразилъ ее въ милѣйшую изъ милыхъ, единственной въ своемъ родѣ духовной красоты. Грубая, подготовленная исторіей канва у Пушкина приблизительно та же, что и у подражателей западнымъ сентименталистамъ; но онъ вплелъ въ нее чудный художественный рисунокъ изъ малыхъ представленій—отраженныхъ

лучей новаго національнаго колорита, создавшихъ новую русскую личность, первую въ блестящей галлереѣ женскихъ типовъ, прославившихъ нашу литературу.

Очень характерна для творчества Пушкина фабула „Капитанской дочки“, съ ея энергичными и самостоятельными женщинами, заброшенными въ глухія и опасныя заволжскія степи. Какъ ни значительна сама по себѣ эпопея Пугачевщины, но безъ этихъ героинь, выносящихъ на своихъ плечахъ и горе, и радость, было бы немыслимо созданіе образцоваго историческаго романа. Первое лицо въ крѣпости—мужественная и находчивая Василиса Егоровна, попечительная и умѣлая хозяйка. Ея иниціатива выступаетъ во всѣхъ административныхъ распоряженіяхъ. Ея старикъ-капитанъ умѣетъ только съ беззавѣтной смѣлостью выступать противъ непріятеля; въ военномъ дѣлѣ онъ ничего не смыслитъ, что̀ капитанша ставитъ ему на видъ, давая окрики, если ее не призываютъ на офицерскія совѣщанія. При этомъ она строгая исполнительница всего семейнаго обряда, на жизнь и смерть вѣрная подруга мужа. Пушкинъ проникновеніемъ таланта обрисовалъ въ ней исторически сложившійся типъ жены старинnаго служилаго человѣка, которая на опасной позиціи, при мужѣ и безъ мужа, умѣла распоряжаться и хозяйствомъ, и обороной отъ врага. Столбцы архивныхъ старыхъ дѣлъ хранятъ немало біографій такихъ сотничихъ и капитаншъ.

Дочь капитанши духомъ въ мать, но слабѣе нервами. Она скромна и тиха, покорна бытовому укладу: родительское благословеніе для нея первое условіе брака, и безъ него нѣтъ счастья. Но разъ волею судьбы и согласіемъ старшихъ она признана подругой любимаго человѣка, она сразу выростаетъ въ отважную, полную иниціативы и сознанія долга женщину. Она умнѣе и тактичнѣе матери, и умѣло спасаетъ жениха отъ военнаго суда. Даже прислуга ея, Палашка, и та въ своемъ родѣ дѣлецъ: командуетъ надъ урядникомъ и его казаками. Еслибы современники настойчиво допрашивали Пушкина, почему, строго говоря, не Пугачевъ и не юный офицерикъ—герои его повѣсти, а скромная дѣвица Миронова, онъ, вѣроятно, нетерпѣливо отвѣтилъ бы: „Я не могъ иначе сдѣлать!“

Въ мелкихъ беллетристическихъ отрывкахъ сохранились эскизы болѣе сложныхъ женскихъ натуръ, протестующихъ противъ гнетущихъ свѣтскихъ обычаевъ, чуткихъ до нервности къ тяжелымъ условіямъ общественной жизни. Пушкинъ набрасывалъ ихъ около 1831 г., до выхода „Дубровскаго“ и значительно ранѣе окончанія „Капитанской дочки“. Но эскизы остались эскизами, можетъ-

быть именно потому, что сложная психологія задуманныхъ типовъ труднѣе поддавалась обработкѣ.

Сирота-безприданница Лиза, героиня „Романа въ письмахъ“, воспитанная богатой родственницей въ Петербургѣ, тяжело страдала отъ сознанія, какъ унизительно ея положеніе среди чужой роскоши, какъ обидны старанія подругъ не отличаться отъ нея нарядами. Ей казалось, что ее унижаетъ даже ухаживанье свѣтскаго богача, и она скрылась въ бѣдную усадьбу бабушки. Оттуда она сообщаетъ петербургской пріятельницѣ, что вполнѣ счастлива, оказавшись, наконецъ, у себя дома хозяйкой. У деревенскихъ сосѣдей она нашла довольно много книгъ; она замѣчаетъ, что въ провинціи больше занимаются русской литературой, чѣмъ въ столицѣ. Теперь она поняла, почему Вяземскій и Пушкинъ такъ цѣнятъ уѣздныхъ барышень: это ихъ настоящая публика. Перечитавъ много старыхъ романовъ, Лиза пишетъ: „Какая ужасная разница между идеалами бабушекъ и внучекъ!“ А между тѣмъ роль женщинъ не измѣняется, старыя героини все еще похожи на новыхъ... „можетъ быть потому, что способы нравиться въ мужчинѣ зависятъ отъ моды, отъ минутнаго вліянія, а въ женщинахъ они основаны на чувствѣ и природѣ, которыя вѣчны“. Таково, несомнѣнно, мнѣніе самого Пушкина.

Богатый поклонникъ Лизы тоже не заурядный человѣкъ. Онъ тоже цѣнитель дѣятельной жизни въ деревнѣ, гдѣ еще болѣе увлекается Лизой... „Эта тихая, благородная стройность въ обращеніи — главная прелесть высшаго петербургскаго общества, а между тѣмъ что-то женское, снисходительное, доброродное (какъ говоритъ ея бабушка). Въ ея сужденіяхъ нѣтъ ничего рѣзкаго, жесткаго. Она не морщится передъ впечатлѣніями“... Эту „доброродность“ очень цѣнили въ своихъ героиняхъ наши старые родовитые писатели, а Тургеневъ умѣло смягчилъ ею порывистость своей землевольки, Маріанны.

Но Лиза еще близка къ Татьянѣ. Съ княжной Полиной въ отрывкѣ „Рославлевъ“ поэтъ значительно шагнулъ впередъ, и авторъ доклада о рукописяхъ Пушкина заслуживаетъ глубокой благодарности за особое вниманіе къ этой личности. Полина — несомнѣнная представительница новѣйшаго типа „внучекъ“, замѣченнаго Лизой, хотя Пушкинъ нашелъ нужнымъ отодвинуть ее назадъ, къ 1811—1812 гг. Разсказъ ведется отъ лица остроумной московской барышни, напоминающей корреспондентку Лизы. Она умно объясняетъ пристрастіе своихъ современницъ къ иностранной литературѣ. На русскомъ языкѣ нечего было читать кромѣ стишковъ, но не всѣ же любили ихъ; женщины ну-

ждались и въ серьезномъ чтеніи; но — „мы не видимъ даже переводовъ лучшихъ произведеній, а если и видимъ, то воля ваша, я всетаки предпочитаю оригиналы“. Полина хорошо знаетъ французскую литературу, начиная съ Монтескьё, но съ трудомъ читаетъ русскую печать, что̀ не мѣшаетъ ей быть искренней, страстной патріоткой. Ее возмущаютъ некультурность и общественная неразвитость современниковъ, унижавшія ихъ передъ иностранцами. Оригинальна и интересна сцена на обѣдѣ, который ея отецъ давалъ г-жѣ Сталь. Москвичи наслаждаются искусствомъ княжескаго повара и не знаютъ, что̀ дѣлать съ знаменитой гостьей; большинство не имѣетъ понятія о томъ, кто она, въ чемъ ея слава и значеніе; иные признаются, что считали ее шпіонкой Наполеона. Полина сгараетъ со стыда и тутъ же за обѣдомъ изливаетъ свои чувства подругѣ: знаменитая женщина привыкла къ увлекательному разговору—а здѣсь ни одной мысли, ни одного замѣчательнаго слова... Она со скуки бросаетъ двусмысленный каламбуръ, и эти „обезьяны просвѣщенья“ радостно подобрали его, чтобы разносить по Москвѣ.

Въ этой филиппикѣ слышится благородный гнѣвъ женщины-Чацкаго. Какъ Чацкій, Полина скучаетъ среди московскихъ болтливыхъ гостиныхъ, утѣшаясь остроуміемъ любимой подруги. Въ 1812 г. Полину до боли раздражаетъ показной патріотизмъ свѣтскаго люда. Сама она читаетъ только политическія извѣстія, думаетъ только о грозныхъ событіяхъ; а на замѣчаніе подруги, что война—не женское дѣло, отвѣчаетъ жгучимъ негодованіемъ. „Нѣтъ, я знаю, какое вліяніе женщина можетъ имѣть на мнѣніе общественное. Я не признаю униженія, на которое присуждаютъ насъ. Посмотри на m-me Сталь,—Наполеонъ считался съ нею, какъ съ непріятельскою силою“. Ей и въ другихъ особенно нравится искренность и рѣзкая прямота; женихъ раздражаетъ ее своимъ приноравливаньемъ къ женскому пониманію. Полина съ подругой думаютъ, что такое отношеніе „неумѣстно вообще, а въ Россіи глупо, потому что русскія женщины болѣе мужчинъ образованы и больше читаютъ“. Даже такія слова Пушкина всетаки не даютъ права называть его феминистомъ; то же самое мелькало у Карамзина и его послѣдователей, даже у Новикова.

Пересмотръ черновыхъ тетрадей Пушкина выяснилъ смыслъ неразобранныхъ строкъ. Оказывается, что у Полины вспыхнуло стремленіе идти въ непріятельскій лагерь и убить Наполеона, ради спасенія Россіи; но то былъ лишь минутный порывъ; ее скоро отговорили.

Вѣренъ ли дѣйствительности такой женскій образъ? Вполнѣ возможно, что подъ вліяніемъ французской литературы инымъ романическимъ головкамъ грезился подвигъ Шарлотты Корде. Въ романахъ Извѣковой, правда — лишенныхъ политическаго оттѣнка, героини всегда готовы на подвиги; одна изъ нихъ, переодѣтая въ мужское платье, выступаетъ даже вмѣсто мужа на дуэли. Говорили, что Волкова, извѣстная московская патріотка, авторъ интересныхъ писемъ о 1812-мъ годѣ, могла послужить для Пушкина прототипомъ Полины. Издательница этихъ писемъ въ переводѣ съ французскаго называетъ Волкову женщиной-Чацкимъ за бойкія сужденія о современникахъ. Но Волкова, при большомъ умѣ и здравомъ смыслѣ, глубоко предана старомосковскимъ традиціямъ; она необыкновенно набожна, во всемъ видитъ промыслъ Божій и неизмѣнно ему покорна. Къ французскимъ мыслителямъ и писателямъ, особенно къ г-жѣ Сталь, она относится съ презрѣніемъ и отвращеніемъ—а Полина благоговѣла передъ ними. Волкова судила только о лицахъ, плакала главнымъ образомъ объ участи Москвы, а не о жалкомъ состояніи русскаго общества. Героиня Пушкина одарена силой благороднаго негодованія и нервной чуткостью; она не переноситъ пошлости и пламенно протестуетъ противъ униженія людей. Это—боевая натура, способная на подвиги, отзывающаяся на запросы времени.

Такая женщина была нужна Пушкину, когда онъ, можетъ быть и безсознательно, остановился на крупнѣйшемъ явленіи своего времени—на толчкѣ, который колоссальная борьба народовъ несомнѣнно дала развитію національной культуры. Именно на женщинахъ, далекихъ отъ служебной рутины и обязательныхъ оффиціальныхъ сношеній, думавшихъ и говорившихъ на иностранныхъ языкахъ, онъ могъ яснѣе указать таившіеся подъ налетомъ чужой культуры порывы къ индивидуальной самобытности, способность путемъ наблюденій надъ жизнью другихъ народовъ придти къ пониманію своего родного. Г-жа Сталь сказала Полинѣ: народъ, который сто лѣтъ тому назадъ сумѣлъ отстоять свою бороду, отстоитъ въ наше время и свою голову; а съ нею—могла прибавить Полина—и право на собственную духовную жизнь.

Лиза и Полина—эскизы родоначальницъ будущей русской интеллигенціи; но не изъ увлеченія женской личностью задумывалъ ихъ Пушкинъ, а потому, что его творческой мысли удобнѣе было отъ этихъ маленькихъ центровъ духовной работы охватывать внутреннюю жизнь русскаго общества. Татьяна и ея няня,

Василиса Егоровна съ дочерью, Лиза и Полина тонкими сливающимися лучами отражали въ себѣ краски русской природы, особенности окружавшаго ихъ внѣшняго міра.

Е. Щепкина.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

Наша желѣзнодорожная политика.

Для нашего желѣзнодорожнаго хозяйства нынѣшній годъ—годъ юбилея: 75 лѣтъ тому назадъ, 15 апрѣля 1836 г. сдѣланъ былъ первый шагъ въ дѣлѣ желѣзнодорожнаго строительства въ Россіи, утверждено было первое частное желѣзнодорожное предпріятіе для сооруженія рельсоваго пути отъ Петербурга до Царскаго Села и Павловска.

Второй шагъ — шагъ несравненно большей важности — сдѣлало само государство. 1 февраля 1842 г. былъ опубликованъ Высочайшій указъ о сооруженіи за счетъ казны желѣзнодорожной линіи между Петербургомъ и Москвой.

75 лѣтъ, прошедшія со дня разрѣшенія перваго желѣзнодорожнаго пути въ Россіи, съ точки зрѣнія желѣзнодорожной политики являются временемъ постоянныхъ, до нашихъ дней не прекратившихся колебаній правительственной власти между тѣми двумя типами желѣзнодорожнаго хозяйства, къ которымъ принадлежали первые опыты царствованія Николая I. Мы построили къ концу 1910 года болѣе 60.000 верстъ рельсовыхъ путей. И каждыя нѣсколько тысячъ верстъ возводились у насъ подъ знакомъ новаго теченія желѣзнодорожной политики. Отчаявшись въ казенномъ строительствѣ, государство раздавало концессіи частнымъ обществамъ и уступало имъ даже казенныя линіи. Разочаровавшись въ хозяйствѣ частныхъ компаній, оно снова стремилось сосредоточить желѣзнодорожное дѣло въ своихъ рукахъ, а послѣ нѣсколькихъ неудачъ и при наступленіи финансовыхъ или политическихъ затрудненій возвращалось опять къ однажды уже отвергнутымъ методамъ желѣзнодорожнаго хозяйства.

Если разсматривать прошлое нашей рельсовой сѣти въ отдаленной перспективѣ, опредѣленно обрисовываются четыре крупныхъ періода

въ развитіи русской желѣзнодорожной политики. Если всмотрѣться въ детали каждой эпохи, количество разнообразныхъ теченій окажется несравненно бо̀льшимъ; но мимо этихъ деталей мы здѣсь должны пройти.

Первый періодъ обнимаетъ царствованіе Николая Павловича. Это—время казеннаго хозяйства скорѣе по неволѣ, чѣмъ по убѣжденію [1]). Кромѣ фонъ-Герстнера, строителя царскосельской дороги, правительству не удалось найти надежныхъ концессіонеровъ и изъ 979 верстъ, отстроенныхъ къ концу царствованія Николая I, только 25 верстъ царскосельскаго пути принадлежали частному обществу.

Въ царствованіе Александра II рельсовая сѣть увеличилась на 20.146 верстъ. Но если въ 1855 г. только незначительная царскосельская дорога находилась въ рукахъ частныхъ предпринимателей, то 25 лѣтъ спустя лишь 57-верстная ливенская линія эксплоатировалась казной [2]).

Причины тому были многообразны. Общее экономическое міросозерцаніе значительной части руководителей нашей политики и части русскаго общества той эпохи не осталось безъ вліянія на желѣзнодорожное хозяйство. Манчестерства въ полномъ смыслѣ слова у насъ не было никогда, но идеи экономическаго либерализма въ тѣ десятилѣтія были не чужды многимъ, тѣмъ болѣе, что правительственная власть во всѣхъ областяхъ управленія была до крайности дискредитирована. Частное желѣзнодорожное хозяйство отвѣчало настроенію руководящихъ людей. Кромѣ того, на первыхъ порахъ и по финансовымъ соображеніямъ оно казалось необходимостью. И Брокъ, и Княжевичъ, и Рейтернъ боролись съ финансовыми затрудненіями все время, пока стояли у власти. Увеличивать задолженность государства казалось невозможнымъ. А гарантированные займы желѣзнодорожныхъ обществъ наши министры финансовъ упорно не считали, да и теперь не считаютъ государственными долгами [3]).

Сперва дѣло частнаго строительства подвигалось довольно туго. Лишь начиная съ 1865 г. желѣзнодорожное строительство стало расцвѣтать. Поворотный пунктъ образуетъ разрѣшеніе Рязанско-Козловской дороги ф.-Дервизу, удачливому концессіонеру, благодаря вздутой поверстной расцѣнкѣ и преувеличенной суммѣ гарантированнаго капитала, съумѣвшему выстроить всю дорогу на тѣ средства, которыя

---

[1]) „Наша желѣзнодор. политика по документамъ архива комитета министровъ“, 1902, т. I, стр. 54.

[2]) „Наша желѣзнодор. политика, по документамъ комит. министровъ“, т. II, стр. 323.

[3]) П. Мигулинъ, „Наша желѣздорожная политика“, 1903, гл. I.

дала реализація облигацій. Почти весь акціонерный капиталъ—нѣсколько милліоновъ рублей—достался ф.-Дервизу даромъ.

Наступила желѣзнодорожная горячка. Правительство утверждало самыя высокія расцѣнки и гарантировало ни съ чѣмъ не сообразные капиталы. Чтобы разбогатѣть—таково было господствующее въ обществѣ мнѣніе,—достаточно строить или, точнѣе, пристроиться при концессіи. А крупные концессіонеры—ф.-Дервизъ, Меккъ, Губонинъ, Поляковъ, Варшавскій—дѣйствительно пріобрѣтали милліоны.

Общее направленіе нашей желѣзнодорожной политики оставалось безъ большихъ измѣненій почти до конца царствованія Александра II, и результатъ ея былъ самый плачевный. Мы обладали въ 1880 г. частной желѣзнодорожной сѣтью, построенной на казенныя деньги. Сумма всѣхъ капиталовъ русскихъ желѣзнодорожныхъ компаній составляла къ 1 января 1881 г. 1.651 мил. руб. кред. Безъ прямого участія правительства было собрано менѣе 11% этой суммы [1]). Частныя компаніи, отчасти построившія, отчасти просто получившія русскую рельсовую сѣть, эксплоатировали ее крайне неудовлетворительно, какъ въ коммерческомъ, такъ и въ техническомъ отношеніи. Изъ 37 желѣзнодорожныхъ обществъ, дѣйствовавшихъ въ 1880 г., только 5 за все время своего существованія не требовали правительственныхъ приплатъ. У акціонеровъ большей части желѣзнодорожныхъ компаній не имѣлось обезпеченія и на $^2/_3$ рубля правительственнаго долга [2]). А дефекты технической эксплоатаціи, о которыхъ не переставали говорить въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, воочію обнаружились передъ всѣми въ періодъ политическихъ осложненій 1876—1878 гг. Недостаточность пропускной и провозной способности цѣлаго ряда дорогъ была одной изъ причинъ нашихъ военныхъ затрудненій [3]).

Послѣ войны начался новый періодъ нашей желѣзнодорожной политики. Еще въ 1880 г., при С. А. Грейгѣ, рѣшено было сооружать распоряженіемъ казны сибирскую желѣзную дорогу. Въ 1881 г. министръ финансовъ А. А. Абаза развивалъ въ комитетѣ министровъ проектъ измѣненія всей нашей желѣзнодорожной политики въ сторону предпочтенія казеннаго хозяйства частному. Въ февралѣ 1881 г. окончательно былъ разработанъ планъ перваго выкупа въ казну частной линіи—Харьково-Николаевской дороги. Осуществлять новую политику пришлось дѣятелямъ новаго царствованія.

---

[1]) „Наша желѣзнодорожная полит. по докум. комит. мин.“ т. III, стр. 13, 14.

[2]) А. А. Головачевъ, „Исторія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи“, Спб. 1881, стр. 384.

[3]) Ср. гр. С. Ю. Витте, „Причины убыточности русскихъ желѣзныхъ дорогъ“, „Вѣстникъ Финансовъ“, 1910, № 16, стр. 101, 102.

Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградскій не увлекались сооруженіемъ желѣзныхъ дорогъ и не были фанатиками какой-либо идеи. Они допускали и казенное строительство, и частное. Тѣмъ не менѣе, благодаря выкупу многихъ линій въ казну, государственное направленіе желѣзнодорожной политики уже при нихъ получило рѣшительное преобладаніе. С. Ю. Витте сильнѣе своихъ предшественниковъ склонялся въ сторону казеннаго хозяйства. Но казна была занята при немъ сооруженіемъ сибирскихъ магистралей, а на востокѣ и юго-востокѣ Европейской Россіи постройку новыхъ линій предпочитали поручать уже существовавшимъ частнымъ обществамъ, дававшимъ высокіе дивиденды. Первоначальная убыточность новыхъ дорогъ должна была покрыться для нихъ увеличеніемъ доходности старыхъ путей [1]). Такимъ образомъ произошло, что при Витте частное строительство преобладало надъ казеннымъ, и только благодаря усиленному выкупу частныхъ линій въ казну, въ 1904-мъ году, которымъ заканчивается третій періодъ нашей желѣзнодорожной политики, количество казенныхъ дорогъ рѣшительно превысило частную сѣть. Изъ общей эксплоатаціонной длины русской желѣзнодорожной сѣти на долю казны приходилось 37.408 верстъ (въ томъ числѣ въ Азіи—7.859), а на долю частныхъ обществъ—18.086 верстъ.

На финансовыхъ результатахъ нашего желѣзнодорожнаго хозяйства переходъ значительной части рельсовой сѣти въ казну отразился самымъ благотворнымъ образомъ. Тамбово-Саратовская дорога, до перехода въ казенное управленіе бывшая дефицитной, стала давать до 1 мил. чистаго дохода. Харьково-Николаевская до перехода въ казну при валовомъ доходѣ въ 5,3 мил. р. расходовала на эксплоатацію 5,2 мил. Съ переходомъ въ казну расходы уменьшились до 4,3 мил. р., несмотря на то, что валовой доходъ увеличился до 7,8 мил. Съ наступленіемъ 1895-го года начинается самое благопріятное время для нашего желѣзнодорожнаго хозяйства. Казенныя дороги Европейской Россіи давали съ 1895-го по 1905-ый годъ чистый доходъ, превышавшій 4,5% на затраченный изъ текущихъ средствъ государственнаго казначейства капиталъ; максимумъ — 12,8% — былъ достигнутъ въ 1898-мъ году. Въ среднемъ за 1895—1905 гг. этотъ избытокъ дохода надъ $4^1/_2$ % составлялъ около 17 мил. р. Вся казенная рельсовая сѣть въ цѣломъ давала—вслѣдствіе убыточности азіатскихъ дорогъ—менѣе блестящіе, но въ теченіе 1895—1900 гг. все же таки весьма удовлетворительные результаты. Если къ доходамъ желѣзныхъ дорогъ, какъ это сдѣлано выше для путей Европейской Россіи,

[1]) „Министерство финансовъ о нашемъ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ. Матеріалы по желѣзнодорожному вопросу съѣзда представителей промышленности и торговли“, 1907.

причислить сборы съ пассажировъ и грузовъ (эти сборы по существу—ничто иное, какъ повышеніе желѣзнодорожныхъ тарифовъ) и суммы, недоплаченныя военнымъ вѣдомствомъ, то вся наша казенная рельсовая сѣть въ 1895 г. дала 10,8 мил. р. чистой прибыли сверхъ $4^1/_2$ % по тѣмъ капиталамъ, которые затрачены были на желѣзныя дороги изъ текущихъ средствъ государственнаго казначейства. Въ 1896 г. она дала 18,2 мил., въ 1897 г.—13,4 мил., въ 1898 г.—20,8 мил., въ 1899 г.—11,2 мил., въ послѣднемъ году прошлаго вѣка—8,7 мил. р.

Съ 1901-го года русскія желѣзныя дороги вновь становятся убыточными [1]). Казенная сѣть въ 1901, 1902, 1903 и 1905 гг. даетъ убытки вслѣдствіе крупныхъ дефицитовъ на дорогахъ Азіатской Россіи. Въ 1906-мъ году и европейскія дороги казенной сѣти не приносятъ даже $4^1/_2$% на затраченный на нихъ изъ текущихъ средствъ государственнаго казначейства капиталъ [2]). Въ 1907-мъ году разности между валовымъ доходомъ и эксплоатаціонными расходами какъ на европейской, такъ и на азіатской сѣти не хватаетъ на покрытіе однихъ обязательныхъ платежей по желѣзнодорожнымъ займамъ, и убытокъ достигаетъ почти 100 мил. Дѣла казенныхъ дорогъ поправляются только въ 1909 г. и убыточность казенной сѣти, судя по предварительнымъ даннымъ, прекращается въ 1910-мъ году.

Изслѣдованіемъ причинъ убыточности нашихъ желѣзныхъ дорогъ занималась учрежденная въ 1903 г. коммиссія подъ предсѣдательствомъ д. т. с. Иващенкова; въ настоящее время ими занимается „особая высшая коммиссія для всесторонняго изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи“, подъ предсѣдательствомъ инженеръ-генерала Н. Петрова; свои соображенія объ убыточности казенныхъ дорогъ высказалъ въ 1910 г. и одинъ изъ лучшихъ знатоковъ нашего желѣзнодорожнаго хозяйства, графъ С. Ю. Витте. Подробно останавливаться на этихъ причинахъ здѣсь не мѣсто. Достаточно будетъ резюмировать важнѣйшее, что можно найти въ названныхъ матеріалахъ. Убыточность нашей казенной рельсовой сѣти зависѣла главнымъ обаазомъ: 1) отъ постройки цѣлаго ряда новыхъ линій чисто стратегическаго характера или линій не столько хозяйственнаго, сколько общегосударственнаго значенія (какъ напр. Сибирской магистрали), прибыльность которыхъ могла быть результатомъ только весьма продолжительной эксплоатаціи этихъ дорогъ; 2) отъ нехозяйственности эксплоатаціи русскихъ желѣзныхъ дорогъ: производства работъ, не вызываемыхъ дѣйствительной не-

[1]) Только въ 1904 г. казенныя дороги даютъ снова излишекъ сверхъ $4^1/_2$% на капиталъ.

[2]) Н. Петровъ, „Финансовое положеніе русской желѣзнодорожной сѣти и главнѣйшія причины ухудшенія его въ послѣдніе годы“. (Спб., 1909), стр. 7, 9, 25.

обходимостью, несвоевременнаго производства необходимыхъ работъ, несоразмѣрной оцѣнки работъ и матеріаловъ, неудовлетворительной организаціи ремонта вагоновъ и паровозовъ, недостаточныхъ мѣръ противъ хищеній, безбилетныхъ пассажировъ, неправильныхъ оцѣнокъ испорченныхъ грузовъ и т. д.; 3) отъ незаинтересованности вѣдомства, завѣдующаго эксплоатаціей желѣзнодорожной сѣти, въ коммерческихъ послѣдствіяхъ эксплоатаціи и отъ преобладанія технической точки зрѣнія надъ хозяйственной (эта причина особенно подчеркнута графомъ Витте); 4) отъ удорожанія стоимости постройки и эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ вслѣдствіе роста цѣнъ на землю, на рабочія руки, на топливо и на другіе матеріалы (мнѣніе коммиссіи Иващенкова).

Убыточность нашей желѣзнодорожной сѣти явственно обнаружилась и вызвала безпокойство въ правительственныхъ кругахъ еще до событій 1904—1905 гг. Когда наступили и политическія осложненія, въ концѣ 1904 г., „по соображеніямъ финансоваго характера воспослѣдовало Высочайшее предуказаніе относительно сокращенія съ 1905 г. расходовъ на казенное желѣзнодорожное строительство въ сравненіи съ ассигнованіями 1902, 1903 и 1904 гг. (162, 165 и 120 мил. Но потребность въ новыхъ желѣзныхъ дорогахъ, конечно, не исчезла. Какъ разъ наканунѣ рѣшенія сократить казенное желѣзнодорожное строительство, особое совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности настойчиво доказывало, что одною изъ главнѣйшихъ экономическихъ нуждъ Россіи является проведеніе новыхъ рельсовыхъ путей. Инженеръ С. Кульжинскій въ работѣ, представленной въ высшую желѣзнодорожную коммиссію, доказываетъ— въ общемъ, убѣдительно, — что на ближайшую очередь съ точки зрѣнія экономическихъ интересовъ Россіи должна быть поставлена постройка 13,5 тыс. верстъ рельсовыхъ путей [1]).

Констелляція въ началѣ XX-го вѣка получилась въ общемъ такая же, какъ полстолѣтія назадъ. Дороги были необходимы, но казна не въ силахъ была ихъ строить. И снова, какъ тогда, правительство сдѣлало изъ этого выводъ: необходимо принять мѣры къ привлеченію частныхъ капиталовъ къ желѣзнодорожному строительству. Съ этой цѣлью издается законъ 10-го іюня 1905 г. о новыхъ льготахъ частнымъ желѣзнодорожнымъ обществамъ. Онъ кладетъ начало новому періоду желѣзнодорожной политики.

Льготы новаго закона не распространяются обязательно на всѣ вновь возникающія предпріятія. Второй департаментъ Государственнаго Совѣта можетъ предоставлять ихъ концессіонерамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда безъ нихъ составленіе акціонерной компаніи для по-

[1]) С. Кульжинскій, „О развитіи русской желѣзнодорожной сѣти“ (Спб., 1910), стр. 36.

стройки желѣзной дороги было бы невозможно. Законъ разрѣшаетъ оплату процентовъ по акціямъ (до 3%) во время постройки дороги за счетъ строительнаго капитала. Со дня открытія новыхъ дорогъ допускается пропорціональное дѣленіе чистаго дохода между акціонернымъ и гарантированнымъ облигаціоннымъ капиталами. Ограничивается участіе правительства въ прибыляхъ частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ. Срокъ, съ котораго наступаетъ право правительства на выкупъ, удлиняется до 25-ти лѣтъ со дня открытія правильнаго движенія. Желѣзнодорожныя общества могутъ требовать отъ правительства возмѣщенія убытковъ въ случаѣ введенія, вопреки ихъ желанію, льготныхъ тарифовъ. Частныя желѣзныя дороги вознаграждаются за устройства и приспособленія, производимыя по требованію правительства и не вызываемыя потребностями коммерческаго движенія. Оплачивается въ теченіе нѣкотораго времени перевозка почты, пожарныхъ обозовъ и т. п. Вновь возникающія частныя желѣзнодорожныя общества освобождаются отъ расходовъ по содержанію инспекціи, контроля, жандармской полиціи.

Льготы были довольно значительны, но частныхъ капиталовъ онѣ не привлекли. Вновь обнаружилось обстоятельство, которое упорно игнорировали почти всѣ наши министры финансовъ: что прибѣгать для сооруженія желѣзныхъ дорогъ въ годы финансоваго кризиса къ содѣйствію частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ и задачъ желѣзнодорожнаго строительства, нѣтъ никакого разсчета [1]). И если, по условіямъ международнаго денежнаго рынка и финансово-экономическаго положенія Россіи, казна не могла найти капиталовъ для постройки рельсовыхъ путей, то нисколько не легче было найти нужныя деньги и частнымъ учредителямъ. Ходатайства о концессіяхъ, правда, поступали. Ихъ было въ 1905 г. 9, въ 1906 — 17, въ 1907—24, въ 1908—36, въ 1909—42 и въ первую четверть 1910 г.—30. Но значительнѣйшая часть этихъ ходатайствъ, въ особенности на первыхъ порахъ, не носила, повидимому, серьезнаго характера. Ни въ 1905-мъ, ни въ 1906-мъ году ни одной концессіи съ новыми льготами и съ гарантіей облигаціоннаго капитала выдано не было. Въ 1907 г. концессію получило одно только общество Волго-Бугульминской желѣзной дороги, преобразованное изъ общества Мелекесскаго подъѣздного пути. И лишь съ 1908-го года, со времени образованія Сѣверо-Донецкой дороги, наступаетъ нѣкоторое строительное оживленіе; оно значительно усиливается въ 1910-мъ году, когда концессіи получаютъ Кокандъ-Номганская, Троицкая, Подольская и Кахетинская желѣзныя дороги, а Волго-Бу-

[1]) П. Мигулинъ, „Къ вопросу о частномъ желѣзнодорожномъ строительствѣ". Спб. 1910.

гульминской дорогѣ разрѣшается выпускъ акціонернаго и гарантированнаго правительствомъ облигаціоннаго капитала для постройки линіи отъ Бугульмы до Чишмы.

Лишь тогда, когда миновалъ на Западѣ денежный кризисъ 1907 г. и въ Россіи начался общій экономическій подъемъ, капиталы вновь стали притекать въ русское желѣзнодорожное хозяйство. И образованіе новыхъ желѣзнодорожныхъ обществъ въ 1910 г. стало возможнымъ не столько благодаря льготамъ послѣдняго закона (хотя онѣ и не лишены были значенія), сколько благодаря тому, что капиталы къ этому времени значительно подешевѣли. Волго-Бугульминской желѣзной дорогѣ пришлось реализовать свои $4^1/_2$ %-ныя облигаціи въ мартѣ 1908-го года по курсу 80%: она платила, такимъ образомъ, на дѣйствительно ею полученный облигаціонный капиталъ 5,62%. Въ началѣ 1909 г. Владикавказская желѣзная дорога достигаетъ для своихъ $4^1/_2$ % облигацій реализаціоннаго курса въ 83,25%. Въ сентябрѣ 1909 г. $4^1/_2$ % облигаціи Московско-Кіево-Воронежской дороги реализуются уже по курсу 90%, а въ іюнѣ 1910 г.—по 92,25%. Наконецъ, въ іюлѣ 1910 г. 4%-ныя облигаціи Волго-Бугульминской дороги принимаются по реализаціонному курсу въ 86,75%, что составляетъ 4,6% на дѣйствительно полученный капиталъ—на 1% меньше, чѣмъ двумя годами раньше.

Сравнительно съ 1905 г., въ 1910 г. всѣ условія измѣнились настолько значительно, что можно было смѣло поставить вопросъ о томъ, не сдѣлался ли законъ 1905 г. излишнимъ. Онъ былъ изданъ въ періодъ жестокихъ финансовыхъ затрудненій, и хотя благихъ послѣдствій въ самую трудную пору онъ не имѣлъ, но все же мотивы его составителей въ ту тяжелую годину были вполнѣ понятны, въ особенности если разсматривать положеніе 10-го іюня 1905 г. какъ временную мѣру, вызванную чрезвычайными обстоятельствами. Но чрезвычайныя обстоятельства, казалось бы, прошли. Росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1910 и 1911 гг. сводятся безъ дефицитовъ. Послѣдній бюджетъ даетъ избытокъ обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами въ 180 мил., позволяющій приступить къ погашенію государственныхъ долговъ. Въ государственномъ казначействѣ вновь появляется свободная наличность, превышающая уже 350 мил. и обѣщающая, судя по поступленію доходовъ въ первые мѣсяцы 1911 г., значительно повыситься ко времени утвержденія слѣдующей росписи. Государственный кредитъ укрѣпился въ послѣдніе годы и находится теперь въ сравнительно благопріятномъ положеніи. 4%-ная государственная рента въ концѣ 1905-го года котировалась около 83 р., въ концѣ 1906 г.—отъ 73 до 74 р., 1907 г.—отъ 74 до 75 р., 1908 г.—77 р., 1909 г.—90 р., въ 1910 г.—95 р. Положеніе это еще не блестящее, но все же не худшее, чѣмъ состояніе кредита

частныхъ дорогъ. Въ іюлѣ 1910 г. общество Волго-Бугульминской дороги выговорило реализаціонную цѣну для своихъ 4% облигацій въ 86, 75%. Между тѣмъ 4%-ная государственная рента цѣнилась въ то время на петербургской биржѣ отъ 92,75 до 94 р. Новыя бумаги всегда размѣщаются на биржѣ по курсу нѣсколько низшему сравнительно съ существующими, но 6—8 рублей (7—8%) превышаютъ обычную разницу. По состоянію государственнаго казначейства строить за счетъ казны въ настоящее время возможно; по условіямъ государственнаго кредита строить за счетъ казны повидимому дешевле, чѣмъ сооружать дороги при помощи частныхъ компаній.

Не взирая на все это, министръ финансовъ вноситъ въ концѣ декабря 1910 г. въ законодательныя учрежденія законопроектъ „о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ условіяхъ образованія частныхъ желѣзнодорожныхъ предпріятій"—проектъ новыхъ льготъ частному желѣзнодорожному строительству и окончательнаго укрѣпленія частно-хозяйственнаго курса нашей желѣзнодорожной политики. Сперва о самыхъ льготахъ, потомъ объ ихъ обоснованіи.

Новый законопроектъ отличается отъ закона 10-го іюня 1905 г. прежде всего тѣмъ, что устанавливаемыя имъ льготы не въ силу особаго разрѣшенія второго департамента Государственнаго Совѣта, a de jure распространяются на вновь возникающія желѣзнодорожныя общества. Постановленіе это введено въ проектъ для того, чтобы учредители и капиталисты напередъ опредѣленно знали всѣ права, которыя они могутъ пріобрѣсти въ случаѣ полученія концессіи. Законопроектъ отчасти повторяетъ постановленія закона 1905 г., отчасти усиливаетъ прежнія льготы, отчасти вводитъ новыя. Частныя дороги не участвуютъ въ расходахъ по содержанію правительственной инспекціи и контроля, а также въ расходахъ, которые вызываются мѣропріятіями правительства въ общегосударственныхъ интересахъ. Онѣ освобождаются отъ безплатной перевозки почты и отъ отвода квартиръ для чиновъ почтоваго вѣдомства и другихъ правительственныхъ вѣдомствъ, за исключеніемъ жандармской полиціи. Частнымъ желѣзнодорожнымъ предпріятіямъ разрѣшается въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ эксплоатаціи для перевозокъ въ мѣстномъ и прямомъ (но не транзитномъ) сообщеніи устанавливать повышенные тарифы. Срокъ, съ котораго наступаетъ право правительства на выкупъ — двадцать пять лѣтъ. Для дороги общегосударственнаго значенія установляются, сверхъ того, слѣдующія правила. Акціонерный капиталъ долженъ составлять не менѣе 1/10 всего капитала при образованіи общества; онъ можетъ быть пониженъ до 1/20, если для расширенія предпріятія производятся новые выпуски облигацій. Правительство гарантируетъ не только облигаціонный, но и акціонерный капиталъ, по послѣднему—

не болѣе 3%. Правительство гарантируетъ также срочное погашеніе акціонернаго капитала и выкупное вознагражденіе той части акціонернаго капитала, которая не погашена къ сроку выкупа. Чистый доходъ дѣлится пропорціонально между акціонернымъ и облигаціоннымъ капиталами. Акціонеры имѣютъ право на полученіе, по окончаніи постройки, части сбереженій отъ строительнаго капитала (по уставу Сѣверо-Донецкой дороги они получили половину). Участіе правительства въ прибыляхъ ограничивается частью прибыли сверхъ 8%. Наконецъ, законопроектъ упорядочиваетъ положеніе учредителей, признавая за ними право на возмѣщеніе произведенныхъ расходовъ и на особое вознагражденіе.

Законопроектъ имѣетъ свои положительныя стороны: къ нимъ прежде всего относится попытка урегулировать положеніе учредителей, прибѣгающихъ въ настоящее время къ пріемамъ далеко не всегда корректнымъ, чтобы извлечь выгоду изъ создаваемаго ими предпріятія. Ясное признаніе въ законѣ ихъ права на вознагражденіе представляется вполнѣ цѣлесообразнымъ. Въ законопроектѣ есть постановленія, къ которымъ можно отнестись различно; но большого принципіальнаго значенія они не имѣютъ. Слѣдуетъ ли освобождать желѣзнодорожныя общества отъ цѣлаго ряда расходовъ на общегосударственныя нужды — трудно сказать съ полной опредѣленностью. Едва ли эти расходы играютъ достаточно большую роль, чтобы ихъ исчезновеніе могло послужить стимуломъ къ помѣщенію капиталовъ въ желѣзнодорожное дѣло. Такое сомнѣніе выражаютъ и сторонники частнаго хозяйства.

Гораздо важнѣе вопросъ о гарантіи акціонернаго капитала. Такая гарантія была пріемомъ, широко практиковавшимся въ царствованіе Александра II-го для привлеченія частныхъ строителей. Этотъ пріемъ можно было бы оправдать въ настоящее время лишь въ случаѣ крайней необходимости. Конечно, 3%—это немного (совѣтъ съѣздовъ представителей промышленности и торговли требуетъ повышенія гарантируемаго процента до 4,5). Но 3% немного лишь въ томъ предположеніи, что вся нарицательная сумма вносится акціонерами полностью. Между тѣмъ она никогда или почти никогда полностью не вносилась. Несмотря на вмѣшательство и контроль министерства финансовъ, акціонерный капиталъ въ большей или меньшей мѣрѣ является предпринимательной прибылью лицъ организовывающихъ предпріятіе и реализующихъ облигаціи. Самъ министръ финансовъ пишетъ въ мотивахъ къ законопроекту, что „акціонерные капиталы фактически въ большинствѣ случаевъ даются банковыми учрежденіями, при чемъ эти послѣднія вкладываютъ въ образованіе акціонерныхъ капиталовъ прибыль, ожидаемую отъ реализаціи облигацій“.

Та цѣна, по которой банки берутся реализовать облигаціи, устанавливается ниже той, которая возможна по условіямъ денежнаго рынка. На реализаціи облигацій банки зарабатываютъ крупныя суммы, но зато они покрываютъ и акціонерный капиталъ. Ясно, что такое покрытіе совершенно фиктивно.

Если же акціи покрываются этимъ способомъ не цѣликомъ, то остается еще другое средство избѣжать ихъ реальной оплаты: составленіе преувеличенной расцѣнки и полученіе „послѣ окончанія постройки дороги части сбереженій отъ строительнаго капитала". И если всѣми указанными способами удастся получить акціи даже не даромъ, а за $^1/_2$—$^1/_4$ ихъ нарицательной цѣны—предположеніе, какъ показываетъ вся исторія нашего желѣзнодорожнаго хозяйства, отнюдь не фантастическое,—то 3%-ная гарантія превратится въ 6-ти или 12-ти-процентную, а 8%-ный доходъ, по превышеніи котораго начинается участіе правительства при прибыляхъ, въ 16- или 32-процентный. При такихъ условіяхъ о рискѣ предпринимателей, вкладывающихъ въ желѣзнодорожное дѣло свой капиталъ, не можетъ быть и рѣчи. Капиталъ вкладывается правительствомъ. Мотивировка проекта, гласящая, что „казенныя средства въ той мѣрѣ, въ какой они могутъ быть удѣлены на желѣзнодорожное строительство, еще многіе годы будутъ поглощаться громадными сооруженіями въ Сибири, требующими въ теченіе ряда лѣтъ огромныхъ ассигнованій", теряетъ свое значеніе, если только не дѣлать упорно различія между гарантированнымъ займомъ желѣзнодорожной компаніи и желѣзнодорожнымъ займомъ казны. Частно-хозяйственный элементъ въ составленіи капитала отсутствуетъ. Его даетъ все та же казна. Оправданіемъ такому способу затраты государственныхъ капиталовъ могло бы служить лишь одно обстоятельство: если частныя общества эксплоатируютъ свою рельсовую сѣть лучше казны, если, притомъ, опытъ показываетъ, что это ихъ преимущество является длительнымъ, а не временнымъ и случайнымъ, тогда расходованіе казенныхъ средствъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ черезъ посредство акціонерныхъ компаній будетъ болѣе цѣлесообразнымъ, чѣмъ непосредственное расходованіе ихъ органами правительства. И важнѣйшій по нынѣшнему времени вопросъ: имѣется ли это обстоятельство на лицо?

Утвердительный отвѣтъ можно было слышать нѣсколько разъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Въ мартѣ 1907-го года представитель Петроковской губерніи В. В. Жуковскій утверждалъ, при обсужденіи бюджета въ Государственной Думѣ, что казенное хозяйство на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ хуже достаточно плохого частнаго хозяйства. И въ доказательство онъ приводилъ цѣлый рядъ признаковъ изъ числа тѣхъ, по которымъ принято судить о состояніи желѣзнодорож-

наго дѣла. Въ „Краткомъ отчетѣ о работахъ, произведенныхъ совѣтомъ съѣздовъ представителей промышленности и торговли по желѣзнодорожному вопросу“ въ 1907-мъ году, проводилась приблизительно та же мысль: „даже при... приблизительномъ способѣ сравненія двухъ хозяйствъ, съ несомнѣнной ясностью выступаетъ фактъ постепеннаго упадка казеннаго желѣзнодорожнаго хозяйства и медленное, но неуклонное улучшеніе, вмѣстѣ съ ростомъ движенія, почти всѣхъ отраслей частнаго хозяйства“.

Скажемъ сейчасъ же: исчерпывающаго изслѣдованія вопроса не было и нѣтъ. Есть много указаній, иногда весьма полезныхъ, но нѣтъ точнаго обслѣдованія всѣхъ дорогъ. Сравненіе всей казенной рельсовой сѣти въ цѣломъ со всею частною сѣтью не можетъ казаться убѣдительнымъ. Какъ въ той, такъ и въ другой есть немало дорогъ, построенныхъ съ политическими цѣлями, на доходность которыхъ строители и не разсчитывали. Тѣ статистическія ссылки, которыми до сихъ поръ пытались—хотя бы, напр., авторы названнаго выше „Краткаго отчета“ — подкрѣпить положеніе о преимуществахъ частнаго желѣзнодорожнаго хозяйства передъ казеннымъ, кое въ чемъ, конечно, убѣдительны. Но онѣ были далеки отъ исчерпывающаго отвѣта и страдали слишкомъ общимъ характеромъ сужденій. Тотъ же упрекъ можно было бы сдѣлать и автору этой замѣтки, еслибы единственною ея цѣлью не было выясненіе одного факта: въ данномъ вопросѣ пока еще ничего не доказано.

Начнемъ съ самаго общаго признака: коэффиціента эксплоатаціи для дорогъ Европейской Россіи. Въ 1895 г. онъ и на казенныхъ, и на частныхъ дорогахъ равенъ 58%. Въ 1898 г. на казенныхъ 59%, на частныхъ 63%. Въ 1904 г., наоборотъ, на казенныхъ 66%, на частныхъ 62%. Наконецъ, въ 1906 г. на первыхъ 73%, на послѣднихъ 74% [1]). Положеніе лучше то на казенной, то на частной сѣти. Сказать на основаніи этого признака, что тѣ или другія дороги эксплоатируются лучше, совершенно невозможно.

Расходы по центральному и по мѣстному управленію на версту пути на казенныхъ дорогахъ въ 1902 г. составляли 1.083 р., въ 1907 г. — 1.301 р., т.-е. на 20% больше; на частныхъ дорогахъ въ тѣ же годы 1.093 р. и 1.327 р., т.-е. на 21% больше. Управленіе на версту пути обходится казнѣ дешевле, а увеличиваются расходы на него на обѣихъ сѣтяхъ въ равной мѣрѣ.

Расходы по службѣ пути и строеній на версту пути составляютъ для казенныхъ дорогъ въ 1902 г.—1.919 р., въ 1907 г.—2.219 р., т.-е. на 15% больше. Для частныхъ дорогъ 1.571 р. и 1.765 р.: увеличеніе

[1]) Н. Петровъ, „Финансовое положеніе русской желѣзнод. сѣти“, стр. 150.

на 12%. Положеніе частныхъ дорогъ здѣсь лучше, но въ томъ лишь случаѣ, если путь и строенія содержатся на нихъ не хуже, чѣмъ на казенныхъ дорогахъ — а, судя по нѣкоторымъ недавнимъ обслѣдованіямъ, есть основаніе въ этомъ сомнѣваться.

Расходы по службѣ тяги и подвижного состава всего правильнѣе брать на 10.000 вагоно-осе-верстъ, такъ какъ они зависятъ отъ размѣровъ движенія. Брать ихъ на извѣстное число поѣздоверстъ менѣе цѣлесообразно, такъ какъ тогда, при маломъ составѣ поѣздовъ, эти расходы будутъ казаться преуменьшенными. Эти расходы на 10.000 вагоно-осе-верстъ составляли въ разсматриваемые годы: на казенной сѣти 101 и 143 р. (+42%), на частной—94 и 127 р. (+35%). И статически, и динамически преимущество здѣсь на сторонѣ частныхъ дорогъ.

Расходы по службѣ движенія и телеграфа на 10.000 вагоно-осе-верстъ равнялись на казенной сѣти: въ 1902 г.—51 р., въ 1907 г.—60 р. (+18%). На частной сѣти — 49 р. и 63 р. (+28%). Здѣсь казенныя дороги стоятъ впереди.

Приведенныя цифры далеко не исчерпываютъ всѣхъ признаковъ. Такъ, паровозы казенной сѣти дѣлаютъ въ настоящее время большее количество парооборотовъ безъ поѣздовъ, чѣмъ частные паровозы, а раньше этого не было. Средній составъ поѣзда на частныхъ дорогахъ нѣсколько больше, чѣмъ на казенныхъ; это—признакъ лучшей утилизаціи подвижного состава. Но зато казенныя дороги лучше снабжены подвижнымъ составомъ, чѣмъ рельсовые пути частной сѣти [1]).

Возьмемъ еще общій финансовый результатъ эксплоатаціи. Въ 1906 г. весь капиталъ, вложенный въ частную сѣть, составлялъ 1.705 мил. руб. Чистый доходъ ея — 60 мил. [2]), т.-е. 3,6%. Капиталъ, вложенный въ казенную сѣть *Европейской* Россіи, составлялъ 3,655 мил., а чистый доходъ ея—132 мил. [3]), т.-е. 3,6%. Доходность казенныхъ дорогъ Европейской Россіи, вычисленная по отношенію ко всему вложенному въ нихъ капиталу, была не ниже доходности частныхъ дорогъ; и тѣ, и другія при такой оплатѣ капитала были убыточны. Убыточными онѣ оставались и въ 1907, и въ 1908 г.г.

Въ 1909 г. частныя дороги значительно повысили свои доходы. Московско-Виндаво-Рыбинская послѣ продолжительнаго перерыва выдала дивидендъ. Московско-Казанская, Московско-Кіево-Воронежская и Владикавказская значительно повысили размѣры дивиденда. Юго-Восточныя уплатили даже весь свой долгъ правительству по гарантіи. Сильно возрасла и доля участія правительства въ прибыляхъ част-

[1]) „Статистическій сборникъ министерства путей сообщенія", вып. 102.

[2]) Вмѣстѣ съ государственнымъ сборомъ съ пассажировъ и грузовъ.

[3]) Вмѣстѣ со сборомъ съ пассажировъ и грузовъ и суммами, недоплаченными военнымъ вѣдомствомъ.

ныхъ дорогъ. Въ 1908 г. по шести перечисленнымъ дорогамъ казна израсходовала 13.504 т. р., а получила 3.648 т. р.; въ 1909 г. казна заплатила 6.373 т. р., а получила отъ частныхъ дорогъ 13.272 т. р. [1]).

Что же касается казенныхъ дорогъ, то по даннымъ не вполнѣ еще точнымъ, но едва-ли сколько нибудь значительно отклоняющимся отъ дѣйствительности, положеніе ихъ въ 1909 г. [2]) было таково: за покрытіемъ обязательныхъ платежей по желѣзнодорожнымъ займамъ, дохода по всей казенной рельсовой сѣти оставалось около 47 мил. руб. [3]) (157 мил. чистаго дохода, за вычетомъ 110 мил. обязательныхъ платежей). Такъ какъ весь капиталъ, вложенный въ казенную сѣть изъ текущихъ средствъ государственнаго казначейства достигалъ къ этому времени 2,1 милліардовъ рублей, то доходъ этотъ былъ крайне незначителенъ. Если, слѣдуя методу государственнаго контроля, начислять на капиталъ $4^1/_2$%, то убытокъ отъ всей нашей казенной желѣзнодорожной сѣти выразился въ суммѣ около 48 мил. р. Если же брать одну лишь европейскую сѣть, то результатъ окажется несравненно болѣе благопріятнымъ. Чистый доходъ составляетъ 166 мил.; обязательные платежи—108 мил.; разность—58 мил., при капиталѣ въ 1.350—1.400 мил., вложенномъ изъ текущихъ средствъ государственнаго казначейства. Оплата капитала равняется 4,3%. До $4^1/_2$% не хватаетъ всего лишь 4 мил. рублей. Финансовые результаты въ 1909 г. на казенной сѣти хуже, чѣмъ на частной; но для одной европейской казенной сѣти они почти удовлетворительны.

Что говорятъ всѣ эти цифры?

Онѣ говорятъ, что, наряду съ нѣкоторыми преимуществами, въ эксплоатаціи частныхъ дорогъ нетрудно отмѣтить и недостатки сравнительно съ эксплоатаціею казенной сѣти. И нѣтъ, во всякомъ случаѣ, основанія утверждать, что на частныхъ дорогахъ хозяйство ведется значительно цѣлесообразнѣе, чѣмъ на казенныхъ. Возможно, что въ общемъ за послѣднія 10—15 лѣтъ соотношеніе между степенью раціональности управленія казенными и частными дорогами нѣсколько измѣнилось въ пользу послѣднихъ. Весьма вѣроятно, что частная сѣть въ общемъ лучше справилась съ ростомъ движенія въ 1909 г., чѣмъ казенная. Но ни исторія нашего желѣзнодорожнаго хозяйства въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, ни тѣмъ болѣе его исторія въ теченіе всей второй половины прошедшаго вѣка не даютъ основанія говорить о

[1]) Шутманъ, „О результатахъ эксплоатаціи частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ 1909—1910 гг.“

[2]) Данныя взяты главнымъ образомъ изъ отчета и объяснительной записки (стр. 88) государственнаго контроля за 1909 г. и у Н. Петрова, „Финансовое состояніе“ и т. д.

[3]) Включая государственный сборъ съ пассажировъ и грузовъ.

преимуществахъ частнаго хозяйства передъ казеннымъ, значительныхъ, длительныхъ, коренящихся въ самыхъ принципахъ веденія того и другого.

Нѣтъ, поэтому, экономическаго оправданія новому законопроекту министерства финансовъ объ усиленномъ поощреніи частнаго желѣзнодорожнаго строительства за счетъ государственнаго кредита. Нѣтъ ему и политическаго оправданія, съ точки зрѣнія законодательныхъ учрежденій. При сооруженіи казенныхъ путей государственныя средства и государственный кредитъ используются съ разрѣшенія Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, а при постройкѣ частныхъ линій — властью второго департамента Государственнаго Совѣта. Это обстоятельство должно служить лишнимъ поводомъ къ крайне осторожному обращенію съ проектомъ, экономическую необоснованность котораго мы пытались показать. Опытъ нашего желѣзнодорожнаго хозяйства, въ общемъ, говоритъ не за концессіонеровъ. Прежде чѣмъ закрѣпить частно-хозяйственное направленіе нашей желѣзнодорожной политики, къ которому законодатель пытался возвратиться къ 1905 г., необходимо было бы доказать принципіальныя преимущества частнаго желѣзнодорожнаго хозяйства передъ казеннымъ въ условіяхъ русской экономической жизни. Этого никто досихъ поръ не доказалъ и едва-ли кто либо докажетъ. Onus probandi во всякомъ случаѣ лежитъ на авторахъ новаго законопроекта, непопытавшихся даже поставить вопросъ въ той плоскости, въ которой онъ только и можетъ быть разрѣшенъ.

Л. Юровскій.

НОВЫЯ ЗЕМСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ О ХУТОРСКОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ КРЕСТЬЯНЪ

Въ послѣднее время нѣкоторыя земства стали предпринимать спеціальныя статистическія изслѣдованія хуторского и подворнаго землевладѣнія, приспособленныя къ вѣяніямъ и теченіямъ новой землеустроительной политики. Самарская губернская земская управа, подъ вліяніемъ указа 9 ноября 1906-го года, произвела изслѣдованіе хуторского и подворнаго единоличнаго землевладѣнія въ губерніи, при помощи командированныхъ для этой цѣли 33 человѣкъ, въ числѣ которыхъ было 24 агронома. Эти лица въ теченіе мѣсяца изслѣдовали 305 хуторовъ и дворовъ съ подворнымъ землевладѣніемъ, разбросан-

ныхъ въ разныхъ уѣздахъ губерніи. Изслѣдованіе было не сплошное, а отдѣльно-подворное, безъ всякой связи съ общими условіями остальныхъ дворовъ даннаго селенія, живущихъ въ одинаковыхъ условіяхъ съ обслѣдованными. Хуторъ въ Самарской губерніи представляетъ собою не отдѣльный дворъ-хозяйство, а просто группу въ 3—5—10—20 дворовъ, хозяева которыхъ переселились изъ разныхъ губерній и поселились на купчей или арендованной казенной землѣ. Упомянутые 305 хуторянъ и подворниковъ составляютъ лишь ничтожную горсть дворовъ въ общей массѣ хозяевъ указанной категоріи, такъ какъ въ трехъ только уѣздахъ Самарской губерніи—Самарскомъ, Николаевскомъ и Новоузенскомъ—подворно-хуторского населенія еще въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія числилось 56.170 душъ, въ 7.960 дворахъ; слѣдовательно эта горсть 305 дворовъ не могла дать основанія для сужденія по ней о состояніи хозяйства всего подворно-хуторского населенія губерніи, тѣмъ болѣе, что хутора и дворы выбраны для изслѣдованія совсѣмъ нетипичные. Изслѣдователи даже не ознакомились предварительно съ изданными въ 80-хъ годахъ земскими статистическими сборниками, вѣроятно въ томъ предположеніи, что тамъ все устарѣло, а вотъ они, агрономы, сами откроютъ нѣчто новое, до сихъ поръ никому невѣдомое. Результатомъ такого изслѣдованія появилось трехтомное земское изданіе: „Подворное и хуторское хозяйство Самарской губерніи“, выполненное подъ руководствомъ бывшаго предсѣдателя губернской земской управы, Д. Я. Слободчикова, при ближайшемъ участіи инспектора сельскаго хозяйства, В. В. Тейса. Первый небольшой томъ заключаетъ текстъ, второй—еще меньшей величины—таблицы, третій—чертежи плановъ хуторскихъ владѣній. „Извѣстія главнаго управленія землеустройства и земледѣлія“ (1910 г., № 2) поспѣшили заявить, что это изданіе „должно запять одно изъ первыхъ мѣстъ по подробности и всесторонности собранныхъ и обработанныхъ данныхъ“.

Въ введеніи, составленномъ самимъ г. Слободчиковымъ, мы читаемъ, что „всѣ современныя мѣропріятія правительства въ области землеустройства, со времени учрежденія землеустроительныхъ коммиссій и объединенія дѣятельности помянутыхъ коммиссій въ главномъ управленіи землеустройства и земледѣлія, были твердо направлены по единственно правильному руслу въ сторону единоличной земельной собственности... Земство всецѣло раздѣлило положенную въ основу циркуляра мысль, что только изученіе мѣстныхъ естественно-историческихъ, климатическихъ и бытовыхъ условій придастъ надлежащую крѣпость намѣченнымъ агрикультурнымъ мѣрамъ. Въ основаніе программы агрономическій совѣтъ положилъ прошлую агрономическую практику уѣздныхъ земствъ“. А ниже та же самая прошлая земская агрономическая практика рисуется предсѣдателемъ управы въ самомъ неприглядъ-

номъ свѣтѣ: „опытно-показательныя учрежденія мѣстныхъ земствъ дѣйствовали обособленно отъ крестьянской массы и многія полезныя начинанія не могли проникнуть въ сельскую среду". Настоящій моментъ—говорится далѣе,—„моментъ перелома въ сельскомъ хозяйствѣ выведетъ таковое на единственно правильную дорогу улучшенія техники земледѣлія". До наступленія этого свѣтлаго момента „крестьянское населеніе безпомощно коснѣло въ старыхъ общинныхъ распорядкахъ; примитивное веденіе сельско-хозяйственнаго промысла вызвало мало обоснованныя сѣтованія на недостатокъ земли". Заря свѣтлаго будущаго для крестьянскаго населенія уже наступила: „по 1 января 1909 года 8.185 домохозяевъ заявили ходатайство о выходѣ по закону 9 ноября изъ земельной общины, при чемъ за большинствомъ изъ нихъ уже окончательно укрѣплено 496.990 десятинъ земли, что составляетъ около 8% всей площади надѣльной земли..." Вмѣстѣ съ тѣмъ „образованъ громадный фондъ для продажи безземельнымъ крестьянамъ около 1.900.000 десятинъ". Но, само собой разумѣется, „новые владѣльцы отрубныхъ или хуторскихъ участковъ не могутъ вести земельнаго промысла по старинѣ"... „Вотъ какъ широко поле будущей дѣятельности агрономическаго воздѣйствія на населеніе!"—восклицаетъ авторъ. Впрочемъ крестьянское населеніе не всецѣло виновато въ своемъ коснѣніи въ старыхъ общинныхъ распорядкахъ: оно и „ранѣе могло бы наилучшимъ образомъ устроить свое хозяйство, еслибы, къ сожалѣнію, само правительство не дѣлало ошибокъ по отношенію къ крестьянамъ: оказываемая правительствомъ продовольственная помощь замедляетъ прогрессъ въ сельскомъ хозяйствѣ; безъ этой помощи населеніе ранѣе пришло бы къ сознанію необходимости коренныхъ реформъ въ хозяйствѣ".

Особенное вниманіе изслѣдователи обратили на менонитское хозяйство, описанію котораго посвящено болѣе 1/3 всего текста. Проводить параллель между двумя типами хозяйствъ—крестьянскимъ и менонитскимъ—потому уже не слѣдовало бы, что они находятся въ совершенно различныхъ условіяхъ: меноніты, при своемъ водвореніи въ Самарской губерніи, получили даромъ по 65 десятинъ земли, т.-е. такое количество, о какомъ крестьянамъ и не снилось. При всемъ томъ житье въ Самарской губерніи многимъ менонитамъ „не понравилось", такъ какъ „урожаи хлѣбовъ бываютъ не постоянные"; многіе изъ нихъ землю бросаютъ и переселяются на новыя мѣста. Замѣтна концентрація земли въ рукахъ болѣе зажиточныхъ домохозяевъ; появились дворы безземельные. По поводу этого явленія г. Слободчиковъ ведетъ такое разсужденіе. „У менонитовъ продажа участковъ вообще составляетъ хроническое явленіе (?)... Но какой процентъ ликвидировавшихъ свое хозяйство получилъ возможность послѣ ликвидаціи строиться на новыхъ мѣ-

стахъ, какой процентъ хозяевъ оказался принужденнымъ перейти на арендное хозяйство и т. д.,—этого мы не знаемъ. Не зная числа окончательно ушедшихъ изъ предѣловъ волости (Малышенской, Новоузен. у.), не зная, сколько семей и куда ушли изъ менонитскихъ семей, мы не можемъ приписать какого-либо симптоматическаго значенія увеличенію или уменьшенію числа безземельныхъ, проживающихъ въ волости". Куда именно и сколько менонитскихъ семей переселилось и чѣмъ они на новыхъ мѣстахъ занимаются—объ этомъ обстоятельно было сообщено въ статистическомъ сборникѣ по Новоузенскому у. (т. VII, 1889 г.), а также въ издававшемся тогда „Юридическомъ Вѣстникѣ" и въ газетахъ. Первоначальнымъ толчкомъ къ переселенію менонитовъ въ другія страны послужилъ законъ о воинской повинности 1874 г. Менонитскихъ семей выселилась изъ Новоузенскаго у. 71 семья, въ числѣ 390 душъ обоего пола; онѣ начали выселяться еще съ 1880-го года. Изъ нихъ 49 семей продали полученныя отъ правительства даромъ земли со всѣмъ инвентаремъ и строеніями за 104.459 р. Въ Сыръ-Дарьинскую область ушло 10 менонитскихъ семей; онѣ основали тамъ 4 колоніи и вновь получили отъ правительства, даромъ, по 15 десятинъ земли и правительственную ссуду въ 3.000 р. на устройство школъ и общественной мельницы. Г. Слободчиковъ и вообще составители цитируемаго сборника не сочли нужнымъ читать и изучать земскіе статистическіе сборники, изданные еще въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія; изъ нихъ они узнали бы, что сдѣланныя ими новыя открытія въ области сельскаго хозяйства совсѣмъ не новы. Однако, они охотно читали и перепечатывали въ своемъ новомъ трудѣ цѣлыя тирады изъ „Саратовской недѣли" 1904 г. и изъ книги г. Колесникова: „Культурное хозяйство", въ которыхъ нерѣдко повторялось то же самое, что и въ упомянутыхъ „устарѣвшихъ" статистическихъ сборникахъ.

Немало въ новомъ сборникѣ разсѣяно и напрасныхъ обвиненій самарскаго крестьянства въ сельскохозяйственной отсталости и рутинѣ. Крестьяне центральныхъ и южныхъ уѣздовъ Самарской губерніи, съ начала 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, почти во всѣхъ крупныхъ селеніяхъ проявляютъ прогрессивныя начинанія въ разныхъ областяхъ сельскохозяйственной дѣятельности. Эти начинанія особенно рѣзко бросаются въ глаза тамъ, гдѣ требуется примѣненіе къ дѣлу коллективнаго труда цѣлой общины. Новые изслѣдователи ничего этого не видѣли. „Во всѣхъ почти хозяйствахъ нѣмцевъ Новоузенскаго у.—говорятъ они—встрѣчаемъ сады; у русскихъ крестьянъ встрѣчаются лишь небольшіе огороды, разводимые для собственнаго потребленія". Констатированы въ нѣсколькихъ нѣмецкихъ селеніяхъ цѣлесообразныя меліораціи (орошеніе), замѣчены нѣкоторыя улучшенія, заключающіяся въ подборѣ болѣе усовершенствованныхъ орудій, а у русскихъ кре-

стьянъ, наоборотъ, „въ мертвомъ инвентарѣ замѣчено полное отсутствіе необходимыхъ орудій и машинъ“. „Техника полеводства самая примитивная“. Однимъ словомъ — у русскихъ крестьянъ повсюду въ хозяйствѣ „мерзость запустѣнія“. Между тѣмъ, въ статистическомъ сборникѣ по Новоузенскому уѣзду отмѣчено въ 1889-мъ году у русскихъ крестьянъ дворовъ съ садами 109, у нѣмцевъ 82. Въ Николаевскомъ уѣздѣ еще за 10 лѣтъ до перваго статистическаго изслѣдованія уѣзда почти повсюду у крестьянъ можно было встрѣтить яблоновые и вишневые сады. Въ нѣкоторыхъ общинахъ по обоимъ берегамъ искусственныхъ запрудъ крестьянами насажены были деревья... О меліораціяхъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ въ „устарѣвшихъ“ статистическихъ сборникахъ даны подробныя и интереснѣйшія свѣдѣнія, указывающія на стремленіе крестьянъ выйти изъ состоянія косности и застоя на путь прогрессивныхъ улучшеній въ области сельскаго хозяйства. Такъ какъ крестьяне неурожаи травы признавали главной причиной упадка ихъ благосостоянія, они обращали особенное вниманіе на устройство и поддержаніе лимановъ и плотинъ, служащихъ не столько для водопоя скота, сколько для образованія сѣнокосовъ [1]). Какъ производились крестьянами меліораціи, хотя бы въ томъ же Новоузенскомъ уѣздѣ, видно изъ слѣдующихъ данныхъ. На большомъ выгонномъ пространствѣ села Краснаго Яра (Черебаевской вол.), населеннаго на половину раскольниками различныхъ сектъ, съ незапамятныхъ временъ образовались, по выраженію крестьянъ, „вертячіе пески“, которые разносились вѣтромъ по всему выгону и засыпали даже часть полей. На этихъ пескахъ мѣстами росъ приземистый тонкій камышъ. Крестьяне замѣтили, что корни этого камыша сидятъ довольно глубоко въ землѣ, и отсюда вывели заключеніе о возможности утилизировать камыши для укрѣпленія песчанаго грунта путемъ распашки земли и посѣва на ней камышевыхъ сѣмянъ. Цѣлой общиной они сжали камышъ, обмолотили сѣмена, потомъ разрыхлили песчаное пространство глубокой вспашкой и засѣяли его сѣменами (похожими на ячмень). Въ теченіе пяти лѣтъ община ежегодно засѣвала пески камышомъ, ежегодно скашивала часть молодого камыша и кормила имъ скотъ. Опытъ оказался вполнѣ удачнымъ: камышъ образовалъ на песчаномъ грунтѣ довольно толстый слой перегноя. Въ моментъ статистическаго изслѣдованія этого села въ 1888-мъ году крестьяне уже засѣвали это пространство рожью, при чемъ тѣмъ изъ домохозяевъ, которые не имѣли для посѣва сѣмянъ, община выдавала ихъ изъ общественнаго магазина. Совершенная неправда также и то, будто „у

[1]) См., напр., въ „Статистич. сб. по Новоузен. у.“, т. VII, описаніе плотинъ и лимановъ въ с.с. Валуйкѣ, Стар. Полтавкѣ и др.

русскихъ крестьянъ въ мертвомъ инвентарѣ замѣчается полное отсутствіе необходимыхъ орудій и машинъ". Болѣе 20-ти лѣтъ тому назадъ въ статистическихъ сборникахъ указаны были многіе случаи примѣненія въ крестьянскомъ хозяйствѣ улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій и машинъ: паровыхъ и конныхъ молотилокъ, вѣялокъ, сѣялокъ, сѣнокосилокъ, соломорѣзокъ и другихъ. Въ Николаевскомъ уѣздѣ статистиками было зарегистровано у крестьянъ 608 конныхъ и 10 паровыхъ молотилокъ, 16 зерносушилокъ и т. д., при чемъ въ нѣкоторыхъ общинахъ орудія пріобрѣтались сообща, а слѣдовательно и пользовались ими тоже сообща. Мы уже не говоримъ о введеніи крестьянами многихъ селеній въ систему хозяйства, кромѣ хлѣбовъ, другихъ культурныхъ растеній: подсолнечника, сурѣпки (чечевицы), горчицы и другихъ. Что многіе крестьяне южныхъ уѣздовъ рожь сѣютъ наволокомъ, безъ предварительной обработки и задѣлываютъ ее бороной, о чемъ съ такой помпой сообщаютъ въ своемъ новомъ трудѣ гг. Слободчиковъ и К°, какъ о какомъ-то новомъ открытіи, то этого вопроса, думается намъ, можно было бы и не затрогивать, въ виду данныхъ, имѣющихся объ этомъ въ „устарѣвшихъ" статистическихъ сборникахъ. Крестьянамъ не чужда также мысль объ улучшеніи существующихъ породъ домашняго скота. Въ 22 общинахъ Николаевскаго уѣзда крестьяне въ теченіе многихъ лѣтъ улучшали овечью породу и массой завели стада овецъ „волошскихъ", „ордынскихъ", „курдюцкихъ" и проч.; въ нѣкоторыхъ общинахъ путемъ искусственнаго подбора разводились овцы съ однимъ какимъ-либо цвѣтомъ шерсти, съ цѣлью наилучшей ея утилизаціи [1]).

Новыми изслѣдователями дѣлались „открытія" и въ области крестьянскаго землевладѣнія. Ими „описаны многочисленные случаи, гдѣ *„вслѣдствіе отсутствія передѣловъ*" (курсивъ нашъ) и исключительнаго многоземелья, община не подавляетъ хозяйственной иниціативы хуторянъ и каждый крестьянинъ на отведенномъ ему отрубѣ ведетъ какую угодно систему полеводства". Здѣсь опять „открытіе" сдѣлано невпопадъ. Передѣлы земель издавна практиковались крестьянами какъ въ мало-, такъ и особенно въ многоземельныхъ общинахъ. Въ Новоузенскомъ уѣздѣ (о которомъ въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь) передѣлы земли были констатированы земскими статистиками въ моментъ изслѣдованія уѣзда въ 68 общинахъ русскихъ и 64 нѣмецкихъ. Да, и нѣмецкія общины усвоили передѣлы земель! Громадная *Покровская слобода* на лѣвомъ берегу р. Волги, противъ города Саратова, имѣетъ надѣльную землю, растянутую въ длину болѣе чѣмъ на 75 верстъ. Послѣдній передѣлъ здѣсь происходилъ за семь лѣтъ до пріѣзда стати-

[1]) „Сборникъ статистич. свѣдѣній по Николаевскому уѣзду", т. VI, стр. 94 и 99.

стиковъ, въ 1881-мъ году, на неопредѣленный срокъ. Всѣ многосемейные и многоскотные дворы, какъ болѣе зажиточные, выдѣлялись въ особую группу, которая подвергала особой жеребьевкѣ отдаленные участки земли между всѣми членами этой группы; но многосемейные дворы часть земли получали и въ ближайшихъ къ селенію участкахъ, вслѣдствіе чего одни члены семьи, съ частью живого и мертваго инвентаря, живутъ въ самомъ селеніи и обрабатываютъ близлежащую землю, другіе переселяются, тоже съ частью инвентаря, на отдаленный хуторъ, отстоящій отъ селенія верстъ на 30—50. Остальные домохозяева, болѣе или менѣе слабосильные, пользуются землей въ ближайшихъ участкахъ. Правильное веденіе хозяйства на отдаленныхъ участкахъ возможно лишь при условіи долгосрочнаго пользованія землей; вводить же общинѣ на этихъ отдаленныхъ участкахъ какую-либо обязательную систему полеводства не представляетъ смысла.

Если изслѣдователи, въ концѣ концовъ, „не нашли ни одного хозяйства, которое можно бы признать разрѣшающимъ большинство наболѣвшихъ вопросовъ крестьянской жизни“, то они все-таки замѣтили нѣкоторую связь болѣе или менѣе удачнаго рѣшенія „наболѣвшихъ вопросовъ“ съ размѣрами землевладѣнія. „При болѣе подробномъ ознакомленіи съ описанными хозяйствами—говорятъ они,—не трудно замѣтить, какую серьезную роль играютъ размѣры землевладѣнія. По мѣрѣ увеличенія послѣднихъ мы сталкиваемся съ хозяйствами, уже болѣе оборудованными постройками, мертвымъ и живымъ инвентаремъ“. Съ другой стороны восторженный гимнъ „твердо направленному правильному руслу въ сторону единоличной земельной собственности“ смѣняется причитаніемъ: „одна форма единоличнаго владѣнія землей оказывается безсильной создать хозяйство типа экономически раціональнаго въ нарождающихся въ данной мѣстности условіяхъ“. Выходитъ какъ будто такъ, что „большинство наболѣвшихъ вопросовъ крестьянской жизни“ разрѣшается не формами, а размѣрами землевладѣнія, широкимъ распространеніемъ знаній и агрономической помощью населенію. А раньше г. Слободчиковъ торжественно заявилъ, что еслибы правительство въ голодные, неурожайные годы не оказывало продовольственной помощи населенію, то прогрессъ въ сельскомъ хозяйствѣ шелъ бы безостановочно; населеніе само бы стало производить коренныя реформы въ хозяйствѣ...

Къ изданному выпуску таблицъ приложенъ списокъ хозяевъ Самарской губерніи, „могущихъ служить проводниками сельскохозяйственныхъ улучшеній въ крестьянскихъ хозяйствахъ единоличнаго владѣнія“. Изъ 305 изслѣдованныхъ единоличныхъ владѣльцевъ въ „проводники“ избраны 47 хозяевъ, изъ коихъ 24—нѣмецкіе коло-

нисты; но изъ послѣднихъ трое оказываются „слабыми“ проводниками, такъ какъ „у нихъ нѣтъ тѣснаго общенія съ крестьянами“. Одинъ „проводникъ“ находитъ затрудненіе при введеніи измѣненій „въ передѣлахъ и безденежьѣ“. Проводники эти, въ большинствѣ случаевъ — люди состоятельные. Если, однако, изслѣдователи „не нашли *ни одного хозяйства* (курсивъ нашъ), которое бы можно было признать разрѣшающимъ большинство вопросовъ крестьянской жизни“, то какимъ же образомъ эти же безтолковые хозяева выбираются въ проводники и руководители сельскохозяйственныхъ улучшеній въ крестьянскихъ хозяйствахъ единоличнаго владѣнія?.. Вся книга соткана, такимъ образомъ, изъ непримиримыхъ противорѣчій и ненужныхъ, фиктивныхъ открытій.

И. Красноперовъ.

НА ХОДУ ПОѢЗДА

(Письмо изъ Италіи.)

Разсуждая вполнѣ субъективно, я имѣю право, разъ *мой* Римъ, тотъ Римъ, который я люблю, испорченъ хоть немного выставкой, рваться вонъ изъ его старыхъ стѣнъ. И вотъ, я мѣняю поѣздъ на поѣздъ, попадая изъ Генуи въ Миланъ, изъ Турина въ Венецію, изъ Флоренціи въ маленькій городокъ Лаціума, чтобы снова вернуться въ тотъ же Римъ, всегда родной, всегда привлекательный. Оскорбленный глазъ, отдохнувъ немного на зрѣлищѣ другихъ, менѣе родныхъ картинъ, дѣлается снисходительнѣе и готовъ многое простить современнымъ архитекторамъ, въ угоду времени одѣвающимъ въ jupe culotte античную статую.

Пріятно чувствовать себя въ Италіи не форестьеромъ, а мѣстнымъ аборигеномъ; отъ этого страна много выигрываетъ въ глазахъ наблюдателя. И особенно выигрываетъ ея современность. Можно уже не такъ внимательно вглядываться въ ея антики, не такъ усердно, до утомленія, вкушать художественную пищу въ ея музеяхъ. И въ то же время поля, бѣгущія мимо оконъ вагона, пріобрѣтаютъ особый интересъ, помимо интереса красивой, ласковой или суровой, угрюмой или добродушной, но всегда живописной картинки. Вотъ, напримѣръ, ее многіе считаютъ некультурной страной, эту Италію. Но все побережье Лигуріи, весь Піемонтъ, вся Ломбардія и въ особенности вся Тоскана говорятъ противное. Это—не германская шахмат-

ная доска однообразно распланированныхъ полей; здѣсь меньше строевого порядка, но не меньше земледѣльческой дисциплины. И все же, на неровной, волнистой почвѣ эти правильныя посадки кажутся живописными. А вдали невысокія горы, тоже воздѣланныя, тоже разбитыя на участки и усаженныя безлистными карликами-деревьями, перебросившими гирлянды винограда одно на другое. Да и не въ одной культурѣ земли дѣло; дѣло въ культурѣ народа. Не забудьте, проѣзжая отъ Феррары до Равенны, припомнить, что здѣсь уже много лѣтъ идетъ аграрная борьба между помѣщиками, арендаторами-испольщиками и пришлыми земледѣльческими батраками, борьба сложная, затяжная, оригинальная по девизамъ и замысламъ борющихся, борьба, которой мнѣ не описать въ этихъ бѣглыхъ замѣткахъ, писанныхъ на ходу поѣзда. Но, глядя на англійскую чету на противоположномъ диванѣ, равнодушно, даже нѣсколько презрительно взирающую на эти поля и разсыпанныя по нимъ фермы, я не могу не упомянуть, что равенское аграрное движэніе вписываетъ въ міровую исторію страницу новыхъ, еще нигдѣ не виданныхъ отношеній, ставитъ вопросы, какіе ставились лишь теоретиками соціально-экономическихъ наукъ, но раньше никогда еще не рѣшались практически. Таковъ, напримѣръ, вопросъ о соціализаціи орудій земледѣльческаго производства (въ данномъ случаѣ — молотилокъ), объ исключительномъ правѣ рабочихъ организацій на пользованіе этими машинами при обработкѣ полей, о лишеніи этого права собственниковъ и арендаторовъ.

Но посмотрите, какъ чудесно смѣшиваются въ Италіи настроенія новаго съ пережитымъ, впечатлѣнія повседневной борьбы—съ образами ушедшихъ вѣковъ. Немного ближе подвинулись холмы Тосканы—и уже вспоминаются незабвенные образы Фра-Беато и Джотто, полные спокойствія и благочестія, на фонѣ этихъ холмовъ со взбѣгающими на нихъ домиками и крѣпостными стѣнами, съ монастыремъ наверху.

Иная жизнь кругомъ, но образы природы вѣчны; надъ ними безсильно время. Съ этихъ холмовъ спускаются въ долину спокойствіе и красота, вѣчная ласковая красота Италіи. Съ нихъ спустится новый художественный геній, пройдетъ поля, придетъ въ городъ, создастъ новые храмы новому искусству, скрѣпитъ его съ твореніями ушедшихъ вѣковъ крѣпкой связью неумирающей красоты, единственнаго критерія искусства...

Поѣздъ мой миновалъ Тоскану. Теперь дорога идетъ близъ моря, по берегу Генуэзскаго залива. Морщатся мои англичане; имъ не нравится, что ласковыя картины исчезли, что теперь поѣздъ ныряетъ изъ туннеля въ туннель, что нельзя открыть окно,

такъ какъ въ него летитъ угольная пыль. Море выглянетъ и исчезнетъ, — бурное и сѣрое подъ лазурнымъ небомъ. Да, сейчасъ любоваться нечѣмъ. Но тѣмъ болѣе есть время удивляться. Вѣдь рука человѣка прорыла эти безчисленные туннели, рука того самаго итальянца, котораго эти англичане считаютъ лѣнтяемъ. Знаете, что̀ дѣлаетъ этотъ лѣнтяй, вотъ именно здѣшній, лигуріецъ? Онъ полгода киркой и лопатой обрабатываетъ твердую, неблагодарную каменистую почву, отрицая плугъ; да плугомъ тутъ ничего и не сдѣлаешь! Нужно рукой раздробить каждый кусокъ земли, рукой повыбрать камни, разрыхлить землю въ порошокъ, очистить отъ корней, сорныхъ травъ, унавозить. Будущей весной зацвѣтутъ заново-окопанныя плодовыя деревья, въ оливахъ застрекочутъ цикады, потянутся зеленые усики винограда, цѣпляясь за переплеты проволокъ. Ради этого мѣстный лѣнтяй полгода не выпускаетъ изъ рукъ лопаты. Но прошелъ сезонъ—лѣнтяю нечего дѣлать; съ остальнымъ управится его семья и безъ его руководства. И тогда онъ собираетъ пожитки и ѣдетъ въ Геную, гдѣ въ портѣ ждетъ эмигрантскій пароходъ. Онъ увезетъ лигурійскаго лѣнтяя въ Америку на весь итальянскій зимній сезонъ. Онъ увезетъ много здоровыхъ итальянскихъ рабочихъ, иныхъ—навсегда, иныхъ—надолго, но значительную часть лишь на сезонъ, и большій процентъ послѣднихъ—лигурійцы. Минуетъ сезонъ—они вернутся домой съ запасомъ денегъ и неистраченнаго здоровья, и вновь возьмутся за лопату. Итальянскій рабочій не такъ силенъ и не такъ выдрессированъ, какъ англійскій; но онъ выносливъ и неутомимъ, онъ настойчивъ въ работѣ и нетребователенъ къ праздничнымъ днямъ. Недостатокъ ежедневнаго утренняго бифштекса онъ восполняетъ неизмѣнной пасташютой въ полдень, полентой—при передышкахъ, и фьяской кислаго vinello.

Туннель за туннелемъ. Великъ тотъ муравей, который прокопалъ эти горы! Этого муравья выписывали и въ Россію, когда пролагали дорогу на Кавказѣ. Этотъ муравей заполонилъ Швейцарію, свою буржуазную сосѣдку. Онъ создалъ въ Аргентинѣ вторую Италію; онъ поставляетъ ресторанную прислугу въ Лондонъ; онъ во всемъ мірѣ приложилъ руку къ каменнымъ и землекопнымъ работамъ. Ему нельзя не сдѣлать упрека: въ немъ слишкомъ развита страсть къ путешествію, если только именно она побуждаетъ его къ обезлюденію юга Италіи, откуда населеніе толпами уходитъ въ далекіе промыслы. Есть цѣлыя провинціи, гдѣ ежегодно уменьшается не только относительная, но и абсолютная цифра населенія (Базиликата). Но только не страсть къ путешествію этому причиной. Населеніе бѣжитъ къ заработку отъ безработицы, отъ дурныхъ порядковъ, отъ того жизненнаго неустройства, которое въ наши дни присуще югу Италіи чуть не

болѣе, чѣмъ въ былыя времена. И оттуда, съ каблука и носка полуострова, народъ уѣзжаетъ всегда на долгій срокъ, очень часто—навсегда; почти половина, дѣйствительно, не возвращается. Нужды нѣтъ! Тамъ, въ Америкѣ, эти пришлые итальянцы создаютъ другую Италію, похожую на свою прародительницу и доблестями, и пороками.

Не моя вина, что мой поѣздъ, сбившись съ пути въ Геную, попалъ на югъ полуострова. Я готовъ вернуться обратно и нагнать потерянное время. Мысль всегда быстрѣе поѣзда, тѣмъ болѣе—итальянскаго. И тѣмъ быстрѣе мысль путешественника, убѣжавшаго отъ римской выставочной суеты.

И однако—дѣлаю привалъ на лигурійскомъ побережьѣ.

На морскомъ пляжѣ писать гораздо удобнѣе, чѣмъ на ходу поѣзда; не потому, что нѣтъ тряски, а потому, что здѣсь мысль не такъ отвлекается. Направо и налѣво—песокъ и гладкіе камушки, впереди—даль моря, вчера бурнаго, сегодня спокойнаго. И на самомъ горизонтѣ—корабль, тотъ самый корабль, который увозитъ въ далекую Америку лигурійскаго лѣнтяя.

Мысль оставляетъ въ покоѣ итальянскаго эмигранта. Капризная, она хочетъ остановиться на эмигрантѣ русскомъ, на небольшихъ русскихъ поселкахъ, сегодня образующихся, завтра распадающихся, въ разныхъ пунктахъ генуэзскаго побережья. Образуются эти поселки просто и всегда случайно. Обычно кто-нибудь изъ болѣе предпріимчивыхъ или болѣе усталыхъ отселяется отъ большого центра эмигрантской жизни, чтобы немного пожить одному. Большіе курорты не даютъ покоя, да они и не всякому доступны. И вотъ, въ одной изъ маленькихъ коммунъ поселяется русская семья, встрѣчаемая мѣстнымъ населеніемъ съ неизмѣннымъ привѣтомъ. Скромные по одеждѣ и по обхожденію, быстрые въ усвоеніи языка, неизмѣнно говорящіе на lei [1]) не только съ прислугой, но и съ крестьянскими дѣтьми, они такъ не подходятъ подъ знакомый итальянцу типъ форестьера-иностранца, что привлекаютъ всеобщее удивленное вниманіе. Они достаточно непрактичны въ хозяйственной экономіи, непривычны къ дешевой пищѣ — пастѣ, зелени, ракушкамъ, фруктамъ; они много ѣдятъ мяса, которое дорого, готовятъ его на сливочномъ маслѣ, что уже роскошь, истребляютъ невѣроятное для итальянца количество сахара, покупая въ городѣ чай, этотъ странный и безвкусный напитокъ. И въ то же время, въ пищѣ живя по барски, они въ одеждѣ

---

[1]) Обращеніе въ третьемъ лицѣ женскаго рода—особенно вѣжливая форма въ итальянскомъ языкѣ; обычно говорятъ на voi (второе лицо множ.).

не отличаютъ праздниковъ отъ будней, не надѣваютъ по воскресеньямъ шляпъ и корсетовъ и не гуляютъ съ праздным видомъ чопорными парами на закатѣ солнца. Притомъ, оставаясь господами по интересамъ, по обращенію, по привычкѣ поздно ложиться и поздно вставать, по отсутствію опредѣленныхъ занятій, по массѣ получаемыхъ писемъ, они нерѣдко сами ходятъ къ колодцу за водой, даже сами моютъ бѣлье, готовятъ пищу, метутъ комнаты. Еще удивительнѣе для итальянцевъ отсутствіе у этихъ странныхъ людей раздѣленія дѣла женскаго и дѣла мужского: и тѣ, и другіе ходятъ въ лавочку за покупками, няньчатъ ребятъ, читаютъ книжки и курятъ. И когда жена, безъ мужа, гуляетъ поздно вечеромъ по пляжу съ пріятелемъ мужа, мужъ не ищетъ ее, не смотритъ круглыми глазами, не дѣлаетъ ей сценъ ревности. Странный народъ! Но хорошій народъ, особенно въ небольшомъ количествѣ. Въ массѣ онъ дѣлается нѣсколько безпокойнымъ для сосѣдей: пьетъ много вина въ будни и поетъ хоромъ послѣ десяти часовъ, когда полагается быть уже въ постели. При этомъ иногда мужчины и женщины вступаютъ въ жаркіе споры, и спорятъ о чемъ-то по цѣлымъ вечерамъ, „словно равные“.

Зналъ я нѣсколько русскихъ эмигрантскихъ поселковъ на восточной Ривьерѣ. Обычно создаваясь постепенно, они распадались сразу. Пока есть какой-нибудь естественный объединяющій центръ—чаще всего семья „старожиловъ“,—поселокъ держится. Онъ тѣмъ прочнѣе, чѣмъ естественнѣе подборъ—родные, давніе друзья, земляки. Но, какъ всегда бываетъ въ русскихъ поселеніяхъ, съ ихъ разростаніемъ въ нихъ начинаетъ появляться антиобщественный элементъ—люди другого круга, случайные визитеры поселка, оторвавшіеся отъ большихъ эмигрантскихъ центровъ не въ силу усталости и разочарованія, а лишь на время, ради намѣренія побывать въ Италіи. Откуда-нибудь изъ „проклятаго Парижа“ они привозятъ съ собой „принципіальные вопросы“, партійныя и групповыя сплетни, дешевыя конспиративныя повадки, въ которыхъ нѣтъ рѣшительно никакой надобности,—и такимъ образомъ въ колонію попадаетъ микробъ разложенія, микробъ той поистинѣ ужасной болѣзни, которою заражены крупные эмигрантскіе пункты. Бываетъ, конечно, что поселки умираютъ и болѣе естественной смертью: больные (а ихъ всегда значительный процентъ) излѣчиваются или уѣзжаютъ доживать свои дни въ большіе города, отбывшіе срокъ заграничной высылки возвращаются на родину, „старожилы“ передвигаются куда-нибудь въ другое мѣсто образовывать новую ячейку эмигрантской жизни.

Вообще въ Италіи русскихъ политическихъ эмигрантовъ чрезвычайно мало, что̀ объясняется отчасти сравнительной дороговизной

жизни и неприспособленностью ея для русскихъ привычекъ. Даже въ такихъ большихъ городахъ, какъ Римъ, эмигрантовъ почти совершенно нѣтъ. Непрочность же пробныхъ поселковъ въ большой степени зависитъ отъ слишкомъ слабаго развитія въ русскихъ общественной жилки: большая любовь „водить компанію"—и полное неумѣніе организовываться на началахъ терпимости и взаимнаго уваженія. Среди русскихъ за границей это наблюдается повсюду; при томъ огромномъ количествѣ невольныхъ и добровольныхъ эмигрантовъ, постоянно живущихъ здѣсь студентовъ, пѣвцовъ, художниковъ, можно наизусть перечесть всѣ русскія легальныя организаціи, да и онѣ обычно влачатъ довольно жалкое существованіе и всегда недолговѣчны. Сравните съ удивительной способностью къ самоорганизаціи и англичанъ, и нѣмцевъ! Даже въ Италіи трудно найти курортъ и нельзя найти значительнаго города, гдѣ бы кучка иностранныхъ поселенцевъ не организовала свой маленькій клубъ, читальню, столовую, общественную контору для пріисканія квартиръ, студій для художниковъ, занятій для ищущихъ труда, помощи для неимущихъ. Но есть еще одно важное обстоятельство. Оно кроется въ удивительномъ невниманіи русскихъ, въ частности—русскихъ эмигрантовъ, къ странѣ, которая оказываетъ имъ гостепріимство. Живя въ чужой странѣ, интересной уже тѣмъ, что она—свободная страна, они не выказываютъ ни желанія, ни способности войти въ ея интересы, не заводятъ связей съ населеніемъ, по прежнему держатся своимъ стадомъ, своими прошлыми переживаніями и своими слабыми будущими надеждами. Вмѣсто того, чтобы приглядѣться попристальнѣе, поучиться, подумать, главное — посравнить, они въ самомъ подлинномъ смыслѣ слова „сидятъ у моря и ждутъ погоды". Въ лучшемъ случаѣ — пойдутъ на митингъ послушать звонкія рѣчи рабочихъ лидеровъ изъ адвокатовъ; но самая жизнь, жизнь рабочаго, какъ и жизнь обывателя, остается имъ чуждой и незнакомой. И это при томъ интересѣ, съ какимъ нѣкогда въ Россіи они хватали брошюрки иностранныхъ соціологовъ, надѣясь найти въ нихъ отвѣты и указанія,—при томъ апломбѣ, съ какимъ у насъ въ Россіи говорятъ о заграницѣ, какъ о краѣ изученномъ нами вдоль и поперекъ, навязшемъ въ зубахъ даже статистическими таблицами, читаемыми наизусть.

Все это создаетъ оторванность эмигрантовъ не только отъ интересовъ родины, но и вообще отъ жизненныхъ интересовъ, толкая ихъ на путь варки въ собственномъ соку, на путь групповыхъ, кастовыхъ интригъ и разнаго рода „товарищескихъ судовъ". Кто соприкасался съ эмигрантскими колоніями Парижа, Женевы и другихъ центровъ, тотъ знаетъ, до какой мерзости запустѣнія дошла тамъ жизнь, въ какой невылазный тупикъ она уперлась.

Мой поѣздъ идетъ дальше, теперь уже отъ моря къ горамъ. Тамъ, въ Тосканѣ и Лигуріи, было земледѣліе—здѣсь, въ Піемонтѣ, расцвѣтаетъ промышленность. Успѣхи ея создали туринскую выставку, но, убѣжавъ отъ римской, я не стремлюсь и туда. Меня, городского жителя, тянетъ на лоно природы, въ маленькія мѣстечки. Тамъ жизнь своеобразная, полная интересовъ, полная контрастовъ. Вотъ, напримѣръ, неподалеку отъ швейцарской границы, маленькая коммуна, казалось бы ничѣмъ не замѣчательная; а между тѣмъ въ ней есть casa del diavolo — домъ дьявола, самъ по себѣ мало интересный, но наводящій на размышленія. Я не разъ уже писалъ о суевѣріи итальянцевъ, но почти всегда по поводу юга, некультурнаго, малограмотнаго, обиженнаго судьбой и обойденнаго заботами правительства. Между сѣверомъ и югомъ разница огромна; тамъ, на югѣ, процентъ безграмотности доходитъ до 80 на цѣлый округъ, а въ меньшихъ политическихъ дѣленіяхъ—чуть не до 100. Здѣсь, въ Піемонтѣ, безграмотныхъ всего 17 на 100, и, напримѣръ, въ мелькнувшей мимо окна моего вагона коммунѣ съ домомъ дьявола почти всѣ умѣютъ читать и писать. Ея населеніе живетъ отхожимъ промысломъ, отправляясь на зиму въ Парижъ и Ліонъ; мужчины, помимо своего діалекта, говорятъ на двухъ иностранныхъ языкахъ. Наблюдается нѣкоторая зажиточность; потребности гораздо шире обычнаго уровня, удовлетвореніе ихъ свободнѣе, духъ населенія совершенно независимъ. И вотъ, въ домѣ одного изъ самыхъ зажиточныхъ обывателей завелась чертовщина: со всѣхъ сторонъ посыпались камни въ комнаты. Самъ хозяинъ, его семья и другіе достовѣрные свидѣтели увѣряютъ, что камни падаютъ не только изъ оконъ внутрь и изъ крыши на полъ, но и изъ подъ пола прыгаютъ вверхъ, и при томъ камни горячіе, несомнѣнно адскаго происхожденія. Продолжалось это недѣли три, и днемъ, и ночью, пока, наконецъ, хозяинъ дома со своей семьей не заблагоразсудилъ выбраться изъ дому; но то же продолжалось и безъ него. Едва разнесся объ этомъ слухъ, какъ къ дому повалила толпа мѣстныхъ жителей и окрестныхъ крестьянъ. Явилась, конечно, и полиція, но ее прогнали камнями—на этотъ разъ уже не нечистая сила, а мѣстная молодежь. Затѣмъ рѣшили пригласить священника. Во время торжественнаго изгнанія нечистой силы она не проявляла себя агрессивно; для шутки кто-то изъ молодцовъ пустилъ камнемъ въ попа, но виновнаго тотчасъ вывели, узнавъ въ немъ антиклерикала изъ молодыхъ рабочихъ. Попъ рѣшилъ, что во всемъ виновата одна колдунья, имя которой онъ назвать не можетъ до самой ея смерти. Эту колдунью онъ вызвалъ затѣмъ ночью въ церковь и выпыталъ у нея тайну. Оказалось, что все вышло изъ-за пустяка: колдунья заговорила одно озеро, воспретивъ мыть въ немъ бѣлье, а

хозяйка дома, не подозрѣвая объ этомъ, продолжала мыть; оттого и стали падать адскіе камни и раздаваться удары въ стѣны и полъ. Впрочемъ, несмотря на такое исчерпывающее объясненіе, данное мѣстнымъ священникомъ, нечистая сила не угомонилась. Тогда за разъясненіе дѣла взялась наука, въ лицѣ одного молодого туринскаго учителя, спеціально для того пріѣхавшаго въ мѣстечко. Туринскій учитель объяснилъ все самыми обычными и хорошо ему знакомыми явленіями спиритизма, но все же нечистой силы не изгналъ; да впрочемъ онъ за это дѣло и не брался. Одинъ изъ мѣстныхъ жителей, описывавшій мнѣ эти происшествія, не безъ гордости прибавилъ, что теперь ожидаются синьоры изъ Рима для окончательнаго уясненія причинъ той вольности, которую позволяетъ себѣ нечистая сила въ домѣ порядочнаго человѣка.

Все это, конечно, слишкомъ обычно, чтобы имѣть спеціальный интересъ; но вспомните, какъ во время засухи въ Бари мѣстный муниципалитетъ, при участіи гражданскихъ инженеровъ, довѣрилъ изысканіе артезіанскихъ колодцевъ гадальщику по палочкѣ изъ ольхи, и какъ этотъ гадальщикъ указалъ мѣсто для начатія работъ подъ памятникомъ короля Гумберта; вспомните кипѣніе крови святого Януарія, игру по снамъ въ государственную лотерею, массу шарлатанскихъ продѣлокъ католическаго духовенства—и попробуйте найти существенную разницу между культурнымъ сѣверомъ и некультурнымъ югомъ! Одну черточку различія я, пожалуй, указалъ бы: на югѣ чертовщины боятся, на сѣверѣ же она возбуждаетъ болѣе любопытства, чѣмъ страха. Жители описаннаго мною мѣстечка очень заинтригованы, горячо обсуждаютъ событіе, доискиваясь его причинъ, но абсолютно не высказываютъ никакой тревоги; перепуганъ только самъ хозяинъ дома, да его жена, явившаяся, по словамъ попа, главной виновницей раздраженія нечистой силы. И еще одно замѣчаніе: тамъ, гдѣ суевѣріе—обязательно является на сцену поддерживающій его священникъ; тамъ, гдѣ силенъ клерикализмъ — неизмѣнно проявляетъ себя и нечистая сила. Можетъ быть въ этомъ и разгадка: для Италіи мало однѣхъ школъ — нужно, чтобы эти школы стали свѣтскими. Но въ этихъ дорожныхъ замѣткахъ на ходу поѣзда мнѣ хотѣлось бы воздержаться по возможности отъ общихъ выводовъ...

Миланъ, Брешія, Верона—все это города, разные по значенію, по культурѣ, по духу населенія, но все это—города, и съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ я ихъ миную. Не соблазнила бы меня и Венеція, этотъ надоѣдливый городъ, этотъ международный клубъ; но близъ нея, на островѣ Мурано, есть одинъ храмъ, а въ немъ есть

чудесная мозаика — Мадонна чистаго византійскаго стиля. Не связанный программой, не склонный къ спеціальнымъ наблюденіямъ и выводамъ, я считаю себя вправѣ перебрасываться мыслью отъ итальянскихъ земледѣльцевъ къ русскимъ эмигрантамъ, отъ піемонтской чертовщины къ византійской Мадоннѣ. Все равно, вездѣ и во всемъ неизмѣнно проглянетъ черточка итальянскаго характера, маленькая психологическая черточка, которая часто важнѣе изученія статистическихъ таблицъ. И я благодарю Мадонну за то, что она познакомила меня съ церковнымъ сторожемъ; маленькое знакомство, убѣдившее меня въ томъ, что въ итальянцѣ дѣйствительно присутствуетъ природное художественное чутье, что онъ дѣйствительно отъ природы поклонникъ красоты и служитель искусства. А вѣдь какъ разъ въ противоположномъ могла убѣдить выставка современнаго итальянскаго искусства въ Римѣ.

Старый сторожъ встрѣчаетъ меня при самомъ входѣ въ храмъ. Онъ уже хочетъ начать давать мнѣ объясненія въ порядкѣ Бедекера, но я прошу его прежде всего показать мнѣ Мадонну. Вялое лицо старика сразу преображается; изъ гида онъ дѣлается художникомъ. Мадонна помѣщается въ куполѣ надъ главнымъ алтаремъ; чтобы разсмотрѣть ее получше, мы обходимъ алтарь и забираемся въ совершенно темный уголъ церкви. Здѣсь садимся на лавку, заваленную разными матеріями и предметами для украшенія церкви по случаю праздника, откидываемъ головы вверхъ и долго смотримъ. Старикъ откровенно выражаетъ недовольство, что праздничный нарядъ церкви убавилъ въ ней свѣта и сильно затѣнилъ Мадонну.

То, что я не останавливался на пустякахъ, а прямо пошелъ къ цѣли, видимо расположило ко мнѣ старика. Онъ говоритъ съ тѣмъ увлеченіемъ и ораторскимъ талантомъ, которые присущи итальянцамъ всѣхъ классовъ. Еще въ молодые годы онъ работалъ здѣсь съ однимъ англичаниномъ, помогая ему въ снятіи копіи съ Мадонны. Англичанинъ былъ не ремесленникъ, а художникъ, изучалъ византійское искусство, и къ Мадоннѣ относился съ набожнымъ восхищеніемъ. Тамъ, подъ самымъ куполомъ, они работали вмѣстѣ не менѣе полугода, и за это время церковный сторожъ не только успѣлъ понять многое, что раньше ему было недоступно, но и научиться немного англійскому языку. Затѣмъ англичанинъ уѣхалъ, лишь изрѣдка впослѣдствіи навѣщая Венецію и Мурано, а сторожу выпало на долю провести въ этомъ храмѣ всю жизнь. И была бы эта жизнь однообразна и тосклива, еслибы не освѣщалась присутствіемъ вѣчной, высокой, неземной красоты мозаичной Мадонны въ куполѣ главнаго алтаря.

Однажды, когда у сторожа уже подросли дѣти, былъ пристроенъ сынъ и на выданьи дочь, въ храмъ зашла кучка англичанъ, но не

обычныхъ путешественниковъ, а большихъ, повидимому, знатоковъ искусства. Они смотрѣли Мадонну, и изъ ихъ разговора старикъ понялъ, что они сравнивали ее съ другими мозаиками византійскаго канона, увѣряя, что есть тутъ же въ Италіи Мадонны еще лучше, еще строже и прекраснѣе. Онъ спросилъ—гдѣ; ему назвали два-три мѣста. И съ той поры старикъ загрустилъ; его мучила ревность. Единственной мечтой его жизни стало посмотрѣть этихъ чужихъ Мадоннъ и сравнить ихъ съ кумиромъ его жизни. Выдавъ замужъ дочь и оставшись одинокимъ, онъ сталъ понемногу копить деньги, откладывая гроши изъ скуднаго жалованья и подачекъ форестьеровъ. Копилъ три-четыре года, пока не накопилъ шестьсотъ франковъ. Дѣло въ томъ, что планы его теперь расширились; онъ рѣшилъ осмотрѣть въ Италіи всѣ храмы, гдѣ сохранились слѣды вліянія византійскаго канона. Прикапливая деньги, онъ не упускалъ случая разспросить объ этомъ всѣхъ случайныхъ посѣтителей храма, особенно людей „бывалыхъ“ и художниковъ. Къ концу срока его художественный багажъ пополнился основательными знаніями, и онъ могъ предпринять задуманное путешествіе. На свое горе онъ былъ неграмотенъ, а грамота могла бы теперь очень пригодиться; но хорошая память восполняла и этотъ пробѣлъ.

И вотъ, онъ началъ свое путешествіе. Нужно удивляться, съ какой исчерпывающей полнотой онъ осуществилъ свой планъ! Помимо церквей и музейныхъ мозаикъ, всѣмъ болѣе или менѣе извѣстныхъ, онъ называлъ мнѣ крошечные храмики въ забытыхъ городахъ, осмотрѣнные имъ съ той же тщательностью, какъ и каѳедральные соборы. Онъ могъ смѣло утверждать, что не упустилъ ничего, и ужъ во всякомъ случаѣ — ни одной Мадонны. И вотъ уже два года, какъ онъ вернулся изъ своихъ странствованій, чтобы вновь сдѣлаться сторожемъ муранскаго храма, чтобы здѣсь кончить свои дни.

— Ну, что же, нашли вы Мадонну лучше этой?

Старикъ смотритъ на меня со счастливой, немного снисходительной усмѣшкой.

— Нигдѣ нѣтъ такой; а лучше и быть не можетъ. Есть много прекрасныхъ, прямо—оторваться невозможно; но такой другой нигдѣ не можетъ быть. Единственная; и по красотѣ своей небесной—ни съ чѣмъ не сравнимая. Провелъ я близъ нея всю свою жизнь, здѣсь и умру счастливымъ, потому что теперь знаю, что нѣтъ красоты выше моей Мадонны.

И опять мы смотримъ вверхъ, долго, не отрываясь. Его восторженность передается и мнѣ. Строгимъ, чистымъ взоромъ смотритъ на насъ Мадонна; въ этомъ взорѣ не можетъ быть земныхъ помысловъ,

ничего временнаго, случайнаго. Да, это—вѣчная, строжайшая, чистѣйшая красота...

Когда мы выходимъ изъ храма, сторожъ не хочетъ взять отъ меня франка; еслибы я смотрѣлъ и все другое—тогда такъ. А за Мадонну онъ не можетъ взять денегъ. Да ему и не нужно сейчасъ; что хотѣлъ сдѣлать—сдѣлалъ; самъ—одинокъ, дѣти пристроены; только одно и осталось: умереть здѣсь, близъ прекрасной Мадонны, равной которой нѣтъ во всей Италіи, а надо полагать—и во всемъ мірѣ...

Пока черная гондола, мѣрно покачиваясь на зеркальной поверхности лагуны, везетъ меня обратно въ Венецію, я невольно закрываю глаза и вижу передъ собою все ту же муранскую Мадонну. И думаю о старикѣ-сторожѣ, влюбленномъ въ ея красоту. Вѣдь, казалось бы, ему менѣе, чѣмъ другимъ, должно быть доступно пониманіе вѣчнаго и чистаго въ искусствѣ, ему, лишь на старости лѣтъ впервые совершившему свою „образовательную поѣздку“, да еще съ предвзятой цѣлью и естественной ревностью. А между тѣмъ истинный художникъ—онъ, а не тѣ сотни образованныхъ мастеровъ, которыхъ мы видимъ на выставкахъ современнаго искусства. Пусть даже онъ пристрастенъ къ своему кумиру—но все же есть, значитъ, у него свой собственный, незыблемый критерій прекраснаго, который никогда не позволитъ ему въ оцѣнкѣ произведенія искусства пойти по ложному пути, случайно уклонившись въ сторону. И мнѣ хочется вѣрить, что въ немъ, сынѣ народа, осталось цѣлымъ и неповрежденнымъ то чувство, которое было присуще итальянскому народу, пока онъ не вступилъ на путь промышленныхъ вожделѣній, отразившихся и на области искусства. Не скажу, чтобы современныя выставки были лишены всякаго интереса. Нѣтъ: по нимъ любопытно прослѣдить отраженіе разныхъ вліяній, степень уклона художественнаго критерія отъ прямой, намѣченной искусствомъ древнихъ и эпохой возрожденія, но все это—интересъ историческій, изучательскій, такъ сказать. Глазу не на что заглядѣться и не на чемъ отдохнуть; онъ занятъ оцѣнкой техники итальянскаго художника, опредѣленіемъ относительной стоимости его картины, размѣровъ вложеннаго въ нее труда, но онъ отказывается любоваться не разсуждая, какъ не разсуждая любуется церковный сторожъ на свою возлюбленную Мадонну. Помню на римской выставкѣ скульптуру, изображающую нагого человѣка съ колесомъ въ рукахъ; это, видите ли, должно олицетворять авіацію, такъ какъ нельзя же современной выставкѣ обойтись безъ отраженія современныхъ успѣховъ воздухоплавательной техники! Ну, что общаго съ искусствомъ можетъ имѣть подобная вещь, какъ бы тщательно и анатомически

безукоризненно ни была она выполнена? Дѣло, конечно, не въ содержаніи, а въ томъ, какой тонкій разсчетъ приводитъ художника къ мысли использовать такую злободневную тему. Не желанье ли получить заказъ на оборудованіе залъ какого-нибудь авіаціоннаго клуба? Не разсчетъ ли, что его „отзывчивость“ на темы дня будетъ отмѣчена газетами? А въ только что открытомъ русскомъ павильонѣ вывѣшена небольшая масляная картинка: „Итальянскій король открываетъ русскій павильонъ“. Я видѣлъ ее на другой день послѣ открытія павильона королемъ; къ сожалѣнію, не помню, была ли она вывѣшена въ самый день открытія. Что же это такое? Конкурсъ быстроты работы? Но вѣдь извѣстно, что на придворныхъ обѣдахъ придворный фотографъ успѣваетъ къ концу обѣда изготовить для всѣхъ приглашенныхъ снимокъ обѣденнаго стола со всѣми присутствовавшими за нимъ. Художникъ, при всей бойкости его кисти, все равно не сможетъ угнаться за фотографомъ. И во всякомъ случаѣ—что же общаго имѣетъ съ искусствомъ это промышленное производство картинъ и статуй? Между тѣмъ итальянцы, своей нынѣшней художественной выставкой, съ несомнѣнностью доказали, что уклонъ ихъ художественнаго критерія грозитъ полнымъ паденіемъ искусства, что фабрика проглотила художника, что соотвѣтствующія традиціи Италіи просто-напросто—пустой звукъ безъ всякаго значенія. И не будь на лицо церковнаго сторожа, готоваго жизнь положить за византійскую Мадонну, стало бы очень грустно за будущее итальянскаго искусства. Теперь же есть хоть надежда: то, что заглохло въ соціальныхъ верхахъ, то попрежнему теплится въ нетронутыхъ душахъ народа, неиспорченнаго промышленнымъ духомъ современности. Джотто былъ пастухомъ, простолюдинами были многіе другіе великіе итальянскіе художники; изъ нѣдръ народа выйдутъ новые благовѣстники новаго возрожденія, которое смѣнитъ современный упадокъ итальянскаго искусства. Какъ и всѣ области жизни, эта область ждетъ своего пророка. Прошлое не можетъ вернуться, но не можетъ и умереть; и славныя художественныя традиціи Италіи рано или поздно воскреснутъ обновленными...

На обратномъ пути въ Римъ дѣлаю маленькій крюкъ, чтобы заѣхать въ чудесный средневѣковой уснувшій городокъ Витербо, разбуженный теперь знаменитымъ процессомъ неаполитанской каморры. Итальянцы называютъ процессъ каморры четвертымъ отдѣломъ всемірной выставки; однако иностранцы интересуются этимъ отдѣломъ еще меньше, чѣмъ тремя первыми. Городокъ Витербо тѣмъ и хорошъ, что форестьеръ сюда мало заглядываетъ, предпочитая подробный осмотръ итальянскихъ столицъ, гдѣ отели болѣе приспособлены къ

его вкусамъ. Газеты попрежнему продолжаютъ посвящать ходу грандіознаго процесса три ежедневныхъ столбца, но дѣлается это больше для очистки совѣсти. И врядъ ли кто изъ читателей удосуживается слѣдить за ними болѣе или менѣе аккуратно. Однако я не могу отказать себѣ въ удовольствіи изрѣдка заглянуть въ залу суда, устроенную въ зданіи средневѣковой церкви, гдѣ въ двухъ крѣпкихъ желѣзныхъ клѣткахъ, окруженныхъ конвоемъ карабинеровъ, уже третій мѣсяцъ сидятъ злополучные герои каморры, самое существованіе которой до сихъ поръ еще не доказано. Огромная клѣтка, вмѣщающая 34 человѣка, и небольшая—для одного лица, для предателя, слуги полиціи, рецидивиста и шпіона Абатемаджо. На этотъ разъ я попадаю на процессъ въ самый интересный моментъ: въ моментъ очной ставки этого предателя поочередно со всѣми, кого онъ предалъ. Ходъ процесса какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ его театральной внѣшней обстановкѣ. Клѣтка Абатемаджо теперь пуста; звѣрь выпущенъ и помѣщенъ на аренѣ, передъ столами судей и прокурора. Сюда же выводятъ по одному его противниковъ-обвиняемыхъ, ставя ихъ на приличномъ отъ него разстояніи и помѣщая между ними и за ихъ спинами здоровенныхъ солдатъ подъ начальствомъ офицера. Суду очень не хотѣлось бы, чтобы каморристы „ликвидировали“ своего предателя тутъ же, въ залѣ судебныхъ засѣданій; но никто не сомнѣвается, что онъ будетъ ликвидированъ послѣ, все равно—въ тюрьмѣ или на волѣ. И предосторожности не излишни: уже нѣсколько разъ наиболѣе пылкіе изъ каморристовъ, не довольствуясь крѣпкой и выразительной бранью по адресу доносчика, бросались на него, попадая сейчасъ же въ объятія карабинеровъ. Родственниковъ ихъ при входѣ въ судъ обязательно обыскиваютъ. На этотъ разъ подсудимый Николай Морра, не желая „пачкать рукъ“, да и не надѣясь, конечно, успѣть нанести противнику серьезный ударъ, ограничивается жестокимъ оскорбленіемъ: плюетъ Абатемаджо въ лицо, плюетъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Конечно, оскорбленный доносчикъ не можетъ сдержаться, и отвѣчаетъ тѣмъ же. Происходитъ переполохъ; въ большой клѣткѣ всѣ вскакиваютъ на ноги, и въ результатѣ получается картина совсѣмъ не изящная: оплеванъ не только Абатемаджо, но и карабинеры; кажется, досталось и адвокатамъ, сидящимъ въ первыхъ рядахъ. Дѣлается пріятно, что трибуны печати находятся высоко, подъ куполомъ церкви. Въ началѣ такія сцены производили сильное впечатлѣніе, теперь же къ нимъ начинаютъ привыкать; черезъ минуту порядокъ возстановляется и засѣданіе продолжается съ прежней серьезностью и эффектностью.

Для изученія итальянскаго характера процессъ даетъ очень много. У насъ такихъ процессовъ нѣтъ и быть не можетъ; у насъ прежде

всего не найдется такой массы ораторовъ. Каждый каморристъ—если, конечно, подсудимые каморристы,—признавая себя рецидивистомъ, требуетъ признанія его гражданиномъ. Онъ говоритъ съ такой краснорѣчивой независимостью и такой свободой, какой у насъ на судѣ не потерпѣли бы даже въ адвокатѣ. Оправдывая себя, обѣляя попутно и товарищей по клѣткѣ, онъ съ великимъ апломбомъ обрушиваетъ громъ и молніи на магистратуру, главнымъ образомъ на судебныхъ слѣдователей, въ особенности же на карабинеровъ всѣхъ чиновъ, своихъ главныхъ враговъ. И онъ болѣе обвиняетъ, чѣмъ защищается, не упуская при этомъ случая высказать свое глубокое презрѣніе не только къ предателю, но и вообще къ предательству, сыску и шпіонажу. Себя, завѣдомаго вора-рецидивиста, грабителя и эксплоататора низшихъ слоевъ неаполитанской mala vita, онъ гордо противополагаетъ любому офицеру карабинерскаго оружія, уже по одному тому, что этотъ офицеръ по должности соприкасается съ сыскной частью. Въ спеціальной статьѣ о неаполитанской каморрѣ („Вѣстн. Европы", февраль) я писалъ о каморристскомъ принципѣ omertà, т.-е. принципѣ храненія тайнъ организаціи и невыдачи товарищей. Быть можетъ, многое изъ того, что говорилось и писалось о каморрѣ, окажется басней и историческимъ пережиткомъ; но существованіе и строгое соблюденіе названнаго принципа несомнѣнно доказано въ ходѣ витербскаго процесса. Ни разу ни одинъ изъ его печальныхъ героевъ не сказалъ слова, которое могло бы повредить товарищу, какъ ни разу ни одинъ изъ нихъ не призналъ существованія преступной организаціи, лишь за принадлежность къ которой большинство и попало на скамью подсудимыхъ. Мало того: съ самой ѣдкой насмѣшкой отзываются они объ этомъ „романѣ, сочиненномъ господиномъ Абатемаджо и его товарищами-карабинерами", объ этой „сказкѣ изъ Тысячи и одной ночи". Нѣкоторые довольно дерзко выражаются даже такъ: „слыхалъ въ тюрьмѣ о соціалистахъ, анархистахъ, республиканцахъ по профессіи,—о каморристахъ же никогда не слыхивалъ; даже не знаю, что это значитъ". Такъ говорилъ, помнится, одинъ рецидивистъ, уже въ четырнадцатый разъ, несмотря на относительную молодость, сидящій на скамьѣ подсудимыхъ; а между тѣмъ, при возможности сомнѣнія относительно существованія каморры на волѣ, существованіе ея въ тюрьмахъ не подлежитъ рѣшительно никакому сомнѣнію. Всѣ понимаютъ, конечно, что такой ораторъ заходитъ слишкомъ далеко въ своемъ отрицаніи, но всѣ понимаютъ, при этомъ, что онъ—не лжецъ, а строгій блюститель принципа omertà, величайшаго изъ принциповъ каморристской этики.

Въ одномъ отношеніи процессъ не оправдываетъ пока надеждъ: каморра высокая, заступничествомъ которой процвѣтала низкая ка-

морра, до сихъ поръ остается совершенно въ тѣни, и нельзя предсказать, выдвинется ли она во всей своей красѣ. Судя по пріемамъ, съ которыми весьма пристрастный предсѣдатель суда старается замять ссылки на высокое покровительство, нужно думать, что дезинфекція соціальнаго зла коснется лишь бѣдныхъ неаполитанскихъ кварталовъ, оставивъ въ покоѣ дворцы родовой аристократіи и крупныхъ чиновныхъ лицъ. Это печально; но вѣдь мало ли печальнаго въ Италіи? Удовольствуемся пока тѣмъ, что нынѣшній процессъ доказалъ участіе каморристовъ въ проведеніи въ парламентъ министерскихъ депутатовъ, подозрительную близость руководителей каморры къ муниципальнымъ неаполитанскимъ властямъ и къ такимъ выдающимся представителямъ аристократической знати, какъ князь Нойа, почетный предсѣдатель „Южнаго Союза“, учрежденнаго знаменитымъ авантюристомъ и каморристомъ „профессоромъ Рапи“.

Но сколько разъ, однако, придется еще посѣтить Витербо и его единственный въ своемъ родѣ залъ судебныхъ засѣданій? Еще не начался допросъ свидѣтелей, которыхъ тьма. Пройдетъ лѣто и минуетъ зима; лишь будущей весной можно ждать его окончанія...

Ожилъ городокъ; открылось новое, совсѣмъ столичное кафе; чаще функціонируетъ мѣстный театръ, хотя все еще спектакли отмѣняются по случаю дождя; по вечерамъ молодые адвокаты, создающіе себѣ карьеру на этомъ неблагодарномъ въ смыслѣ гонорара процессѣ, въ томъ же кафе устраиваютъ длинный столъ для азартной игры маленькими ставками; капитанъ пѣхотнаго отряда, командированнаго въ Витербо для охранной службы на все время процесса, успѣлъ побѣдить всѣ свободныя сердца; у присяжныхъ засѣдателей окончательно распались семьи и прахомъ пошло хозяйство; отели обратились въ меблированныя комнаты съ постоянными жильцами. А процессъ все тянется и тянется, потерявъ въ сенсаціи и выигравъ въ серьезномъ интересѣ; но все же разрѣшитъ спорный вопросъ о бытіи или небытіи каморры удастся не ранѣе его окончанія. Приходится ждать.

Въ концѣ концовъ приходится опять оказаться въ Римѣ. На piazza Colonna гремитъ муниципальный оркестръ по случаю банкета въ помѣщеніи ассоціаціи печати. Тамъ только-что открытъ всемірный конгрессъ обществъ дѣятелей печати. Не знаю точно, много ли дѣйствительно серьезныхъ изъ той массы конгрессовъ, которые собирались и продолжаютъ собираться въ Римѣ въ связи съ блестящимъ итальянскимъ праздникомъ. Но, конечно, къ ихъ числу конгрессъ печати сопричислить нельзя. Три или четыре дѣловыхъ засѣданія отличались замѣчательной быстротой и безлюдьемъ; зато чрезвычайно

много времени было удѣлено различнымъ празднествамъ въ честь журналистовъ всего міра. Не говоря уже о томъ, что конгрессъ былъ открытъ самимъ королемъ, которому вообще въ послѣднее время приходится работать больше, чѣмъ кому иному, — конгрессистамъ оказанъ такой почетъ и уваженіе, они такъ закормлены обѣдами отъ выставки, ужинами отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, дружескими вермутами отъ итальянскихъ коллегъ, спектаклями отъ лучшихъ театровъ,—что не имѣли времени и подумать хорошенько о нуждахъ печати. Конечно, въ данномъ случаѣ Италія постаралась очаровать пріѣзжихъ журналистовъ особенно лестнымъ пріемомъ изъ особыхъ соображеній, имѣя въ виду успѣхъ выставки, въ значительной степени зависящій отъ отношенія къ ней иностранной прессы. Но справедливость требуетъ сказать, что въ Италіи журналистъ вообще пользуется уваженіемъ и всякими льготами. Достаточно того, что четыре редактора каждой большой политической газеты имѣютъ право на проѣздъ по всѣмъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ на правахъ депутатовъ парламента, т.-е. безплатно, первымъ классомъ, и всѣ журналисты-профессіоналы, какъ итальянскіе, такъ и иностранные, имѣютъ право на скидку 75% съ проѣздной платы не только для себя, но и для своей семьи. Нечего и говорить, что карточка журналиста даетъ доступъ всюду, начиная отъ кабинета министра, кончая центромъ народной манифестаціи; съ нею можно также свободно пройти черезъ наряды солдатъ и полиціи на очищенныя этими нарядами мѣста, какъ и на любое мирное собраніе, какъ и внутрь горящаго дома. Что касается конгресса печати, то онъ добился распространенія на всѣхъ конгрессистовъ права кататься безплатно по всей итальянской желѣзнодорожной сѣти въ первомъ классѣ въ теченіе мѣсяца, не говоря уже о входахъ на всѣ выставки и во всѣ музеи, о чрезвычайныхъ поѣздахъ въ Неаполь, Помпею и Туринъ и т. п. Пусть все это вызвано желаніемъ очаровать и извлечь изъ такого очарованія выгоду—но все же такое отношеніе къ труженикамъ печатнаго слова заслуживаетъ быть отмѣченнымъ.

Не мѣшаетъ, кстати, отмѣтить, что на международномъ конгрессѣ въ Римѣ русскія ассоціаціи печати не имѣли ни одного представителя, если не считать двухъ представителей отъ самостоятельной группы римскихъ корреспондентовъ русскихъ газетъ; но они присутствовали на немъ не въ качествѣ конгрессистовъ, а въ качествѣ исполнительнаго комитета, т.-е. безъ права рѣшающаго голоса въ дебатахъ. Объясняется это тѣмъ, что Россія не присоединилась къ Бернской конвенціи.

Итакъ, вопреки желанію, я вновь на римской выставкѣ. Говорить о ней? Но о ней нужно говорить или много, или ничего. Если гово-

рить много—придется часто браниться; если сказать мало—не удастся объяснить, почему можно простить Италіи нѣкоторыя экстравагантности ея бутафорскихъ затѣй. Поэтому я предпочитаю пока совершенно умолчать объ этой длительной злобѣ дня, ограничившись случайными обрывками мыслей и наблюденій, записанными на ходу поѣзда, на морскомъ пляжѣ, въ отелѣ, въ salle d'écriture конгресса печати...

Мих. Осоргинъ.

ПИСЬМО ИЗЪ МАДРИДА

I.

Дверь отворяетъ маленькій, изможденнаго вида горбунъ. Онъ почему-то во фракѣ, несмотря на десять часовъ утра. Зеленые глаза неподвижно выдѣляются на блѣдномъ лицѣ, похожемъ на каменную маску.

— Adelante!.. (Пожалуйте!) — въ отвѣтъ на мой вопросъ произноситъ онъ неестественно пискливымъ, точно не своимъ голосомъ.— Придется только немного подождать...

Я—въ гостиной донъ Рамона дель Валье-Инкланъ, одного изъ самыхъ талантливыхъ писателей современной молодой Испаніи и несомнѣнно ея перваго художника слова. Здѣсь все стильно, начиная съ обстановки и кончая лакеемъ, котораго, какъ увѣряютъ злые мадридскіе языки, авторъ „Весенней Сонаты“ нарочно искалъ въ теченіе мѣсяца по всему Мадриду, чтобы составить себѣ достойную пару.

Единственное окно затянуто кроваво-красной занавѣской. Посрединѣ ея щель и въ ней освѣщенная сзади съ улицы бѣлая мраморная головка какого-то женскаго бюста. Въ комнатѣ странный полумракъ. Мебели почти совсѣмъ нѣтъ. Въ темномъ углу — огромное черное кресло; противъ него обыкновенный стулъ. Съ этажерки сурово смотритъ поясная фигура донъ Карлоса. Хозяинъ квартиры— убѣжденный „карлистъ“. Онъ сдѣлался имъ во время писанія своихъ четырехъ главныхъ романовъ, извѣстныхъ подъ именемъ „Сонатъ“.

Въ періодъ „Весенней Сонаты“ донъ Рамонъ дель Валье-Инкланъ былъ еще анархистомъ. Онъ ходилъ тогда всѣ четыре времени года въ одномъ и томъ же потертомъ плащѣ, носилъ разбойничью шляпу

съ широкими, опущенными полями, длинные волосы до плечъ и суковатую дубинку. У имени его такъ же не было нынѣшней приставки „дель“, означающей благородное происхожденіе, равнымъ образомъ, какъ и окончанія фамиліи — „Инкланъ“, прибавленной впослѣдствіи для бо̀льшей благозвучности, или, вѣрнѣе, „для стиля“.

Но зато теперь, выпустивъ въ свѣтъ послѣднюю книжку „Мемуаровъ маркиза Брадомина“, бывшій Рамонъ Валье, сынъ бѣднаго галисійскаго разночинца и самъ типичнѣйшее дитя мадридской литературной богемы, постепенно и незамѣтно превратился въ знатнаго гидальго донъ Рамона дель Валье-Инкланъ. А такъ какъ въ маркизѣ Брадоминѣ авторъ выводитъ почти исключительно самого себя, то многіе изъ малочисленной испанской читающей публики вполнѣ серьезно увѣровали, что Валье-Инкланъ—такой же „настоящій маркизъ“, какъ и герой его четырехъ любимѣйшихъ произведеній.

Интереснѣе всего, что Валье-Инкланъ самъ тоже мало-по-малу убѣдился въ своемъ происхожденіи отъ крестоносцевъ. А убѣдившись—остригъ анархическія космы волосъ, спряталъ въ шкафъ дубинку и, перемѣнивъ прежнюю разбойничью шляпу на обще-человѣческій котелокъ, сдѣлался ярымъ приверженцемъ находящагося въ изгнаніи „законнаго короля“. Noblesse oblige! Ничего не подѣлаешь противъ семейныхъ традицій, въ особенности если къ нимъ присоединить вліяніе испанскаго горячаго солнца, подъ которымъ самая реальная дѣйствительность безъ труда можетъ превратиться въ совершенно фантастическое сновидѣніе...

И Рамонъ дель Валье-Инкланъ спитъ сейчасъ на яву съ широко открытыми глазами. Онъ не видитъ, или, скорѣе, не хочетъ видѣть, что̀ происходитъ вокругъ, какъ исчезаетъ Испанія романтическаго прошлаго, стремительно и неудержимо. Большой и ярко индивидуальный художникъ, онъ сознательно отворачивается отъ правды жизни. Точно старый кладбищенскій сторожъ, онъ упорно бродитъ между забытыхъ могилъ, не желая выйти за ограду. Его мечта, чтобы ложь, красивая, сверкающая ложь, заняла на свѣтѣ мѣсто скучной правды. Легенду онъ предпочитаетъ исторіи, потому что легенда—дитя фантазіи, а когда фантазируешь, можно жить не замѣчая, что опоздалъ родиться по крайней мѣрѣ на нѣсколько столѣтій!

— „О, крылатая, смѣющаяся ложь!—восклицаетъ онъ въ „Зимней Сонатѣ“ устами своего любимца, маркиза Брадомина.—Когда же наконецъ люди убѣдятся въ необходимости твоего тріумфа? Когда узнаютъ они, что души, озаренныя свѣтомъ одной лишь правды, скучны, безцвѣтны и монотонны? Онѣ шепчутся въ тишинѣ со смертью; онѣ сами прячутъ жизнь подъ плащомъ, осыпаннымъ холоднымъ и сѣрымъ пепломъ... Итакъ, да здравствуетъ ложь, свѣтлая птичка, которая

щебечетъ въ сердцѣ, точно радостная надежда! Бойтесь... бойтесь упустить ее изъ жизни, ибо она—даръ неба"...

И Валье-Инкланъ пользуется этимъ „даромъ" весьма широко. Въ „чарованьѣ сладкихъ вымысловъ" онъ показываетъ въ своемъ творчествѣ только тѣ стороны человѣческой жизни, которыя красивы, или изящны, или же могутъ возбудить настроеніе, далекое отъ будничной житейской прозы. Міръ его героевъ — изысканный, элегантный міръ. Всѣ они обыкновенно — герцоги, маркизы и т. д. Люди съ цѣлымъ роемъ блестящихъ и знатныхъ предковъ, оставившихъ своимъ современнымъ потомкамъ въ наслѣдіе, помимо всяческихъ благородныхъ качествъ, также и матеріальную возможность культивированія самой утонченной психологіи. Безъ романтической декораціи романтическія переживанія героевъ Валье-Инклана немыслимы. Въ „Весенней Сонатѣ" мы видимъ маркиза Брадомина въ старинномъ родовомъ замкѣ итальянскихъ князей Гаэтани. „Лѣтняя Соната" ширится и растетъ волною своихъ страстныхъ аккордовъ подъ пылающимъ небомъ и жестокимъ солнцемъ экзотической Мексики. „Осенняя Соната" замираетъ на тоскливой нотѣ среди феодальной тишины „гнѣзда испанскихъ гидальго", въ дикой провинціи Галисіи, съ ея пустынными холмами... И наконецъ — лагерь карлистовъ во время послѣдняго возстаніе басковъ и наваррцевъ служитъ трагической рамкой для заключительной картины въ „Зимней Сонатѣ", гдѣ блестящій донъ Жуанъ нашихъ дней, маркизъ Брадоминъ, удаляется въ добровольное изгнанье...

Но въ испанской литературѣ нельзя быть только романтикомъ. Какъ солнце Испаніи съ одинаковой яркостью освѣщаетъ и шедевръ средневѣковой готики, какой-нибудь церковный порталъ, и сидящаго возлѣ него нищаго въ безобразныхъ и грязныхъ лохмотьяхъ, такъ и у всѣхъ безъ исключенія испанскихъ писателей, начиная съ Сервантеса и до нашихъ дней, самый возвышенный романтизмъ непремѣнно перемѣшанъ съ безпощаднѣйшимъ реализмомъ. Не избѣгнулъ общей участи и Валье-Инкланъ.

Карлистъ-эстетикъ въ душѣ, открыто сознающійся, что для него „король въ изгнаньи всегда интереснѣе короля сидящаго на тронѣ" и что еслибы карлизмъ когда-нибудь объявили „національнымъ монументомъ", онъ былъ бы безконечно радъ — Валье-Инкланъ, описывая перипетіи борьбы старой Испаніи съ идущимъ ей на смѣну новымъ міромъ, неожиданно для самого себя становится болѣе искреннимъ.

Главный персонажъ его „Gerifaltes de antano", карлистскій священникъ Санта-Круцъ — злобный и кровожадный тиранъ. Въ немъ нѣтъ ни одной привлекательной черты, а подвиги его солдатъ въ захваченныхъ ими деревняхъ, — своихъ или чужихъ, безразлично — прямо

отталкиваютъ всякую къ нимъ симпатію безсмысленнымъ и непонятнымъ звѣрствомъ. Одну старуху-маркизу, у которой вся родня—карлисты, полуослѣпшую, больную, стаскиваютъ съ кресла и ведутъ на военный судъ. Санта-Круцъ приговариваетъ ее къ смертной казни. Вина ея заключается лишь въ томъ, что когда мѣстечко захватили либералы, то ихъ капитанъ прожилъ у нея въ замкѣ нѣсколько дней... Вдову бывшаго пріятеля одного республиканца, который умеръ уже двадцать лѣтъ тому назадъ, раздѣваютъ до-гола, мажутъ дегтемъ и вываливаютъ въ перьяхъ... и т. д. въ томъ же родѣ.

Самъ Санта-Круцъ, разстрѣливающій плѣнныхъ, убивающій одного за другимъ своихъ же товарищей по общему дѣлу, чтобы захватить командованіе всѣми отрядами повстанцевъ — глубоко отвратительная фигура. Безстрастный, мелочный и злой, онъ вѣритъ только въ себя и вѣритъ, что лишь ему одному удастся раздавить въ Испаніи змѣю либерализма. Для этой цѣли онъ съ упорствомъ фанатика шагаетъ по трупамъ другихъ карлистскихъ вождей, сѣетъ раздоры, интригуетъ... Характерно отношеніе къ нему карлистовъ „старой школы". Герой предыдущихъ возстаній, вождь-ветеранъ донъ Мигуэль, про котораго еще при жизни сложились легенды, чувствуетъ, что скоро долженъ умереть отъ старости и истощенія. Объ этомъ знаетъ также и Санта-Круцъ. Точно хищная птица сидитъ онъ у постели больного и ждетъ момента, когда можно будетъ присоединить къ своему отряду оставшихся безъ предводителя солдатъ дона Мигуэля.

— Скажи—спрашиваетъ его донъ Мигуэль—ты можешь спокойно спать по ночамъ? Тебѣ не являются призраки разстрѣленныхъ тобой людей? Подъ подушкой у тебя не журчатъ ручьи пролитой тобой человѣческой крови?

— Нѣтъ!—холодно и твердо отвѣчаетъ Санта-Круцъ.—Если я не сплю по ночамъ, такъ это только оттого, что вождь вообще долженъ бодрствовать, когда его солдаты спятъ. Semper vigilans! А о томъ, что я сдѣлалъ — я не жалѣю. Такъ нужно для дѣла. Вотъ и все...

— Ты не человѣкъ: ты гіена!.. — грустно шепчетъ умирающій старый карлистъ...

Но когда Валье-Инкланъ отъ реалистическихъ описаній переходитъ къ отвлеченнымъ разсужденіямъ, романтикъ беретъ въ немъ верхъ надъ реалистомъ. Тогда онъ начинаетъ находить разныя эстетическія стороны во всемъ томъ, что съ такой безжалостной силой было осуждено имъ же самимъ въ невольномъ порывѣ художественной правды.

— „Великолѣпный герцогъ Альба!—тоскуетъ маркизъ Брадоминъ въ „Зимней Сонатѣ" — Божественный Кортесъ! Я тоже, какъ и вы, сознаю, что ужасъ долженъ быть прекрасенъ... Я тоже люблю, какъ

и вы, нашихъ старыхъ жестокихъ солдатъ прежнихъ временъ, когда не было ни международныхъ конгрессовъ, ни гуманитарныхъ соглашеній, когда можно было грабить и жечь взятые города, насиловать женщинъ и заливать кровью дымящіеся пожары"...

Валье-Инкланъ постоянно и упорно подчеркиваетъ въ своихъ „Сонатахъ", что его маркизъ Брадоминъ совершилъ непоправимую ошибку, родившись именно въ нашемъ вѣкѣ. Когда онъ встрѣчается въ Мексикѣ съ знаменитымъ тамошнимъ разбойникомъ донъ-Хуаномъ де Гусманъ, то прежде всего жалѣетъ, что теперь эта блестящая жизнь не будетъ оцѣнена по достоинству: вѣдь души людскія становятся все мельче и блѣднѣе съ каждымъ годомъ. Меньше въ нихъ пламени, меньше силы... И маркизъ Брадоминъ представляетъ себѣ, какъ, лѣтъ двѣсти-триста тому назадъ, хорошо было бы жить такому Гусману. Вмѣсто вульгарнаго разбойника на большой дорогѣ онъ былъ бы завоевателемъ королевствъ, героемъ народныхъ преданій, а подъ старость, вернувшись въ Испанію, основалъ бы какой-нибудь знаменитый майоратъ, завѣщавъ свое покрытое славой имя грядущимъ поколѣніямъ.

Необходимо замѣтить, что у самого Брадомина слова не расходятся съ дѣломъ. Напримѣръ, первая встрѣча его съ этимъ Гусманомъ болѣе чѣмъ оригинальна. Маркизъ молится въ церкви при одномъ затерянномъ среди горъ мексиканскомъ монастырѣ. Внезапно цѣлая толпа вооруженныхъ людей, ворвавшись съ улицы съ криками и звономъ шпоръ, бросается на одиноко стоящаго возлѣ колонны человѣка. Тотъ пытается ускользнуть. Его сейчасъ убьютъ или арестуютъ.

— Назадъ, канальи! — гремитъ повелительный голосъ, и, съ пистолетами въ рукахъ, появляется маркизъ, пріѣхавшій въ Мексику спеціально затѣмъ, чтобы „забыть любовныя огорченія". Въ толпѣ замѣшательство. Незнакомецъ успѣваетъ благополучно скрыться.

— Вы знаете, кого вы спасли?—спрашиваетъ потомъ Брадомина безпутный забулдыга монахъ. — Вѣдь это Хуанъ де Гусманъ, голова котораго оцѣнена...

— Неужели вы раньше съ нимъ никогда не встрѣчались?—изумляются всѣ вокругъ.

— Въ первый разъ слышу это имя!—пожимая плечами, отвѣчаетъ маркизъ.

— Но зачѣмъ же тогда вы рисковали за него жизнью?

— Такъ. Фантазія... Ихъ было двадцать человѣкъ, а онъ одинъ...

— Que espanol tan loco!.. (Сумасшедшій испанецъ!) — влюбленно вырывается у красавицы-креолки Нинья Чоли. И съ этого момента она—покорная раба маркиза Брадомина.

Вообще женщины играютъ первенствующую роль въ жизни героя

„Сонатъ“ Валье-Инклана.—„Помню, еще въ раннемъ дѣтствѣ я любилъ засыпать на колѣняхъ у дамъ, приходившихъ въ гости къ моей матери“—признается онъ въ своихъ мемуарахъ. И тутъ же съ небрежной скромностью добавляетъ:

„Привычку эту я, впрочемъ, сохранилъ и до настоящаго времени“... Маркизъ Брадоминъ — эффектнѣйшій и изысканнѣйшій типъ современнаго донъ-Жуана. Онъ имѣетъ даже преимущество передъ своимъ средневѣковымъ предшественникомъ, „обольстителемъ изъ Севильи“, такъ какъ, по собственному признанію—„некрасивъ и сентименталенъ“.

Но женщины, по видимому, находятъ въ немъ нѣчто бо̀льшее, чѣмъ чисто физическая мужская красота. Онѣ чувствуютъ инстинктивно, что въ то время какъ другіе мужчины (по Валье-Инклану, разумѣется!) смотрятъ на нихъ какъ на забавныя игрушки, для маркиза Брадомина онѣ—все: жизнь, свѣтъ, солнце, религія, свобода!.. Брадоминъ полонъ женщиной, какъ полонъ Божествомъ какой-нибудь фанатикъ въ моментъ религіознаго экстаза. Только онъ ничего и никого не ищетъ, подобно донъ-Жуану средневѣковья — ему это незачѣмъ: онъ уже нашелъ! Для Брадомина нѣтъ женщинъ, которыхъ бы нужно было узнавать, а, разъ узнавши, снова стремиться къ незнакомымъ еще побѣдамъ. Онъ не составляетъ, по примѣру своего духовнаго отца, донъ-Хуана испанскаго драматурга Рюиса Зорильи, списка погубленныхъ имъ жертвъ. Для него не важно количество любимыхъ женщинъ, да онѣ и не существуютъ для него въ отдѣльности: онѣ существуютъ въ его воображеніи лишь какъ единая идеальная женщина, составленный изъ многихъ гармоническій образъ. Эту отвлеченную женщину онъ полюбилъ разъ навсегда, ее одну онъ видитъ и находитъ снова каждый разъ, когда судьба или собственная прихоть толкаетъ его отъ „Херомиты къ Долоресъ“, заставляетъ переходить изъ однихъ объятій въ другія...

„На зарѣ туманной юности“, когда онъ еще былъ почти мальчишкой и служилъ въ гвардіи нобилей его святѣйшества папы, мимолетно видѣнное гдѣ-то по дорогѣ отъ Урбино до Рима женское лицо врѣзалось въ его память. Съ тѣхъ поръ надъ всѣми его безчисленными любовными переживаньями какъ бы носится одухотворяющее, идеальное благоуханіе. Брадоминъ сравниваетъ его съ благоуханіемъ засохшаго цвѣтка, бывшаго свидѣтеля невинныхъ тайнъ первой любви, который лежитъ теперь на самомъ днѣ забытаго стараго ящика вмѣстѣ съ прочимъ ненужнымъ любовнымъ хламомъ. Но каждый разъ, когда новое чувство заставляетъ сильнѣе биться много любившее сердце маркиза Брадомина—открывается потайной ящикъ и цвѣтокъ первой любви благоухаетъ, какъ прежде, мистически и неуловимо... Можно

сказать, что для героя Валье-Инклана вся жизнь — сплошная и непрерывная первая любовь, такъ какъ каждая новая женщина для него лишь болѣе усложненное, но неизбѣжное продолженіе предыдущей...

Усмѣшка совершенно незнакомой дѣвушки, видѣнной имъ къ тому же въ первый разъ, заставляетъ Брадомина, уже въ преклонныхъ годахъ, „помолодѣть и встрепенуться". Счастливый, но слегка меланхоличный, „онъ" невольно вздыхаетъ о пережитомъ, въ то время какъ „юношески свѣжая волна заливаетъ живой водой казавшееся совсѣмъ уже омертвѣвшимъ сердце".

Маркизъ Брадоминъ—испанецъ съ головы до ногъ. Въ немъ, какъ въ крохотной волнѣ необъятнаго океана, отражается то же самое небо, что̀ синѣетъ надъ его палимой солнцемъ родиной, тѣ же дикія скалы на берегахъ, та же уходящая въ даль безжизненно-странная пустыня. Отъ невѣдомой намъ души испанскаго народа Рамонъ Валье-Инкланъ откололъ въ своихъ „Сонатахъ" маленькій кусочекъ. Онъ расцвѣтилъ его всѣми красками своей фантазіи, облекъ въ сверкающія одежды красивой лжи, и въ мірѣ уходящемъ отъ насъ медленной поступью обреченнаго заставилъ столкнуться вѣчное человѣческое съ временнымъ, условнымъ и преходящимъ, яркимъ выразителемъ котораго является аристократическій носитель карлистскихъ традицій, маркизъ де-Брадоминъ.

Европейски образованный человѣкъ, много путешествовавшій, подолгу живавшій въ такихъ культурныхъ центрахъ, какъ Парижъ, Лондонъ, онъ въ то же время полонъ дикихъ и странныхъ на нашъ взглядъ противорѣчій. Напримѣръ, при переѣздѣ изъ Лондона въ Мексику Брадоминъ цѣлыми днями сидитъ запершись у себя въ каютѣ. Ему противно выходить на палубу, потому что среди всѣхъ пассажировъ онъ—единственный „вѣрный сынъ церкви". Глазъ его оскорбленъ видомъ еретиковъ-англичанъ, разгуливающихъ по пароходу какъ ни въ чемъ не бывало. Вмѣстѣ съ тѣмъ Брадоминъ, какъ и всѣ вообще испанцы, весьма индифферентенъ къ вопросамъ религіи, а къ духовенству своему относится съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Не безъ удовольствія вспоминаетъ онъ въ „Осенней Сонатѣ", какъ его предокъ, донъ-Алонзо Бенданья, еще при Изабеллѣ Католической велѣлъ зашить въ волчью шкуру непонравившагося ему аббата и затравилъ его собаками. Да и самъ онъ тоже не упускаетъ случая устроить какую-нибудь непріятность то одному, то другому изъ „пастырей душъ", до архіепископа Арагонскаго включительно, а при встрѣчѣ тѣмъ не менѣе почтительнѣйше цѣлуетъ имъ руку. Образчикъ его уваженія къ требованіямъ религіозной морали можно найти въ слѣдующей сценѣ: въ „Осенней Сонатѣ" донья Конча, уми-

рающая отъ чахотки дама, съ которой у Брадомина возобновившійся романъ, умоляетъ его пощадить ее и оставить теперь въ покоѣ. Она искренно вѣритъ, что душа ея пойдетъ въ адъ, если, больная, она будетъ продолжать грѣшить.

— Ксаверій! Завтра я должна исповѣдываться—въ слезахъ шепчетъ ему она.—Я такъ боюсь оскорбить Господа...

— Въ такомъ случаѣ у меня, значитъ, есть соперникъ?—высокомѣрно перебиваетъ ее Брадоминъ. И когда несчастная вѣрующая женщина, окончательно убитая этимъ, по ея мнѣнію, кощунствомъ, бормочетъ растерянно:—Боже мой!.. Какой ты жестокій, Ксаверій... Теперь уже я не могу исповѣдываться завтра изъ-за тебя... — онъ, обнимая ее, утѣшаетъ:

— Ничего! Вотъ уѣду отсюда—оба отъисповѣдуемся... заразъ!..

Таково отношеніе „традиціоналиста“ Брадомина и къ карлистскому возстанію, въ которомъ онъ принимаетъ дѣятельнѣйшее участіе. Брадоминъ продаетъ свой родовой замокъ, раззоряется для того, чтобы выставить дону Карлосу лишній отрядъ солдатъ, пробирается въ штабъ-квартиру претендента, переодѣтый монахомъ, сквозь ряды республиканскихъ войскъ, преодолѣвая тысячи опасностей — а между тѣмъ только при видѣ „законной королевы“, доньи Маргариты, сидящей въ кругу придворныхъ дамъ въ карлистскомъ лагерѣ, „чувствуетъ себя больше чѣмъ когда-либо рыцаремъ общаго дѣла!“... И только потому, что „руки ея были похожи на лиліи и чувствовался вокругъ нея ароматъ легенды въ самомъ имени ея, принцессы блѣдной, святой, далекой отъ остального міра“... Да и за донъ-Карлоса онъ, повидимому, готовъ умереть лишь потому, что „донъ-Карлосъ де-Бурбонъ — единственный изъ всѣхъ королей, который можетъ носить горностаевую мантію съ достоинствомъ“... Все во внѣшности! Все въ красивомъ и благородномъ жестѣ!

Таковъ главный герой Валье-Инклана—точное отраженіе нѣкоторыхъ особенностей испанскаго характера. Въ „Зимней Сонатѣ“ есть съ большой художественностью написанная сцена: Брадоминъ, уже сѣдой и старый, но съ юношескимъ блескомъ въ глазахъ и съ сердцемъ, полнымъ жадности жизни, наѣзжаетъ случайно, во время карлистскаго возстанья, на отрядъ республиканцевъ, выполняя опасное порученіе донъ Карлоса. Въ стычкѣ ему прострѣливаютъ лѣвую руку. Когда послѣ нѣсколькихъ часовъ ѣзды по безлюднымъ бискайскимъ скаламъ ему удается добраться до ближайшаго монастыря, было уже поздно. Руку приходится ампутировать. О чемъ же думалъ маркизъ Брадоминъ до и послѣ мучительной операціи, которую вынесъ съ поразившимъ всѣхъ стоическимъ спокойствіемъ?

„Я только думалъ—пишетъ онъ—какъ мнѣ придется теперь себя

держать, чтобы сдѣлать мое увѣчье поэтичнымъ въ глазахъ женщинъ?"... При дворѣ претендента ему оказываютъ самый горячій пріемъ. „Я улыбнулся печально — замѣчаетъ Брадоминъ въ своихъ мемуарахъ — полагая, что отнынѣ это лучшее средство привлечь къ себѣ женское вниманіе"...

Сидя въ монастырѣ въ періодъ выздоровленія, онъ убѣждается въ дѣйствительности этого новаго метода. Молоденькая пятнадцатилѣтняя послушница Максимина, очарованная его геройствомъ и грустными разсказами о себѣ самомъ, сперва жалѣетъ Брадомина, а потомъ...

„Въ первый разъ за все время поцѣловалъ ее въ губы! Онѣ были холодны, какъ ледъ. Тогда я позабылъ о сентиментальномъ тонѣ, въ которомъ велся весь нашъ разговоръ, и съ внезапнымъ жаромъ юношескихъ лѣтъ воскликнулъ:—Скажи! Ты сможешь полюбить меня?"...

Но то, что для великолѣпнаго въ своемъ искреннемъ эгоизмѣ старика было лишь „волненіемъ любви, которое вызываетъ глубокую грусть у угасающихъ жизней" — для бѣдной дѣвочки заканчивается тяжелой драмой. Настоятельница монастыря выгоняетъ маркиза, „съ жестокими и горькими упреками за загубленную имъ полудѣтскую жизнь". „Глаза ребенка — мечты женщины!" — вздыхаетъ о своей жертвѣ старый обольститель. Теперь ему только и остается, что уцѣлѣвшей рукой писать свои воспоминанья. Удаляясь отъ свѣта, маркизъ Брадоминъ передъ карлистскими прелатами и въ присутствіи двора претендента излагаетъ „credo" своей долгой и дурной жизни. Онъ намѣренъ придерживаться его и при писаніи мемуаровъ.—„Мое стремленье — не поучать, а развлекать. Вся моя доктрина заключается въ одной лишь фразѣ: — да здравствуетъ бездѣлушка!.. Для меня научить улыбаться—величайшее завоеваніе, которое можно сдѣлать надъ человѣчествомъ. Существуютъ вѣдь цѣлыя эпохи, въ продолженіе которыхъ исторія не смогла запомнить ни одной знаменитой усмѣшки. Будемъ же улыбаться!"

Содержаніе всѣхъ четырехъ „Сонатъ" и составляютъ эти, написанные якобы маркизомъ Брадоминомъ „мемуары его жизни". По изяществу языка, по яркости образовъ, по художественной силѣ, эти вещи въ настоящій моментъ—наиболѣе талантливыя произведенія молодой испанской литературы. Послѣ первой же „Весенней Сонаты" Вальe-Инкланъ сдѣлался знаменитостью. Испанская критика и испанское общество сразу возвели его въ степень „генія", что̀ въ Испаніи, повидимому, достигается съ меньшими усиліями, чѣмъ у насъ. Во всякомъ случаѣ авторъ мемуаровъ маркиза Брадомина—явленіе выдающееся, какъ по достоинствамъ своимъ, такъ и по недостаткамъ. Описанія

его — верхъ совершенства по благородству и красотѣ стиля. Читая прозу Валье-Инклана, можно подумать, что это—стихи, до того музыкально и гармонично сочетанье отдѣльныхъ словъ, съ такимъ элегантнымъ ритмомъ расположены фразы. Главная задача Валье-Инклана—создать въ читателѣ настроеніе, соотвѣтствующее настроенію въ данный моментъ дѣйствующихъ лицъ. Двумя-тремя словами, мѣткимъ штрихомъ онъ достигаетъ этого безъ труда. Несмотря на всю чуждость того міра, гдѣ вращаются его герои, несмотря на дикія для насъ мысли, которыя они очень часто высказываютъ, нелѣпые поступки, которые почти постоянно совершаютъ, всѣ они невольно заинтересовываютъ собой, дѣлаются намъ близкими, такъ какъ въ нихъ есть нѣчто обще-человѣческое, равноцѣнное для всѣхъ. Художникъ, въ концѣ концовъ, побѣждаетъ въ Валье-Инкланѣ. Какъ ни хочется ему „вяще изломиться“ подъ карлистскіе церковно-національстическіе мотивы, какъ ни пытается онъ создать исключительно лишь романтическую эпопею погони за личнымъ наслажденьемъ—противъ воли автора въ его „Сонатахъ“ звучатъ родные каждой человѣческой душѣ аккорды, и вѣчное, что движетъ міромъ—любовь—сіяетъ подъ наноснымъ мусоромъ разныхъ „высоко-аристократическихъ переживаній“. „Сонаты“ Валье-Инклана уже успѣли создать въ молодой испанской литературѣ цѣлую школу. Въ послѣдніе два-три года появилось особенно много учениковъ и послѣдователей предполагаемаго издателя мемуаровъ маркиза Брадомина. Изъ нихъ нѣкоторые, въ особенности авторъ прогремѣвшаго романа: „Каста гидальговъ“, Рикардо Леонъ, обѣщаютъ дать многое, если въ погонѣ за Валье-Инклановской формой не утратятъ своей внутренней глубины. Возведеніе „бездѣлушки“ въ перлъ созданія можетъ себѣ позволить безнаказанно лишь такой несомнѣнно крупный художникъ, какъ Валье-Инкланъ, и то только потому, что сила его художественнаго творчества увлекаетъ его дальше и глубже, чѣмъ хотѣлось бы самому автору.

...Ожиданье въ стилизованной пріемной затянулось. Около получаса пришлось мнѣ созерцать черное кресло, красныя занавѣси и бѣлую женскую головку въ просвѣтѣ задрапированнаго окна, пока, наконецъ, внезапно и тоже очень „стильно“ въ комнатѣ не появился самъ хозяинъ.

Валье-Инкланъ—тощій, хилый, со впалой грудью человѣкъ лѣтъ сорока, съ таинственно всклокоченной, какъ у чернаго гнома, бородой и пристально сверкающими очками. Одна кисть его руки отрѣзана, какъ у маркиза Брадомина. Это еще больше убѣждаетъ увлекающихся читателей въ томъ, что Брадоминъ и Валье-Инкланъ—одно и то же. Только у героя „Зимней Сонаты“ руку прострѣлили измѣнники-либералы, а у ея автора извѣстный мадридскій литературный критикъ

Мануэль Буено (что̀ въ переводѣ означаетъ: „Добрый“) неудачно поранилъ палкой кость нѣсколькихъ пальцевъ въ одномъ принципіальномъ спорѣ въ кафе... Кто не знаетъ настоящей исторіи, тѣ думаютъ, что писатель потерялъ руку во время послѣдняго карлистскаго возстанія. А знаменитому романисту въ годъ прекращенія борьбы съ повстанцами было не болѣе семи—восьми лѣтъ!..

По манерѣ людей, привыкшихъ ко всякаго рода „интервью“, Вальe-Инкланъ немедленно заговариваетъ о себѣ. Оживленно жестикулируя единственной рукой, онъ начинаетъ разсказывать мнѣ о томъ, что̀ пишетъ теперь, куда намѣренъ поѣхать этимъ лѣтомъ, какую пьесу его поставятъ нынче въ театрѣ у Маріи Герреро и т. д. И постепенно, все болѣе и болѣе воодушевляясь, переходитъ къ собственному жизнеописанію. Біографія Вальe-Инклана — его интереснѣйшій романъ. Гдѣ только не былъ и чего не перевидалъ на своемъ вѣку авторъ „Весенней Сонаты“, пока прочный литературный успѣхъ не поднялъ его, выражаясь фигурально, „на хребетъ славы“... Теперь, сидя въ покойномъ и мягкомъ креслѣ, онъ вспоминаетъ предо мной о пережитомъ. Голосъ его порой дрожитъ отъ сдерживаемаго волненія. Черные глаза мечтательно затуманиваются подъ блестящими очками.

Но, слушая увлекательное повѣствованіе Вальe-Инклана о наиболѣе выдающихся моментахъ его біографіи, когда онъ былъ сперва монахомъ-траппистомъ въ одной изъ испанскихъ провинцій, потомъ простымъ солдатомъ въ Мексикѣ, я невольно думаю о томъ, что ни тѣмъ, ни другимъ онъ не былъ на самомъ дѣлѣ. Друзья-предатели уже успѣли мнѣ заранѣе сообщить подробнѣйшія данныя о своемъ знаменитомъ другѣ, и въ нихъ не оказалось ровно ничего, что̀ выходило бы за рамки обыкновеннѣйшаго существованія сначала маленькаго журналиста, потомъ большого писателя, въ прозаической и сѣрой обстановкѣ мадридской литературной богемы!

Сынъ мелкаго чиновника-разночинца, Вальe-Инкланъ уже успѣлъ увѣрить себя, что предки его были чуть ли не рыцари Святого Грааля... Физически слабый, съ вытянутой тощей шеей и узкими плечами, онъ близоруко жмурится подъ стеклами очковъ отъ блеска собственныхъ описаній и въ данную минуту вполнѣ серьезно убѣжденъ, что велъ когда-то всю эту жизнь отважнаго и безшабашнаго авантюриста...

И случайно приходятъ на память изъ „Зимней Сонаты“ обращенныя къ испанскому народу слова маркиза Брадомина:

„— О, мой старый народъ! Народъ солнца и кровожадныхъ зрѣлищъ! Ты все еще хранишь вѣковое наслѣдіе отцовъ — способность лгать самому себѣ, увлекаясь гиперболой до самозабвенія; все еще дремлешь подъ убаюкивающій звонъ гитаръ, утѣшаясь отъ своихъ

двухъ главныхъ несчастій: потери безплатнаго супа изъ монастырей и отнятыхъ у тебя американскихъ колоній!..“

Долго еще разсказываетъ мнѣ первый романтикъ современной Испаніи о томъ, чего никогда не было, а если и было—то не такъ. До стилизованной комнаты его, гдѣ онъ прячется отъ подкрадывающейся отовсюду прозы жизни, не долетаетъ съ пустынной улицы ни малѣйшаго диссонирующаго звука. И невольно мнѣ начинаетъ казаться, подъ разсказы Валье-Инклана, что хотя испанскій народъ и твердитъ: „la vida es sueno“ (жизнь—это сонъ!) со временъ еще старика Кальдерона—однако наступаютъ моменты, когда пора, наконецъ, проснуться и смѣло взглянуть въ глаза реальной дѣйствительности, какъ бы печальна она ни была...

Но для пробужденнаго народа станутъ нужны уже другія пѣсни. Тогда живущій сейчасъ въ сердцахъ у многихъ маркизъ де-Брадоминъ постепенно и незамѣтно самъ собой отойдетъ въ невозвратное прошлое, откуда его вызвалъ къ жизни Валье-Инкланъ, вмѣстѣ съ условіями, оправдывающими его существованіе...

II.

Испанскій театръ переживаетъ въ настоящій моментъ тяжелый кризисъ. Отъ прежняго „золотого вѣка“ остались одни лишь историческія воспоминанія, да имена Лопе де Вега, Тирсо де Молина и Кальдерона, пьесы которыхъ до самаго недавняго времени почти не встрѣчались въ театральномъ репертуарѣ. Современная сцена захвачена теперь во всей Испаніи такъ называемымъ „genero chico“.

„Genero chico“ (малый жанръ)—это коротенькія пьески легкаго содержанія, иногда забавныя, иногда грустныя, но всегда въ высшей степени поверхностныя и длящіяся обыкновенно не болѣе часа. Назначеніе ихъ—развлекать публику, кое-когда немножко пощекотать нервы, заставить всплакнуть какую-нибудь чувствительную сеньорину и, главнымъ образомъ, довести цѣлую кучу дѣйствующихъ лицъ до благополучной развязки въ самый короткій промежутокъ времени. Къ этому и приложены всѣ старанія антрепренеровъ; къ тому же должны направлять свое вдохновеніе и драматурги.

Такимъ образомъ современный испанскій спектакль состоитъ изъ четырехъ-пяти отдѣльныхъ пьесокъ, при чемъ на каждую билеты продаются особо. Начинается представленіе часовъ въ шесть и оканчивается около часу съ половиной ночи. Благодаря этой системѣ, антреприза можетъ наполнять театральный залъ по нѣскольку разъ въ одинъ и тотъ же вечеръ. Представленіе одной пьесы называется „seccion“—

а если пьеса случайно имѣетъ два или три акта, то такая „seccion“ называется двойной и цѣна билета повышается вдвое.

Система „secciones“ имѣетъ свои удобства, весьма, впрочемъ, немногія. Во-первыхъ, она позволяетъ понизить входную плату, такъ какъ за одинъ часъ представленія логически необходимо брать дешевле, чѣмъ за цѣлый вечеръ; во-вторыхъ—при ней можно приходить въ театръ въ любое время и все-таки видѣть какую-нибудь пьесу отъ начала до конца.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ „genero chico“, съ его системой „secciones“ является главной причиной упадка драматическаго искусства въ современной Испаніи. Театральные антрепренеры заинтересованы въ томъ, чтобы каждая „seccion“ отдѣльно наполняла зрительный залъ, и естественно предпочитаютъ пьесы „хлёсткія“, могущія привлечь какъ можно больше публики. О какихъ-нибудь воспитательныхъ или чисто художественныхъ цѣляхъ тутъ не можетъ быть и рѣчи! Чѣмъ „забористѣе“ сюжетъ, чѣмъ легкомысленнѣе положеніе выведенныхъ въ пьесѣ дѣйствующихъ лицъ—тѣмъ лучше... И авторы, въ особенности уже получившіе два, три отказа изъ-за излишней серьезности и длинноты своихъ произведеній, невольно начинаютъ стараться, чтобы все было кратко и не очень утомляло вниманіе. Создается своеобразный жанръ—нѣчто въ родѣ черновыхъ набросковъ, гдѣ ни одна намѣченная мысль не успѣваетъ развиться до конца и самыя запутанныя положенія разрѣшаются авторомъ съ часами въ рукахъ, на скорую руку.

Спеціальныя пьесы создаютъ спеціальную публику. Безсмысленнѣйшія вещи, въ родѣ какого-нибудь „Котелка Переца“, гдѣ все дѣйствіе сводится къ ряду нелѣпыхъ комическихъ qui pro quo, имѣютъ колоссальный успѣхъ одновременно въ Мадридѣ, Севильѣ и Барселонѣ. О нихъ пишутъ восторженные отзывы въ газетахъ, имъ посвящаются цѣлыя страницы въ иллюстрированныхъ журналахъ, а глубокая и идейная драма „Вальтеръ-Скотта Испаніи“, Гальдоса—„El Abuelo“—ставится при почти пустомъ театрѣ единственный разъ, и то лишь изъ уваженія къ имени автора.

Система отдѣльныхъ маленькихъ пьесокъ, при которой актеръ долженъ играть съ 6 часовъ вечера до часу съ половиной ночи, не считая дневныхъ репетицій, не даетъ ему возможности вдумчиво и добросовѣстно относиться къ своей работѣ. Да и какая ужъ тамъ „вдумчивость“, когда черезъ каждый почти часъ приходится быть то жуликомъ, то маркизомъ, то благороднымъ отцомъ, то мадридскимъ извозчикомъ! „Преображаясь“ по нѣскольку разъ въ вечеръ, здѣшній актеръ, вслѣдствіе чисто физическаго утомленія, работаетъ спустя

рукава. Отзвонилъ—и съ колокольни долой!—вотъ девизъ большинства испанскихъ „служителей Мельпомены".

Но среди всей этой безцвѣтной массы актеровъ и актрисъ выдѣляются двѣ интересныя фигуры: Фернандо Діацъ-де-Мендоса и его жены Маріи Герреро. Оба нѣсколько лѣтъ тому назадъ начали героическую борьбу съ затопившимъ всѣ испанскія сцены „genero chico". Послѣ цѣлаго ряда неимовѣрныхъ усилій имъ удалось въ нынѣшнемъ году открыть свой собственный театръ, гдѣ даются пьесы исключительно серьезнаго и идеальнаго содержанія.

Марію Герреро испанцы охотно называютъ „нашей Саррой Бернаръ", въ чемъ, пожалуй, нѣтъ большого преувеличенія. Въ особенности голосъ ея, мягкій, задушевный, съ звенящими „серебряными" нотками, очень напоминаетъ голосъ великой французской артистки. Діацъ-де-Мендоса принадлежитъ къ старинной андалузской аристократіи. Сначала онъ участвовалъ въ различныхъ великосвѣтскихъ спектакляхъ въ качествѣ любителя, а потомъ, мало-по-малу увлекшись театромъ, окончательно поступилъ на сцену. Теперь онъ одинъ изъ немногихъ дѣйствительно образованныхъ и горячо любящихъ свое дѣло испанскихъ актеровъ.

Связи Діацъ-де-Мендоса съ высшимъ обществомъ, его обширныя знакомства съ литературнымъ и артистическимъ міромъ помогли ему и Маріи Герреро въ ихъ тяжеломъ и неблагодарномъ предпріятіи—заставить испанскую публику вернуться снова въ серьезный театръ. Сначала зрителей приходилось тащить чуть ли не на арканѣ на пьесы классиковъ „золотого вѣка". „Звѣзда Севильи" Лопе-де-Вега, „Жизнь—сонъ" Кальдерона и другіе шедевры испанскаго драматическаго искусства ставились при безнадежно пустынномъ залѣ и нѣсколькихъ десяткахъ пезетъ валового сбора. Чтобы покрыть дефицитъ, „испанская Сарра Бернаръ" принуждена была разнообразить свой слишкомъ идейный репертуаръ веселенькими оперетками, которыя публика посѣщала весьма охотно. Но постепенно къ Діацъ-де-Мендоса и его женѣ стали примыкать другіе артисты и антрепренеры. Genero chico потерпѣлъ рядъ серьезныхъ пораженій. Теперь онъ окончательно изгнанъ въ Мадридѣ изъ главнѣйшихъ театровъ, въ родѣ „Comedia", „El Espanol" и созданнаго Маріей Герреро театра „La Princesa".

На сценѣ „Принцессы" идетъ теперь комедія Гіацинто Бенавенте—„Los interesos creados". Авторъ—очень интересная фигура въ испанскомъ литературномъ мірѣ. Онъ уже около пяти лѣтъ пользуется репутаціей „перваго драматурга Испаніи".

Язвительный и тонкій наблюдатель, онъ относится къ жизни и людямъ съ легкимъ, немного снисходительнымъ презрѣніемъ. Тревоги и радости даннаго момента, людскія злоба и ненависть, стра-

данiе и любовь—все разсматривается имъ съ чуть замѣтной иронической усмѣшкой. Бенавенте ничему не вѣритъ и ко всему, повидимому, остается равнодушенъ. Но невольно чувствуется въ его произведенiяхъ, что онъ „не вѣритъ только потому, что вѣрилъ нѣкогда всему“... За безстрастной маской холоднаго скептика скрывается много искавшiй и много выстрадавшiй человѣкъ, тоскующiй о вѣчно исчезающемъ въ дымкѣ далекаго будущаго идеалѣ. Въ комедiяхъ и драмахъ Бенавенте, съ безпощадной правдой рисующихъ жизнь современнаго испанскаго общества, преимущественно—его верхнихъ слоевъ, есть всегда элементъ возвышеннаго, есть смутные порывы показать, что все же люди—не такiе плохiе на самомъ дѣлѣ, какими они кажутся или, по крайней мѣрѣ, хотятъ казаться.

А между тѣмъ Бенавенте лично не любитъ почему-то, чтобы за нимъ замѣчали подобныя „слабости“. Ему очень хочется прослыть „испанскимъ Мефистофелемъ“, въ чемъ онъ и не встрѣчаетъ рѣшительно никакихъ препятствiй. „Язвительный хохотъ Бенавенте“, „сардоническая усмѣшка Бенавенте“ стали обычными литературными клише для опредѣленiя тѣхъ или другихъ характерныхъ особенностей этого дѣйствительно выдающагося таланта. Но испанская критика, прославляя „мефистофелевскiя качества“ знаменитаго драматурга, упустила изъ виду, что даже въ „Los interesos creados“—произведенiи наиболѣе рельефно выставляющемъ людское ничтожество—авторъ совсѣмъ не съ насмѣшкой относится къ поэтической любви прекрасной и невинной Сильвiи къ изломанному жизнью неудачнику Леандру, и даже побужденiями мошенника изъ мошенниковъ Криспина въ концѣ концовъ двигаетъ безкорыстная привязанность къ своему сеньору...

„Los interesos creados“ (Созданные интересы) на мой взглядъ—самое лучшее изъ всѣхъ многочисленныхъ сочиненiй Бенавенте. Авторъ назвалъ эту пьесу „Комедiей маріонетокъ“ и въ прологѣ передъ поднятiемъ занавѣса предупреждаетъ зрителей устами главнаго героя, Криспина, чтобы они не вѣрили тому, что увидятъ сейчасъ на сценѣ.

— „Такихъ вещей съ вами никогда не случалось и не можетъ случиться! Персонажи этой комедiи—грубо сдѣланныя картонныя куклы, которыя кажутся живыми людьми только потому, что ихъ приводятъ въ движенiе нитки, видимыя, впрочемъ, для всѣхъ“...

Дѣйствiе происходитъ въ „воображаемой странѣ, въ началѣ XVII-го вѣка“, на самомъ же дѣлѣ—въ Италiи указаннаго перiода. Прогорѣвшiй молодой дворянинъ Леандръ и его слуга Криспинъ, послѣ долгихъ и непрiятныхъ дорожныхъ приключенiй, являются въ маленькiй итальянскiй городокъ (повидимому—въ Верону). Приходятъ они пѣшкомъ, хотя одѣты весьма богато.

— Раньше я позволю содрать съ себя кожу, чѣмъ разстаться съ хорошимъ костюмомъ! — восклицаетъ много испытавшій на своемъ вѣку Криспинъ, когда Леандръ предлагаетъ ему продать ихъ платье, чтобы было на что пообѣдать.

Леандръ и Криспинъ оба устали вести скитальческій образъ жизни. За обоими числятся въ прошломъ кое-какіе грѣхи, въ особенности за Криспиномъ. На этотъ городъ они смотрятъ какъ на тихую пристань, гдѣ можно отдохнуть, а если удастся, то и начать новое существованіе. Но къ кому обратиться за поддержкой на первыхъ порахъ?

— У меня есть рекомендательныя письма къ нѣкоторымъ вліятельнымъ лицамъ—робко замѣчаетъ Леандръ, застѣнчивый и скромный по природѣ.

— Позови ихъ сію же минуту!—безапелляціоннымъ тономъ совѣтуетъ ему Криспинъ.

И затѣмъ онъ излагаетъ передъ Леандромъ свой планъ — планъ стараго скептика, глубоко изучившаго людскія слабости. Вмѣсто того, чтобы стремиться вызвать къ себѣ участіе и другія „возвышенныя чувства“, необходимо создать между собой и остальными людьми атмосферу чисто практическихъ, дѣловыхъ интересовъ. Необходимо, чтобы люди поддерживали васъ не изъ-за вашихъ прекрасныхъ глазъ, а изъ-за собственныхъ своихъ личныхъ выгодъ и побужденій. Тогда никакія житейскія бури не страшны: ваши моральные кредиторы не дадутъ вамъ утонуть, потому что вы имъ нужны, какъ залогъ конечной уплаты сдѣланнаго вами долга...

Заручившись согласіемъ безпрекословно повинующагося ему Леандра, Криспинъ приводитъ свой планъ въ исполненіе. Для начала онъ выдаетъ своего господина за очень важнаго сеньора, который прибылъ сюда инкогнито по таинственнымъ, политическимъ дѣламъ. Самые фантастическіе слухи носятся по городу: одни утверждаютъ, что Леандръ — посланникъ французскаго короля, другіе — что онъ прибылъ въ Италію въ поискахъ невѣсты „Великому турку“, и всѣ наперерывъ стремятся познакомиться съ такой высокопоставленной персоной. А Криспинъ, между тѣмъ, не дремлетъ. Онъ занимаетъ деньги направо и налѣво, устраиваетъ своего господина въ роскошномъ дворцѣ, „для престижа“, и, разумѣется, тоже въ кредитъ, ловкой лестью привлекаетъ къ себѣ мѣстнаго поэта Арлекина и безпутнаго, но храбраго рубаку Капитана. И, въ заключеніе, намѣревается женить Леандра на Сильвіи, единственной дочери милліонера Полишинеля. Но тутъ неожиданно возникаютъ два препятствія: во-первыхъ, самъ Полишинель, жирный, грязный и горбатый старикъ съ темнымъ прошлымъ, зналъ въ оныя времена Криспина лично, когда они оба

вмѣстѣ были прикованы къ одной и той же скамейкѣ на галерѣ. Слѣдовательно, обмануть его богатствомъ и якобы высокимъ рангомъ Леандра невозможно. „По слугѣ и баринъ!"—можетъ сказать Полишинель. А во вторыхъ—Леандръ дѣйствительно влюбляется въ Сильвію, и ему ужасно тяжело принимать участіе во всемъ этомъ обманѣ. Изъ перваго затрудненія Криспинъ выходитъ очень ловко.

— Такихъ старыхъ лисицъ, какъ Полишинель, надо брать искренностью,—говоритъ онъ себѣ и прямо, начистоту открывается передъ изумленнымъ отцомъ Сильвіи:—„Береги свою дочь! Мой господинъ—по мнѣ и самому себѣ можешь судить, что̀ онъ за птица!—хочетъ жениться на ней... Прими мѣры"...

— Зачѣмъ ты сдѣлалъ это?—упрекаетъ Криспина Леандръ.

— Затѣмъ, чтобы Полишинель изъ врага превратился въ нашего невольнаго союзника,—смѣется Криспинъ.—Чѣмъ больше отецъ будетъ мѣшать Сильвіи видѣться съ тобой, тѣмъ сильнѣе ей будетъ хотѣться броситься въ твои объятія...

Но второе препятствіе: упорство, съ которымъ Леандръ не желаетъ, чтобы любимая дѣвушка принимала его не за то, что̀ онъ есть на самомъ дѣлѣ, преодолѣть не такъ легко. Криспинъ, наконецъ, прибѣгаетъ къ героическому средству: при помощи наемныхъ „bravi" онъ устраиваетъ мнимое покушеніе на Леандра и затѣмъ начинаетъ разсказывать, что его барина хотѣлъ убить Полишинель. Встревоженная Сильвія приходитъ во дворецъ Леандра. Она собирается покинуть родительскій домъ навсегда и объявляетъ, что послѣ всего происшедшаго отецъ ей опостылѣлъ. Леандръ—въ отчаяніи отъ этого непрерывнаго обмана. Не смотря на протесты Криспина, онъ разсказываетъ Сильвіи свою печальную исторію, полную превратностей судьбы и горькихъ разочарованій. Но Сильвія уже успѣла глубоко полюбить Леандра; она все-таки хочетъ быть его женой, хотя и знаетъ теперь, кто онъ.

Криспинъ торжествуетъ—но не надолго. Разъяренный наглостью пріѣзжихъ мошенниковъ, старикъ Полишинель врывается къ Леандру со всѣми его кредиторами, съ полиціей и съ судьей, спеціально пріѣхавшимъ изъ Болоньи ловить Криспина. Едва удается спрятать Сильвію въ сосѣдней комнатѣ. Леандръ спасается въ окно, оставивъ своего вѣрнаго слугу одного съ глазу на глазъ съ нагрянувшимъ правосудіемъ.

Начинается расплата. Кредиторы бранятъ Криспина на чемъ свѣтъ стоитъ и требуютъ денегъ; поэтъ Арлекинъ возмущенъ, что такому проходимцу, какъ Леандръ, онъ посвящалъ свои лучшіе сонеты. Капитанъ считаетъ себя опозореннымъ навѣки, такъ какъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца онъ хвастался по всѣмъ тавернамъ дружбой съ этимъ знатнымъ сеньоромъ. Всѣ кричатъ, шумятъ, угрожаютъ...

— Посмотримъ, какъ ты теперь вывернешься! — злорадствуетъ Полишинель.

Но Криспинъ еще не признаетъ себя побѣжденнымъ.

— Послушайте!—пытается онъ убѣдить кредиторовъ.—Ну, къ чему весь этотъ скандалъ? Чего добьетесь вы, если насъ осудятъ? Вы только потеряете ваши деньги, которыхъ съ насъ взыскать невозможно, такъ какъ у насъ ничего нѣтъ. А между тѣмъ, если мой господинъ женится на дочери Полишинеля—съ помощью ея приданаго онъ съ вами разсчитается до послѣдняго сантима...

Сперва кредиторы не хотятъ ничего слушать.

— Правосудіе!—вопятъ они.—Наши деньги!..

Но изъ дальнѣйшаго хода судебнаго процесса они постепенно убѣждаются, что, пожалуй, и на самомъ дѣлѣ выгоднѣе пойти на мировую. Криспинъ успѣваетъ также поговорить съ судьей, которому доказываетъ, что онъ ничего не получитъ за свои хлопоты, если ихъ осудятъ, — а въ случаѣ удачнаго окончанія дѣла приданое Сильвіи послужитъ достаточной гарантіей для уплаты расходовъ по процессу. Арлекину и Капитану онъ прямо совѣтуетъ снова встать за Леандра въ ихъ же собственныхъ интересахъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, оба сдѣлаются посмѣшищемъ всего города.

Мало-по-малу атмосфера проясняется.

— А вѣдь и правда, сеньоръ Полишинель,—дипломатически подступаютъ къ нему кредиторы Леандра—отдали бы вы вашу дочь за этого прекраснаго молодого человѣка. Носятся слухи, что бѣдная дѣвушка крѣпко въ него влюблена...

— Чтобы я?.. Мою дочь? — кричитъ взбѣшенный Полишинель.— Этому проходимцу?.. Никогда!

— Значитъ, плакали ваши денежки!—хладнокровно, пожимая плечами, заявляетъ Криспинъ кредиторамъ.

И тѣ всей гурьбой начинаютъ убѣждать Полишинеля немедленно же выдать за Леандра свою дочь. Судья грозитъ ему разоблаченіями изъ его прошлой жизни, Арлекинъ обѣщаетъ осмѣять его публично въ стихахъ, Капитанъ тутъ же готовится приступить къ „физическому воздѣйствію“ на упрямаго родителя—и въ заключеніе на порогѣ сосѣдней комнаты появляется Сильвія подъ руку съ Леандромъ...

Оглушенный, сбитый съ толку, растерянный, Полишинель соглашается на бракъ Сильвіи съ Леандромъ, который, несмотря на свою бѣдность и кое-какія стычки съ правосудіемъ, все же—„благороднаго происхожденія“.

— На все согласенъ—говоритъ онъ—только подъ однимъ условіемъ: чтобы этотъ мошенникъ Криспинъ не служилъ больше у моего будущаго зятя...

Но Криспинъ и самъ не хочетъ оставаться у Леандра. Онъ искренно привязанъ къ нему и боится омрачить его новую жизнь воспоминаніями о пережитомъ.

— Я не могу быть тебѣ полезенъ теперь — обращается онъ къ Леандру, — а вмѣстѣ со мной ты выкинешь за бортъ твою старую шкуру. Живи, будь счастливъ—и вѣрь мнѣ: одни лишь практическіе интересы служатъ людямъ для того, чтобы преуспѣвать въ жизни...

— Ты ошибаешься!—восклицаетъ Леандръ.—Безъ любви Сильвіи мы бы оба съ тобой погибли!

— А развѣ любовь не такой же практическій интересъ, какъ и всѣ другіе?—насмѣшливо спрашиваетъ Криспинъ.—Въ моихъ разсчетахъ я всегда отводилъ должное мѣсто также и возвышеннымъ идеаламъ!..

Пьеса кончается монологомъ Сильвіи, обращеннымъ къ зрителямъ по старинной испанской манерѣ.

Въ этомъ монологѣ—основная идея всего произведенія. И въ жизни, какъ на сценѣ, маріонетки-люди двигаются сообразно тому, куда привязаны управляющія ихъ движеніями нитки. Только въ жизни этими нитками являются людскія страсти, стремленія и идеалы... Однихъ они тянутъ за руки—и тѣ работаютъ съ усердіемъ, борются съ упорствомъ, крадутъ съ хитростью, убиваютъ съ ожесточеніемъ... Другіе привязаны за ноги—и эти ноги ведутъ ихъ по разнымъ невѣдомымъ дорогамъ, по которымъ, быть можетъ, и не хотѣлось бы идти, да тянетъ непреодолимой силой...

Но есть счастливцы, къ которымъ съ неба спускается золотая нить, идущая къ самому сердцу. Любовь окрыляетъ этихъ избранниковъ судьбы и изъ ничтожныхъ куколъ дѣлаетъ ихъ богами... И они понимаютъ, что не все вокругъ нихъ только смѣшно и пошло. Есть нѣчто болѣе возвышенное, чему имя — правда, и правда эта не исчезнетъ изъ жизни во вѣки!..

Такова любимѣйшая въ настоящій моментъ пьеса современнаго испанскаго репертуара.

А. Деренталь.

НОВОЕ НАЧИНАНІЕ ВЪ ОБЛАСТИ МУЗЫКАЛЬНАГО ОБРАЗОВАНІЯ НАРОДА

Музыкальное образованіе народа у насъ вовсе не организовано. Наши консерваторіи слишкомъ малочисленны и предназначены не для массы. Недавно учрежденная такъ называемая Народная Консерваторія является, въ сущности, только одною изъ многочисленныхъ музыкальныхъ школъ, недоступныхъ народу. Безплатная музыкальная школа, основанная Ломакинымъ и Балакиревымъ, много лѣтъ съ честью выполняла дѣло музыкальнаго просвѣщенія широкихъ слоевъ населенія; но она, главнымъ образомъ по недостатку денежныхъ средствъ, не можетъ развернуть свою дѣятельность какъ бы слѣдовало. Нельзя, поэтому, не обратить вниманія на музыкальные классы имени М. И. Глинки при городскихъ училищахъ С.-Петербурга. Они учреждены въ 1906 г., по иниціативѣ члена городского училищнаго совѣта и тогдашняго предсѣдателя коммиссіи по народному образованію, П. А. Потѣхина. По поводу открытія въ Петербургѣ памятника М. И. Глинкѣ, городская дума разрѣшила устройство двухъ музыкальныхъ классовъ при городскихъ народныхъ училищахъ, ассигновавъ 3.000 р. единовременно на оборудованіе классовъ и постановивъ отпускать ежегодно на каждый классъ по 1.200 р.

Къ устройству классовъ было приступлено въ концѣ 1906 г. Въ трудахъ образованной для этой цѣли субкоммиссіи приняли участіе М. А. Балакиревъ и А. А. Герасимова, руководившая музыкальными классами въ Москвѣ. По указанію Балакирева были выбраны преподаватели и опредѣленъ въ главныхъ чертахъ порядокъ преподаванія. Классы были открыты въ городскихъ домахъ на Греческомъ пр. (№ 8) и на Садовой ул. (№ 55), съ сорока учащимися обоего пола, распредѣленными поровну между классами. Завѣдываніе классами взяли на себя въ первомъ пунктѣ П. А. Потѣхинъ, во второмъ—В. И. Домонтовичъ. Сначала введено преподаваніе только на фортепіано и на скрипкѣ; двадцати четыремъ учащимся на фортепіано отведено 12 часовъ, шестнадцати учащимся на скрипкѣ — 8 час. въ недѣлю, считая по 25 мин. на каждый урокъ, съ 10-минутнымъ отдыхомъ для учащаго. Кромѣ того два раза въ недѣлю по одному часу отведено преподаванію хорового пѣнія, теоріи музыки и сольфеджіо. Обученіе хоровому пѣнію и теоріи музыки идетъ по группамъ, въ 10 человѣкъ каждая. Занятія происходятъ вечеромъ, отъ 4 до 7 часовъ. Чтобы дать дѣтямъ возможность подготовить уроки на фортепіано, назна-

чены особые часы для самостоятельныхъ занятій. Скрипки выдаются учащимся на домъ. Въ слѣдующемъ учебномъ году число учащихся было увеличено на 8 человѣкъ.

Чтобы доставить дѣтямъ возможность развивать музыкальность игрой въ тріо и квартетѣ, съ начала учебнаго 1909—10 г. введено преподаваніе и на віолончели, пока только въ одномъ мѣстѣ, при четырехъ учащихся. Въ томъ же году для учащихся въ городскихъ училищахъ въ зарѣчныхъ частяхъ города было учреждено третье отдѣленіе музыкальныхъ классовъ въ городскомъ училищномъ домѣ имени А. С. Пушкина (Б. Ружейная, № 14). Число учащихся было нѣсколько увеличено, дойдя къ 1910—11 учебному году до 50 дѣтей обоего пола; введено еще обязательное обученіе игрѣ на фортепіано, по особой программѣ, для выдающихся по успѣхамъ учащихся игрѣ на скрипкѣ и віолончели.

Выборъ учащихся производится преподающими въ городскихъ училищахъ пѣніе, совмѣстно съ преподавателями общеобразовательныхъ предметовъ. Выбираются отличающіеся хорошимъ слухомъ, не имѣющіе физическихъ недостатковъ, которые могли бы препятствовать обученію, и желающіе заниматься музыкой; требуется также согласіе родителей.

Въ теченіе перваго года, послѣ 4-хъ мѣсяцевъ занятій, шесть учащихся были исключены за малоуспѣшность. Къ началу второго учебнаго года исключена еще одна ученица, а двое учащихся сами отказались продолжать занятія. Для пополненія комплекта учащихся былъ произведенъ новый ихъ выборъ, при чемъ каждый попечитель (ихъ 36, по числу участковъ) представлялъ трехъ кандидатовъ. Этотъ способъ выбора нельзя считать правильнымъ. Нивеллированіе школьныхъ участковъ въ отношеніи музыкальныхъ способностей учащихся очень искусственно. Въ одномъ школьномъ участкѣ можетъ быть больше музыкально способныхъ дѣтей, въ другомъ меньше, а въ иномъ и вовсе можетъ ихъ не оказаться. Неправильность выбора сказалась на первыхъ же репетиціяхъ музыкальныхъ классовъ, въ концѣ декабря 1907 г., когда пришлось исключить, за неспособностью, одиннадцать учащихся, т.-е. почти 25% всего комплекта учащихся. Двое учащихся отказались въ декабрѣ. Для пополненія комплекта былъ произведенъ, по той же системѣ, третій выборъ учащихся. Въ началѣ мая 1908 г. снова девять учащихся были признаны неспособными. Согласно указаніямъ опыта, постановлено было выбирать на будущее время только дѣтей съ исключительными музыкальными способностями и ввести, притомъ, двухмѣсячные испытательные сроки. Въ сомнительныхъ случаяхъ этотъ срокъ можетъ быть продолженъ еще на два мѣсяца. При выборѣ инструмента рѣшено было руко-

водствоваться устройствомъ руки, возможностью упражняться дома, склонностью дѣтей къ тому или другому инструменту. Предѣлъ для возраста учащихся въ музыкальныхъ классахъ установленъ не ниже 10 и не выше 14 лѣтъ. Затѣмъ пришлось опредѣлить срокъ обученія, такъ какъ въ 1908 г. должны были оставить занятія въ классахъ восемь учащихся, за окончаніемъ курса городскихъ училищъ. При обсужденіи этого вопроса было справедливо найдено, что неопредѣленность срока занятій исключаетъ возможность введенія системы въ преподаваніе. Оставленіе учащимися классовъ до конца опредѣленнаго курса было бы несправедливостью по отношенію какъ къ учащимъ, такъ и къ учащимся: учащіе были бы лишены возможности видѣть результаты своихъ трудовъ, а учащіеся не могли бы быть убѣждены, что не даромъ потратили время на занятія музыкой. Поэтому было рѣшено оставлять учащихся въ музыкальныхъ классахъ и по окончаніи ими курса городскихъ училищъ, если они обнаружили дарованіе и прилежаніе.

Въ 1909 г. совѣщаніемъ преподавателей были выработаны программы музыкальныхъ классовъ, опредѣлены задачи преподаванія на каждый годъ по теоріи музыки, по сольфеджіо, по игрѣ на инструментахъ, по обязательному классу фортепіано для обучающихся игрѣ на скрипкѣ и віолончели. Общій курсъ въ этихъ программахъ предположенъ шестилѣтній. При составленіи программъ совѣщаніе задавалось двумя цѣлями: во-первыхъ, чтобы учащіеся, обладающіе выдающимся дарованіемъ и успѣшно окончившіе классы, могли перейти въ высшіе профессорскіе классы петербургской консерваторіи и закончить тамъ свое музыкальное образованіе въ качествѣ городскихъ стипендіатовъ; во-вторыхъ, чтобы остальные учащіеся, менѣе одаренные, но все же прошедшіе шестилѣтній курсъ, могли быть приглашаемы для преподаванія пѣнія въ городскія начальныя и 4-хъ-классныя училища. Для послѣдней цѣли предположено ввести въ число предметовъ преподаванія еще методику пѣнія (въ послѣдній годъ шестилѣтняго курса). Но и помимо этихъ двухъ видовъ примѣненія полученныхъ въ музыкальныхъ классахъ знаній, окончившимъ курсъ легко будетъ найти то или другое практическое ихъ приложеніе. Музыкальная субкоммиссія, одобривъ выработанныя совѣщаніемъ программы, приняла мѣры къ ассигнованію суммъ, необходимыхъ для введенія обязательнаго преподаванія фортепіано обучающимся игрѣ на скрипкѣ и віолончели, а также для учрежденія въ консерваторіи, въ ознаменованіе пятидесятилѣтія существованія Русскаго музыкальнаго общества, двухъ стипендій для тѣхъ учащихся въ музыкальныхъ классахъ имени Глинки, которые пожелали бы закончить свое музыкальное образованіе. Если городу удастся осуществить на-

мѣченный планъ, консерваторія будетъ постоянно получать новыя свѣжія силы изъ среды народа. Цѣлесообразно было бы, быть можетъ, вовсе выдѣлить изъ консерваторіи низшіе музыкальные классы и классы общихъ предметовъ, сдѣлавъ ее спеціальнымъ высшимъ музыкально-учебнымъ заведеніемъ. Нынѣшняя организація нашей консерваторіи слишкомъ громоздка.

Нельзя не пожелать, чтобы городъ, сознавая важность своего начинанія, далъ средства на его расширеніе. Что значитъ контингентъ учащихся въ 50 чел. для полуторамилліоннаго населенія нашей столицы? Денегъ на это дѣло жалѣть не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что расходы могутъ вполнѣ окупиться многими способами. Объ одномъ изъ нихъ говорится въ запискѣ, присланной предсѣдателю коммиссіи по народному образованію П. А. Потѣхину, иниціатору и душѣ этого дѣла, приглашенными на публичные экзамены музыкальныхъ классовъ 14 апрѣля 1909 г. М. А. Балакиревымъ и С. М. Ляпуновымъ. Говоря о „достигнутыхъ за двухлѣтнее существованіе классовъ замѣчательныхъ успѣхахъ, свидѣтельствующихъ, насколько правильно и серьезно поставлено въ нихъ дѣло преподаванія“, авторы записки заканчиваютъ ее такъ: „Если принять во вниманіе короткій срокъ существованія этихъ классовъ и тѣ въ большинствѣ случаевъ неблагопріятныя условія, при которыхъ приходится ученикамъ заниматься музыкой, то нельзя не признать достигнутые результаты превосходными, и можно только искренно привѣтствовать сдѣланные успѣхи. Выказанныя нѣкоторыми учениками несомнѣнныя способности къ музыкѣ прямо указываютъ на то, что открытіе музыкальныхъ классовъ при городскихъ школахъ явилось вполнѣ необходимымъ дополненіемъ въ обученіи бѣднѣйшаго класса населенія—такимъ дополненіемъ, которое можетъ доставить многимъ болѣе спеціальное образованіе и тѣмъ самымъ возможность заработка въ совершенно новыхъ сферахъ дѣятельности, не говоря уже о нравственной пользѣ внесенія музыкальнаго искусства въ семьи бѣднѣйшаго городского класса. Невольно возникаетъ мысль, какую роль могутъ сыграть эти классы въ будущемъ, если программа ихъ будетъ расширяться, постепенно вводя преподаваніе на всѣхъ оркестровыхъ инструментахъ. Петербургъ, при болѣе чѣмъ полуторамилліонномъ населеніи, не имѣетъ симфоническаго оркестра, какіе существуютъ заграницей не только въ столицахъ, но и во всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ центрахъ. Не предрѣшая вопроса, какимъ образомъ долженъ былъ бы образоваться въ Петербургѣ симфоническій оркестръ, можно только сказать, что при трудности и даже подчасъ невозможности пользоваться для концертовъ оркестромъ Маріинскаго театра, образованіе такого оркестра становится съ каждымъ годомъ все необходимѣе. И если бы вно-

слѣдствіи изъ лучшихъ учениковъ, окончившихъ музыкальные классы имени М. И. Глинки, городъ образовалъ хорошій оркестръ (которому тоже прилично было бы присвоить имя родоначальника русской музыки), то нѣтъ сомнѣнія, что при все возрастающей потребности для него не только не было бы недостатка въ заработкѣ, не только могъ бы онъ себя содержать, участвуя по найму въ частныхъ концертахъ, но могъ бы служить даже источникомъ дохода на поддержаніе и развитіе открытыхъ уже музыкальныхъ классовъ. А устройство съ помощью его популярныхъ и общедоступныхъ концертовъ въ народныхъ домахъ могло бы оказать существенную услугу въ дѣлѣ подъема отечественной культуры и распространенія музыкальнаго развитія въ народныхъ массахъ. То же самое можно сказать и о хорѣ, еслибы онъ былъ сформированъ".

Жаль, что важное дѣло музыкальнаго образованія широкихъ народныхъ массъ застало М. А. Балакирева, опытнаго именно въ этомъ направленіи и энергичнаго когда-то дѣятеля, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, страдающимъ сердечной болѣзнью. Раньше онъ навѣрное пожелалъ бы и смогъ бы сдѣлать гораздо больше для дѣла, которому всегда живо сочувствовалъ. Но и тотъ вкладъ, который онъ внесъ въ начинаніе города, слѣдуетъ считать очень цѣннымъ. Городъ оцѣнилъ его, учредивъ, послѣ кончины Балакирева, стипендію его имени, въ 100 р. для покупки лучшимъ учащимся инструментовъ и нотъ.

Будучи уже очень слабымъ, Балакиревъ не могъ присутствовать на испытаніи учащихся въ музыкальныхъ классахъ, произведенномъ 24 января 1910 г. Присутствовавшій на немъ С. М. Ляпуновъ въ письмѣ на имя предсѣдателя училищной коммиссіи вновь свидѣтельствовалъ объ успѣхахъ учащихся въ классахъ и, между прочимъ, объ успѣхахъ двухъ учащихся по классу віолончели, выступившихъ по прошествіи всего 3—4-хъ мѣсяцевъ послѣ открытія этого класса.

Мнѣ лично пришлось прослушать учащихся въ музыкальныхъ классахъ имени М. И. Глинки на музыкальномъ вечерѣ 1 февраля нынѣшняго года. Выступили всего 21 учащихся, поступившихъ въ школу въ разное время (въ декабрѣ 1906 г. — 9; въ сентябрѣ и декабрѣ 1907 г. — 4; въ январѣ 1908 г. — 2; въ февралѣ и октябрѣ 1908 г. — 2; въ январѣ и мартѣ 1909 г. — 2; въ сентябрѣ того же года — 1). Дѣтьми были исполнены какъ сольныя пьесы для фортепіано, скрипки и віолончели, такъ и ансамбли для этихъ инструментовъ. Меня прямо удивила музыкальность многихъ дѣтей, позволяющая имъ исполнять такіе ансамбли, какъ менюэтъ изъ квартета Глинки (для 2 скрипокъ, альта и віолончели), тріо Гофмана (для скрипки, альта и фортепіано), „Пробужденіе Весны" Ф. Э. Баха (для 2 скрипокъ, 2 віолончелей и фортепіано въ 4 руки), „Шествіе" изъ му-

зыки къ трагедіи „Король Лиръ“ Балакирева (для 2 фортепіано въ 8 рукъ). Нѣкоторые изъ учащихся аккомпанировали своимъ товарищамъ, игравшимъ на скрипкѣ. Двое учащихся играли соло на віолончели, съ очень полнымъ для дѣтскаго возраста тономъ и съ безупречной интонаціей, такія пьесы, какъ „Solitude“ Давыдова и Ноктюрнъ Сквира. Одинъ изъ нихъ прекрасно исполнилъ на фортепіано первую часть концерта A-dur № 5 Моцарта, другой—на скрипкѣ варіаціи Мейседера. Двумя учащимися, и какъ разъ наиболѣе способными, были, правда, неудовлетворительно исполнены пьесы, оказавшіяся просто имъ не по силамъ. Если это и ошибка со стороны преподавателей, то ошибка въ грѣхъ не ставится. Въ общемъ результаты публичнаго выступленія учащихся краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, что преподаваніе въ музыкальныхъ классахъ поставлено прочно и серьезно и ведется преподавателями не только добросовѣстно, но съ истинною любовью къ дѣлу.

Заключеніе изъ всего сказаннаго напрашивается само собою. Слѣдуетъ отъ души привѣтствовать новое начинаніе города и пожелать, чтобы молодое дѣло росло и развивалось. Слѣдуетъ пожелать, чтобы и въ другихъ городахъ нашего отечества учреждались такіе же безплатные, общедоступные музыкальные классы. Мы узнаемъ тогда, какія дарованія таятся въ нѣдрахъ народа.

Григорій Тимофеевъ.

ПАН-АМЕРИКАНСКІЕ И ВСЕСЛАВЯНСКІЕ СЪѢЗДЫ

Мощный призывъ президента Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ къ государствамъ Европы, доказывающій необходимость третейскихъ судовъ по всѣмъ международнымъ конфликтамъ, явился плодомъ долгой, незамѣтной работы. Впервые принципъ такого разрѣшенія междугосударственныхъ столкновеній былъ высказанъ основателями идей „Пан-Америки“. Пан-американскіе съѣзды сыграли крупную роль въ исторіи попытокъ устранить войну, какъ уже во многихъ странахъ устранена фактически дуэль изъ конфликтовъ отдѣльныхъ людей. И тѣмъ, кто близко стоялъ къ послѣднимъ попыткамъ междуславянскихъ соглашеній, было бы полезно, какъ мнѣ кажется, призадуматься надъ тѣмъ, почему такъ плодотворны въ своихъ конечныхъ результатахъ были пан-американскіе съѣзды, и такой пустой

шумихой, такими безсодержательными фразами закончились недавніе всеславянскіе съѣзды.

Въ концѣ прошлаго года появилась книга Альфреда Фрида: „Pan-Amerika. Entwickelung, Umfang und Bedeutung der pan-amerikanischen Bewegung“ (1810—1910). Изъ этого обстоятельнаго, документальнаго труда я хочу привести нѣсколько данныхъ, которыя показываютъ, съ какой настойчивостью въ государствахъ Новаго Свѣта проводилась идея международнаго арбитража, какъ серьезно и нравственно строго ставилась и разрѣшалась эта проблема. Именно эта нравственная серьезность, заставлявшая иногда представителей того или другого изъ американскихъ государствъ прямо и честно заявлять о невозможности для нихъ участвовать въ соглашеніи, и отсутствовала въ нашихъ все-славянскихъ съѣздахъ, обществахъ, банкетахъ. Люди знали, что поперекъ всякаго соглашенія стоятъ самые жгучіе неразрѣшенные вопросы — польскій, украинскій, македонскій, — и дѣлали видъ, что это ровно ничего не значитъ, и что есть какая-то общеславянская литература или общеславянская наука, которою можно заниматься въ то время, когда славяне взаимно рѣжутся въ Македоніи или травятъ другъ друга въ Россіи, Галиціи, Силезіи и т. д. Ложь такъ и осталась ложью, какъ бы искусно Крамаржъ ни намекалъ на „людоѣдскіе инстинкты“ нашихъ національстовъ и ни увѣрялъ, что „славянинъ не можетъ притѣснять славянина“. Наоборотъ, слѣдовало признать, что „можетъ“, и дѣлаетъ это весьма энергично. Наши „славянофилы“ дѣлали видъ, что украинцевъ не существуетъ, а между тѣмъ они существуютъ; они увѣряли, что новое притѣсненіе поляковъ въ Холмщинѣ или въ Юго-Западномъ краѣ вызывается горячимъ стремленіемъ власти къ предоставленію каждому славянскому народу справедливыхъ правъ!.. Эти предварительныя замѣчанія имѣютъ цѣлью напомнить, что все наше неославянское движеніе превратилось, въ рукахъ старыхъ „славянофиловъ“ и ихъ новѣйшихъ соратниковъ, въ сплошную политическую ложь, и потому внѣ банкетныхъ фразъ сказать было нечего и некому. А теперь перейдемъ къ пан-американскимъ съѣздамъ.

Война южно-американскихъ республикъ за освобожденіе отъ гнета Испаніи и Португаліи началась въ 1810-мъ году и тянулась долго и упорно, до 1824-го года. Уже въ этотъ періодъ у различныхъ дѣятелей возникала идея о такомъ союзѣ всей Америки, который обезпечилъ бы ей независимость и свободу внутренняго развитія. Особенно упорно эта идея повторялась въ маленькой республикѣ Чили. Въ 1810-мъ году „Проектъ декларації правъ чилійскаго народа“ настаивалъ на созывѣ конгресса американскихъ народовъ для совмѣстной поддержки независимости; въ 1818-мъ году президентъ О'Хиггинсъ мечталъ

въ своей прокламаціи о „великой конфедераціи“ всего американскаго материка. Такимъ образомъ, въ прошломъ году минуло сто лѣтъ со времени перваго провозглашенія пан-американской идеи. Но что значитъ сто лѣтъ въ исторіи идей?

Вскорѣ начались попытки практическаго осуществленія идеи. Въ 1822-мъ году знаменитый Боливаръ, сдѣлавшись президентомъ республики Колумбіи, обратился къ правительствамъ Мексики, Чили, Перу и Буеносъ-Айреса (Аргентины) съ предложеніемъ устроить въ Панамѣ или другомъ мѣстѣ съѣздъ представителей этихъ государствъ, который долженъ содѣйствовать заключенію федераціи и образовать затѣмъ высшій международный судъ. Къ этому времени относится цѣлый рядъ трактатовъ Колумбіи съ различными южно-американскими государствами; они устанавливали арбитражъ *по всѣмъ вопросамъ*, которые могли бы вызвать конфликтъ. Особенно важныхъ результатовъ эти договоры не имѣли, потому что время было слишкомъ бурное, населеніе государствъ Южной Америки—неустойчиво и непривычно къ соблюденію договоровъ. Войны возникали, договоры забывались, но идея не исчезала и возрождалась съ поразительной живучестью. Въ 1826-мъ году въ Панамѣ состоялся первый съѣздъ государствъ Южной и Средней Америки; Бразилія и Ла-Плата воздержались отъ посылки делегатовъ и ограничились ролью совѣтчиковъ и посредниковъ; Соед. Штаты Сѣв. Америки послали двухъ представителей, но одинъ изъ нихъ во время пути умеръ, а другой прибылъ слишкомъ поздно. Президентъ Адамсъ относился холодно къ съѣзду, но глава министерства иностранныхъ дѣлъ, Генри Клей, горячо привѣтствовалъ конгрессъ, какъ „отправный пунктъ въ новую эпоху міровой исторіи“. Можетъ быть, онъ былъ и правъ, потому что принципіальное значеніе этого конгресса и его резолюцій было немаловажно. Положить *такое* начало будущимъ дѣйствіямъ въ этой области—значило начать новую исторію.

Согласно постановленіямъ этого конгресса, каждое государство должно было послать двухъ уполномоченныхъ на „общее собраніе“, которое должно было играть роль высшей третейской инстанціи во всѣхъ междугосударственныхъ конфликтахъ. Договоръ этотъ, правда, не былъ ратифицированъ ни одною изъ державъ, кромѣ Колумбіи, но самый фактъ съѣзда, самая попытка примѣнить доктрину Монро (1823) ко всему американскому континенту представляли нѣчто очень важное и новое. Соединенные Штаты держались въ это время осторожной и уклончивой политики и ничѣмъ не хотѣли связывать себѣ руки. Теперь дальнѣйшее веденіе дѣла перешло къ Мексикѣ: нѣсколько разъ (1831, 1838, 1839, 1840) правительство ея пыталось устроить новый пан-американскій съѣздъ, и многія изъ государствъ Южной Америки съ энтузіазмомъ откликались на эти приглашенія. Однако,

дѣло какъ-то не клеилось, и лишь въ 1847-мъ году, когда пошли слухи о новомъ покушеніи Испаніи на независимость республикъ Южной Америки, встревоженныя государства ея быстро устроили съѣздъ своихъ уполномоченныхъ въ городѣ Лимѣ. Результатомъ его былъ федеративный договоръ, установившій, что испанско-американскія республики „должны считаться лишь частями одного народа, соединенными общностью происхожденія, языка, религіи и нравовъ, а также географическимъ положеніемъ, сходствомъ учрежденій и общимъ дѣломъ, которое они защищаютъ; ихъ соединяютъ общія нужды и взаимные интересы". Изъ этого общаго положенія вытекалъ цѣлый рядъ практическихъ выводовъ, которые, однако, не имѣли значенія, такъ какъ договоръ не былъ ратифицированъ сторонами. Панамериканскіе съѣзды, тѣмъ не менѣе, продолжались: въ 1858 г. въ Сантъ-Яго, въ 1864 г. въ Лимѣ. Въ послѣднемъ участвовали всѣ меньшія государства Южной Америки; задачей съѣзда они ставили созданіе мирнаго договора, навсегда прекращающаго военные конфликты. Хотя этотъ договоръ остался лишь прекрасной мечтой, тѣмъ не менѣе въ практикѣ южно-американскихъ республикъ все чаще примѣнялся принципъ третейскихъ разбирательствъ. До 1864-го года между ними состоялось 20 такихъ разбирательствъ, а съ 1864-го по 1903-ій годъ—свыше 125. При неопредѣленности границъ и безпокойномъ населеніи этихъ испанско-американскихъ государствъ, поводовъ къ конфликтамъ всегда было множество, и все развивающаяся система третейскихъ разбирательствъ представлялась истиннымъ благодѣяніемъ. Какъ справедливо отмѣчаетъ Фридъ, въ этихъ конгрессахъ впервые выступило опредѣленное намѣреніе облегчить сношенія между различными независимыми государствами, положить начало общности соціальной жизни, выдвинуть на первый планъ общее, вопреки антагонизмамъ. Было прежде всего, прибавлю я, сознаніе необходимости объединенія для достиженія общихъ цѣлей, и были такія цѣли. Общія же цѣли славянскихъ народовъ заключаются въ объединенной борьбѣ за принципъ свободы всѣхъ народовъ,—и тутъ какъ разъ и сталкиваются „державныя" стремленія съ завоевательными. Поляки въ Австріи прекрасно объединяются съ хорватами, словенцами, пожалуй и чехами, но между украинцами и поляками кипитъ ожесточенная борьба. Русскіе государственники братски протянутъ руку сильной Болгаріи, выскажутъ платоническое сочувствіе Сербіи, наговорятъ комплиментовъ Чехіи, но съ поляками они всегда рады „сосчитаться". Итакъ, въ славянскомъ мірѣ есть сознаніе розни, но нѣтъ сознанія общихъ задачъ. Могутъ ли онѣ выясниться, это другой вопросъ, но, конечно, если могутъ, то не при тѣхъ условіяхъ

при которыхъ происходили славянскіе съѣзды. Американцы и практичнѣе, и искреннѣе взялись за дѣло.

Въ началѣ 80-ыхъ годовъ къ пан-американскому движенію, которое продолжало развиваться, присоединились и Соед. Штаты. Въ концѣ 1881-го года статсъ-секретарь Джемсъ Блэнъ разослалъ посланникамъ Штатовъ въ государствахъ Южной и Средней Америки циркуляръ, въ которомъ, во имя „интересовъ человѣчества и общаго блага народовъ", предлагалъ устроить новый съѣздъ въ Вашингтонѣ, при условіи полнаго равноправія всѣхъ американскихъ государствъ, участвующихъ въ съѣздѣ. Опять невыгодное сравненіе для насъ: Соед. Штаты имѣли возможность показать крошечнымъ республикамъ Южной Америки свое политическое преобладаніе—и великодушно отказывались отъ этого; русскіе участники славянскихъ съѣздовъ постоянно указывали на неравенство славянскихъ народовъ, а послѣдній съѣздъ въ Софіи представлялъ прямо-таки картину недостойнаго подобострастія передъ Россіей. Демократическая республика Сѣв. Америки не сходила съ почвы равенства и свободы. Съ самаго начала 1882-го года посыпались восторженные отвѣты американскихъ республикъ на приглашеніе Соед. Штатовъ, но различныя событія отсрочили съѣздъ до 1889-го года, когда въ Вашингтонѣ собрались наиболѣе выдающіеся представители *всѣхъ* американскихъ государствъ. Съ ними ѣхали секретари, переводчики, различные спеціалисты. 2 октября 1889 г. былъ открытъ первый дѣйствительно всеамериканскій конгрессъ. Джемсъ Блэнъ, иниціаторъ и президентъ конгресса, открылъ его рѣчью, въ которой съ откровенностью, необычной у государственныхъ людей, высказалъ горячія пожеланія относительно уничтоженія постоянныхъ армій и милитаризма. Онъ взывалъ къ чувству справедливости, столь же обязательному для народовъ, какъ и для отдѣльныхъ людей, и предсказывалъ великое будущее идеѣ международнаго арбитража.

Послѣ открытія съѣзда делегаты американскихъ государствъ отправились въ путешествіе въ спеціальномъ поѣздѣ, предоставленномъ имъ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ. Самое широкое и радушное гостепріимство населенія встрѣчало ихъ въ этой поѣздкѣ, продолжавшейся 42 дня. Въ концѣ ноября начались дѣловыя засѣданія, которыя закончились лишь къ половинѣ января 1890-го года. Уже изъ этихъ хронологическихъ данныхъ видно, съ какой серьезностью делегаты американскихъ государствъ отнеслись къ своей задачѣ. На первый планъ выступило учрежденіе „Комитета общественнаго блага", который долженъ былъ служить цѣлямъ пацифизма, и признаніе основой международнаго американскаго права принципа третейскаго разбирательства. Длинная исторія этого конгресса и его резолюцій не входитъ въ рамки настоящей статьи; она обстоятельно

изложена Фридомъ и показываетъ, какимъ глубокимъ пониманіемъ реальной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ какимъ идеализмомъ были проникнуты представители Америки на этомъ съѣздѣ, который былъ первымъ пан-американскимъ и, къ счастью, не оказался послѣднимъ. Однако, различныя событія задержали дальнѣйшее движеніе дѣла, и лишь 22 октября 1901 г. былъ открытъ второй пан-американскій съѣздъ, на этотъ разъ въ Мексикѣ. Президентъ Соединенныхъ Штатовъ принялъ самое дѣятельное участіе въ организаціи конгресса, представлявшаго, по его мнѣнію, большое значеніе и для Европы, такъ какъ „величайшіе интересы человѣчества тожественны“. На мексиканскомъ съѣздѣ звучалъ все время лейтмотивъ: „духъ времени требуетъ подчиненія силы праву“, и поэтому принципъ арбитража резолюціею конгресса былъ признанъ прямо обязательнымъ для государствъ Америки. Такъ какъ результаты дѣятельности прежнихъ конгрессовъ разбивались объ отсутствіе ратификаціи, то въ постановленіи съѣзда 17 янв. 1902-го года было отмѣчено, что ратификація ненужна, если три государства Америки изъ числа участвующихъ въ конгрессѣ, присоединятся къ его рѣшеніямъ. Въ области практическихъ мѣропріятій, касающихся путей сообщенія, общаго банка, веденія общей статистики и т. д., дѣятельность второго пан-американскаго конгресса оказалась очень плодотворной. Фридъ признаетъ результатомъ этого съѣзда улучшеніе отношеній между американскими республиками и образованіе цѣлаго ряда важныхъ международныхъ учрежденій.

Вслѣдъ за этимъ конгрессомъ наступила эра договоровъ между отдѣльными государствами Америки, которой въ Европѣ соотвѣтствовала дѣятельность Гаагской конференціи, предотвратившая не одинъ международный конфликтъ. Въ Америкѣ состоялся третій съѣздъ, въ іюлѣ 1906-го года, въ Ріо-де-Жанейро. Въ программѣ его на первый планъ были выдвинуты вопросы, связанные съ международнымъ бюро американскихъ республикъ и съ арбитражемъ. Правительство Бразиліи постаралось придать особую торжественность конгрессу, собравшемуся въ ея столицѣ. Оно выстроило для делегатовъ спеціальный дворецъ и предоставило въ ихъ распоряженіе большую канцелярію, почту, телеграфъ и телефонъ. 19 государствъ Америки приняли участіе въ этомъ съѣздѣ. Въ привѣтственной рѣчи бразильскій министръ иностранныхъ дѣлъ отмѣтилъ, между прочимъ, отсутствіе всякихъ стремленій „образовать международную лигу, противную интересамъ, которые здѣсь не представлены. Поэтому необходимо рѣшительно и формально заявить, что нами должны быть приняты въ расчетъ всевозможные интересы, что при разсмотрѣніи подлежащихъ вѣдѣнію конгресса политическихъ и торговыхъ вопросовъ нашей цѣлью не является

дѣйствовать противъ кого бы то ни было, и что единственная наша задача состоитъ въ томъ, чтобы установить болѣе тѣсную связь между американскими народами и содѣйствовать ихъ благополучію и быстрымъ успѣхамъ". Чрезвычайно важное значеніе приписывалось посѣщенію конгресса статсъ-секретаремъ Соединенныхъ Штатовъ, Элиху Рутомъ. Президентъ конгресса Пабуко, бразильскій посланникъ въ Вашингтонѣ, отмѣтилъ стремленія конгресса „образовать въ мірѣ большую нейтральную мирную зону"; представитель Соединенныхъ Штатовъ рѣзко выступилъ противъ изоляціи народовъ и заявилъ, что „ни одинъ народъ не имѣетъ права жить только для себя; величіе каждаго народа представляетъ собою лишь часть развитія всего человѣческаго рода". Такъ воодушевленно открытый конгрессъ продолжалъ свою дѣятельность съ такимъ же душевнымъ подъемомъ: въ своей резолюціи онъ постановилъ энергично отстаивать черезъ представителей американскихъ республикъ на второй Гаагской конференціи принципъ международнаго арбитража, особенно въ такихъ дѣлахъ, гдѣ конфликты между народами вызываются денежными вопросами. Слѣдующій конгрессъ долженъ собраться въ 1911-мъ году, въ Буеносъ-Айресѣ. Закрывая засѣданія, президентъ конгресса высказалъ надежду, что со временемъ государства Америки образуютъ „амфиктіонію, въ которой международное право будетъ господствовать надъ всѣми общими интересами американской цивилизаціи".

Такова краткая исторія этихъ пан-американскихъ съѣздовъ. Не мечтанія о какихъ-то особыхъ народныхъ предназначеніяхъ, связанныя со значительной долей лицемѣрія, не пресмыкательство передъ тѣми, кто кажется сильнымъ, но глубокое чувство достоинства и равенства, искренняя вѣра въ дѣло, а потому отсутствіе страха передъ правдой, вотъ что дало успѣхъ этимъ съѣздамъ.

А. Погодинъ.

ПЕРВАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ XX-го ВѢКА

The Encyclopedia Britannica. Eleventh edition. Cambridge University Press. 1910.

Кэмбриджскій университетъ, уже заявившій о своей научно-издательской дѣятельности нѣсколькими крупными изданіями (Cambridge Modern History, Cambridge Natural History), выступаетъ съ новымъ, по своимъ размѣрамъ и значенію во многихъ отношеніяхъ выдаю-

щимся, научнымъ предпріятіемъ. Это — новое, одиннадцатое изданіе знаменитой „Encyclopedia Britannica“ [1]).

При словѣ: энциклопедія въ умѣ невольно возникаетъ представленіе о великой французской энциклопедіи XVIII-го вѣка, при чемъ нерѣдко забываютъ, что мысль о ней была внушена французскимъ переводомъ первой англійской Энциклопедіи Чемберза, 1743 г. Первый томъ Энциклопедіи подъ редакціей Дидро вышелъ въ 1751 г. Въ 1768 г. вышелъ первый томъ „Encyclopedia Britannica“, за которымъ въ теченіе полутора вѣка послѣдовали десять изданій, доставившихъ ей всесвѣтную извѣстность.

Настоящее одиннадцатое изданіе представляетъ много новыхъ особенностей. Послѣ многихъ превратностей Энциклопедія, переходя отъ издателя къ издателю, наконецъ, вѣроятно надолго, поступаетъ въ вѣдѣніе университета, обладающаго не только необходимыми научными силами, но и совершенно исключительными техническими условіями—своей извѣстной университетской типографіей. Эта обширная типографія сама является до нѣкоторой степени національнымъ учрежденіемъ. Кромѣ своего обычнаго названія University Press, она носитъ названіе Pitt's Press, напоминающее ея происхожденіе. Послѣ смерти Вильяма Питта была предпринята національная подписка на его памятникъ, но собрана была сумма, размѣры которой были такъ велики, что послѣ сооруженія не одного, а цѣлыхъ двухъ памятниковъ оказался еще значительный избытокъ. Онъ былъ назначенъ на какое-нибудь просвѣтительное дѣло, и имъ оказалась эта типографія, величавая постройка въ готическомъ стилѣ [2]), въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Пемброкскимъ колледжемъ, гдѣ учился Питтъ. Изъ этой типографіи, какъ уже сказано, университетъ выпустилъ нѣсколько капитальныхъ изданій, но даже и ея средствъ оказалось недостаточно для осуществленія новой колоссальной задачи: пришлось прибѣгнуть къ помощи еще нѣсколькихъ лондонскихъ типографій.

Главная особенность этого изданія, отличающая его отъ всѣхъ до сихъ поръ появлявшихся энциклопедій, и вообще отъ многотомныхъ изданій—та, что оно появилось не въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, а въ *одинъ срокъ*. Предполагалось выпустить всѣ 28 томовъ въ январѣ, но печатаніе затянулось на два мѣсяца. Въ настоящее время вышли

[1]) Въ русскую печать проникла не извѣстно на чемъ основанная сплетня, будто Кэмбриджскій университетъ играетъ въ этомъ предпріятіи недостойную роль „ширмы“, прикрывающей какую-то спекуляцію; между тѣмъ на каждомъ экземплярѣ весь университетъ, съ канцлеромъ во главѣ, свидѣтельствуетъ, что отнынѣ „E. B.“ составляетъ его литературную собственность (copyright).

[2]) Въ Кэмбриджѣ разсказываютъ анекдоты, какъ вновь поступающіе студенты, обязанные посѣщать воскресныя службы, толпятся у входа въ типографію, принимая ее за самую видную церковь въ городѣ.

всѣ 28 томовъ [1]); задержка только за „индексомъ“ который составитъ 29-ый томъ. И онъ, въ свою очередь, представляетъ существенную особенность: онъ составлялся по мѣрѣ полученія оригиналовъ, такъ что каждый послѣдующій авторъ могъ знать, что̀ говорилъ его предшественникъ. Этимъ предупреждались столь частыя и почти неизбѣжныя повторенія или даже противорѣчія.

Свѣдѣнія, помѣщенныя въ Энциклопедіи, доходятъ до осени 1910 г. Все это могло быть осуществлено только благодаря громадному числу участниковъ—болѣе 1600. Не только почти весь Кэмбриджскій университетъ, но и Оксфордскій, и другіе университеты Англіи и Америки, и многіе иностранные ученые приняли въ немъ участіе. Для быстраго осуществленія самаго изданія понадобился цѣлый штабъ (staff) редакціи—свыше 60 лицъ.

Основное направленіе изданія ясно выражено въ слѣдующемъ мѣстѣ предисловія, въ которомъ Кэмбриджскій университетъ высказываетъ, какъ онъ смотритъ на свою задачу.

„Настоящее изданіе „Encyclopedia Britannica“, предпринятое Кембриджскимъ университетомъ, является новымъ естественнымъ шагомъ въ эволюціи университета, какъ воспитательнаго центра и очага научнаго изслѣдованія. Въ средніе вѣка университетъ приступалъ къ своей воспитательной дѣятельности исключительно въ цѣляхъ распространенія образованія въ средѣ служителей церкви, и ихъ нуждами главнымъ образомъ опредѣлялись всѣ учебныя системы. Эпоха Возрожденія и Реформаціи расширила сферу его умственной дѣятельности, его интересовъ, а равно и программу его курсовъ. Девятнадцатый вѣкъ былъ свидѣтелемъ полнаго уничтоженія всѣхъ тѣхъ ограниченій, которыя въ былое время закрывали двери университета для значительной части населенія страны. Открытіе въ Кэмбриджѣ колледжей для женщинъ было однимъ изъ проявленій расширенія дѣятельности этого университета. Около того же времени движеніе, получившее названіе *широкаго университета* (University extension), впервые возникшее въ Кэмбриджѣ въ 1871 г., проводило ту мысль, что наши старые университеты являются не просто группами частныхъ учрежденій, а общимъ національнымъ достояніемъ, что̀ привело къ болѣе широкому представленію о возможно полномъ использованіи умственныхъ силъ и другихъ средствъ университета, въ интересахъ распространенія знаній и общей культуры. Введеніе системы мѣстныхъ экзаменовъ поставило университетъ въ болѣе тѣсное общеніе со средней школой всей страны. Но та часть общества, къ которой Кэмбриджскій университетъ нашелъ, такимъ образомъ, доступъ, хотя и болѣе

[1]) Мною получены пока первые 14 томовъ; остальные уже находятся въ пути.

значительна, чѣмъ та, которая наполняла его аудиторіи, все же по необходимости была очень ограничена. Въ дѣйствительности только черезъ посредство своей университетской печати можетъ Кэмбриджъ вступить въ общеніе со всѣмъ говорящимъ на англійскомъ языкѣ міромъ. Настоящій моментъ особенно удобенъ для осуществленія такого широкаго развитія умственнаго и воспитательнаго вліянія университета. Съ этой цѣлью Кэмбриджскій университетъ пріобрѣлъ „Британскую Энциклопедію“ и выпускаетъ ея одиннадцатое изданіе. Эти двадцать восемь томовъ, съ ихъ индексомъ, стремятся къ осуществленію гордой задачи—сдѣлать всю совокупность человѣческихъ знаній достояніемъ каждаго читателя, безъ различія его положенія“.—Та же мысль высказывается и авторомъ статьи „цивилизація“: эти двадцать восемь томовъ являются самой полной, самой обстоятельной въ настоящее время „исторіей цивилизаціи“.

Въ своемъ предисловіи редакторъ въ краткихъ словахъ развиваетъ, въ свою очередь, какъ должна быть осуществлена эта задача. Прежде всего основная точка зрѣнія должна быть строго и исключительно научная: о конфликтѣ или примиреніи науки и теологіи, еще недавно занимавшемъ столько мѣста, здѣсь не будетъ рѣчи, а изложеніе будетъ строго объективное, сравнительное, по возможности историческое. Между тѣмъ какъ въ первыхъ изданіяхъ исторія и біографія были даже совершенно исключены, въ настоящемъ имъ отведено видное мѣсто. Уже при самомъ бѣгломъ взглядѣ можно судить, какъ осуществляетъ редакція эти благія намѣренія, и прежде всего—строгую научность и современность сообщаемыхъ свѣдѣній. Для примѣра возьмемъ ту изъ наукъ, которая является теперь въ стадіи особенно кипучей творческой дѣятельности—физику, самымъ блестящимъ образомъ представленную въ Англіи и особенно въ Кэмбриджѣ. Пришлось въ значительной мѣрѣ пожертвовать блестящими, пріобрѣвшими классическое значеніе статьями, подписанными прославленными именами Максуэля, Кельвина и др. и поручить новую обработку ихъ знаменитымъ преемникамъ, лорду Релею, сэру Джозефу Томсену, Лормору и др. Не только отдѣлы науки, но даже отдѣльныя главы распредѣлены между соотвѣтственными спеціалистами и свѣдѣнія доведены до 1910-го года. Впрочемъ въ различныхъ научныхъ статьяхъ не встрѣчается однообразія въ системѣ распредѣленія матеріала; очевидно, это было предоставлено усмотрѣнію авторовъ. Такъ напримѣръ, большая часть общихъ ботаническихъ свѣдѣній сгруппирована подъ заголовкомъ Plants, между тѣмъ какъ слову Animal отведено очень мало мѣста и весь обширный матеріалъ разбитъ на отдѣльныя статьи.

Что касается *объективности*—редакція обѣщаетъ не быть орга-

номъ какой-либо секты, партіи или школы, — то о ней, конечно, всего лучше можно судить по отношенію къ современнымъ политическимъ дѣятелямъ и злободневнымъ вопросамъ. Обращаясь къ словамъ: Бальфуръ, Чемберлэнъ, Асквитъ, Free-Trade (до Протекціонизма первые 14 томовъ не доходятъ), убѣждаешься, что редакція сдержала свое слово и даетъ чисто фактическое изложеніе мыслей и дѣйствій, не сопровождая ихъ критикой, не обнаруживая своихъ симпатій или антипатій и заботясь лишь о томъ, чтобы свѣдѣнія получались изъ непосредственнаго источника. Такъ напримѣръ, слово *Анархизмъ* предоставлено князю Кропоткину. Во всѣхъ отзывахъ о Байронѣ пріятно отсутствуетъ еще такъ широко распространенный въ Англіи cant. Но за то по поводу Бокля его біографъ высказываетъ обычный для англичанъ несочувственный взглядъ на „Исторію цивилизаціи", между тѣмъ какъ авторъ статьи „Исторія" категорически заявляетъ, что Бокль и Марксъ, болѣе чѣмъ кто другой, повліяли во второй половинѣ XIX-го вѣка на расширеніе воззрѣній историковъ.

Иллюстраціи въ текстѣ, хотя и не роскошныя, по большей части превосходно исполнены; даже сложные чертежи по инженерному искусству и технологіи, судя по отзывамъ спеціалистовъ, вполнѣ удовлетворяютъ своему назначенію. Статьи по искусству, археологіи и т. п. снабжены отдѣльными таблицами, тщательно выполненными фотографическимъ способомъ, на мѣловой бумагѣ. Только очень небольшое число статей, гдѣ это было необходимо (напримѣръ *керамика, геральдика),* снабжено и превосходно выполненными таблицами въ краскахъ. Впрочемъ, редакція прямо заявляетъ, что не имѣла въ виду эстетической стороны [2]), прибѣгая къ графическому искусству только въ качествѣ пособія, облегчающаго изложеніе.

Не лишены интереса, наконецъ, и чисто техническія нововведенія этого изданія. Оно появляется въ двухъ форматахъ: въ объемистыхъ тяжеловѣсныхъ in 4-to, знакомыхъ по прежнимъ изданіямъ, и въ новыхъ, на такъ называемой *индійской* бумагѣ. Бумага эта очень тонка и легка, благодаря чему томъ въ тысячу страницъ не толще дюйма

---

[1]) Странное впечатлѣніе производитъ только маленькая статейка „Капиталъ", въ которой высказывается наивно архаическое воззрѣніе на него какъ на продуктъ „сбереженія и воздержанія". Впрочемъ, анонимный авторъ напоминаетъ, что исчерпать этотъ вопросъ можетъ только вся совокупность статей по политической экономіи и соціализму и приводитъ небольшой перечень источниковъ, не раздѣляющихъ его ортодоксальнаго воззрѣнія.

[2]) Для нашихъ русскихъ энциклопедій, имѣющихъ болѣе значительное воспитательное значеніе, существенно дать соотвѣтственное развитіе и эстетической сторонѣ дѣла. Въ этомъ отношеніи заслуга издательства А. и И. Гранатъ несомнѣнна.

и его легко держать въ одной рукѣ [1]). Для этого не пришлось уменьшать шрифтъ, а бумага выбрана такая, что не только шрифтъ, но и рисунки оборотной стороны почти не просвѣчиваютъ. Переплетъ цѣльный, изъ тонкой кожи [2]), совершенно мягкій, такъ что раскрытая книга никогда не захлопывается, а можетъ быть даже сложена вдвое наизнанку. Все это облегчаетъ справки и сопоставленіе текста, такъ какъ нѣсколько раскрытыхъ книгъ занимаютъ немного мѣста на столѣ. Мало того: съ чисто англійской заботой о комфортѣ издатели заготовили для этихъ компактныхъ 28 томовъ, съ ихъ 40.000 статей, маленькія этажерочки, занимающія возможно мало мѣста (20 вершковъ въ вышину и 12 въ ширину). Придвинувъ эту этажерку къ своему письменному столу, имѣешь въ буквальномъ смыслѣ „подъ рукой“ самый свѣжій и полный итогъ человѣческой мысли, человѣческой дѣятельности, а благодаря Index'у съ его *полумилліономъ* ссылокъ получаешь возможность разобраться въ этомъ итогѣ въ нѣсколько минутъ. Конечно еще ни одинъ вѣкъ не отправлялся въ путь съ такимъ уютнымъ багажемъ.

К. Тимирязевъ.

А. Н. ОСТРОВСКІЙ

2 іюня 1886 — 2 іюня 1911 г.

Смерть Островскаго двадцать пять лѣтъ тому назадъ прошла какъ-то мало замѣченной. Умеръ писатель крупнаго, исключительнаго дарованія, съ огромными заслугами предъ роднымъ словомъ и особенно предъ театромъ. Но все это было уже общепризнано и не волновало, стало еще при жизни писателя крупнымъ фактомъ исторіи литературы и театра—но уже исторіи. За истекшую четверть вѣка это историческое значеніе Островскаго, конечно, не измѣнилось, а стало предъ нами лишь въ болѣе опредѣленныхъ очертаніяхъ. За вторую половину XIX-го вѣка русскій театръ есть театръ Островскаго и его продолжателей и подражателей. Произведенія Островскаго пріобщили сцену къ тому движенію русской литературы 40-хъ — 70-хъ годовъ,

[1]) Англійская книга уже давно стремится къ уменьшенію вѣса и одновременному улучшенію качества бумаги; въ этомъ изданіи, кажется, достигнутъ предѣлъ.

[2]) Для ея изготовленія были заблаговременно разведены цѣлыя стада козъ на Капѣ.

которое поставило эту литературу въ рядъ міровыхъ. Художественный бытовой реализмъ, благодаря пьесамъ Островскаго и созданнымъ ими артистамъ, прочно и надолго утвердился на русской сценѣ.

Жизнь Островскаго, отданная цѣликомъ драматургіи, не богата внѣшними событіями, но около его имени и пьесъ не разъ шла поучительная для историка русской мысли и культуры шумная борьба. Обстоятельной біографіи Островскій, однако, до сихъ поръ не дождался. Приходится снова и снова вспоминать слова Пушкина: „мы лѣнивы и не любопытны“.

Извѣстенъ громкій, сначала внѣсценическій, успѣхъ перваго крупнаго произведенія Островскаго: „Свои люди—сочтемся“, навлекшій на автора служебныя гоненія и отдачу подъ надзоръ московской полиціи. Островскаго считали „своимъ“ московскіе, „народностью“ окрашенные кружки, въ особенности „молодой, смѣлый, пьяный, но честный и блестящій дарованіями“ кружокъ „Москвитянина“ редакціи Аполлона Григорьева. Послѣдній воспѣвалъ Островскаго, какъ носителя новаго и вмѣстѣ стараго слова—народность, воспѣвалъ и въ прозѣ, и въ стихахъ. Московскіе западники трунили тогда надъ „островитянами-папуасцами“; журналы вторили насмѣшкамъ надъ подсказанными молодому автору тенденціями москвофильства и идеализаціи патріархальной старины. Островскій, однако, очень скоро сумѣлъ освободиться отъ этого налета тенденціозности, даже раньше знаменитыхъ статей о немъ Добролюбова („Темное царство“), и заявилъ себя произведеніями вполнѣ объективными. Значеніе его театра, какъ общественно-двигательнаго фактора въ тѣ застойные годы, хорошо рисуется, напримѣръ, воспоминаніями объ этой порѣ анонимнаго автора (см. „Недѣля“ 1874 г., № 15: „Русскій театръ въ русской столицѣ“). „Въ тотъ глухой періодъ московская университетская молодежь не могла найти для прочтенія ни Бѣлинскаго, ни даже „Записокъ охотника“. Среди этой безпріютной жизни для молодой души, искавшей чего-то выше пошлыхъ интересовъ, ее окружающихъ, и стремившейся понять причины общественныхъ явленій и человѣческихъ поступковъ, одинъ театръ давалъ тепло и свѣтъ и привлекалъ къ себѣ всѣ наши симпатіи. Московская сцена того времени стояла очень высоко—достаточно напомнить имена Щепкина, Васильева [1]), Живокини, Садовскаго, Шумскаго и Самарина, не говоря о другихъ второстепенностяхъ, чтобы дать понять, что среди разнообразія общественной жизни театръ долженъ былъ сдѣлаться фокусомъ всѣхъ интересовъ, тѣмъ болѣе, что Островскій каждый годъ

[1]) Сергѣй Васильевъ — исполнитель роли Бородкина въ „Не въ свои сани не садись“, первой пьесы Островскаго, исполненной на сценѣ. Къ именамъ артистовъ, подвизавшихся въ первыхъ пьесахъ Островскаго, слѣдуетъ добавить имена Никулиной-Косицкой и Акимовой.

дарилъ сцену своими комедіями. И дѣйствительно, мы только дышали театромъ, и всякая новая пьеса была эпохой въ нашей жизни и оставляла глубокіе слѣды въ нашемъ развитіи. Театръ вносилъ миръ въ наши души, онъ знакомилъ насъ съ русской жизнью и обществомъ, вливалъ любовь къ родинѣ и, представляя невѣжество и грубость нравовъ, создавалъ въ насъ новыя стремленія и идеалы нашего будущаго. Для меня лично театръ въ то время былъ всѣмъ: школой, семьей, родиной".

Къ театру Островскій привлекъ и новые круги зрителей, прежде всего тотъ самый купеческій слой, который былъ выведенъ имъ впервые на сцену. По разсказамъ современниковъ каждая его новая пьеса привлекала въ театръ совершенно особую публику: „представители этой публики входятъ въ калошахъ и въ лисьихъ шубахъ въ партеръ, и когда станетъ жарко, развѣшиваютъ эти шубы на спинкахъ креселъ"...

Статьи Добролюбова, освѣтившія театръ Островскаго, какъ общественную сатиру и обличеніе самодурства во всѣхъ его видахъ, утвердили за авторомъ „Свои люди сочтемся" и „Грозы" репутацію прогрессивнаго писателя. Самъ Островскій, повидимому, охотно пошелъ ей на встрѣчу: бо̀льшую часть своихъ произведеній онъ печатаетъ съ шестидесятыхъ годовъ въ „Современникѣ", а потомъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" Некрасова и Салтыкова.

Извѣстно, какъ разнообразны выдвинутые Островскимъ на сцену общественные слои и созданные имъ типы: онъ изображалъ не только купечество, но и чиновные слои, дворянство, нарождавшійся съ конца шестидесятыхъ годовъ и развернувшійся въ семидесятые годы міръ всякаго рода дѣльцовъ и т. д. Только крестьянство почти не затронуто имъ. Онъ умѣлъ прислушиваться къ голосу времени и улавливать новыя теченія и вѣянія въ обществѣ. Купеческому самодурству онъ указываетъ неизбѣжный предѣлъ въ возникающемъ противодѣйствіи со стороны прежнихъ безотвѣтныхъ его жертвъ, теперь поднимающихъ голову, заявляющихъ о своихъ человѣческихъ правахъ („Не все коту масленица"). Въ замѣчательной комедіи: „На всякаго мудреца довольно простоты" Островскій представилъ какъ бы итогъ неудачно заканчивающейся полосы реформъ: среди общественной праздности и умственной лѣни процвѣтетъ только беззастѣнчивый дѣлецъ (Глумовъ), которому—за его дѣятельную натуру и умъ—Островскій почти прощаетъ пускаемыя имъ въ ходъ грязныя средства. „Бѣшеныя деньги", „Лѣсъ", „Волки и овцы" рисуютъ разложеніе дворянства, развитіе дѣлячества и хищничества. Но самыя условія русской сцены были слишкомъ неблагопріятны, чтобы Островскій могъ сколько-нибудь опредѣленно и рѣзко рисовать новые бытовые типы. Въ сравненіи съ би-

чующей прямотой (конечно—относительной) сатиры Щедрина Островскій во второй половинѣ своей дѣятельности кажется блѣднымъ и слабымъ. Несомнѣнно, что онъ могъ бы сдѣлать гораздо больше при болѣе благопріятныхъ условіяхъ развитія русскаго театра. Біографія Островскаго богата эпизодами, свидѣтельствующими, какъ враждебно относились къ его новаторской дѣятельности казенные театры, сколько приходилось ему выносить борьбы съ рутиной и портить крови при постановкѣ новыхъ пьесъ. Создатель болѣе пятидесяти произведеній, при жизни давшій казеннымъ театрамъ нѣсколько милліоновъ сбора, въ самое цвѣтущее свое время долженъ былъ писать безостановочно пьесу за пьесой исключительно ради заработка, что̀ несомнѣнно отразилось на незаконченности и небрежности формы нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Было время, когда Островскій даже думалъ совсѣмъ отказаться отъ пьесъ для театра и писать драматическія хроники. Эти хроники (изъ періода смутнаго времени) и историко-бытовыя пьесы составляютъ отдѣльную группу въ его театрѣ. Хроники его — болѣе или менѣе удобочитаемое, но не болѣе—переложеніе въ бѣлые стихи лѣтописныхъ свѣдѣній, не безъ доли условнаго оффиціальнаго патріотизма и трескучей риторики; особенно „Мининъ“ страдаетъ этимъ недостаткомъ. Гораздо живѣе и колоритнѣе воспроизведена бытовая старина въ такихъ вещахъ, какъ „Василиса Мелентьева“, драматическій эпизодъ времени Ивана Грознаго, и „Воевода“ или „Сонъ на Волгѣ“, красивая, съ фантастическими эпизодами страница русской жизни XVII-го столѣтія. Совершенно фантастична „Снѣгурочка“, весенняя сказка, одно изъ интимныхъ созданій Островскаго. Она дышитъ неподдѣльной поэзіей и говоритъ, сколько возможностей художественнаго романтическаго порыва, повидимому, осталось неосуществленнымъ въ дѣлѣ жизни нашего автора. „Снѣгурочку“ поставили въ 70-ые годы съ шаблонными балетными танцами и оцѣнили по достоинству только долго спустя послѣ смерти Островскаго, когда Московскій художественный театръ выдвинулъ на первый планъ ансамбль и настроеніе сценическихъ произведеній. Особую группу образуютъ пьесы, посвященныя типамъ и нравамъ театра и его дѣятелей: „Лѣсъ“, „Таланты и поклонники“, „Безъ вины виноватые“. Онѣ отличаются большой сердечностью и теплотою и доселѣ держатся въ репертуарѣ.

Современный репертуаръ, однако, все дальше уходитъ отъ театра Островскаго, отъ театра по преимуществу бытового. Для устойчиваго значенія пьесы бытового характера нужно, чтобы бытъ освѣщался не со стороны только его своеобразности, но и со стороны общности его, какъ быта *человѣческаго*, со всякимъ другимъ бытомъ. Чисто бытовые типы и характеры должны, по изобразительной силѣ и психологич-

ности своей, стать выше формъ даннаго быта и выявлять свое общечеловѣческое содержаніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ сценическое произведеніе должно удовлетворять особымъ условіямъ сцены, требованіямъ занимательности, интриги и т. п. У Островскаго такихъ пьесъ, которыя можно было бы во всѣхъ этихъ отношеніяхъ поставить рядомъ съ классическими „Горе отъ ума“ или „Ревизоромъ“, можно назвать немного. Едва ли не большую часть имъ написаннаго составляютъ наброски въ драматической формѣ, которые онъ самъ называлъ „сценами и картинами“. Это большею частью только бытъ, купеческій, мѣщанскій, мелко-чиновничій, схваченный съ внѣшней комической стороны, со стороны свойственной ему мелочной вздорности и низменности. До той высоты всеочищающаго смѣха, которая заставляетъ предъ зрѣлищемъ чужого быта пережить, какъ укоръ самому себѣ, гоголевское „чему смѣетесь? надъ собой смѣетесь!“—Островскій поднимается очень рѣдко. Еще рѣже пьесы его безупречны въ архитектурномъ отношеніи: слишкомъ часто дѣйствіе у него тянется такъ же вяло, какъ воспроизводимая имъ жизнь, нѣтъ наростанія комическихъ или драматическихъ моментовъ и слабо мотивирована развязка, слишкомъ часто неожиданно и случайно благополучная. Какъ сравнительно безукоризненныя, можно указать только три-четыре пьесы, и онѣ останутся не только въ репертуарѣ и въ исторіи театра, въ которой Островскому принадлежитъ такое видное и никѣмъ не оспариваемое мѣсто, но и въ литературѣ. Это, на нашъ взглядъ, „Свои люди—сочтемся“, „Гроза“ и изъ пьесъ позднѣйшаго періода—„На всякаго мудреца довольно простоты“, съ великолѣпнымъ по широтѣ значенія типомъ Глумова въ центрѣ комедіи (типомъ, который вслѣдъ за Островскимъ развивалъ Салтыковъ-Щедринъ) и „Лѣсъ“, съ обаятельнымъ актеромъ-скитальцемъ Несчастливцевымъ—символомъ искусства, поднимающаго даже слабыхъ людей, ему искренно преданныхъ, облагораживающаго дебри и лѣса обыденщины. Театръ Островскаго былъ именно такимъ облагораживающимъ элементомъ русской жизни, независимо отъ того, къ какому лагерю, консервативному или прогрессивному по своимъ общественно-политическимъ симпатіямъ принадлежалъ въ разное время самъ авторъ.

Пьесы Островскаго было бы странно судить съ точки зрѣнія его общественно-политическаго міросозерцанія. Его заслуга въ томъ, что онъ всегда глубоко и искренно этиченъ. Русская жизнь, только что сбросившая съ себя крѣпостное рабство и вся пропитанная и развращенная духомъ произвола и самодурства, нуждалась въ урокахъ самой элементарной морали, чтобы стать сколько-нибудь благообразной. Наивная, комически выраженная мораль Платоши въ пьесѣ „Правда хорошо, а счастье лучше“, какъ указано въ статьѣ о женщинахъ

Островскаго еще Скабичевскимъ, хорошо выражаетъ, къ чему, въ нестройной суетѣ русской жизни, тяготѣетъ сердце писателя: „Всякій человѣкъ, что большой, что маленькій, — это все одно, — если онъ живетъ по правдѣ, какъ слѣдуетъ, хорошо, честно, благородно, дѣлаетъ свое дѣло себѣ и другимъ на пользу, — вотъ онъ и патріотъ своего отечества. А кто проживаетъ только готовое, ума и образованія не понимаетъ, дѣйствуетъ только по своему невѣжеству, съ обидой и насмѣшкой надъ человѣчествомъ и только себѣ на потѣху, тотъ—мерзавецъ своей жизни“... Эта нехитрая мораль является въ средѣ ошалѣвшихъ отъ сытости и бездѣлья людей настоящимъ революціоннымъ началомъ, за которое готовы гнать и преслѣдовать человѣка. Широкая масса полюбила и своимъ назвала Островскаго потому, что уразумѣла и восприняла такіе его уроки, смѣясь надъ собственными комическими и каррикатурными чертами. Пьесы Островскаго, какъ ни скромны проникающія ихъ идейныя начала, были настоящей школой общественнаго воспитанія. Ростъ этого вліянія еще далеко не законченъ: въ провинціи еще держатся очень многія пьесы Островскаго, а народный, только что возникающій театръ, пока немыслимъ безъ нихъ. Весь Островскій, если примѣнить къ нему образное выраженіе Гончарова о „Горѣ отъ ума“, размѣнялся, со своими изумительно мѣткими характеристиками, остротами и афоризмами, на мелкую ходячую монету и сталъ образующей силой въ созданіи новаго, болѣе культурнаго быта.

Но въ этой элементарности, сдѣлавшей Островскаго всѣмъ доступнымъ, и Ахиллесова пята его творчества, слишкомъ тѣсно связаннаго съ общими понятіями, господствующими въ изображаемой имъ средѣ. Островскій принимаетъ воспроизводимый имъ бытъ, въ общемъ, какъ нѣчто данное, въ глубокихъ основахъ своихъ неизмѣнное. Какъ объективный художникъ, онъ находилъ самодовлѣющую непосредственную прелесть въ игрѣ красокъ и движеній этого быта. Онъ вовсе не обличитель темнаго царства, а вѣрный наблюдатель своеобразной и интересной, въ конечномъ счетѣ ему даже симпатичной полосы роднаго быта—симпатичной потому, что здѣсь живутъ и ярко проявляются практическая дѣловая смѣтка, бойкій великорусскій юморъ, способность къ порыву и разгулу и другія черты коренного москвича. Какъ Гоголь, изъ котораго вышелъ Островскій, онъ въ той же степени поэтъ захолустной Москвы, въ какой авторъ „Мертвыхъ душъ“ былъ поэтомъ русской дореформенной стихіи. Критика и жизнь воспользовались тѣмъ богатымъ матеріаломъ, какой давалъ Островскій, для обобщеній болѣе глубокихъ, чѣмъ то могъ думать самъ бытописатель „Темнаго царства“. Весьма возможно, что статьи Добролюбова

будутъ читаться и тогда, когда многія изъ вызвавшихъ ихъ пьесъ Островскаго будутъ изучаться только какъ фактъ исторіи театра.

Художникъ натуральной школы сороковыхъ годовъ, Островскій становится мало-по-малу далекъ отъ насъ совершенно по той же причинѣ, какъ двое другихъ писателей-бытовиковъ той же школы, Писемскій и Мельниковъ-Печерскій, довольно близкіе и ему лично. Давая множество весьма яркихъ и выпуклыхъ бытовыхъ типовъ, эти писатели творили свой художественный судъ надъ уродствами быта, оставаясь въ его плоскости, не возвышаясь надъ идеями и настроеніями, признаваемыми въ немъ положительными. И ихъ начинаютъ забывать. Въ этомъ же основной грѣхъ и Островскаго, мало-по-малу отдаляющій насъ отъ его воспроизведеній русской жизни. Мы гораздо острѣе современниковъ Островскаго переживаемъ всѣ соціальныя противорѣчія и противоположности. Для насъ звучатъ наивной фальшью развязки въ родѣ исправленія самодура отъ теплаго обличительнаго слова, и нѣсколько комична, напр., драма влюбленной въ дрянного фата вдовы-купчихи, убивающейся неизвѣстно отъ чего больше—отъ того ли, что ея возлюбленный оказался негодяемъ, или отъ того, что она осталась безъ денегъ („Послѣдняя жертва“). Лично и въ своихъ произведеніяхъ Островскій былъ человѣкомъ необыкновенно добраго и жалостливаго сердца, болѣющаго объ униженныхъ и обиженныхъ. Но ему чуждо столь характерное для новой русской литературы широкое сознаніе соціальной отвѣтственности всѣхъ и каждаго. Бѣдность мыслится имъ только какъ не-порокъ, т.-е. какъ людское свойство, а не какъ соціальный вопросъ; въ самодурствѣ онъ видитъ дурное свойство нѣкоторыхъ богачей и т. п. Все сводилось имъ къ вопросу индивидуальной морали, которая всѣмъ по плечу и потому ничего не разрѣшаетъ и не освѣщаетъ.

Итакъ, усложненіе русской жизни и обостреніе ея противорѣчій, также какъ поворотъ въ исканіяхъ литературы отъ индивидуальной морали и упрощенной психологіи къ соціальнымъ проблемамъ и къ психологіи болѣе тонкой и сложной, удалили насъ отъ элементарнаго пониманія быта, какое мы видимъ у Островскаго. Онъ не считается больше альфой и омегой русской сцены. И всетаки онъ еще большая культурная сила для читателя выдвигающагося изъ низовъ жизни, школа „патріотовъ своего отечества“, а отдѣльныя его произведенія, вершины его творческаго подъема, еще долго будутъ стоять на одномъ уровнѣ съ новымъ творчествомъ, правдиво выраженнымъ драматизмомъ положеній и истиннымъ комизмомъ.

Ч. Вѣтринскій.

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ

Обширная беллетристическая литература, вызванная нашей революціей и ея ликвидаціей, пополнилась еще одною повѣстью. Это—„Чертова кукла“ З. Н. Гиппіусъ, „жизнеописаніе въ 33-хъ главахъ“, печатавшееся сначала въ „Русской Мысли“, а теперь вышедшее отдѣльнымъ изданіемъ. Въ свое время я отмѣчалъ рядъ романовъ этой категоріи. Произведенія Рошшина, Арцыбашева, Вересаева, Миртова, представляя далеко неодинаковую цѣнность съ художественной точки зрѣнія, были, однако, всѣ весьма любопытны и поучительны, какъ человѣческіе документы, какъ искреннее, выстраданное и углубленное изображеніе сложной психики яркаго и напряженнаго историческаго момента, исполненнаго трагическихъ перебоевъ, великодушныхъ надеждъ и горестныхъ срывовъ, пламенной вѣры и безпросвѣтнаго отчаянія, самоотверженной любви и жгучей ненависти. Вдумываясь въ эти произведенія, то убійственно мѣткія, то односторонніе и несправедливыя, подсказанныя горечью разбитыхъ упованій, мы научались отчетливѣе понимать сущность пережитой трагедіи, получали ключъ къ тайнику психологической подоплеки случившагося за послѣдніе годы; передъ нашимъ сознаніемъ вырисовывались роковыя причины тяжкой неудачи и непремѣнныя условія успѣха.

Въ этомъ смыслѣ повѣсть З. Н. Гиппіусъ ровно ничего намъ не прибавила. И не потому, чтобы она подошла къ своей темѣ съ какими-нибудь предубѣжденіями или пристрастіями, не потому, чтобы любовь къ одному ряду явленій и ненависть къ другому привели бы ее къ искаженіямъ дифирамбическаго или памфлетнаго свойства. Это была бы не такая большая бѣда: страстность вѣдь не только дѣлаетъ человѣка слѣпымъ по отношенію къ извѣстнымъ сторонамъ стоящаго передъ нимъ явленія—она вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ его особенно остро зрячимъ по отношенію къ другимъ сторонамъ и помогаетъ освѣтить ихъ съ особою яркостью и рельефностью. Пусть пропорціи нарушатся, пусть второстепенное выдвинется въ центръ, а центральное останется въ небреженіи: болѣе спокойный читатель возстановитъ нарушенныя пропорціи, но изступленный художникъ, несомнѣнно, раскроетъ ему глаза на нѣкоторыя свойства явленія, дотолѣ совсѣмъ незамѣченныя или недостаточно оцѣненныя. Вотъ этой-то страстности въ повѣсти З. Н. Гиппіусъ совсѣмъ нѣтъ. Наоборотъ, писательница воспринимаетъ жизнь какъ-то слиш-

комъ со стороны, относится къ ней какъ будто даже пренебрежительно, съ полной незаинтересованностью, съ холодкомъ, и потому—поверхностно. Подъ ретушью З. Н. Гиппіусъ блекнутъ яркія краски дѣйствительности, мельчаютъ линіи, сглаживаются рельефы; люди становятся незначительными, исканія ихъ—безсодержательными, поступки—неинтересными. Авторъ перебралъ все, о чемъ за послѣдніе годы говорили и въ печати, и въ разныхъ обществахъ, и въ публикѣ. Тутъ и революціонеры разныхъ оттѣнковъ, растерявшіеся послѣ краха революціи, тутъ и провокаторы, и богоискатели, и сектанты, и писатели, и проститутки, и Санины, и т. д. Ко всѣмъ типамъ и вопросамъ подошелъ авторъ, все потрогалъ—и прошелъ мимо, бросивъ обо всемъ по нѣскольку словъ, ничего не характеризующихъ, всегда скользящихъ по периферіи явленія, никогда не затрагивающихъ его сердцевины. При такой манерѣ относиться къ жизни получается уже не искаженіе ея реальныхъ пропорцій, а полное упраздненіе всего ея содержанія. Русская дѣйствительность подъ перомъ З. Н. Гиппіусъ превращается въ какой-то нудный свищъ съ начисто выгнившимъ ядромъ, а русскіе люди—въ безтолковыхъ психопатовъ или растерянныхъ недоумковъ, которые попусту празднословятъ, мечутся, совершаютъ глупости, гнусности и даже преступленія, вмѣсто того, чтобы заняться какимъ-то единственнымъ стоющимъ вниманія дѣломъ, секретъ котораго мудрый авторъ, повидимому, знаетъ, но оставляетъ про себя, изрѣдка только и нехотя бросая туманный намекъ, и сейчасъ же останавливаясь: „Не стоитъ, дескать, и говорить,—все равно не поймете“.

Въ самомъ дѣлѣ, стремленіе къ яркой общественной работѣ, къ преображенію соціальныхъ условій жизни кажется автору выдохшейся сказкой, за которую цѣпляются либо дѣти, либо раздавленные колесомъ исторіи неврастеники, либо, наконецъ, негодяи-провокаторы. Кто покрѣпче, почестнѣе и посмышленѣе, тотъ либо совсѣмъ уже порвалъ, либо готовъ порвать съ революціей (въ иныхъ формахъ вопросы общественные автору не представляются), и ушелъ — куда? Неясно. Представители художественныхъ и научно-философскихъ исканій воплощаются авторомъ въ видѣ каррикатурныхъ разжирѣвшихъ поэтовъ и вертлявыхъ, искательныхъ передъ публикой приватъ-доцентовъ. Представители религіозныхъ запросовъ изображаются съ косноязычной рѣчью, темной, клочковатой мыслью, съ внутренней пришибленностью или юродствомъ. Всѣ персонажи перечисленныхъ разрядовъ, вмѣстѣ взятые, не стоютъ, во всякомъ случаѣ, мизинца главнаго героя романа, студента Юрія, который есть не что иное, какъ еще одинъ варіантъ Санина.

Ему въ высокой степени наплевать и на революцію, и на ре-

лигію и всякія такія серьезныя матеріи. Онъ просто желаетъ жить въ свое удовольствіе, срывать всевозможные цвѣты наслажденія, не стѣсняясь никакими моральными соображеніями и снисходя къ роду людскому лишь настолько, чтобы не дѣлать ему пакостей, не обѣщающихъ никакого удовольствія. Разумѣется, Юрій неотразимо обаятеленъ, ни одна женщина передъ нимъ устоять не можетъ, и главное его занятіе въ томъ и состоитъ, чтобы предаваться утѣхамъ любви. Онъ не брезгаетъ ни горничной, ни проституткой, не стѣсняется брать у послѣдней деньги сотнями, чтобы проигрывать ихъ въ клубѣ. Словомъ, это настоящій сверхъ-человѣкъ въ россійскомъ опошленіи, столь крѣпко засѣвшій въ нашей литературѣ и зажившійся въ ней какъ будто ужъ слишкомъ долго. Такъ вотъ этотъ-то господинъ и оказывается въ повѣсти З. Н. Гиппіусъ и умнѣе, и содержательнѣе, и энергичнѣе, и во всѣхъ вообще отношеніяхъ выше и лучше всѣхъ прочихъ героевъ и героинь. Но и къ этой свѣтлой личности авторъ безпощаденъ и заставляетъ въ концѣ концовъ нѣкотораго обезумѣвшаго революціонера зарѣзать Юрія, по наущенію гнуснаго провокатора. Такъ, пожалуй, и справедливѣе: не заслуживаетъ та слякоть, какою рисуется З. Н. Гиппіусъ русское интеллигентное общество, имѣть въ своей средѣ солнцеподобнаго красавца.

Только кто же, знающій интеллигентную часть русскаго народа не по однимъ мелкимъ дрязгамъ растерявшейся петербургской кружковщины, повѣритъ презрительному пессимизму З. Н. Гиппіусъ? Если приговоръ ея и справедливъ, то ему подлежитъ лишь сравнительно небольшая, хотя, быть-можетъ, и наиболѣе крикливая группа, которая никогда не была, да и не будетъ активнымъ двигателемъ жизни. Мимо нея катится могучая волна бытія и строительства, бореній, побѣдъ и пораженій, а кружковщина только бѣгаетъ по берегу, восклицая, жестикулируя и призывая волну покинуть свое русло и упрятаться въ луночки, выкапываемыя на прибрежномъ пескѣ; а такъ какъ волна не внемлетъ и идетъ по своему широкому ложу, то кружковщина отворачивается отъ нея съ презрѣніемъ и приписываетъ ей тѣ свойства, которыя присущи какъ разъ маленькимъ лужицамъ, застоявшимся въ луночкахъ...

Вообще у насъ сейчасъ довольно сильна въ литературѣ полоса самообличенія, невполнѣ, быть можетъ, соотвѣтствующаго реальному положенію вещей. Такъ, молодой и плодовитый писатель гр. А. Н. Толстой спеціализировался на повѣствованіяхъ о бытѣ нашего помѣстнаго дворянства, и съ большою искренностью и художественностью изображаетъ эту среду скопищемъ настоящихъ монстровъ, только отнюдь не на той почвѣ, которая подсказывается современной груп-

пировкой общественныхъ силъ. Современностью-то какъ разъ и не грѣшатъ писанія гр. Толстого. Читая ихъ, вы почти никогда даже и не подумаете, что описанныя событія относятся къ настоящему моменту. Нравы, интересы, весь складъ жизни, словомъ, общій культурный уровень, возвращаютъ насъ даже не къ дѣтскимъ годамъ Багрова внука, а прямо въ эпоху фонвизинскихъ героевъ. Даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда авторъ пробуетъ использовать какой-нибудь эпизодъ изъ нашихъ дней, этотъ эпизодъ получаетъ у него архаическую окраску, разрабатывается въ тонахъ далекаго прошлаго. Такова, напримѣръ, картина крестьянскаго бунта въ разсказѣ „Сватовство“ („Повѣсти и разсказы“, кн. 1-я),—картина, напоминающая пугачевщину, а не недавнія аграрныя волненія. Дворяне гр. Толстого залегли въ своихъ усадьбахъ, какъ медвѣди зимою въ берлогахъ; надъ ними неслышно пронеслись, не затронувъ ихъ, десятилѣтія и цѣлые даже вѣка, ихъ не встряхнули ни освобожденіе крестьянъ, ни событія послѣдняго десятилѣтія. Они всѣ поголовно невообразимо тупы, дики, грязно похотливы. Если и мелькнетъ среди нихъ человѣкъ, не погрязшій въ звѣриномъ распутствѣ, вродѣ Аггея Коровина, то онъ окажется мечтательнымъ и безпомощнымъ недорослемъ, безвозвратно и безсмысленно погибающимъ, какъ только выглянулъ изъ абсолютнаго уединенія своей усадьбы. Впрочемъ, и вообще монстры гр. Толстого могутъ существовать только за искусственнымъ прикрытіемъ своихъ, отъ всего міра наглухо отрѣзанныхъ околицъ. Они страшно немощны и беззащитны, эти атавистическіе пережитки далекаго прошлаго. Стоитъ генералу Алексѣю Алексѣевичу („Двѣ жизни“, въ 14-й и 15-й книгахъ „Шиповника“) изъ своего помѣстья самому поѣхать въ сосѣдній городъ продавать хлѣбъ, какъ его затуркаютъ городскіе ловкачи до такой степени, что онъ впадетъ чуть не въ безуміе и, вернувшись домой, помретъ черезъ самое короткое время. Его вдова поѣдетъ въ Петербургъ тоже для того только, чтобы погибнуть въ самой невѣроятной обстановкѣ. Ея племянница, Сонечка, выйдя замужъ и разставшись съ теткиной усадьбой, немедля подвергнется насилію со стороны пьянаго сосѣда, и потомъ, попавъ съ мужемъ въ Парижъ, окажется совсѣмъ ужъ несчастной и потерянной и пойдетъ искать убѣжища отъ невыносимой и оскорбляющей жизни въ монастырь, да еще и католическій. И Сонинъ отецъ, побывавъ съ генеральшей въ столицѣ и ошеломленный непонятными ужасами столичной жизни, вернется въ свое помѣстье совсѣмъ взбудораженный, надѣлаетъ нелѣпыхъ поступковъ и въ концѣ концовъ сожжетъ себя вмѣстѣ съ своимъ домомъ. Такъ страшно столбовому дворянину выбраться изъ своего дикаго уединенія, тиной и плѣсенью подернутаго, въ кипучій потокъ жизни. А между тѣмъ судьба безпощадно выби-

ваетъ его изъ его крѣпости: „всѣ помѣстные дворяне подвержены одной участи—уходитъ подъ ними земля, какъ морской отливъ; старики кое-какъ еще скрипятъ, а дѣти должны переѣхать въ города, занимаясь неподходящимъ дѣломъ: потому что къ полету фантазіи дворянскія дѣти только и способны". Такъ обрекаетъ графъ Ал. Ник. Толстой всѣхъ своихъ ископаемыхъ ихтіозавровъ и плезіозавровъ на неминуемую гибель. А кромѣ ихтіозавровъ и плезіозавровъ ничего онъ въ помѣщичьихъ усадьбахъ не находитъ.

Ну, что же, сказалъ бы я, ему и книги въ руки,—если бы передо мной не лежало другихъ, не менѣе компетентныхъ показаній, обнаруживающихъ, что въ тихихъ заводяхъ нашихъ усадебъ водятся не одни дикія и слабыя страшилища и, слѣдовательно, кругозоръ гр. А. Н. Толстого странно съуженъ. Беру, напримѣръ, романъ начинающаго, если не ошибаюсь, писателя, Н. Н. Русова: „Отчій домъ". Это не Богъ вѣсть что въ смыслѣ художественныхъ достоинствъ: какой-то черновикъ, въ которомъ свалено безъ разбора все, что находилъ авторъ въ своей памяти и въ своемъ воображеніи, и притомъ выраженное въ формахъ, какія попадались подъ перо. Тутъ и живые люди, подъ прозрачными псевдонимами, вродѣ Анатолія Раменскаго, а то и прямо подъ собственными именами—Бердяевъ, Булгаковъ,—и персонажи вымышленные, или полувымышленные. Романъ часто сбивается на теоретическую статью. Художественныя картины то только намѣчены торопливо и небрежно, то выписаны до мелкихъ деталей. Языкъ—пестрое, непріятное, внутренне необоснованное чередованіе стиховъ и прозы, а то такъ даже недопустимая эстетически полупроза-полустихи, вродѣ такой недодѣланной октавы: „И сталъ бояться я запущеннаго сада. Въ немъ поселился злой и хмурый великанъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ садовая ограда давно рухнула отъ бури въ разросшійся бурьянъ, на днѣ оврага, тамъ была его засада. Съ нимъ гнѣздились старые коршуны. Носились оттуда за добычей, и голуби жались отъ ихъ побѣдныхъ кличей". Если г. Русовъ желаетъ не баловаться, а серьезно заниматься литературой, то пусть онъ не забываетъ, что „боговдохновенность искусства", о которой онъ писалъ въ прошломъ году въ своей теоретической брошюрѣ, не только не исключаетъ необходимости строгаго, упорнаго труда надъ художественнымъ произведеніемъ, но наоборотъ, обязываетъ къ нему.

Но романъ г. Русова интересенъ вотъ съ какой стороны. Самая безпорядочность его кажется мнѣ результатомъ яркости и искренности переживаній, которыя переполнили сердце автора радостью, и про эту радость ему захотѣлось разсказать всему свѣту какъ можно поскорѣе, хоть какъ-нибудь, черезъ пятое въ десятое. Возрадовался же онъ потому, что его „душу, доселѣ пустынную, жалкую, стройно и

твердо, какъ побѣдители, властно охватили и озарили небывалымъ свѣтомъ, даже счастьемъ" неожиданно нахлынувшія въ нее настроенія. Мерзость запустѣнія воцарилась въ его душѣ послѣ того, какъ онъ, беззавѣтно увлекшійся зовомъ „Дѣвы-обиды", т.-е. борьбы за попранную жизнью справедливость, увидалъ, что „жертвы и надежды даромъ сгорѣли, нервы истрепались въ конецъ, увлеченія кончились, самыя убѣжденія не выдержали слишкомъ бурныхъ испытаній". Онъ пробовалъ потомъ броситься къ художникамъ, богоискателямъ, сектантамъ, онъ отдавался разврату, безъ всякихъ угрызеній, но и безъ изступленія; но ощущеніе жалкой пустынности его не покидало. Только порвавъ со всѣмъ этимъ, вернувшись въ „отчій домъ", въ свою родовую усадьбу и „нелѣпостно принявъ на себя окружающую заботу", т.-е. отдавшись реальной работѣ сельскаго хозяина, онъ ощущаетъ почву подъ ногами, обрѣтаетъ полноту и смыслъ существованія, чувствуетъ себя маленькой единицей въ всенародномъ трудѣ надъ созданіемъ лучшаго будущаго для родной страны. Исторія, какъ видите, рѣзко расходящаяся съ наблюденіями гр. А. Н. Толстого.

Еще дальше уводитъ насъ отъ дикости Толстовскихъ медвѣжьихъ угловъ, съ ихъ ископаемой фауной, творчество Бориса Зайцева, насквозь проникнутое мягкой поэзіей средне-русской усадьбы, и въ частности послѣдній его драматическій опытъ: „Усадьба Ланиныхъ", напечатанный въ томъ же выпускѣ „Шиповника", гдѣ и окончаніе повѣсти Толстого. Если первая драма Зайцева („Вѣрность") исторгла у меня горькія сѣтованія, то на этотъ разъ я съ радостью отмѣчаю громадный шагъ впередъ, сдѣланный авторомъ въ направленіи побѣды надъ драматической формой. При тонкой и умѣлой постановкѣ „Усадьба Ланиныхъ" будетъ смотрѣться съ тѣмъ же захватывающимъ интересомъ, съ какимъ мы упиваемся чеховскими драмами въ исполненіи Московскаго Художественнаго театра. Это—настоящая драма настроенія, способная увлечь зрительный залъ и заставить пережить съ восторгомъ и внутренней убѣдительностью тѣ красивые, возвышающіе душевные подъемы, которые составляютъ специфическую прелесть лучшихъ повѣстей Зайцева.

Мѣсто дѣйствія—старая барская усадьба, въ паркѣ которой стоитъ на полянѣ статуя Венеры, и кругомъ нея на деревьяхъ вырѣзаны безчисленные вензеля и эмблемы, трогательные свидѣтели когда-то расцвѣтавшихъ тутъ сердечныхъ радостей. Усадьба Ланиныхъ—настоящій храмъ любви. Каждую весну сюда, къ престарѣлому главѣ рода, слетается со всѣхъ сторонъ молодежь, связанная съ Ланиными узами крови или пріязни; каждую весну стрѣлы богинина сына пронзаютъ тутъ сердца. И обитатели, и гости усадьбы начинаютъ понимать, что „жизнь есть огромный оркестръ любви". О, не всегда, да-

леко не всегда любовь несетъ счастье, да, быть можетъ, и не въ счастьѣ цѣль высшей любви. „Мое сердце горитъ отъ любви... безнадежной“,—говоритъ одинъ изъ гостей Ланина, и произноситъ „панегирикъ этой любви“:

— Платонъ! Данте! Великія души, обитающія на тѣхъ звѣздахъ, впервые говорившія о божественной любви—взгляните на насъ! Вотъ тутъ мы всѣ захвачены силой любовнаго тока, который крутитъ насъ, сплетаетъ, расплетаетъ, и однимъ даетъ счастье, другимъ горе—мы отсюда поднимаемъ къ вамъ взглядъ, какъ къ чистымъ высотамъ, остающимся всегда въ покоѣ. Венера играетъ нами, какъ щепками кораблей въ водоворотѣ, и не одними нами, а всей жизнью, всѣмъ міромъ, ибо его основа—любовь. Но и мы, бѣдные Робинзоны—возносимъ хвалу этой вѣчной и святой стихіи. Мы должны лишь очистить ее, принимать въ томъ свѣтломъ сіяніи, какъ видѣлась она вамъ, великіе учители“.

И, покорные велѣнію богини, всѣ—дѣти, юноши, взрослые—„летятъ въ свѣтлую бездну жизни“. Но сколь многихъ эта бездна встрѣчаетъ жестокими бурями! Передъ нами проходитъ вереница людей съ разбитыми сердцами, но всѣ они, въ концѣ концовъ, благословляютъ „свѣтлую бездну“. Суровая къ большинству, богиня немногимъ своимъ любимцамъ даритъ полноту свершившейся радости. „Вотъ оно счастье и есть,—говоритъ безнадежно влюбленная Елена, узнавъ о брачномъ счастьѣ своей сестры; рядомъ съ нами—съ вами, со мной,—жизнь выращиваетъ нѣжные цвѣты и на нихъ изливаетъ всю силу радости... Значитъ, говорю я себѣ, не оскудѣла еще рука дающаго“. Но мужественное сердце примиряется съ жизнью не только на чужомъ счастьѣ: его облагораживаетъ и пережитое горе. Дочь Елены, дѣвочка съ разбитымъ сердечкомъ, перенесла тяжелый кризисъ, но вышла изъ него побѣдительницей.

— Я въ сердцѣ поблагодарила за счастье,—говоритъ она,—которое мнѣ дала эта любовь... Мама, я переживала минуты такого восторга, что вѣдь это... это уже навсегда останется. А что мнѣ не вышло въ концѣ счастья, что же подѣлать. Оно не всѣмъ дается.

— Не всѣмъ.

— Что же надо теперь дѣлать?

— Жить, Наташа. Жить ясной и честной жизнью,—потому что на счастье надѣяться нельзя... Жизнь пестрая вещь... Все такъ пестро и перепутано. Но только всѣ мы люди, и всѣ должны духомъ своимъ высоко стоять.—

Въ устахъ этихъ людей глубоко истинна заповѣдь: „Счастье такъ же священно, какъ и горе“. И передъ лицомъ этой удивительной душевной красоты, сохранившейся въ старой усадьбѣ, разсѣевается, какъ злой

туманъ, какъ немощная клевета, все пессимистическое брюзжаніе на жизнь, столь усердно культивируемое нѣкоторыми нашими писателями. Правда, когда рыцарски безкорыстный поклонникъ, цѣлуя руку Елены, скажетъ ей: „Свѣтлая моя заря, чистая заря!“—она „чуть-чуть“ улыбнется и отвѣтитъ ему:

— Ахъ, Тураевъ, развѣ теперь говорятъ такъ? Вы—отживающій типъ, сороковые годы!

Но въ этомъ-то мы Еленѣ уже не повѣримъ. Мы знаемъ, что тутъ идетъ не отживающій типъ, а возрождающійся. Пусть бы одинъ только Зайцевъ возвратился къ „тургеневщинѣ“. Но вѣдь онъ на этомъ пути не одинокъ. Мнѣ случалось уже не разъ указывать на то, какъ аналогичныя ноты все болѣе и болѣе властно звучатъ въ нашей литературѣ послѣднихъ дней. Напомню хотя бы „Гранатовый браслетъ“ Куприна. Ужъ этого-то писателя, одного изъ самыхъ популярныхъ нынѣ, никакъ нельзя признать отставшимъ отъ вѣка. И еще, пожалуй, поразительнѣе то, что суровый публицистъ „Современнаго Міра“, г. Львовъ-Рогачевскій, въ послѣдней своей статьѣ съ полнымъ сочувствіемъ отнесся къ этой повѣсти Куприна, поставилъ ее въ рядъ утѣшительныхъ „намековъ и предвѣстій“, въ психологическую связь съ другими признаками выздоровленія общественной психики отъ паралича, вызваннаго крахомъ освободительнаго движенія.

„Наряду съ этой жаждой человѣческой, красивой любви къ женщинѣ,—пишетъ г. Львовъ-Рогачевскій,—растетъ великая любовь къ родинѣ, растетъ живой протестъ, пробуждается къ борьбѣ та молодежь, которую еще недавно отпѣвали и надъ которою ставили кресты.... Въ ней жива вѣра въ жизнь, живо непосредственное чувство, жива жажда новой жизни“.

Мы разойдемся съ г. Львовымъ-Рогачевскимъ въ оцѣнкѣ нѣкоторыхъ конкретныхъ формъ этого „живого протеста“, но сойдемся въ вѣрѣ въ наступающее воскресеніе духа живого и въ единую спасающую силу этого духа. И когда публицистъ „Современнаго Міра“ возглашаетъ: „Мертвая полоса уже пройдена!“ — отъ души хочется отвѣтить ему:

— Дай Богъ!

С. Адріановъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

— Д. С. Мережковскій. Полное собраніе сочиненій. Изданіе тов-ва М. О. Вольфъ. Спб. и М. Т. I. 1911 г.

Открывая „Смертью Боговъ“ первое полное изданіе своихъ произведеній, г. Мережковскій предупреждаетъ читателей: „между этими книгами, несмотря на ихъ разнородность, иногда разногласіе, существуетъ неразрывная связь. Это звенья одной цѣпи, части одного цѣлаго... Что такое христіанство для современнаго человѣчества? Отвѣтъ на этотъ вопросъ—вотъ скрытая связь между частями цѣлаго“. Самъ авторъ, однако, не только не раскрываетъ этой связи, но даже не обѣщаетъ сдѣлать это: „я не имѣю притязанія давать людямъ истину, но надѣюсь: можетъ быть, кто-либо вмѣстѣ со мною пожелаетъ искать истину. Если да, то пусть идетъ рядомъ по тѣмъ же извилистымъ, иногда темнымъ и страшнымъ, путямъ; дѣлитъ со мною иногда почти безысходную муку тѣхъ противорѣчій, которыя я переживалъ. Читатель равенъ мнѣ во всемъ“... И совсѣмъ не утѣшительно, но съ трогательною откровенностью авторъ разсказываетъ, въ какіе приходилось ему попадать тупики, то „видя положительную религіозную силу въ русскомъ самодержавіи“, то убѣждаясь, что „религіозная сила русскаго единовластія не положительная, а отрицательная“... Какъ бы то ни было, Д. С. Мережковскій приводитъ свою дѣятельность критика, историка, философа, поэта, беллетриста къ такой идейной схемѣ: „трилогія „Христосъ и Антихристъ“ изображаетъ борьбу двухъ началъ во всемірной исторіи, въ прошломъ. „Л. Толстой и Достоевскій“, „Пророкъ русской революціи“, „Лермонтовъ“, „Гоголь“ изображаютъ эту же борьбу въ русской литературѣ, въ настоящемъ. „Грядущій Хамъ“, „Не миръ, но мечъ“, „Въ тихомъ омутѣ“, „Больная Россія“—въ русской общественности. „Древнія трагедіи“, „Итальянскія новеллы“, „Вѣчные спутники“, „Стихотворенія“ отмѣчаютъ вѣхами тѣ побочные пути, которые привели меня къ единому и всеобъединяющему вопросу объ отношеніи двухъ правдъ—Божеской и человѣческой—въ явленіи Богочеловѣка. Наконецъ, вторая трилогія—„Павелъ I“, „Александръ I“, „Декабристы“ (двѣ послѣднія части готовятся къ печати)—изслѣдуетъ борьбу тѣхъ же двухъ началъ въ ея отношеніи къ будущимъ судьбамъ Россіи... Христіанство не только было, но и есть и будетъ; Христосъ—не только совершенная, но и безконечно совершаемая, безконечно растущая истина; освобожденіе міра не можетъ произойти иначе, какъ именемъ Христовымъ“. Кре-

дитъ, на который можетъ разсчитывать столь рѣшительный догматизмъ, значительно подрывается тѣми печальными особенностями ума и таланта г. Мережковскаго, въ которыхъ онъ самъ такъ просто и ясно признается. Онъ смотритъ на себя какъ на продолжающее развиваться явленіе, „живое растеніе“; но объ авторѣ пятнадцати томовъ можно судить какъ о писателѣ если еще не „конченномъ“, то во всякомъ случаѣ законченномъ. И опредѣленное мнѣніе о г. Мережковскомъ сложилось одно. „Императоръ цитатъ“, онъ никогда ни въ чемъ никого не убѣдилъ и, при своей безспорной популярности, никого не увлекъ и не создалъ послѣдователей (чѣмъ совершенно напрасно гордится); словесный жонглеръ и усердный начетчикъ, онъ отъ однихъ и тѣхъ же „писаній“ сумѣетъ „доказать“ все, что угодно, но ничьей души не зажжетъ, такъ какъ самъ лишенъ внутренняго жара; вѣчно разглагольствуя о Богѣ, онъ никого не научилъ тому или иному отношенію къ божественному началу и, наоборотъ, во многихъ, быть можетъ, даже поселилъ своимъ барабаннымъ боемъ и ярко расписанной именемъ Божіимъ вывѣской только нерасположеніе къ той сферѣ мышленія, которой подобаетъ благоговѣйная тишина и цѣломудренная осторожность мысли. Какую бы позицію ни занималъ Мережковскій сейчасъ (за долгій срокъ нельзя поручиться) по отношенію къ господствующему режиму, онъ въ основѣ своей близокъ къ реакціи, чего ему не удается скрыть подъ безконечнымъ нагроможденіемъ спутанныхъ словъ: реакціоненъ его теократическій государственный идеалъ, реакціонно его стремленіе подчинить общество той или иной церковности. Но, къ счастью, въ Д. С. Мережковскомъ есть не только это: литературный талантъ, историческое чутье, эстетическій вкусъ, любовь къ красотѣ, питаемая широкимъ образованіемъ и неустаннымъ трудомъ,—все это обезпечиваетъ ему свое, и видное, мѣсто (хоть не пророка и не религіознаго мыслителя) въ литературѣ. Лучшія его работы — первыя, когда онъ былъ однимъ изъ предтечъ нашей бѣдной, „слишкомъ медленной весны“. Первый томъ собранія его сочиненій—„Юліанъ-отступникъ“, написанный въ тѣ годы, когда молодой романистъ, подъ суггестіей Ницше (безъ литературныхъ вліяній Д. С. Мережковскій немыслимъ), былъ свободнѣе, былъ еще искателемъ.—Н. Л.

— О. Н. Ольнемъ. Безъ иллюзій. Разсказы. Спб., 1911. Цѣна 1 руб.

Авторъ выступаетъ уже со второй книжкой разсказовъ, содержательныхъ и поэтичныхъ. Въ мягкой, нѣсколько элегической манерѣ письма, въ спокойномъ, объективномъ отношеніи къ своимъ темамъ и сюжетамъ у Ольнемъ есть нѣчто общее съ Чеховымъ. О чемъ бы авторъ ни говорилъ, онъ сохраняетъ хладнокровіе и присущую ему

точку зрѣнія наблюдателя, а не соучастника. Нѣжныя, какъ бы матовыя краски, отсутствіе какихъ бы то ни было диссонансовъ, аффектовъ и эксцесовъ дополняютъ общее основное впечатлѣніе. Разсказы не волнуютъ, но заинтересовываютъ и заставляютъ задумываться. Чѣмъ больше въ нихъ вчитываешься, тѣмъ больше цѣнишь зоркую наблюдательность автора и изящную отчетливость его письма. Уже тотъ фактъ, что въ разсказы можно вчитываться, является заслугой со стороны автора. Много ли въ современной литературѣ найдется такихъ произведеній, которыя можно было бы перечитывать?

Не одна писательская манера роднитъ г-жу Ольнемъ съ Чеховымъ. У нея много съ нимъ общаго и въ содержаніи творчества. И это, пожалуй, можно поставить ей въ укоръ. Мы, младшіе современники Чехова, любимъ и чтимъ его какъ художника, но мы уже довольно далеко ушли отъ его героевъ. Мы духовно складывались и расли при нѣсколько иныхъ условіяхъ, подъ другими общественными впечатлѣніями, и субъективно не можемъ понять безпросвѣтнаго пессимизма чеховскихъ героевъ, не можемъ ему сочувствовать. Мы въ правѣ желать, чтобы литература отражала новыя настроенія, новыя переживанія, а не кормила насъ однимъ прошлымъ...

Въ сборникѣ три разсказа, посвященныхъ изображенію разной среды: артистической, помѣщичьей, интеллигентской. Но въ герояхъ ихъ вы встрѣтите одинъ и тотъ же облюбованный писательницей типъ—унылаго и бездѣятельнаго, тоскующаго человѣка, тяготящагося собой и окружающими. Въ самые ранніе годы для него пѣсенка уже спѣта и всѣ пути заказаны; въ немъ преждевременно изсякла жизнь, у него нѣтъ охоты что-нибудь предпринимать для себя и устраивать. Самый характерный изъ разсказовъ носитъ соотвѣтствующее заглавіе: „Пассивные“. У всѣхъ дѣйствующихъ въ немъ лицъ словно подрѣзаны крылья и съ юности отравлена душа. Разочаровавшійся въ своихъ силахъ неврастеникъ-революціонеръ Кирюша, въ минуту искренюю, откровенно сознается, что ему „хочется одного — *не быть*“... Сестра этого Кирюши, Соня, врожденная психопатка, по непонятнымъ причинамъ покончила съ собой, а самъ Кирюша, по его словамъ, натура ей родственная. Ихъ натуры „по существу родственныя, недоумѣнныя, неудовлетворенныя“...„—Мы оба лѣнивы страдать, до того лѣнивы, просто злитъ страданіе. Хочется ликвидировать и его, и себя. Но у меня нѣтъ силы воли Сониной, въ этомъ разница, а то бы я доказалъ вамъ...“—говоритъ Кирюша мужу Сони, художнику Вязникову. А у Вязникова—такая же охладѣвшая ко всему, неуравновѣшенная душа; онъ вспыхиваетъ только на мгновенье и тотчасъ гаснетъ — по существу онъ равнодушенъ даже къ своимъ краскамъ; этотъ художникъ кончаетъ помѣшательствомъ. Даже когда рѣчь идетъ

о дѣятельномъ, какъ муравейникъ, артистическомъ мірѣ, печать надломленности не покидаетъ героевъ г-жи Ольнемъ. Лучшій изъ разсказовъ сборника: „Безъ иллюзій“ даетъ яркое изображеніе артистической среды, и едва-ли не самое удачное въ этомъ разсказѣ—свѣтлый, идеалистическій образъ молоденькой дѣвушки Елены Михайловны, стремящейся на сцену. Но душа этой привлекательной дѣвушки уже утомлена, запугана и врядъ-ли пригодна для жизни. „Я ни во что не вѣрю... а если повѣрю, то во мнѣ все непрочное, хрупкое... и все легко разбить“...—говоритъ она, переполненная горечью только потому, что рядомъ съ нею мать, шансонетная пѣвица, по иному смотрящая на жизнь. Безвѣріе и бездѣятельность — вотъ въ чемъ сущность героевъ Ольнемъ.

Рисуя болѣзненныхъ людей, Ольнемъ, какъ и Чеховъ, дѣлаетъ это совершенно объективно. Нездоровье ея героевъ—отъ жизни, а не отъ автора. Въ авторѣ, напротивъ, чувствуется здоровая и устойчивая точка зрѣнія; и ей вполнѣ соотвѣтствуетъ спокойный, сдержанный тонъ разсказа, рѣдко встрѣчающійся у женщинъ-писательницъ. — Е. Колтоновская.

— М. Колчинъ. Ссыльные и заключенные въ острогахъ Соловецкаго монастыря въ XVI — XIX вв. Историческій очеркъ. Съ предисловіемъ А. С. Пругавина. Москва. Цѣна 70 коп.

Книга г. Колчина развертываетъ передъ нами весьма любопытную страницу изъ исторіи Соловецкой обители. Болѣе трехъ вѣковъ Соловецкій монастырь—и не онъ одинъ—служилъ мѣстомъ заключенія и ссылки. „Число лицъ, ссылаемыхъ въ монастыри, все болѣе и болѣе возрастало“, — говоритъ А. С. Пругавинъ въ предисловіи къ книгѣ М. Колчина, — „а самый составъ этихъ лицъ становится все разнообразнѣе. Такъ, между прочимъ, сюда начали ссылаться разные „безумные“, „сумасшедшіе“ и „сумасбродные“ люди, совершившіе то или иное преступленіе въ припадкѣ умопомѣшательства или нервнаго разстройства. Наконецъ, въ монастыри начали заключаться, по просьбѣ родителей, непокорные, буйные, дерзкіе и „развратные“ сыновья, противъ которыхъ оказывались безсильными домашнія мѣры исправленія“. Кромѣ этого контингента, въ монастыряхъ всегда было много заключенныхъ представителей различныхъ сектъ и отвѣтвленій расколо-старообрядчества; встрѣчались и члены политическихъ организацій.

Ни одна гражданская или военная тюрьма не можетъ сравниться по жестокости режима съ монастырскими острогами, гдѣ, по выраженію поэта, дѣйствительно правой рукой крестились, лѣвой душили.

„При самомъ входѣ подъ башню, — пишетъ М. Колчинъ, — нахо-

дится жилище мельниковъ, отъ дверей котораго идетъ узкій темный проходъ, сажени двѣ длины; чтобы не заплутаться и не запнуться за что-либо, необходимо идти съ огнемъ. Спускаемся ступени на три ниже уровня земли, идемъ по узкому, темному проходу, сворачиваемъ немного вправо и входимъ низкою дверью въ большую квадратную, сажени въ три, комнату. Въ ней темно, такъ какъ нѣтъ ни одного окна, а взамѣнъ этого на каждой стѣнѣ находились двери съ махонькими вырѣзками среди нихъ. Комната цѣликомъ состоитъ изъ кирпича: полъ, потолокъ, стѣны, лавки, полки, словомъ, все—кирпичное. Сыро, стѣны мокрыя, заплѣсневѣлыя; воздухъ спертый, удушливый, такой, какой бываетъ въ сырыхъ погребахъ. Испугавшіяся свѣта крысы, водящіяся здѣсь во множествѣ, съ ужасомъ бросаются вамъ подъ ноги. Въ этой комнатѣ въ прежнее время помѣщалась стража, караулившая узниковъ, заключенныхъ въ казематы, расположенные по всѣмъ сторонамъ этой комнаты. Прямо передъ нами маленькая, аршина въ два вышины, дверь съ крошечнымъ окошечкомъ въ срединѣ ея; дверь эта ведетъ въ жилище узника, куда мы и входимъ. Оно имѣетъ форму лежачаго усѣченнаго конуса изъ кирпича, въ длину аршина четыре, шириною сажень, высота при входѣ три аршина, въ узкомъ концѣ полтора. При входѣ направо мы видимъ скамью, служившую ложемъ для узника; надъ нею почернѣлая до неузнаваемости икона, а за нею сохранилась пасхальная верба. На другой сторонѣ остатки разломанной печи. Стѣны, какъ и въ первой большой комнатѣ, сырыя, заплѣсневѣлыя, воздухъ затхлый, спертый. Въ узкомъ концѣ комнаты находится маленькое окошечко вершковъ шесть въ квадратѣ; лучъ свѣта, точно украдкою, черезъ три рамы и двѣ рѣшетки тускло освѣщаетъ этотъ страшный казематъ. При такомъ свѣтѣ читать можно было въ самые свѣтлые дни, и то съ великимъ напряженіемъ зрѣнія. Если заключенный пытался черезъ это окно посмотрѣть на свѣтъ Божій, то его взорамъ представлялось одно кладбище, находящееся прямо передъ окномъ. Побывъ около получаса въ удушающей атмосферѣ каземата, становится душно, кровь приливаетъ къ головѣ, появляется какое-то безграничное чувство страха". И вотъ въ такихъ-то казематахъ, безъ свѣта, томились люди десятки лѣтъ! Но описанное здѣсь—не самое худшее помѣщеніе. Въ эти казематы помѣщали людей наиболѣе покорныхъ. Для строптивыхъ были уготованы другія „обители".—„Въ узкомъ проходѣ для лѣстницы, ведущей на верхъ башни, находится дверь, обитая войлокомъ, ведущая въ каменное помѣщеніе аршина два длины, полтора ширины и три высоты. У одной стѣны выкладена кирпичная лавочка шириною въ полъ-аршина. Маленькое окошечко, достаточное лишь для того, чтобы протянуть руку, выходитъ на темную лѣстницу и въ былое время служило не для освѣ-

щенія, а для подачи пищи узнику. Въ такомъ мѣшкѣ нѣтъ возможности лечь, и несчастный узникъ долженъ былъ года, если такая обстановка не убивала его, спать въ полусогнутомъ положеніи". Тѣхъ лицъ, которыхъ центральная власть хотѣла спрятать совершенно, такъ чтобы о нихъ никто ничего не слышалъ, обыкновенно сажали въ „особое уединенное мѣсто". „Расколотивъ дверь, мы зашли черезъ нее въ узкій, длинный, темный ходъ, продѣланный внутри толстой тюремной стѣны. Идемъ по нему... Наталкиваемся на небольшую дверь съ маленькимъ окошечкомъ въ срединѣ ея. За дверью чуланъ аршина полтора въ квадратѣ, безъ всякой лавки, безъ окна, безъ всего того, безъ чего жить человѣку нельзя. Въ немъ можно только стоять или сидѣть скорчившись. Лежать или сидѣть съ протянутыми ногами не дозволяетъ пространство чулана, а скамьи для сидѣнья не полагается". И въ эти каменные мѣшки сажали на долгое время! Къ счастью смерть обыкновенно ранѣе конца срока заключенія избавляла страдальцевъ отъ попечительной заботливости начальства. „Самымъ тяжкимъ наказаніемъ считалась земляная тюрьма. Въ этотъ темный сырой погребъ опускали живого человѣка, часто скованнаго по рукамъ и ногамъ, гдѣ нерѣдко водящіяся во множествѣ крысы объѣдали у беззащитнаго узника носъ и уши". Заключенные, выдерживавшіе эти медленныя пытки, нерѣдко, въ концѣ концовъ, сходили съ ума и кончали жизнь самоубійствомъ. Тѣмъ, кто говорилъ въ ихъ присутствіи противъ господствующей церкви, монахи затыкали ротъ кляпомъ. Если у кого-либо изъ караульщиковъ проявлялась искра состраданія, то и онъ подвергался суровымъ наказаніямъ. „Одинъ караульщикъ—сообщаетъ М. Колчинъ—давшій находящемуся въ земляной тюрьмѣ... палку для обороны отъ крысъ, былъ за такую поблажку битъ нещадно плетьми". Кромѣ физическихъ мученій, монахи Соловецкаго монастыря пускали въ ходъ еще болѣе тяжкія, можетъ быть, пытки, совершаемыя на почвѣ нравственнаго воздѣйствія. Не говоря уже объ увѣщаніяхъ, они нерѣдко нарочно „въ одномъ чуланѣ помѣщали двухъ сектантовъ такого рода, что они не только сообщаться и бесѣдовать другъ съ другомъ не хотѣли, но даже безъ злобы не могли смотрѣть одинъ на другого". И такіе идейные враги должны были жить въ одной камерѣ не день, не два, а цѣлые годы!

Современное духовенство, въ своей заботѣ объ охраненіи „исконныхъ началъ", не должно забывать своихъ предковъ. Оно должно помнить, что соловецкіе и прочіе монастырскіе тюремщики и истязатели нерѣдко упражняли свое жестокое творчество надъ лучшими представителями русскихъ народныхъ массъ... Зная прошедшее, русское общество легче можетъ понять настоящее значеніе миссіонерскихъ съѣздовъ и имъ подобныхъ собраній.

Много интересныхъ свѣдѣній сообщается также въ книжкѣ М. Колчина о русскомъ сектантствѣ. Рѣдкая секта не имѣла своего представителя въ соловецкой тюрьмѣ. Здѣсь томился пять лѣтъ въ заключеніи крестьянинъ Тверской губерніи Яковъ Степановичъ Потаповъ. Это онъ былъ поднятъ на руки съ развернутымъ краснымъ знаменемъ во время первой политической демонстраціи въ Россіи, происходившей въ Петербургѣ, на Казанской площади, 6-го декабря 1876-го года. Подъ сѣнью этого знамени была произнесена Г. В. Плехановымъ первая въ Россіи публичная политическая рѣчь.

Желаемъ книжкѣ М. Колчина самаго широкаго распространенія.— Владимиръ Бончъ-Бруевичъ.

— Сборникъ статей, посвященныхъ С. Ѳ. Платонову. С.-Петербургъ, 1911.

Празднованіе двадцатипятилѣтія ученой дѣятельности профессора С. Ѳ. Платонова побудило его учениковъ, друзей и почитателей издать сборникъ статей въ честь юбиляра. Вышедшій недавно, съ нѣкоторымъ опозданіемъ, сборникъ отличается богатствомъ и разнообразіемъ содержанія. Здѣсь, кромѣ ряда ученыхъ этюдовъ и статей по различнымъ отдѣламъ русской исторіи, имѣются статьи по исторіи русской литературы, по философіи, по исторіи права и даже произведенія изящной словесности (сонетъ и переводъ изъ Гёте К. Р.). Если не всѣ статьи одинаково цѣнны и интересны, то весьма многія изъ нихъ трактуютъ о существенно-важныхъ проблемахъ древней и новой русской исторіи. Древнѣйшему, до-славянскому прошлому русской равнины посвящены статья К. В. Хилинскаго, интересно комбинирующая данныя Трипольской культуры, и небольшая статья проф. Б. А. Тураева о Скиѳіи въ іероглифической надписи. Кіевскій періодъ представленъ весьма любопытной и оригинально-построенной статьей извѣстнаго археолога А. А. Спицына о торговыхъ путяхъ Кіевской Руси. Въ цѣломъ циклѣ статей, посвященныхъ исторіи московскаго государства, выдаются цѣнныя замѣтки о Боярской думѣ С. Б. Веселовскаго и весьма содержательный этюдъ А. Е. Пресняковa: „Иванъ III на Угрѣ“. По XVIII и XIX вѣкамъ имѣются статьи М. А. Полиевктова о герцогѣ де Лиріа и его любопытномъ проектѣ учрежденія испанскаго консульства въ Россіи, обширная работа М. В. Клочкова, внимательно анализирующая знаменитый манифестъ Павла I о трехдневной барщинѣ, этюдъ С. В. Рождественскаго о М. М. Сперанскомъ и комитетѣ 1837-го года по вопросу о степени обученія крѣпостныхъ людей (любопытныя данныя по исторіи нашего просвѣщенія) и замѣтка С. М. Середонина: „Къ плану государственнаго преобразованія 1809 года“. По Литовской Руси спеціальный этюдъ проф. М. К. Любавскаго представляетъ интереснѣйшія данныя по эволюціи „полюдья“.

Въ области русской литературы цѣнно опубликованіе проф. И. А. Шляпкинымъ твореній Ермолая Прегрѣшнаго, писателя эпохи Грознаго; интересны статья Е. И. Тарасова о забытомъ розенкрейцерѣ А. М. Кутузовѣ и изящный этюдъ Э. Л. Радлова о поэзіи Хомякова. Статья г. Степанова объ Евгемерѣ и евгемеризмѣ стоитъ нѣсколько особнякомъ; совершенно лишними въ сборникѣ представляются легенда для дѣтей средняго возраста „Гедвига“ и „Предчувствіе“ г. Иванова. Въ общемъ, сборникъ является цѣннымъ пріобрѣтеніемъ русской исторической литературы.—И. Бороздинъ.

— Изданія Сенатскаго Архива: 1) „Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Сенатскомъ Архивѣ“. 6 вып., 1909 — 1911; 2) „Сенатскій Архивъ“, т. XIII и XIV, 1909—1910.

Изученіе русской исторіи XVIII и XIX в.в. значительно оживляется въ наши дни. Доступнѣе стали многіе матеріалы, долго лежавшіе подъ спудомъ, сложнѣе и глубже становится интересъ къ пережитому при переходѣ нашей родины въ новый историческій періодъ, когда жизнь русская будетъ строиться на иныхъ политическихъ и соціальныхъ основахъ. На пути наростающаго интереса стоитъ, однако, большая препона. Матеріалъ „новой исторіи“ громаденъ, подготовительныхъ работъ выполнено крайне мало, работать приходится надъ неизданными архивными фондами, разыскивая въ нихъ нужныя данныя нерѣдко почти наугадъ, такъ какъ даже распредѣленіе матеріаловъ по разнымъ архивамъ далеко отъ какой-либо раціональной системы. При такихъ условіяхъ чрезвычайно велико благодѣтельное значеніе публикаціи архивныхъ описей. Знакомство съ ними — необходимая подготовка къ разысканіямъ; ихъ указанія не только даютъ надлежащую оріентировку, но, при новизнѣ дѣла у насъ, нерѣдко наводятъ на новые вопросы, намекая на рядъ фактовъ и явленій, еще не затронутыхъ научной литературой. Въ свое время составленная П. И. Барановымъ „Опись Высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ“ (3 т. 1872—78) вскрыла значеніе части научныхъ сокровищъ Сенатскаго архива. Нынѣ этотъ архивъ продолжаетъ начатое дѣло по иному, болѣе широкому плану. „Опись документовъ и дѣлъ“ разбита на три параллельныхъ отдѣла: первый регистрируетъ содержаніе отдѣла „копій“ съ распоряженій верховной власти, непосредственныхъ или черезъ высшія учрежденія (2 вып., 1703—1733 г.г.); второй—„дѣла общихъ собраній“ (2 вып., 1797—1803 г.г.); третій—„дѣла канцеляріи генералъ-прокурора“ (1 вып., за 1797 г.). На послѣднемъ отразилась аварія, какую пришлось претерпѣть архиву въ управленіе сенатора Рѣпинскаго: изъ 6.321 дѣла третьяго отдѣла за 1797 г.—5.436 были уничтожены, по „ненадобности“! Составители описи стремились къ необычной

полнотѣ, отмѣчая не только содержаніе документовъ, но и упоминаемые въ нихъ имена и термины. Алфавиты къ выпускамъ описи (личный, географическій и предметный) составлены не по описи, а по оригиналамъ, такъ что ихъ указанія нерѣдко полнѣе, чѣмъ данныя въ самой описи. Наконецъ, изданъ и выпускъ „Матеріаловъ для алфавитнаго указателя къ журналамъ и опредѣленіямъ 1-го департамента“ (А.) — перечень преимущественно личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ этомъ матеріалѣ, съ точными ссылками. Въ дальнѣйшемъ предположено шире развить географическій и предметный отдѣлы алфавита. Интенсивная работа чиновъ архива дала возможность начать большое дѣло, столь большое, что не безъ робости выскажемъ надежду на столь же успѣшное его продолженіе: кто не знаетъ, какъ вообще недостаточно обставлены наши архивы рабочими силами! Въ то же время архивъ продолжаетъ изданіе своего цѣннаго сборника, печатая въ немъ „протоколы Пр. Сената по секретной экспедиціи“—богатый матеріалъ, преимущественно по исторіи финансовой политики, внѣшней торговли и охраны государства отъ внѣшнихъ опасностей и внутреннихъ смутъ, а также Высочайшіе указы и повелѣнія за время имп. Екатерины II. Изданіе послѣднихъ — весьма существенное дополненіе къ Полному Собранію Законовъ — начато еще въ X т. и доведено до конца 1764 г. Новые томы „Сенатскаго Архива“ получили въ полной мѣрѣ характеръ научнаго изданія, благодаря порученію ихъ обработки спеціалисту-историку, М. В. Клочкову. Нельзя не пожелать, чтобы организація и постановка издательской работы архива, созданная его инспекторомъ, И. А. Блиновымъ, была лишь началомъ дальнѣйшаго и столь же успѣшнаго ея развитія.— А. Пр̀есняковъ.

— „Матеріалы по крѣпостному праву“. Саратовская губернія. Изданіе Саратовской ученой архивной коммиссіи. Саратовъ, 1911.

Наиболѣе крупной и по объему, и по значенію является въ этомъ сборникѣ статья Н. Ф. Хованскаго: „Помѣщики и крестьяне въ Саратовской губерніи“. Собранные въ ней матеріалы даютъ полную картину крѣпостного права, въ его бытовыхъ и юридическихъ формахъ, и весьма ярко освѣщаютъ природу явленій, имѣвшихъ мѣсто не въ одной только Саратовской губерніи. Здѣсь приведены извлеченія изъ подлинныхъ архивныхъ дѣлъ объ отысканіи свободы лицами, неправильно закрѣпощенными (39 извлеченій), объ отысканіи свободы крестьянами, проданными купцамъ, мѣщанамъ и вообще лицамъ не имѣвшимъ права владѣть крѣпостными (31 извлеченіе), и о бѣгствѣ крестьянъ отъ помѣщиковъ (15 извлеченій). Эти данныя знакомятъ насъ съ закрѣпощеніемъ плѣнныхъ, бездомныхъ, пришлыхъ людей,

дѣтей, незаконно прижитыхъ солдатскими женами, а также съ своеобразнымъ способомъ добыванія свободы: крѣпостные писцы барскихъ конторъ при ревизіи умышленно преуменьшали число наличныхъ душъ и затѣмъ подавали на своихъ господъ доносы о „прописныхъ“, пропущенныхъ при ревизіи душахъ, за что, по закону, должны были получить свободу. Любопытны также пререканія между администраціей центральныхъ губерній, требовавшей выдачи бѣглыхъ, и администраціей окраинъ, въ интересахъ ихъ заселенія медлившей исполненіемъ этихъ требованій. Поучительны свѣдѣнія о помѣщикахъ, отпустившихъ своихъ крестьянъ на волю, въ пятидесятыхъ годахъ, безъ земли: поименованъ 61 владѣлецъ. Въ другомъ отдѣлѣ статьи приведены подробныя, по каждому уѣзду особо, свѣдѣнія о выходѣ на даровой надѣлъ, о выходѣ на выкупъ, о переходѣ съ барщины на оброкъ, о размѣрѣ надѣловъ и повинностей. Въ Саратовской губерніи число дарственниковъ было велико; въ нѣкоторыхъ уѣздахъ оно доходило до четверти (Аткарскій и Камышинскій у.) и даже до большинства (Вольскій у.) всѣхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Мотивы выхода на даръ: „хоть съ крестомъ, да на волю“, „царь не оставитъ безъ земли“, „чтобъ не повторилась барщина“. Въ трудѣ г. Хованскаго есть и пробѣлы: вовсе оставленъ въ тѣни вопросъ о формахъ крестьянскаго землевладѣнія при крѣпостномъ правѣ, нѣтъ свѣдѣній объ общинѣ, передѣлахъ, прирѣзкѣ земли помѣщиками на прибылыя тягла; есть лишь весьма важныя для исторіи русскаго землевладѣнія свѣдѣнія о прирѣзкѣ земли помѣщикамъ отъ правительства на прибылыя души. Данныя о дѣятельности саратовскаго губернскаго комитета скудны и заимствованы исключительно изъ печатныхъ источниковъ.

Проведенію въ жизнь Положенія 1861 г. и дѣятельности мировыхъ посредниковъ посвящены въ сборникѣ двѣ статьи: А. Н. Минха, „Изъ записокъ мирового посредника“, и Ф. П. Коновалова, „Матеріалы изъ архива мировыхъ посредниковъ Аткарскаго уѣзда“. Живо написанныя воспоминанія г. Минха ярко рисуютъ денежный кризисъ, наступившій послѣ воли, и тѣ затрудненія, которыя приходилось преодолѣвать мировымъ посредникамъ. Любопытны результаты, которые дало въ деревнѣ книжное краснорѣчіе митрополита Филарета. Слова манифеста о „проводящемъ въ полѣ борозду сохой и плугомъ“ крестьяне толковали такъ: кто пахалъ плугомъ, получитъ залежь, кто сохой—мягкую землю. Характерная бытовая черточка: одна помѣщица въ своихъ заявленіяхъ посреднику не называла его по имени, а писала „Онъ“ или „атаманъ разбойниковъ“. Свѣдѣнія, приведенныя въ статьѣ г. Коновалова, обрывочны и не систематизированы. Въ свое оправданіе авторъ ссылается на печальное состояніе аткарскаго

архива и говоритъ, что предлагаемый трудъ есть лишь начало будущей работы. Въ статьѣ г. К. Веселовскаго: „Хозяйство и распорядки крупныхъ саратовскихъ помѣщиковъ въ старину“ помѣщены лишь извлеченія изъ „Общаго обзора имѣній моихъ“, составленнаго въ концѣ тридцатыхъ годовъ балашовскимъ помѣщикомъ А. Н. Львовымъ, и изъ „Отчета управляющаго имѣніями княгини М. В. Кочубей за 1838 г.“. По сравненіи съ уже опубликованными уложеніемъ гр. Орлова, наказомъ кн. Суворова и другими документами, эти извлеченія даютъ мало новаго. Ихъ цѣнность, главнымъ образомъ, въ томъ, что, по времени составленія, приведенныя въ нихъ описанія имѣній принадлежатъ къ числу самыхъ позднихъ. Въ общемъ, несмотря на неизбѣжную неровность содержанія и отдѣльные пробѣлы, книгу саратовской архивной коммиссіи можно только привѣтствовать. Надо надѣяться, что архивныя коммиссіи другихъ губернскихъ городовъ послѣдуютъ ея примѣру.—Д. К.

— Проф. Л. І. Петражицкій. Акціи, биржевая игра и теорія экономическихъ кризисовъ. Т. І. Спб., 1911. Ц. 2 р. 25 к.

Имя автора хорошо извѣстно какъ въ западно-европейской, такъ и въ русской наукѣ. Всѣми признана способность его къ широкимъ обобщеніямъ, проливающимъ новый свѣтъ на затрагиваемыя имъ проблемы. Совершенно правильно М. М. Ковалевскій находитъ въ немъ сходство съ двумя выдающимися юристами-философами — Мэномъ въ Англіи и Тардомъ во Франціи.

Разбираемое сочиненіе, по словамъ автора, играетъ, по своей задачѣ и природѣ, „относительно скромную и подчиненную роль вводнаго спеціальнаго изслѣдованія, иллюстрирующаго на частномъ примѣрѣ и подготовляющаго пониманіе несоизмѣримо болѣе обширныхъ идей и ученій“. Оно представляетъ собою переработку напечатанныхъ имъ еще въ 1897 г. въ „Русск. Экономич. Обозрѣніи“ и затѣмъ въ 1898 г. выпущенныхъ отдѣльной книгой статей объ акціонерномъ дѣлѣ и о роли акціонерныхъ компаній въ народномъ хозяйствѣ. Отсюда возможность прослѣдить развитіе мысли автора въ данной сферѣ. Изъ спеціальнаго изслѣдованія акціонернаго дѣла выростаетъ *общая идея*, ложащаяся въ основу новой теоріи экономическихъ кризисовъ, пріобрѣтающая „универсальное *экономическое* значеніе“ и, наконецъ, дающая объясненіе и *политическимъ* процессамъ. Авторъ доказываетъ „необходимость постановки теоріи и исторіи экономическихъ (и политическихъ) процессовъ на почву научнаго психологическаго изслѣдованія, вмѣсто пользованія разными психологическими фикціями и наивностями, въ родѣ посылки всеобщаго эгоизма, въ сочетаніи со всевѣдѣніемъ относительно настоящаго и будущаго, изъ которой вы-

водятся экономическіе законы въ современной экономической литературѣ".

Сочиненіе г. Петражицкаго разсчитано на два тома, изъ которыхъ второй будетъ посвященъ теоріи экономическихъ и политическихъ кризисовъ. Въ первой части перваго тома идетъ рѣчь объ акціонерномъ дѣлѣ и биржевой спекуляціи, во второй создается „общая теорія массовыхъ ошибокъ при оцѣнкѣ шансовъ неизвѣстной прибыли". Первая часть выясняетъ „тотъ психическій факторъ, который является движущею силою въ акціонерномъ дѣлѣ" и обусловливаетъ собою какъ пышный расцвѣтъ и важное значеніе акціонерныхъ компаній въ современномъ міровомъ хозяйствѣ, такъ и „чудовищныя" явленія акціонерныхъ кризисовъ. Вторая часть посвящена обоснованію „универсальнаго экономическаго значенія" этого психологическаго фактора, долженствующаго быть положеннымъ „въ основаніе политической экономіи". Для ознакомленія читателей со своимъ пониманіемъ права авторъ въ гл. 1-ой: „Психологическія посылки хозяйственной и иной законодательной политики" даетъ квинтъ-эссенцію „психологической теоріи права", развитой въ сочиненіи его: „Теоріи права и нравственности". Субъектомъ акціонернаго предпріятія, предпринимателемъ, авторъ признаетъ не акціонеровъ, а исключительно самую *акціонерную компанію*, юридическое лицо. Отдѣльный акціонеръ „ни съ личной, ни съ имущественной стороны вовсе не есть предприниматель". На немъ не лежитъ даже и той „ограниченной отвѣтственности", которую ему приписываютъ обыкновенно и за которую мечутъ на него „громъ и молнію"; онъ свободенъ также и отъ „ограниченнаго" предпринимательскаго риска, ибо и отвѣтственность, и рискъ полностью лежатъ на юридическомъ лицѣ—акціонерной компаніи. Акціонеръ „есть не снабженный особыми преимуществами (privilegia lucrativa) предприниматель, а, напротивъ, вѣритель, во вредъ котораго въ акціонерномъ правѣ скрываются весьма невыгодныя privilegia odiosa". Авторъ выставляетъ здѣсь „парадоксальное" положеніе, изъ котораго развивается вся его оригинальная теорія: „акціонеры, по сравненію съ прочими rentiers, вообще помѣщаютъ свой капиталъ менѣе выгодно и за покупаемыя ими цѣнныя бумаги (акціи) платятъ слишкомъ дорого". Акція, какъ цѣнная бумага съ *неопредѣленнымъ* капиталомъ и доходомъ, обыкновенно оцѣнивается выше своей внутренней цѣнности. Здѣсь дѣйствуетъ законъ, въ силу котораго „цѣнныя бумаги съ преміями, въ томъ числѣ акціи, стремятся вызвать въ публикѣ спросъ и оцѣнку, превышающіе ихъ внутреннюю цѣнность". Законъ этотъ покоится на общераспространенной психологической чертѣ, свойственной людямъ: *„преувеличивать цѣнность благопріятныхъ и желательныхъ шансовъ при соображеніяхъ вѣроятности"*. Эта склонность

лежитъ въ основѣ не только всего акціонернаго дѣла и биржевой спекуляціи, но и въ основѣ устройства лотерей, тотализатора, игры въ рулетку и, вообще, въ основѣ успѣха азартныхъ игръ, несмотря на явную *объективную* убыточность игры почти для каждаго игрока. А мотыльки все летятъ и летятъ обжечь свои крылья на заманчивомъ огнѣ азартной спекуляціи. Въ основѣ наибольшаго успѣха займовъ съ преміями или выигрышами лежитъ все та же оптимистическая тенденція. Массовое настроеніе общества еще болѣе взвинчиваетъ эту тенденцію, создавая тѣ странныя „горячки", „маніи" въ области биржевой спекуляціи и акціонернаго дѣла, которыя неминуемо влекутъ за собою (въ разсчетѣ на дальнѣйшую горячку) новые выпуски акцій, спѣшное рожденіе акціонерныхъ предпріятій,—и затѣмъ заканчиваются всеобщей паникой, крахомъ, лопаніемъ дутыхъ „мыльныхъ пузырей", принятыхъ въ моментъ „горячки" за крѣпкія, солидныя учрежденія. Въ основѣ такихъ кризисовъ и ихъ какъ бы „цикличности" лежитъ стихійная *эмоціональная* сила нашей психики, которая „въ исключительныхъ случаяхъ крайняго напряженія можетъ вести и ведетъ къ уродливымъ и разрушительнымъ проявленіямъ". Благодѣтельное значеніе акціонерной формы предпріятій состоитъ въ пробужденіи дремлющихъ производительныхъ силъ къ дѣятельности, вслѣдствіе стимула оптимистической тенденціи. Поэтому самый институтъ акціонернаго права весьма полезенъ и требуетъ вдумчиваго отношенія со стороны законодательства. Существо раціональной законодательной политики акціонернаго дѣла должно сводиться къ двумъ задачамъ: „1) къ возможно лучшей утилизаціи, на благо народнаго хозяйства и культуры, тенденціи оптимистической надбавки, какъ фактора, вызывающаго предпріимчивость, пробуждающаго и приводящаго въ энергичное движеніе дремлющія производительныя силы страны и 2) къ предотвращенію или ослабленію чрезмѣрно интенсивнаго, патологическаго дѣйствія тенденціи оптимистической надбавки". Отсюда—необходимость уничтоженія концессіонной системы и введенія прогрессивнаго акціонернаго налога, „дабы оптимистической надбавкѣ противопоставить вычетъ въ пользу государства". Тотъ же принципъ политики долженъ быть принятъ и относительно биржевой спекуляціи.

Вторая часть книги посвящена „общей теоріи" дѣйствія оптимистической тенденціи, ея „универсальному экономическому значенію". Прежде всего, она дѣйствуетъ „въ области всякаго предпринимательства": въ торговлѣ, въ промышленности, въ ремеслѣ и т. д. Тенденція „шансоваго оптимизма" лежитъ, собственно говоря, въ основѣ всякой человѣческой дѣятельности—и производства, и обмѣна, и распредѣленія, и потребленія, т.-е. въ основѣ всего хозяйства; она должна

быть положена въ основаніе науки политической экономіи. Шансовый оптимизмъ дѣйствуетъ и у родителей при выборѣ карьеры для дѣтей, и въ сферѣ научной дѣятельности и т. п. Вообще, роль эмоціональнаго оптимизма состоитъ въ побужденіи людей къ соціально-необходимому и желательному поведенію въ разныхъ областяхъ, повышающему „уровень народнаго благосостоянія и уровень хозяйственной (и иной) дѣятельности въ народѣ". Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе интересной книги проф. Петражицкаго. — П. Михайловъ.

— Н. Огановскій. „Очерки по исторіи земельныхъ отношеній въ Россіи". Саратовъ, 1911.

Въ послѣдніе годы русская экономическая литература обогатилась обширными изслѣдованіями о сущности аграрной эволюціи вообще и о характерѣ аграрной эволюціи Россіи въ частности. Большинство этихъ изслѣдованій принадлежитъ не безстрастнымъ ученымъ академическаго типа; авторы, обратившіе на себя наибольшее вниманіе публики, открыто выступили даже подъ флагомъ соціализма марксистскаго (Масловъ, Лященко) или народническаго (Огановскій, Сухановъ) лагеря. Указанная въ заголовкѣ этой замѣтки книга г. Огановскаго является второй частью обширнаго сочиненія, о первой части котораго („Закономѣрность аграрной эволюціи"), вышедшей два года тому назадъ, въ свое время шла рѣчь въ нашемъ журналѣ. Въ первой части труда г. Огановскаго трактуются темы объ „общемъ ходѣ и фазисахъ аграрной эволюціи" и строится схема эволюціи сельскохозяйственнаго производства и распредѣленія средствъ его. Въ трехъ слѣдующихъ частяхъ предполагалось изложить эволюцію производительности земли и земельныхъ отношеній въ Россіи: вторая часть должна обнимать исторію земледѣлія и землевладѣнія, третья — географію того и другого, а четвертая будетъ посвящена „анализу предпосылокъ ближайшаго будущаго аграрной эволюціи Россіи", съ подробнымъ изученіемъ прогрессивной стороны сельско-хозяйственной эволюціи. Всѣ эти работы должны подтвердить правильность построенной авторомъ схемы.

Названная въ заголовкѣ книга и составляетъ обѣщанную вторую часть труда г. Огановскаго. Онъ разсматриваетъ въ ней исторію землевладѣнія и сельскаго хозяйства въ Россіи по періодамъ и главнѣйшимъ географическимъ районамъ. Это разсмотрѣніе подтверждаетъ положеніе, что основной принципъ эволюціи сельскаго хозяйства заключается въ развитіи производительности земли подъ вліяніемъ безпрерывно возрастающаго населенія. Въ кіевскій періодъ исторіи земледѣліе только зарождается; въ удѣльный періодъ оно вытѣсняетъ доземледѣльческія системы эксплоатаціи даровыхъ силъ природы и отъ

переложной системы переходитъ въ трехполье; въ московскій и петербургскій періоды земледѣліе, вслѣдствіе разселенія жителей, распространяется на новыя области, начинаясь здѣсь въ формѣ перелога и переходя въ трехполье. Ближайшее къ намъ время является эпохой паденія трехполья и вытѣсненія экстенсивнаго хозяйства интенсивнымъ.

Исторія землевладѣнія въ Россіи въ изложеніи г. Огановскаго подтверждаетъ его схему эволюціи распредѣленія земли, подтверждаетъ положеніе, что эта эволюція начинается заимкою земли трудящимся на ней населеніемъ, продолжается насильственнымъ захватомъ земли военнымъ служилымъ сословіемъ, съ послѣдующимъ закрѣпощеніемъ работающаго на ней населенія, и заканчивается (для нашего времени) обратнымъ процессомъ перехода земли отъ владѣющихъ классовъ къ крестьянамъ, обусловленнаго, главнымъ образомъ, техническими преимуществами мелкаго и средняго хозяйства надъ крупнымъ. Окончательнымъ результатомъ этого процесса (равно какъ и нормальнымъ типомъ эволюціи) является нивеллировка землевладѣнія. Политическій захватъ земли въ Россіи начинается въ удѣльномъ періодѣ; въ московскій періодъ крестьянское землевладѣніе окончательно ликвидируется; въ петербургскій—крупное землевладѣніе сначала концентрируется, затѣмъ раздробляется и развивается крупное товарное хозяйство; въ пореформенный періодъ крестьяне болѣе и болѣе отвоевываютъ землю у помѣщиковъ.

Таковы, въ самомъ общемъ выраженіи, основные взгляды г. Огановскаго на аграрную эволюцію въ Россіи. Изслѣдованіе его обнимаетъ исторію и современное положеніе сельскаго хозяйства и землевладѣнія. Не будучи спеціалистомъ-историкомъ, въ первой части своего труда авторъ пользовался обработанными сочиненіями; но, не говоря уже о томъ, что и здѣсь онъ мѣстами производилъ самостоятельную группировку почерпаемыхъ изъ нихъ данныхъ—по самому своему характеру эта историческая часть не можетъ быть названа простой компиляціей. Для новѣйшаго времени г. Огановскій даетъ немало самостоятельныхъ группировокъ статистическихъ данныхъ, пользуясь преимущественно земскими изслѣдованіями о крестьянскомъ хозяйствѣ и стремясь главнымъ образомъ къ выясненію вопроса о томъ, въ какомъ направленіи—въ сторону дифференціаціи или нивеллировки—развивается это хозяйство, въ какомъ взаимоотношеніи находятся процессы колебанія средняго уровня крестьянскаго хозяйства и увеличеніе или уменьшеніе разслоенія въ его средѣ. Частью примыкая къ своимъ предшественникамъ по разработкѣ этого вопроса, частью дополняя ихъ заключенія, авторъ—въ противоположность гг. Гурвичу, Маслову, Ильину—приходитъ къ выводу, что при пониженіи или повышеніи средняго уровня обезпеченности крестьянскаго хозяйства происходитъ процессъ одно-

сторонней (внизъ или вверхъ) перегруппировки хозяйственныхъ группъ крестьянскихъ семей; при незначительномъ же измѣненіи средней обезпеченности чаще всего наблюдается процессъ нивеллировки хозяйственныхъ группъ.

Въ полномъ видѣ значеніе общихъ воззрѣній г. Огановскаго на аграрную эволюцію и его научной работы для выясненія процессовъ аграрнаго развитія Россіи выяснится, конечно, лишь по окончаніи всего труда. Но и теперь можно уже сказать, что авторомъ внесена своя лепта въ дѣло разъясненія важныхъ вопросовъ экономическаго быта Россіи, и выразить чувство удовлетворенія тѣмъ, что молодые русскіе экономисты принялись вплотную за разработку богатаго матеріала земской статистики.—В. В.

— Петръ Масловъ. Теорія развитія народнаго хозяйства. Введеніе въ соціологію и политическую экономію. Спб., 1910. Ц. 2 р.

„Въ предлагаемой попыткѣ дать теорію развитія народнаго хозяйства, которая должна служить общей предпосылкой при изученіи соціологіи и политической экономіи, читатель найдетъ много стараго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, новаго“,—пишетъ г. Масловъ о своей новой работѣ. „Приведенные факты *исторіи* развитія народнаго хозяйства большею частью общеизвѣстны“. Авторъ „пытался разсмотрѣть факты въ связи съ процессомъ развитія производительныхъ силъ и съ анализомъ тѣхъ условій, которыя вліяютъ на развитіе хозяйства въ опредѣленномъ направленіи“. Факты, съ которыми имѣетъ дѣло г. Масловъ, по его собственнымъ словамъ, не новы. Но нельзя сказать, чтобы была вполнѣ нова и постановка г. Масловымъ теоретической проблемы. Если оставить въ сторонѣ специфическія особенности терминологіи отдѣльныхъ экономистовъ, то необходимо признать, что разработкой теоріи народнаго хозяйства именно въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ ее г. Масловъ, занимались и Зомбартъ, и Бюхеръ, и Шмоллеръ, и Лампрехтъ, и Туганъ-Барановскій, и многочисленные dii minores. Ихъ теоріи могутъ не удовлетворять г. Маслова; это—другое дѣло. Но едва-ли возможно отрицать ихъ существованіе, утверждать, что основныя проблемы теоріи народнаго хозяйства не были до сихъ поръ намѣчены и поставлены, какъ это безконечное число разъ повторяетъ г. Масловъ, на страницахъ своей книги. Какъ бы ни было, г. Масловъ вноситъ свою лепту въ разработку теоріи народнаго хозяйства. И его попытку отнюдь нельзя считать безплодной и неинтересной. Его книга распадается на три части. Первая часть посвящена эволюціи системъ земледѣльческаго хозяйства, при чемъ эта эволюція связывается съ измѣненіями въ строѣ натуральнаго хозяйства и индустріи, еще не отдѣлившейся отъ земледѣлія.

Основнымъ *факторомъ* измѣненія земледѣльческихъ системъ авторъ считаетъ ростъ населенія, заставляющій прилагать все бо̀льшее количество труда къ данной площади земли; основнымъ *результатомъ* интенсификаціи хозяйства авторъ выставляетъ относительное паденіе послѣдовательныхъ затратъ въ той же землѣ, и этотъ фактъ онъ считаетъ „постояннымъ условіемъ, при которомъ должно было развиваться хозяйство и производительныя силы общества". Авторъ удѣляетъ очень много мѣста какъ обоснованію самой наличности этого факта, такъ и доказательствамъ его универсальнаго значенія въ развитіи народнаго хозяйства. Въ общемъ данный вопросъ освѣщается правильно; но надо замѣтить, что здѣсь читатель не найдетъ почти ничего новаго. Понятіе и признаки развитія производительныхъ силъ сбивчивы и неустойчивы, представляя по существу повтореніе мыслей, высказанныхъ авторомъ въ другомъ его сочиненіи: „Аграрный вопросъ". Отъ этого, въ особенности, существенно страдаетъ наиболѣе интересный пунктъ первой части—анализъ перераспредѣленія производительныхъ силъ при измѣненіи системъ хозяйства, анализъ условій перемѣщенія ихъ отъ добыванія средствъ потребленія къ добыванію средствъ производства. Авторъ констатируетъ, что „производительныя силы перераспредѣляются въ хозяйствахъ между различными отраслями въ зависимости отъ степени развитія производительныхъ силъ". Примѣнительно къ условіямъ капиталистическаго строя выводъ этотъ не заключаетъ въ себѣ новой мысли, но примѣненіе его къ изолированному натуральному и крестьянскому хозяйству заслуживаетъ вниманія. Однако, аргументація автора недостаточно ясна и убѣдительна, именно въ силу шаткости терминологіи.

Вторая часть книги г. Маслова посвящена „организаціи хозяйства". Подъ этимъ терминомъ авторъ разумѣетъ характеръ общественной организаціи производительныхъ силъ: *размѣрами* этой организаціи опредѣляется *степень* развитія организаціи хозяйства. Г. Масловъ различаетъ слѣдующія ступени хозяйственной организаціи: 1) изолированное хозяйство, 2) общинное, 3) районное, 4) національное и 5) міровое. Эта классификація очень интересна и въ значительной степени цѣлесообразна. Создана она, какъ видно, не безъ сильнаго вліянія М. М. Ковалевскаго. Но принципомъ, положеннымъ въ ея основу, не исчерпывается все содержаніе экономической эволюціи; она затрагиваетъ одну только сторону послѣдней и въ частности совершенно не касается формъ производства. Г. Масловъ полагаетъ, что каждой изъ названныхъ ступеней организаціи хозяйства соотвѣтствуютъ опредѣленныя „формы промышленности". Но уже это обстоятельство само по себѣ говоритъ о томъ, что данная классификація недостаточна; и это заставляетъ г. Маслова наряду съ первой поставить

вторую классификацію—„формъ промышленности“, выполненную, впрочемъ, неудовлетворительно, такъ какъ въ основѣ ея лежитъ не одинъ, а нѣсколько признаковъ (см. стр. 224). Эта необходимость параллельныхъ классификацій свидѣтельствуетъ о чрезвычайной многогранности экономической эволюціи, о наличности цѣлаго ряда точекъ зрѣнія, съ которыхъ можно разсматривать и классифицировать хозяйственныя эпохи. Поэтому совершенно неосновательно г. Масловъ *противопоставляетъ* свою классификацію той, которую даетъ, напр., Зомбартъ и въ основу которой положенъ иной принципъ: размѣры организаціи *частнаго* хозяйства. Схема г. Маслова ни въ какомъ случаѣ не исключаетъ и не замѣняетъ схемъ Бюхера или Зомбарта, а только дополняетъ ихъ, охватывая иныя стороны хозяйственной эволюціи. Во второй части интересны соображенія г. Маслова относительно условій паденія ремесла и превращенія его въ кустарное производство на скупщика: рѣшающимъ факторомъ г. Масловъ выставляетъ здѣсь увеличеніе числа ремесленниковъ. Интересна и критика Бюхера по данному пункту. Глава о происхожденіи и образованіи мѣновой цѣнности не заключаетъ въ себѣ ничего существенно новаго.

Въ третьей части книги г. Масловъ занимается вопросомъ о распредѣленіи производительныхъ силъ. Здѣсь, прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить любопытную и остроумную попытку примѣненія извѣстной схемы мѣновой цѣнности австрійской школы къ вопросу о распредѣленіи производительныхъ силъ. Правда, объективное значеніе этой попытки довольно скромно, въ особенности примѣнительно къ условіямъ капиталистическаго строя, гдѣ то же самое объясняетъ и теорія кочеванія капиталовъ. Тѣмъ не менѣе схемы г. Маслова довольно удачно конкретизируютъ и иллюстрируютъ тотъ (въ сущности элементарный) фактъ, что характеръ распредѣленія производительныхъ силъ опредѣляется настоятельностью потребностей—въ хозяйствѣ или на рынкѣ. Къ сожалѣнію, г. Масловъ недостаточно отчетливо подчеркиваетъ хозяйственную анархію современнаго строя; благодаря этому создается иллюзія бо̀льшей планомѣрности въ распредѣленіи производительныхъ силъ, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ. Далѣе авторъ переходитъ къ выясненію вопроса, какая комбинація въ распредѣленіи производительныхъ силъ должна оказаться наиболѣе выгодной для ихъ развитія. Росту производительныхъ силъ—утверждаетъ г. Масловъ—способствуетъ, главнымъ образомъ, ростъ производительнаго потребленія, накопленіе постояннаго капитала; ростъ постояннаго капитала наблюдается, главнымъ образомъ, въ массовомъ производствѣ предметовъ, потребляемыхъ трудовыми классами; потребленіе капиталистовъ опирается, напротивъ, по преимуществу на такія производства, гдѣ въ общемъ строеніи капитала гораздо бо̀льшую роль

играетъ живой трудъ, перемѣнный капиталъ. Поэтому „наиболѣе выгодная комбинація для развитія производительныхъ силъ страны получается тогда, когда характеръ потребленія капиталистовъ приближается къ характеру потребленія народныхъ массъ и когда потребленіе послѣднихъ растетъ пропорціонально росту производительныхъ силъ страны“ (стр. 276—7). Отсюда г. Масловъ заключаетъ, что „между экономическимъ развитіемъ общества и высотою заработной платы существуетъ самая тѣсная связь; борьба за улучшеніе положенія рабочаго класса есть вмѣстѣ съ тѣмъ борьба за экономическое развитіе общества, а экономическій прогрессъ тѣсно связанъ съ развитіемъ всей общественной культуры“ (стр. 285).

Въ общемъ книга г. Маслова не является „новымъ словомъ“ въ экономической наукѣ, ни въ смыслѣ новизны разсматриваемыхъ авторомъ проблемъ, ни въ смыслѣ новой постановки старыхъ проблемъ, ни въ смыслѣ оригинальнаго ихъ рѣшенія. Въ этомъ смыслѣ никакъ нельзя согласиться съ оцѣнкой разсматриваемой работы самимъ ея авторомъ. Цѣнность книги г. Маслова сводится къ наличности многихъ отдѣльныхъ мыслей и замѣчаній, способныхъ иногда освѣтить, чаще — конкретизировать тотъ или иной отдѣльный вопросъ. Конечно, не вина автора, что онъ не могъ дать больше. За это упрекать его не приходится. Но есть много пунктовъ, которые подлежатъ осужденію. Подробно разбирать книгу мы въ бѣглой замѣткѣ, конечно, не можемъ. Отмѣтимъ хотя бы слѣдующее. Авторъ желалъ сдѣлать свою книгу „руководствомъ-введеніемъ въ политическую экономію и соціологію“; онъ стремился обосновать необходимыя предпосылки экономической науки, создать своего рода экономическую пропедевтику. Между тѣмъ, на всемъ протяженіи своей работы онъ оперируетъ съ понятіями весьма сложными и крайне спорными. Книга пестритъ безапелляціонными постулатами по самымъ темнымъ вопросамъ. Къ доказательствамъ авторъ не прибѣгаетъ, предпочитая въ „руководствѣ“ и „введеніи“ преподносить готовыя истины; несогласныя же мнѣнія онъ просто игнорируетъ. Особенно поразительно легкомысленное отношеніе автора къ теоріямъ рынковъ и кризисовъ. Теоріи Родбертуса, Энгельса, Каутскаго и новѣйшія мнѣнія въ этой области г. Масловъ призналъ какъ бы несуществующими и, посвятивъ нѣсколько довольно легковѣсныхъ замѣчаній г. Туганъ-Барановскому, предпочелъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій проводить ученіе Сисмонди, не называя его автора. Можно было бы указать въ книгѣ и много другихъ рискованныхъ положеній. Такъ, на стр. 283 авторъ, несмотря на неоднократныя опроверженія, признаетъ несомнѣннымъ болѣе низкое строеніе сельскохозяйственнаго капитала сравнительно съ индустріальнымъ и дѣлаетъ изъ этого существенные выводы. На стр. 66 г. Масловъ ссылается

такъ же безапелляціонно на несостоятельную теорію Зомбарта относительно первоначальнаго обогащенія земельной рентой. На стр. 201 мы неожиданно узнаемъ, что торговый капиталъ на первоначальныхъ ступеняхъ эксплоатируетъ лишь потребителя, ибо купецъ продаетъ товары непремѣнно выше ихъ цѣнности. Главнымъ недостаткомъ книги г. Маслова является, независимо отъ содержанія, ея совершенно неудовлетворительное изложеніе. Мало сказать, что книга растянута: чтобы объемъ ея соотвѣтствовалъ содержанію, ее необходимо было сократить по крайней мѣрѣ на двѣ трети. Безконечныя повторенія крайне затемняютъ и безъ того спутанное изложеніе. Типичность цифровыхъ иллюстрацій обыкновенно совершенно не мотивирована. Распредѣленіе матеріала—неудачное и непонятное. Въ виду всего этого болѣе подготовленный читатель чѣмъ дальше, тѣмъ больше долженъ испытывать при чтеніи нестерпимую скуку. У неподготовленнаго же читателя едва-ли что останется въ головѣ. Объ этомъ во всякомъ случаѣ можно пожалѣть, такъ какъ по своему *содержанію* книга г. Маслова могла бы быть небезполезной для широкой публики, интересующейся экономикою.—Ник. Гиммеръ.

— Альфредъ Руссель Уоллэсъ, „Дарвинизмъ. Изложеніе теоріи естественнаго подбора и нѣкоторыхъ изъ ея приложеній“. Переводъ проф. М. А. Мензбира, съ приложеніемъ его статьи: „А. Уоллэсъ и его научное значеніе“. Изд. 2-ое, дополненное. 37 рисунковъ. М., 1911. Ц. 2 р. 40 к.

Имя Уоллэса, пришедшаго независимо отъ Дарвина къ мысли, что борьба за существованіе является сущностью естественнаго отбора, служитъ достаточной гарантіей интереса и научнаго значенія книги, не устарѣвшей до сихъ поръ, хотя переводъ сдѣланъ съ изданія 1891 г., а самая книга написана въ 1889-мъ году. Сочиненіе Уоллэса можно считать дополненіемъ къ классическому труду Дарвина о происхожденіи видовъ, такъ какъ Уоллэсъ особенно подробно разсматриваетъ не только добавленія, но и слабыя стороны или неполноту данныхъ самого Дарвина и всѣ возраженія, сдѣланныя послѣднему, начиная съ того момента, когда дарвинизмъ долженъ былъ завоевывать себѣ положеніе въ наукѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда воззрѣнія и данныя Уоллэса и Дарвина совпадаютъ, авторъ становится кратокъ, отсылая читателя къ „Происхожденію видовъ“. Книга Уоллэса является, поэтому, необходимой для всякаго, кто хоть сколько-нибудь интересуется трудами Дарвина. Будучи творцомъ научной зоогеографіи и много лѣтъ путешествуя въ области тропиковъ, въ Бразиліи и Малайскомъ Архипелагѣ, Уоллэсъ, въ противоположность Дарвину, главное вниманіе удѣляетъ измѣненію организмовъ не въ домашнемъ, а въ естественномъ ихъ состояніи, и такимъ явленіямъ, какъ окраска жи-

вотныхъ и растеній и значеніе ея въ борьбѣ за существованіе. Главы объ окраскахъ организмовъ занимаютъ почти треть всей книги. Много обращается вниманія также на окраску и украшенія у разныхъ половъ. Здѣсь Уоллэсъ отклоняется отъ Дарвина, стараясь доказать, что половой подборъ не существуетъ какъ самостоятельный факторъ, а является лишь частнымъ случаемъ естественнаго. Въ предисловіи самъ авторъ формулируетъ свои разногласія съ Дарвиномъ и приводитъ всѣ собранные имъ самимъ факты, подтверждающіе теорію естественнаго подбора. Эту теорію проводитъ онъ во всей ея чистотѣ, упрекая даже Дарвина въ томъ, что онъ въ позднѣйшихъ изданіяхъ своего сочиненія нѣсколько уклонился отъ своей первоначальной точки зрѣнія. Весьма повышаетъ значеніе книги, выступающей „въ защиту чистаго дарвинизма“, прибавленная переводчикомъ статья Уоллэса: *О современномъ состояніи дарвинизма*, напечатанная въ „Contemporary Review“ за 1908 г. и разбирающая новыя теоріи—неоламаркизмъ, мутацію, менделизмъ,—гдѣ авторъ горячо отстаиваетъ старыя традиціи „чистаго дарвинизма“. Воззрѣнія Уоллэса представляютъ интересъ еще съ совершенной иной стороны. Они показываютъ, какъ иногда нѣкоторые личные взгляды берутъ верхъ, даже у такихъ талантливыхъ людей, какъ Уоллэсъ, въ прямомъ противорѣчіи съ установляемыми ими же самими фактами. Въ этомъ случаѣ Уоллэсъ напоминаетъ творца научной геологіи, Ляйэлля, который долго не признавалъ эволюціоннаго ученія изъ-за религіозныхъ мотивовъ. Въ главѣ *о дарвинизмѣ въ приложеніи къ человѣку* Уоллэсъ не можетъ идти противъ научныхъ фактовъ и говоритъ, что „такъ какъ мы совершенно напрасно пытаемся найти въ нашемъ организмѣ и въ исторіи его развитія какое-нибудь указаніе на происхожденіе, независимое отъ остального животнаго міра, то мы должны отбросить мысль объ „особомъ твореніи“ человѣка, съ одной стороны какъ совершенно не опирающуюся на факты, съ другой—какъ въ высшей степени невѣроятную“ (стр. 519). По поводу заключенія Дарвина о единствѣ организаціи человѣка и высшихъ млекопитающихъ и происхожденія человѣка отъ обезьяноподобныхъ предковъ Уоллэсъ замѣчаетъ, что „доказательства такого происхожденія кажутся подавляющими по своему значенію и внѣ возможности оспариванія“ (стр. 525). И тѣмъ не менѣе Уоллэсъ не можетъ отрѣшиться отъ признанія особаго міра—„міра духа, которому подчиненъ матеріальный міръ“, допускаетъ существованіе жизненной силы и присутствіе внутри человѣка „чего-то, что не беретъ своего начала въ его животныхъ прародичахъ, чего-то, что надо приписать его духовной природѣ“ (стр. 539). Тѣло человѣка, по Уоллэсу, развилось „изъ организма низшихъ животныхъ по закону естественнаго подбора“, но его умственныя и нравственныя способности „должны

были имѣть другое происхожденіе", и именно изъ „невидимаго духовнаго міра". Уоллэсъ закрываетъ глаза передъ тѣмъ обстоятельствомъ, что низшіе организмы совершенно лишены сознательной дѣятельности, вслѣдствіе чего зачатки послѣдней надо искать одновременно и наряду съ осложненіемъ животной организаціи, въ пользу чего говорятъ всѣ данныя сравнительной анатоміи и физіологіи. Между тѣмъ Уоллэсъ, одинъ изъ основателей дарвинизма, въ угоду предвзятой идеѣ совершенно пренебрегаетъ современнымъ состояніемъ физіологіи и біохиміи.

Въ началѣ книги переводчикъ приложилъ краткій біографическій очеркъ: „Альфредъ Руссель Уоллэсъ и его научное значеніе", гдѣ разсматриваются упомянутыя особенности взгляда Уоллэса на духовный міръ. Переводъ книги безукоризненный, изданіе не оставляетъ желать ничего лучшаго.—А. Щ.

Въ теченіе мая мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Айхенвальдъ, Ю.—Предисловіе къ 3-му изданію книги „Силуэты русскихъ писателей". Оттискъ. Москва, 1911 г.

Амфитеатровъ, А. В.—Собраніе сочиненій. Звѣрь изъ бездны. Т. I. Династія при смерти. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

д'Аннунціо, Габріэле.—Собраніе сочиненій. Т. VIII. Джіоконда. Трагедія. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Арабажинъ, К. И. — Леонидъ Андреевъ. Итоги творчества. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Бернацкій, М. В.—Теоретика государственнаго соціализма въ Германіи и соціально-политическія воззрѣнія князя Бисмарка. Спб., 1911 г. Ц. 3 р. 50 к.

Большаковъ, К. — Мозаика. Стихи и проза. Москва, 1911 г. Цѣна 60 коп.

Брюсовъ, Валерій. — Великій риторъ. Жизнь и сочиненія Децима Магна Авсонія. Москва, 1911 г.

Бурже, д-ръ.—Нѣкоторыя заблужденія и обманы въ модной медицинской наукѣ. Перев. съ франц. д-ра медиц. В. П. Колодезникова. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Витте, С. Ю., гр.—Вынужденныя разъясненія по поводу отчета ген.-адъют. Куропаткина о войнѣ съ Японіей. Москва, 1911 г. Цѣна 60 коп.

Воблый, К.—Профессіонально-промысловая перепись въ Германіи. Томъ I. Кіевъ, 1911 г. Цѣна 3 р.

Галанинъ, Д.—Методика ариѳметики. Второй годъ обученія. Москва, 1911 г. Цѣна 50 коп.

Голубевъ, П. А.—Введеніе воли. Разсказъ заводскаго крѣпостного. Вятка, 1911 г. Цѣна 15 коп.

Діесперовъ, А.—Стихотворенія. Москва, 1911 г. Цѣна 60 коп.

Довнаръ-Запольскій, М. В.—На зарѣ крестьянской свободы. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р.

Dubois, Р.—О психотерапіи. Авторизированный переводъ. Москва, 1911 г. Цѣна 80 коп.

Евреиновъ, Г. А. — Идеологія ближневосточнаго вопроса. Спб., 1911 г. Цѣна 40 коп.

Езерскій, Ѳедоръ. — Счетоводство, какъ самый опасный врагъ и какъ самое точное зеркало. Изданіе 4-е. Спб.-Москва, 1911 г. Цѣна 60 коп.

Ефименко, А. Я.—Элементарный учебникъ русской исторіи. Курсъ эпизодическій. Для младшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній и городскихъ училищъ. Съ 44 рис. и 5 раскраш. картами. Спб., 1911 г. Цѣна 75 коп.

Каренинъ, В.—Муся. Романъ. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Катаевъ, И. М.—Къ вопросу о типѣ учебника русской исторіи. Москва, 1911 г. Цѣна 15 коп.

Клаузнеръ, І. Л.—Происхожденіе и характеръ древне-еврейской письменности. Одесса, 1911 г. Цѣна 25 коп.

Корчемный, Веніаминъ. — Собраніе сочиненій, т. І. Лунная соната. Повѣсть. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Коцюбинскій, М.—Т. II. Разсказы. Съ украинскаго авторизированный переводъ Мих. Могилянскаго. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Крачковскій, Д.—Разсказы. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Лазаревскій, Борисъ. — Собраніе сочиненій. Т. І. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Линевичъ, Д. Л. — По этапу. (Бронзовое дѣло). Разсказъ изъ тюремнаго быта. Спб., 1911 г. Цѣна 80 коп.

Макаровъ, Н.—Новая кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ и крахмальное производство. Кострома, 1911 г. Цѣна 75 коп.

Мацокинъ, Николай.—Материнская филіація въ восточной и центральной Азіи. Вып. І. Владивостокъ, 1910 г. Цѣна 35 коп. Вып. II. Владивостокъ, 1911 г. Цѣна 1 р. 40 к.

Мендринъ, В. М.—Исторія сіогуната въ Японіи. Нихонъ Гайси. Сочиненіе Рай Дзіо Сисей. Въ 22-хъ книгахъ. Перев. съ японскаго, съ примѣч. и комментаріями. Книга 1-я, Тайра. Книга 2-я, Минамото. Владивостокъ, 1910—1911 г.

Мопассанъ (де-), Гюи.—Полное собраніе сочиненій. Т. XVIII. Съ лѣвой руки. Разсказы. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Морской, А. — Разочарованія въ честномъ маклерствѣ. Т. Рузвельтъ и портсмутскія совѣщанія. Москва, 1911 г. Цѣна 50 коп.

Пасманикъ, Д. С., д-ръ. — Странствующій Израиль. Психологія еврейства въ разсѣяніи. Вильно, 1911 г. Цѣна 40 коп.

Петровъ, Г. С. — У пустого колодца. Сборникъ статей. Москва. 1911 г. Цѣна 1 р.

Прево, Марсель. — Полное собраніе сочиненій. Т. II. Любовь женщины. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Саввинъ, Н. А.—Опытъ ежегодника дѣтской литературы. Дѣтская литература и журналистика за 1909—1910 г.г. Москва, 1911 г. Цѣна 25 коп.

Саловъ, И. А. — Полное собраніе сочиненій. Т. III. Ольшанскій молодой баринъ. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Соловьевъ, Владиміръ. — Россія и вселенская церковь. Перев. съ франц. Г. А. Рачинскаго. Москва, 1911 г. Цѣна 2 р. 25 коп.

——— Русская идея. Перев. съ франц. Г. А. Рачинскаго. Москва, 1911 г. Цѣна 75 коп.

Стоюнинъ, В. Я.—Педагогическія сочиненія. Третье изданіе. Спб., 1911 г. Цѣна 2 р. 25 коп.

Стражевъ, Викторъ.—Т. І. Стихи. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

Стражевъ, Викторъ.—Т. II. Разсказы. Москва, 1911 г. Цѣна 80 коп.

Тарановскій, Ѳ. В.—Догматика положительнаго права во Франціи при старомъ порядкѣ. Юрьевъ, 1911 г. Цѣна 4 р.

Твердохлѣбовъ, В. Н.—Городское обложеніе и оцѣнка недвижимыхъ имуществъ. Одесса, 1911 г.

Тилло, А.—Вопли пьяницы. Этюдъ. Саратовъ, 1911 г. Цѣна 15 коп.

Фризеръ, Я. Д.—Желѣзнодорожные варьянты отъ Сибирской магистрали въ Ленскій бассейнъ. Иркутскъ, 1911 г. Цѣна 1 р.

Шестовъ, Левъ.—Собраніе сочиненій. Т. II. Добро въ ученіи Толстого и Ницше. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

——— Собраніе сочиненій. Т. IV. Апоѳеозъ безпочвенности. Спб., 1911 г. Цѣна 2 р.

Шульгинъ, С. Н.—Изъ дагестанскихъ преданій о Шамилѣ и его предшественникахъ. Тифлисъ, 1911 г. Цѣна 50 коп.

Челищевъ, А. Н.—Сельско-хозяйственные районы Европейской Россіи, какъ стадіи сельско-хозяйственной эволюціи и культурный уровень сельскаго хозяйства въ нихъ. Вып. I. Спб., 1911 г.

Эрнъ, Владиміръ.—Борьба за Логосъ. Опыты философскіе и критическіе. Спб., 1911 г. Цѣна 2 р.

— Всероссійскій студенческій сборникъ. Подъ ред. В. Унковскаго. Харьковъ, 1911 г. Цѣна 75 коп.

— Дмитрій Андреевичъ Дриль, какъ ученый и общественный дѣятель. Статьи М. М. Ковалевскаго, С. К. Гогеля, М. П. Беклешова, П. И. Люблинскаго, А. Л. Щеглова. Спб., 1911 г.

— Двѣнадцатый годъ. Походъ въ Москву въ 1812 году. Мемуары участника, французскаго генерала графа де-Сегюра. Перев. Брониславы Рунтъ. Москва, 1911 г.

— Издательство „Juventas“. П. Альмони: На берегахъ Нила. Истор. повѣсть. Обработано для юношества. Цѣна 30 коп. Г. И. Богровъ: Мэрп. Очеркъ. Цѣна 12 коп. А. И. Купринъ: Жидовка. Разсказъ. Цѣна 10 коп. Элиза Ожешко: Гедали. Разсказъ. Цѣна 10 коп. К. Е. Францозъ: Два спасителя. Изъ разсказовъ бабушки. Цѣна 7 коп. Одесса, 1911 г.

— Краткій обзоръ дѣятельности Рижской Городской Управы за 1910 г. Рига, 1911 г.

— Литературно-художественные альманахи издательства „Шиповникъ“. Книга XV. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

— Логосъ. Международный ежегодникъ по философіи культуры. Русское изданіе 1911 г. Книга 1-я. Москва. Цѣна 2 р.

— Матеріалы для оцѣнки земель Херсонской губ. Вып. VIII. Херсонъ, 1911 г.

— Михаилъ Ивановичъ Пантюховъ. Авторъ повѣсти: „Тишина и старикъ“. Кіевъ, 1911 г. Цѣна 20 коп.

— Нефтяная промышленность и торговля 1910—11 года. Съ 4-мя діаграммами. Баку, 1911 г. Цѣна 1 р.

— Отчетъ библіотеки о-ва взаимнаго вспомоществованія приказчиковъ-евреевъ г. Одессы за 1910 г. Одесса, 1911 г.

— Отчетъ общества „Образованіе“ съ 1 ноября 1908 года по 1 января 1910 г. Спб., 1911 г.

— Отчеты санитарныхъ врачей Спб. Губ. земства за 1909 г. Спб., 1911 г.

— Пожаръ Москвы. По воспоминаніямъ и перепискѣ современниковъ. Москва, 1911 г.

— „Посредника“ изданія. № 11. Т. Штормъ: Дочь кукольнаго комедіанта. Разсказъ. Ц. 20 к. № 33. Ч. Диккенсъ: Рождественская сказка. Передѣлка съ англійскаго. Ц. 3 к. № 213 и 214. Малымъ ребятамъ. Вып. I и II. Цѣна каждаго выпуска по 15 к. № 512. Л. Н. Толстой: Въ чемъ моя вѣра. Изд. 3-е. Ц. 20 к. № 752. О смерти. Мысли разныхъ писателей. Собралъ Л. Н. Толстой. Ц. 2 к. № 840. С. Т. Семеновъ: Крестьянскіе разсказы. Т. V. Сумерки. Ц. 90 к. № 915. Л. Н. Толстой: Зеленая палочка. Ц. 4 к. Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь. Книжка 19-я. Какъ сдѣлаться хорошимъ садоводомъ. По Люкасу составили Е. и И. Жилины. Ц. 20 к. Книжка 50-я. Самоучитель пчеловодства. Общедоступное руководство для пчеловодовъ-практиковъ. Составилъ А. Буткевичъ. Изд. 2-е. Цѣна. 1 р. 25 к. Взаимная помощь. Вып. 5-й. И. Горбуновъ-Посадовъ: Всѣ для каждаго и каждый для всѣхъ. Какъ французскіе земледѣльцы общими силами улучшаютъ крестьянское хозяйство. Ц. 20 к. Библіотека новаго воспитанія и образованія. Вып. LI. Планъ занятій въ начальной школѣ, выработанный на основѣ программъ американскихъ школъ. Составили А. У. Зеленко, Е. Я. Фортунатова и Л. К. Шлегеръ. Ц. 15 к. Вып. LII. А. Герляхъ: Какъ преподавать дѣтямъ ариѳметику въ духѣ творческаго воспитанія. Съ нѣмецкаго. Вып. 1-й. Ц. 35 к. „Маякъ“, 1911 г. № 1. Ц. 40 к. „Свободное Воспитаніе“. № 4 и 5. Ц. № 25 к.

— Протоколы засѣданій московскаго математическаго кружка за 1910 г. Одесса, 1911 г. Цѣна 15 коп.

— Русское воздухоплаваніе. Исторія и успѣхи. Вып. I. Историческій очеркъ мірового воздухоплаванія. Спб., 1911 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

— Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томы 132-й и 133-й. Спб., 1911 г.

— Сборникъ Историко-Филологическаго Общества при институтѣ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ. Т. VIII. Нѣжинъ, 1911 г.

— Сборникъ первый. О Владимірѣ Соловьевѣ. Издательство „Путь“. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

— Сборникъ т-ва „Знаніе“. XXXV. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

— Систематическій каталогъ книгъ, вышедшихъ въ 1910 году, съ приложеніемъ указателя рецензій. Классифицированъ по десятичной системѣ, съ краткимъ вступительнымъ очеркомъ И. Владиславлева. Москва, 1911 г. Ц. 25 к.

— Современная русская литература. № 77—78. Анатолій Каменскій. На дачѣ. Спб., 1911 г. Цѣна 20 коп.

— Справочныя свѣдѣнія о дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству по даннымъ на 1909 годъ. Составлены подъ ред. В. В. Морачевскаго. Вып. 11-й. Спб., 1911 г.

— Труды психологической лабораторіи при Московск. Педагог. Собраніи. Подъ ред. прив.-доц. А. Н. Бернштейна. Вып. II. Москва, 1911 г. Ц. 60 коп.

— Труды XI Пироговскаго съѣзда. Подъ ред. П. Н. Булатова. Т. I. Спб., 1911 г.

НОВАЯ ПОПЫТКА НАУЧНОЙ РЕФОРМЫ ПРАВОВѢДѢНІЯ

Ю. С. Гамбаровъ. Курсъ гражданскаго права. Томъ I. Часть общая. Спб., 1911. Стр. 780. Ц. 4 р.

Капитальный трудъ, задуманный проф. Ю. С. Гамбаровымъ, долженъ пополнить крупный пробѣлъ въ нашей научно-юридической литературѣ. Можно сказать, что у насъ не было до сихъ поръ такого курса гражданскаго права, который по полнотѣ и способу обработки матеріала стоялъ бы на уровнѣ современныхъ общественныхъ и историческихъ знаній. Авторы существующихъ руководствъ по этому предмету, напр. Кронидъ Малышевъ и проф. Г. Ф. Шершеневичъ, не ставили себѣ подобной широкой задачи, и трактаты ихъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не выходятъ изъ круга обычныхъ пособій или учебниковъ для университетскихъ слушателей. Ю. С. Гамбаровъ имѣетъ въ виду нѣчто совсѣмъ другое: онъ излагаетъ основныя начала гражданскаго права, какъ науки, тѣсно связанной со всѣми другими отраслями обществовѣдѣнія. Цѣль его, какъ онъ объясняетъ въ предисловіи — „представить гражданское право въ его общихъ признакахъ и понятіяхъ, раскрываемыхъ многовѣковой исторіей и практикой“, какъ продуктъ „развитія отдѣльныхъ его институтовъ и доктринъ у всѣхъ народовъ, стоящихъ въ болѣе или менѣе сходныхъ условіяхъ жизни“. Опираясь на сравнительно-историческое изученіе права, онъ придаетъ своему курсу характеръ самостоятельной научной работы и раздвигаетъ рамки изслѣдованія далеко за предѣлы спеціальныхъ нормъ положительнаго гражданскаго права. Авторъ справедливо находитъ, что только такая постановка предмета „можетъ дать ему значеніе научной дисциплины и сдѣлаться настоящей школой для юристовъ, т.-е. такой школой, изъ которой они выносили бы способность разбираться не только въ своемъ, но и во всякомъ законодательствѣ, отличать его жизненныя части отъ мертвыхъ или умирающихъ и приходить къ пониманію соціальныхъ задачъ права“.

Въ обширномъ введеніи, занимающемъ болѣе десяти печатныхъ листовъ, подробно разсматриваются вопросы о задачахъ и методѣ правовѣдѣнія, при чемъ рѣзко критикуются господствующіе взгляды французскихъ и нѣмецкихъ доктринеровъ, склонныхъ къ формальной схоластикѣ. Ю. С. Гамбаровъ рѣшительно возстаетъ противъ той юриспруденціи отвлеченныхъ понятій, которая, подчиняя право закону и діалектически выработаннымъ опредѣленіямъ, осуждаетъ право на

неподвижность, противорѣчащую природѣ вещей, и навязываетъ ему апріорный методъ, особенно „неумѣстный въ приложеніи къ такой конкретной наукѣ объ явленіяхъ дѣйствительной жизни, какою несомнѣнно является все правовѣдѣніе". Изъ-за односторонняго, схоластическаго направленія ученыхъ юристовъ, данная отрасль знанія пользуется вообще плохою репутаціею и не считается достойною названія науки. Принятое въ современныхъ германскихъ университетахъ разъединеніе преподаванія юридическихъ и экономическихъ наукъ по двумъ различнымъ факультетамъ, или хотя бы по двумъ отдѣленіямъ одного и того же факультета, — какъ замѣчаетъ Ю. С. Гамбаровъ, — несомнѣнно способствуетъ такому узкому пониманію юриспруденціи, „въ смыслѣ отрѣшенія ея отъ всѣхъ знаній, кромѣ знанія закона и принциповъ, способныхъ какъ будто одними своими средствами разрѣшить всѣ предстоящія ей задачи". Сводить всю юриспруденцію — говоритъ авторъ далѣе — „къ толкованію дѣйствующаго права и особенно такого, которое выражено только въ законодательствѣ той или другой страны, — предполагая, притомъ, что толкованіе должно ограничиваться лишь заключеннымъ въ этомъ законодательствѣ матеріаломъ, — это дѣйствительно значитъ вести юриспруденцію, какъ науку, къ банкротству". Ибо „право, дѣйствующее лишь въ данномъ мѣстѣ и въ данное время, строго ограниченное какъ въ своей территоріи, такъ и во времени своего дѣйствія, способное изо дня въ день ко всякаго рода измѣненіямъ и изолированное не только отъ окружающаго его міра, но и отъ всѣхъ своихъ источниковъ, кромѣ закона, изолированное даже отъ своего собственнаго прошлаго и будущаго, — такое право не можетъ быть ни предметомъ особой науки, ни вообще предметомъ научнаго разсмотрѣнія".

Авторъ весьма опредѣленно высказываетъ свой взглядъ на истинный смыслъ и характеръ права и правовѣдѣнія. „Всякое право — объясняетъ онъ — есть часть того цѣлаго, которое называется обществомъ, и отъ котораго оно заимствуетъ какъ свое содержаніе, такъ и основаніе своего дѣйствія. Источникомъ его служитъ не одинъ законъ, который не можетъ всего предвидѣть и выражаетъ лишь минимальную часть фактически существующаго права. Законъ резюмируетъ въ дѣйствительности только прошлое и пережитое, рядомъ съ которымъ бьютъ и никогда неизсякаемые ключи настоящаго. Эти ключи исходятъ изъ ежедневно нарождающихся потребностей экономической и общественной жизни, изъ вновь складывающихся въ различныхъ общественныхъ слояхъ навыковъ и обычаевъ, изъ доминирующихъ въ тотъ или другой моментъ умственныхъ теченій и нравственныхъ идей, изъ устанавливающейся часто въ противорѣчіи съ дѣйствующимъ законодательствомъ судебной практики, изъ соотвѣтствую-

щихъ образцовъ иностраннаго права, изъ потребностей международной жизни и т. д. Отсюда уже видно, что, вопреки господствующей доктринѣ, право не можетъ быть ни изучаемо въ смыслѣ теоретической науки, ни даже толкуемо и примѣняемо въ смыслѣ прикладного знанія иначе, какъ при соображеніи всей общественной среды, въ которой оно возникаетъ и проявляетъ свое дѣйствіе. Слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи объ ограниченіи правовѣдѣнія однимъ юридическимъ, а не то что законодательнымъ матеріаломъ, который долженъ быть постоянно пополняемъ другими, дѣйствующими рядомъ съ этимъ послѣднимъ и нерѣдко пересиливающими его источниками права. Право можно изучать только въ связи съ цѣлымъ, часть котораго оно составляетъ, т.-е. въ связи со всѣмъ обществомъ и тѣми культурными и хозяйственными отношеніями, выраженіемъ которыхъ является какъ законъ, такъ и всякая другая юридическая норма". Такимъ образомъ „право и жизнь, жизнь и право—неотдѣлимы другъ отъ друга и стоятъ въ вѣчномъ взаимодѣйствіи. Всѣ великія революціи, отмѣтившія эпохи всемірной исторіи, вызывались ничѣмъ инымъ, какъ временнымъ отчужденіемъ между правомъ и жизнью. Отсюда вытекаетъ само собою, что тотъ, кто хочетъ знать право, долженъ знать соціальную жизнь во всѣхъ ея многообразныхъ проявленіяхъ, и юриспруденція, если она желаетъ быть вѣрною своей соціальной задачѣ, должна начинать съ изученія отдѣльныхъ соціальныхъ отношеній". Эта новая „соціальная юриспруденція", опираясь на плодотворный сравнительно-историческій методъ, приходитъ къ выводамъ и обобщеніямъ, сближающимъ ее съ соціологіею.

Изъ приведенной нами длинной цитаты можно видѣть, какъ широко авторъ смотритъ на задачу и предѣлы предполагаемой имъ реформы научнаго правовѣдѣнія. Сущность новаго направленія намѣчена, повидимому, съ исчерпывающею полнотою; путь указанъ ясно и вѣрно, но нельзя, конечно, ожидать, что весь планъ найдетъ свое осуществленіе въ трехтомномъ курсѣ Ю. С. Гамбарова. Почтенному автору приходится еще пока расчищать почву для новой доктрины, путемъ критическаго разбора и опроверженія господствующихъ теорій и взглядовъ, а это обстоятельство невольно придаетъ изложенію полемическій характеръ, вызывая въ то же время необходимость многочисленныхъ литературныхъ ссылокъ и цитатъ, за которыми трудно слѣдить обыкновенному читателю. Съ другой стороны, какъ видно изъ предисловія, этотъ курсъ читается авторомъ на экономическомъ отдѣленіи петербургскаго политехническаго института и, слѣдовательно, долженъ по содержанію приспособляться къ установленной программѣ и обычнымъ требованіямъ преподаванія, что̀ неизбѣжно ставило извѣстныя границы реформаторскому творчеству автора. Отчасти, вѣроятно, по этимъ при-

чинамъ, система распредѣленія матеріала въ книгѣ Ю. С. Гамбарова остается та же самая, какъ и въ другихъ учебникахъ гражданскаго права. Общая часть курса, по обыкновенію, распадается на слѣдующіе отдѣлы: право въ объективномъ смыслѣ, съ тремя отдѣльными рубриками—о законѣ, обычномъ правѣ и правѣ юристовъ или судебной практикѣ; право въ субъективномъ смыслѣ; лицо, какъ субъектъ права; объектъ права; возникновеніе, измѣненіе и прекращеніе юридическихъ отношеній. Въ разработкѣ этихъ отдѣловъ использована огромная часть спеціальной литературы, преимущественно нѣмецкой, и въ этомъ отношеніи авторъ обнаруживаетъ эрудицію, которую можно было бы считать даже чрезмѣрною для учебнаго курса. Въ способѣ изложенія и освѣщенія различныхъ вопросовъ замѣчается обстоятельность, присущая вообще Ю. С. Гамбарову, но сравнительно-историческій методъ примѣняется въ довольно ограниченной мѣрѣ, выражаясь главнымъ образомъ въ сопоставленіи извѣстнаго рода фактовъ и свѣдѣній, большею частью безъ какихъ-либо принципіальныхъ выводовъ. Задуманная авторомъ реформа правовѣдѣнія пока еще не коснулась отдѣльныхъ юридическихъ институтовъ, и неизвѣстно еще, въ какой мѣрѣ она отразится на пониманіи и оцѣнкѣ ихъ; съ этой стороны большой интересъ должны представлять два слѣдующіе тома, въ которые войдутъ вещное и обязательственное право. Въ отдѣлѣ вещнаго права, безъ сомнѣнія, будетъ разсмотрѣнъ вопросъ о принципѣ поземельной собственности и о формахъ землевладѣнія съ точки зрѣнія теоріи и исторіи права—а новая соціальная юриспруденція, разумѣется, не можетъ относиться къ основамъ поземельнаго права такъ, какъ относится къ нимъ старая формальная доктрина, унаслѣдованная отъ римскаго права.

Относительно научныхъ пріемовъ автора мы позволили бы себѣ сдѣлать только два замѣчанія. Во-первыхъ, слишкомъ много мѣста отводится въ книгѣ доктринерскимъ и иногда схоластическимъ разногласіямъ и спорамъ спеціальной литературы, особенно нѣмецкой—и эти контроверзы часто затемняютъ или усложняютъ вопросъ, вмѣсто того, чтобы способствовать его разъясненію. Во-вторыхъ, сравнительно съ юриспруденціею и законодательствами Германіи и Франціи, удѣляется слишкомъ мало вниманія гражданскому праву и юридической литературѣ Англіи и Соединенныхъ штатовъ, хотя своеобразныя правовыя особенности этихъ странъ даютъ всего больше матеріала для подтвержденія общихъ теоретическихъ идей автора. Нельзя не отмѣтить по этому поводу, что въ нашей научно-юридической литературѣ почему-то остался почти незамѣченнымъ трехтомный трудъ Кронида Малышева, вышедшій пять лѣтъ тому назадъ, подъ заглавіемъ: „Гражданскіе законы Калифорніи въ сравнительномъ изложеніи съ законами

Нью-Іорка и другихъ восточныхъ штатовъ и съ общимъ правомъ Англіи и Сѣверной Америки" (Спб., 1906).

Само собою разумѣется, что указанія на отдѣльные недостатки или пробѣлы „курса" Ю. С. Гамбарова нисколько не умаляютъ заслуги автора въ дѣлѣ обоснованія новаго научно-соціальнаго направленія теоретической юриспруденціи.

Л. Слонимскій.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Что̀ читаетъ провинція.—Г-жа Вербицкая въ роли первоклассной писательницы.—Новый классъ читателей.—Желтая пресса.—Мозаика провинціальной жизни.—„Ревизіи" нижегородскаго губернатора Хвостова.—Темпераментъ генерала Думбадзе.—Красные платки въ Харьковѣ.—„Чистка" третьяго элемента въ вятскомъ земствѣ.—Стрѣльба стражниковъ въ автомобиль около Лодзи.—Снисходительный судъ надъ истязаніями.—„Сочинитель" изъ „Россіи".

Кто-то сказалъ: „Скажи мнѣ, какія книги ты читаешь, и я скажу, каковъ ты". Если это изреченіе до извѣстной степени примѣнимо къ отдѣльному человѣку, то въ такой же степени можно примѣнить его и къ читающимъ массамъ. И съ этой точки зрѣнія весьма было бы любопытно и поучительно, напримѣръ, узнать, какихъ авторовъ наиболѣе читаетъ и любитъ наша провинція.

Частичную попытку сдѣлалъ сотрудникъ „Уральскаго Края". Онъ обслѣдовалъ цифры выдачъ различныхъ авторовъ изъ отдѣла русской беллетристики въ екатеринбургской библіотекѣ имени В. Г. Бѣлинскаго за время съ 1-го ноября 1900 г. по 1-е ноября 1910 г., т.-е. за десять лѣтъ. Выводы получились интересные. „Изъ приведенной таблицы мы видимъ,—говоритъ сотрудникъ „Уральскаго Края",—что среди перваго десятка любимцевъ читающаго Екатеринбурга первое мѣсто занимаетъ Левъ Толстой—на его сочиненія падаетъ въ среднемъ 1.062 выдачи въ годъ. При этомъ симпатіи къ великому писателю за все десятилѣтіе, сравнительно, очень устойчивы—за все время, кромѣ перваго года, число выдачъ не падаетъ ниже 900, а въ 1909-мъ году достигаетъ 1.582 выдачъ. Второй любимецъ—В. И. Немировичъ-Данченко—имѣетъ въ среднемъ 852 выдачи въ годъ. Максимумъ выдачъ падаетъ на предреволюціонное годы 1903 и 1904 (1.244 и 1.035), минимумъ на годы 1905—1907 (648, 578 и 682). Третье мѣсто по среднему спросу принадлежитъ А. А. Вербицкой—

809 выдачъ,—выдвинувшейся на литературную авансцену только ко второй половинѣ десятилѣтія. Въ первомъ изъ разсматриваемыхъ десяти лѣтъ году Вербицкая была выдана только 74 раза, во второмъ уже 216, а въ 1906-мъ году достигла 840 выдачъ. Послѣ нѣкотораго упадка спроса въ 1907 г. опять начался подъемъ и въ 1910 г. число выдачъ достигло небывалой ни для кого изъ другихъ авторовъ цифры—2.330. Уже въ 1908 г. она встала рядомъ съ Л. Толстымъ, въ 1909 г. нѣсколько поднялась надъ нимъ, а въ 1910 г. стояла по числу выдачъ уже на 92 проц., т.-е. почти въ два раза, выше Л. Толстого". Изъ той же таблицы явствуетъ, что Максимъ Горькій занимаетъ въ душѣ екатеринбургскихъ читателей шестое мѣсто, Антонъ Чеховъ—восьмое, Тургеневъ — девятое. Всего изумительнѣе успѣхъ А. А. Вербицкой. Шутка ли, въ самомъ дѣлѣ, превысить на двѣ головы Л. Н. Толстого! Самъ авторъ нѣсколько сконфуженъ за вкусы своего Екатеринбурга и считаетъ долгомъ прибавить къ выводамъ о Вербицкой такое примѣчаніе: „насколько такія небывалыя симпатіи прочны, покажетъ будущее". Статистика до будущаго не касается: трезвымъ, яснымъ языкомъ говоритъ она о прошломъ и настоящемъ. И для читателей Екатеринбурга спокойный выводъ ея таковъ: за послѣдніе два года первый, любимѣйшій русскій писатель—А. А. Вербицкая.

Жители Екатеринбурга, однако, могутъ не конфузиться. Еслибы обслѣдовать библіотеки другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, то результатъ, очень возможно, получился бы приблизительно такой же: въ первыхъ рядахъ по спросу идетъ г-жа Вербицкая, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она стоитъ впереди всѣхъ. Если вы спросите въ книжныхъ магазинахъ, какая книга изъ беллетристики лучше всего раскупается, то весьма часто получите отвѣтъ: „Больше всего спрашиваютъ „Ключи счастья" Вербицкой и другія ея книги". Въ прошломъ году г-жа Вербицкая вступала въ гордую, горячую полемику съ г. Таномъ, который пренебрежительно отозвался, что Вербицкую, видимо, читаютъ горничныя и другая невзыскательная публика. Г-жа Вербицкая съ негодованіемъ предлагала справиться въ библіотекахъ высшихъ учебныхъ заведеній, какого автора нынѣ особенно предпочитаетъ читать учащаяся молодежь. И г-жа Вербицкая была въ значительной степени права. Мнѣ самому приходилось неоднократно слышать, что курсистки записываются въ библіотекахъ въ длинную очередь, чтобы заполучить „Ключи счастья", и книга эта читается нарасхватъ и съ упоеніемъ. Какъ-то разъ пришлось мнѣ видѣть и слышать г-жу Вербицкую. Видъ у нея спокойный, счастливый, удовлетворенный. Она говоритъ: „Критика мнѣ не нужна. Меня создалъ читатель. Онъ же меня и развѣнчаетъ, если я не удовлетворю его требованій".

Какъ будто въ литературной критикѣ случился недосмотръ. Неужели не замѣченъ ростъ и блестящій расцвѣтъ новаго первоклассnаго русскаго писателя? Въ обществѣ на критику приходилось слышать нападенія съ двухъ сторонъ.

— Какъ же можно замалчивать такую прекрасную писательницу, какъ Вербицкая? Такой живой, подлинный талантъ? — съ негодованіемъ говорили поклонники Вербицкой.

— Какъ же можно молчать, — съ неменьшимъ, если не съ большимъ негодованіемъ говорили по адресу литературной критики,— когда въ литературѣ торжествуютъ произведенія Вербицкой, и незрѣлые читатели сбиты съ толку? Нужно изобличить бездарность Вербицкой.

А критика все же, за малыми исключеніями, продолжала молчать.

И, мнѣ кажется, критика права. О г-жѣ Вербицкой критикамъ трудно, почти невозможно писать, потому что ея произведенія внѣ литературы. Въ московскомъ литературномъ кружкѣ какъ-то зимой зашла рѣчь о г-жѣ Вербицкой, и одна писательница стала истерически кричать, что нельзя молчать, когда видишь тлетворный успѣхъ такихъ произведеній. Ну вотъ, закричать, пожалуй, можно. Но критика обязана не кричать, а спокойно разобрать представленныя на ея судъ произведенія. А какъ разбирать, если у человѣка съ литературнымъ вкусомъ произведенія г-жи Вербицкой просто изъ рукъ вываливаются. Кажется, и сама г-жа Вербицкая не сомнѣвается, что ея послѣднія творенія не могли бы увидѣть свѣтъ ни въ одномъ изъ серьезныхъ литературныхъ журналовъ. Нельзя журналамъ печатать и нельзя серьезной критикѣ разбирать произведенія, написанныя раздерганнымъ стилемъ, съ эффектами дурного тона въ такомъ родѣ: „Страсть вспыхнула въ немъ. Онъ посмотрѣлъ ей въ самые зрачки и увидѣлъ въ нихъ безконечность. Бездна раскрылась подъ ихъ ногами“. Неестественные, ходульные герои, умышленно-рискованныя положенія, клочки модныхъ теорій, нахватанныхъ коекакъ отовсюду... Конечно, критикѣ приходится въ смущеніи отступить отъ подобнаго творчества. А вмѣстѣ съ тѣмъ г-жа Вербицкая чуть ли не любимѣйшая писательница въ нынѣшней Россіи, если судить по количеству читателей.

Суть, мнѣ кажется, въ томъ, что г-жа Вербицкая—явленіе не литературы, а новаго быта. Не только писатель опредѣляется читателями, но и читатели опредѣляются писателемъ. Г-жа Вербицкая съ гордостью полагаетъ, что читатели опредѣлили ее и возвели въ рангъ первоклассныхъ писателей. Гораздо вѣрнѣе, что г-жа Вербицкая опредѣлила какой-то новый классъ русскихъ читателей. И если г-жа Вербицкая довольна и счастлива такимъ результатомъ, то эти читатели или многіе

изъ нихъ едва ли будутъ довольны и счастливы, когда поймутъ, какому писателю позволили они опредѣлить свой духовный кругозоръ и свой литературный вкусъ. Безъ всякой ложной или неложной скромности г-жа Вербицкая говоритъ: „Помимо всякой критики, сами читатели признали Чехова и меня". Допустимъ, что такъ. Но не одни и тѣ же читатели опредѣлили Чехова и г-жу Вербицкую. Очень часто пошлость въ произведеніяхъ литературы имѣетъ такой же тонкій, неопредѣлимый словами ароматъ, какъ и талантъ. Но читатель, въ душу котораго тихой музыкой входитъ произведеніе Тургенева или Чехова, не можетъ столь же гостепріимно принять и г-жу Вербицкую. Талантъ и грубая поддѣлка подъ него неизбѣжно исключаютъ другъ друга.

Г-жа Вербицкая, какъ симптомъ, представляетъ значительный интересъ. Народился новый массовый читатель, который находитъ удовлетвореніе и возводитъ пьедесталы внѣ настоящей, признанной литературы. И если здѣсь почти нѣтъ дѣла для литературнаго обозрѣвателя, то для бытового обозрѣвателя заманчиво и почти обязательно вглядѣться въ новое явленіе. И, конечно, главнымъ предметомъ обслѣдованія будетъ уже не г-жа Вербицкая, а этотъ новый читатель.

До послѣднихъ лѣтъ у насъ сохранился взглядъ на извѣстную цѣльность въ отношеніяхъ читателя и писателя. Подразумѣвалось, что для просвѣщеннаго общества обязательны и несмѣняемы имена Толстого, Тургенева, Достоевскаго, Чехова. Мнѣніе большинства совпадало съ утонченнымъ вкусомъ отдѣльныхъ лицъ. Теперь Россія входитъ въ новый періодъ, который обѣщаетъ большія радости и значительныя огорченія. Малограмотная страна съ чрезвычайной энергіей бросилась къ обученію, образованію и самообразованію. Поэтому читающая публика растетъ въ числѣ не по днямъ, а по часамъ. Къ литературѣ уже подходитъ не отдѣльный читатель, а шумная толпа читателей. И совершается неизбѣжное: гдѣ толпа, тамъ жди оживленія и подъема жизни, но не повышеннаго и тонкаго вкуса. Пониженіе вкуса, хотя, можетъ быть, и временное, неизбѣжно. Новый читатель, естественно, жаденъ къ жизни, нетерпѣливъ къ новинкамъ въ области науки, мысли и искусства, и поэтому, когда ему подносятъ произведеніе, въ которомъ сдѣлана окрошка изъ модныхъ взглядовъ, новѣйшихъ теорій, заманчивыхъ, якобы свободно-передовыхъ чувствъ — и все въ легкой, хлесткой формѣ, — немудрено, что онъ приходитъ въ восторгъ и возводитъ на пьедесталъ предпріимчиваго писателя. Россіи предстоитъ пережить то, что переживаютъ и въ значительной степени пережили западныя страны. Во французскихъ, напримѣръ, газетахъ печатаются сенсаціонные романы. Газеты расходятся въ сотняхъ ты-

сячъ экземпляровъ. Тѣ же романы, напечатанные затѣмъ въ отдѣльномъ изданіи, раскупаются въ десяткахъ и сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Однако, ни сами авторы этихъ произведеній, ни ихъ поклонники не думаютъ преувеличивать суть дѣла. Авторовъ не провозглашаютъ національными геніями и въ число безсмертныхъ академиковъ не избираютъ. Все уже тамъ утряслось, и читатели вмѣстѣ со своими писателями раздѣлились на опредѣленныя группы. Литераторовъ-развлекателей весьма точно отдѣляютъ отъ настоящихъ писателей, создающихъ языкъ и литературу.

У насъ г-жа Вербицкая, какъ и другіе писатели подобнаго типа, идущіе вмѣстѣ съ нею и во слѣдъ за нею, еще не знаютъ своего настоящаго мѣста и въ спокойномъ сознаніи правоты идутъ на отечественный Парнассъ, чтобы возсѣсть рядомъ съ Толстымъ и Достоевскимъ. И у насъ, конечно, все утрясется. Но ждутъ насъ все же нѣкоторыя огорченія, какъ, въ частности, въ литературныхъ влеченіяхъ и вкусахъ новой, нарождающейся массы читателей, такъ и вообще въ проявленіяхъ воли и желаній массъ. Когда страна рвется изъ долголѣтняго удушья абсолютизма, она, естественно, апеллируетъ къ большинству населенія и склонна преувеличивать добрыя свойства, благородство и разумъ этого большинства. Забывается, что этому большинству роковымъ образомъ суждено долгое еще время нести въ себѣ тяжелые слѣды прежней жизни, протекшей въ тискахъ вынужденной бѣдности и вынужденнаго невѣжества. У нетерпѣливыхъ людей неизбѣжно слѣдуетъ разочарованіе и даже гнѣвъ на новую общественную власть. У Ибсена докторъ Штокманъ, отстаивающій умъ и талантъ отдѣльной личности противъ тираніи „сплоченнаго большинства“, является выразителемъ разочарованія довольно значительнаго общественнаго теченія на Западѣ. И это, конечно, хорошо, если только ведетъ не къ старымъ кумирамъ, слѣпая жестокость которыхъ забыта, а къ новымъ идеаламъ общественной жизни.

Вѣроятно, нѣчто подобное предстоитъ пережить и намъ. А чтобы пережить это бодро и увѣренно, чтобы отъ преувеличеннаго разочарованія не остановиться и не попятиться, — нужно заранѣе подготовиться къ нѣкоторымъ сомнительнымъ этапамъ.

Г-жа Вербицкая — частичный признакъ. Успѣхъ этой писательницы намекаетъ уже на нѣкоторое „сплоченное большинство“, передъ вкусами и требованіями котораго начинаетъ чувствовать недоумѣнье, тревогу и негодованіе передовое общество. Слѣдуетъ бороться, но не слѣдуетъ преувеличивать. Тонкій вкусъ — если только онъ не рѣдкій даръ природы—приходитъ къ человѣку далеко не сразу. Онъ является результатомъ долгой культуры мысли и чувствъ. Отъ чита-

телей и поклонниковъ г-жи Вербицкой не слѣдуетъ требовать многаго. Это читатели, такъ сказать, приготовительнаго класса. Многіе перейдутъ вскорѣ въ слѣдующій классъ и съ улыбкой конфуза вспомнятъ свое увлеченіе г-жею Вербицкою.

Но, не преувеличивая опасности, не слѣдуетъ все же и закрывать глаза на новаго читателя. Дѣло въ томъ, что новая масса читателей будетъ все расти и расти. Провинція и столица наполняются читателями не только приготовительнаго класса, но и совсѣмъ полуграмотными въ вопросахъ литературы, науки и искусства. И къ этимъ народнымъ массамъ идутъ навстрѣчу литераторы и просвѣтители новѣйшаго типа. Провинція сейчасъ наводняется изъ столицъ дешевыми газетами, журнальчиками, альманахами, брошюрками, книгами. Все это литература третьяго и четвертаго сорта, предъ которой и г-жа Вербицкая слишкомъ тонкій мастеръ. Плохія сѣмена здѣсь сѣются и дурные вкусы прививаются.

Кромѣ столицъ, поставлять товаръ подозрительнаго сорта нарождающемуся читателю постепенно берется и сама провинція. Недавно пришлось мнѣ встрѣтить одного крупнаго журналиста, работающаго въ солидной кіевской газетѣ. Онъ жаловался:

— Займитесь, пожалуйста, нашей желтой прессой. Народились такія газетки—просто стыдъ и позоръ. Пишутъ развязно и нахально. Шантажъ развели. Даже, представьте, съ мелкой сошки взятки берутъ. Не вѣрите? Очень просто. Возьмутъ пятерку и пропишутъ, что вотъ, дескать, такой-то при розыскѣ проявилъ необычайную энергію. За рекламу берутъ. Займитесь, пожалуйста. Я вамъ матеріалъ пришлю. Намъ-то невозможно про нихъ писать: грязью начнутъ обливать—не отмоешься.

Возможно, что журналистъ преувеличивалъ. Но, несомнѣнно, въ разныхъ городахъ уже начинаютъ прорастать грязные грибы на газетной и журнальной почвѣ. И въ этомъ смыслѣ нужно выработать какія-либо мѣры борьбы и противодѣйствія. Еще недавно въ провинціи можно было смѣло говорить прозрѣвающему люду: „Читайте, читайте, какъ можно больше читайте“. Подразумѣвалось, что почти вся наша литература и журналистика обвѣяна идейностью и благороднымъ отношеніемъ къ жизни. Теперь необходимо соблюдать большую осторожность. Про иную литературу придется говорить: „Лучше ничего не читайте, чѣмъ засаривать голову такимъ вреднымъ мусоромъ“. Борьба будетъ нелегка, такъ какъ дурная литература соблазнительна своей дешевкой. А плохую книгу или газету для начинающаго читателя труднѣе распознать, чѣмъ гнилой ситецъ. Распространители дурной литературы неизбѣжно, притомъ, будутъ мно-

житься въ числѣ, подталкиваемые наживой. И та же нажива будетъ въ чрезвычайной степени разжигать ихъ энергію.

Новый читатель надвигается шумной толпой и несетъ за собою, кромѣ оживленія и подъема, пыль жизни, огорченіе и безпокойство. Но изъ толпы въ концѣ-концовъ строится культурное общество, и для него придется много и бодро нынѣшнимъ дѣятелямъ поработать.

Всякая жизнь вообще представляетъ пеструю мозаику, а наша провинціальная жизнь является такою въ высокой степени. Послѣдніе годы такъ раздробили ее, многое поддерживается въ такомъ умышленно нестройномъ видѣ и такъ все кругомъ перемѣшано, спутано, перековеркано, что для правильной картины провинціальной жизни необходимо было бы касаться не отдѣльныхъ сторонъ и вопросовъ, а постараться собрать тысячи кусковъ и кусочковъ, чтобы изъ нихъ слѣпить мозаичный слѣпокъ съ подлинной жизни. Задача, однако, почти невыполнимая. Газеты ежедневно несутъ со всѣхъ сторонъ такой хаосъ несвязанныхъ событій, что потребовался бы слишкомъ большой трудъ и слишкомъ большое полотно, чтобы попытаться собрать на этомъ полотнѣ общую картину.

Въ видѣ скромной попытки прикоснемся къ многоцвѣтной мозаикѣ провинціальной жизни и возьмемъ отъ нея нѣсколько кусковъ.

Корреспондентъ „Рѣчи“ изъ Нижняго-Новгорода сообщаетъ о дѣятельности мѣстнаго губернатора: „Ревизія — нынче дѣло модное, не могъ не взяться за него и г. Хвостовъ. Обставляетъ онъ ихъ довольно оригинально. Всѣмъ извѣстно въ Нижнемъ и Нижегородской губерніи „гостепріимство“ и любовь къ обѣдамъ г. начальника губерніи. Состоятельные и богатые обыватели не прочь доставить г. начальнику губерніи такое удовольствіе. Недавно г. Хвостовъ поѣхалъ „на ревизію“ въ г. Балахну на пароходѣ Сормовскаго завода „Толя“. На пароходѣ его перехватили и попросили „откушать“ въ с. Городцѣ (выше г. Балахны по р. Волгѣ верстъ на 16) у мѣстнаго зажиточнаго купца Шедрина. По словамъ очевидцевъ, пиръ былъ богатый, много кушали, много говорили, чарка зелена вина такъ и ходила по рукамъ. Головы хмѣлѣли, ноги отказывались слушаться у гостей. А пароходъ „Толя“ все ждалъ знатнаго пассажира, а г. губернатора не было. Время тянулось. Наконецъ, начальникъ губерніи сѣлъ на пароходъ. Но послѣ обѣда было уже не до ревизіи въ г. Балахнѣ, и г. Хвостовъ направился обратно въ Нижній. На дняхъ г. Хвостовъ рѣшилъ снова совершить путешествіе съ „ревизіей“ въ Макарьевскій и Княгининскій уѣзды. „На „самолетскомъ“ пароходѣ г. Хвостовъ ѣдетъ въ с. Лысково. Но опять здѣсь умопомрачительные обѣды,

ужины, завтраки смущаютъ губернаторскую душу. На этотъ разъ приглашаетъ „откушать“ г. губернатора уже владѣлецъ пивовареннаго завода г. Ермолаевъ. Рѣкой льются шампанское и вина... На другой день г. Хвостовъ побывалъ въ Макарьевскомъ монастырѣ, напротивъ с. Лыскова, сдѣлалъ визиты чиновникамъ и мѣстнымъ союзникамъ и, вмѣсто „ревизіи“ и поѣздки въ г. Княгининъ, возвратился на пароходѣ въ Нижній-Новгородъ. Пока „знакомство“ г. Хвостова на мѣстахъ „съ губерніей“ выражается въ обѣдахъ съ шампанскимъ. Сопровождаютъ г. Хвостова правитель дѣлъ канцеляріи губернатора, чиновникъ особыхъ порученій, нижегородскій полицеймейстеръ и „оруженосецъ“ г. Хвостова—г. Барачъ, сотрудникъ губернаторской газеты“.

Вспоминаются добрыя старыя щедринскія времена и благодушные губернаторы-помпадуры. Невеликій грѣхъ—хорошо пообѣдать да шампанскаго выпить. По нынѣшней жестокой порѣ, еслибы губернаторъ только такимъ невиннымъ препровожденіемъ времени занимался, то его поведеніе благодарные обыватели, пожалуй, даже въ добродѣтель бы возвели. Но рядомъ другой корреспондентъ приводитъ изъ того же Нижняго-Новгорода еще кусочекъ жизни: „У насъ при губернаторѣ Хвостовѣ происходятъ положительно фантастическія исторіи. На дняхъ мѣстные черносотенцы подали доносъ на служащій персоналъ психіатрической больницы губернскаго земства, который, будто бы, покровительствуетъ душевно-больнымъ лѣваго направленія и стѣсняетъ душевно-больныхъ праваго направленія. Доносу придали значеніе. На дняхъ въ больницу являлся чинъ охраннаго отдѣленія и допрашивалъ по данному вопросу три часа одного душевно-больного, который въ трехъ засѣданіяхъ суда признанъ душевно-больнымъ. Допросъ больного происходилъ безъ участія врачей“.

И вотъ образъ патріархальнаго губернатора уже попорченъ. Вспоминаются и другіе походы г. Хвостова на мѣстную „крамолу“. Сначала война была объявлена кадетизму, но на этомъ пути уже многое, очевидно, сдѣлано, если крамолу стали искоренять среди душевнобольныхъ. Близка ли, однако, сама власть къ здоровому состоянію, пускаясь въ такія странныя изысканія крамолы?

А вотъ штрихи изъ дѣятельности другого администратора. Ялтинскій корреспондентъ „Южныхъ Вѣдомостей“ пишетъ: „Мѣстный благотворитель П. Ф. Соболевъ пожертвовалъ городу 35 тыс. рублей на больницу и профессіональную школу. Пожертвованіе было сдѣлано черезъ генерала Думбадзе, который особой бумагой просилъ управу прислать довѣренныхъ лицъ для полученія у него чековъ на эту сумму. Управа бумагой увѣдомила генерала, что для этой цѣли ею командируется городской бухгалтеръ Нацваловъ. На этой бумагѣ г. Думбадзе положилъ слѣдующую интересную резолюцію: „Удивляюсь со-

держанію сего отзыва. Мнѣ кажется, что хозяева города должны были бы лично пожаловать ко мнѣ за полученіемъ чековъ, узнать мнѣніе П. Ф. Соболева, а затѣмъ при моемъ посредствѣ поблагодарить его за такой щедрый даръ. Если отцы города не сознаютъ свою безтактность и не поспѣшатъ ее исправить, то буду вынужденъ чеки возвратить обратно жертвователю". Резолюція эта была 7 мая напечатана въ мѣстныхъ газетахъ, а между тѣмъ изъ достовѣрныхъ источниковъ намъ хорошо извѣстно, что еще 6 мая городской голова В. А. Рыбицкій послѣ торжественнаго молебна въ соборѣ по случаю дня рожденія Государя Императора лично посѣтилъ какъ жертвователя П. Ф. Соболева, такъ и генерала Думбадзе. Первому онъ принесъ благодарность отъ городского управленія, а у генерала Думбадзе получилъ чеки на пожертвованную сумму, которые имъ и переданы управѣ. Резолюція генерала, такимъ образомъ, упредила событія, при чемъ предугадала ихъ ошибочно".

Любопытны понятія генерала Думбадзе о вѣжливости: упрекаетъ городскихъ дѣятелей въ безтактности и при этомъ самъ генералъ разноситъ почтенныхъ людей, какъ гимназистовъ, пользуясь ихъ полной беззащитностью.

Еще одно изъ дѣяній того же администратора. „Не менѣе оригинальный приказъ, — говоритъ „Русское Слово", — изданъ генераломъ Думбадзе по такому поводу. У проѣзжавшаго черезъ Алупку автомобиля мальчики-подростки разбили камнями стекла. Пассажиры автомобиля отдѣлались царапинами и кровоподтеками. Виновники были тутъ же задержаны. Въ приказѣ генералъ Думбадзе по поводу этого случая пишетъ: „Я былъ пораженъ при видѣ этихъ трехъ далеко не мальчиковъ, а юношей, достигшихъ почти призывного возраста, въ широкихъ кожаныхъ поясахъ, въ особыхъ рубахахъ, съ виду въ полномъ смыслѣ похожихъ на каторжниковъ-освободителей. Объявляю во всеобщее свѣдѣніе, что въ будущемъ, при повтореніи такихъ вещей со стороны молодежи, мало того, что они будутъ строжайше наказаны, но я не оставлю въ покоѣ ихъ родителей и родныхъ".

Роковую сторону генерала-администратора составляетъ отсутствіе чувства мѣры, чѣмъ и прославился онъ на всю Россію. Конечно, мальчуганы сдѣлали нехорошую шалость. Но зачѣмъ, вслѣдствіе этого, метать громы административныхъ угрозъ и терроризировать населеніе, пугая отцовъ и родственниковъ зеленой молодежи? Очевидно, кипучему темпераменту генерала Думбадзе тѣсно въ микроскопическихъ рамкахъ ялтинской дѣятельности. Темпераменту это дѣлаетъ честь, а населенію все же отъ него горе.

Въ Харьковѣ, очевидно, также имѣется администраторъ съ пылкимъ воображеніемъ. „На полетахъ Уточкина, — сообщаютъ мѣстныя

газеты,—полиція отобрала у распорядителей и устроителей красные платки". Несомнѣнно, административное размышленіе шло здѣсь такимъ путемъ: „Имѣются въ наличности красные платки и большое скопленіе народа,—слѣдовательно, вспыхнетъ революція".

Гораздо обдуманнѣе дѣйствуетъ вятская администрація. „То, что прозорливые люди предсказывали годъ назадъ,—говоритъ корреспондентъ „Рѣчи", — блестяще оправдывается. Теперь у земства нѣтъ: 1) губернскаго агронома, 2) завѣдующаго кустарнымъ складомъ, 3) завѣдующаго мастерской учебныхъ пособій, 4) завѣдующаго мастерской пожарныхъ машинъ, 5) завѣдующаго страховой статистикой, 6) дорожнаго техника, 7) не замѣщены должности уѣздныхъ кустарныхъ техниковъ, завѣдующихъ внѣшкольнымъ образованіемъ, добавочныхъ страховыхъ агентовъ... И все это—въ самый разгаръ практической земской работы". Это на мѣстномъ языкѣ называется „чисткой" третьяго земскаго элемента. Вятская администрація дѣлаетъ это дѣло уже нѣсколько лѣтъ съ неослабной энергіей и довела знаменитое на всю Россію земское хозяйство почти до полнаго паралича.

Спустимся нѣсколько ниже по административной лѣстницѣ. „Автомобиль лодзинскаго фабриканта К., въ которомъ находились главный директоръ акціонернаго общества Громана К. съ супругой, двое сыновей фабриканта и одинъ художникъ, — сообщаетъ корреспондентъ изъ Лодзи,—возвращался изъ Калиша въ Лодзь. При проѣздѣ по главной улицѣ города Пабіяницъ, близъ магистрата, автомобиль внезапно подвергся обстрѣлу земскими стражниками. Пули пролетѣли надъ головами бывшихъ въ автомобилѣ лицъ и разбили стекла послѣдняго. Шоферъ остановилъ автомобиль. Когда перепуганные пассажиры стали вылѣзать изъ автомобиля, они очутились передъ десятью земскими стражниками съ направленными противъ нихъ маузерами. Было 11 часовъ вечера. Первымъ подвергся личному обыску художникъ, затѣмъ жена директора и другія лица. Всѣ документы оказались въ порядкѣ. Когда же директоръ сталъ протестовать противъ грубаго обращенія стражниковъ, появившійся полицеймейстеръ капитанъ Кроненбергъ заявилъ, что такъ какъ они „протестуютъ", то онъ заберетъ ихъ въ магистратъ для „выясненія" личности, что и сдѣлалъ. Начались переговоры по телефону съ лодзинскими властями, на что ушло часа два. Ночью арестованныхъ отпустили. Отъ испуга жена директора К. заболѣла. Нужно добавить, что стрѣляли стражники не вслѣдъ за автомобилемъ, а въ моментъ проѣзда, направивъ маузеры спереди и вглубь автомобиля. Лишь благодаря счастливой случайности никто не былъ убитъ. Случай этотъ не первый. Выѣзжая изъ Лодзи на автомобилѣ, не имѣешь увѣренности, что вернешься домой живымъ. Какъ мы слышали, группа лодзинскихъ и пабіянскихъ фа-

брикантовъ рѣшила обратиться въ петербургскій императорскій автомобильный клубъ съ ходатайствомъ объ охраненіи интересовъ автомобильной ѣзды въ окрестностяхъ Лодзи. Петроковскому губернатору подана жалоба на дѣйствія пабіяницкаго полицеймейстера Кроненберга".

Въ этой замѣткѣ довольно трудно разобраться: стражники стрѣляютъ въ обывателей, а обыватели, только-что бывшіе на волоскѣ отъ смерти, обращаются за охраной своихъ интересовъ почему-то въ петербургскій автомобильный клубъ... Если стражники стрѣляютъ по какому-то странному закону, то, очевидно, этому горю автомобильный клубъ помочь не можетъ. Если же стражники стрѣляютъ незаконно, то почему же только автомобильному клубу посильно бороться съ этимъ беззаконіемъ?.. Жанровая картинка, во всякомъ случаѣ, получается интересная и поучительная.

Изъ Борисова пишутъ „Сѣверо-Западному Голосу": „Въ сессіи окружнаго суда безъ участія присяжныхъ засѣдателей слушалось характерное дѣло по обвиненію смоленскаго урядника Черемко и полицейскаго стражника Маевскаго въ истязаніи арестованнаго. Задержавъ въ мѣстечкѣ Смолевичахъ „по подозрѣнію" крестьянина Бирюлю, урядникъ и стражникъ отправили его въ становую квартиру и тамъ всю ночь истязали. По спинѣ Бирюли все время гуляла нагайка, причемъ ее поочередно пускали въ ходъ Черемко и Маевскій. Къ утру Бирюля еле подавалъ признаки жизни, но затѣмъ оправился. Свидѣтельствовавшій его минскій уѣздный врачъ нашелъ у него на спинѣ сплошной кровоподтекъ съ сухими струпьями и массу слѣдовъ побоевъ на остальной поверхности тѣла. Судъ призналъ ихъ виновными въ нанесеніи Бирюлѣ побоевъ и приговорилъ перваго на три недѣли, а второго на пять дней подъ арестъ. Оба они продолжаютъ состоять на службѣ".

Всего интереснѣе, конечно, судьба истязателей: нѣсколько дней ареста и продолженіе прежней службы. Видимо, и судъ, и начальство подсудимыхъ сочло доказанное истязаніе пустяковымъ дѣломъ.

Такъ изъ отдѣльныхъ кусочковъ складывается постепенно мозаика административно-полицейской жизни въ провинціи. Конечно, факты эти разрозненны и случайны. Но иныхъ изъ этой области газеты не даютъ, и такія сообщенія неизбѣжно пріобрѣтаютъ характеръ типичныхъ и доказательныхъ. О грустной, придавленной жизни въ глубинѣ страны свидѣтельствуютъ приведенные факты. Но уже самая безсмыслица и безпорядочность такихъ порядковъ говоритъ объ ихъ безсиліи и недолговѣчности.

Предыдущее провинціальное обозрѣніе почему-то вызвало ожесточенныя нападки въ нѣкоторыхъ правыхъ газетахъ. Скромному автору, конечно, лестно такое вниманіе. Но особенно понравилась ему солиднаго размѣра статья г. Денисова въ „Россіи“. Этотъ авторъ свое изобличеніе пишетъ въ такомъ духѣ: „Командируя въ далекую провинцію „собственнаго Жилкина“, какая-нибудь передовая газетная редакція наипаче рекомендуетъ ему видѣть всюду „на мѣстахъ“ субъектовъ съ бомбами за пазухой и съ жесточайшей опозиціей въ умахъ и сердцахъ. И разъ Жилкину приказано, онъ видитъ только то, что приказано, и слышитъ то, что приказано“. И дальше: „Описывая, напримѣръ, Псковъ, Жилкинъ никогда не скажетъ, что на главной улицѣ тамъ гордо высится Исакіевскій соборъ, а въ городскомъ саду произрастаютъ апельсины и лимоны. Наоборотъ, онъ и улицу назоветъ правильно, и даже количество деревьевъ въ скверахъ точно обозначитъ. Но вотъ что касается обывательскихъ настроеній и мыслей, тутъ ужъ начнется полнѣйшій лиризмъ. Городской голова окажется непремѣнно самымъ заядлымъ революціонеромъ. Врачебный инспекторъ и смотритель городского училища явятся не иначе, какъ во образѣ Марата и Робеспьера, и, однимъ словомъ, всякое Пошехонье и каждый Алатырь столь радикальны и разнузданно-свободолюбивы, что непремѣнно отдѣлились бы отъ Россійской монархіи, еслибы всѣ жители поголовно не были „шпиками“. Приблизительно такого рода галиматью Жилкинъ на дняхъ и настрочилъ насчетъ Пскова“.

Можно же такъ промахнуться со всѣми своими ядовитыми тирадами! Никакая передовая газетная редакція въ нынѣшнемъ году меня въ провинцію не командировала, и статья моя напечатана не въ газетѣ; о революціонерахъ городскомъ головѣ, врачебномъ инспекторѣ и смотрителѣ городского училища я не обмолвился ни однимъ словомъ. Наконецъ, вообще ничего въ Псковѣ не описывалъ, такъ какъ вовсе туда не заѣзжалъ. Совершенно очевидно, что г. Денисовъ мою статью о г. Вольскѣ не видѣлъ ни однимъ глазомъ. И если редакція „Россіи“ хоть въ малой степени дорожитъ правдивостью на своихъ столбцахъ, она должна пригласить своего сотрудника и сказать ему: „Когда вы беретесь изобличать въ неточности журналиста изъ враждебнаго лагеря, будьте сами поосторожнѣе. Нельзя же такъ явно и безцеремонно искажать истину“. А самой редакціи „частнаго изданія“ не мѣшало бы помнить, что не всѣ журналы и газеты даютъ своимъ сотрудникамъ повелительныя инструкціи и не всѣ сотрудники способны такимъ приказаніямъ подчиняться. Не слѣдуетъ обобщать своего собственнаго опыта и приписывать другимъ свои собственные грѣхи.

И. Жилкинъ

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

Окончаніе четвертой сессіи третьей Государственной Думы.—Такъ называемая „русская политика“. — Ретроспективный свѣтъ, бросаемый на нее словами Владиміра Соловьева. — Націоналисты и націонализмъ. — Новый оберъ-прокуроръ св. синода.— Циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ. — Преграда, встрѣченная однимъ изъ важнѣйшихъ законопроектовъ.

Закончилась печальная сессія Государственной Думы. Спѣшимъ оговориться: печальными были всѣ сессіи третьей Думы, но къ четвертой этотъ терминъ приложимъ въ нѣсколько иномъ смыслѣ, чѣмъ къ тремъ предшествовавшимъ. Съ самаго начала своихъ занятій и до недавняго времени Дума 3-го іюня — т.-е. торжествующее думское большинство — была орудіемъ въ рукахъ правительства, способствуя, сообразно съ его видами, то регрессу, то застою, игнорируя или оправдывая акты властнаго произвола, въ крайне рѣдкихъ случаяхъ (напр. при разсмотрѣніи вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ) отступая отъ преподаннаго ей правила: „до сихъ поръ и не дальше“. Нужно было такое исключительное событіе, какъ изданіе указа 14-го марта, чтобы остановить думскій центръ въ его нисходящемъ движеніи по наклонной плоскости и напомнить ему о первой и главной обязанности народнаго представительства: стоять на стражѣ новаго государственнаго строя и противодѣйствовать возврату къ безповоротно осужденному прошлому. Конечно, лучше поздно, чѣмъ никогда — но легче совершить рядъ ошибокъ, нежели поправить хоть одну изъ нихъ. Цѣлые годы покорности подорвали авторитетъ Думы—и ей не удалось сразу вернуть потерянную позицію. Въ разсчетѣ на ея одобреніе былъ сдѣланъ смѣлый шагъ въ сторону отъ нормальнаго пути—и когда разсчетъ оказался невѣрнымъ, съ легкимъ сердцемъ рѣшено было обойтись безъ ея содѣйствія, отбросить въ сторону, какъ нѣчто несерьезное и неважное, даже прямо выраженный ея протестъ. Существуетъ, очевидно, предположеніе, что непослушаніе скоро опять уступитъ мѣсто обычной готовности творить волю пославшаго и все окончится ad majorem gloriam министерства. Въ самомъ дѣлѣ, только такимъ образомъ можно объяснить настойчивость, даже торопливость въ осуществленіи указа, противъ котораго высказались обѣ законодательныя палаты. Пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ: Дума соберется въ пятый, послѣдній разъ. Она очутится лицомъ къ лицу съ совершившимся или, по меньшей мѣрѣ, совершающимся фактомъ—и не дерзнетъ пойти на перекоръ ему, памятуя о возможномъ ускореніи безъ того уже близ-

каго ея конца, о предстоящей избирательной борьбѣ и о значеніи правительственной поддержки для партій, не имѣющихъ опоры ни въ обществѣ, ни въ народѣ. Пока указъ 14-го марта будетъ разсматриваться въ Думѣ, настанетъ новый годъ—и принесетъ съ собою надлежащія перемѣны въ средѣ членовъ Государственнаго Совѣта. Земскія учрежденія въ западныхъ губерніяхъ еще полнѣе, между тѣмъ, разовьютъ свою дѣятельность; ея остановка будетъ представлять еще бо̀льшія затрудненія. Въ крайнемъ случаѣ могутъ быть, притомъ, приняты мѣры къ обновленію не только назначеннаго, но и выборнаго состава Государственнаго Совѣта... Таково положеніе дѣлъ, созданное многолѣтнею податливостью думскаго центра. Прежде печальное впечатлѣніе производили безконечныя уступки думскаго большинства; теперь это впечатлѣніе вызывается безплодностью запоздалаго перехода на другую дорогу. Хорошо, конечно, что этотъ переходъ состоялся: онъ является знаменательнымъ симптомомъ перемѣны, происходящей даже въ робкихъ умахъ, доказательствомъ того, что есть предѣлъ терпѣнію даже самыхъ долготерпѣливыхъ—но онъ не снимаетъ отвѣтственности съ союза 17-го октября, только теперь начинающаго вспоминать о „потерянномъ документѣ“.

Если печальна дѣятельность думскаго центра, то что̀ сказать о дѣятельности министерства и единственныхъ его единомышленниковъ—„націоналистовъ“? Рѣчь П. А. Столыпина, произнесенная 27-го апрѣля въ засѣданіи Думы, представляетъ собою попытку оправдать изданіе указа 14-го марта отсутствіемъ другихъ выходовъ изъ положенія, созданнаго отклоненіемъ законопроекта о земствѣ въ западномъ краѣ. Ни къ чему не могло бы привести внесеніе новаго закона, такъ какъ онъ неминуемо долженъ былъ встрѣтить активное или пассивное противодѣйствіе со стороны Государственнаго Совѣта; ни къ чему не привели бы и новые выборы, такъ какъ они не коснулись бы назначенныхъ членовъ верхней палаты; не оставалось, слѣдовательно, ничего другого, кромѣ обращенія къ статьѣ 87-ой. Несостоятельность этой аргументаціи совершенно очевидна. Если неизбѣженъ былъ провалъ новаго законопроекта, то на чемъ же основана надежда достигнуть, въ обѣихъ палатахъ, утвержденія указа 14-го марта? Вѣдь онъ долженъ пройти, чтобы стать закономъ, черезъ тотъ же Государственный Совѣтъ, оппозиція котораго новому закону признавалась неизбѣжной? Если такъ безгранична увѣренность въ необходимости преобразованія, то откуда страхъ передъ обращеніемъ къ избирателямъ? Конечно, новые выборы могутъ измѣнить составъ Государственной Думы, могутъ, слѣдовательно, уменьшить число сторонниковъ мѣры, задуманной правительствомъ; но сущность конституціоннаго строя заключается именно въ томъ, что ничего не мо-

жетъ быть установлено вновь безъ согласія всѣхъ факторовъ законодательной власти. Ни одинъ изъ нихъ не можетъ навязывать другимъ то, что они считаютъ вреднымъ, ненужнымъ или нецѣлесообразнымъ. Министерству, потерпѣвшему неудачу и не надѣющемуся на побѣду при новыхъ выборахъ, надлежитъ вспомнить извѣстную формулу: se soumettre ou se démettre. Если оно, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, не считаетъ возможнымъ подать въ отставку, оно должно, приспособляясь къ создавшимся условіямъ, отказаться отъ тѣхъ сторонъ своего плана, которыя осуждены рѣшеніемъ законодательной палаты. Въ данномъ случаѣ осуждена была Государственнымъ Совѣтомъ система національныхъ курій. Новый законопроектъ, устраняющій куріи, имѣлъ бы всѣ шансы пройти черезъ Государственный Совѣтъ; а еслибы онъ встрѣтилъ противодѣйствіе думскаго большинства, ничто не мѣшало бы отложить его до близкаго уже окончанія полномочій третьей Думы или прибѣгнуть къ досрочному роспуску ея. Что касается до неотложности реформы, то не дальше, какъ два года тому назадъ, министерство считало возможнымъ не торопиться съ введеніемъ земства въ западномъ краѣ, да и теперь оно не предлагаетъ ввести его въ губерніяхъ виленской, гродненской и ковенской; какую же цѣну имѣютъ, затѣмъ, увѣренія его о недопустимости отсрочки?

13-го мая занятія Думы прерваны до 15-го октября; въ тотъ же день, т.-е. въ послѣдній день двухмѣсячнаго срока, внесенъ въ Думу, для мирнаго пятимѣсячнаго сна въ ея канцеляріи, указъ 14-го марта. Совершилось, такимъ образомъ, то, о чемъ давно шла рѣчь въ печати, но чему до конца трудно было повѣрить: Дума искусственно лишена возможности отклонить указъ до перехода его въ жизнь. Этого желали такіе „патріоты“, какъ профессоръ Богдановъ, начертавшій въ „Кіевлянинѣ“ именно тотъ планъ дѣйствій, который усвоило себѣ министерство; но то, что понятно на страницахъ реакціонной газеты, становится по меньшей мѣрѣ страннымъ, когда проникаетъ въ правительственную практику. Не даромъ же одинъ изъ присяжныхъ глашатаевъ „націонализма“ видитъ въ этомъ „сверхъ-обструкцію“, идущую въ разрѣзъ съ нормальнымъ государственнымъ порядкомъ. Онъ спрашиваетъ себя, къ чему же вносить на обсужденіе палатъ законъ, отклоненіе котораго намѣренно до крайности затруднено? „Чего стоитъ вынужденное одобреніе, принятое въ силу подстроенной необходимости? Чего стоитъ законъ, введенный, такъ сказать, захватнымъ правомъ“?.. Исходя изъ такого источника, эти вопросы легко могутъ быть поняты какъ совѣтъ. Нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что ихъ не задастъ себѣ, въ рѣшительную минуту, и министерство. Нарушеніе закона опасно, между прочимъ, именно потому, что оно ведетъ на путь, на которомъ трудно остановиться. Глубоко вѣрны слова вели-

каго поэта: „das ist der Fluch des bösen That, dass sie fortwährend Böses muss erzeugen“. Отъ ничѣмъ не оправдываемаго обращенія къ чрезвычайно-указному порядку только одинъ шагъ до прямого отступленія отъ всякаго порядка, чрезвычайнаго и не-чрезвычайнаго. Передъ палатами, когда онѣ приступятъ, наконецъ, къ обсужденію указа 14 марта, будетъ стоять не только призракъ ломки уже вошедшихъ въ жизнь учрежденій, но и призракъ новаго государственнаго переворота.

Правы ли мы, однако, называя указъ 14-го марта нарушеніемъ закона? Возвратиться къ этому вопросу, по видимому вполнѣ исчерпанному, насъ побуждаютъ два обстоятельства: въ засѣданіи Госуд. Думы одинъ изъ лучшихъ ораторовъ оппозиціи назвалъ указъ 14-го марта „формально правильнымъ“—и въ томъ же смыслѣ реакціонная печать поспѣшила истолковать докладъ, представленный профессоромъ В. М. Гессеномъ въ спб. юридическомъ обществѣ. Что касается до словъ В. А. Маклакова, то они не должны быть вырываемы изъ контекста его рѣчи; въ формально правильномъ актѣ онъ усмотрѣлъ извращеніе смысла закона, т.-е. нѣчто худшее или во всякомъ случаѣ не менѣе важное, чѣмъ внѣшній недостатокъ формы. Докладъ В. М. Гессена, встрѣтившій, въ томъ же засѣданіи, сильный отпоръ въ другомъ докладѣ (гр. П. М. Толстого), отнюдь не былъ направленъ къ оправданію министерства: докладчикъ доказывалъ юридическую возможность пользоваться чрезвычайно-указнымъ правомъ какъ въ промежутки между двумя сессіями Думы, такъ и во время перерывовъ сессіи—но находилъ въ актѣ 14-го марта другіе дефекты, лишающіе его правомѣрнаго значенія (отсутствіе чрезвычайныхъ обстоятельствъ, устройство перерыва ad hoc, исключительно съ цѣлью изданія указа). Если положить на одну чашку вѣсовъ вотумъ Госуд. Совѣта, столь мало расположеннаго къ отрицанію или умаленію правительственныхъ прерогативъ, вотумъ Госуд. Думы, обычно столь покорной и, въ данномъ случаѣ, солидарной съ министерствомъ по отношенію къ существу указа, голосъ независимой печати, выражающей мнѣніе широкихъ круговъ образованнаго общества, а на другую—неумѣлые панегирики реакціонной прессы, вызвавшіе возраженія даже въ собственной ея средѣ, то не трудно рѣшить, на какой сторонѣ правда и право. В. А. Маклаковъ назвалъ образъ дѣйствій министерства политически преступнымъ; мы думаемъ, что онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ политической ошибкой. Не стоило такъ далеко уклоняться отъ закона, чтобы провести мѣру болѣе чѣмъ сомнительнаго достоинства и менѣе чѣмъ второстепенной важности; не стоило извлекать изъ запаснаго арсенала орудіе, предназначенное лишь для критическихъ минутъ и опасныхъ положеній; не слѣдовало возлагать надежды на антагонизмъ между палатами, разъ что нарушеніе правъ и достоинства одной изъ

нихъ грозило тою же участью другой; не слѣдовало, наконецъ, громко провозглашая свою отвѣтственность, отодвигать въ далекое будущее ея осуществленіе, съ помощью такихъ средствъ, какъ использованіе до конца совсѣмъ ненужнаго, въ данномъ случаѣ, срока и преждевременное, вопреки прецедентамъ, прекращеніе занятій Госуд. Думы. Въ двѣ-три недѣли, до начала іюня, Дума могла бы заключить разсмотрѣніе дѣлъ дѣйствительно важныхъ, какъ напр. страхованіе рабочихъ, или признаваемыхъ важными въ правительственныхъ и націоналистическихъ сферахъ, какъ выдѣленіе Холмщины или первые опыты имперскаго законодательства для Финляндіи. Слишкомъ далеко зайдя въ одномъ направленіи, министерство само осудило себя на продолжительное бездѣйствіе въ другихъ, съ его точки зрѣнія не менѣе заслуживающихъ вниманія.

Намъ могутъ сказать, ссылаясь на рѣчь П. А. Столыпина, что для министерства вопросъ о западномъ земствѣ сливается съ другимъ, еще болѣе крупнымъ и серьезнымъ: съ вопросомъ о русской, національной политикѣ. „Мы какъ умѣемъ, какъ понимаемъ“—воскликнулъ предсѣдатель совѣта министровъ,—„бережемъ будущее нашей родины и смѣло вбиваемъ гвозди въ постройку будущей Россіи, не стыдящейся быть русскою“. Попробуемъ, на минуту, стать на эту точку зрѣнія: допустимъ, что однимъ изъ гвоздей истинно-русской постройки должна быть усиленная охрана всего русскаго по крови и по вѣрѣ противъ всего инородческаго и иновѣрнаго. Но развѣ невозможно разногласіе о способахъ осуществленія этой охраны? Развѣ доказано, что безъ искусственно—хотя, можетъ быть, и неискусно—созданныхъ національныхъ курій немыслимо развитіе и процвѣтаніе русскаго населенія западнаго края? Развѣ такъ велико принципіальное различіе между взглядами министерства—съ одной стороны, и нѣкоторыхъ изъ числа голосовавшихъ противъ него членовъ Госуд. Совѣта—съ другой? Развѣ въ націоналистической печати не раздаются голоса и противъ поспѣшности, съ которою вводится земство въ западномъ краѣ, и даже противъ самаго его введенія? Одни ожидаютъ отъ новыхъ порядковъ обостренія національной борьбы; другіе считаютъ „политику, объявившую себя національной“, опасною именно для русскаго дѣла въ сѣверо-западномъ краѣ. На чемъ же основана увѣренность министерства, что именно оно вбиваетъ надлежащій гвоздь, надлежащимъ молоткомъ, въ надлежащемъ мѣстѣ?..

Само собою разумѣется, что въ нашихъ глазахъ „политика, объявившая себя національной“, грѣшитъ не только въ выборѣ средствъ, но и въ выборѣ цѣли. „Впервые въ русской исторіи—читаемъ мы въ рѣчи 27-го апрѣля,—на судъ народнаго представительства вынесенъ вопросъ такого глубокаго національнаго значенія. До настоящаго вре-

мени къ рѣшенію такихъ вопросовъ народъ не пріобщался и, можетъ быть, поэтому становился къ нимъ все болѣе и болѣе равнодушнымъ; чувство, объединяющее народъ, чувство единенія тускнѣло и ослабѣвало. И если обернуться назадъ и поверхъ дѣйствительности взглянуть на наше прошлое, то въ сумеркахъ нашего національнаго блужданія ярко вырисовываются лишь два царствованія, озаренныя дѣйствительной вѣрой въ свое родное, русское. Это—царствованія Екатерины Великой и Александра III-го. Но лишь въ царствованіе императора Николая II-го вѣра въ народъ воплотилась въ призваніе его къ рѣшенію народныхъ дѣлъ, и, быть можетъ, съ политической точки зрѣнія не было еще на обсужденіи Госуд. Думы законопроекта болѣе серьезнаго, чѣмъ вопросъ о западномъ земствѣ". Въ этихъ словахъ насъ поражаетъ, прежде всего, смѣшеніе понятій о народѣ, какъ національномъ, и о народѣ, какъ государственномъ цѣломъ. „Вѣра въ народъ", выразившаяся въ призваніи его къ рѣшенію народныхъ дѣлъ, обнимаетъ собою, очевидно, не однихъ русскихъ по крови. Въ избраніи представителей принимаютъ участіе всѣ національности, входящія въ составъ населенія имперіи, за немногими исключеніями, скорѣе географическими, чѣмъ племенными. Правда, это участіе для различныхъ національностей далеко не равномѣрно, но съ которыхъ поръ? Со времени изданія правилъ 3-го іюня, чрезвычайныхъ по своему происхожденію, переходныхъ по своему характеру и имѣвшихъ въ виду политическія, а не національныя цѣли. И дѣла, подлежащія рѣшенію Думы, могутъ быть названы *народными* лишь въ томъ смыслѣ этого слова, въ какомъ оно является синонимомъ слова: *государственныя*. Именно въ правовомъ строѣ, введенномъ у насъ если не de facto, то de jure, племенныя различія не должны выступать на первый планъ. *Роднымъ* для власти должно считаться все ей подвластное, такъ какъ она одинаково отвѣтственна за благосостояніе, матеріальное и духовное, всѣхъ гражданъ государства. Преслѣдованія, стѣсненія, правоограниченія, направленныя противъ *чужихъ* по вѣрѣ или по крови, гораздо болѣе понятны—хотя и не болѣе раціональны,—въ неограниченной монархіи, чѣмъ въ конституціонной: въ первой для личныхъ симпатій и антипатій открывается просторъ несравненно болѣе широкій, чѣмъ въ послѣдней... Если въ русскомъ народѣ „чувство единенія", основанное на племенномъ единствѣ, „тускнѣло и ослабѣвало", то это зависѣло отъ включенія въ составъ русскаго государства все новыхъ и новыхъ національныхъ элементовъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ расширенія умственнаго кругозора, ослабляющаго племенныя предубѣжденія, племенную рознь. Такой процессъ не только неизбѣженъ: онъ желателенъ для мирнаго развитія страны, особенно желателенъ именно тамъ, гдѣ волею судебъ созданъ до крайности сложный этнографиче-

скій составъ населенія. Противодѣйствіе ему искусственными мѣрами можетъ сдѣлать его болѣе медленнымъ, болѣе болѣзненнымъ, но не можетъ ни остановить, ни прекратить его.

Устремивъ взглядъ назадъ, въ „сумерки національнаго блужданія", П. А. Столыпинъ ошибся, какъ намъ кажется, въ оцѣнкѣ свѣта и тьмы, изъ которыхъ они слагаются. Онъ упустилъ изъ виду, что одобряемое имъ культивированіе націонализма достигло весьма высокой степени уже при Николаѣ I-мъ, выразившись теоретически—въ извѣстной трехчленной формулѣ, практически—въ уничтоженіи уніи, въ прекращеніи дѣйствія Литовскаго Статута, въ закрытіи виленскаго университета и кременецкаго лицея. Онъ упустилъ изъ виду, что лучшія стороны „родного, русскаго" были воскрешены въ лучшіе годы царствованія Александра II-го, въ тѣ годы, къ которымъ относятся знаменитыя слова московскихъ старообрядцевъ: „въ новизнахъ твоихъ старина наша слышится". Онъ упустилъ изъ виду, что съ другими, мрачными годами этого царствованія совпадаютъ ограниченія польскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ, совпадаетъ преслѣдованіе уніатовъ въ губерніяхъ Сѣдлецкой и Люблинской. Безспорно, культъ специфически русскаго расцвѣлъ пышнымъ цвѣтомъ въ царствованіе Александра III-го; но отъ него идетъ современный націонализмъ — и къ нему вполнѣ примѣнимы слова поэта: „an seinen Früchten sollt Ihr ihn erkennen!" Оцѣнка столь близкой намъ эпохи зависитъ, конечно, отъ того или другого отношенія къ вопросамъ настоящей минуты. Въ формулѣ: „Россія для русскихъ", въ преобразованіяхъ, уничтожавшихъ или подрывавшихъ въ корнѣ великія реформы Александра II-го, одни видятъ указаніе единственнаго пути, пригоднаго для Россіи, другіе — непосредственную причину только что пережитыхъ и теперь переживаемыхъ Россіей бѣдствій. Не возобновляя здѣсь стараго спора, по существу котораго намъ приходилось высказываться неоднократно, ограничимся однимъ замѣчаніемъ—и затѣмъ сошлемся на свидѣтеля, безпристрастіе и авторитетность котораго стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія. Замѣчаніе состоитъ въ томъ, что необходимость отрѣшиться отъ традицій, завѣщанныхъ Александромъ III-мъ, подтверждена не только манифестомъ 17-го октября, но еще раньше, изданнымъ въ менѣе тревожную минуту указомъ 12-го декабря 1904-го года [1]). Въ свидѣтели мы выставляемъ Владиміра Соловьева, книга котораго: „L'Idée russe", прежде недоступная для широкой русской

[1]) Пун. 7 и 8 этого указа предписано подвергнуть пересмотру узаконенія, ограничивающія права иновѣрцевъ и инородцевъ. Не всѣ эти узаконенія, конечно, были изданы при Александрѣ III-мъ, но всѣ соотвѣтствовали господствовавшей при немъ системѣ.

публики, недавно—и очень кстати—появилась въ русскомъ переводѣ (Г. А. Рачинскаго, Москва, 1911).

„Каковы бы ни были внутренно присущія русскому народу качества"—писалъ В. С. Соловьевъ въ 1888-мъ году,—„они не могутъ проявляться нормальнымъ образомъ, пока его совѣсть и его мысль остаются парализованными правящимъ насиліемъ и обскурантизмомъ. Прежде всего необходимо дать доступъ чистому воздуху и свѣту, снять искусственныя преграды, открыть религіозному духу нашей націи прямой путь къ полной и живой истинѣ... Второе крещеніе, духомъ истины и огнемъ любви, необходимо если не для всей Руси, то по крайней мѣрѣ для той части нашего общества, которая въ настоящее время говоритъ и дѣйствуетъ. Чтобы стать христіанской, она должна отречься отъ новаго идолослуженія—отъ эпидемическаго безумія націонализма, толкающаго народы на поклоненіе своему собственному образу, вмѣсто высшаго и вселенскаго Божества". Дальше Соловьевъ возстаетъ противъ одного изъ самыхъ возмутительныхъ проявленій этого націонализма—противъ попытокъ руссификаціи поляковъ. „Цѣль нашихъ руссификаторовъ—говоритъ онъ—по счастью недостижима; однако все, что̀ предпринимается для ея осуществленія, не становится отъ этого менѣе преступнымъ и зловреднымъ. Тиранническая руссификація, тѣсно связанная съ еще болѣе тираническимъ разрушеніемъ грекоуніатской церкви, представляетъ во истину національный грѣхъ, тяжелымъ бременемъ лежащій на Россіи и парализующій ея моральныя силы... Не въ такомъ состояніи, съ устами загражденными, съ завязанными глазами и съ душой, раздираемой противорѣчіями и угрызеніями совѣсти, надлежитъ идти Россіи на свое историческое дѣло. Намъ уже были даны два тяжелыхъ урока, два строгихъ предостереженія: въ Севастополѣ и затѣмъ, при еще болѣе знаменательныхъ обстоятельствахъ—въ Берлинѣ. Не слѣдуетъ ждать третьяго предостереженія"... Это̀ третье, самое грозное предостереженіе дано Россіи японскою войною—но истинный его смыслъ забывается теперь такъ же легко и охотно, какъ забывался прежде смыслъ двухъ первыхъ.

Слова В. С. Соловьева приведены нами не только какъ свидѣтельство о томъ, что̀ думалъ одинъ изъ лучшихъ людей своей эпохи о націонализмѣ восьмидесятыхъ годовъ, но и какъ приговоръ надъ націонализмомъ нашего времени. Въ самомъ дѣлѣ, черты его не измѣнились: онъ по прежнему враждебенъ свободѣ вообще, свободному развитію не-русскихъ національностей въ особенности—и по прежнему велика опасность, которою онъ грозитъ народу и государству. Правда, П. А. Столыпинъ утверждаетъ, что проводимый имъ per fas et nefas законъ направленъ „не къ утѣсненію, не къ угнетенію не-русскихъ

народностей, а къ охраненію правъ коренного русскаго населенія, которому государство измѣнить не можетъ, такъ какъ оно никогда не измѣняло государству". Но развѣ не утѣсненіемъ является искусственное ограниченіе мѣры участія не-русскихъ народностей въ земскихъ собраніяхъ и, еще болѣе, въ земскихъ исполнительныхъ органахъ? Развѣ охрана правъ, принадлежащихъ одному, непремѣнно требуетъ умаленія правъ, принадлежащихъ другому? Развѣ истинный интересъ большинства заключается въ преобладаніи, обезпеченномъ внѣшними — и, слѣдовательно, ненадежными — средствами, а не въ свободномъ общеніи съ меньшинствомъ, стирающемъ острые углы и обезпечивающемъ достиженіе для всѣхъ одинаково важныхъ цѣлей?... Излюбленную имъ куріальную систему предсѣдатель совѣта министровъ пытался оправдать молчаливымъ одобреніемъ, которое встрѣчаетъ со стороны поляковъ мысль объ образованіи въ городахъ царства польскаго особыхъ еврейскихъ курій — и предположеніемъ, что такихъ же курій, для эстовъ и латышей, потребуютъ остзейскіе нѣмцы. Это послѣднее предположеніе авторитетно опровергнулъ передъ лицомъ Думы представитель Лифляндіи, баронъ Мейендорфъ. Что касается до ссылки на поляковъ, то правило: „fas est et ab hoste doceri" не должно быть распространяемо на явныя ошибки врага. Если часть польскаго общества впадаетъ въ противорѣчіе сама съ собою, оправдывая по отношенію къ другимъ осуждаемое ею въ собственномъ дѣлѣ, то ея примѣръ не заслуживаетъ подражанія, являясь, на оборотъ, тѣмъ, что называется у нѣмцевъ ein abschreckendes Beispiel. Интересы коренного населенія западнаго края гораздо проще и лучше могли бы быть ограждены расширеніемъ крестьянскаго представительства. Объ этомъ шла рѣчь въ обѣихъ палатахъ—но на путь, прямо, безъ нарушенія чьихъ-либо правъ, ведущій къ цѣли, не пожелало вступить министерство, не пожелало вступить ни націоналистическое большинство Государственной Думы, ни бюрократическое большинство Государственнаго Совѣта.

Разница между націонализмомъ, противъ котораго съ такою силой убѣжденія и негодованія вооружался Владиміръ Соловьевъ, и модернымъ націонализмомъ нашихъ дней заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что источникомъ и опорой перваго служили преимущественно правительственныя сферы, которымъ вторили, рѣдко принимая на себя иниціативу, немногіе органы періодической печати, а для служенія второму сложились цѣлыя общественныя группы, отчасти образующія свиту власти, отчасти претендующія на указаніе ей пути и на контроль надъ ея неуклоннымъ слѣдованіемъ къ намѣченной цѣли. Эти группы, сильныя не внутренними качествами, а внѣшнимъ покровительствомъ, не вполнѣ однородны между собою. Одна, откровенная

до цинизма, грубая до наглости, преданная учрежденіямъ лишь на столько, насколько ими охранялись, охраняются и будутъ охраняться ея особые интересы, отличные отъ народныхъ или прямо имъ противоположные—всецѣло тяготѣетъ къ прошлому и не отступаетъ ни передъ чѣмъ, чтобы добиться возможно полнаго его возстановленія. Другая группа, болѣе умѣренная и разсудительная, но едва ли болѣе озабоченная общимъ благомъ, примиряется, до извѣстной степени, съ настоящимъ и спѣшитъ воспользоваться имъ, пока оно благопріятно для ея стремленій. Первая группа, въ Государственной Думѣ представленная такими ораторами, какъ гг. Пуришкевичъ, Марковъ 2-ой, Образцовъ, Балаклѣевъ, въ періодической печати—такими газетами, какъ „Земщина“, „Колоколъ“, „Русское Знамя“, охотно привѣтствовала бы полный крахъ западнаго земства, да и земства вообще, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ его видѣ; вторая группа, во главѣ которой стоятъ гг. Балашовъ, Крупенскій, Половцовъ, Гололобовъ—въ Государственной Думѣ, „Новое Время“—въ печати, служитъ, со времени размолвки между П. А. Столыпинымъ и октябристами, ближайшимъ оплотомъ министерства вообще и политики, „объявляющей себя національною“, въ частности. И вотъ что знаменательно: среди депутатовъ-„націоналистовъ“ нѣтъ ни одного, сколько-нибудь выдающагося надъ среднимъ, невысокимъ уровнемъ третьей Думы, а въ проводящей націо налистическія стремленія газетѣ проявляются, помимо издавна извѣстныхъ ея качествъ, такія внутреннія разногласія, которыя были бы немыслимы при искреннемъ увлеченіи ясно сознанною идеею. Разномыслiе, по видимому, проникаетъ и въ среду думскихъ націоналистовъ, отъ которыхъ только что откололась фракція „независимыхъ“. Вялость націоналистической партіи, неустойчивость націоналистической прессы—явные симптомы безсилія русскаго націонализма. И въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли быть жизненнымъ и плодотворнымъ теченіе, исходящее изъ зоологической обособленности и приводящее къ взаимной враждѣ—враждѣ не на почвѣ идей, а на почвѣ инстинктовъ? Понятна и неизбѣжна борьба, вызываемая противоположностью взглядовъ на задачи государства, на роль народа, на взаимное отношеніе общественныхъ классовъ, на способы примиренія ихъ или побѣды однихъ надъ другими; но совершенно несовмѣстна съ задачами современнаго государства борьба племенная, изнурительная для побѣжденныхъ и ничего, въ сущности, не дающая побѣдителямъ. Доказательствами этому слишкомъ богато наше прошлое. Чего достигъ націонализмъ той эпохи, передъ которою преклоняется предсѣдатель совѣта министровъ? Къ чему привела „руссификація“, противъ которой такъ горячо возставалъ Владиміръ Соловьевъ? „Обрусѣлъ“ ли, подъ ея давленіемъ, хоть одинъ полякъ или литвинъ? А преслѣдо-

ваніе уніатовъ, столь тѣсно связанное съ націоналистическими тенденціями, помѣшало ли массовому переходу ихъ въ католицизмъ, какъ только исчезли внѣшнія къ тому преграды?..

Неудачи воинствующаго націонализма — далеко не единственныя въ пассивѣ стараго режима, возвращеніе къ которому открыто подготовляется одними, въ бо̀льшей или меньшей мѣрѣ допускается другими. Церковная политика, такъ долго тяготѣвшая надъ обществомъ и народомъ, потерпѣла длинный рядъ пораженій: скорѣе окрѣпло, чѣмъ ослабѣло старообрядство, не прекратилось основаніе новыхъ и распространеніе прежде существовавшихъ сектъ, ничего не потеряли католицизмъ и протестантизмъ, не сложило оружія ни магометанство, ни даже язычество — а въ самой господствующей церкви рѣзко обострились отрицательныя стороны, отмѣченныя еще первыми славянофилами и ярко обрисованныя Иваномъ Аксаковымъ и Владиміромъ Соловьевымъ. Какую роль въ политикѣ, многое поколебавшей и ничего не создавшей, съиграло двадцатипятилѣтнее управленіе К. П. Побѣдоносцева вѣдомствомъ православнаго исповѣданія—это слишкомъ хорошо извѣстно. И вотъ, послѣ нѣсколькихъ назначеній, все болѣе и болѣе отклонявшихся отъ новаго пути, намѣченнаго въ 1904-5 г.г., на постъ оберъ-прокурора св.-синода призывается многолѣтній сотрудникъ К. П. Побѣдоносцева, В. К. Саблеръ, призывается въ то время, когда не закончена ни одна изъ реформъ, еще недавно считавшихся необходимыми, когда церковная жизнь, по признанію самихъ апологетовъ церкви, меньше чѣмъ когда-либо удовлетворяетъ предъявляемымъ къ ней требованіямъ. Трудно угадать, на чемъ основана возродившаяся, по видимому, увѣренность въ дѣйствительности средствъ, никогда, даже при условіяхъ гораздо болѣе благопріятныхъ, не приводившихъ къ цѣли; еще труднѣе предположить, что въ старые мѣха будетъ влито новое вино. Не разрѣшаютъ волнующаго всѣхъ вопроса и разговоры В. К. Саблера съ разными лицами, оглашенные въ печати. Когда его спросили, каковъ будетъ общій характеръ его реформъ, онъ отвѣтилъ такъ [1]): „говоря прямѣе, вы хотите выяснить, буду ли я придерживаться взглядовъ К. П. Побѣдоносцева? На это я могу лишь повторить сказанное моимъ сослуживцамъ при первомъ представленіи ихъ мнѣ: мы будемъ брать отъ моихъ предшественниковъ все доброе и избѣгать того, что забраковано жизнью". Болѣе загадочнаго отвѣта не давалъ, думается намъ, ни одинъ изъ древнихъ оракуловъ. Что̀ именно забраковано жизнью—крайности государственнаго протектората надъ церковью или попытки ввести его въ болѣе тѣсные предѣлы? Принудительныя мѣры, направленныя къ охранѣ господ-

[1]) См. № 12627 „Новаго Времени".

ствующаго вѣроисповѣданія, или первые шаги къ свободѣ совѣсти? Если заключать о будущемъ на основаніи прошедшаго, то всѣ эти недоумѣнія падаютъ сами собою—и нельзя ожидать ничего утѣшительнаго... В. К. Саблеру ставятъ въ заслугу разногласіе его съ К. П. Побѣдоносцевымъ относительно созыва помѣстнаго собора; но вѣдь это разногласіе относится къ тому времени, когда на очереди, во всѣхъ областяхъ государственной и народной жизни, стояло движеніе впередъ. Теперь обстоятельства существенно измѣнились; не измѣнилось ли, вмѣстѣ съ ними, и мнѣніе В. К. Саблера по вопросу о соборѣ? Судя по одному изъ многочисленныхъ газетныхъ сообщеній, можно думать, что онъ считаетъ созывъ его „несвоевременнымъ“—а ссылка на „несвоевременность“ оказывается, сплошь и рядомъ, ничѣмъ инымъ, какъ мягкой формой отрицательнаго рѣшенія. Замѣтимъ, впрочемъ, что при извѣстныхъ условіяхъ самый созывъ собора можетъ привести къ результату, не имѣющему ничего общаго съ надеждами, широко распространенными, лѣтъ шесть тому назадъ, въ нашемъ церковномъ мірѣ. То было время изданія Высочайшаго указа 17-го апрѣля 1905-го года—а теперь мы переживаемъ время „поправокъ“, вносимыхъ Госуд. Совѣтомъ въ вѣроисповѣдные законопроекты. И этими поправками не удовлетворяется, по видимому, новый оберъ-прокуроръ св. синода; какъ членъ коммиссіи Государственнаго Совѣта, разсматривавшей законопроектъ о переходѣ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое, онъ подалъ голосъ за совершенное отклоненіе его... Въ 1905 г. министерство внутреннихъ дѣлъ принимало участіе въ разработкѣ постановленій, знаменовавшихъ собою переходъ къ свободѣ совѣсти; въ настоящее время оно занимается „разъясненіемъ“ предѣловъ и смысла вѣротерпимости.

„Къ числу воспрещенныхъ закономъ дѣяній“ — читаемъ мы въ недавнемъ министерскомъ циркулярѣ — „несомнѣнно принадлежитъ выраженное въ прямой и конкретной формѣ приглашеніе православныхъ къ присоединенію къ сектѣ и къ участію въ ея молитвенныхъ собраніяхъ“. Какой именно здѣсь имѣется въ виду законъ — опредѣлить довольно трудно; по всей вѣроятности — ст. 90-ая уголовнаго уложенія, такъ какъ статья 84-ая, въ томъ видѣ, какой ей данъ Высочайше утвержденнымъ 14-го марта 1906-го года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, обнимаетъ собою только совращеніе въ *изувѣрное* ученіе, и притомъ посредствомъ злоупотребленія властью, принужденія, обольщенія обѣщаніемъ выгодъ или обмана. Что касается ст. 90-ой (измѣненной тѣмъ же мнѣніемъ Государственнаго Совѣта), то она предусматриваетъ только произнесеніе или чтеніе, публично, проповѣди, рѣчи или сочиненія, или распространеніе или публичное выставленіе сочиненія или изображенія, побуждающихъ къ переходу

православныхъ въ иное вѣроисповѣданіе, или ученіе, или секту, если эти дѣянія учинены съ цѣлью совращенія православныхъ. Первымъ условіемъ примѣненія этой статьи является, слѣдовательно, *публичность* дѣйствія, о которой въ циркулярѣ министерства внутреннихъ дѣлъ нѣтъ и рѣчи; затѣмъ она предполагаетъ намѣреніе воздѣйствовать не на одно лицо, а на цѣлый рядъ лицъ, что̀, конечно, не можетъ быть достигнуто приглашеніемъ отдѣльнаго лица къ участію въ сектантскихъ молитвенныхъ собраніяхъ... За вышеприведенными словами въ циркулярѣ идетъ слѣдующая оговорка: „однакоже, фактъ присутствія православныхъ на сектантскихъ молитвословіяхъ или богослуженіяхъ самъ по себѣ не можетъ быть признанъ незаконномѣрнымъ, ибо, съ предоставленіемъ православнымъ свободы отпаденія отъ православія, имъ, очевидно, принадлежитъ и право ознакомленія съ избраннымъ ими вѣроученіемъ“. Итакъ, въ данномъ поступкѣ нѣтъ ничего противозаконнаго, а приглашеніе совершить его является не только незаконномѣрнымъ, но и преступнымъ, уголовно наказуемымъ?! Болѣе явнаго противорѣчія нельзя себѣ и представить. Явиться въ молитвенное собраніе сектантовъ, не заручившись предварительно ихъ согласіемъ на то, никто не рѣшится—а можно ли провести ясную демаркаціонную черту между согласіемъ и приглашеніемъ? Прежде преслѣдованію могла подлежать всякая попытка ознакомить православнаго съ ученіемъ секты; теперь такое ознакомленіе признается допустимымъ, но лишь до тѣхъ поръ, пока сектантъ не скажетъ православному: „приходи въ наше собраніе, посмотри и послушай самъ, что̀ въ немъ происходитъ“. Можно ли представить себѣ болѣе явное отступленіе отъ требованій логики? А между тѣмъ, при нынѣшнемъ настроеніи власть имѣющихъ лицъ достаточно слегка пріотворить дверь, чтобы въ нее вошло торжествующее шествіе преслѣдованій и стѣсненій... Дальше въ циркулярѣ проводится мысль, что подъ дѣйствіе пун. 3 ст. 93 уголовнаго уложенія подходитъ обученіе православныхъ дѣтей сектантскимъ молитвамъ и духовнымъ пѣснямъ и привлеченіе ихъ къ общему сектантскому молитвословію. Законъ, указываемый въ циркулярѣ, грозитъ отвѣтственностью духовному лицу инославнаго вѣроисповѣданія за преподаваніе катехизиса этого вѣроисповѣданія завѣдомо православному, не достигшему совершеннолѣтія. Уголовный законъ не долженъ быть толкуемъ распространительно; не подлежитъ, поэтому, никакому сомнѣнію, что подъ понятіе о преподаваніи катехизиса не можетъ быть подведено ни обученіе сектантскимъ молитвамъ и духовнымъ пѣснямъ, ни участіе въ сектантскомъ молитвословіи. Преподаваніе катехизиса неизбѣжно подчеркиваетъ разницу между ученіями; молитвы и духовныя пѣсни могутъ пробуждать чувства, свойственныя каждому христіанину. Отъ участія въ

молитвословіи, въ особенности если оно случайно, еще очень далеко до усвоенія особенностей секты и, тѣмъ болѣе, до вступленія въ ея среду... Толкованія, предлагаемыя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, не только лишены всякаго основанія, не только идутъ въ разрѣзъ съ закономъ: они опасны, потому что грозятъ новыми нарушеніями далеко еще не прочнаго религіознаго мира, провозглашеннаго Высочайшимъ указомъ 17-го апрѣля 1905-го года.

Государственный Совѣтъ, большинствомъ 76 голосовъ противъ 71, отложилъ до осени разсмотрѣніе законопроекта о переходѣ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое. Ничѣмъ не оправдываемая медленность, раньше допущенная Государственнымъ Совѣтомъ въ движеніи этого законопроекта (со времени внесенія его прошло болѣе полутора года), въ связи съ обстоятельствами настоящаго момента, привела къ тому, что нельзя считать обезпеченнымъ установленіе порядка, предрѣшеннаго, повидимому, еще въ апрѣлѣ 1905-го года. Пока проектъ проходилъ, черепашьимъ шагомъ, черезъ законодательныя инстанціи, во главѣ вѣдомства, съ самаго начала нерасположеннаго къ основамъ реформы, сталъ В. К. Саблеръ, подавшій противъ нея голосъ въ коммиссіи Государственнаго Совѣта. Нетрудно себѣ представить, при какихъ неблагопріятныхъ условіяхъ возобновится осенью прерванное теперь разсмотрѣніе злополучнаго проекта. Правда, если вѣрить „Россіи“, правительствомъ будутъ даны опредѣленныя указанія, „въ какой степени насущно необходимъ отстаиваемый имъ проектъ“; но гдѣ ручательство въ томъ, что эта степень окажется достаточно высокой, что не будутъ принесены въ жертву существенныя черты преобразованія, что не повторится, однимъ словомъ, исторія вопроса о мѣстномъ судѣ? И при слабой поддержкѣ законопроекта, при готовности къ неограниченнымъ уступкамъ, не составится ли въ самомъ Государственномъ Совѣтѣ, по примѣру большинства, отсрочившаго разсмотрѣніе законопроекта, большинство, готовое устроить для него торжественныя похороны?..

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Новое выступленіе нашей дипломатіи.—Оффиціальное сообщеніе о турецкихъ дѣлахъ.—Странная двойственность въ нашей внѣшней политикѣ.—Министерская катастрофа во Франціи.—Карьера Берто.—Марокская экспедиція и ея результаты.—Нѣмецкія и британскія дѣла.

Намъ уже нѣсколько разъ приходилось останавливаться предъ щекотливымъ вопросомъ, который естественно вызывается странностями нашей внѣшней политики за послѣднее время. Чѣмъ объяснить столь часто повторяющіяся рискованныя выступленія русской дипломатіи, возбуждающія недоумѣніе и безпокойство даже въ сочувствующихъ намъ государствахъ западной Европы? Еще недавно вся европейская печать занималась обсужденіемъ рѣшительныхъ шаговъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ относительно Китая, а теперь мы опять стоимъ предъ загадочнымъ образомъ дѣйствій того же вѣдомства по отношенію къ Турціи. Въ газетахъ неожиданно появилось „оффиціальное сообщеніе“ такого рода:

„Императорскому послу въ Константинополѣ поручено сдѣлать турецкому правительству сообщеніе въ слѣдующемъ смыслѣ:

„Со времени возникновенія смуты въ албанскихъ округахъ, оттоманское правительство непрестанно завѣряло Императорское правительство въ своемъ твердомъ намѣреніи не нарушать международнаго мира. Изъ послѣднихъ извѣстій явствуетъ, что турецкія войска сосредоточены преимущественно въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ черногорской границей.

„Отсюда вытекаетъ серьезная опасность для мира, такъ какъ малѣйшая случайность можетъ вызвать пограничное столкновеніе, послѣдствія коего было бы трудно нынѣ предусмотрѣть. При этомъ Императорское правительство находитъ необходимымъ прибавить, что принятыя черногорскимъ правительствомъ мѣры военнаго характера по охранѣ границъ отнюдь, по его мнѣнію, не должны считаться актомъ, угрожающимъ сосѣдней странѣ, а лишь естественными мѣрами самообороны и поддержанія порядка на своей территоріи.

„Въ убѣжденіи, что Порта раздѣляетъ таковую точку зрѣнія, Императорское правительство выражаетъ надежду, что оттоманское правительство признаетъ возможнымъ, во имя поддержанія спокойствія и мира, *заявить незамедлительно и въ рѣшительной формѣ* о своихъ, совершенно миролюбивыхъ, чувствахъ въ отношеніи Черногоріи и тѣмъ способствовать ограниченію предѣловъ военнаго поло-

женія и даже возможности отмѣны сдѣланныхъ уже Черногорію чрезвычайныхъ военныхъ распоряженій.

„Императорское правительство, съ своей стороны, озабочиваясь сохраненіемъ мира, не преминетъ продолжать свои совѣты умѣренности и спокойствія черногорскому королевскому правительству".

Текстъ этого сообщенія, обнародованный здѣшнимъ телеграфнымъ агентствомъ, не могъ быть составленъ кѣмъ-либо изъ дипломатовъ или дипломатическихъ чиновниковъ, ибо онъ обнаруживаетъ полное незнакомство съ существующими международными обычаями и съ общимъ политическимъ положеніемъ современной Европы. Нынѣшняя Турція имѣетъ несомнѣнное право считаться вполнѣ самостоятельною и независимою державою, и никакъ нельзя было разсчитывать на то, что она „незамедлительно" исполнитъ требованіе постороннаго государства, хотя бы и подкрѣпленное замаскированною угрозою войны. Предъявлять же извѣстныя категорическія требованія безъ надежды на принятіе ихъ и безъ рѣшимости поддержать ихъ силою оружія— значитъ совершить поступокъ завѣдомо безцѣльный, несовмѣстимый съ интересами прочнаго международнаго мира. По существу въ приведенномъ оффиціальномъ сообщеніи замѣчается рѣзкое внутреннее противорѣчіе: съ одной стороны, признается, что Турція, занятая военными дѣйствіями противъ возставшихъ албанцевъ, сосредоточила свои войска „въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ черногорской границей", и что отсюда вытекаетъ опасность пограничныхъ столкновеній, послѣдствія которыхъ могутъ быть весьма серьезны; а съ другой стороны, Черногорія равнымъ образомъ приняла соотвѣтственныя „мѣры военнаго характера по охранѣ границъ" и слѣдовательно также создала опасность серьезныхъ пограничныхъ столкновеній. Такимъ образомъ обѣ стороны дѣйствуютъ одинаково и подвергаются одинаковому риску случайныхъ пограничныхъ конфликтовъ, а между тѣмъ выводъ о „незамедлительномъ" миролюбивомъ заявленіи дѣлается относительно одной лишь Турціи. Черногорскія военныя мѣры, по мнѣнію русской дипломатіи, „не должны считаться актомъ, угрожающимъ сосѣдней странѣ, а лишь естественными мѣрами самообороны и поддержанія порядка на своей территоріи", тогда какъ подобныя же турецкія военныя мѣры, принимаемыя „въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ черногорской границей", находятся, будто бы, въ противорѣчіи съ миролюбивыми завѣреніями турецкаго правительства и не оправдываются уже ни мотивами самообороны, ни необходимостью поддержанія порядка въ предѣлахъ „своей территоріи". Мнѣніе русской дипломатіи, быть можетъ, очень авторитетно само по себѣ; но оно, конечно, не представляетъ рѣшающей убѣдительной силы для другихъ государствъ и въ частности для Турціи, которая, наоборотъ,

считаетъ вѣроятно, свои оборонительныя мѣры вполнѣ естественными и законными, а черногорскія — угрожающими и опасными для мира. Если Турція не требуетъ объясненій отъ Черногоріи и не добивается отъ нея какихъ-либо миролюбивыхъ увѣреній или обѣщаній, то нѣтъ разумнаго повода требовать чего-нибудь подобнаго и отъ Турціи. Оттоманскому правительству предлагается „во имя поддержанія спокойствія и мира, заявить незамедлительно и въ рѣшительной формѣ о своихъ совершенно миролюбивыхъ чувствахъ въ отношеніи Черногоріи“; но какъ заставить Турцію сдѣлать то, что она считаетъ лишнимъ или неудобнымъ для себя? На чемъ основано выраженное въ „сообщеніи“ удивительное „убѣжденіе“, что Порта раздѣляетъ русскую точку зрѣнія? Допустимъ на минуту, что она дѣйствительно согласна съ нами и готова успокоить Черногорію; но могла ли Порта исполнить это свое рѣшеніе послѣ того, какъ оно сдѣлалось предметомъ формальнаго требованія со стороны Россіи? Чувство національнаго достоинства слѣдуетъ предполагать и въ противникѣ,—и не было ни малѣйшаго основанія думать, что правители конституціонной Турціи болѣе свободны отъ побужденій патріотизма и менѣе обязаны считаться съ мусульманскимъ общественнымъ мнѣніемъ, чѣмъ совѣтники султана Абдулъ-Гамида.

Независимо отъ внутренней нелогичности „сообщенія“, въ немъ непріятно поражаетъ особый высокомѣрный тонъ, совершенно не свойственный нормальнымъ дипломатическимъ сношеніямъ между независимыми державами, хотя бы и неодинаково могущественными. Этотъ тонъ надменнаго ожиданія, что противникъ „незамедлительно и въ рѣшительной формѣ“ сдѣлаетъ нужное намъ заявленіе, заранѣе исключаетъ возможность добровольной уступки или обоюднаго компромисса; онъ создаетъ именно ту натянутость отношеній, которая обыкновенно приводитъ къ непріятнымъ международнымъ кризисамъ. При искреннемъ желаніи мира нельзя публично обращаться къ чужому государству въ обидномъ или пренебрежительномъ тонѣ, а у насъ почему-то чаще всего примѣняется эта своеобразная тактика, вызывающая вражду и раздраженіе подъ предлогомъ охраны международнаго спокойствія и порядка. Это та самая тактика, которую настойчиво проводили наши закулисные дипломатическіе дѣятели передъ японской войною; этотъ же тонъ раздражающаго высокомѣрія поддерживался въ недавнихъ переговорахъ съ Китаемъ, и онъ вновь обращаетъ на себя вниманіе въ попыткѣ вмѣшательства въ турецкія дѣла. Нечего и говорить, что русскій посолъ въ Константинополѣ, г. Чарыковъ, исполнилъ данное ему порученіе не такъ, какъ предполагалось въ „сообщеніи“, а гораздо мягче, съ соблюденіемъ обычной дипломатической вѣжливости; но предварительное оффиціальное огла-

шеніе его инструкцій не могло быть случайностью,—оно имѣло какъ будто цѣлью подкрѣпить предпринятый шагъ, придать ему больше вѣса и значенія, въ надеждѣ произвести желанное впечатлѣніе на умы турецкихъ дипломатовъ. Разумѣется, впечатлѣніе получилось обратное, какъ легко было предвидѣть заранѣе, и турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ даже отказался принять отъ г. Чарыкова письменное изложеніе его словъ. Никакого рѣшительнаго заявленія о миролюбивыхъ чувствахъ къ Черногоріи Порта не сдѣлала, а напротивъ, подчеркнула обязанность Черногоріи дѣйствовать миролюбиво. Ничто не измѣнилось и въ турецко-черногорскихъ отношеніяхъ; въ итогѣ осталось только сознаніе неудачи русской дипломатіи, вмѣстѣ съ чувствомъ неловкости и смущенія передъ иностранными кабинетами. Позиція, занятая нами по смыслу „оффиціальнаго сообщенія", оказалась неподходящею для дипломатическаго вѣдомства и была покинута имъ довольно откровенно, съ нѣкоторыми неясными намеками на неправильность обнародованнаго текста сообщенія. Какъ догадывается одна изъ освѣдомленныхъ газетъ, отдѣльныя фразы, придававшія сообщенію характеръ ультиматума, были, будто бы, невѣрно редактированы „Освѣдомительнымъ бюро" и „С.-Петербургскимъ телеграфнымъ агентствомъ"; но эта отговорка является произвольною и мало правдоподобною, такъ какъ оффиціальныя сообщенія по иностранной политикѣ могутъ исходить только отъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Фактически, однако, существуетъ какая-то двойственность въ заявленіяхъ и дѣйствіяхъ нашей дипломатіи: одни сочиняютъ или редактируютъ неудачныя „рѣшительныя" ноты, а другіе стараются снять съ себя отвѣтственность за ихъ содержаніе и за возможныя ихъ послѣдствія. Отъ чего зависитъ эта двойственность—мы рѣшить не беремся. Между тѣмъ въ области крайне важныхъ и крупныхъ интересовъ внѣшней русской политики систематически повторяются непонятные дипломатическіе шаги, вносящіе разстройство въ международныя отношенія Россіи. Это печальное явленіе заслуживаетъ того, чтобы имъ занялись наши представительныя учрежденія.

И на этотъ разъ, какъ и въ китайскомъ вопросѣ, ни одна изъ великихъ державъ не поддержала заявленій и требованій русскаго правительства. Попытка воздѣйствія на Порту была предпринята опять-таки безъ предварительнаго соглашенія съ Франціею и Англіею, такъ что Россія добровольно очутилась въ „блестящемъ одиночествѣ". Заграничная печать отнеслась къ русско-турецкой нотѣ большею частью враждебно или насмѣшливо; нѣкоторыя французскія и англійскія газеты отмѣчаютъ хорошія намѣренія нашей дипломатіи, хотя и признаютъ ошибочность ея дѣйствій. Нѣмецкая пресса, особенно либеральная, единодушно осуждаетъ Россію, считая ея необдуман-

ныя выступленія опасными для общаго мира. Опасность, впрочемъ, существуетъ скорѣе для самой Россіи, чѣмъ для другихъ державъ, ибо ни русское правительство, ни русское общество не придаютъ серьезнаго значенія угрожающимъ дипломатическимъ нотамъ отечественнаго производства, хотя эти акты нашей внѣшней политики поочередно возстановляютъ противъ насъ различные народы Азіи и Европы.

Одна изъ многихъ, необыкновенно частыхъ за послѣднее время катастрофъ въ области воздухоплаванія получила значеніе крупнаго политическаго событія во Франціи, коснувшись двухъ выдающихся французскихъ министровъ—главы кабинета, Эрнеста Мониса, и военнаго министра, Мориса Бертò. При началѣ состязанія на полетъ изъ Парижа въ Мадридъ, 21-го мая (нов. ст.), на авіаціонномъ полѣ въ Исси-Мулинò, одинъ изъ аэроплановъ, плохо подчинявшійся пилоту, врѣзался въ небольшую группу оффиціальныхъ лицъ и задѣлъ нѣкоторыхъ изъ нихъ особенно сильно: Бертò былъ убитъ наповалъ, Монисъ — тяжело раненъ. Несчастіе произошло совершенно неожиданно, среди общаго веселаго настроенія десятковъ тысячъ народа. Публика чрезвычайно интересовалась состязаніемъ, организованнымъ газетою „Petit Parisien“, и потребовались энергическія усилія войскъ и полиціи, чтобы оградить назначенное для подъема пространство отъ напора толпы. Привилегированные зрители, въ томъ числѣ и министры, оставались близъ ангаровъ и не торопились къ трибунамъ, вопреки благоразумнымъ совѣтамъ и напоминаніямъ полицейскаго префекта Лепина; а потомъ они уже не успѣли уйти.

Стихійное бѣдствіе, обрушившееся на почетныхъ участниковъ празднества, произвело, конечно, крайне тягостное впечатлѣніе на французовъ. Глава кабинета и военный министръ присутствовали въ Исси-Мулино не какъ частныя лица, а какъ высшіе представители республики, и они пострадали не изъ-за пустого любопытства, а при исполненіи своихъ обязанностей, на службѣ отечеству. Погибшій Морисъ Бертò былъ замѣчательною типичною фигурою современной Франціи, жизнерадостнымъ соціалистомъ-милліонеромъ, умѣвшимъ отлично совмѣщать профессію добросовѣстнаго биржевого маклера съ карьерою радикальнаго политическаго дѣятеля. Въ парламентѣ онъ выдвинулся своими бюджетными рѣчами, въ качествѣ докладчика, а затѣмъ предсѣдателя бюджетной и военной коммиссій, и вскорѣ пріобрѣлъ репутацію спеціалиста по вопросамъ, касающимся арміи; онъ игралъ большую роль въ партійныхъ комбинаціяхъ крайней лѣвой и всегда выступалъ горячимъ защитникомъ интересовъ тѣхъ группъ рабочихъ и служащихъ, за которыми правительство не признавало

права стачки. Какъ радикалъ-соціалистъ, онъ оправдывалъ и желѣзнодорожныя, и всякія иныя забастовки; но въ то же время онъ былъ глубоко проникнутъ сознаніемъ необходимости государственнаго авторитета и стоялъ за постоянное развитіе и усиленіе военнаго могущества. Радикальныя и соціалистическія идеи не мѣшали ему быть патріотомъ въ чисто-французскомъ смыслѣ этого слова, сторонникомъ внѣшнихъ успѣховъ и побѣдъ. Сдѣлавшись военнымъ министромъ и, слѣдовательно, высшимъ начальникомъ всей французской арміи, онъ съ любовью и тактомъ исполнялъ свои отвѣтственныя функціи и прекрасно чувствовалъ себя въ кругу французскихъ генераловъ. Добродушный и веселый по натурѣ, онъ пользовался широкою популярностью въ разныхъ слояхъ общества и не терялъ этой популярности даже будучи министромъ. Демократія признавала его своимъ и довѣряла ему, не смотря на его буржуазные милліоны и на его болѣе чѣмъ буржуазную спеціальность биржевого маклера; онъ самъ не стѣснялся ни своего богатства, ни своего маклерства, такъ какъ родился милліонеромъ и выросъ въ атмосферѣ денежныхъ сдѣлокъ и спекуляцій, которыми, впрочемъ, нисколько не увлекался. Онъ сохранялъ свое маклерское званіе, занимая уже видное мѣсто въ ряду оффиціальныхъ дѣятелей республики; онъ сознательно уклонялся только отъ одного поста, который казался ему дѣйствительно несовмѣстимымъ съ положеніемъ номинальнаго хозяина маклерской конторы—отъ поста министра финансовъ. По нѣкоторымъ чертамъ своего характера и по особенностямъ своего соціальнаго положенія Морисъ Бертò напоминалъ Феликса Фора, который также вышелъ изъ богатой купеческой среды, имѣлъ пристрастіе къ военному дѣлу и былъ морскимъ министромъ, прежде чѣмъ сдѣлаться президентомъ республики. Бертò обладалъ и честолюбіемъ Фора, и, можетъ быть, не безъ основанія надѣялся въ будущемъ стоять во главѣ государства: популярный, богатый, представительный, живой и веселый, онъ имѣлъ всѣ данныя къ тому, чтобы быть отличнымъ президентомъ. Этимъ мечтамъ его не суждено было сбыться. Внезапная смерть поразила его въ періодъ блестящаго расцвѣта его парламентской и министерской дѣятельности, на 53-мъ году жизни.

Такъ какъ раненый Монисъ остался главою кабинета и министромъ внутреннихъ дѣлъ, то дѣло обошлось безъ министерскаго кризиса, и обычные кандидаты въ министры избавились отъ напрасныхъ и преждевременныхъ волненій. Многіе считали неумѣстнымъ и недопустимымъ, чтобы кабинетный кризисъ могъ возникнуть изъ-за неудачнаго полета какого-то аэроплана. Бывали всякія причины кризисовъ, но изъ-за авіаціи не мѣнялись еще министерства; Эрнестъ Монисъ не хотѣлъ создавать въ этомъ отношеніи непріятный прецедентъ

для будущаго. Глава кабинета можетъ вполнѣ поправиться въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, а пока онъ справляется съ своими служебными обязанностями, сидя у себя дома подъ наблюденіемъ врачей. Но вопросъ о назначеніи преемника Бертѐ возбуждалъ оживленные партійные споры и толки. Одни находили, что президентъ совѣта министровъ обязанъ избрать военнымъ министромъ такого же штатскаго, какимъ былъ покойный, и притомъ изъ той же парламентской группы радикаловъ-соціалистовъ, въ видахъ сохраненія прежняго партійнаго состава правительства. Другіе полагали, что за смертью Бертѐ отпадаютъ партійные и прочіе мотивы, связанные съ его назначеніемъ, и что въ дѣлѣ замѣщенія должности военнаго министра слѣдуетъ предоставить правительству полную свободу дѣйствій. Монисъ былъ на сторонѣ послѣдняго мнѣнія, и преемникомъ Бертѐ назначенъ генералъ Гуаранъ, къ великому удовольствію арміи, которая все-таки предпочитаетъ видѣть военнаго въ роли высшаго ея руководителя.

Берто не дожилъ до благополучнаго результата военныхъ дѣйствій въ Марокко, которыя особенно волновали его въ послѣднее время. На третій день послѣ его гибели, 23-го мая, получено было извѣстіе о вступленіи отряда генерала Муанье въ главный городъ и резиденцію шерифа—Фецъ. Европейскіе поселенцы спасены отъ угрожавшихъ имъ бѣдствій; полчища кочевниковъ удалились на время, и вся экспедиція далеко не представляла тѣхъ неодолимыхъ трудностей, какія рисовались воображенію пессимистовъ при началѣ похода. Французскіе патріоты торжествуютъ и радуются; солидный „Temps“ усматриваетъ даже безпримѣрный фактъ великодушія и самоотверженія въ томъ обстоятельствѣ, что побѣдоносное французское войско добровольно уйдетъ обратно изъ Феца и не присоединитъ никакой территоріи къ французскимъ владѣніямъ, въ виду принятыхъ на себя Франціей международныхъ обязательствъ. Правда, безкорыстіе въ данномъ случаѣ не зависитъ отъ доброй воли побѣдителей, но все-таки это „жестъ оригинальный, хотя и естественный“. Французскія войска не могутъ долго оставаться въ окрестностяхъ Феца; они покинутъ занятыя ими области и возвратятся на родину, а воинственныя племена, пытавшіяся захватить въ плѣнъ шерифа и расправиться съ европейскими пришельцами, вновь окажутся хозяевами положенія. Если иностранцы не бросятъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они не могутъ разсчитывать на безопасность отъ нападеній и вражды туземной народной массы, то французскимъ войскамъ придется періодически возобновлять свои освободительные походы внутрь страны—а эта перспектива, при обязательномъ отказѣ отъ какихъ бы то ни было прочныхъ военныхъ мѣропріятій, едва ли можетъ считаться соблазнительной для Франціи.

Очевидно, французская политика въ Марокко обречена на без-

плодную трату силъ и средствъ, пока она вынуждена опираться на акты взаимнаго недовѣрія и недоброжелательства между заинтересованными культурными державами, подписанные въ Алжесирасѣ. Безкорыстіе отдѣльныхъ націй, въ смыслѣ воздержанія отъ земельныхъ пріобрѣтеній, могло бы быть обезпечено болѣе разумными и цѣлесообразными международными соглашеніями, безъ ущерба для интересовъ европейской предпріимчивости.

Германскій парламентъ закончилъ 26-го мая (нов. ст.) обсужденіе проекта конституціи и избирательнаго закона для Эльзаса и Лотарингіи. Завоеванная силою оружія сорокъ лѣтъ тому назадъ, „имперская область“ возводится теперь на степень особаго государства, съ двумя законодательными палатами, съ народнымъ представительствомъ на основѣ всеобщаго и прямого избирательнаго права, съ участіемъ въ союзномъ совѣтѣ имперіи тремя голосами, подъ конституціоннымъ управленіемъ намѣстника, назначеннаго императоромъ.

При проведеніи этого важнаго законопроекта канцлеръ Бетманнъ-Гольвегъ встрѣчалъ систематическое противодѣйствіе со стороны своихъ всегдашнихъ принципіальныхъ союзниковъ—консерваторовъ, и пользовался поддержкою не только либераловъ и свободомыслящихъ, но иногда даже соціалъ-демократовъ. Такая „эволюція“ канцлера, при его обычной склонности къ консервативному доктринерству, показываетъ довольно ясно, что реальные интересы націи и имперіи понимаются имъ далеко не въ узкомъ тенденціозномъ смыслѣ и оцѣниваются вовсе не съ точки зрѣнія полноты правительственной власти и поддержанія правительственнаго авторитета. Еслибъ въ Германіи интересы имперіи отождествлялись съ интересами и выгодами правительства, то канцлеръ не сталъ бы, конечно, хлопотать о введеніи новыхъ учрежденій и порядковъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи. Онъ сохранилъ бы тамъ полноту власти намѣстника и прежній объемъ административныхъ полномочій, не думалъ бы объ удовлетвореніи и успокоеніи мѣстнаго населенія путемъ необходимыхъ реформъ, а продолжалъ бы „успокоивать“ жителей по старинному рецепту, насиліемъ и принужденіемъ—чего, впрочемъ, давно уже не практикуется въ имперской области. Каковы бы ни были недостатки прежней системы управленія, она все-таки заключала въ себѣ признаки культурности и никогда не переходила въ откровенный произволъ и въ грубое издѣвательство надъ населеніемъ. Вновь устанавливаемый порядокъ вещей значительно ограничиваетъ кругъ дѣятельности и полномочій правительства въ краѣ, чтобы дать возможность самому населенію устраивать свои мѣстныя дѣла и открыть свободный путь къ культурному росту и процвѣтанію страны для общей пользы имперіи.

Бетманнъ-Гольвегъ подробно излагалъ свои взгляды въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ, но, разумѣется, ни въ чемъ не могъ убѣдить оппозицію. Противъ проекта возставали и прямолинейные эльзасскіе патріоты, принципіально отвергавшіе всякіе „дары данайцевъ“, и представители мѣстнаго католичества, опасающіеся водворенія протестантскихъ вліяній, и старые поклонники Франціи, упорно сохраняющіе мечту о возсоединеніи съ прежнимъ отечествомъ. Тѣмъ болѣе существенна заслуга правительства, доведшаго задуманное имъ полезное дѣло до конца.

Въ засѣданіи 26-го мая депутатъ Прейссъ прочелъ декларацію отъ имени депутатовъ-католиковъ, которые рѣшили высказаться противъ закона. „Мы желаемъ — сказано въ этой декларації — имѣть такія же права, какъ и другія германскія государства. Имперія обязана дать намъ эти права. Это вопросъ элементарной справедливости. Между тѣмъ въ вопросахъ существенныхъ новый законъ продолжаетъ держать насъ подъ опекою императора и другихъ союзныхъ правительствъ. Новый законъ можетъ принести странѣ только вредъ. Все еще дѣйствуетъ принципъ, что сила стоитъ впереди права“. Изъ эльзасскихъ депутатовъ только одинъ, Вондершеръ, вотировалъ за принятіе закона. Общій результатъ голосованія выразился въ довольно крупной цифрѣ большинства: за законъ подано 211 голосовъ, противъ—93, при 7 воздержавшихся.

Любопытно, что французскія газеты, даже такія серьезныя, какъ „Temps“, повторяютъ жалобы эльзасцевъ на несправедливость и недостаточность данной имъ конституціи, по смыслу которой „сила по прежнему господствуетъ надъ правомъ“. Съ французской точки зрѣнія, оторванная отъ Франціи часть территоріи ни въ какомъ случаѣ не могла бы претендовать на самостоятельную государственную организацію, которой она никогда и не имѣла при французскомъ владычествѣ. При французскомъ традиціонномъ централизмѣ никакая завоеванная и присоединенная къ Франціи область не могла бы разсматриваться какъ автономное цѣлое, имѣющее право на особое политическое устройство и самоуправленіе. Франція доставляетъ народамъ другія блага, но не мѣстную автономію, и въ этомъ смыслѣ новая нѣмецкая конституція Эльзаса-Лотарингіи представляетъ весьма значительный шагъ впередъ сравнительно не только съ прежнимъ германскимъ, но и съ французскимъ управленіемъ.

Въ Англіи палата лордовъ дѣятельно продолжала обсуждать два различныхъ законопроекта о преобразованіи этой палаты; одинъ, внесенный руководителемъ консервативнаго большинства, маркизомъ Лэнсдауномъ, другой—предложенный либеральнымъ правительствомъ. Пер-

вый касается внутренняго устройства и состава верхней палаты; второй опредѣляетъ границы ея полномочій, отнимая у нея право измѣненія или отклоненія финансовыхъ биллей и право *вето* относительно законовъ, одобренныхъ палатою общинъ. По плану Лэнсдауна верхняя палата должна состоять приблизительно изъ 350 членовъ, изъ которыхъ 100 „лордовъ парламента“ будутъ избираться изъ числа нынѣшнихъ наслѣдственныхъ пэровъ, 120—изъ кандидатовъ, избранныхъ мѣстными избирательными коллегіями, 100 будутъ назначаться королемъ, по совѣту министерства, въ соотвѣтствіи съ относительной силою партій въ палатѣ общинъ; затѣмъ идутъ семь духовныхъ лордовъ и шестнадцать пэровъ, занимавшихъ высшія должности по судебному вѣдомству. Такимъ образомъ лорды по рожденію сами по себѣ не имѣютъ права участвовать въ верхней палатѣ, а могутъ сдѣлаться парламентскими лордами только по праву избранія. Категорія „наслѣдственныхъ законодателей“, обладающихъ полномочіями и властью въ силу голаго факта рожденія, исчезаетъ изъ британскаго парламента, уступая мѣсто, отчасти, избраннымъ представителямъ той же титулованной аристократіи. Затѣмъ остальные парламентскіе лорды, кромѣ судебныхъ и духовныхъ, являются выборными или назначенными членами верхней палаты, не имѣющими уже никакой связи съ институтомъ наслѣдственныхъ пэровъ.

Эта реформа интересна только въ томъ отношеніи, что она предлагается и поддерживается большинствомъ наслѣдственныхъ законодателей и отвергается не только либеральными, но и многими консервативными пэрами; съ одной стороны, она вызываетъ протесты какъ слишкомъ радикальная, подготовляющая прямой переходъ къ выборной палатѣ, съ упраздненіемъ всѣхъ привилегій лордовъ, а съ другой—она признается безцѣльною при сохраненіи прежнихъ неограниченныхъ полномочій верхней палаты. Что касается взаимныхъ отношеній между обѣими палатами, то по этому предмету уже давно разсматривался самостоятельный билль графа Розбери, сочувственно принятый лордами, но встрѣтившій серьезныя возраженія со стороны министерской партіи. Оба проекта, выдвинутые иниціативою лордовъ, не имѣютъ пока шансовъ практическаго успѣха, такъ какъ они не могутъ разсчитывать на благопріятный пріемъ въ палатѣ общинъ. Одинъ только правительственный „парламентскій билль“, одобренный нижнею палатою и перешедшій въ верхнюю, можетъ получить силу закона въ ближайшемъ будущемъ, послѣ фактическаго отказа консерваторовъ отъ непримиримой оппозиціи въ конституціонномъ вопросѣ. Министерскій билль чередуется съ биллемъ Лэнсдауна въ палатѣ лордовъ: первый обсуждался 23-го мая, а второй—наканунѣ; оба они разбираются и комментируются въ массѣ рѣчей, съ самыхъ различныхъ

точекъ зрѣнія, и изъ общаго интереса, вызываемаго ими, можно сдѣлать только одинъ практическій выводъ: сложный конституціонный вопросъ въ Англіи близится, наконецъ, къ развязкѣ.

Положеніе либеральнаго кабинета въ дѣлѣ парламентской реформы значительно укрѣпляется удачными финансовыми и соціально-политическими мѣропріятіями и законопроектами канцлера казначейства Ллойда-Джорджа. Знаменитый „народный бюджетъ", послужившій предметомъ спора и борьбы между обѣими палатами парламента, вполнѣ оправдалъ себя и принесъ блестящіе результаты; излишекъ доходовъ надъ расходами позволилъ предпринять крупныя производительныя или общеполезныя затраты, противъ которыхъ ничего не можетъ сказать оппозиція. При предложеніи и мотивировкѣ бюджета на 1911—12 гг. Ллойдъ-Джорджъ объяснилъ въ палатѣ общинъ, что сумма въ 250 тысячъ фунтовъ стерлинговъ назначается на вознагражденіе членовъ парламента, въ размѣрѣ по 400 фунтовъ (около четырехъ тысячъ рублей) въ годъ,—и это смѣлое нововведеніе встрѣчено весьма сочувственно большинствомъ палаты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ засѣданіи 9-го мая, онъ внесъ замѣчательный по замыслу проектъ закона о національномъ страхованіи рабочихъ, потерявшихъ способность къ труду или лишенныхъ работы. По этому проекту обязанность дѣлать еженедѣльные страховые взносы распредѣляется почти въ одинаковыхъ доляхъ между рабочими, хозяевами и государствомъ, которое, сверхъ того, какъ извѣстно, уже расходуетъ ежегодно около тринадцати милліоновъ фунтовъ въ годъ на выдачу пенсій рабочимъ въ старости. Общее число лицъ, привлекаемыхъ къ участію въ страхованіи, опредѣляется приблизительно въ 14.100.000 человѣкъ — 9.200.000 мужчинъ и 3.900.000 женщинъ,—а вмѣстѣ съ добровольными страхователями—14.700.000 человѣкъ. Въ первый годъ дѣйствія закона, съ 1-го мая будущаго года, всѣ разряды участниковъ будутъ вносить до 20-ти милліоновъ фунтовъ,—въ томъ числѣ хозяева—около 9-ти мил., а рабочіе—11 мил. Часть проекта, касающаяся обезпеченія безработныхъ, относится преимущественно къ двумъ отраслямъ промышленности—машинной и строительной,—какъ отличающимся наиболѣе частыми кризисами и колебаніями; число участниковъ страхованія опредѣляется 2.400.000 чел., которые будутъ вносить 1.100 тыс. фунтовъ въ годъ; взносы хозяевъ составятъ 900 тыс., а государства—750 тысячъ фунтовъ въ годъ. Весь планъ страхованія потребуетъ, въ теченіе перваго года, 24.500.000 фунтовъ, изъ которыхъ на долю государства приходится 2.500.000 фунтовъ. Уже по этимъ немногимъ цифрамъ можно судить о практической важности и широтѣ соціальныхъ законопроектовъ Ллойда-Джорджа.

ВАСИЛІЙ ОСИПОВИЧЪ КЛЮЧЕВСКІЙ †

Василія Осиповича Ключевскаго знаетъ вся Россія. Мнѣ не пришлось еще встрѣтить человѣка, который бы высказалъ сомнѣніе насчетъ важности утраты, понесенной въ его лицѣ русскою наукой. Въ Государственномъ Совѣтѣ, безъ различія партій и группъ, всѣ, знавшіе Ключевскаго на правахъ его товарищей, учениковъ или почитателей, выразили одинаковую готовность подписать текстъ составленной мною телеграммы; подъ ней стоятъ имена и бывшихъ министровъ народнаго просвѣщенія, и одного архіепископа, и членовъ московскаго университета, и прежняго московскаго предводителя дворянства, и представителей академіи и университетовъ, и одного почетнаго академика, Анатолія Федоровича Кони, товарища Ключевскаго по выпуску; сочиненіе Кони на золотую медаль „О необходимой оборонѣ“ напечатано въ „Университетскомъ Сборникѣ“ рядомъ съ сочиненіемъ Василія Осиповича, также на золотую медаль, озаглавленнымъ „Сказаніе иностранцевъ о Россіи“. Оно вышло новымъ изданіемъ много лѣтъ спустя и въ значительной степени исчерпываетъ самый вопросъ.

Почему вся Россія скорбитъ о смерти Ключевскаго, и ни одна партія, ни одна группа людей не можетъ сказать: „Онъ только нашъ, наши мысли были его мыслями, наши желанія—его желаніями, мы побѣдили съ нимъ и въ его лицѣ. Да не посмѣетъ никто отнять его у насъ!“?

Я полагаю, что секретъ лежитъ въ необыкновенно строго проведенной индивидуальности покойнаго. Ни о комъ изъ бывшихъ моихъ товарищей по преподаванію въ Москвѣ я не могъ бы въ равной степени сказать: „онъ самъ по себѣ“. Самимъ по себѣ онъ былъ и въ мнѣніяхъ, высказываемыхъ по текущимъ вопросамъ внутренней и внѣшней политики, и въ тѣхъ взглядахъ, какіе онъ проводилъ въ своихъ историческихъ работахъ. Кто рѣшится утверждать, что Ключевскій былъ консерваторомъ, либераломъ или соціалистомъ? А между тѣмъ въ немъ лежали черты, позволявшія людямъ одностороннимъ причислять его къ любому изъ этихъ направленій. Консерваторомъ онъ, несомнѣнно, былъ въ томъ смыслѣ, что Россія начиналась для него не Петромъ и даже не временемъ возвеличенія Москвы, а вѣками ранѣе, и что въ ея поступательномъ ходѣ онъ не прочь былъ отмѣтить культурную дѣятельность и Печерской лавры, и Сергіевскаго посада, и новгородской и псковской вольницы, и объединяющей политики московскихъ князей, съ ихъ боярскою думой.

Какъ для историка и всякаго вообще ученаго, истина была для него высшей цѣлью изысканій; у него не было историческихъ пристрастій, не было встрѣчавшагося у его предшественниковъ желанія подчеркнуть и даже преувеличить значеніе тѣхъ или другихъ факторовъ въ поступательномъ развитіи Россіи. Ключевскаго нельзя считать приверженцемъ ни западниковъ, ни славянофиловъ, сторонникомъ косной самобытности или заимствованій чужого. Не восхвалителя Петра, а критика его реформы находимъ мы въ авторѣ неподражаемыхъ лекцій по исторіи Россіи. И еслибы его курсу послѣ смерти удалось завершиться новымъ томомъ,—какъ мы надѣемся, вполнѣ подготовленнымъ къ печати,—читающая Россія признала бы въ Ключевскомъ такого же критика Екатерининской реформы, какъ и реформъ Александра I-го.

Рѣдко кто умѣлъ слиться съ предметомъ своихъ изслѣдованій такъ тѣсно, какъ покойный Василій Осиповичъ. Онъ жилъ интересами русской исторіи и ничѣмъ больше; онъ обладалъ своимъ предметомъ, какъ никто, столько же писаннымъ, сколько и печатнымъ матеріаломъ. Кто имѣлъ счастье посѣщать его на дому не въ одни только вечера, отведенные для пріема гостей, тотъ заставалъ его нерѣдко за чтеніемъ рукописей, довѣренныхъ ему близкими и отдаленными монастырями. Тѣ или другіе факты, въ нихъ сообщаемые, рѣдко когда не наводили его на новыя и неожиданныя мысли. Онъ не всегда указывалъ всѣ свои источники. Я не знаю изслѣдователя болѣе скромнаго въ своихъ цитатахъ и которому въ большей степени было бы чуждо нагроможденіе ихъ, по нѣмецкому образцу, въ нижнемъ этажѣ страницъ книги.

Если не говорить о Сергѣѣ Михайловичѣ Соловьевѣ, дорогомъ для Ключевскаго учителѣ, пожелавшемъ имѣть въ немъ своего преемника, едва-ли кто имѣлъ бо́льшую начитанность въ источникахъ русской исторіи, чѣмъ незабвенный покойникъ. Нужно ли говорить о художественности его изложенія, о необыкновенной яркости и опредѣленности его характеристикъ, о счастливомъ выборѣ эпитетовъ, о блескѣ ума, проявлявшемся въ неожиданныхъ сопоставленіяхъ и не всегда скрываемомъ юморѣ? Съ этими качествами его письма знакома вся Россія; но тѣ тысячи и, можетъ быть, десятки тысячъ, которые, подобно мнѣ, прослушали его лекціи, вѣроятно еще въ бо́льшей степени проникнуты убѣжденіемъ, что въ московскомъ университетѣ, а можетъ быть и во всѣхъ университетахъ Россіи, не было лектора болѣе увлекавшаго свою аудиторію. Для этого ему не нужно было ни гоняться за фразой, ни пріурочивать изложеніе фактовъ прошлаго къ злободневнымъ вопросамъ; нужно было только подводить краткій итогъ многолѣтней работѣ, облекая свою мысль въ простую, изящную

и богатую рѣчь, — богатую знаніемъ многихъ характерныхъ древнерусскихъ словъ и оборотовъ рѣчи, знакомство съ которыми можетъ дать только глубокое проникновеніе въ литературные памятники прошлаго.

Профессорская карьера Ключевскаго была побѣдоноснымъ шествіемъ, продолжавшимся цѣлыхъ сорокъ лѣтъ, съ самаго момента вступленія его въ московскій университетъ. Мы хорошо знали, кто входитъ въ нашу среду, и привѣтствовали его появленіе дружными аплодисментами. Этими аплодисментами сопровождалось всякое публичное выступленіе его на каѳедрѣ,—читалъ ли онъ объ отдаленныхъ предкахъ Евгенія Онѣгина, или о „добрыхъ людяхъ“ старой Руси, или о Новиковѣ и его времени. Благодарное отношеніе къ добрымъ сѣменамъ, посѣяннымъ въ Кіево-Новгородскій и Московскій періоды русской жизни, не заставляло Ключевскаго закрывать глаза на необходимость порвать съ прошлымъ въ интересахъ дальнѣйшаго развитія нашей государственности—и въ этомъ отношеніи его грубо можно назвать въ такой же степени либераломъ, въ какой онъ былъ и консерваторомъ. Но заурядnаго либерала, разумѣется, не удовлетворитъ его справедливое сужденіе о томъ, что побудительныя причины петровской реформы были, прежде всего, фискальнаго и военнаго характера. Съ другой стороны, и консерваторъ, и либералъ могутъ одинаково косо отнестись къ той глубокой критикѣ историческаго роста крестьянскаго закабаленія, въ которой сторонники Запада, начиная съ Бориса Годунова и оканчивая Петромъ и Екатериною, по мнѣнію Ключевскаго, только довершаютъ дѣло московскихъ радѣтелей о благополучіи служилаго сословія,—хотя бы и въ ущербъ народнымъ массамъ, этимъ потомкамъ смердовъ и холоповъ удѣльной Руси.

Изъ всего написаннаго Ключевскимъ сравнительнаго историка права и учрежденій всего болѣе заинтересуетъ, по всей вѣроятности, мастерской очеркъ роста сословій въ Россіи и, въ частности, крестьянства. Ни статьи, ни книги Василія Осиповича не содержатъ въ себѣ попытокъ освѣтить судьбы русскихъ учрежденій аналогіями съ Западомъ; но Ключевскій не былъ въ числѣ тѣхъ односторонніхъ изслѣдователей, которые считали по меньшей мѣрѣ безполезнымъ, а то, пожалуй, и вреднымъ, всякое знакомство съ параллельными явленіями въ жизни Франціи, Англіи или Германіи. Вернувшись однажды изъ-за границы, я передалъ ему только-что вышедшее сочиненіе Fustel de Coulanges: „О происхожденіи римскаго колоната“. Въ немъ проводится тотъ взглядъ, что задолженность фермеровъ римскихъ помѣстій во многомъ содѣйствовала прикрѣпленію ихъ къ землѣ и образованію колоната. Я не прочь думать, что эта теорія— не менѣе взглядовъ Чичерина и многихъ позднѣйшихъ изслѣдователей

на задолженность „серебренниковъ", какъ на одинъ изъ источниковъ крѣпостного права, — привела Василія Осиповича къ заключенію, что не въ затерянномъ указѣ Бориса Годунова и, вообще, не въ законодательномъ творчествѣ нашихъ царей, а въ экономическихъ условіяхъ, въ какихъ одновременно очутились и служилые люди, и казна, и крестьяне-земледѣльцы, и лично несвободные холопы, надо искать дѣйствительныя причины развитія у насъ крѣпостного права. Оно было немыслимо при томъ еще на половину бродячемъ земледѣліи, какое мы встрѣчаемъ въ удѣльный періодъ и въ первую эпоху возвышенія Москвы, когда было много свободныхъ къ занятію земель и густота населенія отличалась крайней слабостью. Но обстоятельства сильно измѣнились ко времени упраздненія татарскаго ига и объединенія русской державы подъ властью Ивановъ и Василія. Къ этой эпохѣ и относится ускоренный ходъ крѣпостной зависимости, завершающійся вѣка спустя при первыхъ переписяхъ, произведенныхъ Петромъ, и щедрыхъ раздачахъ земель Екатериной бывшимъ казацкимъ старшинамъ, причисленнымъ ею къ русскому дворянству.

Первые томы „Русской Исторіи" Ключевскаго, разумѣется, менѣе занимательны, чѣмъ посвященные имъ Смутному времени, Петровской реформѣ и эпохѣ ближайшихъ преемниковъ Петра. Но для всѣхъ историковъ русскаго права и русскихъ общественныхъ и государственныхъ учрежденій они навсегда останутся руководящей книгой, въ такой же степени, какъ и его „Боярская Дума", подъ скромнымъ заглавіемъ заключающая въ себѣ пересмотръ всего матеріала по удѣльному и московскому періодамъ. Будущіе повѣствователи начальныхъ періодовъ нашей общественности оцѣнятъ также массу труда, вложеннаго Ключевскимъ въ его магистерскую диссертацію: „О житіяхъ Святыхъ, какъ источникѣ русской исторіи". Къ этимъ сравнительно немногимъ томамъ и сводятся главные труды незабвеннаго бытописателя. Ключевскій былъ ученикомъ Соловьева и подвелъ итоги его изслѣдованіямъ памятниковъ прошлаго въ такой же степени, какъ и собственнымъ неустаннымъ работамъ надъ разнымъ печатнымъ и рукописнымъ матеріаломъ. Получилась, въ общемъ, стройная, выполненная въ мельчайшихъ подробностяхъ, картина поступательнаго хода русской гражданственности, начиная отъ эпохи поселенія среди финскихъ и славянскихъ племенъ иноземныхъ воителей-купцовъ, Варяговъ, и оканчивая тѣмъ временемъ, когда Россія завоевала благодарность Европы отстаиваніемъ независимости ея народовъ и историческаго права отдѣльныхъ государствъ на самобытное существованіе. Ключевскій оставляетъ не только болѣе или менѣе законченную исторію нашего прошлаго, но и цѣлую школу людей, изучающихъ въ деталяхъ отдѣльныя стороны этого прошлаго. Одни, подобно профес-

сору Любавскому, пишутъ ученыя монографіи о русско-литовскомъ государствѣ; другіе, какъ Готье, изучаютъ хозяйственный и общественный бытъ Московіи; третьи, какъ Богословскій, углубляются въ частности провинціальной реформы Петра; четвертые, какъ Кизеветтеръ, возсоздаютъ прошлое русскихъ городовъ въ XVIII-мъ вѣкѣ. Но вліяніе покойнаго ученаго не ограничивается сферой однихъ русскихъ историковъ. И кто занимается греческимъ Востокомъ, и тѣ, которые изучаютъ латинскій Западъ, одинаково чувствуютъ влеченіе къ поднятію вопросовъ, связанныхъ съ судьбою общественныхъ классовъ и политическихъ учрежденій. Это господствующее теченіе въ значительной степени сложилось подъ вліяніемъ наиболѣе выдающагося русскаго исторіографа за послѣднее сорокалѣтіе. Вѣдь многіе изъ тѣхъ, кто выступали или теперь выступаютъ съ разными учеными диссертаціями, и объ общественномъ бытѣ Англіи, и о судьбахъ французскаго крестьянства или рабочаго люда, и о хозяйственномъ развитіи Европы, и о ростѣ демократіи и о многомъ, многомъ другомъ, менѣе занимавшемъ корифеевъ исторической науки, какими въ свое время были въ Германіи Ранке, Трейчке и Дройзенъ, а въ Россіи — Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ, испытали на себѣ въ той или другой формѣ вліяніе Василія Осиповича Ключевскаго. Это пишетъ человѣкъ, который по возрасту не могъ быть его ученикомъ, но который всю свою жизнь считался съ его работами, слушалъ его курсы и выносилъ изъ общенія съ нимъ нерѣдко поучительныя для себя мысли.

О Ключевскомъ привыкли говорить, какъ о человѣкѣ, настолько погруженномъ въ свои историческія изслѣдованія, что для оцѣнки русской дѣйствительности у него не оставалось времени, а пожалуй не было и желанія. Я позволю себѣ не согласиться съ этимъ, и вотъ по какой причинѣ. При начальныхъ стадіяхъ русскаго освободительнаго движенія Ключевскій не только не повернулся къ нему спиной, но отстаивалъ, какъ всѣмъ извѣстно, многія „необходимыя вольности“ въ коммиссіяхъ, посвященныхъ обсужденію проектовъ нашего обновленія.

Послѣ моего возвращенія изъ-за границы, а его—изъ Петербурга и Царскаго въ Москву, я имѣлъ случай бесѣдовать съ нимъ долгое время съ глазу на глазъ и послѣдствіемъ этихъ разговоровъ было то, что я счелъ себя обязаннымъ поставить мою кандидатуру на выборахъ въ первую Государственную Думу. Съ тѣхъ поръ и при каждомъ новомъ моемъ посѣщеніи Москвы я постоянно видѣлся съ Ключевскимъ и могу увѣрить всѣхъ и каждаго, что во время этихъ свиданій рѣчь шла не о равноапостольномъ князѣ Владимірѣ и не о „тишайшемъ“ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, котораго такъ любилъ покойный, даже не о Петрѣ или Екатеринѣ, а о Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ. По всѣмъ текущимъ вопросамъ Ключевскій имѣлъ

опредѣленное мнѣніе и, не отвлекаясь самъ отъ научной работы для проведенія въ жизнь того, что̀ считалъ правильнымъ, онъ не прочь былъ поручить эту заботу людямъ, съ которыми связывала его долгая совмѣстная дѣятельность. Я полагаю, что сказанное подтвердятъ и всѣ тѣ, кто видѣлся съ нимъ въ эти послѣдніе годы, столь богатые событіями и столь тягостно протекшіе для самого Василія Осиповича, особенно со времени кончины его жены, товарища и друга всей его жизни. Я видѣлъ въ послѣдній разъ Ключевскаго на похоронахъ Муромцева; онъ только-что выздоровѣлъ отъ тяжкой болѣзни, но казался бодрымъ и, какъ всегда, отзывчивымъ на всѣ злобы дня; ничто не говорило о томъ, что это будетъ наше послѣднее свиданіе. Умственная свѣжесть покойнаго обѣщала еще долгіе годы плодотворной работы.

Онъ избѣжалъ, такимъ образомъ, того „періода упадка“, который равно наступаетъ и для отдѣльныхъ лицъ, какъ и для цѣлыхъ государствъ. Съ первыхъ написанныхъ имъ строкъ и до послѣднихъ онъ остался во всеоружіи нетолько обширнѣйшихъ знаній, но и гибкаго творческаго ума, столько же призваннаго къ тонкому анализу, сколько и къ широкимъ обобщеніямъ.

Онъ не былъ патентованнымъ философомъ исторіи, но едва-ли кто выскажетъ сомнѣніе въ томъ, что оставленное имъ литературное наслѣдіе есть философія русской жизни.

Максимъ Ковалевскій.

КОНСТАНТИНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ФОФАНОВЪ †

17-го мая въ Петербургѣ скончался извѣстный поэтъ, Константинъ Михайловичъ Фофановъ, самый плодовитый изъ нашихъ лириковъ. Онъ умеръ послѣ долгаго недомоганія, отъ тяжелой болѣзни, далеко еще не старымъ—не доживъ одного дня до 49 лѣтъ. Европейцы въ этомъ возрастѣ только входятъ во вкусъ жизни. Но то европейцы — не мы! Недолгая, неяркая, плохо устроенная жизнь скончавшагося поэта носитъ на себѣ характерный отпечатокъ русской исторіи, русской культуры. Нетрудно найти тотъ же отпечатокъ и на его странной музѣ, такой нѣжной, красивой, но невыдержанной и тоже неяркой, не умѣвшей ничего опредѣленнаго выразить и даже не всегда вѣрной самой себѣ... Въ какой странѣ природа такъ щедр

даритъ своихъ избранниковъ, а эти избранники такъ мало и плохо пользуются полученными дарами?

Критика основательно называла Фофанова абстрактнымъ, „космополитическимъ“ поэтомъ. Ни русскій пейзажъ, ни русскій бытъ, ни русская исторія не нашли отраженія въ его творчествѣ. Онъ родился и всю жизнь провелъ въ Петербургѣ. Но въ стихахъ его вы этого не почувствуете. Тамъ нѣтъ даже жалобъ на скудость петербургской природы, нѣтъ и того слабаго отблеска своеобразной сѣверной поэзіи, который знакомъ каждому постоянному петербуржцу. Поэтъ какъ бы живетъ внѣ времени и пространства и, съ закрытыми глазами, воспѣваетъ красоту. Фофановъ — по происхожденію простолюдинъ: отецъ его былъ купцомъ, дѣдъ—крестьяниномъ Олонецкой губерніи; но въ поэзіи его—никакихъ слѣдовъ народной психологіи, народной крови. Напротивъ, это—настоящій интеллигентъ-горожанинъ, чрезвычайно нервный, болѣзненно-впечатлительный, оторванный отъ земли, отъ жизни. И все же этотъ отвлеченный „космополитическій“ поэтъ, съ его писательской личностью и судьбой — характерная фигура на фонѣ именно русскаго быта и русской исторіи. Это—какъ бы живой символъ нашей культуры, съ ея неустойчивостью, незрѣлостью и съ ея богатыми возможностями.

Книжки стихотвореній Фофанова, съ 1887-го года появлявшіяся часто, почти ежегодно, производили на всѣхъ критиковъ приблизительно одно и то же впечатлѣніе крайняго „своеобразія“, почти странности. Всѣхъ удивляла разноцѣнность включаемыхъ имъ въ сборники стихотвореній. Рядомъ съ безспорными „перлами“ у Фофанова нерѣдки совсѣмъ слабыя вещи, да и самые „перлы“ иногда бываютъ испорчены неожиданнымъ диссонансомъ—неудачнымъ образомъ, шаблонной риѳмой, вообще отличаются недодѣланностью, словно написаны наспѣхъ. Стихомъ Фофановъ владѣлъ свободно, можетъ-быть слишкомъ свободно: онъ злоупотреблялъ той легкостью, съ которой въ немъ рождалась поэтическая музыка. Версификаторъ въ немъ преобладалъ надъ поэтомъ. Писать стихи Фофановъ началъ очень рано—съ семи лѣтъ, въ 17 лѣтъ былъ уже вполнѣ сложившимся поэтомъ и успѣлъ, въ теченіе недолгой жизни, написать до 2.000 пьесъ. И разноцѣнность, и обиліе написаннаго Фофановымъ говоритъ объ одномъ и томъ же: объ отсутствіи у него необходимой во всякомъ дѣлѣ внутренней тренировки и серьезной работы надъ собой, о небрежномъ отношеніи къ творчеству. Возможно, что эти черты отчасти объясняются у Фофанова недостатками его образованія. Онъ не прошелъ даже курса среднеучебныхъ заведеній, учился только въ частныхъ пансіонахъ. Не прошелъ онъ и впослѣдствіи никакой „школы“, не работалъ даже надъ изученіемъ другихъ поэтовъ,

хотя въ поэзіи его есть слѣды увлеченія Пушкинымъ, Фетомъ, Полонскимъ, Тютчевымъ. Знакомство съ поэтами носитъ у него такой же отрывочный, случайный характеръ, какъ и самое творчество.

Случайность—отличительная черта всѣхъ впечатлѣній, отразившихся въ поэзіи Фофанова. Они обильны, разнообразны, но лишены внутренняго единства и цѣльности. Поэтому ихъ чрезвычайно трудно систематизировать. Еще труднѣе судить, по отрывочнымъ поэтическимъ настроеніямъ, о переживаніяхъ автора, о его внутреннемъ мірѣ. Кто же онъ, этотъ поэтъ случайныхъ, но, порой, изумительно красиво передаваемыхъ настроеній, тончайшихъ, чаще всего мимолетныхъ? Онъ самъ даетъ на это отвѣтъ въ словахъ поэтичнаго, всѣми цитируемаго стихотворенія: „Звѣзды ясныя, звѣзды прекрасныя, нашептали цвѣтамъ сказки чудныя, лепестки улыбнулись атласные, задрожали листы изумрудные. И цвѣты, опьяненные росами, разсказали вѣтрамъ сказки нѣжныя — и распѣли ихъ вѣтры мятежные надъ землей, надъ волной, надъ утесами. И земля, подъ весенними ласками наряжаяся тканью зеленою, переполнила звѣздными сказками мою душу безумно влюбленную. И теперь, въ эти дни многотрудные, въ эти темныя ночи ненастныя, отдаю я вамъ, звѣзды прекрасныя, ваши сказки задумчиво-чудныя“...

Такой же автобіографическій характеръ носятъ стихотворенія: „Призракъ“, „Грезы“, „Двѣ жизни“—особенно послѣднее.

„Двѣ жизни есть; одна, какъ океанъ безбрежный,
Широко разлилась, шумя вокругъ меня.
Другая, какъ родникъ задумчивый и нѣжный,
Течетъ въ душѣ моей, струяся и звеня“...

Обрисовавъ внѣшнюю житейскую суету, поэтъ такъ говоритъ о своемъ внутреннемъ мірѣ:

„Иная жизнь во мнѣ: незримая для ока —
Она цвѣтетъ, полна задумчивой мечты;
И отразились въ ней, какъ въ зеркалѣ потока,
И небо, и земля, и звѣзды и цвѣты“...

Наиболѣе строгіе критики клеймятъ Фофанова названіемъ „абсолютно-безпринципнаго поэта“. Такой суровый эпитетъ приложимъ къ Фофанову только въ своемъ буквальномъ, безобидномъ значеніи. Разъ у него въ творчествѣ нѣтъ конкретнаго „земного“ содержанія, то нѣтъ, разумѣется, и принциповъ. Но у него нѣтъ и вражды къ „принципамъ“, нѣтъ сознательнаго уклоненія отъ гражданскихъ темъ. Напротивъ, когда Фофановъ вспоминаетъ о землѣ, онъ проявляетъ гуманность, сочувствіе къ несчастнымъ и т. п. Правда, это такъ необычно для него, что иногда звучитъ комично, вмѣсто того, чтобы

трогать. Михайловскій недаромъ, въ укоръ поэту, приводитъ поэтичное стихотвореніе: „Аллеи дремали подъ влажной росою“... Изобразивъ параллельно гуляющую влюбленную парочку и умирающаго за плетнемъ бѣдняка, поэтъ съ наивнымъ паѳосомъ восклицаетъ: „Кому же звѣзда улыбалася въ небѣ, кому соловей заливался въ кустѣ—тому ли, что гасъ, помышляя о хлѣбѣ, иль этой безпечной четѣ?“—Подобные промахи только потому рѣдки у Фофанова, что рѣдко у него заходитъ рѣчь о земныхъ дѣлахъ. Земли почти нѣтъ въ его поэзіи; даже природа, которую онъ искренно любилъ, у него какая-то декоративная, призрачная, словно преображенная, безплотная.

Едва-ли можно причислить Фофанова и къ школѣ поэтовъ „чистаго искусства“, какими являются, напр., Фетъ или Полонскій. У него нѣтъ того опредѣленнаго, ярко выраженнаго культа красоты, который характеренъ для этихъ поэтовъ, какъ нѣтъ въ его поэзіи вообще идейнаго содержанія. Онъ, по вѣрному замѣчанію С. А. Венгерова, яркій представитель почти безсознательнаго творчества, отдающагося пѣснопѣнію по нѣмецкой эстетической формулѣ: wie der Vogel singt. Предметъ пѣснопѣній у Фофанова почти всегда случайный, не обусловленный серьезными внутренними переживаніями. Поэтому въ его поэзіи много внѣшней пестроты и нѣтъ единства настроенія.

Возможно, что на характеръ творчества Фофанова наложила нѣкоторую печать та эпоха, въ которую ему пришлось развиваться. Какъ бы ни былъ поэтъ оторванъ отъ дѣйствительности, окружающая общественная обстановка все же вліяетъ на него, незамѣтно впитывается имъ, какъ воздухъ. Не является ли и эта крайняя оторванность Фофанова отъ жизни результатомъ такихъ общественныхъ вліяній? Создающаяся въ обществѣ атмосфера, тотъ или иной основной тонъ жизни чувствуются и помимо идейныхъ теченій, чувствуются каждымъ обывателемъ и накладываютъ на него извѣстный отпечатокъ. Герои Чехова—типичные обыватели и вмѣстѣ съ тѣмъ яркіе выразители той подавленности, безсильной тоски и безкрылости, которыя воцарились въ нашемъ обществѣ въ 80-ыхъ годахъ. Вчитавшись въ стихотворенія Фофанова, мы найдемъ въ нихъ многіе элементы этой эпохи—найдемъ и свойственную ей нервозность, и безсиліе, и, какъ это ни странно, ея мрачность. Казалось бы, отъ „безъидейнаго“, свободнаго въ своихъ пѣснопѣніяхъ, какъ птица, поэта можно бы ждать и птичьей жизнерадостности, восторженныхъ гимновъ въ честь жизни. У Фофанова же почти въ каждомъ стихотвореніи упоминается о печали, о тоскѣ невыразимой, о могилѣ. А какой горечью вѣетъ отъ интимнаго стихотворенія: „Сонъ“!

„Мнѣ снился на кладбищѣ храмъ
И свѣже-рытая могила;

Что хоронилъ—не знаю самъ,
Но только скорбь меня щемила:
Я видѣлъ блескъ паникадилъ
И въ черныхъ ризахъ духовенство;
Не знаю самъ, кому молилъ
У неба вѣчное блаженство.
Съ тѣхъ поръ я мраченъ на яву.
О чемъ томлюся—самъ не знаю,
Разбитымъ, трепетнымъ живу
И все могилу ожидаю.
Я вижу зло со всѣхъ сторонъ:
Больнѣй язвятъ меня обиды...
Ужель подъ лепетъ панихиды
Во снѣ миръ счастья погребенъ?!“

Очевидно, безсознательно Фофановъ впиталъ въ себя ту атмосферу, которая создала „хмурыхъ людей“ Чехова и другихъ подобныхъ имъ героевъ.

Въ художественномъ отношеніи Фофановъ былъ ученикомъ Фета, Тютчева и Полонскаго. Ближе всего онъ къ Фету, хотя значительно уступаетъ ему и по природному таланту, и по „мастерству“. Недостатокъ общаго образованія и отсутствіе правильной серьезной работы надъ техникой помѣшали Фофанову сдѣлаться большимъ поэтомъ, на что у него были данныя. Въ творчествѣ его не замѣчалось никакого прогресса, его позднѣйшія произведенія, часто представляющія перепѣвы прежнихъ, по формѣ не превосходятъ эти послѣднія, а уступаютъ имъ. Среди стихотвореній Фофанова, посвященныхъ природѣ, нѣкоторыя въ музыкальномъ отношеніи напоминаютъ фетовскія; и это—самыя лучшія. Таково одно изъ описаній весны, волнующее самымъ подборомъ созвучій: „Шумятъ лѣса тѣнистые, тѣнистые, душистые; свои оковы льдистыя разрушила волна. Пришла она желанная, пришла благоуханная, изъ свѣта дня сотканная волшебница весна“...

Весна очень часто фигурируетъ у Фофанова; она—его любимое время года, и это весьма для него характерно, точно такъ, какъ любовь къ осени—для бодрой музы Пушкина. Только весна, съ ея общимъ подъемомъ и обновленіемъ, приноситъ миръ и тепло больной, усталой душѣ нашего поэта. „Весеннее“, неопредѣлившееся, едва уловимое интересуетъ Фофанова и въ человѣческой психологіи. Ни расцвѣта природы, ни расцвѣта страстей нѣтъ въ его поэзіи. Его привлекаютъ нѣжныя и смутныя чувства, подобныя грезамъ: или ожиданіе грядущаго счастья, или тоска по безвозвратно утраченномъ. Въ изображеніи всякихъ воспоминаній („Осеннею порою“), предчувствій („Предчувствіе“) и ожиданій („Невѣста“) Фофановъ большой мастеръ и настоящій поэтъ. Особенно любопытенъ для характеристики нашего поэта заключительный аккордъ въ стихотвореніи: „Невѣста“. Героиня любитъ своего жениха „всей душою,

всей радостью, всей страстью юной жизни"... но все же наканунѣ соединенія съ нимъ „ея душа мучительно трепещетъ"... Она хотѣла бы, чтобы ночь, отдѣляющая ее отъ жениха, тянулась вѣчно, чтобъ „ея тревожная душа почила бы на вѣки въ ожиданіи"... Мелькаетъ аналогичное настроеніе и во многихъ коротенькихъ стихотвореніяхъ.

При всей разноцѣнности пьесъ Фофанова, общее впечатлѣніе отъ его лирики—благопріятное для поэта. У него нѣтъ глубины, но есть изящество, тонкость, порой захватывающая нѣжность. Его „безумно-вдохновенная" муза до конца сохранила свою юношескую свѣжесть и чистоту. Если въ его творчествѣ незамѣтно техническаго прогресса, то не чувствуется и убыли молодыхъ силъ и непосредственности. Фофановъ не былъ ни поэтомъ-философомъ, ни законченнымъ художникомъ, но несомнѣнно былъ искреннимъ и вдохновеннымъ пѣвцомъ красоты. Такимъ онъ останется и въ исторіи русской поэзіи [1]).

Е. Колтоновская.

ВЫСШЕЕ ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ

Прошедшій уже черезъ Гос. Думу и Совѣтъ законопроектъ являлся удовлетвореніемъ давно высказаннаго запроса русскихъ общественныхъ круговъ и завершеніемъ зданія, основу котораго положили мѣропріятія эпохи царствованія царя-освободителя. Еще въ шестидесятомъ году русскія женщины работали у извѣстнаго профессора Грубера и держали у него экзаменъ на равныхъ основаніяхъ съ мужчинами. Избранная петербургскимъ совѣтомъ коммиссія трехъ профессоровъ: Конст. Дмитр. Кавелина, Мих. Матв. Стасюлевича и К. Галстунскаго, подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго астронома Савича, высказалась въ томъ смыслѣ, что слѣдуетъ „разрѣшить женщинамъ подвергаться испытаніямъ на всѣ ученыя степени и получать дипломъ, который давалъ бы имъ право на штатныя, учительскія и воспитательныя должности въ высшихъ женскихъ учебныхъ и воспитательныхъ заведеніяхъ и на медицинскую практику". „Допустить женщинъ къ ис-

[1]) Нашъ журналъ привѣтствовалъ, въ свое время (см. майскую книжку „Вѣстника Европы" за 1887 г.), появленіе перваго сборника стихотвореній К. М. Фофанова. Надежда, выраженная нами тогда на дальнѣйшее развитіе его таланта, къ сожалѣнію не оправдалась; въ раннихъ произведеніяхъ поэта—главное его право на благодарную память русскаго общества.—*Ред.*

пытанію на ученыя степени слѣдуетъ, по мнѣнію коммиссіи, по совершенному отсутствію къ тому препятствій. Отрицательное рѣшеніе вопроса могло бы опираться на несомнѣнныя доказательства невозможности для женщинъ воспринять истину наравнѣ съ лицами мужского пола—а такихъ доказательствъ мы не имѣемъ". Согласно предложенію коммиссіи, с.-петербургскій университетъ высказался въ пользу допущенія женщинъ и къ слушанію лекцій, и къ экзаменамъ; и то же сдѣлали совѣты харьковскаго и казанскаго университетовъ.

Въ серединѣ царствованія Александра II Россія шла въ отношеніи къ высшему женскому образованію впереди другихъ странъ Европы въ такой же степени, какъ и въ отношеніи къ устройству женской средней школы Объ этомъ писалъ Джонъ Стюартъ Милль. Это признавало и правительство. Осуществляя мысль объ учрежденіи элементарнаго женскаго образованія, въ проектѣ положенія о созданіи такъ называемыхъ „Маріинскихъ школъ", правительство считало возможнымъ высказаться о среднемъ женскомъ образованіи въ Россіи слѣдующимъ образомъ: „Среднее женское образованіе обезпечено институтами, гимназіями и прогимназіями вѣдомства императрицы Маріи и министерства народнаго просвѣщенія. По учебному курсу онѣ выше и опредѣленнѣе, чѣмъ даже прусскія Höhere Töchterschulen, при преобразованіи которыхъ въ 1872-мъ году образцомъ въ учебномъ отношеніи послужили русскія женскія гимназіи и институты". Это было совершенно справедливо, по крайней мѣрѣ по отношенію къ германскимъ правительственнымъ и общественнымъ женскимъ школамъ до франко-прусской войны. Около половины XIX-го вѣка въ Германіи насчитывалось не болѣе полусотни такихъ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній разныхъ типовъ и наименованій; содержимыя, большею частью, городами, онѣ представляли цифру ничтожную въ сравненіи съ тою, какою выражалось число женскихъ среднихъ школъ, содержимыхъ частными лицами. Почти вплоть до франко-прусской войны дѣло въ этомъ отношеніи нисколько не подвинулось впередъ; основаніе лучшаго типа среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній, такъ называемыхъ „Höhere Mädchenschulen", относится, главнымъ образомъ, къ послѣдней четверти XIX-го вѣка. Въ то время, какъ правительство новой Германской имперіи сосредоточило свои заботы на мужскихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, города направили свои средства преимущественно на женскія гимназіи; до 1880-го года было основано, такимъ образомъ, свыше 180-ти Höhere Mädchenschulen, довольно близкихъ къ нашимъ женскимъ гимназіямъ по курсу наукъ, въ нихъ проходимыхъ. Ниже этого уровня стояли Mädchen-Mittelschulen; но и Höhere Mädchenschulen все-таки по числу лѣтъ преподаванія разнятся отъ мужскихъ гимназій, а слѣдовательно и курсъ

наукъ въ нихъ — болѣе сокращенный; поэтому далеко не во всѣхъ германскихъ государствахъ даже Höhere Mädchenschulen включены въ разрядъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ объ этомъ еще съ начала семидесятыхъ годовъ ходатайствовало и ходатайствуетъ общество (Verein) для распространенія женскаго гимназическаго образованія, подводимаго подъ понятіе Höheres Mädchen-Schulwesen. Саксонія первая удовлетворила требованію насчетъ включенія Höhere Mädchenschulen въ число среднихъ учебныхъ заведеній; это сдѣлано было ею въ 1875-мъ году. За ней послѣдовали Вюртембергъ и Баденъ въ 1877-мъ году, Гессенъ и Брауншвейгъ—въ 1876-мъ. Руководящая роль въ женскихъ гимназіяхъ и преподаваніе въ старшихъ классахъ долго оставались въ рукахъ мужчинъ; женщины занимали подчиненное положеніе и преподавали, какъ у насъ, въ однихъ младшихъ классахъ. Только съ 1876-го года замѣтенъ поворотъ въ пользу предоставленія имъ права преподавать и въ старшихъ классахъ.

31-ое мая 1894-го года составило важную эпоху въ исторіи женскаго образованія въ Германіи: въ этотъ день прусскій министръ народнаго просвѣщенія издалъ постановленія касательно женскаго образованія, подготовки и экзамена на званіе учительницы. Въ этихъ постановленіяхъ впервые признано, что Höhere Mädchenschule должна имѣть не менѣе семи классовъ; педагогическій персоналъ ея долженъ состоять изъ мужчинъ съ университетскимъ образованіемъ *и учительницъ, получившихъ спеціальную подготовку для преподаванія въ женскихъ гимназіяхъ* (въ мужскихъ гимназіяхъ въ Пруссіи курсъ десятилѣтній). Женскія гимназіи остаются до сихъ поръ въ Пруссіи въ вѣдѣніи тѣхъ школьныхъ властей, которыя завѣдуютъ народными школами. Только въ 1899-мъ году допущено исключеніе для тѣхъ, при которыхъ имѣются педагогическіе курсы (Seminar); онѣ переходятъ въ вѣдѣніе учрежденій, завѣдывающихъ среднимъ образованіемъ. Къ началу нынѣшняго столѣтія въ Германіи числилось 196 общественныхъ женскихъ гимназій (Höhere Mädchenschulen). Изъ нихъ двѣ трети приходятся на Пруссію. Изъ этихъ 196-ти женскихъ гимназій всего 17 основаны правительствами, остальныя—городами, и содержатся на ихъ счетъ. Около трети женскихъ гимназій имѣютъ девятилѣтній курсъ, $^2/_3$ — курсъ десятилѣтній; при 53-хъ гимназіяхъ имѣются педагогическіе курсы [1]).

---

[1]) Въ женскихъ гимназіяхъ Германіи числится, по даннымъ 1897-го года, 60.000 дѣвицъ, тогда какъ въ мужскихъ гимназіяхъ—250.000 учащихся. О томъ, что преподаваніе женщинамъ происходитъ, главнымъ образомъ, въ частныхъ гимназіяхъ, можно судить хотя бы потому, что въ Пруссіи ихъ насчитывалось въ 1901-мъ году, по даннымъ министерства народнаго просвѣщенія, 656. Число учащихся въ частныхъ женскихъ гимназіяхъ было 73.932, а въ гимназіяхъ общественныхъ—всего 53.558.

По непосредственно интересующему насъ вопросу о положеніи женщинъ-учительницъ мы имѣемъ слѣдующія данныя, послѣднія изъ опубликованныхъ: изъ общественныхъ женскихъ гимназій въ Пруссіи въ 183-хъ имѣются директора и только въ 27-ми — директрисы; въ частныхъ гимназіяхъ на 589 директрисъ мы насчитываемъ 71-го директора. Въ общественныхъ женскихъ гимназіяхъ на 353 старшихъ учителя приходится 138 такихъ же учительницъ; вообще же учительницы, если *не говорить о старшихъ, имѣютъ перевѣсъ надъ учителями* въ общественныхъ гимназіяхъ: на 330 мужчинъ приходится 1.400 женщинъ, а въ частныхъ женскихъ гимназіяхъ на 1.000 мужчинъ 4.500 женщинъ.

Возвращаемся послѣ этого экскурса въ область нѣмецкой женской школы, отвѣчающей нашей женской гимназіи, къ занимающему насъ вопросу. Задачей законопроекта было измѣнить существующій порядокъ, по которому право пріобрѣтать дипломы высшихъ учебныхъ заведеній на званіе учителя гимназіи и ученыя степени принадлежитъ только лицамъ мужского пола; лицамъ женскаго пола, предоставляется лишь право пріобрѣтать, на основаніи положенія о с.-петербургскомъ женскомъ медицинскомъ институтѣ, званіе лѣкаря и ученую степень доктора медицины. Отсюда ясно, насколько наше законодательство отстало отъ Германіи и отъ тѣхъ пожеланій, какія высказаны были у насъ, какъ сказано выше, еще въ 1861-мъ году. Наша высшая школа еще недавно не знала, вправѣ ли она или не вправѣ допускать женщинъ въ свои стѣны на правахъ вольнослушательницъ, хотя, какъ мы видѣли, сама всегда высказывалась въ пользу такого допущенія. Германскіе университеты въ этомъ отношеніи обнаружили гораздо бо̀льшую косность: одно время по ихъ винѣ нѣмецкія дѣвушки, искавшія образованія, должны были ѣздить въ швейцарскіе университеты и только съ тѣхъ поръ, какъ въ 1891-мъ году вопросъ о женскомъ медицинскомъ образованіи и о женщинахъ-врачахъ сдѣлался предметомъ обсужденія въ германскомъ рейхстагѣ, не вынесшемъ, однако, никакой опредѣленной резолюціи, несмотря на то, что большинство ораторовъ высказывалось въ утвердительномъ смыслѣ, вопросъ этотъ, можно сказать, поставленъ на очередь. Баденская палата депутатовъ уже въ прошломъ вѣкѣ отнеслась сочувственно къ ходатайству „всеобщаго женскаго союза“ (Allgemeiner Deutscher Frauenverein) о допущеніи женщинъ въ университетъ, объявивъ, что стремленіе женщинъ къ высшему образованію совершенно законно и можетъ быть удовлетворено теперь же. Право посѣщенія университетскихъ лекцій — сказано въ томъ же постановленіи баденской палаты — можетъ быть предоставлено всѣмъ тѣмъ женщинамъ, которыхъ признаютъ достойными соотвѣтствующіе

факультеты. Въ 1891-мъ году правительство Бадена разрѣшило гейдельбергскому университету принимать женщинъ въ число слушательницъ философскаго факультета. Берлинскій университетъ допустилъ ихъ (съ 1895-го года) только въ число вольнослушательницъ, по экзамену, которому подвергаются всѣ женщины, каково бы ни было ихъ предварительное образованіе, и безъ экзамена, если онѣ просятъ о допущеніи ихъ лишь въ качествѣ гостей. Сначала какъ тѣмъ, такъ и другимъ приходилось запастись разрѣшеніемъ министра народнаго просвѣщенія; но въ настоящее время какъ въ Пруссіи, такъ и въ другихъ государствахъ Германіи, такого разрѣшенія уже не требуется; министерство народнаго просвѣщенія передало этотъ вопросъ на усмотрѣніе самихъ университетовъ. Въ берлинскомъ университетѣ необходимо разрѣшеніе ректора, а затѣмъ и каждаго отдѣльнаго профессора или доцента, лекціи котораго та или другая женщина хочетъ посѣщать. Боннскій университетъ допускаетъ женщинъ лишь какъ гостей (Hospitanten). То же можно сказать и объ университетахъ въ Бреславлѣ и Галле. Позднѣе другихъ на ту же дорогу вступили университеты въ Ростокѣ и Іенѣ, допустившіе женщинъ, впрочемъ, только на философскій факультетъ. Въ одномъ Баденскомъ великомъ герцогствѣ, имѣющемъ два университета — въ Гейдельбергѣ и Фрейбургѣ—женщины могутъ имматрикулироваться въ качествѣ полноправныхъ студентокъ, и то лишь съ 1901-го года. Въ 1899-мъ году германское правительство обратилось къ швейцарскому съ запросомъ о томъ, не встрѣчалось ли въ швейцарскихъ университетахъ какихъ-либо препятствій къ совмѣстному посѣщенію лекцій лицами обоего пола. Полученъ дружный отвѣтъ, что никакихъ препятствій къ тому не имѣется, что присутствіе женщинъ на лекціяхъ и участіе ихъ въ демонстраціяхъ и практическихъ занятіяхъ по медицинѣ не сопровождалось никакими неудобствами. Это заставило съ того же года и въ нѣмецкихъ университетахъ допустить женщинъ къ занятіямъ для полученія степени доктора медицины. Въ силу постановленія союзнаго совѣта (Bundesrath) женщинамъ, прослушавшимъ извѣстное число семестровъ на медицинскомъ факультетѣ университетовъ союзныхъ государствъ въ качествѣ гостей, эти семестры засчитываются наравнѣ съ семестрами имматрикулированныхъ студентовъ. Примѣръ Германіи для насъ былъ, повидимому, наиболѣе убѣдительнымъ и, вѣроятно, замедлилъ на годы, протекшіе со времени освободительнаго движенія въ царствованіе императора Александра II, рѣшеніе вопроса объ испытаніи женщинъ въ государственныхъ экзаменаціонныхъ коммиссіяхъ на равныхъ правахъ съ мужчинами, въ виду прохожденія ими равныхъ курсовъ и въ гимназіяхъ, и въ университетѣ.

Въ другихъ странахъ и, въ частности, въ Англіи и въ Америкѣ, женщины давно слушаютъ лекціи въ тѣхъ же университетахъ, что и мужчины; тамъ, гдѣ имѣются общежитія для студентовъ и студентокъ, какъ напр. въ Оксфордѣ, онѣ, разумѣется, имѣютъ свои отличные отъ мужчинъ колледжи, напр. Magdalencollege. Совмѣстное посѣщеніе университета мужчинами и женщинами въ Америкѣ—настолько хорошо извѣстный фактъ, что на немъ едва-ли нужно останавливаться особо. А вотъ данныя касательно Норвегіи, въ которой совмѣстное образованіе практикуется въ такой же широкой степени, какъ въ штатахъ Сѣверной Америки (оно также въ ходу и въ Швеціи). Въ 1899-мъ году въ Норвегіи 2.003 лица подверглись выпускному испытанію въ средней школѣ; изъ нихъ болѣе трети были дѣвушки. Женщины допущены въ университетъ (Христіаніи) съ 1882-го года; 903 женщины съ этого времени сдали экзаменъ по реальнымъ и математическимъ наукамъ, 260 сдали экзаменъ artium; 24 удостоены ученыхъ степеней, изъ нихъ $^2/_3$—по медицинѣ.

Немудрено, если при такихъ условіяхъ и число женщинъ-учительницъ въ скандинавскихъ государствахъ стало за послѣднее время быстро возрастать. Въ то время, когда мнѣ пришлось участвовать въ высшемъ образованіи въ Стокгольмѣ, на университетской каѳедрѣ, и въ одномъ только университетѣ — въ стокгольмскомъ, имѣлась женщина-профессоръ. Этой женщиной была русская; она хотѣла посвятить себя преподаванію математики въ русскихъ женскихъ гимназіяхъ, но по тогдашнимъ законамъ, продолжающимъ свое дѣйствіе и по настоящій день, ей соглашались поручить преподаваніе ариѳметики только въ низшихъ классахъ. Такъ какъ она была докторомъ математики и ученицей геніальнаго Вейерштраса, то она предпочла занять каѳедру въ Стокгольмѣ. Я говорю о Софіи Васильевнѣ Ковалевской.

Въ Америкѣ мужчины и женщины съ 80-хъ годовъ слушаютъ лекціи въ однѣхъ и тѣхъ же высшихъ школахъ. Совмѣстное образованіе, по отзыву профессоровъ отдѣльныхъ университетовъ, идетъ весьма удачно. „Женщины, обыкновенно, наши лучшія слушательницы и не только не отстаютъ отъ мужчинъ, но и могутъ служить имъ примѣромъ“, — писалъ еще въ 1887-мъ году профессоръ Taylor изъ Корнелльскаго университета. „Общій тонъ жизни улучшился,— продолжаетъ онъ,—со времени допущенія женщинъ въ университетъ; замѣчается болѣе изысканное и вѣжливое обращеніе и бо́льшая скромность“. Ректоръ Висконсинскаго университета пишетъ въ томъ же году: „Женщины хорошо работаютъ; успѣхи слушателей нисколько не пострадали отъ присутствія женщинъ; намъ кажется вопросъ о совмѣстномъ образованіи рѣшеннымъ въ утвердительномъ смыслѣ“.

То же повторяетъ и ректоръ сѣверо-западнаго университета Comings и многіе, многіе другіе.

Русскій законодатель идетъ осторожно въ рѣшеніи вопроса о высшемъ образованіи женщинъ, руководясь болѣе примѣрами германскихъ государствъ, чѣмъ скандинавскаго міра, Англіи, Соединенныхъ Штатовъ и Франціи. Въ законопроектѣ, принятомъ Госуд. Совѣтомъ, не сказано ни слова о томъ, къ какимъ профессіямъ должна готовить женщинъ высшая школа; вопросъ оставленъ открытымъ по отношенію ко всѣмъ профессіямъ, за исключеніемъ двухъ—врача и педагога. Законъ считается съ женщиной-медикомъ и женщиной-учительницей. Онъ желаетъ видѣть ее учительницей нетолько въ начальной, но и въ средней школѣ,—учительницей нетолько въ низшихъ классахъ женской или мужской гимназіи, но и въ высшихъ; онъ предполагаетъ возможнымъ для женщины стать во главѣ средней женской школы и исполнять въ ней обязанности директрисы; но онъ нисколько не задается вопросомъ, гдѣ женщина получитъ необходимую ей подготовку къ государственному экзамену: въ университетѣ ли, слушая лекціи рядомъ съ мужчинами, или въ спеціально созданныхъ для женщинъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ настоящую минуту лицамъ женскаго пола предоставляется пріобрѣтать званіе лѣкаря и ученую степень доктора медицины въ с.-петербургскомъ женскомъ медицинскомъ институтѣ; онъ созданъ былъ на общественныя пожертвованія, сдѣланныя по преимуществу въ Москвѣ; я имѣлъ счастье присутствовать на томъ собраніи, въ которомъ сразу подписано было нѣсколько сотенъ тысячъ рублей на его устройство, что̀, однако, не ускорило дѣла, такъ какъ въ медицинскомъ департаментѣ въ то время были принципіальные противники высшаго женскаго образованія и, въ частности, медицинскаго; они постарались затормозить рѣшеніе уже тогда вполнѣ назрѣвшаго вопроса. Къ счастью, медицинскій женскій институтъ нашелъ въ профессорѣ Салазкинѣ энергичнаго и всецѣло отдающаго себя дѣлу человѣка; за пять лѣтъ его завѣдыванія это учрежденіе процвѣло и пользуется нынѣ широкимъ признаніемъ въ общественныхъ кругахъ. Другимъ, на этотъ разъ общественнымъ учрежденіемъ явились высшіе женскіе курсы; ихъ создателемъ въ Москвѣ былъ Владиміръ Ивановичъ Герье; въ Петербургѣ они связаны съ памятью о покойномъ историкѣ и профессорѣ Бестужевѣ-Рюминѣ. Преподаваніе въ нихъ стоитъ на той же высотѣ, что и въ университетѣ; лекціи читаются болѣе или менѣе тѣми же профессорами. Новый законъ предвидитъ, что женщины, которымъ предстоитъ подвергнуться испытаніямъ при государственныхъ коммиссіяхъ для полученія медицинскихъ степеней, будутъ выходить, по преимуществу, изъ медицинскаго женскаго института; поэтому онъ сохраняетъ за петербургскимъ женскимъ медицинскимъ инсти-

тутомъ право на производство испытаній лицамъ женскаго пола на званіе лѣкаря и на степень доктора медицины, на основаніяхъ, указанныхъ въ положеніи объ этомъ институтѣ. Это — единственное высшее женское учебное заведеніе, за которымъ прямо признается право на производство испытаній лицамъ женскаго пола. О другихъ высшихъ женскихъ школахъ не сказано, что ихъ дипломы имѣютъ ту же силу, а только то, что лицамъ, представившимъ свидѣтельства отъ высшихъ женскихъ курсовъ, въ которыхъ постановка преподаванія находится подъ ближайшимъ контролемъ министерства народнаго просвѣщенія и признается имъ равнымъ университетскому, засчитываются при экзаменахъ въ общихъ или особыхъ коммиссіяхъ испытанія, выдержанныя на нихъ въ соотвѣтствіи съ правилами, дѣйствующими относительно испытательныхъ коммиссій при университетахъ. Зачеты производятся на основаніи правилъ, утверждаемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ силу статьи 480 устава учебныхъ заведеній. Русскій законъ придерживается той же практики, какая установилась въ государствахъ Германіи, гдѣ для полученія аттестата на званіе учительницы кандидатки должны подвергнуться государственному экзамену. „Въ Германіи, — говоритъ г-жа Листеръ, авторъ весьма извѣстной монографіи: „Higher school for girls in Germany“, изданной англійскимъ правительствомъ въ 1902-мъ году, — только одна дорога ведетъ къ педагогической профессіи: гимназія, педагогическая семинарія, государственные экзамены. Женщина, удостоенная университетомъ степени доктора, не можетъ быть назначена учительницей общественной школы, если она не имѣетъ сверхъ того дипломовъ, дающихъ право преподаванія. Иное дѣло въ Англіи, гдѣ женщина, окончившая съ отличіемъ университетъ, считается желаннымъ пріобрѣтеніемъ для всякой школы.

Соединенныя коммиссіи Государственнаго Совѣта, отступая отъ думскаго законопроекта, признали необходимымъ измѣнить рѣшеніе, на которомъ остановилась Дума; онѣ допустили, для пріобрѣтенія званія учительницы гимназіи и ученыхъ степеней, наряду съ женщинами, получившими университетскій дипломъ, также и лицъ, имѣющихъ дипломы другихъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Считая несправедливымъ установленіе для лицъ женскаго пола какихъ-либо преимуществъ въ отношеніи пріобрѣтенія ученыхъ степеней и званія учительницы въ средней школѣ, соединенныя коммиссіи предложили Государственному Совѣту вполнѣ приравнять въ этомъ отношеніи женщинъ къ лицамъ мужского пола. Съ этой цѣлью законопроектъ, какимъ онъ вышелъ изъ коммиссій и принятъ общимъ собраніемъ Совѣта, установляетъ, что ученыя степени магистра и доктора могутъ быть пріобрѣтаемы женщинами только послѣ испытаній въ

знаніи университетскаго курса; но степень магистра и доктора еще не даетъ права на званіе учительницы средняго учебнаго заведенія. Лица женскаго пола, получившія дипломъ одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній, если пожелаютъ пріобрѣсть право на званіе учительницы въ среднемъ учебномъ заведеніи по одному изъ предметовъ, упомянутыхъ въ дипломахъ, подвергаются въ одной изъ испытательныхъ коммиссій дополнительному экзамену по педагогикѣ, по исторіи педагогическихъ ученій, по методикѣ избраннаго ими для преподаванія предмета, а также по логикѣ и психологіи, если эти науки не входили въ общій экзаменъ. Выдержавшія удовлетворительно это дополнительное испытаніе и представившія свидѣтельства отъ начальства правительственныхъ среднихъ учебныхъ заведеній или директора начальныхъ училищъ объ успѣшномъ исполненіи ими учительскихъ обязанностей до или послѣ испытаній, въ теченіе не менѣе шести мѣсяцевъ, получаютъ отъ попечителя учебнаго округа свидѣтельства на званіе учительницы среднихъ учебныхъ заведеній. Исключеніе сдѣлано только по отношенію къ тѣмъ, кто исполнялъ уже въ теченіе десяти лѣтъ до изданія закона учительскія обязанности: онѣ освобождаются отъ всякаго другого экзамена, кромѣ какъ по избранному ими для преподаванія предмету, методикѣ его, педагогикѣ и исторіи педагогическихъ ученій. Экзамены производятся или въ общихъ государственныхъ коммиссіяхъ для обоихъ половъ, или въ особыхъ, число которыхъ на каждый годъ опредѣляется министромъ народнаго просвѣщенія.

Новый законъ создаетъ званіе учительницы среднихъ учебныхъ заведеній и предоставляетъ ей такія же права на вознагражденіе, какія присвоены лицамъ мужского пола [1]). Тотъ же принципъ равенства проведенъ, въ общемъ, и по отношенію къ пенсіямъ. Должности, предоставленныя исключительно лицамъ женскаго пола, приравниваются въ отношеніи пенсіоннаго оклада къ должностямъ, занимаемымъ мужчинами, въ такомъ порядкѣ: завѣдующія женскими средними учебными заведеніями приравниваются къ инспекторамъ, а преподавательницы тѣхъ же учебныхъ заведеній и завѣдующія женскими Маріинскими училищами—къ преподавателямъ мужской гимназіи.

Руководящимъ мотивомъ при установленіи всѣхъ этихъ правилъ было сохраненіе равенства обоихъ половъ по отношенію къ пенсіямъ въ такой же степени, какъ и по отношенію къ пріобрѣтенію диплома, дающаго право на преподаваніе въ средней школѣ.

---

[1]) Изъ нѣмецкихъ государствъ равенство вознагражденія учителей и учительницъ существуетъ только въ Саксоніи. Въ Пруссіи жалованье учительницы составляетъ $^4/_5$ жалованья учителя; въ Баваріи, съ 1903-го года—$^5/_6$.

Одно отступленіе отъ равенства все-таки допущено, а именно то, что женщинамъ, какъ и мужчинамъ, позволяется сдать экзаменъ въ испытательныхъ коммиссіяхъ въ два срока, по однимъ предметамъ — въ одинъ срокъ, по другимъ — въ другой; но промежутокъ между обоими сроками для мужчинъ не долженъ быть болѣе года, для женщинъ же онъ удлиненъ до двухъ лѣтъ. Въ связи съ этимъ признано возможнымъ допустить къ экзамену, наряду съ лицами, окончившими полный курсъ высшаго учебнаго заведенія, и слушательницъ этихъ заведеній, прослушавшихъ только предметы, которые должны войти въ первую группу, почему отъ нихъ и требуется представить свидѣтельство о прослушаніи только того круга наукъ, по которому предстоитъ испытаніе въ коммиссіи. Это весьма существенное облегченіе согласно съ тѣмъ, что уже проведено въ Германіи. Желательно было бы распространеніе его и на лицъ мужского пола, подвергающихся испытаніямъ въ коммиссіи.

Максимъ Ковалевскій.

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Дѣло Рейнбота въ Москвѣ и дѣло Вонлярлярскихъ въ Петербургѣ. — Учрежденія или люди?—„Растрата власти“ и „должностной шантажъ“.—Спекуляція на „связи“.—Ген. Клейгельсъ и судъ.—Попытка облагонадежить науку и создать „новую породу“ профессоровъ.—Расправа съ адвокатомъ при содѣйствіи „честнаго провокатора“.—Насиліе надъ членомъ Думы въ 1906-мъ году и въ 1911-мъ.

„Вашъ приговоръ по этому дѣлу будетъ событіемъ исключительной важности для правовой жизни нашей родины“—такъ началъ свою рѣчь обвинитель бывшаго московскаго градоначальника ген. Рейнбота. „И причина тому—продолжалъ онъ—вовсе не въ количествѣ или свойствѣ правонарушеній, совершенныхъ подсудимыми, не въ высокомъ служебномъ ихъ положеніи, а въ существѣ тѣхъ вопросовъ, которые подлежатъ вашему разсмотрѣнію по этому дѣлу“... „Существо дѣла—въ тѣхъ взглядахъ, которые тутъ проводятся. Здѣсь не только нѣтъ сознанія преступности тѣхъ дѣяній, которыя вмѣняются подсудимымъ въ вину; здѣсь утверждается, что все то, въ чемъ они обвиняются,—большинство изъ этихъ дѣйствій,—составляли ихъ право“.

Сенатъ исполнилъ требованіе государственнаго обвинителя. Ген. Рейнботъ и его помощникъ, полк. Короткій, за отрицаніе закона и

законности, возведенное ими въ систему и въ руководящій принципъ служебной дѣятельности,—за то, по выраженію товарища оберъ-прокурора, „психологическое единство, которое соединяетъ революціонера и должностное лицо, сознательно нарушающее законъ“,—приговорены къ лишенію правъ и къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія. Почему же приговоръ никого не удовлетворилъ? Что онъ не удовлетворилъ „Свѣтъ“ и „Земщину“—понятно. Съ точки зрѣнія „Земщины“, „ревизія г. Гарина и самый приговоръ являются предупредительнымъ кивкомъ въ сторону мятежниковъ, и, несомнѣнно, они горько отзовутся въ свое время на всѣхъ дѣйствіяхъ администраціи, которой придется подавлять слѣдующую революцію“. Но почему болѣе чѣмъ сдержанно встрѣтила приговоръ и „лѣвая“ печать? Почему актъ, засвидѣтельствовавшій столь рѣзко и рѣшительно побѣду права надъ „правовой анархіей“, не вызвалъ чувства удовлетворенія у людей, которые не въ чемъ другомъ, какъ въ культѣ безправія, провидятъ надвигающуюся „слѣдующую революцію“?

„Россія“ черпаетъ отвѣтъ въ „логикѣ господъ оппозиціонистовъ“. По этой логикѣ—писало „совершенно частное изданіе“—правительство—„вѣчный подсудимый“, оно всегда „виновно и не заслуживаетъ никакого снисхожденія“, ибо, по тысячу разъ повторяемой мысли газеты, у „господъ оппозиціонистовъ“ во всемъ и неизмѣнно одна цѣль: свергнуть правительство, чтобы самимъ вкусить сладость власти. Такой отвѣтъ, конечно, заслуживаетъ вниманія лишь настолько, насколько онъ характеризуетъ собственную логику упоенныхъ властью вдохновителей казенныхъ перьевъ. Дѣйствительный же отвѣтъ гораздо проще, но лежитъ онъ много глубже той поверхностной мути личной борьбы за власть и личныхъ вожделѣній, дальше которой не идетъ государственное пониманіе „Россіи“. „Вашъ приговоръ — говорилъ въ началѣ рѣчи обвинитель—будетъ событіемъ исключительной важности“. Въ дальнѣйшемъ онъ неопровержимыми доводами доказывалъ это отправное положеніе. А кончилъ—напоминаніемъ о власти, „которая можетъ простить все содѣянное“. И Сенатъ тоже на-двое раздѣлилъ свое сужденіе по дѣлу. Сенатъ назначилъ подсудимымъ суровую и позорящую общеуголовную кару, но въ то же время постановилъ ходатайствовать передъ монархомъ о замѣнѣ ея карою служебною—исключеніемъ изъ службы.

Въ этой двойственности приговора и лежитъ разгадка. Право помилованія и внѣсудебнаго смягченія наказанія имѣетъ своимъ оправданіемъ противорѣчіе между правдой закона и правдой живой дѣйствительности. Судъ прибѣгаетъ къ ходатайству передъ монархомъ, когда онъ сознаетъ это противорѣчіе. Прокуроръ напомнилъ о власти, „которая можетъ простить“, потому что онъ чувствовалъ отвлеченную

справедливость своихъ требованій и ихъ несправедливость индивидуальную — въ отношеніи преданныхъ суду московскихъ администраторовъ. Прокуроръ не могъ не знать, что правда живой дѣйствительности обязывала его построить вступительную фразу обвинительной рѣчи условно, что тотъ объектъ, во имя котораго приговоръ, по его утвержденію, долженъ быть событіемъ исключительной важности, — „правовая жизнь нашей родины", — составляетъ теоретическую потребность, а не реальный фактъ. А во имя правовой жизни, какъ теоретической потребности, борьба умѣстна въ законодательныхъ учрежденіяхъ, но не въ уголовномъ судѣ. Приговоръ суда будетъ всегда индивидуально несправедливъ, если осужденный можетъ сказать: „такъ поступалъ не я одинъ".

Что нужно государству: люди или учрежденія? Личныя ли качества агентовъ государственной власти опредѣляютъ собою дѣятельность, въ которой выражается управленіе страной, или условія этой дѣятельности, лежащія внѣ личныхъ качествъ, свойствъ, навыковъ и темперамента? Реакція всегда разрѣшаетъ вопросъ въ первомъ смыслѣ. Такъ было въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. То же самое повторилось теперь, послѣ того, какъ формула: „сперва успокоеніе—потомъ реформы" привела къ логически неизбѣжному слѣдствію: къ отказу отъ реформъ. Вся Россія ревизуется. Имена сенаторовъ Гарина и Нейдгардта стали нарицательными. Но ревизуются не учрежденія, а люди. Сенаторъ Паленъ, ревизовавшій туркестанскій край, направилъ свою дѣятельность не на уловленіе отдѣльныхъ хищниковъ, — и на его ревизіи поспѣшили поставить крестъ. Ревизія въ формѣ думскаго права запросовъ сведена правительствомъ, при содѣйствіи трехлѣтняго неизмѣнно-вѣрнаго „послушанія" Думы, къ безсодержательнымъ отвѣтамъ, даваемымъ тогда, когда запросы теряютъ смыслъ. На четвертый годъ октябристы, правда, спохватились, но уже поздно: правительство за три года твердо усвоило прививавшееся ему, путемъ послушанія, „конституціонное" воспитаніе. И по мѣрѣ того какъ растетъ и развивается дѣло ревизующихъ сенаторовъ, симпатіи общества отъ него отдаляются, ибо параллельно крѣпнетъ сознаніе, что „для правовой жизни нашей родины" значеніе осужденія взяточниковъ и хищниковъ въ Иркутскѣ, во Владивостокѣ, въ Петербургѣ, въ Казани совершенно ничтожно.

Ревизія сенатора Гарина въ Москвѣ была, по началу, ревизіей учрежденія — градоначальства и полиціи. И ревизія, съ государственно-общественной точки зрѣнія, вскрыла гораздо бо̀льшее, чѣмъ преступныя дѣянія гг. Рейнбота и Короткаго. Она вскрыла произволъ, какъ руководящій мотивъ административной дѣятельности, отрицаніе закона, какъ систему. Прокуроръ эти данныя ревизіи принесъ на

судъ. Мало того: онъ вывелъ изъ нихъ обобщенія, которыя были неизбѣжны, необходимы и напрашивались сами собой. Но въ этихъ обобщеніяхъ высылка кузнеца Савельева, отобраніе отъ извозчика пролетки и упряжи, поборы съ домовъ свиданій и съ игорныхъ притоновъ, именуемыхъ клубами—растворились. Они остались, какъ иллюстрація, какъ одиночныя деревья въ лѣсу. Административный обликъ бывшаго московскаго градоначальника и его помощника обрисовался, какъ обликъ двухъ фигуръ въ Рѣпинскомъ изображеніи запорожцевъ. Помимо воли прокурора, дѣйствія гг. Рейнбота и Короткаго, за которыя онъ требовалъ отдать ихъ въ арестантскія роты, получили характеръ дѣйствій шаблонно-эпизодическихъ. Вотъ почему въ приговорѣ рѣжущимъ звукомъ прозвучали ноты диссонанса.

Подсудимые не принесли съ собой на судъ сознанія преступности тѣхъ дѣяній, которыя вмѣнены имъ въ вину. Въ этомъ — говорилъ обвинитель — „существо дѣла“. Да, существо дѣла въ томъ, что г. Рейнботъ и на судѣ, и до суда, и въ то время, когда его спрашивали, можно ли безбоязненно распустить первую Думу, мыслилъ не такъ, какъ мыслитъ законъ, и говорилъ не на томъ языкѣ, на которомъ законъ повелѣваетъ говорить. Но на языкѣ ли закона написалъ свою недавнюю угрозу ген. Думбадзе „не оставить въ покоѣ родителей и родныхъ“ мальчиковъ-подростковъ, разбившихъ стекла автомобиля? Согласно ли съ мыслью закона протекаетъ служебная дѣятельность высшихъ представителей администраціи и въ Одессѣ, и въ Тамбовѣ, и въ Нижнемъ-Новгородѣ, и т. д., и т. д.? Близка ли къ мысли закона „разъяснительная“ работа высшаго органа надзора за законностью? На одномъ ли языкѣ говорили по поводу 87 ст. основныхъ законовъ предсѣдатель совѣта министровъ, съ одной стороны, и члены законодательныхъ учрежденій — съ другой? Что обязанъ былъ бы обвинитель гг. Рейнбота и Короткаго, какъ юристъ, сказать по поводу этого разноязычія? Только ли существо дѣла Рейнбота въ тѣхъ взглядахъ, которые проводились на его процессѣ?

Юридическому анализу понятія превышенія власти товарищъ оберъ-прокурора предпослалъ слѣдующія слова: „Прежде всего позвольте начать съ тѣхъ преступленій, съ тѣхъ уголовно-наказуемыхъ дѣяній, которыя, какъ скажу я, почти не признаются въ нашей жизни, которыя съ улыбкой наша жизнь встрѣчаетъ, — съ обвиненія въ превышеніи власти“. „Вѣдь сюда,—продолжалъ онъ,— въ формѣ свидѣтельскихъ показаній, въ формѣ цѣлаго ряда заявленій, данныхъ на вопросы, проникла, ворвалась цѣлая волна правовой анархіи“. Только ли въ процессъ Рейнбота ворвалась „волна правовой анархіи“? Развѣ она не бушевала въ той же Москвѣ и раньше Рейнбота, и въ то время, когда онъ былъ градоначаль-

никомъ, но помимо него? Развѣ она не разлилась въ потоки, готовые затопить всѣ губерніи и уѣзды? Развѣ не правда, что говорить сейчасъ о превышеніи власти, какъ о воспрещенномъ подъ страхомъ наказанія служебномъ правонарушеніи, можно только съ горькой, но все же „улыбкой"?... Развивая далѣе свою мысль, обвинитель проводилъ различіе между нарушеніемъ предѣловъ полномочій власти по заблужденію и по сознательному отрицанію законныхъ границъ. Въ этой второй разновидности онъ справедливо усматривалъ „наиболѣе высокую форму напряженія преступности". Съ той же справедливостью онъ устанавливалъ аналогію превышенія власти съ растратою. Обвинитель не дѣлалъ иныхъ выводовъ, кромѣ требованія кары для гг. Рейнбота и Короткаго. Но его напоминаніе о помилованіи было не менѣе краснорѣчиво.

Возьмемъ еще нѣсколько общихъ положеній изъ рѣчи товарища оберъ-прокурора. „Не значитъ ли—спрашивалъ онъ—дискредитировать законъ, если доводить его толкованіе почти до комическихъ предѣловъ"?... „Произволъ неминуемо ведетъ къ хищеніямъ"... Практиковавшееся въ московскомъ градоначальствѣ вымогательство пожертвованій есть „должностной шантажъ"... Конечно, и въ неблагоустроенномъ государствѣ нетерпимы должностныя лица, пользующіяся властью для шантажа, смѣшивающія интересы своего кармана съ интересами дѣла, которому они служатъ, и не стѣсняющіяся доказывать на обывателяхъ, что они „все могутъ". Конечно, хорошо, если съ осужденіемъ Рейнбота однимъ растратчикомъ власти и должностнымъ шантажистомъ стало меньше. Но не въ этомъ суть. Противорѣчіе остается противорѣчіемъ. „Русскія Вѣдомости" вѣрно подмѣтили, что „для общества, несмотря на гласный разборъ дѣла, на откровенныя показанія многихъ свидѣтелей, на исчерпывающія повидимому данныя перекрестнаго допроса, въ этомъ процессѣ остается невыясненной одна сторона дѣла,—сторона, касающаяся причинъ возникновенія самаго процесса". „Развѣ—писала газета—штрафъ, наложенный градоначальникомъ на Масленникова за оскорбленіе офицера въ пивной, по незаконности отличается отъ штрафа, которымъ губернаторъ покаралъ адвоката за рѣчь, произнесенную въ судѣ? Развѣ вмѣшательству въ исторію кузнеца и барышни не равносильны тѣ вмѣшательства ген. Думбадзе въ частную жизнь, которыя послужили поводомъ для думскаго запроса, но которыя не дали повода для судебнаго преслѣдованія? Очевидно, при возбужденіи дѣла противъ ген. Рейнбота играли роль не его поступки или не одни его поступки. И это обстоятельство придаетъ всему дѣлу необыкновенно демонстративный характеръ,—характеръ указанія на принципы нашей „внутренней политики". При возбужденіи подобныхъ дѣлъ, очевидно, примѣняется

та же точка зрѣнія на задачи управленія, на которую становился ген. Рейнботъ, оцѣнивая поступки обывателей: „произвольное усмотрѣніе“...

Процессъ о „растратѣ власти“ и о „должностномъ шантажѣ“ — дѣло Рейнбота — стоитъ совсѣмъ ужъ не такъ далеко, какъ можетъ казаться на первый взглядъ, отъ процесса о подлогѣ духовнаго завѣщанія—дѣла Вонлярлярскихъ. Московскій градоначальникъ и его помощникъ спекулировали имъ принадлежащей властью. Въ дѣлѣ Вонлярлярскихъ мы видимъ спекуляцію „связями“. И поскольку, въ условіяхъ нашей дѣйствительности, „связи“—такой же созидающій „правовую“ жизнь факторъ, какъ и власть, постольку оба процесса раскрыли однородную, съ общественной точки зрѣнія, картину. Ген. Рейнботъ и полк. Короткій сознательно ставили себя надъ закономъ, ибо считали, что они, какъ носители власти, для закона недосягаемы. Въ дѣлѣ Вонлярлярскихъ существовалъ разсчетъ на броню „связей“.

„Связи“ въ дѣлѣ Вонлярлярскихъ — не привходящая черта, а основа процесса. Какъ справедливо говорилъ присяжнымъ засѣдателямъ представитель гражданскаго иска, В. А. Маклаковъ, „человѣкъ безъ связей не могъ бы даже подумать о возможности осуществленія такого предпріятія. Связи—это корень дѣла Вонлярлярскихъ; питаемые имъ ростки разсыпаны по всему дѣлу, сказываются и въ большомъ, и въ маломъ“. Дѣйствительно, слѣдя за процессомъ, нельзя было отрѣшиться отъ вопросовъ: какъ могла не у душевнобольныхъ зародиться мысль о перемѣщеніи милліоновъ князя Огинскаго въ обладаніе совершенно неизвѣстнаго ему Дмитрія Вонлярлярскаго, какъ могли объединиться вокругъ этой мысли аристократы, присяжные повѣренные, чиновники римско-католической консисторіи, ксендзъ, коммиссіонеръ и лишенный правъ спеціалистъ по подлогамъ и какъ могли они чуть-чуть только не довести до благополучной реализаціи безумную и нелѣпую мысль? Жажда наживы была лишь общимъ мотивомъ ихъ дѣятельности. Мотивъ же конкретный составляла вѣра въ связи, раскрывающія для тѣхъ, кто ихъ имѣетъ, неограниченныя возможности. Не только опытные въ юриспруденціи адвокаты, но вмѣстѣ съ ними сенаторъ и прокуроръ судебной палаты, пока не увидѣли подлога, считали не невозможнымъ, что, „въ изъятіе закона“, родовыя имущества князя Огинскаго и его титулъ перейдутъ по завѣщанію къ Вонлярлярскому. Въ ходѣ задуманнаго дѣла встрѣтилось, казалось бы, неустранимое препятствіе: Дмитрій Вонлярлярскій, по повѣркѣ документовъ, оказался не старшимъ сыномъ своего отца, т.-е. не тѣмъ лицомъ, въ чью пользу было соста-

влено подложное завѣщаніе. „Связи“ легко преодолѣли это препятствіе. Ксендзъ Петкевичъ, давшій первоначально свою подпись, потребовалъ затѣмъ уничтоженія завѣщанія. „Связи“ вмѣшали власть товарища министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующаго полиціей, и несговорчивый ксендзъ вынужденъ былъ явиться къ генералу Клейгельсу. „Связи“ служили основой и для спекуляціи на политику. Русскимъ и православнымъ противопоставлялась „польская интрига“, „интрига ксендзовъ“. Дмитрій Вонлярлярскій, правда, говорилъ ксендзамъ, что приметъ католичество. Но это уже мелочь, которая дополняетъ картину разгула тщеславныхъ и алчныхъ вожделѣній.

Имя Вонлярлярскаго-сына стало впервые извѣстно по процессу. Имя Вонлярлярскаго-отца извѣстно давно. Процессъ напомнилъ о немъ, какъ объ одномъ изъ героевъ корейской эпопеи на Ялу. Вся эта печальной памяти эпопея, оплаченная позоромъ разгрома, была тоже спекуляціей на связи. Г. Баянъ въ „Русскомъ Словѣ“ разсказалъ любопытную исторію, какъ, угрожая „связями“, гг. Вонлярлярскій и Безобразовъ получили за 60 тыс. рублей концессію, оцѣненную черезъ два-три мѣсяца въ два милліона. Еще болѣе любопытно письмо въ редакцію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ тайнаго совѣтника Муханова, котораго сила связей Вонлярлярскаго заставила покинуть службу въ министерствѣ путей сообщенія. „Помните—пишетъ г. Мухановъ,—сколько непріятностей возникло вслѣдъ за моей патріотической статьей, которой, подчинившись насилію, вы напечатали только первую часть, по поводу злосчастной чукотской монополіи... Малѣйшая попытка говорить въ печати о г. Вонлярлярскомъ встрѣчалась тогда суровымъ окрикомъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Тогда разныя вліятельныя лица, тайные совѣтники и другіе кавалеры считали за особую честь хлопотать и предстательствовать, гдѣ кто какъ могъ, за честь и достоинство отставного полковника, находившаго, что удобнѣе поручать дѣлать это втихомолку доброхотнымъ прислужникамъ, чѣмъ выступать самому съ открытымъ забраломъ“... Даже „патріотическихъ“ статей въ „патріотической“ газетѣ нельзя было печатать, если онѣ касались г. Вонлярлярскаго!.. Привыкнувъ спекулировать на связи, г. Вонлярлярскій пригласилъ къ участію въ дѣлѣ о завѣщаніи кн. Огинскаго присяжнаго повѣреннаго Казанджіева только потому, что г. Казанджіевъ велъ дѣла жены министра юстиціи.

Въ разбирательствѣ дѣла Вонлярлярскихъ былъ эпизодъ, который не могъ не обратить на себя всеобщаго вниманія. Есть законъ (прим. къ ст. 65 и 581 уст. угол. суд.), предоставляющій особамъ первыхъ двухъ классовъ, министрамъ и нѣкоторымъ другимъ лицамъ, въ томъ числѣ генералъ-адъютантамъ, право не являться въ судъ въ качествѣ свидѣтелей, но требовать допроса „въ мѣстѣ ихъ жительства“. По

дѣламъ, разсматриваемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, пользующіяся этимъ правомъ лица никогда явки къ себѣ суда не требуютъ. Тактъ обычно имъ подсказываетъ поступать иначе. Мы помнимъ по одному дѣлу В. Н. Коковцова, вызваннаго въ качествѣ свидѣтеля и явившагося давать показанія въ судъ. Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютантъ кн. Святополкъ-Мирскій, вызывавшійся по дѣлу Вонлярлярскихъ, правомъ потребовать судъ въ мѣсто своего жительства не воспользовался. Но бывшій петербургскій градоначальникъ ген. Клейгельсъ, тоже генералъ-адъютантъ, очевидно счелъ, что явка въ судъ ниже его достоинства. И судъ въ полномъ составѣ—предсѣдатель и три члена суда, четырнадцать присяжныхъ засѣдателей, прокуроръ, секретарь, судебные пристава, одиннадцать подсудимыхъ съ отрядомъ конвоя, болѣе двадцати защитниковъ — вынужденъ былъ ѣхать къ нему на квартиру. Къ изумленію петербуржцевъ, по улицамъ двигалась цѣлая процессія. Магометъ не захотѣлъ подойти къ горѣ, и гора пошла къ Магомету.

Вѣроятно г. Клейгельсъ читаетъ „Новое Время“ и „Гражданинъ“. Въ „Новомъ Времени“ ему посвятилъ заслуженныя строки г. А. Столыпинъ. Въ „Гражданинѣ“ кн. Мещерскій писалъ: „Генералъ Клейгельсъ, вѣрный своимъ традиціямъ, далъ очень высокопарное показаніе по дѣлу Вонлярлярскаго въ объясненіе своей роли въ этомъ дѣлѣ. Но одного, однако, онъ не объяснилъ: что могло его побудить вмѣшиваться въ это болѣе чѣмъ темное дѣло? Интересно тоже узнать, если онъ могъ такъ много возиться съ устройствомъ у себя засѣданія уголовнаго суда въ полномъ составѣ и явиться затѣмъ въ полной парадной формѣ для показаній, не проще ли было поѣхать въ судъ и дать свое показаніе, какъ дѣлаютъ всѣ лица, пользующіяся правомъ быть допрашиваемыми на дому? Неужели онъ считаетъ себя выше даже принца Альберта, покойнаго мужа королевы Викторіи, и покойнаго короля Эдуарда, когда онъ былъ принцемъ валлійскимъ, являвшихся въ судъ для свидѣтельскихъ показаній?“

Мы не принадлежимъ къ націоналистамъ. Это не мѣшаетъ намъ, конечно, понимать націонализмъ, какъ идею и какъ политическое теченіе. Но понять современный русскій правящій и торжествующій націонализмъ рѣшительно невозможно. Или, вѣрнѣе, его невозможно понять, если прилагать къ нему мѣрки политическихъ воззрѣній и идеаловъ. И, напротивъ, онъ дѣлается совершенно яснымъ и понятнымъ, если отбросить всякія мечты и мысли о націонализмѣ, какъ созидающемъ началѣ, и смотрѣть на него, какъ на теченіе искоренительно-полицейское.

Находясь въ Парижѣ, товарищъ министра народнаго просвѣщенія Шевяковъ имѣлъ бесѣду съ сотрудникомъ газеты „Matin". „Я пріѣхалъ—заявилъ г. Шевяковъ—съ цѣлью представить на одобреніе вашего министра народнаго просвѣщенія очень интересующій насъ проектъ. Мы рѣшили посылать ежегодно 20 нашихъ лучшихъ студентовъ для пополненія образованія во Францію. Безъ сомнѣнія, нашихъ соотечественниковъ весьма много во французскихъ университетахъ, но это не то, что намъ нужно. Мы хотимъ основать школу, аналогичную французскимъ школамъ въ Римѣ и въ Аѳинахъ. Наши стипендіаты будутъ посылаться на три года и будутъ получать по 5.000 фр. въ годъ. По возвращеніи въ Россію стипендіаты будутъ подвергаться особымъ экзаменамъ, а затѣмъ займутъ университетскія каѳедры". На вопросъ, почему парижскіе стипендіаты будутъ изучать только право, г. Шевяковъ отвѣтилъ: „Мы хотимъ взять у каждой націи наилучшее. Для филологическихъ наукъ мы предполагаемъ посылать стипендіатовъ въ Берлинъ, гдѣ мною положены уже основы для такого учрежденія".

Итакъ, начало возврата къ тому, что, казалось бы, Россія давно переросла, положено. Снова возвращаются времена насажденія чужой, западной науки. Аналогія предположенной русской школы въ Парижѣ и французскихъ—въ Римѣ и Аѳинахъ есть, конечно, только фраза, сказанная для оправданія задуманнаго дѣла въ глазахъ собесѣдника-француза. Правда проскользнула въ другихъ словахъ г. Шевякова: „нашихъ соотечественниковъ весьма много во французскихъ университетахъ, но это не то, что̀ намъ (министерству П. А. Столыпина, держащемуся лозунга: „Россія для русскихъ"!) нужно". То—убѣжавшіе отъ „насъ", то—студенты, которыхъ мы, во имя „нашего" націонализма и полицейскаго благополучія, не пускаемъ въ „наши" университеты. А „намъ" нужны „лучшіе" студенты—будущіе профессора. „Намъ" нужны ученые, воспитанные на чужой почвѣ, оторванные отъ русской жизни и забывшіе родную дѣйствительность. „Намъ" нужна „облагонадеженная" теоретизмомъ наука. „Намъ" нуженъ отвѣтъ на разгромъ московскаго университета. Если же въ результатѣ не станетъ русской науки права, то это „насъ"—русскихъ торжествующихъ націоналистовъ—не тревожитъ. Тѣмъ выше поднимется „нашъ", министерскій авторитетъ!..

Г. Кассо—инородецъ по происхожденію и, насколько извѣстно, получилъ университетское образованіе за границей. Революціонные годы застали его на профессорской каѳедрѣ въ харьковскомъ университетѣ. Его товарищи по профессурѣ были поражены тогда, что не только въ ихъ средѣ, но вообще въ большомъ городѣ, могъ оказаться образованный человѣкъ, съ абсолютнымъ индифферентизмомъ отнес-

шійся къ охватившему всѣхъ, отъ мала до велика, движенію. Г. Кассо не примкнулъ ни къ правымъ, ни къ лѣвымъ. Онъ просто не интересовался политикой. По его идеалу, очевидно, профессоръ долженъ быть такимъ, чуждымъ жизни человѣкомъ. Инородцемъ сдѣлать русскаго нельзя. Но попытаться вытравить изъ него способность болѣть душой за русскую дѣйствительность — можно. И г. Кассо рѣшилъ такую попытку сдѣлать. А въ глазахъ г. Столыпина примѣръ г. Кассо показалъ, что индифферентизмъ къ политикѣ не препятствуетъ профессору, на посту министра, отдаться со всѣмъ пыломъ „истинно-русской“ искоренительной борьбѣ съ крамолой... Въ далекія, „доконституціонныя“ времена гр. Д. А. Толстого, эксперименту заграничнаго воспитанія особой породы людей для преподавательской дѣятельности подвергалась средняя школа. Экспериментъ далъ плоды: „человѣкъ въ футлярѣ“ надолго сталъ типомъ учителя гимназіи. Въ „обновленномъ“ строѣ готовится такой же экспериментъ для школы высшей. Средство испытанное!..

Варшавская судебная палата исключила изъ присяжной адвокатуры извѣстнаго присяжнаго повѣреннаго С. А. Патека. Въ Варшавѣ нѣтъ адвокатской корпоративной организаціи, нѣтъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, и функціи дисциплинарнаго надзора за присяжными повѣренными тамъ лежатъ на коронномъ судѣ. Но въ отношеніи С. А. Патека высшая дисциплинарная мѣра принята не первой инстанціей—окружный судъ не усмотрѣлъ нарушенія адвокатской этики въ взведенныхъ на него обвиненіяхъ, — а судебной палатой, въ качествѣ инстанціи апелляціонной. Права апелляціонной инстанціи принадлежатъ палатѣ и тамъ, гдѣ учреждены совѣты. А потому исключеніе С. А. Патека ни въ какомъ случаѣ нельзя относить на счетъ отсутствія въ Варшавѣ сословной адвокатской организаціи. Подобный фактъ могъ и можетъ имѣть мѣсто вездѣ.

С. А. Патекъ пріобрѣлъ извѣстность, какъ политическій защитникъ. Въ 1905—1907 гг., когда политическіе процессы внезапно стали изъ крайне рѣдкаго у насъ явленія явленіемъ повседневнымъ, когда сотнями въ мѣсяцъ сыпались смертные приговоры, во многихъ судебныхъ округахъ сами собою образовались группы присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, которые добровольно взяли на себя тяжелую обязанность выступать, преимущественно въ военномъ судѣ, по политическимъ дѣламъ. Ни о какихъ гонорарахъ, не только баснословныхъ, но и грошевыхъ, здѣсь, конечно, не могло быть рѣчи. Защитникамъ самимъ нерѣдко приходилось помогать подсудимымъ и ихъ семьямъ. Причиной образованія такихъ группъ была потребность въ

спеціализаціи. Было вновѣ примѣненіе уголовнаго уложенія 1903 г.; адвокатамъ понадобились знанія изъ области военно-уголовнаго права. Конечно, сюда привходили и моменты идейно-политическіе, но не они занимали первое мѣсто. Подобная группа образовалась и въ Варшавѣ. С. А. Патекъ въ нее вступилъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ трепалъ свои нервы, спасая людей отъ веревки и правосудіе—отъ судебныхъ ошибокъ. За эту свою дѣятельность онъ и лишенъ теперь званія присяжнаго повѣреннаго.

Уже и раньше надъ г. Патекомъ висѣла угроза исключенія. Въ его рѣчи, сказанной въ виленскомъ военно-окружномъ судѣ по извѣстному безданскому дѣлу, разсматривавшемуся при закрытыхъ дверяхъ, присутствовавшій въ публикѣ жандармскій офицеръ усмотрѣлъ не то возбуждающій призывъ, не то оскорбленіе кого-то или чего-то. Судъ ничего преступнаго въ рѣчи защитника не замѣтилъ, но привычное къ сыску жандармское ухо услышало преступленіе, и этого оказалось достаточно для возбужденія дисциплинарнаго производства. Тогда, однако, ни первая инстанція, ни вторая не нашли въ словахъ г. Патека повода для дисциплинарнаго взысканія. Теперь поводомъ для его исключенія послужилъ процессъ о нѣкоемъ Марвицѣ и другихъ, обвинявшихся въ принадлежности къ „лѣвицѣ“ польской соціалистической партіи. Процессъ разсматривался въ маѣ 1910 г., въ Радомѣ. Г. Патекъ былъ въ числѣ защитниковъ. Главнымъ свидѣтелемъ обвиненія былъ оговорщикъ изъ каторжниковъ Бартосъ, осужденный въ 1909 г. По дѣлу, по которому осужденъ Бартосъ, однимъ изъ защитниковъ былъ тоже г. Патекъ. Допрашивая Бартоса въ качествѣ свидѣтеля, прокуроръ задалъ ему вопросъ, почему онъ на процессѣ, по которому былъ приговоренъ къ каторгѣ, отказался отъ показаній, данныхъ при дознаніи? На это Бартосъ отвѣтилъ, что такъ ему посовѣтовалъ адвокатъ. На вопросъ же, кто этотъ адвокатъ?— сказалъ, что не помнитъ. Мѣсяцъ спустя, для возстановленія дефекта памяти Бартоса, было произведено дознаніе, и онъ „вспомнилъ“ то, чего не помнилъ въ присутствіи г. Патека: что совѣтъ измѣнить показаніе ему далъ г. Патекъ. Кромѣ этого основного обвиненія, судебная палата вмѣнила въ вину С. А. Патеку устройство бюро защиты по политическимъ дѣламъ и оказываніе матеріальной помощи политическимъ ссыльнымъ и эмигрантамъ, а также то, что въ его канцеляріи кто-то, но не онъ, давалъ совѣты подсудимымъ по жирардовскому дѣлу измѣнить показанія, данныя на предварительномъ слѣдствіи (см. „Русскія Вѣдомости“, № 114).

Въ октябрьской книгѣ „Вѣстника Европы“ за прошлый годъ мы писали о тѣхъ оговорщикахъ-смертникахъ и каторжникахъ, которыхъ породила система помилованія за оговоръ и которые, противополагая себя

честнымъ людямъ, сами пришпилили себѣ наименованіе „честныхъ провокаторовъ“. Новое въ дѣлѣ прис. повѣр. Патека—то, что „честные провокаторы“ стали изобличителями и своихъ защитниковъ. По оговору Бартоса, варшавская судебная палата вошла въ оцѣнку интимнѣйшаго вопроса адвокатской этики. Она сбросила покровъ тайны, которою законъ ограждаетъ свиданія и разговоры защитника съ его подзащитнымъ. Она отдала защитниковъ во власть „честныхъ провокаторовъ“. Если сенатъ не отмѣнитъ рѣшенія палаты по дѣлу С. А. Патека, то для уголовной защиты наступитъ новая, доселѣ невѣдомая пора. Между защитникомъ и подзащитнымъ будетъ стѣна, худшая даже чѣмъ обязательное присутствіе при ихъ свиданіяхъ товарища прокурора или начальника тюрьмы. А много ли надежды на сенатъ?..

Перваго мая, при проводахъ тѣла скончавшагося писателя А. И. Коновалова, у часовни финляндскаго вокзала произошло столкновеніе между членомъ Думы Е. П. Гегечкори и жандармскимъ полковникомъ Базаревскимъ. Суть столкновенія, по явно оффиціозной версіи „Новаго Времени“, состояла въ томъ, что жандармы, по приказанію г. Базаревскаго, „вывели“ г. Гегечкори „подъ руки“ изъ часовни во дворъ. Поводомъ, по словамъ той же замѣтки, послужило то, что „въ особенности вызывающе держалъ себя стоявшій впереди толпы брюнетъ съ двумя красными гвоздиками въ петлицахъ пальто, оказавшійся впослѣдствіи членомъ Г. Думы Е. Гегечкори“. Въ чемъ выразилось „въ особенности вызывающее“ поведеніе г. Гегечкори — замѣтка умалчивала. Самъ г. Гегечкори и въ печати, и въ Думѣ, заявлялъ, что онъ „въ этотъ день былъ безъ пальто, и сознательно, чтобы не подавать повода къ придиркамъ со стороны полиціи, вовсе неимѣлъ гвоздики“. Г. Гегечкори потребовалъ составленія протокола, а такъ какъ г. Базаревскій исполнить это его требованіе отказался, то сообщилъ о происшедшемъ по телеграфу министру внутреннихъ дѣлъ.

Мы живо помнимъ то засѣданіе первой Думы, которое началось заявленіемъ г. Сѣдельникова о насиліи, которому онъ подвергся наканунѣ со стороны городового. Дума, слушая г. Сѣдельникова, негодовала. Въ тотъ моментъ въ Думѣ не было партій. Въ сознаніи всѣхъ было одно: нарушенное достоинство члена Думы, депутатская неприкосновенность, величіе званія народнаго избранника. И это сознаніе, охватившее первую Думу, раздѣлялъ съ нею министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Столыпинъ. Съ момента происшествія прошло всего нѣсколько часовъ, но онъ уже былъ освѣдомленъ о всѣхъ подробностяхъ. Онъ явился въ Думу и немедленно вслѣдъ за заявле-

ніемъ г. Сѣдельникова представилъ Думѣ объясненія. Черезъ пять лѣтъ „конституціонной“ практики, случай съ Е. П. Гегечкори предметомъ сужденій Думы вовсе не былъ. Дума лишь 12-го мая выслушала его заявленіе—и не объ учиненномъ надъ нимъ насиліи, а о письмѣ, которое онъ получилъ въ отвѣтъ на телеграмму П. А. Столыпину. Предсѣдателю Думы пришлось прибѣгнуть къ угрозѣ удаленіемъ изъ засѣданія гг. Володимірова, Замысловскаго и Тимошкина, чтобы г. Гегечкори, хотя съ большимъ трудомъ, могъ огласить письмо. Конечная фраза письма о выговорѣ, объявленномъ полк. Базаревскому за отказъ составить протоколъ, вызвала крикъ съ депутатскихъ скамей: „напрасно!“. Что же удивляться, что П. А. Столыпинъ и въ мысляхъ не имѣлъ лично придти для объясненій въ Думу,—что онъ ограничился „приказаніемъ“ штабу корпуса жандармовъ написать письмо Е. П. Гегечкори,—что форма и содержаніе этого письма, по справедливому замѣчанію Е. П. Гегечкори, ясно обнаруживали желаніе авторовъ „поиздѣваться“ надъ нимъ!..

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I. — Отъ Высочайше учрежденной Коммиссіи по постройкѣ памятника А. С. Пушкину въ С.-Петербургѣ.

Состоящая при Императорской Академіи Наукъ Высочайше учрежденная Коммиссія по постройкѣ памятника А. С. Пушкину въ С.-Петербургѣ, желая наглядно ознакомить русское общество съ задачами проектируемаго ею Пушкинскаго Дома и имѣя въ виду усилить средства на сооруженіе его, устраиваетъ въ Москвѣ, съ 1 декабря 1911 г. по 1 февраля 1912 г., выставку, посвященную исторіи жизни и творчества русскихъ писателей XIX вѣка. На выставкѣ этой будутъ представлены выдающіеся дѣятели на поприщѣ русскаго художественнаго слова, критики и публицистики отъ Державина до Чехова включительно.

Программа выставки намѣчена въ слѣдующихъ чертахъ:

I. Портреты: писателей, критиковъ и публицистовъ, въ разные періоды ихъ жизни; лицъ имъ близкихъ и крупнѣйшихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей ихъ времени.

II. Скульптура.

III. Картины: 1) Писатели въ семейномъ кругу или въ иной обстановкѣ,—современныя и позднѣйшія; 2) Мѣстности, связанныя съ именами писателей; 3) Могильные памятники.

IV. Рукописи.

V. Экземпляры современныхъ каждому писателю изданій его сочиненій въ современныхъ же обложкахъ и переплетахъ.

VI. Иллюстраціи къ произведеніямъ.

VII. Каррикатуры.

VIII. Вещи, принадлежавшія писателямъ.

IX. Театръ (типичные представители различныхъ эпохъ его развитія).

X. Миніатюры (какъ иллюстрація костюмовъ эпохи).

XI. Виньетки изданій 1810—1840-хъ годовъ.

Принявъ на себя порученіе Коммиссіи организовать Комитетъ по устройству упомянутой выставки, я обращаюсь отъ лица Коммиссіи и Комитета выставки ко всѣмъ лицамъ, которыя сочувствуютъ задачамъ предположенной выставки, съ просьбою придти на помощь присылкою предметовъ, подходящихъ къ программѣ ея, или же указаніемъ на то, гдѣ таковые находятся.

По всѣмъ вопросамъ, связаннымъ съ устройствомъ выставки, можно обращаться до 1 октября 1911 г.: 1) въ С.-Петербургѣ въ Высочайше учрежденную Коммиссію по постройкѣ памятника А. С. Пушкину; 2) въ Москвѣ, къ Алексѣю Александровичу Бахрушину (Лужнецкая у., свой домъ); 3) въ Одессѣ, къ профессору Императорскаго Новороссійскаго университета Борису Васильевичу Варпеке; 4) въ Казани, къ профессору Императорскаго Казанскаго университета Нестору Мемноновичу Петровскому; 5) въ Симбирскѣ, къ директору гимназіи Борису Николаевичу Некрасову; 6) въ Саратовѣ, къ директору Радищевскаго Музея Петру Николаевичу Боеву; 7) въ Орлѣ, къ кн. Константину Владиміровичу Кекуатову, и 8) въ Харьковѣ, къ редактору газеты „Утро“, Анатолію Андреевичу Жмудскому, а послѣ 1 октября 1911 г. исключительно къ Алексѣю Александровичу Бахрушину.

Членъ Коммиссіи А. Бахрушинъ.

II.—Отъ С.-Петербургскаго Фрёбелевскаго Общества для содѣйствія первоначальному воспитанію.

Совѣтъ С.-Петербургскаго Фрёбелевскаго Общества постановилъ объявить конкурсъ на соисканіе преміи Общества за лучшій разсказъ для дѣтей *до-школьнаго возраста* на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Разсказъ предназначается для дѣтей отъ *четырехъ* до *семи* лѣтъ. 2) По простотѣ изложенія и замысла разсказы должны быть вполнѣ доступны дѣтямъ этого возраста. Поддѣлка подъ дѣтскій языкъ не допускается. 3) Объемъ разсказа долженъ быть не болѣе одного печатнаго листа. 4) За лучшій разсказъ — будетъ выдана премія въ размѣрѣ *пятисотъ* рублей. 5) Первое изданіе премированнаго разсказа принадлежитъ Обществу и печатается имъ въ количествѣ *десяти тысячъ* экземпляровъ. 6) Срокомъ представленія рукописей назначается 1 октября 1911 года. 7) Рукописи должны быть безъ имени автора, но съ девизомъ; имя автора, а также адресъ его должны заключаться въ особомъ, приложенномъ къ рукописи, запечатанномъ конвертѣ съ тѣмъ же девизомъ. Рукописи, не удовлетворяющія условію, изложенному въ этомъ пунктѣ, на конкурсъ не допускаются. 8) Рукописи слѣдуетъ доставлять въ Канцелярію Совѣта (С.-Петербургъ, Эртелевъ пер., № 12). 9) О результатѣ конкурса, который предполагается въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1912 года, будетъ объявлено тогда же въ наиболѣе распространенныхъ газетахъ. 10) Рукописи, не удостоенныя преміи, можно будетъ получать обратно въ теченіе *двухъ мѣсяцевъ* по объявленіи о результатахъ конкурса. По истеченіи этого срока рукописи, не взятыя авторами, подлежатъ уничтоженію. Возвращеніе рукописей по почтѣ Совѣтъ на себя не принимаетъ.

III.—Отъ Особаго Комитета по Высочайше разрѣшенной всероссійской подпискѣ на памятникъ педагогу Константину Дмитріевичу Ушинскому.

Россія будетъ строить свой первый народный педагогическій памятникъ. Повсемѣстно съ глубокимъ уваженіемъ будетъ вспоминаться имя стойкаго борца за народную школу, за нравственно свободнаго учителя, за педагогическую науку. Среди тьмы народнаго невѣжества и борьбы мелкихъ страстей повсюду прозвучитъ завѣтъ К. Д. Ушинскаго „сдѣлать дѣтей нашихъ лучше насъ“, и быть можетъ дѣйствительно придетъ то время, когда потомки наши, по словамъ Ушинскаго, будутъ съ удивленіемъ вспоминать, какъ мы долго пренебрегали дѣломъ воспитанія и какъ много страдали отъ этой небрежности. Возбуждая вѣру въ будущее русской педагогической науки, положивъ первый фундаментъ нашей педагогической психологіи и горячо выясняя необходимость широкаго антропологическаго образованія для педагоговъ, Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій оставилъ глубокій слѣдъ въ исторіи нашего просвѣщенія. Его основныя мысли о воспитаніи стали такъ же близки сердцу всѣхъ кто думаетъ о будущемъ нашей родины, какъ еще до сихъ поръ близко сердцу нашихъ дѣтей его „Родное Слово“. Родина теперь должна открыто и громко признать славу своего великаго сына. Памятникъ Ушинскому наглядно покажетъ, какъ дороги русской землѣ его завѣты.

Надо вѣрить, что недостатокъ пожертвованій не заставитъ надолго откладывать осуществленіе этого дѣла. Всенародный памятникъ Ушинскому будетъ вѣчнымъ символомъ нашей вѣры въ силу просвѣщенія.

Этотъ памятникъ долженъ быть живымъ и пробуждающимъ жизнь. Подъ его сѣнью должна рости педагогическая работа и зрѣть научная мысль.

Пожертвованія принимаются Комитетомъ (Спб., Педагогическая Академія, Лиговская д. 1), а также въ редакціи журнала „Вѣстникъ Европы“.

Предсѣдатель: почетный-президентъ Педагогической Академіи генералъ отъ инфантеріи А. Н. Макаровъ; товарищи предсѣдателя: президентъ Педагогической Академіи членъ Государственнаго Совѣта профессоръ А. В. Васильевъ; членъ Государственнаго Совѣта профессоръ М. М. Ковалевскій; членъ Комитета профессоръ Женскаго Медицинскаго Института В. И. Вартановъ; секретарь: вице-президентъ Педагогической Академіи профессоръ А. П. Нечаевъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ШЕСТАЯ.—ІЮНЬ.

СТРАН.

АНГЛІЙСКАЯ ГЕЛІОГРАВЮРА: А. Н. ОСТРОВСКІЙ.

I. ЮНОСТЬ.—Романъ.—XXVI-XXXIV.—**Евгенія Чирикова** . 3

II. СТИХОТВОРЕНІЯ.—I-IV.—**О. П.** 57

III. ИЗЪ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННАГО НАСТРОЕНІЯ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.—„Колоколъ“ 1857-1861.—I-VII.—**Нестора Котляревскаго** . . . . . .

IV. КИРА БАРСЮКОВА.—Повѣсть.—VIII-X.—**Ивана Странника** 85

V. СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. На тихомъ берегу.—II-III.—**Т. Е—ко.** 122

VI. ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.—V-VI.—**Е. Ѳ. Юнге** . . . 124

VII. МГНОВЕНІЯ.—I-II.—**Валеріана Тарноградскаго** . . 144

VIII. КОСТЮМЫ ПРЕДМЕТОВЪ ПРИРОДЫ.—**Ев. Федорова.** . 146

IX. МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА ПРЕДЪ ЛИЦОМЪ БУДУЩАГО.—Женщины-врача **Е. Дрентельнъ** 158

X. Л. Н. ТОЛСТОЙ И ДУШЕВНО-БОЛЬНЫЕ.—**Е. А. Геника** . 181

XI. УЗУРПАТОРЪ.—Романъ Уильяма Дж. Лока.—IX-XIII.—Перев. съ англ. **З. Журавской** 200

XII. ЖЕНСКІЕ ТИПЫ ПУШКИНА. **Е. Щепкиной** 243

XIII. Хроника.—ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.—Наша желѣзнодорожная политика.—**Л. Юровскаго** 253

XIV. НОВЫЯ ЗЕМСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ О ХУТОРСКОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ КРЕСТЬЯНЪ.—**И. Краснoперова** 267

XV. НА ХОДУ ПОѢЗДА.—Письмо изъ Италіи.—**Мих. Осоргина** 274

XVI. ПИСЬМО ИЗЪ МАДРИДА.—**А. Деренталя** 290

XVII. НОВОЕ НАЧИНАНІЕ ВЪ ОБЛАСТИ МУЗЫКАЛЬНАГО ОБРАЗОВАНІЯ НАРОДА.—**Григорія Тимофеева** 309

XVIII. ПАН-АМЕРИКАНСКІЕ И ВСЕСЛАВЯНСКІЕ СЪѢЗДЫ.—**А. Погодина** 314

XIX. ПЕРВАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ XX-го ВѢКА.—„The Encyclopedia Britannica“.—**К. А. Тимирязева** 320

XX. А. Н. ОСТРОВСКІЙ.—2 іюня 1886—2 іюня 1911.—**Ч. Вѣтринскаго** 325

XXI. КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.—**С. А. Адріанова** 332

XXII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Д. С. Мережковскій. Полное собраніе сочиненій. Т. I.—**Н. Л.**—О. Н. Ольнемъ. Безъ иллюзій. Разсказы.—**Е. Колтоновской.**—М. Колчинъ. Ссыльные и заключенные въ острогахъ Соловецкаго монастыря въ XVI-XIX вв. Историч. очеркъ, съ предисловіемъ А. С. Пругавина.—**Владимира Бончъ-Бруевича.**—Сборникъ статей, посвященныхъ С. Ѳ. Платонову.—**И. Бороздина.**—Изданія Сенатскаго Архива: 1) „Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Сенат. Архивѣ“. 6 вып., 1909—1911; 2) „Сенатскій Архивъ“, т. XIII и XIV, 1909—1910.—**А. Прѣснякова.**—„Матеріалы по крѣ-

СТРАН.

постному праву". Саратовская губернія. — **Д. К.** — Проф. Л. І. Петражицкій. Акціи, биржевая игра и теорія экономическихъ кризисовъ. Т. І.—**П. Михайлова.**—Н. Огановскій. „Очерки по исторіи земельныхъ отношеній въ Россіи".—**В. В.**—Петръ Масловъ. Теорія развитія народнаго хозяйства. Введеніе въ соціологію и политическую экономію. — **Ник. Гиммера.**—Альфредъ Руссель Уоллесъ. „Дарвинизмъ. Изложеніе теоріи естественнаго подбора и нѣкоторыхъ изъ ея приложеній". Перев. проф. М. А. Мензбира.—**А. Щ.**—Новыя книги и брошюры . . 340

XXIII. НОВАЯ ПОПЫТКА НАУЧНОЙ РЕФОРМЫ ПРАВОВѢДѢНІЯ.— **Л. З. Слонимскаго** 365

XXIV. ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Что читаетъ провинція.— Г-жа Вербицкая въ роли первоклассной писательницы. — Новый классъ читателей. — Желтая пресса. — Мозаика провинціальной жизни.— „Ревизіи" нижегородскаго губернатора Хвостова.—Темпераментъ генерала Думбадзе.—Красные платки въ Харьковѣ.— „Чистка" третьяго элемента въ вятскомъ земствѣ. — Стрѣльба стражниковъ въ автомобиль около Лодзи.—Снисходительный судъ надъ истязателями.—„Сочинитель" изъ „Россіи".—**И. В. Жилкина** 369

XXV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Окончаніе четвертой сессіи третьей Государственной Думы.—Такъ называемая „русская политика".— Ретроспективный свѣтъ, бросаемый на нее словами Владиміра Соловьева.—Націоналисты и націонализмъ.—Новый оберъ-прокуроръ св. синода.—Циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ.— Преграда, встрѣченная однимъ изъ важнѣйшихъ законопроектовъ. 381

XXVI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Новое выступленіе нашей дипломатіи.—Оффиціальное сообщеніе о турецкихъ дѣлахъ.—Странная двойственность въ нашей внѣшней политикѣ.—Министерская катастрофа во Франціи.—Карьера Берто.—Марокская экспедиція и ея результаты.—Нѣмецкія и британскія дѣла. 395

XXVII. ВАСИЛІЙ ОСИПОВИЧЪ КЛЮЧЕВСКІЙ †. — **Максима Ковалевскаго**. 406

XXVIII. КОНСТАНТИНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ФОФАНОВЪ †.—**Е. Колтоновской.** 411

XXIX. ВЫСШЕЕ ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ. — **Максима Ковалевскаго** 416

XXX. ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. — Дѣло Рейнбота въ Москвѣ и дѣло Вонлярлярскихъ въ Петербургѣ.—Учрежденія или люди?—„Растрата власти" и „должностной шантажъ". — Спекуляція на „связи".—Ген. Клейгельсъ и судъ.—Попытка облагонадежить науку и создать „новую породу" профессоровъ.—Расправа съ адвокатомъ при содѣйствіи „честнаго провокатора".—Насиліе надъ членомъ Думы въ 1906-мъ году и въ 1911-мъ 425

XXXI. ИЗВѢЩЕНІЯ.—I-III 438

XXXII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 443

XXXIII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

НОВОСТЬ

духи, о-де-колонъ

Адорабль

пріятный нѣжный и стойкій запахъ.

Т-во парф. фабр. С. И. ЧЕПЕЛЕВЕЦКІЙ съ С-ми.

МОСКВА.

МНѢНІЕ НАУКИ

О ГИЛЬЗАХЪ КАТЫКА.

Торговымъ Домомъ А. КАТЫКЪ и К° представлены гильзы своей фабрики для испытанія, не содержитъ-ли бумага какихъ либо вредныхъ для здоровья веществъ. При химическомъ изслѣдованіи бумаги, а также продуктовъ горѣнія таковой, никакихъ вредныхъ для здоровья веществъ не обнаружено, причемъ установлено, что бумага состоитъ исключительно изъ растительной клѣтчатки.

Завѣдывающій лабораторіей инженеръ-химикъ А. ШТАНГЕ.

Химико-аналитическая и бактеріологическая лабораторія высочайше утвержденнаго Россійскаго Фармацевтическаго Общества. Москва 21 февраля 1907 г.

Требуйте ТОЛЬКО ГИЛЬЗЫ КАТЫКА!

БИРЖА

Всѣ порученія по покупкѣ на биржѣ процентныхъ и дивидендныхъ бумагъ и всѣ банковыя операціи для кліентовъ провинціи скоро и добросовѣстно выполняетъ

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ЗАХАРІЙ ЖДАНОВЪ и К°

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, Невскій пр., 45.

Отвѣты съ первою почтою. Проспекты по всѣмъ операціямъ высылаются, по требованію, **БЕЗПЛАТНО.**

ГОДЪ ИЗДАНІЯ СОРОКЪ ШЕСТОЙ

„АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ“

будетъ выходить въ 1911 году подъ прежней редакціей и при томъ же составѣ постоянныхъ сотрудниковъ.

„АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ“—газета прогрессивнаго направленія, независимая отъ какихъ-либо партій или кружковъ. При всѣхъ измѣнчивыхъ условіяхъ послѣднихъ лѣтъ, газета не отступала отъ своихъ руководящихъ началъ и выдержала ихъ послѣдовательно, устойчиво и твердо.

„АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ“ стремится содѣйствовать проведенію въ жизнь началъ гражданской свободы, равноправія и терпимости, отстаиваетъ улучшеніе быта трудящихся классовъ и стоитъ за развитіе всѣхъ видовъ народной производительности, какъ основы экономическаго благосостоянія государства и его населенія.

„АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ“, какъ и раньше, будетъ дѣятельно и внимательно служить интересамъ своей области и города, выясняя ихъ нужды, указывая потребности населенія и способы удовлетворенія таковыхъ, содѣйствовать изученію малообслѣдованнаго нашего края, отмѣчать его административныя и общественныя неустройства и предлагать мѣры ихъ устраненія.

„АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ“ расходится въ большемъ количествѣ экземпляровъ, чѣмъ всѣ остальныя мѣстныя газеты, взятыя вмѣстѣ.

Выходя въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ (отъ 6 до 10 страницъ ежедневно), „Астраханскій Листокъ“ отводитъ мѣсто, между прочимъ, слѣдующимъ отдѣламъ:

1) **Передовыя статьи** по вопросамъ внѣшней и внутренней политики, по формѣ изложенія доступныя пониманію малообразованныхъ читателей. 2) **Телеграммы** агентскія, собственныхъ корреспондентовъ и спеціальныя. 3) **Административныя новости**, съ сообщеніями о дѣятельности высшихъ органовъ управленія, проектахъ и событіяхъ въ правящихъ сферахъ. 4) **Государственная Дума**—лѣтопись русскаго народнаго представительства: корреспонденціи изъ Госуд. Думы (собственный корреспондентъ), парламентскіе очерки, характеристики депутатовъ и т. п. 5) **Обзоръ печати**—гдѣ приводятся мнѣнія главнѣйшихъ органовъ печати по текущимъ вопросамъ политики и общественной жизни. 6) **Среди трудящихся**—гдѣ сообщается о ходѣ рабочаго вопроса въ Россіи и въ нашемъ краѣ. 7) **Мѣстная лѣтопись**—въ которой печатаются статьи по мѣстнымъ общественнымъ и административнымъ дѣламъ, отчеты о собраніяхъ, разныя новости мѣстной жизни, свѣдѣнія о происшествіяхъ и т. п. 8) **Корреспонденціи**—преимущественно изъ уѣздовъ астраханской губ. 9) **Судебная хроника**—отчеты о важнѣйшихъ судебныхъ процессахъ, списки дѣлъ, назначенныхъ къ разбору въ мѣстныхъ судахъ, резолюціи судебныхъ учрежденій и т. п. 10) **Фельетоны**—разсказы, повѣсти, статьи популярно-научныя, историческія, и т. п. Разъ или два въ недѣлю большой фельетонъ общественно-политическій, и ежедневно отъ одного до трехъ маленькихъ—на злобы дня. 11) **Торговля и промыселъ**—этотъ отдѣлъ даетъ полную картину торгово-промышленной жизни края, содержа множество свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ мѣстной коммерціи, съ періодическими обзорами состоянія рынковъ, промысловъ и пр. **Особенное вниманіе удѣляется рыбному дѣлу.** 12) **Наука и практика**—статьи по разнымъ отраслямъ научнаго знанія и практическія свѣдѣнія по разнымъ отраслямъ техники и технологіи. 13) **Сельское хозяйство**—статьи, относящіяся до мѣстной сельско-хозяйственной и рыбной промышленности. 14) **Домоводство, Медицина, Гигіена**—статьи и замѣтки по домашнему хозяйству, гигіенѣ и медицинѣ.

Объявленія изъ губерній: нижегор., казанск., симбир., самарск. и сарат. и изъ Закаспійскаго Края и Кавказа, а также объявленія казенныя, банкирск. конторъ, жел. дорогъ и газетныя принимаются непосредственно конторою редакціи (Малая Демид., соб. д.), всѣ же прочія исключительно Центральною конторою Л. и Э. Метцль и К° (Москва, Мясницк., д. Сытова). Плата за объявленія со строки петита: передъ текстомъ 20 коп., послѣ текста 10 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ: 1 годъ—**7** руб. **50** коп., 1/2 года—**3** руб. **75** коп. 3 мѣс.—**2** руб., 1 мѣс.—**1** руб.

Редакторъ-издатель **В. И. Склабинскій.**

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

А. И. Левитовъ. Собраніе сочиненій, съ портретомъ автора и критико-біографическимъ очеркомъ А. А. Измайлова. Книгоиздательство „Просвѣщеніе". Т. I. Ц. 1 руб.

Новое собраніе сочиненій далеко не забытаго, но все же недостаточно извѣстнаго широкой публикѣ А. И. Левитова является въ свѣтъ весьма кстати. А. А. Измайловъ, въ интересно и живо написанномъ критико-біографическомъ очеркѣ, совершенно правильно включаетъ Левитова въ составъ блестящей плеяды первыхъ беллетристовъ-народниковъ, конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ—обоихъ Успенскихъ, Слѣпцова, Рѣшетникова, Горбунова, Якушкина. Не совсѣмъ понятно для насъ лишь нѣсколько пренебрежительное отношеніе, высказываемое при этомъ, мимоходомъ, къ народникамъ второй фазы—народникамъ, въ ряды которыхъ почему-то зачисляется Потѣхинъ, выдвинувшійся разсказами изъ народной жизни раньше всѣхъ представителей перваго періода. Или, можетъ быть, г. Измайловъ имѣлъ въ виду не А. А., а Н. А. Потѣхина? Но послѣдній едва ли можетъ считаться писателемъ-народникомъ, да и дебюты его въ литературѣ совпадаютъ, по времени, съ дебютами Левитова. Напрасно также зачисленъ въ народники второй фазы А. И. Эртель, главныя права котораго на литературное имя коренятся, конечно, не въ картинахъ народнаго быта. Эти небольшія оговорки нимало, впрочемъ, не уменьшаютъ въ нашихъ глазахъ значенія работы г. Измайлова. Въ первомъ томѣ помѣщено шесть разсказовъ Левитова, между которыми еще нѣтъ лучшихъ его произведеній. Нельзя не пожалѣть, что не отмѣчено время появленія каждаго разсказа въ печати, тѣмъ болѣе, что о хронологіи произведеній Левитова нѣтъ свѣдѣній и въ очеркѣ г. Измайлова.

П. Ф. Гринкевичъ (П. Ф. Якубовичъ). Очерки русской поэзіи. Изданіе второе, журнала „Русское Богатство". Спб., 1911. Цѣна 1 р. 50 коп.

Въ этой книгѣ собраны критическіе этюды, въ разное время напечатанные покойнымъ Якубовичемъ въ „Русскомъ Богатствѣ". Самыя темы статей: „Пѣвецъ гуманной красоты" (Пушкинъ), „Муза мести и печали" (Некрасовъ), „Чудеса вседневнаго міра" (Фетъ), „На высотѣ" (Тютчевъ), „Пѣвецъ тревоги юныхъ силъ" (Надсонъ) свидѣтельствуютъ о томъ, что поэтъ-гражданинъ, становясь критикомъ, оставался, какъ и всегда, далекимъ отъ узкой тенденціозности. „По широтѣ и возвышенности воззрѣній на жизнь и на человѣка"—читаемъ мы, напримѣръ, въ первой изъ названныхъ статей,—„Пушкинъ не уступаетъ никому изъ міровыхъ геніевъ поэзіи, будетъ ли это Шекспиръ, Гёте или Байронъ. Шекспира по преимуществу интересовала психологія страстей, Гёте—ненасытность стремленія современнаго человѣка къ знанію, Байрона—идея политической свободы; Пушкинъ является пѣвцомъ человѣчности въ лучшемъ смыслѣ этого слова". Настоящимъ призваніемъ Фета было „открывать и передавать намъ поэзію окружающаго міра"—и это „непререкаемое его значеніе" должно быть признано и тѣми, кому „чужды и даже антипатичны его общественные идеалы". Величіе подобныхъ Тютчеву поэтовъ авторъ видитъ „въ горделивомъ пареніи надъ жизнью, надъ безсмертной пошлостью людской; этого паренія, правда, слишкомъ мало для торжества надъ пошлостью, но оно—первое и необходимое условіе побѣды". Что такой писатель, какъ Якубовичъ, глубоко сочувствовалъ Некрасову и Надсону — это разумѣется само собою. Въ обширной статьѣ: „Современныя миніатюры" соединены девятнадцать небольшихъ замѣтокъ о поэтахъ конца XIX-го и начала XX-го вѣка, пропикнутыхъ искреннимъ желаніемъ раскрыть и отмѣтить все сколько-нибудь цѣнное, все входящее въ область истинной поэзіи.

Третья Государственная Дума. Сессія 4-ая. Фракція народной свободы въ періодъ съ 15-го октября 1910 по 13-ое мая 1911 г. Отчетъ и рѣчи депутатовъ. Спб., 1911. Цѣна 50 коп.

Отчетъ фракціи народной свободы о дѣятельности ея въ третьей Государственной Думѣ появляется въ четвертый разъ, по прежнему бросая свѣтъ не только на эту фракцію, но, до извѣстной степени, и на всю Думу. Побѣды и пораженія фракціи тѣсно связаны съ общимъ характеромъ Думы: по роли меньшинства можно судить о направленіи и цѣлахъ большинства. Теперь, когда приближаются новые выборы, особенно важна возможность воздать каждому должное, опредѣлить права группъ и отдѣльныхъ лицъ на довѣріе избирателей. Чѣмъ ожесточеннѣе кампанія, которую ведутъ оффиціозы и полу-оффиціозы противъ партіи народной свободы, тѣмъ понятнѣе ея желаніе ознакомить широкіе круги общества съ тѣмъ, что она сдѣлала и что хотѣла сдѣлать. Форма отчета, съ этой точки зрѣнія, удобна именно своею объективностью: это—не оправданіе, не самовосхваленіе, а просто изложеніе фактовъ, легко поддающееся повѣркѣ. Нельзя не пожалѣть, что примѣру конституціонно-демократической фракціи не слѣдуютъ другія партійныя группы—за исключеніемъ, конечно, тѣхъ, которыя неминуемо встрѣтились бы при этомъ съ внѣшними препятствіями. Особенно интересны могли бы быть отчеты націоналистовъ и октябристовъ.

В. Чарнолуский. Земство и народное образованіе. Двѣ части. Спб., 1910 и 1911. Изд. товарищества „Знаніе". Цѣна каждой части 1 руб.

Имя автора, много потрудившагося на пользу народнаго образованія, служитъ ручательствомъ за интересъ этой книги. Она касается не только начальной земской школы, но и дошкольнаго и дополнительнаго образованія, земской высшей народной школы, общеобразовательной элементарной школы для взрослыхъ, земско-библіотечнаго дѣла, земской книжной торговли, земскаго издательства, подготовки учительскаго персонала и т. д. Особенно своевременно появленіе этой книги именно теперь, когда приближается введеніе всеобщаго начальнаго обученія. Широкое примѣненіе она получитъ, несомнѣнно, только тогда, когда обновится составъ земства и воскреснетъ прежнее отношеніе его къ дѣлу народнаго образованія.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ въ 1911 г.

(Сорокъ-шестой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ НАУКИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

издаваемый **М. М. КОВАЛЕВСКИМЪ**, подъ редакціей **К. К. АРСЕНЬЕВА**,

при ближайшемъ участіи:

И. В. ЖИЛКИНА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО, Н. А. КОТЛЯРЕВСКАГО, В. Д. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА, А. А. МАНУИЛОВА, Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКАГО, А. С. ПОСНИКОВА, М. А. СЛАВИНСКАГО, Л. З. СЛОНИМСКАГО и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

Кромѣ текста въ прежнихъ размѣрахъ, журналъ будетъ давать снимки съ портретовъ выдающихся дѣятелей и съ замѣчательныхъ художественныхъ произведеній.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:	По четвертямъ года:
Безъ доставки, въ Конторахъ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ и Москвѣ, съ доставкою.	16 » — »	8 » — »	4 » — »
Въ друг. городахъ, съ перес.	17 » — »	8 » 50 »	4 » 25 »
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 » — »	9 » 50 »	4 » 75 »

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

въ Главной Конторѣ журнала, Моховая, 37; въ книжныхъ магазинахъ: М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28; К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфъ, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

ВЪ КІЕВѢ:

въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

въ Отдѣленіи Конторы журнала: Большая Никитская, д. 5, въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

въ книжн. магаз. «Образованіе», Ришельевская, 12; въ книжн. магаз. «Одесскихъ Новостей», Дерибасовская, 20; въ книжн. магаз. «Трудъ», Дерибасовская, 25.

ВЪ ВАРШАВѢ:

въ книжномъ магазинѣ «С.-Петербургскій Книжный Складъ» Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе.—1) Почтовый адресъ долженъ быть написанъ четко и заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію и точное названіе мѣста жительства и губерніи; если въ мѣстѣ жительства подписчика *нѣтъ почтоваго учрежденія, гдѣ допускается выдача журналовъ, необходимо указать ближайшее почтовое учрежденіе, гдѣ таковая выдача производится.*—2) Перемѣна адреса должна быть сообщена Главной Конторѣ журнала *не позже 26-го числа каждаго мѣсяца, съ указаніемъ прежняго адреса;* перемѣна адреса, поступившая въ Контору послѣ 26-го, дѣлается лишь со слѣдующаго очередного номера. За перемѣну адреса городского на иногородный уплачивается одинъ рубль; въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный, иногороднаго на городской) за перемѣну адреса никакой платы не взимается.—3) Жалобы на неисправность доставки посылаются исключительно въ Главную Контору журнала и, согласно циркуляру Почтоваго Департамента, *не позже полученія слѣдующей книжки журнала.* Жалобы, поступившія позже этого срока, равно какъ и жалобы на неполученіе книжки, *вслѣдствіе несвоевременнаго заявленія о перемѣнѣ адреса,* оставляются Конторою безъ вниманія.—4) При доплатной подпискѣ необходимо указывать свой точный адресъ и фамилію, а также и *прежній адресъ,* если предшествовавшая взносу книжка получалась подписчикомъ по иному адресу.—5) Подписныя квитанціи высылаются Главною Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. (можно и почтовыми марками).

РЕДАКЦІЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Моховая, 37.

МОСКОВСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ: Б. Никитская, 5.